

56
342

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

33

1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ДК
56
—
В42

Византийский временник

Том 33

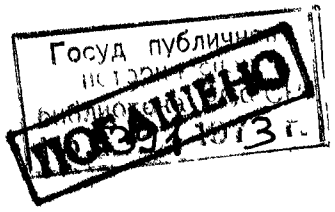
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1972

РЕДКОЛЛЕГИЯ

- доктор исторических наук *З В Удальцова* (отв. редактор),
- действительный член Академии художеств СССР *М. В. Алпатов*,
- доктор филологических наук *Е. Э. Гранстрем*,
- доктор исторических наук *А. П. Каждан*,
- член-корреспондент АН Грузинской ССР *С Г. Каужчишвили*,
- доктор исторических наук *Г. Л. Курбатов*,
- член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
- доктор исторических наук *Е. Э. Липшиц*,
- кандидат исторических наук *Г. Г. Литавин* (зам. отв редактора),
- кандидат исторических наук *Р. А. Наследова* (отв. секретарь),
- доктор исторических наук *Е. Ч Скржинская*,
- доктор исторических наук *М. Я Сюсюмов*

П
употр
прав
(Диге
50 за
теоре
собст
ные
отвле
в осн
город
касае
торге
дан.
им ра
остав
инст
пред
прав
и т.
. Ю
tolle
Иму
венно
П
расц
суще
нопу
πένης
огран
лах
щест
виль
Ling
О
πλοο
тате
без у

СТАТЬИ

М. Я. С Ю З Ю М О В

О ПОНЯТИИ «ТРУДЯЩИЙСЯ» В ВИЗАНТИИ

При обозначении социального положения отдельного лица в Византии употреблялся термин *πένης*, обычно переводимый как «бедняк». В римском праве этот термин имел точное определение, восходящее к Гермогениану (Дигесты, 48, 2, 10): бедняк — тот, кто имеет имущество ценой меньше 50 золотых. Великие юристы II—III вв., создавая гражданское право, теоретически воспроизводили идею общества, где господствует частная собственность и где все участвующие в товарном обращении имеют равные гражданские права. В теории гражданского права юристы, как бы отвлекаясь от реальности, предвосхищали капиталистический строй, в основном считая, что общество правоспособных не имеет никаких перегородок, кроме обладания собственностью. Ф. Энгельс писал: «Что же касается другой разновидности идеологов — юристов, то они были в восторге от новых порядков (т. е. правового нивелирования свободных граждан. — М. С.), потому что стирание всех сословных различий позволяло им разрабатывать во всю ширь свое любимое частное право»¹. Рабство оставалось незатронутым, хотя юристы и признавали его неестественным институтом, но и рабы, выступая в сфере товарного обращения (в случае предоставления свободного управления *пекулятом*), включались как равноправные члены в области *emptio—venditio*; *locatio—conductio*, *mutuum* и т. д.

Юстиниан в знаменитом постановлении «*De nudo ex iure Quiritium tollendo*» (Cod. Just., VII, 25) признает единую частную собственность. Имущественное неравенство в гражданском праве стало как бы единственной теоретической основой неравенства внутри свободных.

Положение о сословном неравенстве тех лиц, имущество которых расценивалось меньше чем 50 ауреос, распространялось на все времена существования Византии (Прохирон, 27, 22; Василики, 60, 34, 10; Арменопул, I, 6, 33: бедняк — тот, кто не имеет имущества в 50 номисм: *πένης δέ ἐστὶν ὁ μὴ ἔχων πενήκοντα νομισμάτων περιουσίαν*). Судебная практика ограничивала таких лиц в праве свидетельствовать (Пира, 30, 11). В новеллах Македонских императоров тоже говорится о бедняке, имеющем имущество дешевле чем 50 номисм (правда, с точки зрения некоторой привилегии для тех, кто *ὡς μηδὲ ν' νομισμάτων εὐπορεῖν*...: С. Е. Zachariae a *Lingenthal*. *Ius Graeco-Romanum*, pars III. Lipsiae, 1867, p. 254).

Однако всегда ли можно считать *πένης* только как противоположное *πλούσιος*? В XIV в. действительно Алексей Макремволит в своем трактате о споре бедных с богатыми только противопоставлял *πένης* — *πλούσιος* без учета, трудящийся он или нет². Как будто в Византии никакого про-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 312.

² I. Sevčenko. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor». — ЗРВИ, 6, 1960, стр. 205, 16—17.

тывопоставления «трудящегося» и «нетрудящегося» и не было. Однако в древнегреческой литературе, которую знали византийцы, существовало и другое понимание слова *πένης*, в основу которого ставилось призвание труда. Это касалось противопоставления терминов *πένης* и *πτωχός*. У Геродиана (II—III вв. н. э.)³ мы читаем: «Бедняк — тот, кто вследствие бедности добывает нужное для пропитания; быть бедняком — значит работать, как у Гомера: они трудились и работали (Илиада, V, 84. — М. С.). Нищий же — тот, кто вследствие недостатка просит подавание, как у Гомера:

«Это, однако, ему не по нраву, одно тунеядство
Любо ему; за работу не приметя: лучше, таскаясь
По миру, хлебом чужим набивать ненасытный желудок. . .»

(Одиссея, XVII, 226—228. — М. С.)»

В данном понимании не всякий бедняк подходил под термин *πένης*, но лишь тот, кто добывал себе пропитание трудом. Таким образом, термин *πένης* приобретал значение «трудящийся», тогда как *πτωχός* означал попрошайку, отлынивающего от труда.

Характерно, что у Аристофана, который отражал идеологию трудовой части афинского демоса, имеется то же противопоставление: «Нищего жизнь, о котором ты говоришь, — означает жить, ничего не имея. . . а бедняка — жить скромно и добывать себе средства трудом»⁴.

Мы не станем обращаться к христианским определениям бедности в совмещении с трудом. В святоотеческой литературе под термином *πένης* часто понимался бедняк, которому другие помогают своим трудом (PG, 8, 621). Понятие «бедняк» отрывается от понятия «трудящийся»; неимущий, даже не трудясь, получает милостыню и имеет право на богатство зажиточных⁵.

Мы остановимся на значении термина *πένης* в новеллах Македонских императоров. Можно ли под понятием «бедные» (*πένητες*, *πτωχοί*, *ἄποροι*) разуметь лиц, имущество которых расценивалось меньше 50 номисм (см. выше)?

В новелле 114 Льва VI *πένης* и *πτωχός* употребляются рядом в смысле вообще «сельские жители», причем «бедный продавец» страдает от своих соседей при попытке продать свое имущество. В новелле 922 г. слово *πένης* не встречается — говорится вообще о сельских собственниках земли⁶. Слова *πένης*, *πτωχός*, *ἄπορος* стали появляться в новеллах после великого голода в 928 г. В предисловии к новелле 934 г. говорится о насилиях над бедной, о стогах неимущих. В. Г. Васильевский при переводе *πένης*, *ἄπορος* сначала употреблял исключительно слово «бедный». Но такой перевод этих слов привел к неловкому обороту: «если же бедный — состоя-

³ *Herodianus. De impropria dictione.* — In: «Anecdota Graeca», v. III, ed. V. Boissonadii. Paris, p. 264; *Lexicon Vindobonense*, ed. Nauck. Petropoli, 1867, p. 316—317. . . *πένης* μέν ἐστιν ὁ δια τῆς πενίας τὰ πρὸς τροφήν πορίζων. πένεσθαι γὰρ τὸ ἐνεργεῖν, ὡς Ὀμηρος — οἱ μὲν πονέοντο — τοῦτ' ἐστιν ἐπόνουσι καὶ ἐνέργουσι. Πτωχὸς δὲ ὁ δι' ἐνδειαν τῶν πρὸς τὴν τροφήν πτώσων, ὡς Ὀμηρος.

⁴ *ἄλλ' ἐπεὶ οὖν δὴ ἔργα κάκ' ἔμαθεν, οὐκ ἐβελήσει ἔργον ἐποιχεσθαι, ἀλλὰ πτώσων κατὰ δῆμον βούλεται αἰτίων βόσκειν ἢν γαστέρ' ἀναλτον. . .*

⁵ «Πλοῦτος», 552—553; см. также диалог с сикофантом: «. . . Ты земледелец? — Нет. — Ты учился ли какому ремеслу? — Конечно, нет. . . — Как же и на что живешь, если ничего не делаешь?» (Πῶς οὖν διέζης, μηδὲν ποιῶν. «Πλοῦτος», 903—905).

⁶ PG. 48, 988: Οὕτω δὲ καὶ ὁ πλοῦσις ὑποδέκτης τίς ἐστι τῶν πένηταιν ὀφειλομένων χρημάτων διανεμηθῆναι, ἐπιταχθεὶς αὐτὰ διανέμειν τῶν ἑαυτοῦ συνδούλων τοῖς πενομένοις. . .

⁶ П. Лемерль подвергает сомнению датировку новеллы (P. *Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance.* — RH, t. 219—220, 1958, p. 266). Однако то обстоятельство, что в этой новелле совсем нет тех lamentаций, которые создают картину нужды среди бедноты, говорит скорее о том, что новелла не могла быть издана после голода 928 г.; весь спокойный тон новеллы говорит о начале 20-х годов X в.

телен» (значит, бедный не беден!). Это, очевидно, заставило В. Г. Васильевского пересмотреть в дальнейшем перевод: *πένης* и *ἄπορος* не всегда должны обозначать неимущего бедняка. В понятие *πένης* должны включаться и зажиточные крестьяне. . . В дальнейшем В. Г. Васильевский уже употребляет слово «убогий»⁷, заимствованное им из древнерусского перевода церковных источников. Предложенный В. Г. Васильевским термин «убогие» сохранился в советской литературе⁸.

Вряд ли слово «убогий» можно считать удачным для обозначения византийского крестьянства: в этом слове чувствуется оттенок нищенства, покорности, забитости; оно не связано с понятием трудовой деятельности византийской общины. К тому же крестьяне X в. еще не были окончательно закабалены — в фемный период крестьянство составляло организованное народное ополчение. Притом если по закону (Василики) *πένητες* было понятием сословным, то фактически это понятие было относительным. Так, в X в. бедными, *ἄποροι*, считались не только крестьяне; обедневший стратиот, не имевший полного имущества в 4 литры, тоже считался *ἄπορος*. Обнищавший стратиот мог считаться и *πτωχός*. Можно думать, что в новеллах Македонской династии под понятием «бедняки», *πένητες*, вовсе не разумелось определенно низкое имущественное состояние (ниже 50 номисм); новеллы имели дело с тем трудовым элементом, который жил в свободной крестьянской общине. (Разумеется, в понятие «бедноты» не включались рабы — раб не мог быть ни богатым, ни бедным, — это понятие относилось лишь к хозяевам рабов.) Следует обратить внимание на то, что в новеллах «бедные» противопоставляются не «богатым» (как у Магнумволига); а «динатам», т. е. лицам, имевшим политическое влияние. Уже само это противопоставление показывает, что в термине *πένητες* вовсе не следует искать чисто имущественное противоречие⁹. *Πένητες* в новеллах противопоставлялись стратиотам, поскольку те занимали особое положение в фемном строе. Однако и *πένητες* и стратиоты противопоставлялись динатам как трудящиеся, имевшие свое личное хозяйство, и как жертвы экономической экспансии со стороны динатов. Простые крестьяне и стратиоты имели между собой преемственную связь. При системе принудительного включения более состоятельных крестьян в каталоги стратиотов¹⁰ крестьянин *πένης*, имевший состояние ценою в 4 литры, мог быть записан в разряд стратиотов. Вертикальное социальное восхождение при господстве свободной крестьянской общины было вполне возможно. Наиболее богатые стратиоты, имевшие имущество в 12 литр, становились катафрактами, но можно было переходить, покупая должности, и в разряд динатов. X век в условиях обнищания деревни стал кульминационным периодом социального размежевания в общине. В XI в. не *πένης*, а *πάροχος* становится основным термином в актах. Структура Византии — и аграрная и военная — испытала крутой надлом¹¹.

Необходимо отметить, что термин *πτωχός*, который часто имеет особый смысл нетрудового характера, в новеллах X в. не отличается от термина

⁷ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. Меры в защиту крестьянского землевладения. — В кн.: «Труды В. Г. Васильевского», т. 4. Л., 1930, стр. 277—280.

⁸ См. А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960.

⁹ П. Лемерль (P. Lemerle. Op. cit., p. 272) считает, что термин следует переводить не *rauvres*, а *faibles*, «слабые».

¹⁰ Яркая картина принудительного включения в каталог стратиотов — письмо 50 в сб.: J. Darrouzès. *Epistoliers byzantins du Xe siècle*. Paris, 1960.

¹¹ Уже в середине X в. в хронике Продолжателей Феофана время правления Василия I (вторая половина IX в.) представлялось как сельскохозяйственная идиллия, когда каждый крестьянин мог спокойно работать на своем участке, на своем винограднике, выращивать оливковые деревья и смоковницы и когда никто не осмеливался чинить над ними насилия (*Theophanes Continuatus*, rec. I. Bekker. Bonnæ, 1838, p. 258). Автор сознавал, какой перелом произошел в Византии за сто лет!

πένης. Что касается деревни, то, если там не было особого монастырского центра, все население, даже самые бедные, так или иначе были трудящимися. Поэтому в новеллах нет указаний на нетрудовое нищенство и термин πτωχός означает тоже бедняка — собственника земельного участка.

Г. А. Острогорский¹² замечал, что термины πένης и πτωχός почти не встречаются в актах: в условиях зависимой деревни, при постоянных военных действиях во время гражданских войн и нашествий в деревне вопрос имущественного состояния не мог иметь особое значение — там произошло нивелирование трудового населения на низком уровне. В городах же в результате итальянского засилья, развала корпоративности, обеднения государства тоже произошло нивелирование населения на крайне низком уровне, но отсутствие возможностей приложения труда привело к массовой трудовой пассивности низов города, так что в трактате Макремволита «богатые» могли бросить укор «бедным» в том, что они не работают¹³. В городах понятие πένης понималось уже как πτωχός, нуждающийся в милостыне и требующий подаяний. При наличии довольно широкого товарного обращения в XIV—XV вв. возможности вертикального социального восхождения все-таки имелись для горожан, но при этом нужно было иметь состояние; вот почему в последние годы существования Византии особенно остро стоял вопрос об имущественном положении.

Мы видим, насколько относительным было понятие «бедный» в византийских источниках. Но для X в., века надлома социальной структуры Византии, термин πένης следовало бы переводить не «убогий», а другим древнерусским словом — «трудящийся»¹⁴, что вполне отвечает противопоставлению «бедного» динатам.

¹² G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 17.

¹³ См. прим. 2.

¹⁴ Древнерусская Пчела по пергаментному списку, изд. В. Семенов. СПб., 1893, стр. 270: «трудожающиеся».

В. А. СМЕТАНИН

О СТАТУСЕ НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЙ ПАРИКОВ
В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ¹

Цель предлагаемой статьи заключается в доказательстве двух тезисов:

1) следует выделять категории париков в зависимости от особенностей взимания ренты в различных типах феодальных владений. Вследствие этого не представляется возможным отождествлять проиарских, монастырских и казенных париков; 2) целесообразно различать категории париков в зависимости от времени.

¹ О термине «парик» поздневизантийского времени существует огромная литература. Здесь укажем только важнейшую: *Ch. du Fr. Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis.* Graz, 1958, s. v.; *P. Kalligas. Perì douloparoniás parà 'Ρωμαίους καί Βυζαντινοίς καί περί φορολογικῶν διατάξεων.* — «Μελέται καί λόγοι». 'Αθήναι, 1882, σελ. 183—304; *Ф. И. Успенский.* К истории крестьянского землевладения в Византии. — ЖМНП, ч. 225, 1883, январь—февраль, стр. 309, 313, 353; *K. N. Sathas. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge,* t. IV. Venise, 1885, p. III; *K. E. Zachariae von Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts.* Berlin, 1892, S. 262; *P. Kalligas. Μελέται βυζαντινῆς ιστορίας ἀπό τῆς πρώτης μέχρι τῆς τελευταίας ἀλώσεως (1204—1453).* 'Αθήναι, 1894, σελ. 102; *П. В. Безобразов.* Крестьяне. — В кн.: *Г. Ф. Герцберг.* История Византии. М., 1897, приложение, стр. 613; *Б. А. Панченко.* Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы. — ИРАИК, IX, 1—2, 1904; *И(еромонах) М(ихаил).* Рец. на кн. Б. А. Панченко. — ВВ, XI, 3—4, 1904, стр. 613; *O. Tafrali. Thessalonique au quatorzième siècle.* Paris, 1913, p. 19, 35—36, 37, 111; *F. Dölger.* Рец. на кн. П. Мутафчиева. — ВЗ, 26, 1926, S. 109; *Ф. И. Успенский* и *В. Н. Бенешевич.* Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV вв. Л., 1927, стр. XLI; *F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des X. und XI. Jahrhunderts.* Leipzig—Berlin, 1927 (2. Aufl. Darmstadt, 1960), S. 66, 67; *И. И. Соколов.* Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. — ИАН, VII серия, отделение общественных наук, 1931, стр. 711—712; *А. Соловьев* и *В. Мошин.* Гръцке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 479; *В. Мошин.* Δουλικὸν ζευγάριον (К вопросу о серваже в Византии). — «Seminarium Kondakovianum», X, 1938, p. 116—119; *F. Dölger.* Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden und zu ihrer geschichtlichen Auswertung. — ВЗ, 39, 1939, S. 60, 61; *L. Bréhier.* Vie et mort de Byzance. Paris, 1947, p. 596; *Ш. Диль.* Основные проблемы византийской истории. М., 1947, стр. 113, 114; 116; *F. Dölger.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, S. 185; *М. Я. Сюзюмов.* Проблемы иконоборчества в Византии. — «УЗ Свердловского ГПИ», т. 4, 1948, стр. 5, 56, 77; *P. Charanis. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire.* — DOP, vol. IV, 1948, p. 89—90; *Г. Острогорский.* Византийские писцовые книги. — ВВ, IX, 2, 1948; *еао же.* Элевтери. Прилог историји селяштва у Византији. — «Университет у Београду. Зборник философског факултета», кн. I. Београд, 1948, стр. 58; *А. П. Каждан.* Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севастьянова. — ВВ, II, 1949, стр. 320 сл.; *Б. Т. Горянов.* Византийское крестьянство при Палеологах. — ВВ, III, 1950, стр. 26; *P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the Thirteenth Century and Later.* — ВВ, XII, 1, 1951, p. 120, 134 f., 142 f., 140; *Д. Ангелов.* Принос към поземлените отношения във Византия през XIII век. — «Годишник на Софийския университет, философ.-истор. факултет», XLVII, кн. II (история), 1952, стр. 71, 76 сл.; *А. П. Каждан.* Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 97 сл., 111 сл., 127, 133 сл., 216; *J. Lindsay. Byzantium into Europe.* London, 1952, p. 244, 254—255; *М. М. Фрейденберг.* Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1952,

В полном объеме понятие «парик» пока не исследовано². В новейших трудах настойчиво проводится мысль о необходимости считать париков единой категорией независимо от того, являлись ли они проиарскими, монастырскими или казенными³. Однако вряд ли подобное мнение можно считать бесспорным.

стр. 8; *D. A. Zakythinos*. Le despotat grec de Morée, vol. II. Athènes, 1953, p. 202 sq.; *G. Rouillard*. La vie rurale dans l'Empire byzantin. Paris, 1953, p. 126, 167—169; *G. Ostrogorski*. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954; *F. Dölger*. Der Feudalismus in Byzanz. — «Vorträge und Forschungen», Bd. V. Lindau und Konstanz, 1956, S. 187, 190—191; *G. Ostrogorski*. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 43, 45, 46, 52, 60, 62, 63, 65, 67, 72; *M. M. Фрейденберг*. Развитие феодальных отношений в византийской деревне в XI—XII вв. — «Уз Великолукского ГПИ», 1956, стр. 127—131; *J. Vompaire*. Рец. на кн.: *G. Ostrogorski*. Quelques problèmes. . . — RH, 218, 1, 1957, p. 129, 130; *J. Karayannopoulos*. Рец. на кн.: *G. Ostrogorski*. Quelques problèmes. . . — BZ, 50, 1, 1957, S. 181—182; *P. Charanis*. Рец. на кн.: *G. Ostrogorski*. Quelques problèmes. . . — «Speculum», vol. 32, 3, 1957, p. 597; *Д. Ангелов*. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV век. София, 1958, стр. 93 сл., 249; *А. П. Каждан*. Новые материалы по внутренней истории Византии X—XV вв. — ВВ, XIII, 1958, стр. 305, 309, 310; *P. Lemerle*. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes. — RH, 220, 1, 1958, p. 82, 91; *D. Angelow*. Die feudalen Verhältnisse und der Klassenkampf in den balkanischen Staaten im Spätmittelalter. — ZfG, H. 6, Berlin, 1959, S. 1289 f.; *А. П. Каждан*. «Byzantinoslavica» — международный византиноведческий журнал (1947—1956). — ВВ, XV, 1959, стр. 220; *H.-W. Haussig*. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959, S. 541; *Э. Вернер*. Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Проблемы революционного движения в Солуни в 1342—1349 гг. — ВВ, XVII, 1960, стр. 160; *А. П. Каждан*. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960; *Г. Г. Лутаев*. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960; *Е. Э. Липшиц*. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX в. М.—Л., 1961; *В. Т. Горянов*. Поздневизантийский феодализм. М., 1962; *D. Jacoby*. Phénomènes de démographie rurale à Byzance aux XIII-e, XIV-e et XV-e siècle. — «Études rurales. Ecole Pratique des Hautes Etudes. Sixième section: «Sciences économiques et sociales». Avril—septembre, N 5—6. Paris, 1962, p. 181 sq.; *А. П. Каждан*. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии (1917—1960). — ВВ, XXII, 1963, стр. 193; *P. Lemerle*. Un pratikon inédit des archives de Karakala (Janvier 1342) et la situation en Macédoine Orientale au moment de l'usurpation de Cantacuzène. — «Χαριστήριον εἰς Ἄ. Κ. Ὀρλάδων», т. А'. Ἀθήναι, 1964, σελ. 288; *Г. Острогорски*. Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965, стр. 60, 73; История Византии, т. III. М., 1967; *Е. Э. Липшиц*. О значении термина «парик» в Византии IX в. — «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология». Сборник в честь 70-летия чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской. М., 1967, стр. 74—76; *К. В. Хвостова*. Особенности аграрноправовых отношений в Поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968.

² *J. Karayannopoulos*. Op. cit., S. 182.

³ Изучение византийской историографии показывает, что ряд исследователей отрицательно относились к тезису об адекватном положении казенных, церковных и проиарских крестьян (см. *В. Г. Васильевский*. Материалы для внутренней истории Византийского государства. Меры в защиту крестьянского землевладения. — В кн. «Труды В. Г. Васильевского», т. 4. Л., 1930, стр. 250 сл.; *Ф. И. Успенский*. Значение византийской и славянской проирии. — «Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности». СПб., 1883, стр. 23, прим. 3; *его же*. Материалы для истории землевладения в XIV в. Одесса, 1883, стр. 23; *Н. Скабалинович*. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 266; *П. В. Безобразов*. Указ. соч., стр. 647—648, 655; *P. Charanis*. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire, p. 90; *idem*. On the Social Structure and Economic Organisation..., p. 142, 152). Идентичной позиции придерживался ранее и *Г. А. Острогорский* (*Г. Острогорский*. Византийские писцовые книги, стр. 291). Однако в 50-х годах ряд исследователей, прежде всего *А. П. Каждан* и *Г. А. Острогорский*, разрабатывают теорию «централизованной ренты». Одно из принципиальных положений этой теории сводится к тому, что повинности государственных париков (государственных крестьян) практически не отличались от повинностей частновладельческих париков (*G. Rouillard*. Op. cit., p. 126; *G. Ostrogorski*. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine, p. 24: «. . . статус крестьян, их права и обязанности должны были быть в очень большой степени одинаковыми, были ли они (крестьяне, — *В. С.*) поселены на землях государства, монастыря или светского вотчинника, были ли они обязаны

Выполнение ангарии было типичной крестьянской повинностью в монастырских хозяйствах Поздней Византии. Известен только один случай (уже в XV в.), когда барщина была коммутирована в денежную ренту. В Лаврском практике от января 1420 г. мы читаем об обязанностях париков: «Монастырю же, с тех пор как не производят ангарию (разрядка моя. — В. С.), должны давать из зевгилатов каждый по 4 перпера, из воидатов каждый по 3 перпера и из вдов каждая по 1 перперу»⁴.

В монастырских вотчинах величина барщины не являлась информной: 7 дней, 12 дней, 24 дня в году⁵, один раз, два раза в неделю⁶. Иногда барщина устанавливалась по «справедливому» обычаю⁷, в отдельных случаях парик должен был трудиться на барщине, пока хватит сил⁸.

Ярким документом, показывающим особенности феодальной ренты в проиарских и монастырских хозяйствах, является акт от мая 1409 г.⁹ Монастырю Дохиару передаются в местности Каламария четыре населенных пункта (пирг Перигардикия, половина пирга Ермилия, деревня Мариана и половина деревни Калокампа). В пирге Перигардикия 10 крестьянских хозяйств платят 36 номисм ($4\frac{1}{2}$, $4\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$, 5,5, $1\frac{1}{2}$, 2, 4,1); в пирге Ермилия 16 хозяйств платят 50 номисм (3, 4, 6, $3\frac{1}{2}$, $4\frac{1}{2}$, 3, 3, 3, 3, 3, 2, 3, $4\frac{1}{2}$, 2, $1\frac{1}{2}$, 1) плюс 15 номисм кефалатикия; в деревне Мариана 24 хозяйства вносят $58\frac{1}{2}$ номисмы ($2\frac{1}{2}$, 4, $1\frac{1}{2}$, 4, $2\frac{1}{2}$, 2, 3, 3, 3, 4, 3, 2, $2\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, 1, 1, 2, 1, 2, 2, 2, 2, 3); наконец, в деревне Калокампа монастырские люди платят 22 номисмы (11, 9, 2), треть из которых — императорские (7 номисм и 5 аспров). Кефалатикий с этих людей — 3 номисмы, и из 5 номисм $2\frac{1}{2}$ составляет вриза. Всего от Калокампа императору поступает 13 номисм. Эти подати парики вносили проиарам частями два раза в год.

Отпные (т. е. после передачи названных населенных пунктов Дохиару) крестьяне должны еще выполнять обычные и дополнительные ангарии (!), вносить десятину с завгариев, пчелиный сбор, судебную пошлину и все, что собирается «по праву».

государству или феодальному сеньору»; в другом месте того же сочинения (р. 18) автор пишет: «... между тем, кто был зависим от государства, и тем, кто был зависим от императора, не имелось практически никакой разницы»; *G. Ostrogorskij. Das byzantinische Kaiserreich in seiner inneren Struktur. — «Historia Mundi», 6. Bd. Bern, 1958, S. 463; А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв., стр. 139; Г. Острогорски. Серска област после Душанове смрти, стр. 59: «Правовое положение и обязанности крестьян были тождественными, шла ли речь о помещичьих, монастырских или государственных землях». Кстати, к данному мнению был близок Б. А. Панченко, тогда он заключал: «... Мы нашли повсюду личную и наследственную крестьянскую собственность, одинаково для монастырских, казенных и проиарских париков» (Б. А. Панченко. Указ. соч., стр. 142). Об отсутствии существенных различий в положении зависимого болгарского крестьянина, живущего на территории разных по типу феодальных владений, прямо говорится в статьях А. Бурмова («Зависимото население в България през XIII и XIV вв.» — «Исторически преглед», год. III, кп. 3, 1946—1947, стр. 259) и П. Х. Петрова («Протосеваст Прибо, български феодален владетел в Македония през първата половина на XIII в.» — «Изследвания в чест на Марин С. Дришов». София, 1960, стр. 532). Кощенция Г. А. Острогорского, однако, противоречит его выводам о различии в объеме владельческих прав париков вотчинных и проиарских (*G. Ostrogorskij. Pour l'histoire de la féodalité byzantine*, p. 68, 69, 79).*

⁴ А. Е. Lauriotes. 'Επίσημα Βυζαντινὰ Γράμματα. — ΚΕΦΣ, τ. ΚΕ'. 'Εν Κωνσταντινουπόλει, 1893—1894, σελ. 168 (левый стлб.). 22—25.

⁵ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, Nr. 74/7. 337 (январь 1316 г.).

⁶ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 118.

⁷ Acta et diplomata Graeca mediaevi sacra et profana. Ed. F. Miklosich et I. Mülller, vol. IV. Vindobonae, 1890 (далее — MM), p. 209 (1262 г.).

⁸ L. Petit et W. Regel. Actes d'Esphigmenou. — ВВ, XII, 1906, приложение, стр. XV; L. Petit et B. Korabiev. Actes de Chilandar. — ВВ, XVII, 1911, приложение, стр. 198.

⁹ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, Nr. 63; А. П. Каждан. Рец. на кн.: G. Ostrogorskij. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. — ВВ, X, 1956, стр. 228.

Во владениях проиара Михаила Мономаха (1333 г.) крестьяне не выполняли барщины¹⁰. Если парики Петра Палеолога платили Хиландарскому монастырю половину десятины за использование монастырской земли¹¹, то проиар Мармара собирал с монастырских париков в подобном же случае полную десятину¹².

Монастырские парики не случайно находились в большей личной зависимости, нежели проиарские, так как «обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины»¹³. Об этом говорит документ 1244 г., по которому бежавшие крестьяне Лемвиотиссы должны быть возвращены монахам¹⁴. Мы не можем согласиться, что этот акт признается «частной мерой, имевшей временное значение»¹⁵, в то же время вряд ли его действие распространялось на все феодальные хозяйства империи, как утверждает в новейших исследованиях. Мы предполагаем, что акт 1244 г. касается отношений монастыря и его париков. Во всех подобных случаях монастыри (но только они!) могли теперь использовать это решение. В «Руководстве» Константина Арменопула записано: «Императорское решение относительно двух лиц пусть имеет силу и в подобных случаях»¹⁶.

Монастырское феодально зависимое население дробилось на множество разрядов в юридическом отношении.

На одном полюсе находятся крестьяне, которые еще только входят в орбиту феодальной зависимости. Таковы присельники из «неизвестных казне» лиц, не закрепленные за монастырем по императорскому приказу и находящиеся в процессе постепенного втягивания в феодальную зависимость. К следующей группе принадлежат бывшие крестьянские свободные собственники, вступившие под патронат монастыря. К ним относятся, например, Василий Планит с матерью, которые должны были платить монастырю 1,5 першера ежегодно¹⁷. Подобных крестьян невозможно было заставить выполнять монастырскую ангарию. Через 16 лет эти крестьяне находились, как отмечает источник, в ином состоянии юридической зависимости¹⁸, к ним применяется термин «гоникарии». Последние отличались по юридическому статусу от париков. Источники перечисляют особо париков и гоникариев¹⁹. По происхождению гоникарии — выходцы из свободных крестьян, они обладают большими владельческими правами на землю, нежели другие монастырские крестьяне. К тому же гоникарии не были заняты на барщине, которая свойственна состоянию над парикей²⁰. Только в некоторых случаях парики монастыря могли не выполнять барщины. Это относится к крестьянам, находящимся в городе²¹. Юридически это была, по-видимому, менее приниженная группа.

Особый разряд составляют крестьяне, которыми монастырь владеет на правах совершенной парикии²², которые пожалованы «во владычество, власть и собственность»²³.

¹⁰ См. прим. 6.

¹¹ L. Petit et B. Korabiev. Op. cit., N 30.

¹² MM, IV, 419 (июль 1274 г.); см. F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, 3. Teil: Regesten von 1204—1282. München und Berlin, 1932, Nr. 2011; H. F. Schmid. Byzantinisches Zehntwesen. — JÖBG, VI, 1957, S. 55.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 248.

¹⁴ MM, IV, 261—262; см. F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, 3. Teil, Nr. 1784.

¹⁵ Н. Скабалапович. Указ. соч., стр. 267.

¹⁶ Constantini Armenopuli Manuale legum sive Hexabiblos, ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1851, lib. I, tit. 1, § 29.

¹⁷ MM, IV, 66—69 (1242 г.).

¹⁸ MM, IV, 25.11 (сентябрь 1258 г.); см.: F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Ostromischen Reiches, 3. Teil, Nr. 1853.

¹⁹ MM, IV, 278. 22—23 (декабрь 1364 г.).

²⁰ MM, IV, 225 (февраль 1274 г.).

²¹ MM, IV, 288.21.

²² MM, VI, 255.9 (сентябрь 1321 г.).

²³ MM, V, 280 (декабрь 1364 г.).

Казенные парики (*δημοσιακοὶ παρικοὶ*), которые были переданы Андроником II монастырю Иоанна Богослова (о. Лемнос), восприняли барщину как совершенно новую для себя повинность, отказавшись ее выполнять²⁴.

Конечно, казенные парики отличались от монастырских не только тем, что были освобождены от ангарии, но и меньшей степенью юридической зависимости. Не случайно монахи монастыря Иоанна Богослова, которым были пожалованы Андроником II 23 семьи казенных париков, жаловались, что не имеют их на правах совершенной парикии.

Накопец, положение частнозависимых (монастырских, проиарских) и казенных париков различалось по характеру эксплуатации²⁵.

Гражданин г. Янины, имеющие села с зависимым населением, по их просьбе не подлежат переписи, как явствует из хрисовула Андроника II от февраля 1319 г.²⁶ Им предоставляется полная свобода от обложения. Жители г. Монемасии получили такие же права, свободу от всякой подати²⁷. Вследствие этих пожалований прав эскуссии феодалы Янины и Монемасии могли увеличить размер ренты частнопроводного характера. Мы имеем во времени, следовательно, две несмешиваемые категории крестьянского населения провинциальных городов.

Ряд категорий крестьян можно видеть во времени и в зависимости от их изменяющегося юридического статуса. В 1244 г. еще специально просят императора вернуть беглых париков. В 1264 г. особо оговаривается юридический статус «наследственных крепостных»²⁸. Они «...должны, — как говорит источник, — пребывать на месте и служить святейшей епископии до последнего дыхания, они сами, дети, рожденные от них, внуки и правнуки, одним словом, пока существует род их»²⁹. В 1341 г. в ивирском практике фиксируется право феодала возвращать беглых париков³⁰. В 1345 г. «Земледельческие законы», вошедшие в «Шестикнижие» Константина Арменопула, совершенно определенно запрещают любому принимать «чужих земледельцев», в случае нарушения «хозяин села» подвергается двойному штрафу. Принявший чужого земледельца «... пусть возвратит его обратно в село, которое он покинул», — требует византийское законодательство середины XIV в.³¹ В письме Димитрия Кидониса из Константинополя, написанном в период с 8 октября 1364 по 1365 г. и посланном на о. Лемнос, говорится о необходимости возвратить беглецов и передать снова прежним хозяевам³². В 1385 г. крестьяне просто именуется «природными париками»³³. В XV в. крепостная зависимость принимает законченные формы, крепостных продают без земли³⁴.

²⁴ MM, VI, 254—255; см. *F. Dölger*. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, 4. Teil, Nr. 2465.

²⁵ «История Византии», т. 3. М., 1967, стр. 104—105.

²⁶ MM, V, 77—84; см.: *F. Dölger*. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, 4. Teil, Nr. 2412.

²⁷ MM, V, 154—155 (август 1284 г.); см. *F. Dölger*. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, 4. Teil, Nr. 2102.

²⁸ *J. Vernadskij*. Byzantské popysy püdy. — «Ceský časopis historický», roč. XXIX, seš. 3—4, 1923, str. 457.

²⁹ Τὸ Πρακτικὸν τῆς Λατινικῆς Ἐπισκοπῆς Κεφαλληνίας τοῦ 1264 καὶ ἡ Ἐπιτομὴ αὐτοῦ, ὑπὸ Θ. Στ. Τζαννετάτου. Ἐν Ἀθήναις, 1965, σελ. 68, 587—589.

³⁰ *F. Dölger*. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. — «Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Klasse», N. F., 28, 1949; см. комментарий: «История Византии», т. 3, стр. 105.

³¹ *Constantini Harmenopuli Manuale legum...*, Νόμοι γεωργικοὶ, tit. I, § 17.

³² *Démétrius Cydonès*. Correspondance, publiée par R.-J. Loenertz, I. Città del Vaticano, 1956 («Studi e Testi», 186), p. 132, 85—86; κατάγειν δὲ τοὺς φυγάδας, καὶ ὡς ἴσαν κύριοι, ταῦτα τοῦτοις πάλιν ἀποδιδόναι.

³³ *А. П. Каждан*. Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севастьянова, стр. 318, 28.

³⁴ *J. de Malafosse*. Les lois agraires à l'époque byzantine. Tradition et exégèse. — «Recueil de l'Académie de législation», t. 19, 1949, p. 41; см. комментарий: *А. П. Каждан*. «Byzantinoslavica» — международный византиноведческий журнал, стр. 220.

А. А. ЧЕКАЛОВА

СЕНАТОРСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI В.

Интерес к изучению истории аристократии первых веков существования Византии, как и более позднего времени, заметно возрос. Исследователи затрагивают самые различные аспекты этой темы: титулатуру и состав ранневизантийской знати, ее богатства, политическую роль и влияние. Значительный вклад в рассмотрение отдельных вопросов, связанных с историей аристократии этого периода, сделал Р. Гийан. По мнению этого историка, в Византии всегда существовала старая знать и новая, комплектовавшаяся из чиновников¹. Чиновный характер сенаторской аристократии особо подчеркивается Р. Гийаном. В VI в., как полагает исследователь, сенат состоял в основном из высших чиновников, находящихся на действительной службе и в отставке². Придерживаясь, как и Г. Г. Бек³, теории нестабильности, Р. Гийан трактует ее более осторожно, чем немецкий ученый. Дальний отпрыск сенатора не всегда сохранял этот титул, пишет исследователь, но он во всяком случае оставался *gentilhomme*⁴.

Большой интерес представляют работы Р. Гийана о консулах⁵, статьи о получении и потере аристократических титулов⁶ и их наследственности⁷, а также исследование просопографического характера о византийских патрициях VI в.⁸

Перечисленные выше вопросы в отношении аристократии как Рима, так и Константинополя на протяжении III—VI вв. рассмотрены в двух разделах монографии А. Джонса⁹. В отличие от Р. Гийана, А. Джонс полагает, что основу сенаторской аристократии Константинополя VI в.

¹ R. Guillard. La noblesse byzantine à la haute époque. — «Ελληνικά», Παράρτημα 4, 1953, p. 255 (= R. Guillard. Recherches sur les institutions byzantines, I. Berlin—Amsterdam, 1967 [далее — R. Guillard. Recherches], p. 23); ср. H.-G. Beck. Konstantinopel. — BZ, 58, 1965, S. 18 f.; Fr. Velazquez-Gastelu. Evolucion de la nobleza en la Cristandad oriental. — «Hidalguía», 86, 1968, p. 98. Последняя работа во многом не является оригинальной. Что же касается VI в., то автор лишь мимоходом останавливается на увеличении числа почетных должностей. Другие вопросы, например реформы Юстиниана в отношении сената (Nov. 62), находятся вне поля его зрения.

² R. Guillard. La noblesse byzantine. Remarques. — REB, XXIV, 1966, p. 46.

³ H.-G. Beck. Op. cit., p. 13 f.; ср. R. MacMullen. Social Mobility and the Theodosian Code. — JRS, 54, 1964, p. 50.

⁴ R. Guillard. La noblesse byzantine. Remarques, p. 41.

⁵ R. Guillard. Le Consul (ὁ ὑπατος). — Byz., 24, 1954, p. 545—578 (= Recherches, II, p. 44—67).

⁶ R. Guillard. La collation et la perte ou la déchéance des titres nobiliaires à Byzance. — «Études Byzantines», 4, 1946, p. 24—69 (= Recherches, I, p. 32—64).

⁷ R. Guillard. La transmission héréditaire des titres nobiliaires à Byzance. — «Paleologia», 8, 1959, p. 137—143 (= Recherches, I, p. 65—72).

⁸ R. Guillard. Les patrices byzantins du VIe siècles. — «Paleologia», 7, 1958/59, p. 271—305 (= Recherches, II, p. 132—164).

⁹ A. H. M. Jones. The Later Roman Empire. London, 1964, p. 329—333, 523—562.

составили потомки знати, образовавшейся в IV в. Автор, впрочем, не считает этот слой замкнутым, полагая, что он мог пополниться за счет куриалов, а иногда и лиц более скромного положения¹⁰.

Примерно на тех же проблемах, что и А. Джонс, остановился в своей специальной статье о сенаторской аристократии П. Арсак¹¹. Однако автор берет за основу лишь источники юридического характера (прежде всего законы, содержащиеся в Cod. Theod. 6, 2 и Cod. Just., I2, 1). Кроме того, а может быть именно поэтому, автор не проводит, как это делает А. Джонс, разграничения в положении римской и константинопольской аристократии. В своих выводах работа П. Арсака также стоит особняком от других исследований. Автор, в частности, полагает, что в Поздней Римской империи произошли большие изменения, приведшие к тому, что сенаторская аристократия, которую П. Арсак отождествляет с крупными землевладельцами¹², стала классом, отличным от других, юридически оформившимся и ограниченным сенаторским достоинством¹³. Между сенаторским достоинством и сенатом уже нет ничего общего (Il n'y a plus rien commun entre le Sénat et la dignité sénatorial)¹⁴. Лишь часть сенаторской аристократии, а именно: иллустрии — продолжает заседать в сенате. Остальные живут в провинции и играют в большей степени социальную и экономическую роль, чем политическую¹⁵.

Так же своеобразно подходит исследователь и к вопросу о комплектовании сената и сенаторского сословия. По его мнению, в раннюю эпоху необходимо было сначала пройти магистратуру, потом стать сенатором. Лишь после этого человек попадал в сенаторское сословие. В Поздней Римской империи дело обстояло иначе. Прежде всего надо было попасть в сенаторское сословие, затем исполнять обязанности претора, и только тогда оказывалось возможным стать членом сената¹⁶. Думается, что мало кто из исследователей согласится с подобным выводом¹⁷.

Из работ, посвященных роли сената в ранневизантийском обществе, после не утратившей своего значения книги Ш. Лекривена следует назвать исследования Г. Г. Бека и Е. Христофилопуло¹⁸.

Значительный вклад в изучение сенаторской аристократии в ранний период сделан советскими учеными.

Так, А. П. Каждан подвергает сомнению существовавшие ранее представления о сильной императорской власти в Поздней Римской империи¹⁹. Вместе с тем исследователь проводит разграничение в положении сенаторской аристократии на Западе и на Востоке, отмечая, что родовитая аристократия на Западе «в гораздо меньшей степени могла быть опорой централизованной монархии, чем нестабильная и зависящая от императорских щедрот восточноримская знать»²⁰.

Взаимоотношения императорской власти и сенаторской аристократии в эпоху Юстиниана рассмотрены в работе З. В. Удальцовой, которая

¹⁰ Ibid., p. 551—552.

¹¹ P. Arsas. La dignité sénatorial au Bas-Empire. — «Revue historique de droit français et étranger», 1969, № 2, p. 198—243.

¹² Ibid., p. 232.

¹³ Ibid., p. 241.

¹⁴ Ibid., p. 205.

¹⁵ Ibid., p. 241—242.

¹⁶ Ibid., p. 204.

¹⁷ Даже для Рима его можно принять лишь с оговоркой. См. Ch. Lécrivain. Le sénat romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople. Paris, 1888, p. 49—50, 60—67; ср. L. Gagé. Les classes sociales dans l'Empire romain. Paris, 1964, p. 355.

¹⁸ H.-G. Beck. Senat und Volk von Konstantinopel. München, 1966; A. Χριστοφιλοπούλου. Η σύγκλητος εις τὸ Βυζαντινὸν κράτος Ἀθήναι, 1949; *idem*. Ἐκλογὴ, ἀναγόμεναι καὶ στέφει τοῦ Βυζαντινοῦ αὐτοκράτορος. — «Πραγματεῖαι τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν», т. 22, ἀρ. 2, 1956. О политической роли римского сената и сенаторского сословия в III—IV вв. см. В. Malcus. Le sénat et l'ordre sénatorial au Bas-Empire. Lund, 1970.

¹⁹ А. П. Каждан. Кризис и падение Римской империи. — ВДИ, 1966, № 1, стр. 137.

²⁰ Там же, стр. 137.

приходит к выводу, что император, стремясь подорвать мощь крупного землевладения, ищет опору у землевладельцев средней руки и церкви ²¹.

Эволюцию сенаторской аристократии в IV—VI вв. прослеживает в своих работах Г. Л. Курбатов. По его мнению, в V—VI вв. можно заметить две тенденции размежевания византийской знати. Одна ее часть, крупная имперская знать, тесно связанная с Константинополем, постепенно превращалась в столичную бюрократию. Другая — мелкие сенаторы, приобретаая значительные имущества в провинции, превращалась в провинциальную служилую знать ²².

Целью данной работы является изучение сенаторской аристократии Константинополя первой половины VI в.: ее социального состава, богатств, стабильности или, быть может, нестабильности ее положения, а также политической роли и влияния в обществе.

* * *

Основную массу сенаторской аристократии в VI в. составляли иллюстрии, так как более низкие разряды знати, клариссимы и спектабили (*clarissimi, spectabiles*), потеряли право заседать в великой курии и получили разрешение покинуть столицу ²³. Титул иллюстрия становится синонимом сенаторского звания ²⁴.

Первое место в сенате, согласно новелле Юстиниана, принадлежало префекту города. Далее шли иллюстрии, облеченные достоинством патрикий, которое жаловалось теперь не только консулам и префектам, как при Зиноне, но и просто иллюстриям. За ними шли консулы, ординарные и почетные, префект (претория), магистр солдат и, наконец, остальные иллюстрии ²⁵.

По мнению М. В. Левченко и Г. Зайдлера, основной костяк сената составляли крупные землевладельцы ²⁶. Именно из их среды, пишет Г. Зайдлер, выходили сенаторы ²⁷. Существование в других городах родовитой аристократии, не связанной с сенаторским сословием, М. В. Левченко считал исключением ²⁸. Таким образом, сенаторы отождествляются с византийской аристократией вообще. Со своей стороны, Г. Г. Бек делит аристократию Византии на сенаторов и родовитую знать — провинциальных магнатов ²⁹. Это положение Г. Г. Бека подтверждается исследованиями Д. Клауде, который на основании археологических данных и свидетельств письменных источников пришел к выводу, что крупные землевладельцы VI в. обычно жили в городах, причем автор называет Амиду, Эдессу, Иераполь и т. д., в то время как столица империи находится вне поля его зрения ³⁰. Несколько раньше подобная мысль была высказана П. Лемерлем ³¹.

²¹ З. В. Удальцова. Социально-экономическая и административная политика Юстиниана. — В кн. «История Византии», т. 1. М., 1967, стр. 225—228.

²² Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития ранневизантийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971, стр. 160.

²³ Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 65; P. Guyan. Очерки административной истории Ранневизантийской империи (IV—VI вв.). — ВВ, XXIV, 1964, стр. 45.

²⁴ R. Guiland. La noblesse byzantine. Remarques, p. 46.

²⁵ Nov. 62, cap. II; E. Stein. La disparition du Sénat de Rome à la fin du VIe siècle. — In: E. Stein. Opera minora selecta. Amsterdam, 1968, p. 393—394; R. Guiland. Recherches, I, p. 26.

²⁶ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. — «Византийский сборник». М.—Л., 1945, стр. 80, 86; G. Seidler. Soziale Ideen in Byzanz. Berlin, 1960, S. 16.

²⁷ G. Seidler. Op. cit., p. 16; ср. М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 86.

²⁸ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 83.

²⁹ H.-G. Beck. Konstantinopel, S. 18—19.

³⁰ D. Claude. Die byzantinische Stadt in der 6. Jahrhundert. München, 1969, S. 185—187.

³¹ «Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines. Ochride, 10—16 septembre, 1961», t. I. Beograd, 1963, p. 278.

В советской историографии сходную позицию занимает Н. В. Пигулевская. Ссылаясь на данные законодательства, она указывает, что в городах были «знатные по рождению, пользующиеся почетом, и богатые по наследству»³².

Следует отметить, что эти данные подтверждаются известиями Прокопия, который в той главе «Тайной истории», где описывается ограбление сенаторов Юстинианом, говорит о некоем юноше Иоанне, сыне самого знатного человека в Эдессе³³. Когда он был отдан заложником персам, его бабка собрала не менее 2000 либров серебра, чтобы выкупить своего внука³⁴. В другом месте Прокопий рассказывает об одном из первых членов городской курии, дочь которого вышла замуж за Мамилиана из Кесарии, принадлежащего к знатному роду³⁵.

М. Я. Сюзюмов также полагает, что «города V—VI вв. находились в руках урбанизированной провинциальной рабовладельческой знати, имевшей в руках крупные земельные владения и постоянно проживавшей в городах»³⁶.

О роли крупных земельных собственников в отдельных городах пишет и Г. Л. Курбатов³⁷. Говорит о ней также И. Ф. Фихман³⁸.

Итак, по-видимому, значительная часть крупных земельных собственников была связана не с Константинополем, а с провинцией.

Тем не менее вряд ли имеется необходимость резко противопоставлять столичную аристократию провинциальной, как это делает Г. Г. Бек, утверждая, что провинциальная аристократия не стремилась в Константинополь и проявляла больший интерес к высоким должностям в провинциальном, чем в центральном, аппарате³⁹. Это положение Г. Г. Бека, высказанное в работе, охватывающей большой хронологический период, не может быть полностью принято для VI в. Достаточно вспомнить семью Апионов, которые на протяжении трех поколений играли большую роль в политической жизни империи⁴⁰. Имя Апионов впервые упоминается в документах в 497 г.⁴¹, и уже тогда они были известны как крупные землевладельцы. В 503 г. глава их семьи (Апион I) принимает участие в военной экспедиции в Амиду в качестве распорядителя расходами войска (*χορηγός τῆς τοῦ στρατοπέδου δαπάνης*)⁴². Прокопий называет его известным среди

³² Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 58.

³³ *Procopii Caesariensis Opera omnia*, vol. III: *Historia arcana*. Lipsiae, 1963 (далее — *Procop.*, Н. а.), XII, 6; *Procopii Caesariensis Opera omnia*, vol. I: *De bello Persico*. Lipsiae, 1962 (далее — *Procop.*, В. Р.), II, 21, 27—28 cf. *Theophanis Chronographia*, I. Lipsiae, 1883 (далее — *Theoph.*), p. 224.

³⁴ *Procop.*, Н. а. XII, 8—9. Прокопий называет Иоанна сыном Василия, исходя из чего Аллеманн, а вслед за ним и Г. Дестунис считали его сыном того Василия, который был отдан заложником персам при Анастасии и затем выкуплен за большую сумму. На этом основании Г. Дестунис справедливо полагал, что семья обладала большими богатствами (*Procop.*, vol. III. *Bonnae*, 1838, p. 410—411; *Прокопия Кесарийского История войн римлян с персами. Книга вторая*. СПб., 1894, стр. 150—152, прим. 20).

³⁵ *Procop.*, Н. а., XXIX, 17.

³⁶ М. Я. Сюзюмов. Византийский город (середина VII—середина IX вв.). — ВВ, XXVII, 1967, стр. 67.

³⁷ Г. Л. Курбатов. Указ. соч., стр. 161—163. Впрочем, автор считает, что они принадлежали к сенаторскому сословию. Лишь с середины VI в. сенат и сенаторское сословие перестают быть объединением имперских землевладельцев. В это время сенат приобретает более «константинопольский», городской характер (там же, стр. 163—164).

³⁸ И. Ф. Фихман. Египетский город ранневизантийского времени (Некоторые предварительные итоги изучения социально-экономической истории города Оксиринха). — ВО, 1971, стр. 131—135.

³⁹ H.-G. Beck. *Konstantinopel*, S. 19; ср. P. Arsak. *Op. cit.*, p. 241—242.

⁴⁰ E. Hardy. *The Large Estates of Byzantine Egypt*. N. Y., 1931, p. 25.

⁴¹ *Ibidem*.

⁴² *Procop.*, В. Р., I, 8, 5. Малала называет его префектом претория Востока: *Ioannis Malalae Chronographia*. *Bonnae*, 1832 (далее — *Malal.*), p. 398. Дж. Бьюри (*J. Bury*. *History of the Later Roman Empire*, vol. I. N. Y., 1958, p. 470) и Е. Гарди (*E. Hardy*. *Op. cit.*, p. 26) полагали, что у Малалы допущена ошибка. Э. Штейн в свою очередь

патрикийев и предприимчивым⁴³. Иоанн Лид также свидетельствует, что это был выдающийся человек и сверх того ближайший сподвижник императора. По словам автора, Анастасий делил с ним верховную власть⁴⁴. После неудачи экспедиции он был отстранен от должности⁴⁵, а затем, в 510 г., сослан в Никею⁴⁶. Юстин, придя к власти, возвратил его из изгнания и назначил на пост префекта претория⁴⁷. Сын Апиона, Стратигий, также выполнял ряд ответственных поручений и должностей при Анастасии и Юстиниане⁴⁸. В 533 г. как представитель императора он председательствовал на совещании шести ортодоксальных и шести монофиситских епископов⁴⁹. В 533—538 гг. Стратигий — комит священных шедрот⁵⁰. Известная 136-я новелла об аргиропратах составлена на его имя⁵¹. Находясь в этой должности, Стратигий был отправлен императором разбирать спор между сарацинами, сасанидами и лахмидами относительно так называемой «Strata»⁵². Прокопий называет его человеком разумным, благородного происхождения, патрикийем⁵³. Патрикийем и бывшим консулом (по всей вероятности, почетным⁵⁴) Стратигий именуется в новеллах Юстиниана⁵⁵. Его сын, Апион II, был ординарным консулом 539 г., хотя никакой важной должности не занимал⁵⁶. По мнению Е. Гарди, этот титул был предназначен для его отца и дан Апиону II в его честь⁵⁷.

На Апионах, однако, не обрываются связи египетской знати со столицей. Прокопий рассказывает, как (около 542 г.⁵⁸) был смещен с поста августалия Александрии римский патриций Либерий и на его место

считает, что Апион действительно был префектом претория, но его префектура носила не ординарный, а экстраординарный характер. В доказательство Э. Штейн ссылается на Cod. Just., XII.8.2, § 3 sq. (*E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1959, p. 95, п. 2). В пользу этой точки зрения можно привести и свидетельство самого Прокопия, который применительно к другому распорядителю расходами войска, Архелаю, использует термин «эпарх» (τότε δὲ στρατοπέδου καταστάς ἐπαρχός. οὕτω γὰρ ὁ τῆς δαπάνης χορηγός ὀνομάζεται — *Procop.*, V. V., I.11, 17). Эпархом называет Апиона (так же, как и Каллиопия, сменившего его на этом посту) Иешу Стилиг (*Joshua the Stylite. The Chronicle Composed in Syriac A. D. 507. Cambridge, 1882, ch. 54*). Эпархом войска называет Апиона Феофан (*Theoph.*, p. 146).

⁴³ *Procop.*, V. P., I, 8, 5.

⁴⁴ *Ioannes Lydus. De magistratibus populi Romani. Lipsiae, 1903, III.17; ср. Theodor Lector. — In: «Revue archéologique», nouvelle série, vol. XXVI. Paris, 1873, p. 397: ... Ἀπίωνα τινὰ τῶν πρώτων ἐν τῇ συγχλήτῳ...*

⁴⁵ *Theoph.*, p. 148; *Joshua the Stylite*, ch. 70.

⁴⁶ *Theodor Lector*, p. 397; *Theoph.*, p. 166. Е. Гарди (*E. Hardy. Op. cit.*, p. 26), А. А. Васильев (*A. A. Vasiliev. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge, Massach., 1950, p. 128*) и Р. Гилян (*R. Guillard. Recherches*, II, p. 133) полагают, что Апион был сослан из-за неудач экспедиции. Ряд источников (*Malal.*, p. 411; *Theoph.*, p. 166), упоминая о ссылке Апиона, ничего не говорят о ее причинах и времени. Иешу Стилиг (ch. 70) между тем сообщает, что после отстранения от должности эпарха Апион отправился в Александрию за провиантом. Мерцеллинкомит, не указывая причин, свидетельствует, что Апион был сослан в 510 г.: *Marcellini Comiti Chronicon. — MGH, AA, t. XI, vol. 2, fasc. 1 (далее — Marcell.)*, p. 97; этой даты придерживаются Ю. Кулаковский (*Ю. Кулаковский. История Византии*, т. I. Киев, 1913, стр. 475) и Э. Штейн (*E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 163).

⁴⁷ *Malal.*, p. 411; *Theoph.*, p. 166.

⁴⁸ *E. Hardy. Op. cit.*, p. 27—28.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 29; *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 378; *R. Guillard. Recherches*, II, p. 146.

⁵⁰ *E. Hardy. Op. cit.*, p. 30—31; *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 433.

⁵¹ На имя Стратигия составлена и новелла 105 о консулах. Кроме того, он упоминается в повеле 22 и эдикте XIII.

⁵² *Procop.*, V. P., II, 1, 9; *E. Hardy. Op. cit.*, p. 31; *E. Stein. Op. cit.*, p. 363; *B. Rubin. Das Zeitalter Justinians*, I. Berlin, 1960, S. 322—323; *R. Guillard. Recherches*, II, p. 145—146.

⁵³ *Procop.*, V. P., II, 1, 9.

⁵⁴ *R. Guillard. Recherches*, II, p. 47, 146.

⁵⁵ *Nov.*, XXII, CV.

⁵⁶ *E. Hardy. Op. cit.*, p. 32.

⁵⁷ *Ibidem.*

⁵⁸ *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 752—753.

назначен египтянин Иоани Лаксарийон, дядя которого Евдемон, достигший консульского звания, жил в Константинополе, будучи *comes regum privatorum* ⁵⁹.

Выходцем из провинции, по-видимому, был и патрикий Гиерий, префект претория Востока при Анастасии ⁶⁰. Он оказал покровительство своему родственнику Каллиопию из Алеппо, назначенному на высокую должность комита Востока ⁶¹. Смещенный с этого поста в результате народного мятежа ⁶², Каллиоций затем вновь появляется на исторической арене. Именуемый патрикием, он становится распорядителем расходов войска, сменив на этом посту Апиона ⁶³. Позже он принимает деятельное участие в строительстве Дары ⁶⁴. Марцеллин-комит называет Каллиопия патрикием Антиохии. Сын его, Феодосий, был августалием Александрии и происходил из Антиохии ⁶⁵. Таким образом, отец и сын, оба происшедшие с Востока, занимали там ответственные посты. Вполне возможно, что и их родственник Гиерий был родом из этих мест ⁶⁶.

Оказался в столице и Анастасий, один из представителей знати города Дары, отправленный в 539 г. послом к Хосрову ⁶⁷.

Итак, хотя в VI в. существовало различие между провинциальной и столичной аристократией, было бы ошибкой резко противопоставлять их друг другу, поскольку, как показывают приведенные выше примеры, представители знатных фамилий из провинции могли часто вливаться в ряды константинопольской аристократии.

⁵⁹ *Procop.*, H. a., XXIX.1-9; *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 753.

⁶⁰ *Malal.*, p. 392; *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 782.

⁶¹ *Malal.*, p. 392.

⁶² *Ibid.*, p. 393.

⁶³ *Joshua the Stylite*, ch. 70.

⁶⁴ *Marcell.*, p. 100.

⁶⁵ *Malal.*, p. 401; *Theoph.*, p. 162—163; *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 164; *R. Guillard. Recherches*, II, p. 133.

⁶⁶ Р. Гийан, ссылаясь на Малалу (*Malal.*, p. 392—393), утверждает, что Каллиоций был родственником Анастасия (*R. Guillard. Recherches*, II, p. 133). У Малалы сказано так: 'Εν δὲ τῇ αὐτοῦ βασιλείᾳ ἐποίησεν ἐπαρχὸν πραίτωριον τὸν πατρίκιον Γερίον· ὅστις ἐποίησε κόμητα ἀνατολῆς Καλλιόπιον τὸν ἴδιον συγγενέα, т. е.: «В его царствование он назначил эпархом претория патрикия Гиерия, который сделал (содействовал назначению) комитом Востока своего родственника Каллиопия». Р. Гийану, возможно, казалось странным, чтобы префект претория назначал (ἐποίησεν) комита Востока, когда даже правителей провинций назначал сам император (*L. Brehier. Les institutions de l'empire byzantin. Paris, 1949, p. 101*). Тем не менее ὅστις обычно относится к последнему существительному (в данном случае к Гиерию), в то время как глагол ποιέω имеет много значений и вполне допускает предложенный выше перевод. В 555 г. была составлена новелла 159, где рассказывается о завещании некоего Гиерия, у которого было несколько сыновей, в том числе и Каллиоций; таким образом, очень соблазнительно было бы отождествить префекта претория Гиерия с Гиерием новеллы, а его сына Каллиопия с комитом Востока Каллиобием. Так и поступил Г. Дауни (*G. Downey. A History of Antioch in Syria. Princeton, 1961, p. 504*), у которого не вызвала сомнений и вышеупомянутая фраза Малалы; исходя из нее, он заключил, что Гиерий назначил своего сына комитом Востока, что в общем-то противоречило существующему правилу. Но есть ряд обстоятельств, мешающих, как нам кажется, полному отождествлению этих лиц. Во-первых, Малала не называет Каллиопия сыном Гиерия. Во-вторых, Каллиоций новеллы имел титул клариссима, в то время как комит Востока Каллиоций у Малалы и Феофана назван патрикием. Далее, Иешу Стилит говорит, что патрикий Каллиоций родом из Алеппо, о Гиерии же известно только то, что он имел дом в Антиохии. Возможно, что Каллиоций из Алеппо был не сыном Гиерия, а другим его родственником: братом, племянником и т. д. К этому предположению склоняют и сведения о возрасте того и другого Каллиопия. Когда Гиерий составлял завещание (что, скорее всего, имело место в эпоху Анастасия, так как до 555 г. умерли его взрослый правнук Константин и малолетняя праправнучка, но был еще жив сын Александр, в завещании же упоминаются только дети Гиерия), у него еще не было внуков и он лишь молит о том, чтобы они у него появились. Через некоторое время Гиерий делает добавление к своему завещанию, где фигурирует его внук, маленький Гиерий. Патрикий Каллиоций между тем имел взрослого сына Феодосия уже во времена Анастасия.

⁶⁷ *Procop.*, V. P., I, 26, 8; II, 4. 15. *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 486—487.

Каков же был состав сенаторской аристократии Константинополя в VI в.?

М. В. Левченко полагает, что большое количество сенаторов было привлечено из Рима Константином, который наделил их огромными владениями в Понте и Малой Азии⁶⁸. Эти данные, к сожалению, не подкреплены никакими документальными сведениями. О большом числе сенаторов, переселенных из Рима в Константинополь, говорит и Г. А. Острогорский⁶⁹. Г. Г. Бек также считает возможным, что Константин переселил часть сенаторов в новую столицу, но они, на его взгляд, не были сливками старой сенаторской аристократии, так как та не одобряла религиозной политики императора⁷⁰. Г. Г. Бек считает, что нельзя сказать ничего определенного о численном составе этой знати и ее земельных владениях⁷¹.

В житии Зотика называется несколько имен представителей римской знати, переселившихся в новую столицу при Константине: Зотик, Павлин, Олибрий, Вер, Север, Мариан, Анфим, Урбикий, Исидор, Каллистрат, Флоренций, Евбул, Сампсон, Студий⁷².

Тем не менее число старой римской знати в IV в. было невелико. Вначале сенат едва насчитывал 300 членов, причем далеко не все из них были знатного происхождения⁷³. Затем в течение 30 лет он разросся до 2000 человек, пополнившись новыми людьми⁷⁴. По словам А. Джонса, это были должностные лица, часто со стороны, дворцовые служащие и масса декурионов, наплыв которых в сенат в последние годы правления Констанция II представлял собой серьезную проблему⁷⁵.

Таким образом, уже в IV в. процент старой римской аристократии в сенате был невелик.

Правда, в течение V в. под влиянием варварской опасности происходит переселение знати из Рима на Восток. Так, «знатный и богатый римский эпарх Волусиан оставил обреченный варварам Вечный Город и переселился во «второй Рим» на службу к царице Евдоксии»⁷⁶. С 410 г. поток переселенцев усилился⁷⁷. После нашествия вандалов в Константинополь переселяется патриций Студий, член римской сенаторской аристократии, консул 454 г., который построил прославившийся впоследствии монас-

⁶⁸ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 80.

⁶⁹ G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. New Brunswick, New Jersey, 1957, p. 36.

⁷⁰ H.-G. Beck. Konstantinopel, S. 19. III. Лекривен между тем утверждал, что сенат первоначально не состоял только из христиан, в него входили и язычники (о язычниках см. также E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. I, p. 208, 242, 391). По его мнению, уважение, которое оказывал сенаторам Юлиан, скорее могло бы доказать обратное, и еще при Феодосии префект города был язычником (Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 217). Язычники занимали ответственные посты еще в VI в., до гонения на них в 529 г.

⁷¹ H.-G. Beck. Konstantinopel, S. 19.

⁷² H. Delehaye. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxelles, 1902, p. 359; Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 248; А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агитографии. М., 1917, стр. 62. III. Лекривен допускает возможность, что в Константинополь переселились и представители рода Анициев (Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 248, n. 4).

⁷³ А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 546.

⁷⁴ Ibid., p. 527. В V в. в среде сенаторов происходят важные количественные изменения, поскольку, как указывалось выше, клариссимы и спектабили потеряли право заседать в сенате. А. Джонс помещает эти изменения между 450 и 530 гг. (А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 529). Другие исследователи относят их к 440 г. (P. Guyan. Указ. соч., стр. 45; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. I, p. 220; Г. Л. Курбатов. Указ. соч., стр. 158). В начале правления Юстиниана число иллюстриев увеличилось за счет illustres honorarii. Около 536 г. Юстиниан лишил их права заседать в сенате, который снова становится сравнительно небольшим собранием (E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 432).

⁷⁵ А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 527; ср. Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 248—220.

⁷⁶ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 63.

⁷⁷ Там же.

ть 78. Но, как свидетельствуют жития, переселенцы, направляясь на Восток, не всегда приходили в Константинополь 79. Поэтому говорить о значительном увеличении старой аристократии в столице на берегу Босфора представляется едва ли возможным.

Совершенно ясно, что если так трудно определить численность старой римской знати в Константинополе IV—V вв., то отыскивать сведения о ее потомках в VI в. — задача гораздо более сложная.

В «Тайной истории» Прокопий упоминает двух девушек-сестер, у которых дед и отец не только были консулами, но издревле являлись первыми по крови в сенате 80. Однако этот род мог начаться и с IV в. как род Анфимия 81, которого Прокопий считает знаменитым родом и богатством 82. В скудых на этот счет источниках не дается родословная упоминаемых сенаторов, и нам известен лишь один патрикий — Олибрий, которого можно считать потомком старой аристократии, и то по линии деда со стороны матери. Его отец, Аревинд, консул 506 г., один из главных стратигов войны с персами при Анастасии 83, вел свой род от внучки Аспара Диагисфеи 84, а мать патрикия Юлиана была дочерью римского императора Олибрия (принадлежавшего к аристократическому дому Анициев 85) и Плакидии, внучки Феодосия II 86.

Вместе с тем ряды старой знати, следы которой почти невозможно уловить в VI в., несколько пополнились в этот период переселенцами из Рима. Прокопий утверждает, что в Константинополе было много знатных италийцев 87. Трудно судить, насколько он прав, но несколько имен можно назвать. Прежде всего это Василий, консул 541 г. на Востоке, принадлежавший к известной фамилии Дециев 88. Е. Штейн предполагает, что он был сыном сенатора Альбина, упоминаемого в связи с процессом Борция 89. Оказался в Константинополе и патриций Цетег, который в 551, 552 и 553 гг. вместе с Велисарием, Петром Патрикием и другими видными сановниками вел переговоры с папой Вигилием 90. Патриций Либерий также эмигрировал на Восток и, несмотря на свой преклонный возраст, занимал видные посты в административном и военном аппарате империи 91. Он был августалием Александрии до 543 г. 92 В 549 г. Либерий отправился во главе византийского флота в Сицилию, а в 552 г. командовал армией, посланной для завоевания Испании 93. В 553 г. он был участником посольства к Вигилию 94. Этими лицами, к сожалению, исчерпы-

78 Ю. Кулаковский. Указ. соч., т. I, стр. 390.

79 А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 63.

80 *Procop.*, Н. а., XVII.7.

81 См. ниже, прим. 95.

82 *Procop.*, В. V., I. 6, 5.

83 *Malal.*, p. 398; *Theoph.*, p. 145; *R. Guillard. Recherches*, II, p. 132—133. Несомненно сомнительным кажется следующее утверждение Гийана: «... Он, конечно, был патриkiem, поскольку его жена носила этот титул».

84 *Theoph.*, p. 145.

85 *Procop.*, В. P., I, 8, 4; *Malal.*, p. 392, 398. Юлиана играла довольно заметную роль в жизни столицы. Она была активной сторонницей Халкидонского собора и открыто выступала против монофиситской политики Анастасия (*Theoph.*, p. 157—158). В начале правления Юстина Юлиана состояла в переписке с папой (*Mansi*, VIII, col. 459, 466, 495).

86 *Procop.*, В. V., III, 6, 6.

87 *Procop.*, В. G., III, 35, 9.

88 *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 462; *R. Guillard. Recherches*, II, p. 46.

89 *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 462.

90 *Ibid.*, p. 650, 665.

91 З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 27—28.

92 *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 391, 752—753.

93 З. В. Удальцова. Италия и Византия, стр. 28.

94 *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 665; *R. Guillard. Recherches*, II, p. 142.

ваются наши знания о представителях старой сенаторской аристократии в Константинополе VI в.

Несколько легче проследить судьбу потомков той знати, которая выдвинулась в IV—V вв. В «Тайной истории», например, Прокопий упоминает некоего Зинона, внука императора Анфимия (467—472), род которого восходил к первой половине IV в.⁹⁵ С середины V в. начинают выдвигаться родственники императора Льва, фракийца из племени бессов⁹⁶. Об одном из них, Диогениане, рассказывает Малала, называя его родственником императрицы Ариадны⁹⁷. Вместе с Иоанном Киртом он командовал экспедицией против исавров⁹⁸. Затем по неизвестной причине был сослан и возвращен из ссылки уже Юстином, при котором он занял пост стратилата Востока. Со второй половины V в. начинается родословная бывшего консула (почетного⁹⁹) Иоанна, сына Руфина и внука Иоанна Скифа, полководца времен Зинона и Анастасия, удостоенного консульского звания в 498 г. за победу над исаврами¹⁰⁰. Иоанн выполнял различные поручения при Юстиниане. В начале его правления сын Руфина выступил в поход против гуннов¹⁰¹, позднее, в 540 г., он был послом к Хосрову¹⁰². Феофан называет его родственником Феодоры¹⁰³. С конца V в. возвышаются Апионы и родственники Анастасия¹⁰⁴. Племянники Анастасия Ипатий, Помпей и Проб достигают самого высокого положения.

Итак, источники свидетельствуют о том, что наряду с потомками старой римской аристократии (о числе которых нельзя сказать ничего

⁹⁵ Император Анфимий носил имя своего деда Анфимия, управлявшего государством в малолетство Феодосия II и принадлежавшего к высшей служилой знати, так как дед его Филипп, будучи сыном колбасника, стал префектом претория при Констанции (346—348) (Ю. Кулаковский. Указ. соч., т. I, стр. 227, 366; А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 551). У императора Анфимия было четыре сына: Маркиан, Прокопий, Ромул и Анфимий, консул 515 г. Три первых из них подняли неудачное восстание против Зинона. Маркиан был сослан, Прокопию и Ромулу удалось бежать на Запад (Theoph., p. 126—127; E. Stein, Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 16, n. 2). Тем не менее семья продолжала существовать, поскольку Ариадна, сестра которой была замужем за Маркианом, настойчиво просила Анастасия назначить на пост префекта претория Анфимия, сына одноименного императора (Joan. Lyd., De mag., III.50). А. Джонс предполагает, что консул 515 г. был его сыном (А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 551). Другие историки считают, что консул 515 г. был не внуком императора Анфимия, а его сыном (Ю. Кулаковский. Указ. соч., т. I, стр. 523, прим. 3; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 194).

⁹⁶ Malal., p. 369.

⁹⁷ Ibid., p. 393.

⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹ R. Guillard. Recherches, II, p. 47.

¹⁰⁰ Р. Гийан считает, что Иоанн был сыном того Руфина, который вел переговоры с персами, отличая его от Руфина, сына Сильвана. Но у Прокопия (Procop., V. P., I, 11, 24; 16, 4) именно сын Сильвана отправился послом к Каваду и Хосрову. Поэтому следует согласиться с Э. Штейном (E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 94), который считал сына Сильвана зятем Иоанна Скифа, или признать, что Руфин, сын Иоанна Скифа, не имел никакого отношения к переговорам между Ираном и Византией, в которых такое деятельное участие принимал Руфин, сын Сильвана. Мы склонны все-таки согласиться со Штейном, так как Иоанна, сына Руфина, также посылали к Хосрову в 540 г. (Procop., V. P., II, 7, 15). Учитывая, что Руфин, сын Сильвана, имел хорошие связи при персидском дворе и был, по свидетельству Захарии Ритора, другом самого шаха, поскольку он советовал Каваду оставить трон Хосрову, учитывая благожелательное отношение матери шаха к сыну Сильвана (Zacharias Rhetor. Die sogenannte Kirchengeschichte, ed. K. Ahrens, G. Krüger, Leipzig. 1899, IX.7), можно предположить, что именно его сына отправили на переговоры с Хосровом.

¹⁰¹ Malal., p. 432; Theoph., p. 175—176; Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae ope, vol. I. Bonnae, 1838, p. 645.

¹⁰² Procop., V. P., II, 7, 15.

¹⁰³ Theoph., p. 237; R. Guillard. Recherches, II, p. 47, 62, n. 53.

¹⁰⁴ О родственниках Анастасия см.: В. Рубин. Op. cit., S. 485; С. Capizzi. L'imperatore Anastasio I (491—518). Studio sulla sua vita, la sua opera e la sua personalita. Roma, 1969, p. 29—46.

определенного) в VI в. в рядах знати были отпрыски тех, кто поднялся в эту сферу сравнительно недавно (IV—V вв.). Вместе с тем ряды аристократии пополнялись новыми людьми и в течение VI в. Прежде всего это были родственники новой династии. Современные им авторы (прежде всего Прокопий) неоднократно упоминают многочисленных родственников Юстиниана, его племянников и племянниц. Это — Вораид, Юст, Прейекта, Герман со своими сыновьями Юстином и Юстинианом и дочерью Юстиной, сын сестры императора Вигилиянци, будущий император Юстин II, его брат Маркелл и др. Самым могущественным из них был Герман¹⁰⁵. Он был крупным военачальником, наводил страх на славян¹⁰⁶, подавлял восстание в Ливии¹⁰⁷. Герман был очень богат и, по словам Прокопия, ссужал большие деньги всем нуждающимся, никогда не беря процентов¹⁰⁸. Однако свое богатство Герман наживал иногда самым неожиданным образом. Малала сообщает любопытный факт, когда накануне захвата Антиохии Хосровом Герман, назначенный стратилатом, был послан на войну вместе со своим сыном Юстином. Ни о чем не заботясь, он жил в Антиохии, скупая у жителей серебро за 2 или 3 номисмы либра¹⁰⁹.

Кроме родственников императора, в ряды аристократии попадали совершенно посторонние люди, выделявшиеся тем не менее какими-то способностями и часто игравшие в государстве немалую роль.

К такому можно отнести Марина Сирийца, которому принадлежит идея создания института виндиков¹¹⁰ и который, по свидетельству Малалы, возглавлял войско против Виталиана¹¹¹. Марин принимал участие в религиозной политике Анастасия. В 512 г. народ разграбил его дом, считая Марина главным виновником открытого перехода императора к монофиситству¹¹². В 519 г., уже при новой династии, Марин исполнял должность префекта претория¹¹³.

¹⁰⁵ *Procop.*, V. G., III, 32, 10. Герман состоял в родстве с домом Анициев (*Jordan. Getica*, 314). По утверждению Браунинга, из рода Анициев была первая жена Германа Пассара (*R. Browning. Justinian and Theodora. London, 1971, p. 76*). Однако в источниках нет относительно Пассара никаких точных сведений. Иордан же просто сообщает, что в сыне Германа и Матасунты соединился род Анициев с Амалами. Э. Штейн полагает, что Герман принадлежал к Анициям по линии своей матери или каким-либо другим образом (*E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 325*).

¹⁰⁶ *Procop.*, V. G., III, 40, 5—7.

¹⁰⁷ *Procop.*, V. V., II, 16, 17; V. G., III, 39.12; *З. В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. — ВВ, V, 1952, стр. 36—38*.

¹⁰⁸ *Procop.*, V. G., III, 40.9.

¹⁰⁹ *Malal.*, p. 480; Г. Дауни (*G. Downey. The Persian Campaign in Syria in A. D. 540. — «Speculum», 28, 1953, p. 346*) считает, что отношение золота к серебру в эту эпоху было 1 : 6. Следовательно, нормальная стоимость либры серебра была 12 номисм (номисма или солид = 1/72 либры золота). Таким образом, Герман покупал серебро, которое люди меняли на золото, чтобы легче унести его с собой, с большой выгодой для себя. Стремясь сохранить серебро, Герман покинул Антиохию и оказался виновником ее захвата (*G. Downey. The Persian Campaign, p. 347*). По этой причине, полагает исследователь, его и не любили при дворе. Э. Штейн, однако, считает, что Герман скупал серебро для государственной казны. Отношение золота к серебру, по мнению этого ученого, было 1 : 18, т. е. 4 номисмы либра (*E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 489, 426, n. 1*). Г. Дауни (*G. Downey. A History of Antioch in Syria, p. 540*), допуская возможность, что Герману было поручено скупать серебро, так как персы предпочитали его золоту, тем не менее сомневается, что он делал финансовые махинации в интересах государства. Отношение серебра к золоту у Э. Штейна, по мнению Дауни, сильно занижено (*G. Downey. A History of Antioch in Syria, p. 540—541, n. 167*). О высоком отношении серебра к золоту см. *B. Rubin. Op. cit., S. 509, Anm. 1027*. Однако автор, признавая вслед за Г. Дауни, что Герман скупал серебро в своих интересах, не склонен считать его виновником падения Антиохии (*B. Rubin. Op. cit., S. 326, 509, Anm. 1027*).

¹¹⁰ *Malal.*, p. 400; *Ioan. Lyd., De mag., III, 49*.

¹¹¹ *Malal.*, p. 403—405.

¹¹² *Ibid.*, p. 407; *Marcel.*, p. 98.

¹¹³ *Ю. Кулаковский. Указ. соч., т. II, стр. 8; E. Hardy. Op. cit., p. 27; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 783; A. A. Vasiliev. Op. cit., p. 130*.

Далее нужно назвать Иоанна Каппадокийского, дважды занимавшего пост префекта претория и удостоенного консульского звания¹¹⁴. Безграмотность изобличала в нем человека низкого происхождения, однако благодаря своему необыкновенному уму он скоро сделал блестящую карьеру. Скринарий одного из *magisteria militum praesentia*, затем глава финансового бюро префектуры претория, Иоанн был допущен в иллюстрат, не будучи еще префектом¹¹⁵. Прокопий, высказав по адресу Иоанна много нелестных слов, отметив между прочим и то, что он был человеком необразованным, не умевшим даже как следует писать письма, тем не менее вынужден признать высокие умственные способности Иоанна¹¹⁶. Он называет его человеком необычайно смелым и прозорливым¹¹⁷. Иоанн принимал самое активное участие в политике Юстиниана. Из более чем 170 новелл, опубликованных после 534 г., три четверти, адресованные по большей части Иоанну Каппадокийскому, относятся к его эпохе и только одна четверть — к следующим 25 годам¹¹⁸. По мнению Э. Штейна, серия административных реформ была подготовлена именно этим префектом претория, а Юстиниан лишь играл роль великого реформатора¹¹⁹. Император очень ценил Иоанна¹²⁰, который, по-видимому, знал об этом и не боялся высказывать свое мнение. Он единственный выступил на заседании сената против войны с вандалами¹²¹. Не побоялся он и поносить перед Юстинианом Феодору, «не щадя той великой любви, которую имел к ней император»¹²². Изобличенный в попытке устроить заговор, Иоанн был сослан в Кизик, а имущество его конфисковано¹²³. Тем не менее Юстиниан пожалел его и в этом случае, оставив ему большую часть имущества¹²⁴. Позже, несмотря на то, что Иоанн был обвинен в убийстве кизикского епископа, он снова был возвращен в Константинополь, хотя другие участники этого дела были сурово наказаны¹²⁵.

Высокую оценку деятельности Иоанна Каппадокийского дает Э. Штейн. Он считает его величайшим деятелем в области внутренней политики в период между правлением Анастасия и Ираклия¹²⁶. По мнению исследователя, это была самая замечательная и наиболее значительная фигура столь богатого выдающимися талантами ранневизантийского времени¹²⁷.

В ряды аристократии попал и сириец Петр Барсима, о котором Прокопий рассказывает, как, будучи менялой, он, «сидя у стола с медью,

¹¹⁴ Иоанн был дважды почетным консулом и один раз ординарным (см.: *R. Guiland. Recherches.*, II, p. 48).

¹¹⁵ *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 435.

¹¹⁶ *Procop.*, B. P., I, 24, 12.

¹¹⁷ *Procop.*, B. V., I, 10, 7—8.

¹¹⁸ *E. Stein. Justinian, Iohannes Kappadozier und das Ende des Konsulats.* — *BZ*, XXX, 1929-30, S. 379; *idem. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 282; *R. Guiland. Recherches*, II, p. 48, 63.

¹¹⁹ *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 282.

¹²⁰ *Procop.*, B. P., I, 25, 5—6.

¹²¹ *Procop.*, B. V., I, 10, 2—21; *Theoph.*, p. 188; *E. Stein. Justinian, Iohannes Kappadozier und das Ende des Konsulats*, S. 377—378.

¹²² *Procop.*, B. P., I, 25, 4—5.

¹²³ *Ibid.*, I, 25, 31—33.

¹²⁴ *Ibid.*, I, 25, 33.

¹²⁵ *Malal.*, 483. Впрочем, ни один из титулов не был ему возвращен (*Procop.*, B. P., II, 30, 49—50).

¹²⁶ *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 483; ср. также *G. Ostrogorsky. Op. cit.*, p. 67; *E. Franzus. History of the Byzantine Empire*. N. Y., 1967, p. 70. В меньшей степени эти исследователи останавливаются на корыстолюбии и вымогательствах Иоанна. Еще более идеализированным становится образ Иоанна Каппадокийского у А. Джонса, который считает, что Иоанна ненавидела аристократия, в то время как у простого населения столицы он не вызывал особой антипатии (*A. H. M. Jones. Op. cit.*, p. 272; об Иоанне также p. 279, 284—285).

¹²⁷ *E. Stein. Justinian, Iohannes Kappadozier und das Ende Konsulats*, S. 377.

ловко крал оболы и обсчитывал людей благодаря проворству пальцев»¹²⁸. Получив должность скринария в префектуре претория, он впоследствии дважды занимал пост комита священных щедрот и дважды был префектом претория Востока. В общей сложности около двадцати лет Петр был на этих ответственных должностях¹²⁹. Император пожаловал ему титул консула и патрикия¹³⁰. Все они, Марин, Иоани и Петр, были, по видимому, выдающимися финансовыми и государственными деятелями.

Кроме них, в правление Юстиниана выдвигаются люди, обладающие дипломатическим талантом. К их числу следует прежде всего отнести Петра Патрикия. Происходивший из семьи, некогда жившей в Месопотамии¹³¹, он родился в Фессалонике. Некоторое время он был ритором в Константинополе, и Прокопий отличает его как человека выдающегося ума и умения убеждать других людей¹³². В 534 г. Петр отправился послом к Амаласунте¹³³, но, так как власть в Италии оказалась в руках Теодата, он в следующем году отправился в Равенну и вел с ним переговоры¹³⁴. По возвращении из Италии Петр был удостоен звания магистра оффиций¹³⁵. В 550 г. он в сане патрикия вел переговоры с Хосровом¹³⁶. В 551—553 гг. Петр принимал участие в переговорах с папой¹³⁷. В 561 г. он опять был у Хосрова и заключил с ним необходимый для империи мир¹³⁸.

В период, когда империя вела активную внешнюю политику, вполне естественным было выдвижение людей, отличавшихся доблестью и военным талантом. Не говоря о Велисарии, карьера которого хорошо известна¹³⁹, можно назвать ряд других лиц, например Ситу, который вместе с Велисарием был когда-то дорифором Юстиниана¹⁴⁰. По свидетельству Малалы, это был человек воинственный и способный¹⁴¹. Прокопий также

¹²⁸ *Procop.*, Н. а., XXII, 3.

¹²⁹ *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 762.

¹³⁰ *R. Guiland. Recherches*, II, p. 138. Необычайно высокую характеристику дает Петру Барсима Хаури. Считая его образованным человеком, ученый предполагает, что часть труда, приписываемого Петру Патрикию, была написана Петром Барсимой (*J. Haury. Petros Patricios Magister und Petros Patricios Barsymes*. — *BZ*, 14, 1905, S. 531). Между тем известно, что должности, занимаемые Петром Барсимой, не всегда давались образованным людям (пример Иоанна Каппадокийского — наглядное тому свидетельство). Хаури также считает, что сын Петра Магистра был сыном не Петра Патрикия, а Петра Барсимы, ссылаясь на то, что Федор был родом из Солахон, около Дары. Хаури почему-то кажется, что это место находится в Сирии (*J. Haury. Op. cit.*, p. 529—530).

¹³¹ Прокопий называет Петра иллирийцем (*Procop.*, V. G. I, 3, 30). Нибур и Крумбахер предполагали, что слова Прокопия Ἰλλυριὸν γένος следует понимать в том смысле, что Петр родился в местности, находящейся в юрисдикции префекта претория Иллирии. По мнению В. Греку, однако, Петр в самом деле был иллирийцем, как и Юстиниан (*V. Grecu. Die Abstammung des Historikes Petros Patrikios*. — *BZ*, 40, 1940, S. 448). Э. Штейн, опираясь на Феофилакта Симокатту, доказал, что Петр происходил из семьи, жившей когда-то около Дар, и, таким образом, Ἰλλυριὸν γένος не имело в данном случае значения народности (*E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 724).

¹³² *Procop.*, V. G., I, 3, 30.

¹³³ *Ibidem*.

¹³⁴ *Ibid.*, I, 6, 1—11.

¹³⁵ *Ibid.*, II, 22, 24.

¹³⁶ *Ibid.*, IV, 11, 2.

¹³⁷ *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 725.

¹³⁸ *B. Rubin. Op. cit.*, S. 368 f.

¹³⁹ См., например, *L. M. Chassin. Bélisare, généralissime byzantin (504—565)*. Paris, 1957, где, впрочем, образ Велисария в значительной степени идеализирован (*З. В. Удальцова. Италия и Византия*, стр. 258, прим. 23).

¹⁴⁰ *Procop.*, V. P., I, 12, 21. Этническая принадлежность Ситы неизвестна. Ряд авторов (*E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 290; *A. H. M. Jones. Op. cit.*, p. 271) считают его армянином. Восточное происхождение Ситы предполагает Н. Адонц. Ссылаясь на житие Феодора, игумена Хорского, автор считает настоящим именем Ситы Урсикий (романизованное от Урсук, что по-пехлевийски означает «священнослужитель») (*Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана*. Ереван, 1971, стр. 138). По мнению Б. Рубина, Сита был гот (*B. Rubin. Op. cit.*, S. 266).

¹⁴¹ *Malal.*, p. 429—430.

наделяет Ситу качествами превосходного полководца и называет его красивым и храбрым воином¹⁴². Юстиниан назначил его на пост стратилата Армении¹⁴³, а впоследствии Сита стал *magister militum praesentalis*¹⁴⁴. Он был женат на сестре Феодоры Комито¹⁴⁵, благодаря чему был близким ко двору человеком. В одной из новелл Юстиниана Сита назван бывшим консулом и патриkiem¹⁴⁶. Э. Штейн высоко оценивает деятельность этого полководца, полагая, что он несколько не уступал Велисарию как военный и превосходил его как политик¹⁴⁷.

Можно вспомнить еще Мартина, служившего вначале под командованием Велисария¹⁴⁸, а затем ставшего одним из главнокомандующих в войне с Лазикой¹⁴⁹.

Наконец, головокружительная карьера Юстина, иллирийского крестьянина¹⁵⁰, возвысившегося благодаря своим военным успехам, подтверждает мысль о том, что наряду с родственниками новых императоров в высшие слои константинопольского общества могли попадать люди способные, хотя и низкого происхождения. Более того, в рядах аристократии оказывались не только люди весьма скромные по происхождению, но и варвары, многие из которых в этот период достигали высших командных постов в византийской армии¹⁵¹. Так, весьма благосклонно отнесся император к вождю гепидов Мунду, который вначале сражался за Теодориха, а после его смерти перешел к Юстиниану¹⁵². Император назначил его стратилатом Иллирии¹⁵³, а когда Велисарий был смещен с поста стратилата Востока, эту должность получил Мунд¹⁵⁴. Мстя за смерть своего сына Маврикия, он погиб в столкновении с готами. Прокопий отмечает, что Мунд был исключительно предан интересам императора и очень сведущ в военном деле¹⁵⁵.

Варваром являлся другой византийский военачальник, Бесса. Он происходил из тех готов, которые в свое время не последовали за Теодорихом в Италию¹⁵⁶. Бесса участвовал в персидской войне еще при Анастасии¹⁵⁷, а затем и при Юстиниане, когда стал дукой Мартирополя¹⁵⁸. Во время войны с готами он уже занимал пост одного из военачальников¹⁵⁹. По свидетельству Прокопия, Бесса был энергичен, обладал хорошими познаниями в военном деле и мог сам искусно проводить различные операции¹⁶⁰. Неоднократно отличившись в этой войне, он тем не менее показал себя с самой худшей стороны во время осады Рима Тотилой, про-

¹⁴² *Procop.*, В. Р., II, 3, 26.

¹⁴³ *Malal.*, p. 429—430; *Procop.*, В. Р., I, 15, 3.

¹⁴⁴ *Procop.*, В. Р., I, 15, 3.

¹⁴⁵ *Malal.*, p. 429.

¹⁴⁶ *Nov.*, 22.

¹⁴⁷ *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 288—289.

¹⁴⁸ *Procop.*, В. Г., I, 24, 18; 27, 1, 22, 23; II, 2, 8, 9 и др.

¹⁴⁹ *Agath.*, II, 18.

¹⁵⁰ Часть источников называет Юстина фракийцем, часть — иллирийцем. А. А. Васильев отдаст предпочтение фракийскому происхождению Юстина (*A. A. Vasiliev. Op. cit.*, p. 49), Б. Рубин, А. Джонс и др. — иллирийскому (*B. Rubin. Op. cit.*, S. 81; *A. H. M. Jones. Op. cit.*, p. 267).

¹⁵¹ О варваризации византийской армии см.: Э. В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке, стр. 29; *е же*. Италия и Византия, стр. 361; *J. L. Teall. The Barbarians in Justinians armies.* — «*Speculum*», 40, 1965, p. 294—322.

¹⁵² *Malal.*, p. 450—451.

¹⁵³ *Ibid.*, p. 451.

¹⁵⁴ *Ibid.*, p. 466. Но Мунд, по-видимому, эту должность не исполнял (*E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 293; *B. Rubin. Op. cit.*, S. 289).

¹⁵⁵ *Procop.*, В. Г., I, 5, 2.

¹⁵⁶ *Procop.*, В. Р., I, 8.3.

¹⁵⁷ *Ibidem.*

¹⁵⁸ *Ibid.*, I, 25, 5.

¹⁵⁹ *Procop.*, В. Г., I, 5, 3.

¹⁶⁰ *Ibid.*, I, 16, 2—3.

явив «особую жадность и изощренность в ограблении населения»¹⁶¹. Бесса плохо защищал город и в конце концов бежал¹⁶². Это постыдное поведение он до некоторой степени искупил, когда, будучи уже семидесятилетним стариком, проявил необычайную храбрость и искусство при осаде Петры¹⁶³, хотя, впрочем, и в Лазике он по-прежнему был не менее корыстолюбив, чем в Риме¹⁶⁴.

Военные успехи помогли продвинуться и готу Бузе¹⁶⁵, ставшему стратегом Востока. Готом, по утверждению Захарии Ритора, был всемогущий Виталиан, который заставил трепетать Анастасия¹⁶⁶ и соперничества с которым испугался Юстиниан¹⁶⁷.

Вместе с тем варвары попадали в ряды знати не только благодаря своим военным способностям. Магистр Гермоген, например, отличался дипломатическим дарованием. Малала называет его скифом¹⁶⁸, и ученые делали из этого различные выводы. Одни считали его гунном¹⁶⁹, другие — готом (южнорусским или фракийским)¹⁷⁰, третьи — человеком, в чьих жилах смешалась готская и ромейская кровь¹⁷¹. Гермоген был когда-то советником Виталиана, затем, удостоившись звания магистра¹⁷², он принимал участие в совместном с Велисарием руководстве войском в персидской войне¹⁷³ и не раз отправлялся в Иран для ведения переговоров¹⁷⁴. Малала высоко отзывается о его умственных способностях¹⁷⁵, которые, очевидно, помогли ему подняться на высокую ступеньку в византийском обществе, стать консулом и патриkiem¹⁷⁶.

Был еще один путь, доступный для знатных врагов-перебежчиков, каким воспользовался, например, Эбримунт, зять Теодата. Отправленный в Константинополь, он получил много различных почестей и, кроме того, был возведен в звание патрикия¹⁷⁷.

Таким образом, состав столичной аристократии был необычайно сложен и отличался большой пестротой. Наряду с аристократией, выдвинувшейся в предшествующие времена, здесь было много выскочек, которым случай или талант помогли подняться столь высоко.

Какова была материальная база константинопольских сановников? Источники свидетельствуют, что не все из них были одинаково богаты. Были среди них очень богатые, такие как Велисарий, Иоанн Каппадокийский и др. Велисарий, например, имел в предместьях Константино-

¹⁶¹ З. В. Удальцова. Италия и Византия, стр. 369 сл.

¹⁶² *Procop.*, V. G., III, 20, 1—20.

¹⁶³ *Ibid.*, V. G., IV, 11, 11—64.

¹⁶⁴ *Ibid.*, IV, 13, 11—12; *Agaph.*, III, 2.

¹⁶⁵ *Theoph.*, p. 219. Б. Рубин считает его сыном Виталиана (*B. Rubin. Op. cit.*, S. 485).

¹⁶⁶ *Zach. Rhet.*, VII, 13; *B. Rubin. Op. cit.*, S. 485; Э. Штейн считает, что Виталиан был готско-ромейский метис (*E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 178). Романизированным фракийцем считает его Р. Браунинг (*R. Browning. Op. cit.*, p. 33). Полуварваром называет Виталиана А. А. Васильев, полагая вместе с тем, что он был, возможно, гот или даже гунн (*A. A. Vasiliev. Op. cit.*, p. 191). О мятеже Виталиана см.: *Malal.*, p. 399—404; *Theoph.*, p. 157; *Zach. Rhet.*, VII, 13; *Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti*, vol. III. *Excerpta de insidiis*. Berolini, 1905, p. 143 sq.

¹⁶⁷ *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 230; *A. A. Vasiliev. Op. cit.*, p. 108—115.

¹⁶⁸ *Malal.*, p. 445.

¹⁶⁹ *Ch. Diehl. Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle*. Paris, 1901, p. 108; *J. Bury. Op. cit.*, vol. II, p. 87; *R. Guillard. Recherches*, II, p. 141.

¹⁷⁰ *B. Rubin. Op. cit.*, p. 280.

¹⁷¹ *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 287.

¹⁷² *Procop.*, V. P., I, 13, 10—11. Гермоген занимал этот пост пять или шесть лет (*E. Stein. Opera minora selecta*, p. 369).

¹⁷³ *Malal.*, p. 461—462; *Procop.*, V. P. I, 13, 10.

¹⁷⁴ *Malal.*, p. 445, 452, 471.

¹⁷⁵ *Ibid.*, p. 445.

¹⁷⁶ *Nov.*, 2, 10.

¹⁷⁷ *Procop.*, V. G., I, 8, 3—4; З. В. Удальцова. Италия и Византия, стр. 268.

поля два проастия: Руфинианы¹⁷⁸ и Пантейхион¹⁷⁹. В Пантейхионе в большом количестве разводили виноград и делали вино¹⁸⁰.

Во время войны с готами старейшие из римлян, видя отдельные столкновения ромеев и готов, с величайшим удивлением говорили, что могущество одного Велисария уничтожает силу Теодориха¹⁸¹. На средства из доходов со своих собственных владений он выставлял 7000 всадников¹⁸². Описывая его богатство, Прокопий отмечает, что он был страшен для всех: и властвующих и воинов¹⁸³.

Петр Патрикий имел в своем владении целый остров¹⁸⁴. Очень богатым, по замечанию Прокопия, был консул Евдемон¹⁸⁵. Значительным было состояние Тимострата, брата Руфина, и Иоанна, сына Луки, попавших в плен к Аламундару¹⁸⁶. Но основная масса аристократии была, по-видимому, беднее, значительно уступая в этом смысле римским сенаторам¹⁸⁷. Долги константинопольских аристократов в VI в. не являлись редкостью, о чем свидетельствует законодательство Юстиниана в отношении аргопратов, особенно эдикты VII и IX. В «Тайной истории» Прокопий рассказывает об одном патрикии, который был вынужден бедствовать из-за того, что ему не вернули большую сумму денег, которую он дал в долг¹⁸⁸.

О различии в положении сенаторов свидетельствуют также выкупы за пленных. Так, сын Филоксена Константин, попавший в плен к болгарам, был выкуплен за 1000 номисм¹⁸⁹ (около 14 либров). Между тем за Ипатия, находившегося в плену у Виталиана, было уплачено 2000 либров золота, причем 1100 либров были даны его отцом, а 900 — императором¹⁹⁰.

И все-таки сенаторы, по-видимому, принадлежали к более или менее обеспеченному сословию. Прокопий, описывая богатства арианских церквей, сравнивает их с богатствами сенаторов¹⁹¹. В другом месте тот же Прокопий пишет: «Юстиниан и Феодора ограбили, таким образом, как я сказал, имущество тех, которые, не будучи сенаторами, считались богатыми в Византии и других городах»¹⁹². Из этих слов ясно, что историк считает сенаторское сословие весьма состоятельным. Следует сказать, что и долги аристократов обычно представляли собой крупные суммы, на которые можно было приобрести как движимое, так и недвижимое имущество¹⁹³.

Из чего состояло богатство сенаторов? Прежде всего из имений, о чем как о вполне обычном факте говорит Прокопий в «Тайной истории»¹⁹⁴.

Вероятно, сенаторы нередко владели проастиями, расположенными как в самом городе, так и в его предместьях. Так, в Сиках находилось имение патрикия Проба. Здесь во время пребывания в Константинополе

¹⁷⁸ *Procop.*, В. Р., I, 25.21.

¹⁷⁹ *Procop.*, В. Г., III, 35, 4.

¹⁸⁰ *Ibid.*, III, 35, 4—8.

¹⁸¹ *Ibid.*, III, 1, 21.

¹⁸² *Ibid.*, III, 1, 20.

¹⁸³ *Ibid.*, III, 1, 18—19. По мнению А. А. Васильева, Велисарий принимал участие в постройках Трапезунда (А. А. *Vasiliev*. Zur Geschichte von Trapezund unter Justinian den Grossen. — *BZ*, 30, 1929/30 S. 386), что несомненно свидетельствует о его большом богатстве.

¹⁸⁴ *E. Stein*. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 727.

¹⁸⁵ *Procop.*, Н. а., 29, 4.

¹⁸⁶ *Procop.*, В. Р., I, 17, 43—44.

¹⁸⁷ *A. H. M. Jones*. *Op cit.*, p. 555.

¹⁸⁸ *Procop.*, Н. а., XV, 25—35.

¹⁸⁹ *Theoph.*, p. 218.

¹⁹⁰ *Marcell.*, p. 98—99; *Ю. Кулаковский*. Указ. соч., т. I, стр. 512; *E. Stein*. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 181.

¹⁹¹ *Procop.*, Н. а., XI, 17.

¹⁹² *Ibid.*, XI, 40.

¹⁹³ *Ed.*, VII, IX.

¹⁹⁴ *Procop.*, Н. а., XII, 12.

жил Иоанн Эфесский¹⁹⁵. Несколько столичных проастиев имел синклитик Гиерий, как сообщает 159-я новелла Юстиниана, где рассказывается о завещании этого сенатора¹⁹⁶. Он имел два дома — один в Константинополе, другой в Антиохии — и пять проастиев, часть из которых находилась в черте города¹⁹⁷. Несколько больше, чем о других, сказано о проастии τὰ Κοπάρια в Сиках, который завещался внуку Гиерия. Здесь находились претории, являвшиеся, по-видимому, какими-то канцеляриями, здания и эргастирии, сдающиеся внаем, баня, ипподром, цистерна и, наконец, сады. Часть зданий, эргастириев и садов помещалась внутри стен Сик, часть — за их пределами¹⁹⁸. Таким образом, проастиий представлял собой довольно сложный комплекс и приносил его владельцу разнообразный доход. Значительный доход приносили сады, сдававшиеся, по всей вероятности, в аренду корпорации садовников¹⁹⁹. Большие прибыли получал владелец от сдачи внаем зданий и мастерских, причем, по-видимому, не только тех, которые находились в проастиях. В новеллах Юстиниана о мастерских знати говорится как о вполне обычном факте²⁰⁰. Едва ли синклитики сами занимались ремеслом и торговлей, о чем свидетельствуют хотя бы ограничения в получении ими процентов при всякого рода денежных операциях²⁰¹. Скорее всего они сдавали в аренду или сами мастерские, или помещения для них. Об этом упоминается и в 43-й новелле²⁰². В раннем Константинополе аренда домов и частных портиков под мастерские и жилье вообще была довольно распространенной и являлась тяжелым бременем для ремесленников²⁰³. Сдача в аренду мастерских широко применялась в Египте, принося их хозяевам большие выгоды²⁰⁴.

Тем не менее сенаторы владели не только имениями, домами и эргастириями — у них было движимое имущество, золото и драгоценности. Так, Велисарий имел на Востоке большие суммы, из которых 3000 либров золота Феодора отдала императору, вернув остальное прославленному стратигу²⁰⁵. Огромные сокровища были у фаворита Антонины Феодосия²⁰⁶. Внук императора Анфимия Зинов также имел бесчисленное количество серебра и золотых вещей, украшенных жемчугом, смарагдами и другими драгоценными камнями²⁰⁷. Когда в 512 г. толпа бросилась к дому Марина Сирийца, она нашла там серебро, которое разрубили топорами (... τὸν ἄργυρον αὐτοῦ εἰς ἀξίνας ἔκοπτον...) и разделили²⁰⁸. Иоанн Каппадокийский и после ссылки в Кизик обладал большим богатством, частично спрятанным, частично оставленным императором²⁰⁹. Естественно, что

¹⁹⁵ А. П. Дьяконов. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908, стр. 50, 60; его же. Византийские думы и факции (τὰ μέγρη) в V—VII вв. — «Византийский сборник». М.—Л., 1945, стр. 201.

¹⁹⁶ Гиерий умер до составления новеллы. Как эпитет к нему употребляют слова ἐνδόξου μνήμης, gloriosae memoriae. А. Джонс, рассказывая о титулах в семье Гиерия, называет его gloriosus (А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 530).

¹⁹⁷ Nov. 159, Praef. О проастиях на территории Константинополя см.: М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956, стр. 63. О садах в черте города см. Nov. 64; А. П. Каждан. Новое исследование о численности населения Константинополя в период раннего средневековья. — ВИ, 1962, № 5, стр. 192.

¹⁹⁸ Nov. 159, Praef.

¹⁹⁹ Nov. 64.

²⁰⁰ Nov. 43, 59.

²⁰¹ Cod. Just., IV, 32.26. § 1.

²⁰² Nov. 43, cap. 1.

²⁰³ Nov. 43, cap. I. А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 124; М. Я. Сюзюмов. Предпринимательство в византийском городе. — АДСВ, 1966, стр. 10, 22, прим. 33.

²⁰⁴ И. Ф. Филман. Египет на рубеже двух эпох. М., 1965, стр. 43—47.

²⁰⁵ Procop., H. a., IV, 17, 31.

²⁰⁶ Ibid., III, 5.

²⁰⁷ Ibid., XII, 2.

²⁰⁸ Malal., p. 408.

²⁰⁹ Procop., B. P., I, 25, 34. В египетских папирусах содержатся сведения о том, что приданое в соответствии с законом должно было оцениваться золотых дел масте-

к спрятанному имуществу имение отнести невозможно. Характерно, что, описывая богатства Иоанна, Прокопий прежде всего говорит о χρῆματα μεγάλα ²¹⁰.

Одновременно с богатствами, получаемыми синклитиками от имений, сдачи в аренду эргастирий и жилья, большую выгоду приносило им занятие административных должностей. Префект Африки получал 100 либров золота в год ²¹¹. Сама по себе эта сумма не могла, по словам А. Джонса, привлекать людей с доходом 1000 либров или больше, но занятие этой должности давало возможность получать много больше, чем официальное жалованье ²¹².

Именно этим, по-видимому, можно объяснить вражду между людьми, перешедшую в настоящее вооруженное столкновение, из-за стремления получить должность августалия Александрии, о чем писал Прокопий в «Тайной истории» ²¹³.

Занимая пост префекта претория, Иоанн Каппадокийский за короткий срок стал настолько богат, что, будучи сосланным в Кизик, мог жить в роскоши и считать свое положение счастливым ²¹⁴. Выше уже было сказано, как использовал свое положение Герман.

При рассмотрении сенаторского сословия в Константинополе возникает еще один немаловажный вопрос — насколько устойчивым было положение знати в VI в. Г. Г. Бек полагает, что с каждой переменной трона потрясалась вся социальная структура города ²¹⁵. «Поистине выскочки приводили нередко орду родственников, сторонников и прихлебателей и возводили их в высокие и высочайшие звания государства, а вместе с этим и в «общество» столицы. Поэтому многие, кто до сих пор имел ранг и имя, удалялись, вынужденные спускаться по социальной лестнице ²¹⁶. Вместе с тем в другой работе Г. Г. Бек пишет, что нельзя было заменить весь бюрократический аппарат с приходом к власти нового императора ²¹⁷. Надо полагать, что не всегда можно было заменить и целый социальный слой. Во всяком случае, с приходом к власти Юстина не наблюдается никакого потрясения социальной структуры Константинополя. Ипатий, Помпей и Проб, например, выдвинулись при Анастасии, но с переменой трона они не только не отодвигаются на задний план, но, наоборот, продолжают играть в государстве большую роль вплоть до 532 г. Ипатий, несмотря на то, что еще в правление Анастасия дважды неудачно возглавлял византийское войско (один раз против персов ²¹⁸, другой — против Виталиана ²¹⁹) и дважды отстранялся от должности, вновь становится стратилатом Востока при Юстине ²²⁰. Когда Юстин отправил к персам посольство относительно мира и усыновления Хосрова, среди ромейских послов оказался и Ипатий ²²¹. Проба Юстин посылает с большими деньгами в Боспор, чтобы склонить гуннское войско идти на помощь иверам ²²².

ром (И. Ф. Филман. Египет на рубеже двух эпох, стр. 17, прим. 17). Надо полагать, что подобный закон мог существовать лишь в том случае, если золото и драгоценности в качестве приданого представляли собой вполне обычную вещь.

²¹⁰ Procop., В. P., I, 25, 34.

²¹¹ G. Ostrogorsky. Löhne und Preise in Byzanz. — BZ, 32, 1932, S. 301.

²¹² A. H. M. Jones. Op. cit., p. 557.

²¹³ Procop., H. a., XXIX, 1—10.

²¹⁴ Procop., В. P., I, 25, 34—35.

²¹⁵ H.-G. Beck. Konstantinopel, p. 16.

²¹⁶ Ibidem.

²¹⁷ H.-G. Beck. Byzantinisches Gefolgschaftswesen. München, 1965, S. 31.

²¹⁸ Malal., p. 398.

²¹⁹ Ibid., p. 402.

²²⁰ Ibid., p. 423.

²²¹ Procop., В. P., I, 11, 24. Б. Рубин, впрочем, объясняет это политическими мотивами (B. Rubin. Op. cit., S. 260—261).

²²² Procop., В. P., I, 12, 6. sq. Zach. Rhet., XII, 7; A. A. Vasiliev. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936, p. 70—74; B. Rubin. Op. cit., S. 261f.

Юстиниан прощает Проба, хотя тот его оскорбил²²³. После восстания Ника, когда Проб был отправлен в изгнание, император через некоторое время опять возвращает его в столицу, вернув ему все имущество²²⁴.

Внук Ипатия Иоанн, несмотря на то что дед его был казнен за активное участие в восстании против Юстиниана, в конце концов оказался женатым на племяннице императора Прейекте²²⁵ и таким образом был приближен к трону.

Это относится не только к родственникам предшествующего императора, хотя именно на них прежде всего должна была сказаться неустойчивость положения знати. Марин Сириец, игравший при Анастасии крупную роль в управлении государством, исполнял при Юстине должность префекта претория (519), несмотря на то, что оказался замешанным в заговоре против императора²²⁶.

С переменой династии не наблюдается никаких массовых репрессий по отношению к знати, напротив, некоторые патрикии, сосланные Анастасием, были возвращены при Юстине и назначены на высокие посты²²⁷.

Не наблюдается резких изменений в положении знати и в течение всего правления Юстина и Юстиниана. Сведения «Тайной истории» о конфискации имущества почти всех членов сената²²⁸ не подтверждаются другими источниками, и прежде всего самим Прокопием. В «Войне с персами» он сообщает, что сенаторы, сосланные Юстинианом после восстания Ника, были затем возвращены и им были отданы те из их богатств, которые император не успел раздать приближенным²²⁹. Равным образом это относится к детям Ипатия и Помпея²³⁰. Следовательно, эти сенаторы не потеряли полностью своего положения, несмотря на то что они были политическими противниками императора. По данным других источников, сослано было лишь 18 сенаторов²³¹, причем некоторые из них, Олибрий и Проб например, восстановили свое имущество полностью.

Вместе с тем в источниках упоминаются и случаи, когда люди действительно теряли свое положение и выходили из состава знати. С приходом к власти Юстина были казнены Амантий и три его сторонника, поскольку они хотели устроить заговор против императора²³². В 532 г. были казнены Ипатий и Помпей, попытавшиеся занять место Юстиниана. Впрочем, и в том и в другом случае причина опалы достаточно ясна, а гнев императора касался только очень узкого круга лиц. Следует еще раз напомнить, что даже дети Ипатия и Помпея были восстановлены в своих правах.

В 523 г. был смещен и послан в Иерусалим префект города Феодот, казвивший без ведома императора иллистрия Феодосия Стику²³³. Прокопий, правда, считает, что причиной ссылки являлось недоброжелательство к нему Юстиниана²³⁴. В 529 г. в связи с гонением на язычников-эллинов было конфисковано имущество и у ряда представителей знати.

²²³ *Malal.*, p. 438—439.

²²⁴ *Ibid.*, p. 478.

²²⁵ *Procop.*, В. Г., III, 31, 14—15; *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 554. *P. Guilan* считает, что Прейекта была выдана замуж за Иоанна, сына Помпея, племянника Анастасия (*R. Guiland. Recherches*, II, p. 137). Но в таком случае дедом Иоанна должен был бы быть Секундин, который являлся отцом Помпея, как и Проба и Ипатия (*E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 216; *R. Guiland. Recherches*, II, p. 135). Однако Прокопий утверждает, что Иоанн имел дедом не Секундина, а Ипатия.

²²⁶ *A. A. Vasiliev. Justin the First*, p. 103—104.

²²⁷ *Malal.*, p. 411.

²²⁸ *Procop.*, Н. а., XII, 12.

²²⁹ *Procop.*, В. Р., I, 24, 58.

²³⁰ *Ibidem.*

²³¹ *Theoph.*, p. 185—186.

²³² *Malal.*, p. 410—411; *Chron. Pasch.*, p. 610; *A. A. Vasiliev. Justin the First*, p. 103—104.

²³³ *Malal.*, p. 416.

²³⁴ *Procop.*, Н. а., IX, 39.

Источники упоминают среди пострадавших Македония, бывшего референдаря, Акслепидота, бывшего эпарха, патрикия Фоку, сына Кратера, и квестора Фому²³⁵. В том же году после конфискации имущества был сослан в Кизик бывший консул Приск, являвшийся ранее императорским нотариумом, на которого пал гнев императрицы Феодоры²³⁶. Не вернул своего положения Иоанн Каппадокийский, также павший в результате интриг императрицы²³⁷. Еще один случай упоминает Феофан, когда за клевету конфисковали дом бывшего эпарха Евгения.

Однако все эти случаи были единичны, ничего общего не имея с потрясением всей социальной структуры города. По-видимому, представляется возможным говорить лишь о таком социальном изменении, которое, пользуясь сказанным по другому поводу выражением Г. Г. Бека, пронзая горизонтальные слои, «сами эти слои оставляет нетронутыми».

Тем не менее все эти примеры, безусловно, свидетельствуют о том, что положение сенаторов не отличалось достаточной стабильностью и часто зависело от прихоти императора или императрицы. Так, некоторое время находился в тюрьме у Феодоры почетный консул Буза²³⁸. Несколько раз испытывал на себе гнев императора и императрицы Велисарий, и однажды лишь по желанию Феодоры ему было возвращено прежнее положение²³⁹. Характерным представляется и пример патрикия Фоки. В 529 г. он был обвинен в язычестве, и имущество его было конфисковано. В 532 г. он тем не менее вновь появляется на исторической арене, сменив на несколько месяцев Иоанна Каппадокийского на посту префекта претория²⁴⁰. В 545—546 гг. Фоку снова обвиняют в язычестве, и он кончает с собой²⁴¹.

Нестабильность в положении аристократии проявлялась также в том, что дети и родственники не всегда наследовали не только общественное положение, но и имущество сенаторов. Так, император присвоил имущество бывшего консула Евдемона, хотя у того было много родственников²⁴². Равным образом поступил Юстиниан с имуществом препозита Евфрата, который имел племянника²⁴³. Кроме того, на незаконном основании император стал наследником Зипона, Татиана, Демосфена и Гилара²⁴⁴.

Таким образом, не прибегая к массовым репрессиям, Юстиниан тем не менее заставлял сенаторов беспокоиться за свое положение и положение своих родственников.

Как уже указывалось выше, число сенаторов к VI в. сократилось²⁴⁵. В процентном отношении ко всему населению Константинополя (даже такому, каким его представляет Ф. Дэльгер, — 250 тыс. чел.²⁴⁶) сенаторская аристократия составляла небольшую группу. Каков, однако, был политический вес сената в указанный период? Г. Г. Бек полагает, что в ранней Византии сенат играл немалую роль. В статье «Сенат и народ Константинополя» Г. Г. Бек, развивая эту мысль, пишет, что до середины V в. империя была солдатской и решающую роль в ней играла армия²⁴⁷. С середины V в. положение коренным образом меняется, сенат стано-

²³⁵ *Malal.*, p. 449; *Theoph.*, p. 180. Фома, по-видимому, был впоследствии оправдан или помилован (*E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 371, n. 2).

²³⁶ *Malal.*, p. 449.

²³⁷ *Procop.*, В. Р., II, 30, 49—50.

²³⁸ *Procop.*, Н. а., IV, 8—13.

²³⁹ *Ibid.*, IV, 13—32.

²⁴⁰ *Procop.*, В. Р., I, 24, 18. *Chron. Pasch.*, p. 621; *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 784.

²⁴¹ *E. Stein. Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 371.

²⁴² *Procop.*, Н. а., XXIX, 12.

²⁴³ *Ibid.*, XXIX, 13.

²⁴⁴ *Ibid.*, XII, 3—5.

²⁴⁵ См. выше, прим. 74.

²⁴⁶ *F. Dölger. ПАПАСПОРА. Ettal*, 1961, S. 117.

²⁴⁷ *H.-G. Beck. Senat und Volk von Konstantinopel*, S. 5.

вится важным конституционным фактором, ему принадлежит решающая роль в выборах императора ²⁴⁸. Классическим случаем таких выборов исследователь считает выборы Юстина. Этот вывод был сделан автором на основании «De saeculoniis» Константина Багрянородного. Однако Ш. Диль, хотя при характеристике выборов Юстина, подобно Г. Г. Беку, исходил из того же памятника, все-таки более осторожно характеризовал роль сената, говоря, что ему принадлежало последнее слово в соответствии с конституционной теорией: армия всегда называется рядом с сенатом и ее значение по крайней мере было так же велико, как и сената ²⁴⁹. Роль войска подчеркивают Б. Рубин ²⁵⁰, И. Караяннопулос ²⁵¹, говорит о ней и А. А. Васильев ²⁵². Точка зрения этих ученых находит подтверждение и в источниках. Малала, а вслед за ним и автор Пасхальной хроники расказывают, как внук Амантий дал деньги комиту экскувитов Юстину с тем, чтобы войско высказалось в пользу Феокрита, куратора Амантия. Получив деньги, войско и народ провозгласили императором Юстина ²⁵³. О сенате же Малала в данном случае вовсе не упоминает.

О влиянии армии еще в этот период свидетельствует то обстоятельство, что Юстиниан взял слово с Велисария никогда не действовать против него ²⁵⁴. Прославленный полководец, как уже упоминалось, по своему богатству и политическому значению был страшен не только для подчиненных, но и для стоящих у власти. Войско, по-видимому, сознавало свою силу, и когда во время чумы распространился слух о смерти императора, некоторые военачальники, находясь с армией на Востоке, стали говорить, что, если в Константинополе изберут другого императора без участия войска, они этого никак не допустят ²⁵⁵.

Таким образом, хотя отрицать участие сената в выборах императора невозможно, едва ли следует рассматривать его как решающий фактор.

Другие важнейшие вопросы государственной жизни — начало войны и заключение мира, издание законов и т. д. — стояли вне сферы деятельности сената.

Итак, заметной политической роли при Юстине и Юстиниане сенат не играл. Отдельные сенаторы принимали активное участие в государственной жизни империи, вели переговоры ²⁵⁶, возглавляли войско ²⁵⁷, выполняли поручения императора ²⁵⁸. Но все это были отдельные сенаторы, а не сенат в целом. 62-я новелла Юстиниана также свидетельствует о том, что лишь часть сенаторов принимали участие в политической жизни государства, тогда как другая их часть находилась в бездействии ²⁵⁹.

Правда, в отдельные периоды деятельность сената несколько активизируется. Так, при Юстине сенат принимал участие в религиозной поли-

²⁴⁸ Ibid., S. 10 f. Этой же точки зрения придерживается и Е. Христофилопуло (*Δι. Χριστοφιλοπούλου. Ἡ σύγκλητος εἰς τὸ Βυζαντινὸν κράτος, σελ. 112; idem. Ἐκλογή, ἀναγόρευσις καὶ στέψις τοῦ Βυζαντινοῦ αὐτοκράτορος, σελ. 58*). По мнению автора, войско принимало участие лишь в провозглашении императора, а не в выборах.

²⁴⁹ Ch. Diehl. Le sénat et le peuple byzantin au VIIe et VIIIe siècles. — Byz., I, 1924, p. 206.

²⁵⁰ B. Rubin. Op. cit., S. 57, 377.

²⁵¹ В рец. на работу Христофилопуло «Ἐκλογή, ἀναγόρευσις καὶ στέψις» — BZ, 50, 1957, S. 469 f.

²⁵² A. A. Vasiliev. Justin the First, p. 75. Говоря о выборах Юстина, исследователь называет четыре силы, которые принимали в них участие: сенат, армию, димы и церковь.

²⁵³ Malal., p. 410—411; Chron. Pasch., p. 610—611.

²⁵⁴ Procop., B. G., II, 29, 20.

²⁵⁵ Procop., H. a., IV, 2.

²⁵⁶ Malal., p. 445, 447—449, 452 и др. Procop., B. P., I, 11, 24; 13, 11, 22, 1—19 и др.

²⁵⁷ Malal., p. 423, 432, 442 и др.

²⁵⁸ Ibid., p. 442; Procop., B. P. I, 12, 6.

²⁵⁹ Nov. 62, cap. I.

тике ²⁶⁰. В сенате рассматривался вопрос об усыновлении Хосрова ²⁶¹, хотя и в том и в другом случае дело ограничивалось простым присутствием синклита. Влияние сената усиливается после восстания Ника. Он рассматривает вопрос об экспедиции в Африку ²⁶². В 537 г. он объединяется с консисторием и становится высшей апелляционной инстанцией. Справедливости ради следует отметить, что сенат и раньше привлекался для решения судебных дел, как об этом свидетельствуют Иоанн Лид ²⁶³ и упомянутая только что новелла ²⁶⁴. Доказательством служит и рассказ Малалы о том, как сенат рассматривал дело патрикия Проба, поносившего императора ²⁶⁵. Тем не менее лишь с 537 г. это приобрело силу закона, и сенат уже, как правило, разбирает спорные дела ²⁶⁶. В 560 г., когда распространился слух о смерти императора, сенат принял необходимые меры для успокоения народа и наведения порядка ²⁶⁷. Характерно, однако, что до восстания Ника, т. е. в первые годы правления Юстиниана, известия о сенате практически исчезают со страниц источников. По-видимому, в этот период сенат не имел никаких прав и был лишен возможности проявлять какую бы то ни было политическую активность. Это и послужило, вероятно, одной из причин участия сенаторов в восстании Ника.

²⁶⁰ A. A. Vasiliev. Justin the First, p. 175—177.

²⁶¹ Theoph., p. 168. H.-G. Beck. Senat und Volk von Konstantinopel, S. 53.

²⁶² Procop., B. V., I, 10, 1—17; Theoph., p. 188.

²⁶³ Ioan. Lyd., De mag., III, 10, 27.

²⁶⁴ Nov. 62, cap. I.

²⁶⁵ Malal., p. 438—439: «... καὶ γενομένου συλεντίου κομβέντου...». Е. Христофилопуло полагает, что под silenциумом следует понимать широкие торжественные приемы, где сенат являлся основной составной частью. (A. Christophilopulu. Σιλέντιον. — BZ, 44, 1951, S. 81—82). Близкой точки зрения придерживаются Л. Брейе и Ж. Эллул (L. Brehier. Op. cit., p. 184; J. Ellul. Histoire des Institutions, vol. I. Institutions grecques, romaines, byzantines, franques, p. 606). Е. Христофилопуло упрекает Э. Штейна, который считал, что silenциум — это заседание консистория, а конвент — сената. По мнению исследовательницы, это не следует ни из одного известного ей источника. Вместе с тем нельзя иначе, чем это сделал Э. Штейн, понять следующие слова 62-й новеллы, на которую ссылается в своей работе и Е. Христофилопуло: «... si quando silentium ob alia unum cum conventu fuerit nuntiatum, omnes colliguntur et proceres et senatores. . .» В этом узком смысле понимают silenциум Г. Острогорский и А. Джонс (G. Ostrogorsky. History of Byzantine State, p. 36; A. H. M. Jones. Op. cit., p. 333). Поэтому слова Малалы следует понимать так: объединенное заседание консистория и сената, а не какая-то еще более широкая ассамблея.

²⁶⁶ Procop., B. G., III, 32.43.

²⁶⁷ Theoph., p. 234—235.

Г. Г. ЛИТАВРИН

ВОССТАНИЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В АПРЕЛЕ 1042 Г.

Любому исследователю, обращавшемуся к изучению истории византийского города XI—XII вв., приходилось констатировать крайнюю скудость источников, освещающих быт городского населения империи. Даже столица Византии — Константинополь, в котором было создано подавляющее большинство сохранившихся документов и письменных памятников той эпохи, не представляла в этом отношении исключения. События дворцовой жизни и столкновения в кругах знати поглощали все внимание современных хронистов и писателей. О быте и условиях существования провинциальной деревеньки, права собственности на которую были детально регламентированы официальными актами в пользу того или иного монастыря, известно порою лучше, чем о повседневной жизни рядовых горожан столицы.

Народ, в том числе и население Константинополя, редко выступал на политической арене, и его активность воспринималась образованными современниками лишь как неожиданные катаклизмы, разрушительные порывы невежественной «толпы», за подлинные причины которых без каких-либо рассуждений выдавался повод, повлекший за собой взрыв негодования народных масс города.

Не удивительно поэтому, что даже такой мыслитель, как Михаил Пселл, говорит, как о неожиданных и непредвиденных, о событиях в Константинополе в апреле 1042 г., которые он наблюдал непосредственно и в которых в известной мере сам участвовал. Он назвал эти события самими главными из всех, которые им изложены и осмыслены в «Хронографии»¹. Это — *та χαριώτατος* его основного труда, но причины восстания он усмотрел лишь в глубокой травме психики константинопольского обывателя, привыкшего в течение двухсот лет почти импульсивно повиноваться представителям Македонской династии², на достоинство и честь последних из которых осмелился посягнуть «худородный выскочка» — Михаил V Калафат. Но на вопросы о том, почему эти представители утратили былую неприкосновенность, почему возвысились «худородные», почему народ не удовлетворился восстановлением прав униженной Михаилом V Зои, почему стоило большого труда погасить слепую ярость столичной толпы, Пселл не дает ответа. Да он и не мог его дать, ибо не знал, к чему все это привело в конечном итоге.

Так или иначе, но проблема восстания в апреле 1042 г. в Константинополе остается до сей поры феноменом «в себе», несмотря на то, что фактическая канва событий выяснена в достаточной мере отчетливо, несмотря

¹ *Michel Psellos. Chronographie, ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077), texte établi et traduit par E. Renaud, I. Paris, 1926 (далее — Psellos), p. 101. 18.*

² *Psellos, I, p. 117. 8—9.*

на то, что это восстание, случившееся в центральный период византийской истории, по своему значению, результатам и последствиям, может быть, даже превосходит такие движения, как восстание Ника в январе 532 г. или восстание в сентябре 1185 г., исследованию которых посвящена значительная специальная литература.

Особо об апрельском бунте в столице империи в 1042 г. писали лишь Г. Шломберже³ и более чем полустолетие спустя — Сп. Врионис⁴; из историков-марксистов специально этой проблемы до сих пор не коснулся никто. Появление работы Сп. Вриониса — отнюдь не случайность, обусловленная личными склонностями американского исследователя, а естественное следствие того внимания, которое привлечено в историографии в течение последних 15 лет к проблемам истории византийского города X—XII вв. (работы М. Я. Сюзюмова, А. П. Каждана, Д. Ангелова, Э. Франчеса, П. Тивчева, а также Э. Кирстена, Г. Г. Бека и др.). Труды названных только что авторов, внесших значительный вклад в изучение византийской городской проблематики, вместе с тем показали, что при крайней скудости сохранившихся материалов поддаются восстановлению лишь самые общие тенденции и закономерности развития городской жизни империи; конкретные социально-экономические причины перипетий внутриполитической борьбы в городе на том или ином этапе истории ускользают от взгляда исследователя.

Мы чаще всего констатируем результаты эволюции, а не причины, их обусловившие: недаром двое упомянутых выше ученых, располагая почти одинаковой суммой фактов, дали им прямо противоположную оценку: Г. Шломберже назвал восстание 1042 г. «дворцовой революцией», а Сп. Врионис — «попыткой демократического переворота».

В подобного рода условиях исследования указанной проблемы особое значение, на наш взгляд, приобретает изучение городских народных движений в качестве наиболее яркого и непосредственного отражения глубинных социально-экономических и политических процессов, характерных как для эпохи в целом, так и для ее критических, переломных моментов. Мятеж — явный симптом «неблагополучия» в классовой государственной системе, и его тщательное исследование способно пролить свет на причины катаклизма.

Восстание 1042 г. в столице империи, как ни впечатляюще оно было для современников, не являлось, однако, событием исключительным для той эпохи: вооруженные народные выступления имели место в 1009 г. в Бари, в 1016 г. в Херсоне, в 1028 г. в Навпакте, в 1030 г. в Месанактах, в 1035 г. в Антиохии, в 1040 г. в Диррахии и Никополе. Кольцо городских народных движений, вспыхнув на периферии империи, постепенно сжималось, подбываясь к ее центру.

Мы не ставим здесь задачи рассмотрения самого хода восстания в столице, которое началось утром 19 апреля, в понедельник, и закончилось 21 апреля, в среду⁵, свержением с престола императора Михаила V Ка-

³ G. Schlumberger. Une révolution de Palais en l'an 1042, à Byzance. — «Revue des deux mondes», 15 sept. 1904, 74e année, t. XXIII.

⁴ Sp. Vryonis. Byzantine ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑ and the Guilds in the Eleventh Century. — DOP, 17, 1963.

⁵ Точная дата начала восстания и его продолжительность остаются до сих пор не установленными. Верный себе в своей «Хронографии» Пселл и в данном случае не называет никаких определенных дат. Согласно сообщениям Пселла, волнения в городе, осада дворца, коронация Феодоры, возвращение Зои из ссылки, бегство Михаила V в Студий и его ослепление произошли в один и тот же день — «второй день после ссылки Зои» (Psellos, I, p. 102. 15—16). Ссылка же Зои (и в этом источнике единодушны) случилась в ночь на 19.IV. Следовательно, согласно Пселлу, низвержение Михаила V и окончание восстания можно датировать 19.IV. Однако остается неясным, что понимать под «вторым днем»: понедельник ли — «второй день» недели, 19.IV, или вторник, 20.IV, действительно второй день после ссылки Зои, что и принимает Г. А. Острогорский (G. Ostrogorski. Geschichte des Byzantinischen Staates. München,

лафата. Основной целью нашей статьи является попытка определить место этого события в византийской истории, вскрыть позицию разных социальных слоев населения столицы накануне и в ходе самого восстания.

Основные сведения о восстании содержатся в сочинениях четырех его современников: Михаила Пселла, Кекавмена, Михаила Атталиата и Иоанна Скилицы. Принимая во внимание некоторые разногласия между ними, мы будем отдавать предпочтение свидетельствам Пселла — непосредственного очевидца событий.

Кратко напомним их основную канву. 18 апреля, в первое воскресенье после пасхи, состоялось торжественное посещение храма св. Апостолов Михаилом V. В ночь на следующий день он приказал сослать и постричь Зою. Патриарху еще до этого было велено отправиться в свой монастырь на Стеносе (Босфор) и ждать там в понедельник императора. На другой день, когда весть о случившемся ночью разнеслась по городу, начались волнения. Патриарх вернулся в столицу, призывая к низвержению Михаила V. Вооруженные чем попало толпы народа окружили дворец. Из монастыря Петрий в св. Софию была доставлена опальная сестра Зои Феодора, которую вечером патриарх венчал на царство. Михаил V вернул Зою с Принцевых островов, однако эта мера не возымела действия на восставших. 20 апреля, после кровопролитной осады, часть дворца была захвачена народом. На рассвете 21 апреля император вместе со своим дядей новелиссимом Константином бежали в Студий, однако в тот же день, во второй половине его, оба были схвачены и ослеплены. Трон оказался во власти двух сестер.

Попытаемся прежде всего определить позицию наиболее близко стоящей к трону столичной чиновной знати, точнее — ее верхушки, непосредственно входящей в высший государственный совет при императоре — синклит. Обратимся для этого к несколько более раннему времени. Наблюдения над составом высшей чиновной знати столицы и судьбами ее представителей показывают, что в своем подавляющем большинстве синклит оказывал полную поддержку политическому курсу, проводившемуся при Романе III Аргире (1028—1034) и Михаиле IV (1034—1041). В отличие от перемен на троне в 1025, 1028, 1042 и 1057 гг., приход к власти Михаила IV, несмотря на то, что при этом был умерщвлен его предшественник, повлек за собой наименее существенные перемены в составе правящей столичной бюрократии. С 1028 вплоть до 1042 г. состав синклита оставался относительно стабильным по сравнению с предшествующими этому периоду годами и последующим пятнадцатилетием между 1042 и 1057 гг.

Эти наблюдения подтверждаются прямым свидетельством Пселла о том, что Михаил IV, в отличие от других императоров, не произвел при своем воцарении никаких перемен в составе синклита⁶.

1963, S. 270). Согласно Атталиату, волнения начались 19.IV, вечером этого дня была коронована Феодора, а осада дворца и ослепление Михаила V имели место лишь 20.IV (*Michaelis Attaliothae historia*, rec. J. Bekkerus. Bonnae, 1853 (далее — *Attal.*), 13—17). Детальнее прочих останавливается на хронологии Скилица: волнения и осада дворца, согласно его данным, начались во втором часу (9 часов утра) «второго дня антипасхи» (т. е. 19.IV: пасха была в том году 11.IV) и завершились взятием части дворца в ночь на 21.IV. Коронация Феодоры состоялась 19.IV, ослепление же Михаила V, как прямо пишет Скилица, произошло 21 апреля 10 индикта 6550 г. (*Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae opre ab J. Bekkero suppletus et emendatus*. Bonnae, 1838—1839 (далее — *Cedr.*), II, p. 536—540). Принимая датировку последнего автора, мы все-таки обращаем внимание на одно противоречие у Скилицы: он пишет о воцарении Михаила V через три дня после смерти Михаила IV (10.XII 1041) (*Cedr.*, II, p. 534. 15—535.1), т. е. 14.XII, а время его царствования исчисляет в 4 месяца и 5 дней (*Cedr.*, II, 540.20), что соответствует не 21.IV, а 19.IV. Однако это противоречие легко устранимо: продолжительность правления Михаила V Скилица исчисляет не до дня ослепления императора, а до дня воцарения Феодоры.

⁶ *Psellos*, I, p. 57.9—11.

Проникновение в среду столичной чиновной знати по-прежнему представлялось в этот период пределом жизненного успеха для выходцев из любого другого социального слоя. Более того, видимо, в это время такое стремление было особенно сильным, так как, помимо значительного гарантированного дохода из казны за отправление должности и ношение почетного титула, чиновная знать обрела теперь гораздо более благоприятные возможности превращения не только во владельцев пригородных проастиев (такими владельцами большинство синклитиков были и раньше), но и в крупных собственников поместий, расположенных в провинциях. Отнюдь не последнюю роль в ее обогащении играли в это время также ослабление правительственного контроля, коррупция и творимый чиновной знатью произвол.

В годы почти неограниченного владычества при Романе III и Михаиле IV временщика Иоанна Пафлагонянина синклит не столько участвовал в разработке правительственной политики, сколько ее санкционировал. Однако он отнюдь не был лишь парадным учреждением. Его поддержкой дорожили: чиновная знать оставалась главной социальной опорой режима. Пока его интересы существенно не ущемлялись, синклит был сугубо консервативной силой — и чем более империя терпела неудач, тем настойчивее синклит цеплялся за привычные формы правления и прежний политический курс.

Придя к власти в середине декабря 1041 г., Михаил V сначала осыпал синклит милостями ⁷. Когда молодой император отстранил от дел своего дядю Иоанна Орфанотрофа, доставившего ему трон, синклитики продемонстрировали недоверие императору, собравшись вокруг опального временщика, однако не из сочувствия к нему, а из страха, что временщик вновь обретет вступая силу ⁸. Когда же Орфанотроф был сослан, никто не осмелился вступиться за него — синклит немедленно перешел на сторону того, кто оказался сильнее ⁹. Смиренно склонило голову перед Михаилом V большинство синклита и тогда, когда он стал вводить в его состав «скифов», своих слуг и доверенных из варваров ¹⁰, и даже тогда, когда он удалил и постриг свою названую мать, императрицу Зою, узаконенное родство с которой оправдывало его права на трон. Более того, некоторые синклитики подхватили ложные обвинения Михаила V против Зои; эти лица были использованы императором, по словам Пселла, «как орудие» для влияния на народ ¹¹.

Однако определенная и достаточно активная часть синклита все-таки осмелилась на решительные действия против императора. В речи на смерть патриарха Михаила Кирулария Пселл говорит об этом совершенно недвусмысленно, называя этих синклитиков *οἱ ἐν τέλει καὶ περιώνυμοι* ¹². Усилия этой группировки, блокировавшейся с высшим белым духовенством столицы, оказались чрезвычайно успешными: им удалось поднять население столицы на открытое вооруженное восстание. Эта часть синклитиков участвовала и в замысле посадить на трон Феодору ¹³, что представлялось им в тот момент, в разгар народного мятежа, единственным средством спасения. Компромисс этих синклитиков с патриархом, выдвинувшим кандидатуру Феодоры, объяснялся тем, что они боялись быть отстраненными вслед за Зоей от власти ¹⁴, боялись претерпеть «непредвиденное» и утратить влияние ¹⁵. Большинство синклита, занимавшее

⁷ *Cedr.*, II, p. 535.12—13; *Attal.*, p. 11, 9—10.

⁸ *Psellos*, I, p. 93.16—22.

⁹ *Ibid.*, p. 94—95.

¹⁰ *Ibid.*, p. 95.11—17.

¹¹ *Ibid.*, p. 100.14—24.

¹² *C. Sathas*. *Bibliotheca graeca medii aevi*, V. Venetia — Paris, 1876, p. 322—323.

¹³ *Attal.*, p. 16.4.

¹⁴ *Psellos*, I, p. 106.2—6.

¹⁵ *Attal.*, p. 15.3—5.

вначале выжидательную позицию, выразило полное повиновение Феодоре лишь вечером 19 апреля, когда она была коронована в св. Софии, и участь Михаила V была решена¹⁶.

Компромисс, однако, был временным: кандидатура Феодоры, замешанной в нескольких заговорах военной провинциальной знати против столичной бюрократии, была отнюдь не желанной для синклита. Когда страх перед трудно предвидимыми последствиями народного движения миновал и восстание погасло, большинство синклита стало явно вновь отдавать предпочтение Зое и обеспечило ей снова преимущество перед сестрой¹⁷, так как именно Зоя была символом неизбежности существующего режима.

Гораздо труднее определить позицию землевладельческой провинциальной аристократии. Быстро усиливавшаяся в 30-х годах XI столетия, она, однако, еще не выступила вновь после разгрома ее главных сил Василием II с оружием в руках в борьбе за власть; она делает это лишь год спустя (1043). Главные силы землевладельческой аристократии находились в провинции; хотя ее видные представители имели дома и подворья в столице, их политическое влияние здесь было относительно невелико. С наибольшим успехом они завоевывали себе приверженцев в этот период лишь среди высших служителей церкви. Можно ли считать случайными два обстоятельства, проявившиеся в ходе апрельского восстания? Первое: именно Феодора, вокруг которой уже в течение четырнадцати лет пыталась консолидировать свои усилия провинциальная аристократия, оказалась креатурой патриарха и его группировки. Второе: лозунг о «худородстве» Михаила V, выкрикивавшийся восставшими¹⁸, был прямым повторением мысли, высказанной Константином Далассином, крупнейшим провинциальным магнатом и полководцем, в апреле 1034 г. при воцарении Михаила IV¹⁹. Этот заклятый враг Пафлагонцев был выпущен из тюрьмы Михаилом V и находился в это время в столице.

Так или иначе, но какие-то политические симпатии в столице в это время провинциальная аристократия завоевала; эти симпатии в некоторой степени были использованы во время того движения в Константинополе в пользу полководца Исаака Компина, которое возникло в августе 1057 г., т. е. через пятнадцать лет, и которое снова возглавила церковь. Недаром еще Михаил IV боялся популярности Константина Далассина в столице²⁰, а его кандидатура в мужья Зое в 1042 г., после низвержения Михаила V, первой была выдвинута частью синклитиков²¹.

О позиции высшего церковного клира мы частично уже сказали. Прослеживается она достаточно отчетливо, так как роль клира во главе с патриархом была в апрельских событиях особенно существенной.

Патриаршая власть, ограниченная при Василии Болгаробойце, стала постепенно крепнуть в правление патриарха Алексея IV Студита (1025—1043). Во время царствования Михаила IV Алексей находился в оппозиции к императорскому двору. Иоанн Орфанотроф даже пытался низложить Алексея Студита, чтобы самому сесть на его трон. Однако, как ни остры порой бывали противоречия между императорским и патриаршим престололами, Алексей IV предпочитал при Михаиле IV идти в конце концов на компромиссы, которые оказывались для него чрезвычайно выгодными. После смерти патриарха в 1043 г. Константин IX Мономах распорядился конфисковать 25 кентенариев (почти тонну!) накопленного Алексея золота.

¹⁶ *Psellos*, I, p. 109.10—11.

¹⁷ *Ibid.*, p. 116.1—8; 122.1—10; *Cedr.*, II, p. 541.18—20.

¹⁸ *Psellos*, I, p. 98.13—20, 102.8—16.

¹⁹ *Cedr.*, II, p. 507.1—5.

²⁰ *Psellos*, I, p. 122.2—123.10.

²¹ *Ibid.*, p. 122—123.

Что же касается Михаила V, то между ним и Алексеем сразу же сложились враждебные отношения. В чем была причина этого, мы можем, к сожалению, лишь предполагать. Как между патриархом и большей частью синклита, так и между Михаилом V и синклитом назревал конфликт. Как тот, так и другой не питали симпатий к Зое. Но это не сделало их союзниками. Напротив, накануне апрельских событий и в ходе их патриарший клир и группировка императора составили две наиболее враждебные по отношению друг к другу политически организованные силы.

Любопытно, что пренебрегавший опасностью со стороны синклита Михаил V особенно страшился патриарха. Видимо, враждебность молодого императора к патриарху возникла на почве связей последнего с Феодорой, а через нее — с оппозиционной и провинциальной военной аристократией. Стремясь обезглавить группировку, враждебную его планам, Михаил V, сылая Зою, одновременно решился и на низложение патриарха, как об этом сообщает Скилица²². Согласно известию арабского автора XIII в. ибн-ал-Асира, император даже отдал приказ своим русским и болгарским наемникам схватить и уничтожить патриарха²³. Едва узнав о ссылке Зои, Алексей, вопреки приказу императора, вернулся в Константинополь из монастыря на Стеносе утром 19 апреля и возглавил группировку, начавшую борьбу за свержение Михаила V с престола.

События развивались очень быстро. Император вначале отнесся с пренебрежением к народным волнениям, сочтя нужным объяснить свои действия только синклиту: он обвинил Зою в покушении на его жизнь²⁴. Когда же он узнал, что волнения нарастают, епарху столицы патрикию Анастасию была вручена царская грамота для прочтения народу. Михаил V говорил в ней о заговоре Зои и патриарха и обещал процветание народу. Но эмиссары патриарха уже находились в толпе: раздался возглас о клятвенном преступлении, совершенном императором против своей «матери», и призыв к расправе с «Калафатом». Народ бросился на епарха и его стражу, которые вынуждены были спасаться бегством. Толпы народа подступили ко дворцу.

Между тем патриарх и примкнувшие к нему синклитики отправили посланцев за Феодорой в монастырь Петрий. Вечером она была коронована патриархом в св. Софии. Отныне только ее приказы имели силу вне императорского дворца. На ночь она осталась в резиденции патриарха. Лишь теперь Михаил V полностью осознал размеры грозящей ему опасности и распорядился о срочном возвращении Зои во дворец.

Не прекращавшаяся даже ночью осада дворца стала особенно упорной с утра следующего дня, 20 апреля, во вторник. Именно утром этого дня, по нашему мнению²⁵, Михаил V приказал Зое показаться на царской трибуне Ипподрома перед разъяренным народом. В самого Михаила, когда он пытался выходить на трибуну, из толпы летели камни. Однако появление Зои в царской диадеме не произвело желанного впечатления на осаждающих. К ночи на 21 апреля часть дворца была захвачена, несмотря на большие жертвы среди атакующих. На рассвете император и его дядя Константин бежали морем в Студий.

Видимо, утром в среду Феодора, вопреки желанию Зои²⁶, была доставлена во дворец. Таким образом, патриарху и его приверженцам в этом смысле удалось то, чего не смогли сделать вовлекавшие Феодору в свои

²² *Cedr.*, II, p. 537.2—3.

²³ *B. P. Rosen*. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 330.

²⁴ *Psellos*, I, p. 100.10—16.

²⁵ В источниках на этот счет нет полной ясности: Пселл относит это событие ко времени до коронации Феодоры (*ibid.*, p. 106.13—18), Атталиат и Скилица — ко времени после коронации (*Attal.*, p. 17.23; *Cedr.*, II, p. 538.1—8).

²⁶ *Cedr.*, II, p. 539.16—18.

заговоры полководцы. Но сразу же последовало и разочарование: тщетно Алексей отстаивал преимущества прав Феодоры — синклитики, избавившись от испуга, отдали предпочтение Зое²⁷. Не случайно через 50 дней патриарх уклонился от венчания Зои и ее нового мужа — императора Константина IX Мономаха. Византийские авторы не говорят, почему бракосочетание совершил пресвитер храма Стип²⁸. Армянский же современник этих событий Аристакес Ластивертци указывает на нарушение Зоей при вступлении в этот брак (он был третьим) «канонических правил»²⁹. Третьим же этот брак был и для Константина. Это обстоятельство и было, видимо, формальным предлогом для патриарха отказаться от участия в церемонии бракосочетания. Подлинная же причина уклонения владыки от этого акта заключалась, по нашему мнению, в том, что возглавлявшая им группировка была враждебной и Зое, и ее новому мужу.

Наконец, наиболее интересным и существенным нам представляется вопрос о позиции торгово-ростовщической и ремесленной верхушки столицы накануне и в ходе восстания. Сп. Врионис, касаясь этой проблемы, пытается выделить ремесленников и торговцев, объединенных в «цехи», из прочего «простого» населения столицы. Однако едва ли верно его стремление рассматривать «цехи» как социально недифференцированное целое. Не можем мы согласиться и с утверждениями этого ученого, будто до ссылки Зои сначала оказал поддержку Михаилу V «простой люд» столицы, а лишь затем — «цехи» и что императора погубили его меры против Зои, так как он попра л народные чувства привязанности к представителям Македонской династии³⁰.

Торгово-ростовщическую и ремесленную верхушку столицы составляли в это время, как справедливо устанавливает М. Я. Сюзюмов³¹, отнюдь не члены корпораций в целом и не только главы корпораций, а наиболее видные представители корпораций тавулариев, аргиропратов, трапезитов (менял) и вестиопратов, а также судовладельцы. Эти «аристократы денег» были ростовщиками и откупщиками государственных налогов. С подчиненными им ремесленниками и членами менее привилегированных корпораций их разделяли не меньшие противоречия, чем с прочим не организованным в корпорации трудящимся населением Константинополя.

«Денежные» люди, игравшие существенную роль в экономической жизни столицы, оказались в правление Романа III и Михаила IV в относительно более благоприятных условиях, чем в предшествующий период, что, на наш взгляд, явствует из наблюдений за судьбой братьев Пафлагонцев и из проводимой одним из них — временщиком Орфанотрофом — политики.

По крайней мере трое старших братьев, Иоанн, Константин и Георгий, были сначала менялами, иначе говоря — членами богатой корпорации трапезитов. Согласно сообщению Скилицы, это «ремесло» освоил и Михаил — будущий император³². Уже в конце царствования Василия II Пафлагонцы были достаточно состоятельными в имущественном отношении людьми. Старший, Иоанн, уже тогда был вхож к императору, приглашавшему его на заседания узкого совета доверенных лиц, и находился в близких отношениях с экономом св. Софии, а затем — эпархом столицы, родовитым константинопольцем Романом Аргиром. В 1028 г., когда Роман стал императором, Пафлагонцы были введены во дворец. Иоанн приобрел огромное влияние на императора и скоро превратился во всесильного

²⁷ *Psellos*, I, p. 116.1—8.

²⁸ *Cedr.*, II, p. 542.15—18.

²⁹ Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци. Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. П. Юзбашяна. М., 1968, стр. 78.

³⁰ *Sr. Vryonis*. Op. cit., p. 299.

³¹ Византийская книга эпарха. Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962, стр. 36—37, 39—41, 108, 128, 141, 152 сл.

³² *Cedr.*, II, p. 504.17—18.

временщика. Многочисленные представители рода Пафлагонцев при содействии Иоанна быстро упрочили свое положение, в их руки постепенно попадали все более ответственные и прибыльные государственные должности.

В 1034 г., во время воцарения одного из братьев, Михаила (IV), большинство членов рода Пафлагонцев уже принадлежали к высшей чиновной знати. Знаменательно, однако, что в источниках нет ни одного намека на какие-либо возникшие за 15 лет родственные связи Пафлагонцев с савной византийской знатью (у трех братьев-евнухов было немало родичей и с отцовской, и с материнской стороны). Они сохраняли родственные связи с иной социальной средой, а именно с той, из которой вышли и к которой, в частности, принадлежал зять братьев Пафлагонцев Стефан Калафат, отец Михаила V.

По нашему мнению, Стефан отнюдь не был простым ремесленником, «конопатчиком» или «смолильщиком» судов. Пространное рассуждение на этот счет Пселла отдает явной риторикой и является по существу избитым приемом византийских риториков, состоящим в обыгрывании этимологического значения прозвища, в данном случае прозвища Стефана — «Калафат» (буквально — «конопатчик») ³³. Для шпата философов происходить из богатой, но не причастной к высоким должностям и титулам семьи не означало быть благородным. Мы, однако, не допускаем, чтобы братья-трапезиты выдали свою единственную сестру Марию за простого конопатчика Стефана Калафата. Несомненно, социальное и имущественное положение этого будущего друнгария флота во время его женитьбы на Марии вряд ли существенно отличалось от положения ее братьев. Сам Пселл ниже особо подчеркнул социальное равенство происхождения Михаила V как со стороны матери, так и со стороны отца ³⁴. Мы можем предполагать, что Стефан был либо судовладельцем, либо подрядчиком-предпринимателем по окончательной отделке и оснастке судов (если уж учитывать риторическое свидетельство Пселла). По сообщению Лиутпранда, посетившего Константинополь столетием ранее, отнюдь не все столичные «калафаты» были простыми кораблестроителями: их приглашал к себе император, чтобы дать указания о деталях оснащения и вооружения военных судов ³⁵. И в актах XI в. «калафат» Георгий упомянут рядом с корабельным начальством ³⁶. Видимо, это прозвище могли носить и простые «смолильщики», и крупные предприниматели, бравшие подряды на окончательную оснастку судов.

Итак, бывший управитель имуществом св. Софии, а затем эпарх столицы Роман Аргир, имевший менял в течение долгого времени в числе ближайших сотрудников, возвел их, вступив на трон, на крупнейшие чиновные должности империи. Бывшие трапезиты, Пафлагонцы получили заметные должности, гражданские, военные и церковные. Укрепившись и получив в лице Орфанотрофа высшую власть, Пафлагонцы поспешили не только возвысить других своих родичей, но и дать возможность прочим представителям торгово-ростовщической верхушки столицы проникать в среду константинопольской бюрократии. Иоанн Орфанотроф ввел практику продажи должностей, которую его младший современник Кекавмен приравнивал к откупу налогов ³⁷.

³³ *Psellos*, I, p. 69—70.

³⁴ *Ibid.*, p. 70.1—2.

³⁵ *Die Werke Liutprands von Cremona*, hrsg. von J. Becker. Hannover und Leipzig, 1915, S. 150.

³⁶ *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana collecta*, ed. F. Miklosich—I. Müller, vol. V. Vindobonae, 1888, p. 7.

³⁷ «Советы и рассказы Кекавмена (византийского полководца XI в.)». Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972, стр. 236—238.

За десятилетний срок пребывания во дворце Пафлагонцы приобрели огромные богатства, часть которых была попросту награблена ими из казначейства (только у новеллссима Константина после апрельского восстания таких денег было изъято до 50 кентенариев). Их дома в столице представляли собой огромные подворья, полные всякого добра и многочисленной челяди, в том числе вооруженной. Пафлагонцы построили и богато украсили в Константинополе множество церквей. Одновременно они приобрели и богатые земельные владения в фемах Опсикий, Пафлагония и Арменияк. Часть этих поместий перешла к ним непосредственно после конфискации имущества видных представителей военной аристократии, попавших в опалу.

Упомянув о богатствах Пафлагонцев, Атталиат говорит, что они были нажиты «несправедливостью и стенаниями бедняков»³⁸.

Политика, проводившаяся Орфанотрофом, отвечала интересам чиновной знати и торгово-ростовщической верхушки столицы. Именно это, по всей вероятности, имел в виду Пселл, когда писал, что Орфанотроф благоустроивал города³⁹ и «никому не сделал зла»⁴⁰. Такая политика, сопровождавшаяся ростом налогов и произволом их откупщиков, привела к ухудшению положения трудовых масс городского населения.

С сожалением, нам неизвестна достаточно определенно та программа реформ, которую, безусловно, имел юный император и к выполнению которой он пытался приступить. Мы можем судить о ней лишь по косвенным признакам. По всей вероятности, приговор истории, вынесенный этому императору на основании свидетельств авторов—приверженцев синклита, несправедлив: в историографии его часто порицают не столько за его собственный политический курс, сколько за курс его предшественников, которых он сам же частью отстранил от власти⁴¹.

Видимо, Михаил V совсем не был ни самонадеянным юнцом, ни капризным деспотом, ни политическим авантюристом. К решительным действиям его вынуждали обстоятельства, но препятствия на том пути выхода из тупика, который он искал, оказались слишком велики, а подготовка к их преодолению — слишком слабой. Иоанн Скилица пишет, что Зоя усыновила Михаила, так как он казался «энергичным и знающим дело»⁴². Правление Пафлагонцев было к концу 1041 г. окончательно дискредитировано. Провинциальная аристократия снова поднимала голову; высший клир столицы находился в оппозиции; все чаще вспыхивали восстания в разных концах страны; только что с трудом было подавлено мощное народное движение в Болгарии и Северной Греции; назревал взрыв и в столице. Раскол произошел внутри самой клики Пафлагонцев. Наступил кризис бюрократического режима — и задачи его преодоления (а может быть, и перестройки) легли на плечи молодого императора.

Совершенно закономерным в этой обстановке представляется отстранение Михаилом V от дел, а затем и ссылка Орфанотрофа. Задача состояла прежде всего в укреплении личной власти и в удалении противников своих планов. Михаил V, как мы уже говорили, временным благоволением успокоил синклит. Сделал он некоторые уступки и военной знати: был освобожден из заключения Константин Далассин, а затем также и некогда смертельно оскорбивший его отца полководец Георгий Маниак, который в чине магистра был назначен катепаном Италии. Ко времени краткого правления Калафата относится и начало возвышения способного полити-

³⁸ *Attal.*, p. 15.16.

³⁹ *Psellos.* I, p. 65.17—19.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 59.15.

⁴¹ См. оценку его поступков современником: «Советы и рассказы Кекавмена», стр. 286—288.

⁴² *Cedr.*, II, p. 534.18—19.

ческого деятеля, опытного правоведа и знатока финансов Константина Лихуда, будущего патриарха.

Можно думать, что некоторые меры Михаила V были призваны произвести благоприятное впечатление не только на знатных неприятелей Пафлагонцев, но и на народные массы. Согласно свидетельству Атталиата, император сурово карал обидчиков и строго соблюдал законность⁴³. Беспощадно расправился он и с частью своих родственников, причем, видимо, с большей: он повелевал лишать их имущества, смещать с постов,сылать, оскоплять.

Если суммировать все основные обвинения по адресу Михаила V, о которых упоминают его современники-хронисты, то они, в сущности, сводятся лишь к одному, которое преподносится как глубоко безнравственный поступок, а именно к ссылке своей названной матери Зои, подарившей ему трон. Но именно эта мера, по нашему мнению, свидетельствует о серьезности планов Михаила V: Зоя как живой символ существующего «законного» режима, на какие-то перемены в котором решился новый император, могла в любой момент оказаться центром концентрации враждебных, оппозиционных сил. Ее удаление для осуществления своих планов представлялось Михаилу V совершенно необходимым.

Пселл пишет, что Михаил V задумал сместить многих из синклита, стремясь «пользоваться защитой со стороны многих, а не немногих», народ же «сосватать со свободой»⁴⁴. Мы не знаем, кого здесь следует понимать под «народом», о какой «свободе» идет речь, но перемены в составе синклита, видимо, могли быть направлены только против столичной чиновной знати.

Для осуществления этого плана император нуждался в союзниках, в расширении своей социальной базы. Готовясь к решительному шагу, он постарался усилить преданность своих телохранителей и приближенных из «скифов» и «тавроскифов» (русских), но главную опору он видел в среде богатых торговцев и ростовщиков столицы. Именно их, на наш взгляд, имеют в виду Пселл (*ἀπόλεκτος δῆμος τῆς Πόλεως* и *ὅσοι τῆς ἀγοραίου τέρβης φιχειοῦντο*)⁴⁵ и Атталиат (*οἱ τῆς ἀγορᾶς προεξάρχοντες, τὸ τῆς ἀγορᾶς στεφανοφοροῦν* и *ἀρχὰς ἀγορανομικᾶς*)⁴⁶. Их мысли и «пленил» заранее император «явными милостями»⁴⁷. Они-то и устроили в воскресенье 18 апреля пышную встречу императору на улицах города, всячески выражая ему свою преданность. По нашему мнению, сведения источников на этот счет нельзя объяснить лишь тем фактом, что в обязанности глав корпораций входило устройство празднеств и украшение улиц при выходах императора⁴⁸: они, по словам Пселла, «считали ужасным», если Михаил V ступит ногой на голую почву⁴⁹. На них, приступая к выполнению своего замысла, император «полностью полагался»⁵⁰. Как говорит Атталиат, сведущие люди, наблюдая некоторые признаки перемен в столичной атмосфере, пришли к выводу, что «дело идет не к добру»⁵¹.

Знаменательно, что в перечне представителей разных социальных слоев, поднявшихся на восстание против Михаила V, ни один из источников не называет те группировки, позицию которых мы определили выше как благоприятную для императора накануне мятежа. И напротив, Пселл лишь раз и только вслед за *ἀπόλεκτος δῆμος* упоминает как доброжела-

⁴³ *Attal.*, p. 11.14—15.

⁴⁴ *Psellos*, I, p. 95.8—11.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 96.2—3.

⁴⁶ *Attal.*, p. 12.10, 19.22—23.

⁴⁷ *Psellos*, I, p. 96.4—7.

⁴⁸ Византийская книга эпарха, стр. 149.

⁴⁹ *Psellos*, I, p. 96.2—11.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 96.10—11.

⁵¹ *Attal.*, p. 13.4—5.

телей Михаила V тех, кто «живет ремесленным искусством» (βαναύσων τέχων)⁵². Не сначала «простой люд», а затем «цехи» выразили расположение к императору 18 апреля, как полагает Врионис, а сначала торговоростовщическая верхушка столицы и лишь затем толпы народа, ослепленные торжественностью и блеском царского выхода, приветствовали императора.

Кроме того, в результате свержения Михаила V пострадали именно те, кто оказывал ему поддержку еще до восстания и во время него: часть Пафлагонцев, группировавшаяся вокруг новеллссима Константина и не подвергавшаяся репрессиям при Михаиле V, эпарх столицы Анастасий и — что особенно важно — лица, правившие рынком, которые уже вечером 19 апреля были смещены Феодорой с их должностей (ἀρχὰς τῆ εἰθους λαμπρὰς καὶ ἀγορανομικὰς ἀποδείξασα)⁵³. Врионис колеблется, кто были эти люди: подчиненные должностные лица эпарха или крупные торговцы, господствовавшие на рынке⁵⁴. Видимо, это были и те и другие: главы корпораций выполняли и чиновные функции, касающиеся рынка, и были подчинены эпарху; должностные же лица эпарха были тесно связаны с главами корпораций, крупнейшими торговцами и трапезитами.

Весьма показательным, что первым мероприятием Зои и Феодоры после устранения Михаила V была немедленная отмена продажи должностей, о чем они поторопились оповестить все население страны⁵⁵. Путь менялам и торговцам в чиновную среду был снова закрыт.

Наконец, остановимся коротко на позиции низших социальных слоев населения столицы. В источниках они имеются в виду под собирательными терминами δῆμος, ὄχλος и πολῖται. Пселл лишь изредка употребляет более точные выражения, упоминая ремесленников. Народ был главной силой восстания, орудием низвержения Михаила V. Об отношении к нему до восстания трудящегося населения Константинополя мы почти ничего не знаем. Согласно точному смыслу свидетельства Атталиата, в настроении народа, вчера еще с восхищением наблюдавшего выход императора, после ссылки Зои произошла резкая, враждебная императору перемена⁵⁶. О том же говорит и Скилица⁵⁷. Смысл сходного замечания Пселла на этот счет можно, впрочем, понимать как указание на то, что враждебное чувство к Михаилу V овладело жителями столицы лишь через сутки после ссылки Зои⁵⁸.

Так или иначе, по большинство восставших составляли представители беднейших слоев населения города. Были в их числе и ремесленники (Пселл пишет, что именно «люди из эргастириев готовились на великие дерзости»⁵⁹). Несомненно, подавляющее большинство участников мятежа еще вчера или позавчера находились в толпе, приветствовавшей императора. Подобные перемены в настроении масс не представляются загадочными. Недостаток источников и их специфика обусловили то, что при исследовании налоговой системы в Византии историки говорят главным образом о податях с сельского населения страны, хотя налоговый гнет в городах был, по всей вероятности, едва ли значительно менее тяжелым. Об этом как раз и свидетельствуют многочисленные городские восстания в XI в., о которых было упомянуто выше: в качестве их главной причины современники неизменно называют тяжесть податей и произвол при их взывании.

⁵² Psellos, I, p. 96.2—4.

⁵³ Attal., p. 16.22—23.

⁵⁴ Sp. Vryonis. Op. cit., p. 299.

⁵⁵ Cedr., II, p. 541.4.

⁵⁶ Attal., p. 13.

⁵⁷ Cedr., II, p. 537.4—5.

⁵⁸ См. прим. 5.

⁵⁹ Psellos, I, p. 102.17—18.

Налоги были одной из наиболее важных причин и константинопольского восстания в 1042 г. Когда после ожесточенной осады и больших потерь народ ворвался в одно из отделений Большого дворца (в «Секрет» — видимо, ведомство геникопа), он уничтожил «налоговые описи» (τὰς δημοσίας ἀπογραφάς) ⁶⁰. Известно, что не только в деревне, но и в городе (в том числе в столице) чиновники фиска производили в целях налогообложения скрупулезную опись имущества жителей. Суда и лодки, которые при этом подвергали тщательному обмеру для определения их вместимости ⁶¹, не представляли собой, конечно, исключительного объекта внимания анаграфевсов и практоров.

Озлобленное тяжелым гнетом трудовое население, обладавшее низким уровнем классового самосознания, не могло устоять перед демагогией клира и знати и влиянием деклассированных плебейских масс. Враг был указан предельно ясно: именно Пафлагонцы в сознании простых константинопольцев в течение многих лет олицетворяли и налоговый гнет, и произвол откупщиков податей, и притеснения ростовщиков-заимодавцев. Для бедного люда города Михаил V не успел сделать ничего существенного да, вероятно, и не собирался делать. Его расправа с частью Пафлагонцев не была мерой, способной удовлетворить народ: не менее корыстолюбивые представители этого рода получили при Михаиле V еще большую власть и силу. Его попытки союза с торгово-ростовщическими кругами были способны скорее обозлить, чем обнадежить, так как именно члены этих кругов входили в число непосредственных эксплуататоров ремесленников и рабочих эргастрий.

Ненависть народа обрушилась на всех представителей родственного клана Пафлагонцев: дома их были разрушены, имущество разграблено или уничтожено. Народ не пощадил, как специально подчеркивает Аталиат этот удививший его акт слепой народной ярости, даже частные церкви, построенные Пафлагонцами: они также подверглись грабежу и разгрому ⁶². Восставшие освободили из тюрем заключенных, которые тотчас бросились вместе с толпой на штурм дворца ⁶³. Как известно, обычно уголовных преступников в Византии IX—XI вв. предпочитали либо казнить, либо подвергать телесным наказаниям, членовредительству, штрафам, высылкам, но не заключать в тюрьму. Тюрьма в основном была «привилегией» знатных политических преступников, да и то не часто (ослепление, лишение имущества и ссылки были гораздо более обычной карой). Вряд ли знатные заключенные, даже если они и находились в числе освобожденных из тюрем, тотчас влились бы в ряды толпы. Напротив, свидетельства источников о тюрьмах в городах, переполненных в XI в. должниками казны и частных лиц, достаточно многочисленны. Мы полагаем, что именно этих лиц в первую очередь и следует усматривать среди освобожденных народом заключенных. Это были недоимщики казны и должники аргиропратов, менял и других состоятельных собственников столицы.

Как указание на растерянность знати перед разбушевавшейся народной стихией можно расценивать свидетельство Аристакеаса о том, что часть дворца и казны была захвачена восставшими уже после ослепления Михаила V и «городское начальство смогло с трудом пресечь [действия] толпы» ⁶⁴.

Подводя итог вышесказанному, мы полагаем, что восстание в Константинополе в апреле 1042 г. было ярким выражением глубокого общего

⁶⁰ *Cedr.*, II, p. 539.8.

⁶¹ *G. Rouillard*. Les taxes maritimes et commerciales d'après des actes de Patmos et de Lavra. — «Mélanges Ch. Diehl», I. Histoire. Paris, 1930, p. 279, 280.

⁶² *Atal.*, p. 15.17—20.

⁶³ *Ibid.*, p. 15.9—13.

⁶⁴ Повествование вардапета Аристакеаса Ластивертци, стр. 78.

кризиса бюрократического режима имперской автократии. Стремление к сохранению и упрочению всей системы традиционного правопорядка проявляла лишь высшая чиновная бюрократия, владевшая ключевыми позициями в государственном аппарате.

С воцарением Михаила V, решившегося на крупные перемены во внутренней политике и структуре власти, вокруг трона завязалась острая борьба, в которой друг другу противостояли три организованные политические силы: чиновная бюрократия, символом господства которой была императрица Зоя, подверглась одновременному натиску со стороны двух сил, в не меньшей мере враждебных друг другу, — группировки столичной светской знати, блокировавшейся с высшим белым духовенством и связанной с оппозиционной военной аристократией, и экономически могущественной, но политически бесправной торгово-ростовщической верхушки столицы. Каждая из этих трех группировок обладала значительными силами. По нашему мнению, накануне восстания между ними создалось равновесие. Борьба могла стать затяжной, но исход ее нельзя было предвидеть. Ссылка Зои была первым шагом к решительным действиям, предпринятым императором, возглавившим «аристократию денег» на пути к политической эмансипации. Однако этот шаг не был достаточно подготовлен. Михаил V недооценил силы врагов и не обеспечил своей группировке поддержки или хотя бы нейтралитета трудового населения города. Предварительно осуществленные им репрессии коснулись также не тех сил, которые организованно вышли против него на арену во время апрельских событий: император разгромил оппозицию своим планам внутри собственного родственного клана, представители которого, выйдя из торгово-ростовщической среды и внедрившись в столичный аппарат власти, оказались постепенно приверженцами традиционной системы правопорядка. Михаил V пренебрег безгласным и послушным синклитом и, хотя опасался оппозиции высшего духовенства, не принял достаточных мер к изоляции и разгрому кругов, связанных с провинциальной аристократией.

Неподготовленной и слабо организованной оказалась и эта группировка господствующего класса (высшее духовенство и связанная с военной аристократией часть синклита), хотя именно она проявила наибольшую активность и именно благодаря ее руководству был свергнут Михаил V. Плоды победы пожала постепенно пришедшая в себя и сплотившаяся чиновная бюрократия (основная часть синклита), с которой на условиях восстановления status quo были вынуждены пойти на компромисс и все остальные группировки знати столицы.

К народным массам Константинополя апеллировала также наиболее активная часть оппозиционной императору знати во главе с патриархом. И несмотря на то что степень вмешательства народа превзошла ее ожидания, группировка патриарха сохраняла контроль над событиями вплоть до водворения на императорском троне во дворце обеих царственных сестер, но — только до этого момента. . . . Что касается взрыва народного гнева, то ссылка Зои была лишь поводом к нему, искусно использованным оппозиционной императору знатью. Восстание константинопольцев было вызвано непомерным налоговым гнетом, произволом чиновничества и притеснениями со стороны купцов, ростовщиков и прочих экономически господствующих в столице кругов как титулованной, так и нетитулованной знати.

В апреле 1042 г. впервые в византийской столице ярко проявилось стремление византийского купечества, крупных предпринимателей и ростовщиков выйти на политическую арену, сохранив за собой прежнее поле деятельности и попытавшись обеспечить более благоприятные условия именно для этой деятельности. Впервые и, кажется, в последний раз эта тенденция нашла поддержку и даже руководство со стороны высшей им-

ператорской власти. Однако попытка направить ход экономического развития столицы (а может быть, и организационно-политической структуры центральной власти) в иное русло была разгромлена консервативными силами. Почти через 40 лет хозяйство Константинополя вступит в полосу постепенного мучительного упадка. Оно окажется (чем далее, тем более) в руках итальянского купечества, деятельность которого не будет стеснена прокрустовым ложем имперского правопорядка.

В ходе восстания 1042 г. высшая столичная бюрократия сумела преодолеть глубокий кризис обеспечивавшего ее господство режима, и последствия этой победы были роковыми для всей последующей истории Византийской империи.

З. В. УДАЛЬЦОВА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСТОРИКА V В.
ПРИСКА ПАНИЙСКОГО

Одним из самых ярких и талантливых писателей V в., запечатлевших необычайную по своей жизненности и правдивости картину как варварского, так и римского мира в эпоху великого переселения народов, был выдающийся историк и дипломат Приск Панийский. Его рассказ о византийском посольстве ко двору грозного правителя гуннов Аттилы до сего дня остается поистине уникальным источником изучения жизни и быта этих варваров-завоевателей, угрожавших в V в. всей Европе¹.

О жизни историка до нас дошли очень скудные сведения. Приск родился, по всей вероятности, в первой четверти V в. Дата рождения Приска устанавливается на основании некоторых косвенных данных, содержащихся в его труде. Известно, что Приск в 448 г. выполнял важную дипломатическую миссию к гуннам. Такое ответственное поручение вряд ли могло быть возложено на неопытного юношу. Скорее всего Приск в это время был уже человеком достаточно зрелого возраста, умудренным опытом дипломатической деятельности. Исходя из этого можно полагать, что он родился между 410—420 гг.² Родиной Приска был город Панион, от названия которого писатель получил, по существовавшему тогда обычаю, свое прозвище — Приск Панийский³. Можно предполагать, что Панион находился во Фракии, так как византийские историки — автор анонимной Пасхальной Хроники Иоанн Малала и позднее Феофан — называют Приска фракийцем⁴.

Скорее всего, небольшой городок Панион был расположен на северном побережье Мраморного моря, недалеко от города Гераклеи⁵.

Основные вехи жизни и деятельности Приска Панийского с трудом можно воссоздать на основании фрагментов его собственного сочинения и лапидарных упоминаний о нашем авторе в произведениях других ранневизантийских историков — гота Иордана, церковного писателя VI в.

¹ E. A. Thompson. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948, p. 9—12, 49—50, 64, 71—73, 184—186; А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951; Ф. Баршич. Приск као извор за најстарију историју Јужних Словена. — ЗРВИ, XXI, кн. 1, 1952, стр. 52—63; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958. S. 479—488; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 13, 15, 53, 56, 126, 167.

² Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 480.

³ Прозвище Приска приводится в византийском лексиконе X в. Суда: *Suidae Lexicon*, ed. I. Bekker. Berolini, 1854, p. 883.

⁴ *Chronicon Paschale*, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832, p. 587—588; *Ioannis Malalae Chronographia*, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831 (далее — *Malal.*), p. 359; *Theophanis Chronographia*, rec. C. de Boor, I. Lipsiae, 1883, p. 116.

⁵ «Сказания Приска Панийского» Г. С. Дестуниса. — «Ученые записки второго отделения имп. Академии наук», кн. 7, вып. 1, 1861, стр. 1.

Евагрия, Иоанна Малалы, анонимного автора Пасхальной Хроники, Стефана Византийца, Иоанна Антиохийского и, наконец, Феофана ⁶.

Приск происходил из довольно состоятельной семьи, которая смогла дать будущему историку солидное философское и риторическое образование. Свидетельством глубоких и разносторонних познаний Приска является его произведение, отличающееся изысканностью стиля образованного человека, эрудита, овладевшего знаниями своей эпохи. Недаром Приск заслужил почетные звания софиста и ритора ⁷.

Завершив образование в Константинополе, Приск поступил на государственную службу в самой столице; вскоре ему удалось завоевать расположение знатного вельможи Максимиана, занимавшего высокие посты при императоре Феодосии II (408—450). Приск стал секретарем и ближайшим советником Максимиана. В 448 г. Максимиану была поручена крайне сложная дипломатическая миссия: он возглавил византийское посольство в Паннонию к царю гуннов Атилге ⁸.

В это опасное путешествие ко двору Атиллы вместе с Максимианом отправился и его советник Приск, пользовавшийся неограниченным доверием своего патрона. В течение всего многолюдного путешествия в ставку Атиллы и пребывания при дворе этого «бича божьего», как прозвали правителя гуннов народы Европы, Приск, по-видимому, вел подробный дневник, куда записывал все свои наблюдения. Эти записи и легли в основу знаменитого сочинения Приска (*Ἱστορία βυζαντιακή καὶ τὰ κατ' Ἀττήλαν*), сохранившегося, к сожалению, лишь во фрагментах ⁹.

Увлечение историей и литературные занятия не отвлекли Приска от дипломатической деятельности. На этом поприще его ожидали немалые успехи. Он неоднократно выполнял секретные дипломатические поручения византийского двора.

Смена императора на византийском престоле не помешала дальнейшей карьере Приска. Действительно, уже в царствование Маркиана (450—457), в 450 г., мы находим Приска в Риме, где он ведет тайные переговоры с юным сыном франкского короля, на которого была возложена миссия заключить союз с могущественным полководцем Запада Аэцием.

В это время во франкской державе шла борьба за престол между сыновьями умершего короля. В этой борьбе претенденты на верховную власть искали могущественных союзников вне своей страны. По словам Приска, «поводом к войне Атиллы с франками была кончина их государя и спор между сыновьями за господство: старший решился держаться союза с Атиллою, а младший — с Аэцием. Мы видели этого последнего, когда он

⁶ *Jordanis Romana et Getica*, rec. Th. Mommsen (MGH, Auctores antiquissimi, t. V, pars 1). Berolini, 1882 (далее: *Jordan.*), § 121—129, 178—227, 254—258; *The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia*, ed. J. Bidez — L. Parmentier. London, 1898 (далее — *Evagrius*), I, 17; II, 5; V, 1, 24; *Malal.*, p. 359; *Chronicon Paschale*, p. 588; *Ioannes Antiocheus*. Fragmenta. — In: «*Excerpta de insidiis*», ed. C. de Boor. Berolini, 1905; *Theophanis Chronographia*, I, p. 116.

⁷ *Suidae Lexicon*, p. 883; *Evagrius*, II, 5, 14; *F. Bucheler*. Zu Priscus und Suidas. — «*Rheinisches Museum*», 24 (1869), S. 137—138; *A. F. Norman*. An Identification in Suidas. — «*The Classical Quarterly*», N. S., 3 (1953), p. 171—172.

⁸ *W. Ensslin*. Maximinus und sein Begleiter, der Historiker Priskos. — *BNGJb*, 5, 1926, S. 1—9.

⁹ *Priscus Panites*. Fragmenta. — In: *FHG*, t. IV. Paris, 1851 (далее — *Priscus*), p. 69—110; *Excerpta de legationibus*, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 121—155, 575—591; *Historici Graeci Minores*, ed L. Dindorf, t. I. Lipsiae, 1870 (далее — *HGM*), p. 275—352; русский перевод Г. С. Дестуниса: «Сказания Приска Панийского», стр. 1—112; *В. В. Латышев*. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, I. СПб., 1890, стр. 810—847. *Prisci Excerpta de legationibus*. *Ambasadele lui Priscus traducere de G. Popa-Lisseanu* (*Fontes historiae Daco-Romanorum*, VIII). Bucuresti, 1946; *J. Kuranz*. De Prisco Panita rerum scriptore quaestiones selectae. Lublin, 1958.

явился в Рим с предложениями: на лице его еще не пробивался пушок; русые волосы были так длинны, что ниспадали на плечи»¹⁰.

Трудно судить по отрывочным данным, содержащимся в сочинении Приска, о цели его переговоров с франкским королевичем. Не исключено однако, что византийская дипломатия пыталась помешать сепаратному соглашению Рима с франкской державой. Однако на этот раз демарш Константинополя не имел успеха, и Аэций, усыновив франкского принца и богато одарив, отослал его к императору Валентиниану III «для заключения между ними дружбы и союза»¹¹.

В правление Маркиана византийская дипломатия активизировалась и на Востоке. В 452 г. Приск побывал в Восточных провинциях империи: сперва проездом он посетил Дамаск, а затем отправился в Египет. И на этот раз историк состоял советником при Максимино. Патрон Приска не потерял доверия нового правительства и был отправлен на Восток для урегулирования отношений империи с кочевыми арабскими и нубийскими племенами. В Дамаске Максимино и Приск были свидетелями мирных переговоров византийского полководца гота Ардавура, сына Аспара, с послами арабских племен (сараинов, по терминологии Приска)¹².

Из краткого рассказа Приска остается неясной роль Максимино и самого писателя в переговорах в Дамаске. Известно лишь, что из Дамаска Максимино со своей свитой отбыл в Фиваиду в Египте. Здесь он вел успешные переговоры о мире с побежденными римским оружием племенами влеммиев и нувадов (нубийцев). Максимино заключил с ними мир на сто лет; условия мирного договора были выгодны для империи: все римские военнопленные и знатные заложники возвращались на родину без выкупа; угнанные кочевниками стада должны были быть вновь отданы старым владельцам, а убитки возмещены. Влеммий же и нувады получили разрешение беспрепятственно проезжать по Нилу в храм Исиды на острове Филы для отправления древнего культа этой богини. Договор был подписан в Фильском храме и впервые скреплен выдачей кочевниками знатных заложников.

Однако мир оказался недолговечным. Вскоре, когда Максимино внезапно заболел и умер в Египте, варвары, узнав о его смерти, отбили у римлян своих заложников, разорили страну и опять начали войну против империи¹³.

В 453 г., в год смерти Максимино, Приск едет из Фиваиды в Александрию, опять-таки выполняя какое-то правительственное поручение. Приск прибыл в Александрию в трудные для города времена. Он оказался в гуще народных волнений, вызванных ожесточенной борьбой монофиситов и православных. Приск не остался сторонним свидетелем этих столкновений, а принял участие в борьбе, естественно, на стороне правительства¹⁴.

После смерти Максимино Приск перешел на службу в качестве асессора (советника по юридическим делам) к влиятельному вельможе Евфимию — магистру оффиций при императоре Маркиане. «Славный разумом и силою слова, Евфимий, — пишет Приск, — правил государственными делами при Маркиане и был его руководителем во многих полезных начинаниях. Он принял к себе Приска-писателя как участника в заботах правления»¹⁵.

¹⁰ *Priscus*, fr. 13; *Th. Mommsen. Aetius*. — «Hermes», 36, 1901, S. 516—547.

¹¹ *Priscus*, fr. 13.

¹² *Ibid.*, fr. 16.

¹³ *Ibid.*, fr. 17. О победе римлян при Маркиане над нумидийскими племенами сообщает, кроме Приска, аноним Вalezия (*Anonymus Valesii*, ed. *Th. Mommsen*. — *MGH, Auctores antiquissimi*, t. IX, 1892, p. 302; *J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*. Leipzig, 1903).

¹⁴ *Evagrius*, II, 5.

¹⁵ *Priscus*, fr. 20; *Gy. Moravcsik. Op. cit.*, S. 480.

Евфимий по поручению императора в 456 г. вел переговоры с царем лазов Гувазом (Говазом) о заключении мира с империей. Условиями прекращения военных действий в Лазике Константинополь ставил отказ лазов от древнего обычая иметь в качестве правителей двух царей. Гуваз, не получив помощи от персов, отказался от престола в пользу своего сына, и мирный договор был подписан. Не исключено, что в переговорах с лазами какое-то участие принимал и советник Евфимия Приск. Однако прямых указаний на это в источниках нет¹⁶.

Год смерти Приска Панийского точно неизвестен. Можно высказать лишь некоторые предположения. Поскольку историческое сочинение Приска доведено до 472 г., то кончина историка последовала, видимо, после этой даты¹⁷.

Состав и содержание исторического труда Приска восстанавливаются по дошедшим до нас фрагментам и выдержкам, включенным в сочинения других византийских авторов.

По словам византийского лексикона X в. Суда, перу Приска принадлежала «Византийская история и деяния Аттилы в восьми книгах» (*Ἱστορία βυζαντιανὴ καὶ τὰ κατὰ Ἀττῆλα ἐν βιβλίοις ὀκτώ*)¹⁸.

Хронологический охват событий, описанных Приском, устанавливается по сообщениям Евагрия: Приск начинал свое повествование с событий 411 г., которыми завершил свое сочинение Зосим, и доводил их до 472 г.¹⁹ С 473 г. историческое сочинение Приска продолжает Малх Филадельфиец.

В научной литературе проведена значительная текстологическая работа по исследованию отдельных фрагментов и по восстановлению исторического произведения Приска²⁰. К сожалению, эта работа еще далека от завершения, и назрела настоятельная необходимость нового критического издания этого выдающегося исторического сочинения ранней Византии.

Подавляющее большинство уцелевших фрагментов исторического сочинения Приска сохранилось в знаменитом собрании эксцерптов о посольствах Константина Багрянородного в рукописях XVI в.²¹ Позднее были обнаружены еще два важных отрывка из трудов Приска — ныне они хранятся в Парижской Национальной библиотеке. Один из этих фрагментов входил в состав греческих сочинений X в. по полиоркетике и, возможно, был частью утраченного собрания эксцерптов Константина Багрянородного о военном деле — Paris. Suppl. gr. 607. Другой происходил из библиотеки Ватопедского монастыря на Афоне и был обнаружен Миноидом

¹⁶ *Priscus*, fr. 19—20. Утверждение Г. С. Дестуниса об участии Приска в переговорах с лазами, на наш взгляд, слишком категорично: «Сказания Приска Панийского», стр. 4.

¹⁷ *Gy. Moravcsik*. Op. cit., S. 480.

¹⁸ *Suidae Lexicon*, p. 883.

¹⁹ *Evagrius*, I, 17; II 1, 14, 16; V, 24; *Gy. Moravcsik*. Op. cit., S. 480.

²⁰ *L. Dindorf*. Ein Fragmente des Priscos. — «Jahrbücher für classische Philologie», 99 (1869), S. 43—48; *idem*. Nachtrag zu dem Fragment des Priscos. — «Jahrbücher für classische Philologie», 99 (1869), S. 120—124; *E. A. Thompson*. Priscus of Panium, Fragment Ib. — «The Classical Quarterly», 39 (1945), p. 92—94; *idem*. Notes on Priscus Panites. — «The Classical Quarterly», 41 (1947), p. 61—65.

²¹ В рукописях отрывки из трудов Приска были помещены в двух различных разделах эксцерптов Константина Багрянородного: в разделе 1) «о посольствах народов к римлянам» под заглавием *Πρίσκου ῥήτορος καὶ σοφιστοῦ ἱστορίας βυζαντικῆς ἐκλογαί*, и в разделе 2) «о посольствах римлян к народам» под заглавием *Πρίσκου ῥήτορος καὶ σοφιστοῦ ἱστορίας γοθικῆς ἐκλογαί*. К. Мюллер впервые объединил в своем издании фрагменты Приска и расположил их в хронологическом порядке (FHG, t. IV, p. 138—142). Последующие издания воспроизводят этот порядок расположения текста фрагментов Приска: *Gy. Moravcsik*. Op. cit., S. 482—483; *M. Крашенинников*. Новая рукопись извлечений *Περὶ πρέσβευον Ῥωμαίων πρὸς ἔθνηκούς*. — ВВ, [21, 1919, стр. 45—170; «Византийское обозрение», 1, 1915, стр. 1—52.

Минасом во время его путешествия по Востоку — Paris. Suppl. gr. 1253²².

Сочинение Приска, кажется, входило составной частью в ныне утраченную «Всемирную историю» Евстафия Епифанийского, о чем есть косвенные данные у Евагрия и в лексиконе Суда²³. Существует гипотеза о том, что византийские авторы использовали не подлинный труд Приска, а его изложение у Евстафия Епифанийского или какого-то иного, неизвестного нам, писателя²⁴. Однако все эти предположения труднодоказуемы из-за отсутствия полного труда самого Евстафия²⁵.

Большую помощь науке в воссоздании утерянного труда Приска оказал историк VI в. Иордан. Готский писатель, вероятно, имел в своих руках полное сочинение Приска и умело его использовал²⁶. Интереснейшие известия о гуннах, которые мы находим в «Getica» Иордана, в подавляющем большинстве случаев почерпнуты из произведения Приска, причем с прямыми ссылками на этого автора²⁷. Сверх сохранившихся фрагментов Приска, по Иордану можно восстановить такие утраченные части истории Приска, как подробное описание Каталаунской битвы 451 г.²⁸, рассказ о смерти и похоронах Аттилы²⁹. Одними и теми же красками и даже в близких выражениях рисуют Иордан и Приск незабываемый и ставший ныне хрестоматийным образ Аттилы³⁰, дают описание дворца гуннского короля и его жены³¹. Близость между Приском и Иорданом неоднократно отмечалась в научной литературе³².

Отдельные отрывки из сочинения Приска разбросаны в исторических произведениях и других византийских авторов — у Малалы, в Пасхальной Хронике, у Стефана Византийского и особенно, как мы уже говорили, у Евагрия. Стефан Византиец упоминает шестую книгу «Византийской истории» Приска, содержащую, видимо, рассказ о событиях 463 г.³³

Прокопий Кесарийский и Иоанн Антиохийский также не обошли своим вниманием нашего автора, при этом первый черпает из него материал без упоминания его имени, а второй — с прямыми ссылками на его труд³⁴.

Выяснение источников, которыми пользовался Приск при создании своей «Византийской истории», наталкивается на большие трудности

²² H. Schone. Über den Mynas-codex der Griechischen Kriegsschriftsteller in der Parisiner Nationalbibliothek. — «Rheinisches Museum», 53 (1898), S. 432—477; H. Omont. Minoide Mynas et ses missions en Orient. — «Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres», 40, 1916, p. 337—419.

²³ Evagrius, V, 24; Suidae Lexicon, p. 883.

²⁴ Gy. Moravcsik. Op. cit., p. 483.

²⁵ P. Maas. Eine Handschrift der Weltgeschichte des Eustathios von Epiphaneia. — BZ, 38, 1938, S. 350.

²⁶ Гипотеза Т. Моммзена о том, что Иордан пользовался сочинением Приска не непосредственно, а через «Историю готов» Кассиодора, на наш взгляд, недоказуема из-за отсутствия самого произведения Кассиодора (Jordan., p. XXX—XLIV).

²⁷ Ibid., § 123, 178, 183, 222, 225.

²⁸ Ibid., § 178—225.

²⁹ Ibid., § 254—259.

³⁰ Ibid., § 182—183; Priscus, fr. 8.

³¹ Jordan., §§ 178—179; Priscus, fr. 8.

³² D. Romano. Due storici di Attila: il greco Prisco e il goto Iordanes. — «Antiquitas», 2, 1947, p. 65—71. Значительный интерес к творчеству Приска Панийского проявила советский историк Е. Ч. Скржинская; она провела скрупулезное сравнительное изучение фрагментов труда Приска и сочинения Иордана «Getica» — см. ее комментарий в кн.: Иордан. «О происхождении и деяниях гетов». Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960, стр. 212, 216, 221, 223, 225, 268, 270, 273, 280, 304—306, 310, 314—315, 326, 327, 335, 340. Особое внимание Е. Ч. Скржинской привлекли географические, этнические и топонимические сведения, содержащиеся в сочинении Приска.

³³ Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 480—481.

³⁴ Procopii Caesariensis opera omnia, rec. J. Hauriy, vol. I. Lipsiae, 1905, VII—XIX; A. Koehler. De Ioannis Antiocheni aetate, fontibus, auctoritate. Diss. Bonnae, 1871, p. 34—37.

в связи с отсутствием каких-либо точных данных. Доподлинно известно лишь немного. Главный источник Приска — это, бесспорно, его личные наблюдения над исторической действительностью своего времени. Историк пишет преимущественно о том, что он видел своими собственными глазами или о чем узнавал из заслуживающих доверия рассказов близких и друзей. Личный, порою многотрудный, опыт, переживания, впечатления и наблюдения, почерпнутые во время дальних и подчас опасных путешествий в варварские страны — вот основная канва сотканного автором узора повествования.

В дошедших до нас фрагментах сочинения Приска мы не встречаем каких-либо упоминаний трудов современных или близких по времени византийских историков и хронистов. Чаще всего, рассказывая о том или ином событии, Приск употребляет личные местоимения «я» или «мы» («я узнал», «я увидел» и т. п.), что укрепляет нас в представлении о его труде как труде очевидца и участника многих описанных им исторических драм.

В научной литературе высказана заманчивая гипотеза о том, что Приск, создавая обобщающее историческое произведение (около 472), использовал свои старые записи, дневники, литературные письма и речи, которые он написал в течение всей своей жизни. Косвенным подтверждением этого служит упоминание «Суды» о том, что перу нашего автора, кроме «Византийской истории», принадлежали еще ныне утраченные риторические упражнения (*Μελέται ῥητορικαί*) и письма (*Ἐπιστολαί*)³⁵.

Что касается освещения Приском путешествия византийского посольства в страну гуннов, то эта гипотеза, на наш взгляд, абсолютно правомерна. Действительно, весь обширный фрагмент труда Приска, посвященный этому событию, очень похож (и по форме, и по содержанию) на литературно обработанные дневниковые записи автора, куда он заносил все свои наблюдения и впечатления. Не исключено также и то, что писатель мог в письмах поделиться с друзьями всем пережитым в стране гуннов, рассказать им о ставке Аттилы и встречах с грозным королем гуннов, имя которого наводило ужас на многие народы Европы.

Относительно же того, какие источники были в руках Приска, когда он писал те части своего труда, события которых приходится на его юные годы, мы можем только гадать. Фундированность изложения и достаточная осведомленность автора об этих событиях, в частности о мире в Марге в 434 г. между Византией и гуннами и о сношениях империи с этими варварами в начале 40-х годов V в.³⁶, заставляет предположить наличие у Приска каких-то документальных источников.

Не исключено, что в тех случаях, когда личного опыта автору не хватало, он прибегал к помощи дипломатической переписки имперской канцелярии, донесений византийских послов, к посредству других документов императорской библиотеки, куда он, будучи дипломатом и чиновником достаточно высокого ранга, имел постоянный доступ.

Итак, для воссоздания истории империи 30-х — начала 70-х годов V в. труд Приска Панийского является единственным достоверным свидетельством очевидца и поэтому представляет собой источник непреходящей ценности. От этого периода до нас не дошли сочинения других авторов, которых можно было бы поставить рядом с Приском. Как это ни парадоксально, но одиночество Приска на историческом горизонте своего времени — его сила, но одновременно и его слабость. Мы не имеем трудов современников Приска, с которыми можно было бы его не только сравнивать, но и проверять достоверность рассказанного им.

³⁵ *Suidae Lexicon*, p. 883; Gy. *Moravcsik*. Op. cit., S. 481.

³⁶ *Priscus*, fr. 1—3.

Таковы краткие сведения о жизни и историческом труде Приска Панийского.

«Византийская история и деяния Атиллы» Приска Панийского привлекали внимание как современников, так и потомков. В чем же притягательная сила его труда, читавшегося с интересом даже в отрывках?

Обаяние сочинения Приска, на наш взгляд, кроется прежде всего в свежести и непосредственности видения автором мира. Приск — творец, а не компилятор, рассказчик, а не регистратор фактов, художник, а не копиист. Почти все, что им написано и дошло до нас, носит следы самостоятельного мышления, а не подражания великим образцам прошлого.

Приск — писатель, дипломат, государственный деятель — человек не только достаточно осведомленный о политических делах империи и ее связях с другими народами, но и разумный и трезвый судья, выносящий во многом объективный приговор историческим деятелям своей эпохи и здраво оценивающий с точки зрения интересов своего государства международные события, в которых он принимал непосредственное участие. Приску удалось написать поистине выдающееся историческое сочинение не только благодаря своему таланту и наблюдательности, но еще и потому, что его глаза не застилала пелена ложного римского патриотизма и презрения к варварам; он смог увидеть в гуннах и славянах, в Атилле и других варварах живых людей, с их достоинствами и недостатками.

Среди дипломатических миссий Приска ни одна не может сравниться по своему значению с посещением ставки Атиллы. Именно описание грозного племени гуннов и его жестокого правителя придало такой необычайный интерес историческому сочинению Приска и принесло ему неувядаемую славу.

Третья книга сочинения Приска была целиком посвящена описанию поездки греческого посольства в ставку Атиллы³⁷. Эта часть труда Приска всегда, еще со времени А. Тьерри, привлекала внимание исследователей, и Приск вошел в науку как историк гуннов и Атиллы³⁸, хотя интересы писателя, думается, были значительно шире³⁹.

В описании державы Атиллы Приск весьма объективен. Если готский историк Иордан видит в Атилле прежде всего могущественного врага, несущего «опустошение мира» и гибель народам Европы⁴⁰, то для Приска гунны не только враги, но и возможные союзники в борьбе с другими варварами.

Приск рассказывает о том, как обе империи — Западная и Восточная — искали союза с всемогущим правителем гуннов. Рим и Константинополь соперничали между собой в стремлении приобрести расположение гордого варвара. При дворе Атиллы Приск недаром встретил послов западного императора, которые пытались уладить мирным путем одну распрю с королем гуннов. «Посольство западных римлян, — пишет

³⁷ *Suidae Lexicon*, p. 883; кроме Приска и Иордана, ценные сведения о гуннах содержатся в трудах таких авторов, как Аммиан Марцеллин (*Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum*, ed. J. C. Rolff, I—III. Cambridge—London, 1935—1939, XXXI sq.), Павел Орозий (*Paulus Orosius. Historiae adversum paganos*. Lipsiae, 1889, VII, 33.10) и др.

³⁸ А. Thierry. *Histoire d'Attila et de ses successeurs*, I—II. Paris, 1865; К. Bierbach. *Die letzten Jahre Attilas*. Diss. Berlin, 1906; Gy. Moravcsik. *Attilas Tod in Geschichte und Sage*. — KCSa, 2 (1926), S. 83—116; I. Harmatta. *The Dissolution of the Hun Empire. I. Hun Society in the Age of Attila*. — «Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», 2, 1952, p. 277—305.

³⁹ Так, например, сочинение Приска содержит интересные сведения о ранней истории и других варварских племен, заселявших Балканский полуостров; см.: G. Fénéry. *Bulgarisch-ungarische Beziehungen in den V—XI Jahrhunderten*. Pécs, 1924; Ф. Баршич. Указ. соч., стр. 52—63.

⁴⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, стр. 304—306; *Jordan. Getica*, § 182—184.

Приск, — было отправлено к Аттиле для укрощения его гнева»⁴¹. Послы стремились удержать Аттилу от похода на Запад и направить его против врагов империи.

Константинопольское правительство и Равеннский двор хотели использовать полчища гуннов как заслон против других наступавших на обе части империи варварских племен.

Восточная империя, по словам Приска, в конце 40-х годов V в. особенно настойчиво стремилась сохранить мир с гуннами, ибо ей буквально со всех сторон угрожали враги: персы начали приготовления к войне, вандалы беспокоили империю на море, исавры восставали и грабили страну, арабы совершали набеги на восточные окраины византийской державы, а эфиопские народы объединились для борьбы с Византией. «Поэтому, — пишет Приск, — теснимые со всех сторон ромей Аттилу ласкали, а против других народов делали приготовления, набирали воинов, назначали вождей»⁴².

Аттила же, утверждает автор, и во время мира с империей постоянно отправлял на берега Босфора посольство за посольством, вымогая богатые подарки от византийского правительства под предлогом нарушения ромеями договора о выдаче гуннам перебежчиков. Гуннский король, желая одарить кого-либо из своих любимцев, посылал его послом в Константинополь, рассчитывая на вынужденную щедрость ромеев⁴³.

«Ромей, — по словам Приска, — повиновались всякому его требованию; на любое с его стороны предписание смотрели как на приказ повелителя»⁴⁴.

Но не только Западная и Восточная империи искали союза с гуннами. В 40—50-х годах V в. Аттила приобрел столь великую славу могучего предводителя варваров, что к нему за помощью обращались вожди других варварских народов.

Так, король вандалов Гензерих во время изнурительных войн с вестготами, по словам Приска, искал помощи у Аттилы против таких же, как он, варваров⁴⁵. С Аттилой пытались пойти на сближение также франки. Приск описывает борьбу двух группировок среди франкской знати: одни стояли за союз с Западной Римской империей, другие обратились за военной помощью к правителю гуннов⁴⁶.

В сложные взаимоотношения с Аттилой был вовлечен и Равеннский двор. В Равенне среди придворной знати, видимо, возникла какая-то «прогуннская партия». Иначе необъясним поступок августы Гонории: в трудную минуту жизни красавица Гонория обратилась к Аттиле и и предложила себя в жены этому дикому варвару с отталкивающей внешностью. Известно, что дочь Галлы Плацидии по воле своего брата Валентиниана III была обречена на вечное девство во имя поддержания чести императорской фамилии⁴⁷. Натура страстная и решительная, Гонория не пожелала выполнять силой навязанный ей обет и вступила в тайную связь с знатным юношей Евгением, одним из придворных Равеннского двора. Когда эта связь была раскрыта, на Гонорию обрушился гнев ее

⁴¹ *Priscus*, fr. 8. По словам Приска, в посольство Валентиниана III входили довольно видные сановники: Ромул имел сан комита, Примут был правителем Норика, а Роман — командиром легиона. Конфликт возник из-за того, что Аттила предъявил права на золотую церковную утварь епископа города Сирмия, захваченного гуннами. Эта драгоценная утварь была увезена на Запад и отдана под залог ростовщику Сильвану. Теперь Аттила требовал возвращения золотых фиалов и выдачи Сильвана, в чем ему отказывал император Западной Римской державы.

⁴² *Priscus*, fr. 6.

⁴³ *Ibidem*.

⁴⁴ *Ibidem*.

⁴⁵ *Ibid.*, fr. 12.

⁴⁶ *Ibid.*, fr. 13.

⁴⁷ *Ibid.*, fr. 12—13; *Jordan. Getica*, § 224; *Иордан. О происхождении и деяниях гетов*, стр. 310.

царственного брата. Честолюбивая и смелая принцесса, не желая смириться со своей судьбой, замыслила захватить престол предков при помощи гуннского владыки. В 450 г. она тайно через евнуха Гиацинта переслала Аттиле богатые дары и перстень в знак своего с ним обручения. Гонория предложила правителю гуннов вступить с ней в брак, прибыть за ней в Италию и овладеть наследством ее отца, освободив ее от тирании брата ⁴⁸.

Заговор Гонории был раскрыт, и, по данным Иоанна Антиохийского, ей грозила суровая кара. Однако Валентиниан III, смягченный мольбами их матери Галлы Пладиции, пощадил сестру, но жестоко наказал всех ее сообщников ⁴⁹. Непокорная Гонория была спешно отправлена в Константинополь под надзор регентши Пульхерии, набожной ханжи, известной своей строгой нравственностью.

Иордан осуждает Гонорию за сговор с Аттилой, давший в руки гуннского владыки предлог для похода в Италию ⁵⁰.

Подобного осуждения Гонории у Приска мы не встречаем. Он скорее рисует Аттилу как защитника Гонории, незаконно лишенной власти братом. Приск пишет, что предложение Гонории показалось Аттиле заманчивым, и он в 450 г. потребовал от Валентиниана III отдать ему в супруги Гонорию и в качестве приданого — ее законное наследство, половину Западной Римской империи ⁵¹. Естественно, притязания Аттилы были отвергнуты Валентинианом III, и король гуннов в 451 г. двинулся походом в Италию. Несчастливая же Гонория была возвращена в Равенну, спешно для виду помолвлена с одним придворным, не игравшим сколько-нибудь видной политической роли, а на деле посажена под домашний арест в Равеннском дворце, где она и окончила печально свои дни ⁵².

Рассказ о помолвке Гонории и Аттилы интересен тем, что он свидетельствует о наличии каких-то «прогуннских» настроений у той части римско-италийской знати, которая была недовольна жестоким правлением неумного и слабого Валентиниана III и надеялась укрепить империю, посадив на ее престол пусть варвара, но могущественного правителя. Из рассказа Иоанна Антиохийского видно, что Гонория имела сторонников и действовала с помощью знатных заговорщиков, которые потом были наказаны императором.

Нет сомнения, однако, что Аттила имел при Константинопольском и Равеннском дворах значительно больше врагов, чем сторонников. Вероломство политики империи в отношении Аттилы совершенно ясно показано Приском. Так, Приск рассказывает, что император Феодосий II, отправляя в 448 г. посольство к Аттиле с целью заключения договора о мире и дружбе, одновременно, по наущению евнуха Хрисафия, фактически поддерживал заговор о тайном убийстве короля гуннов ⁵³. Приск осуждает Хрисафия (а косвенно и самого императора) за их вероломство в отношении Аттилы. Правда, при этом Приск подчеркивает, что ни глава посольства Максимин, ни сам Приск ничего не знали об этом заговоре, в котором был замешан лишь переводчик Вигила. Он рисует заговорщиков, в первую очередь Хрисафия и Вигилу, в самых мрачных тонах

⁴⁸ *Jordan. Getica*, § 223—224; *Priscus*, fr. 12—13; *Ioannes Antiocheus. Fragmenta*, fr. 199; *Theophanis Chronographia*, p. 162.

⁴⁹ *Ioannes Antiocheus. Fragmenta*, fr. 199.

⁵⁰ *Jordan. Getica*, § 224.

⁵¹ *Priscus*, fr. 12—13.

⁵² О том, что притязания Аттилы на руку западной принцессы Гонории послужили предлогом для нападения гуннов на Италию, единодушно говорят все источники: *Jordan. Getica*, § 223—224; *Priscus*, fr. 12—13; *Ioannes Antiocheus*, fr. 199; *Theophanis Chronographia*, p. 162.

⁵³ *Priscus*, fr. 7—8. См. I. *Tičělořu. Über die Nationalität und Zahl der vom Kaiser Theodosius dem Hunnenkhan Attila ausgelieferten Flüchtlinge.* — BZ, 24, 1924, S. 84—87.

и оправдывает варвара Эдикона, который сохранил верность своему королю и предал Вигилу ⁵⁴.

Весьма положительно оценивает Приск поведение самого Аттилы в столь сложных политических обстоятельствах. Аттила проявляет государственную мудрость, когда, узнав о тайном заговоре, не идет из-за этого на полный разрыв с империей, а, более того, даже заключает соглашение с Максимином.

Приску не чужды и некоторые человеческие слабости. Так, он стремится убедить читателя, что именно он, Приск, своим умом и находчивостью спас дело греков и смягчил грозного варвара. С целью подчеркнуть свою выдающуюся роль в переговорах с Аттилой Приск утверждает, что после раскрытия заговора Аттила вначале сильно разгневался, и миссии Максимиана грозил полный провал. Лишь тактичное посредничество и дипломатическое мастерство Приска спасли положение и помогли охладить гнев Аттилы и заключить мир с гуннами ⁵⁵.

Объективность Приска в изображении жизни гуннов во многом базировалась на достаточно хорошем знакомстве автора с описываемыми событиями. Приск был умным, тонким наблюдателем, он много беседовал с послами западных государств, приехавшими одновременно с византийцами ко двору Аттилы, а также жившими среди гуннов соплеменниками и получал от них ценные сведения о варварском мире.

Совершенно уникальными по своей свежести и непосредственности являются сведения Приска о стране гуннов, об их обычаях, образе жизни, языке, о церемониях двора Аттилы, об отношении гуннов к покоренным племенам, а также различным народам Востока и Запада. Приск признает довольно высокую строительную технику гуннов, описывает роскошные дворцы Аттилы и его жены Креки ⁵⁶.

Резиденция Аттилы представляла собой огромное селение, в котором находился дворец короля и его приближенных. Этот дворец был самым великолепным из всех дворцов, которые имел Аттила в других местах. Он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянной оградой, украшенной башнями. Вокруг дворца был огромный двор. Дворец Аттилы был выше других построек и находился на возвышении. Почти столь же великолепным был дворец Креки. Первый савонник Аттилы — Онигисий также владел богатым домом с деревянной оградой и каменной баней, построенной из привозного камня архитектором из города Сирмия, захваченным в плен гуннами.

Житель самого блестящего города империи — Константинополя, Приск, которого трудно было поразить великолепием построек и утвари, с удивлением говорит о внутреннем и внешнем убранстве дворцов Аттилы и Креки, об изобилии золотой и серебряной посуды, богатых тканей и оружия ⁵⁷.

Нашему историку понятна красота народных обычаев гуннов. Живо и поэтично описывает он процессию гуннских девушек, встречавших Аттилу при его возвращении в ставку. «При въезде в селение Аттила был встречен девами, которые шли рядами под тонкими белыми покрывалами.

⁵⁴ *Priscus*, fr. 7—8.

⁵⁵ *Priscus*, fr. 8. Приску удалось подкупить богатыми подарками влиятельного приближенного Аттилы — Онигисия, который добился аудиенции Максимиана у Аттилы. Роскошными подарками Приск завоевал расположение и жены Аттилы — Креки, и, конечно, немалую роль в милостивом решении Аттилы также сыграло византийское золото.

⁵⁶ *Priscus*, fr. 8. Подробное описание ставки Аттилы и его двора вслед за Приском дает Иордан (*Jordan. Getica*, § 178—179; *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов, стр. 305—306).

⁵⁷ *Priscus*, fr. 8; *F. Vámos*. *Attilas Hauptlager und Holzpaläste*. — «*Seminarium Kondakovianum*», 5, 1932, S. 131—148; *V. Grecu*. *La Curție lui Attila*. — «*Junimea Literară*», 18, 1929, p. 153—163.

Под каждым из этих длинных покрывал, поддерживаемых руками стоящих по обеим сторонам женщин, было до семи или более дев; а таких рядов было очень много. Эти девы, идя впереди Аттилы, пели скифские песни»⁵⁸.

Интересен и другой обычай гуннов, во многом сходный с обычаем «хлеба-соли» у славянских племен. По словам Приска, Аттилу на пути ко дворцу встречала жена Онигисия, окруженная множеством слуг, которые поднесли правителю серебряное блюдо с изысканными кушаньями и чашу вина, что считалось у скифов знаком величайшего уважения. Аттила оказал милость жене своего любимца и, не сходя с коня, отдал ее угощения⁵⁹.

С большой обстоятельностью описывает Приск торжественный пир во дворце Аттилы, на который были приглашены Максимин и сам Приск, послы западного императора и множество знатных гуннов, приближенные и сыновья Аттилы. Во время пира строго соблюдался порядок размещения гостей согласно с их рангом и положением при дворе, кушанья и вина отличались изысканностью, а убранство стола — роскошью. Аттилу и пирующих гостей развлекали песнями гунны-певцы, воспевавшие победы Аттилы, тешили их стихами и рассказами о бывших сражениях, а юродивые потешали шутками, смешивая латинскую, гуннскую и готскую речь⁶⁰.

Никто из ранневизантийских писателей не оставил такого яркого, списанного с натуры, жизненно правдивого портрета короля гуннов Аттилы, как Приск. Приск изображает Аттилу мудрым, хотя и грозным, правителем. Аттила прежде всего — государственный деятель, искусный политик, ведущий активную международную политику. Приск показывает его неустанную дипломатическую деятельность, обмен посольствами с Восточной и Западной империями, с различными варварскими государствами⁶¹. В тонкой дипломатической игре, которую ведет Аттила, он пускает в ход угрозы и обещания. Однако порой он проявляет государственную мудрость и осторожность и воздерживается от открытого разрыва с Восточной империей, как это случилось с миссией Максимиана. Даже узнав о готовящемся покушении на его жизнь, он сдержал свой гнев и принял посольство византийского императора.

Если для Иордана Аттила прежде всего грозный завоеватель, угрожавший всему миру⁶², то для Приска король гуннов скорее не воитель, а правитель, судья, выслушивающий жалобы народа и выносящий приговор по судебным делам⁶³, гостеприимный хозяин, умеющий принять иноземных послов и не ударить перед ними в грязь лицом. Владея огромными богатствами, Аттила стремился похвастаться ими перед послами других народов, но одновременно он хотел показать свою воздержанность и пренебрежение к роскоши. Он был подчеркнуто умерен в одежде, пище⁶⁴. Вместе с тем он хотел поразить византийских и западных послов своей обходительностью, гостеприимством, блеском и весельем своих пиров.

⁵⁸ *Priscus*, fr. 8.

⁵⁹ *Ibidem*.

⁶⁰ *Ibidem*.

⁶¹ *Ibid.*, fr. 3, 4, 6, 15. Конечно, акцентирование внимания на дипломатической деятельности Аттилы объясняется характером эскизов Приска.

⁶² *Jordan*. *Getica*, § 182.

⁶³ *Priscus*, fr. 8.

⁶⁴ *Ibidem*. «... Для других варваров и для нас, — рассказывает Приск о пире во дворце Аттилы, — были приготовлены отличные яства, подаваемые на серебряных блюдах, а перед Аттилою ничего более не было, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он показывал умеренность. Пирующим подносили чаши золотые и серебряные, а его чаша была деревянная. Одежда на нем была также простая и ничем не отличалась, кроме опрятности. Ни висящий на нем меч, ни шнурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотом, камнями и драгоценностями, как принято у других скифов».

Приск отдает должное славе и могуществу Аттилы, хотя и порицает его за чрезмерную гордость. Беседа Приска с послами Западной Римской империи отражает представление о величии Аттилы, существовавшее на Западе. В глазах западных народов могущество Аттилы порождалось прежде всего необычайным его счастьем, сопутствовавшим королю гуннов в завоеваниях и во всех делах. «Никто из тех, кто когда-либо царствовал над Скифией, — говорил Ромул (один из послов. — З. У.), — или над другими странами, не совершил столько великих деяний, как Аттила, и в такое короткое время. Его владычество простирается до островов, находящихся на Океане, и не только всех скифов, но и ромеев он заставляет платить дань». Однако и эти огромные владения не удовлетворяют короля гуннов, он мечтает о походе против персов, о завоевании Персидской державы. При этом посол западного императора считал вполне вероятным завоевание Персии Аттилой, ибо «. . . военная сила у него такая, что ни один народ не устоит против нее». Когда византийские послы «молили бога, чтобы Аттила пошел против персов и обратил на них оружие. . .», латиняне возражали, указывая на то, что, завоевав Персию, Аттила начнет покорение Римской империи. «Я боюсь, — говорил один из латинян Константиол, — что Аттила после легкого покорения Персии вернется отсюда не другом, а владыкой ромеев»; «Считая их своими рабами, он будет давать им самые тяжкие и нестерпимые повеления». Аттила уже не будет довольствоваться данью с римлян, которую он получает в качестве полководца империи, но отвергнет это звание и станет их царем, «. . . ибо он уже сказал во гневе своем, что полководцы царя его рабы, а его полководцы равны царствующим над римлянами. . .»⁶⁵

Приск немного приоткрывает завесу над личной жизнью гуннского короля. Аттила имел много жен и детей и постоянно заключал новые браки с юными прекрасными девушками; одно, неясное правда, место Приска породило даже легенду о том, что Аттила женился на своей дочери Эскеме⁶⁶. Однако главная жена Аттилы — Крека пользовалась большим почетом и уважением, имела роскошный дворец и массу челяди, сама принимала иностранных послов и устраивала для них богатые обеды⁶⁷. Со своими детьми Аттила был суров, и они трепетали перед отцом. Так, во время пира старший сын Аттилы по обычаю сидел на краю ложа отца, но в некотором отдалении и опустив глаза из уважения к отцу⁶⁸. Отличал и ласкал Аттила только своего младшего, любимого сына Ирну, который, по предсказанию прорицателей, должен был в будущем спасти род Аттилы⁶⁹.

Сладострастие Аттилы, по словам Иордана, использовавшего не дошедшие до нас разделы труда Приска, послужило причиной смерти грозного правителя гуннов. «Во времени своей кончины он, как передает историк Приск, взял себе в супруги — после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, — девушку замечательной красоты по имени Ильдиго. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обычно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю»⁷⁰.

⁶⁵ *Priscus*, fr. 8. О представлении современников об Аттиле см.: *H. de Boor*. Attilas Bild in der Geschichte. Bern, 1932; *H. Horneyr*. Attila, der Hunnerkönig, von seinem Zeitgenossen darstellt. Berlin, 1951.

⁶⁶ *Priscus*, fr. 8. Неясно, женился ли Аттила на своей дочери Эскеме или дочери Эскама. См. примечание Г. С. Дестуниса к переводу Приска, стр. 45.

⁶⁷ *Priscus*, fr. 8.

⁶⁸ *Ibidem*.

⁶⁹ *Ibidem*.

⁷⁰ *Jordan*. *Getica*, § 254.

Приск, а вслед за ним и Иордан, оставили нам описание наружности Аттилы. Приск пишет, что Аттила держался гордо, шел важно, глядя по сторонам ⁷¹; он был иногда вспыльчив, груб, впадал в страшный гнев, но чаще всего со своими подчиненными был приветлив, советовался с приближенными о всех делах, имел целый штат писцов, вел дипломатическую переписку ⁷².

Иордан так описывает Аттилу: «Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом (кожи), он являл все признаки своего происхождения» ⁷³.

Насколько мы можем судить по отрывкам произведения Приска, последний был более объективен и умерен в оценке Аттилы, чем Иордан, который постоянно хулит все действия Аттилы.

Такую же объективность и отсутствие враждебности проявляет Приск при описании быта и правов племен гуннов. В отличие от других авторов — Аммиана Марцеллина, Зосима, Иордана — Приск отнюдь не акцентирует внимание на рассказе о свирепости гуннов и грубости их нравов. Описывая образ жизни гуннов, он не видит в их поведении какой-либо особой, безудержной, присущей им одним жестокости, хотя и признает крутой и непреклонный нрав их правителя. Приск рассказывает, что на войне гунны проявляли такую же беспощадность, как и ромеи, но с пленными обращались более мягко, давали им свободу, оставляли жить у себя в качестве равноправных с победителями людей ⁷⁴.

В совершенно объективном, спокойном тоне повествует Приск о причинах войн между гуннами и ромеями. Эти причины, по его мнению, заключаются в требовании гуннами у ромеев дани, земель, выдачи варваров-перебежчиков и беглых ромеев-военнопленных. Пленные ромеи, как правило, возвращаются от гуннов на родину, но бывают случаи, когда византийцы, попавшие в плен к гуннам, остаются у них жить навсегда ⁷⁵. Приск рассказывает о любопытной встрече с богато одетым греком, который предпочел жизнь у гуннов жизни в империи. Незнакомец, увидев Приска на улице близ дома Онигисия, первый подошел к нему и заговорил на греческом языке. Приск был весьма удивлен, услышав эллин-

⁷¹ *Priscus*, fr. 8.

⁷² *Ibidem*

⁷³ *Jordan. Getica*, § 182—183; *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов, стр. 306. Враждебное отношение Иордана к Аттиле, пожалуй, находит объяснение в том, что гуннский король был опасен для варварских племен, в том числе и для готов, на стороне которых, естественно, были симпатии писателя. Все варвары, по словам Иордана, мечтали освободиться от власти Аттилы. «И не иначе смогло любое скифское племя вырваться из-под владычества гуннов, как только с приходом желанной для всех вообще племен, а также для римлян смерти Аттилы, которая оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна» (*Jordan. Getica*, § 253).

⁷⁴ *Priscus*, fr. 8; *Jordan. Getica*, § 122, 127—128; *Ammian. Marcell.*, XXXI, 2, § 2—11; *Zos.*, IV, 20. Иордан так описывает отталкивающую наружность гуннов и их необычайную жестокость: «...они наводили ужас на противников своим страшным видом; они обращали их в бегство, потому что их образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа...» (*Jordan. Getica*, § 127). Столь же отрицательными чертами наделяет гуннов и Аммиан Марцеллин.

⁷⁵ *Priscus*, fr. 5.

скую речь, ибо сперва принял незнакомца за варвара: он казался скифом, живущим в роскоши, одет был в богатое скифское платье, а голова его была острижена в кружок. Он не был похож на пленника, которого можно узнать по изодранному платью и нечесаной голове. Разговор, завязавшийся между Приском и пленным греком, по существу является спором о преимуществах одного из двух миров — римского или варварского ⁷⁶.

Рассказ грека о жизни в плену у гуннов наполнен стремлением оправдать свой поступок. «Уход из империи он объясняет пороками ее государственного и социального строя. Обычная история воина, попавшего в плен, завершилась на этот раз переходом в подданство к королю гуннов. Захваченный на войне варварами, грек, человек недюжинной храбрости, своими подвигами в сражениях завоевал свободу, однако не вернулся на родину, а женился на варварке, прижил детей и навсегда остался в стране гуннов. Здесь, далеко от родины, у чужеземцев-варваров он нашел если не счастье, то известное благополучие». Рассказчик рисует идиллическую картину жизни бывших пленных в стране гуннов: иноземцы у гуннов по окончании войн ведут жизнь спокойную и беззаботную, каждый пользуется тем, что у него есть, ничем не тревожимый. Живущие же под властью империи во время войн не знают безопасности, часто уводятся в плен, ромеи их плохо охраняют, а они не могут сами защитить себя, так как тираны не позволяют им иметь оружие. Для воинов же особенно опасно малодушие римских правителей, все чаще уступающих на войне варварам.

Бедствия, претерпеваемые ромеями во время мира, еще тягостнее тех, которые они переносят во время войны. Основная причина этого — беспощадное взимание налогов и притеснения со стороны дурных правителей. Закон в империи не для всех имеет равную силу. Для богатых — судьба милостива, и они всегда остаются безнаказанными. Для бедных — закон суров и неумолим. Чтобы выиграть справедливое дело, надо дать взятку судье и его помощникам и вести бесконечную тяжбу, требующую огромных издержек ⁷⁷.

Иными словами, грек упрекает византийское правительство в плохой обороне империи, в тягостных налогах и несправедливости судей в отношении бедных. Критика общественного строя Византийской империи, вложенная в уста грека-перебежчика, видимо, в какой-то степени выражала политические взгляды самого Приска, ибо она перекликается с другими его разоблачениями пороков византийского общества ⁷⁸.

Императорская казна, пишет Приск, была опустошена бесполезными тратами на непристойные зрелища, безрассудную пышность двора и пустые забавы, в то время как оборона страны была поставлена плохо, о военном деле правители не радели и платили дань не только гуннам, но и другим варварам. Поэтому император принуждал всех своих подданных платить обременительные налоги, отменив льготы даже для сенаторов. У граждан столь блистательного состояния побоями вымогали деньги, так что люди, издавна богатые, выставляли на продажу уборы жен и свои пожитки. Такое бедствие постигло ромеев после этой войны, что многие из них уморили себя голодом или прекратили свою жизнь, надев петлю на шею ⁷⁹.

Для социально-политических взглядов Приска характерно в какой-то мере сочувствие бедствиям именно сенаторской аристократии и высшей знати империи.

Критика существующего строя, однако, дается Приском в завуалированной форме. Обличениям грека-перебежчика автор противопо-

⁷⁶ *Priscus*, fr. 8.

⁷⁷ *Ibidem*.

⁷⁸ *Ibid.*, fr. 5; ср. *Zos.*, I, IV, cap. 16, 29, 32, 41.

⁷⁹ *Priscus*, fr. 5.

ставляет свою апологетическую речь в защиту общественного строя римского государства. Идиллической картине жизни пленных у варваров противостоит не менее, а, может быть, даже более приукрашенная картина величия Римской империи, где, как в идеальном государстве Платона, царят мудрые законы и всеобщая справедливость. В ответе греку-перебежчику Приск излагает свое представление о наилучшем государственном устройстве, нашедшем воплощение в Римской империи.

«Устроители Римского общества, — говорит Приск, — были мужи мудрые и добрые. Желая оградить дела людей от превратностей случая, они определили, чтобы одни были хранителями законов, другие носили оружие, упражнялись в военном деле, готовы были всегда выступать в поход и смело начать бой. . . Они же установили, чтобы земледельцы содержали не только себя, но и тех, кто за них воюет, доставляя жалованье войску. Другие же должны заботиться о притесняемых. . .»⁸⁰

Приск стремится опровергнуть обвинения грека-перебежчика против корыстных и продажных судей. В противовес своему оппоненту он восхваляет справедливость и предусмотрительность судей, которые, по его словам, пекутся о благе бедных и обездоленных, защищают их от обид сильных мира сего. Плата судьям — это не взятки, а законные взносы на их содержание, благодарность за их нелегкий труд⁸¹. Задержка разбора судебных дел объясняется отнюдь не злоупотреблениями судей, а их осторожностью и желанием избежать поспешных и необдуманных решений.

Особенно неправдоподобна нарисованная Приском идиллическая картина взаимоотношений рабовладельцев и рабов в империи. По словам Приска, ромей поступают с рабами значительно снисходительнее, чем варвары: они якобы обращаются с ними, как отцы или наставники со своими детьми. Они учат их воздерживаться от дурных поступков и делать то, что считается честным. Господа исправляют ошибки рабов, как ошибки собственных детей. В Византийском государстве господам не позволено предавать рабов смерти, как это водится у гуннов. Рабы в империи имеют много способов получить свободу. Господа не только в течение всей своей жизни, но и перед смертью могут отпускать рабов на волю. Распоряжения умирающего относительно его собственности есть закон. При этих словах грек-перебежчик якобы заплакал и сказал: «Законы хороши, и римское общество прекрасно устроено; но правители портят и губят его, не поступая так, как поступали древние»⁸².

В приведенных высказываниях Приска проявилась известная двойственность его мировоззрения: с одной стороны, он видел язвы и пороки общественного строя империи и даже признавал известные преимущества быта варваров. Но, с другой стороны, оставаясь истым ромеем, он не мог примириться с критикой существующих порядков, исходящих от перебежчика, и, естественно, защищал свое государство, впадая при этом в явную идеализацию его устройства.

Идеализируя положение рабов в империи, Приск одновременно рассказывает о том, что у гуннов имелось много рабов, находившихся на положении челяди. Рабство у гуннов носило еще патриархальный характер. У супруги Атиллы Креки в ее дворце было множество рабов и рабынь, которые окружали ее пестрой толпой. Рабыни, сидя в ее покоях, против нее на полу, вышивали различными цветными узорами полотно, покрывала, которые гунны надевают в качестве украшения поверх одежды⁸³.

⁸⁰ Ibid., fr. 8.

⁸¹ Ibidem.

⁸² Ibidem.

⁸³ Ibid., fr. 5, 8.

Однако не всегда отношения господина и раба у гуннов были столь идиличны. Сам же Приск рассказывает о том, что наиболее храбрые рабы убивали своих господ и бежали на родину в империю. В случае поимки гунны их безжалостно распинали⁸⁴. Кроме того, из страны гуннов в Византийскую империю бежали варвары, вставшие в немилость у Атиллы, в том числе лица царского происхождения и представители знатных родов. Перебежчики столь решительно сопротивлялись выдаче их обратно гуннам (по требованию Атиллы), что римляне их даже принуждены были убивать⁸⁵.

Приск осуждает варваров за то, что они берут с собой на войну своих рабов-военнопленных, и если раб проявит храбрость и захватит добычу, то добычу эту забирает себе господин в качестве выкупа за отпуск раба на свободу. Но для раба подобная милость господина весьма опасна. «...что касается свободы, — говорит Приск греку-перебежчику, — которой ты пользуешься, за то благодари судьбу, не господина своего, взявшего тебя с собой на войну, где ты мог быть убитым неприятелем по своей неопытности в военном деле или подвергнуться наказанию от господина своего, если бы вздумал бежать»⁸⁶. У римлян нет такого обычая брать рабов на войну, и слова Приска надо понимать в том смысле, что римляне поступают с рабами гораздо снисходительнее, чем варвары.

Известно, что гунны, не занимаясь земледелием, использовали труд рабов в первую очередь для ухода за скотом; рабы применялись для домашних работ, в качестве челяди, как слуги на войне. Гунны стремились брать с пленных выкуп и отпускать на родину, а не обращать в рабство. Рабам давали возможность участвовать в войнах, приобретать добычу для выкупа. Некоторых из них после получения выкупа оставляли в качестве домохозяев знатные гунны. Так, Онигисий оставил при себе грека, собеседника Приска, и даже допускал его к своему столу.

Таким образом, Приск Панийский, вращаясь в атмосфере византийского двора, хорошо видел пороки и недостатки имперского правительства и не скрывал их в своем труде. Вместе с тем он не охавал порядков, царивших у варваров, хотя и признавал в конечном счете превосходство римского государства.

Значительную ценность имеют сведения Приска для изучения социально-экономической истории гуннов.

Гунны, по его словам, не занимаются земледелием, а «подобно волкам», захватывают продукты питания у подвластных им племен⁸⁷. Большую роль в их жизни играет коневодство; лошади у них высоко ценятся, ими одаривают иноземных послов, они являются причиной соперничества и ссор; даже переговоры с византийскими послами гунны ведут сидя в седле. Эти данные Приска вполне согласуются с известиями о гуннах других авторов — Аммиана Марцеллина, Иордана, Зосима, с археологическими изысканиями и вошли в золотой фонд «гуннологии»⁸⁸.

В древний период своей истории, до правления Атиллы, гунны, по данным Иордана, ссылающегося на Приска, занимались преимущественно охотой. «Этот свирепый род, как сообщает историк Приск, расселившись на дальнем берегу Меотийского озера, не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров

⁸⁴ *Priscus*, fr. 5, 8.

⁸⁵ *Ibidem*.

⁸⁶ *Ibid.*, fr. 8.

⁸⁷ *Ibid.*, fr. 33.

⁸⁸ *Ammian. Marcell.*, XXXI, 3; *Iordan. Getica*, § 123—128; *Zos.*, IV, 20; Л. Н. Гумилев. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960; *его же*. Древние турки. М., 1967; *G. Wirth. Attila und Byzanz.* — *BZ*, 60, 1967, S. 40—69; *F. Altheim. Geschichte der Hunnen*, IV. Berlin, 1962.

племени, стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами»⁸⁹.

В V в., в период тесных сношений с Римской империей, гунны, по данным Приска, ведут оживленную торговлю с византийцами: регулярно в пограничных местах, обычно на берегу Дуная, собираются ярмарки, где ведется торговля между гуннами и другими варварами, с одной стороны, и жителями империи — с другой⁹⁰. Важность для гуннов торговли с ромеями обнаруживается в том, что в мирный договор 433 г., заключенный в городе Марге между гуннами и империей, был внесен особый пункт о свободе, равноправии и безопасности торговли. Соблюдение безопасности торговли, естественно, было необходимо обеим сторонам, тем более что варвары иногда использовали ярмарки для вероломного нападения на римлян⁹¹. Равноправие в торговле было постоянным требованием послов Атиллы к византийскому правительству⁹².

В 448 г. посол Атиллы Эдикон, прибыв в Константинополь, в числе других притязаний гуннского короля к императору выдвигал требование перенести место обычных ярмарок далее в глубь империи: «Атила требовал притом, чтобы торг в Иллирике происходил не по-прежнему на берегу Истра, но в Наиссе (Нише. — З. У.), который считал он границей скифской и римской земли. . . как город, им разоренный»⁹³. Ниш, по данным Приска, находился от Истра на расстоянии пяти дней пути; таким образом, гунны требовали отодвинуть место ярмарок на довольно значительное расстояние от Дуная. После смерти Атиллы его сыновья послали к византийскому императору Льву I посольство для заключения мира; одним из главных условий они выдвигали возобновление торгового соглашения о ярмарках на берегу Дуная. Император отказал послам, так как не желал, чтобы гунны, принесшие столько вреда его земле, принимали участие в римской торговле.

Широко известна любовь гуннов к золоту и другим драгоценностям, их неутолимая жажда получить от империи побольше денег в качестве дани или выкупа за пленных. Подобными сведениями буквально пестрит сочинение Приска. Жадность и разного рода вымогательства характерны как для самого Атиллы, так и для его приближенных. Гунны по мере военных успехов все повышают дань, которую им должны платить восточные и западные римляне. Так, по данным Приска, в 30-х годах V в. византийцы были обязаны платить гуннам (царским скифам) за сохранение мирного Маргского договора ежегодно по 700 либр золота, а ранее эта дань составляла 350 либр⁹⁴. В 447 г., после поражения византийцев в сражении с гуннами на Херсонесе Фракийском, мир был заключен на еще более тяжелых для империи условиях: византийцы должны были уплатить гуннам одновременно шесть тысяч либр золота в счет жалованья гуннам за прошедшее время и вносить им ежегодно определенную дань в две тысячи сто либр золота; за каждого военнопленного, бежавшего и перешедшего в свою землю без выкупа, они обязаны были платить двенадцать золотых монет или выдать беглецов⁹⁵.

Из труда Приска очень явственно вырисовывается социальное и имущественное расслоение внутри гуннского племени. Приск никогда не забы-

⁸⁹ Jordan. Getica, § 123.

⁹⁰ Priscus, fr. 2.

⁹¹ Ibidem.

⁹² Ibid., fr. 8.

⁹³ Ibid., fr. 7.

⁹⁴ Ibid., fr. 1.

⁹⁵ Ibid., fr. 5. Римляне, пытаясь откупиться от Алариха во время осады его войсками Рима, преподнесли ему следующие дары: 5 тысяч либр золота, 30 тысяч либр серебра, 3 тысячи штук красных кож, 3 тысячи шелковых хитонов, 3 тысячи литр перца (Zos., V, 41); в 473 г. византийский император Лев I платил ежегодно дань готам в размере 2 тысяч либр золота (Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 480).

вает отметить положение того или иного варвара при дворе Аттилы. Он прежде всего подчеркивает разветвленность царского рода, большое число родственников царя, его сыновей, дядей и многих других. Все они занимают самое высокое положение на иерархической лестнице при дворе короля; сыновья и Оварисий, дядя Аттилы по отцу, удостоиваются чести сидеть во время пира на его ложе, сыновьям поручается управление подвластными племенами⁹⁶. Аттила хотел сделать своего старшего сына королем скифского народа акациров и послал его к ним вместе с Онигисием. Последний, по словам Приска, был вторым лицом в державе Аттилы и после короля имел величайшую силу среди гуннов⁹⁷. Именно Онигисию был отдан попавший в плен грек, собеседник Приска. Рассказ этого грека о разделе добычи у гуннов согласно положению того или иного лица в обществе весьма примечателен. Этот грек прибыл по торговым делам в город Виминаций в Мисии на Истре, женился там на богатой женщине и жил счастливо до тех пор, как варвары захватили город. Его богатство стало причиной того, что при разделе добычи «он был в первую очередь отдан Онигисию; ибо взятые в плен богатые люди доставались на долю, после Аттилы, скифским вельможам, имеющим большую власть». Все добытое затем на войне этот грек отдал своему господину, по закону скифскому, за что получил свободу.

Высокое положение занимает и главная жена Аттилы — Крета: она имеет свой двор, роскошный дворец, множество слуг и рабов, охрану из варваров-воинов; она дает обед в честь византийских послов⁹⁸.

Но среди царского рода гуннов имеются и опальные лица, враждующие с Аттилой. Чаще всего они ищут убежища в империи. Так, среди беглецов, выдачи которых особенно настойчиво требовали гунны, были дети Мамы и Атакама, происходившие из царского рода. В наказание за их бегство гунны, получив их, распяли во Фракийском замке Карсе в 30-х годах V в.⁹⁹ Позднее, в 447 г., Аттила требует выдачи нескольких беглецов царского рода, которые переселились к ромеям, отказываясь служить ему¹⁰⁰.

После родственников царя видное место при дворе Аттилы занимали его ближайшие сподвижники и советники. Одним из первых лиц был Онигисий, он выполнял важные поручения короля, участвовал во всех делах, улаживал распри с подчиненными гуннам племенами, вел дипломатические переговоры и переписку, был первым советником короля. Весьма интересно сообщение Приска о том, что Онигисий по важному государственному вопросу советовался с другими влиятельными придворными Аттилы. «...несколько времени спустя, — пишет Приск, — он держал совет с другими сановниками о том, что было угодно Аттиле, и сочинял письма, которые надлежало отправить к василевсу»¹⁰¹.

Высокое положение при дворе Аттилы занимал и Верих, который на пиру во дворце гуннов сидел на месте более почетном, чем место послов императора. Он был назначен Аттилой послом в Византию и отправился в Константинополь вместе с Максимином и Приском. «Это был, — пишет Приск, — человек знатный, он владел многими селениями в скифской стране и был прежде с посольством у римлян»¹⁰².

⁹⁶ *Priscus*, fr. 8.

⁹⁷ *Ibidem*.

⁹⁸ *Ibidem*.

⁹⁹ *Ibid.*, fr. 1.

¹⁰⁰ *Ibid.*, fr. 5.

¹⁰¹ *Ibid.*, fr. 8. При Онигисии были писцы, и между прочим Рустикий, родом из Верхней Мисии, взятый в плен в одном из сражений, но, поскольку он был отличным образцом, его использовал Аттила для составления писем.

¹⁰² *Ibidem*. Пока Верих с византийскими послами ехал по скифской земле, он оставался их другом, но, переправившись через Истр, стал их врагом, поссорившись по пустяковой причине, — он отобрал коня, ранее подаренного Максиминому.

Наряду с Верихом большим влиянием на дела гуннского государства пользовались гунны Исла, Скотта, Эдикон, часто выполнявшие функции послов¹⁰³. Эдикон на вопрос евнуха Хрисафия, какое положение он занимает при Аттиле, отвечал, что «он близкий человек к Аттиле и что ему вместе с другими могущественными скифами поручается охрана короля, что каждый из них по очереди держит при нем вооруженный караул»¹⁰⁴. Узнав о высоком положении Эдикона как одного из начальников гуннской гвардии, Хрисафий решил подкупить его и организовать убийство Аттилы. Хитрый евнух рисовал перед Эдиконом заманчивую картину жизни в империи, где он приобретет за услугу императору огромные богатства, в частности «дом, крытый золотом»¹⁰⁵. Эдикон принял это предложение, а потом выдал заговор Аттиле — то ли из преданности повелителю, то ли из боязни быть разоблаченным¹⁰⁶.

Немалой властью при дворе Аттилы пользовался и брат Онигисия — Скотта. Добываясь встречи с Аттилой, который разгневался на послов императора, Приск обратился за помощью именно к Скотте, узнав от него самого, что он пользуется таким же влиянием на Аттилу, как и его брат, и что король слушается его советов. Подкупив Скотту богатыми дарами, византийцы добились первой аудиенции у гуннского короля¹⁰⁷.

Вслед за гуннской знатью, которая занимала в державе Аттилы самое привилегированное положение, немалым влиянием при гуннском короле пользовались выходцы из других народов, в том числе прибывшие из Западной и Восточной империй. Первым среди них Приск называет Ореста, родом из подвластной Аттиле Паннонии. Он выполнял вместе с Эдиконом важную дипломатическую миссию в Константинополе, но по своему рангу был ниже Эдикона, «ибо Орест был домочадец и писец Аттилы, а Эдикон, как человек на войне знаменитый и природный гунн, далеко превышал Ореста»¹⁰⁸. К числу иноземцев, достигших на службе у гуннов довольно высокого положения, Приск относит также италийца Констанция, посланного Аттиле Аэцием в качестве секретаря, Рустикия, секретаря и переводчика, родом из Мисии, знавшего скифский язык. Правителем дел Креки был некто Адамий, судя по имени, также не варвар; он дал обед в честь византийских послов. К Констанцию Аттила настолько благоволил, что потребовал от византийского императора выдать за него какую-либо богатую и знатную римскую женщину. За эту услугу Констанций обещал дать Аттиле денег из приданого будущей жены¹⁰⁹.

Из сказанного можно прийти к заключению, что в гуннском обществе в период правления Аттилы существовала высшая варварская знать, влияние которой было связано прежде всего с войной и местом в военной иерархии гуннов, с близостью и родством с самим королем и его родичами, со службой при дворе Аттилы. Знатные гунны имели под своей властью целые селения, и это составляло один из источников их богатств. Знать обогащалась также за счет дани, захвата и раздела добычи, выкупа, получаемого от пленных; Аттила бывал часто щедр к своим приближенным за счет соседей: любимцы короля посылались в империю и богато одаривались византийским правительством. В состав знати, формировавшей круг приближенных Аттилы, входили не только гунны, но и другие варвары, подвластные королю, однако гунны пользовались явными преимуществами. В достаточно сильной степени ощущались кровнородствен-

¹⁰³ Ibid., fr. 1, 8, 9, 18.

¹⁰⁴ Ibid., fr. 7.

¹⁰⁵ Ibidem.

¹⁰⁶ Ibid., fr. 8.

¹⁰⁷ Ibidem. На вопрос о его положении при дворе Скотта ответил: «Не сомневайтесь, — и я наравне с братом моим могу говорить и действовать при Аттиле».

¹⁰⁸ Ibidem.

¹⁰⁹ Ibidem.

ные связи варварской знати. Чужеземцы — выходцы из Византии и Западной Римской империи — исполняли при дворе Атиллы функции секретарей и писцов, пользовались известным влиянием, но полностью им никогда не доверяли.

Для мировоззрения Приска характерно благожелательное отношение не только к гуннам, но и к другим варварским народам. Среди подвластных гуннам племен находились и славяне. Приск прямо не называет славянами тех варваров, которых он встречал в стране гуннов, но некоторые косвенные данные дают возможность предположить, что на пути византийского посольства встретились поселения славян. Широко известен рассказ Приска о гостеприимной встрече, которую оказала правительница одного из варварских племен, вдова гуннского князя Бледы, византийскому посольству, направлявшемуся в ставку Атиллы. Туземцы встретили греков весьма дружелюбно, правительница устроила их на ночлег, прислала путешественникам вкусные кушанья и красивых женщин (от услуг которых они, впрочем, отказались). Приск, познакомившись ближе с образом жизни варваров, сохранил потомкам некоторые характерные черты их быта. Варвары для переправы через реки строили плоты, сеяли вместо пшеницы просо, а вместо вина пили мед и какой-то свой напиток *кámos*. По словам Приска, туземцы, быть может славяне, показали ему и его спутникам очень симпатичными и радушными людьми ¹¹⁰.

Несколько по-иному Приск описывает те варварские племена, с которыми ему не приходилось общаться. Так, он признает грабительский характер набегов вандалов из Северной Африки на Сицилию и Южную Италию. Для отражения их нападений правители Западной Римской империи неоднократно обращались за помощью в Константинополь. Но просьбы их были тщетны, и они неизменно получали отказ, ибо Византия опасалась, нарушив мирный договор с вандалами, вызвать поход этих грозных варваров на свою собственную территорию ¹¹¹.

Для определения социально-политических взглядов Приска очень важно проанализировать его отношение к народным движениям в империи, принимавшим зачастую в ту пору форму религиозных столкновений. Сохранилось сообщение Евагрия, со ссылкой на утраченный ныне полный текст сочинения Приска, о том что Приск описал народные волнения в Александрии в начале 50-х годов V в.

Согласно рассказу Евагрия, Приск прибыл в Александрию около 553 г., во время крупных народных волнений, связанных с борьбой монофиситов и православных. В этой борьбе Приск занимает лояльную по отношению к правительству позицию и своими советами даже оказывает немаловажную услугу комиту Египта Флору. Приск советует Флору пойти на уступки народу: разрешить раздачу хлеба, открыть бани, возобновить зрелища, прекращенные в связи с беспорядками. Политика уступок принесла желаемый результат, и движение вскоре было усмирено ¹¹². Таким образом, Приск показал себя в столь сложной ситуации как благонамеренный чиновник, осторожный политик, православный христианин, помогавший правительству в борьбе с народным движением, проходившим под монофиситскими лозунгами.

Относительно религиозно-философских и этических воззрений Приска мы знаем очень мало. В его сочинении мы не находим следов приверженности автора к «эллинской» языческой религии его предков. Вместе с тем

¹¹⁰ Priscus, fr. 8; H. Gelzer. Μέδος bei Priscos. — BZ, 24, 1924, S. 313—314; «Сказание Приска Панийского», стр. 46. См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов, стр. 270; J. Kuranz. Akcja dyplomatyczna Bizancjum i jego sąsiadów w latach 433—468. — Towarzystwo naukowe Katol. uniwersytetu Lubelskiego. Rozniki humanistyczne», 12, 3, 1964.

¹¹¹ Priscus, fr. 18.

¹¹² Evagrius, II, 5.

Приск не проявляет какой-либо горячей религиозности и христианской ортодоксальности. Он скуп на сведения, касающиеся вопросов религии и церкви. Ему чужд христианский детерминизм, он не склонен объяснять ход исторических событий промыслом Божиим. Однако он сочетает политическую лояльность с лояльностью и конформизмом в отношении господствующей христианской церкви. Бога Приск рассматривает как источник правосудия¹¹³. Вместе с другими византийцами и послами западного императора Приск молит бога о том, чтобы Атила пошел войной на персов, а не на римлян. Приск с уважением относится к священным сосудам и подчеркивает, что «сосуды, посвященные богу, нельзя более употреблять на потребу людей». Историк почитает церкви как убежища. Например, он рассказывает о том, что жители разоренного гуннами города Наисса (Ниша) укрылись в священных обителях. Он не забывает упомянуть о приверженности вандалского короля Гензериха к ереси, но одновременно подчеркивает, что вандалы исповедовали христианство (хотя и в арианской форме)¹¹⁴. С одобрением говорит наш историк о том, что лазский царь Гуваз (Говаз), вызвавший гнев императора, заслужил вновь милость византийского правительства, доказав свою приверженность к христианской религии: прибыв в Константинополь, царь лазов прельстил епископа дворца ласковыми речами и «ношением на себе христианских символов»¹¹⁵.

Приск одновременно достаточно терпим по отношению к различным языческим религиям и далек от проповеди насильственного обращения варваров и иных чужеземных народов в христианство. Так, рассказывая о своей поездке с миссией Максимиана в Египет, он одобряет толерантную политику главы византийского посольства в отношении египетских культов. В мирный договор, заключенный византийцами с влеммийцами и нувадами, был включен пункт, согласно которому местным племенам разрешалось отправлять культ Исиды: «... чтобы на основании древнего обычая не запрещался влеммийцам и нувадам проезд в храм Исиды, причем управление речным судном, на котором перевозится кумир богини, поручалось египтянам. Эти иноземцы в установленное время перевозят кумир Исиды в свой край и, допросив его, увозят обратно на остров. Максимиан рассудил за благо скрепить договор в Фильском храме»¹¹⁶.

У Приска не чувствуется осуждения и других языческих культов, даже враждебных христианству. Так, он спокойно повествует о том, что причиной разногласий между Византией и Ираном был вопрос об исповедании зороастрийской религии персами, живущими на территории империи¹¹⁷. Позднее, в VI в., другой византийский историк Агафий отзывается о религии магов-огнепоклонников в иных, враждебных тонах¹¹⁸.

Интересно отношение Приска к господствующей в Византии религиозно-политической доктрине о божественности императорской власти. Когда агент временщика Хрисафия, переводчик Вигила, быть может, с провокационной целью вызвать ссору с гуннами, стал настаивать при знатных гуннах на тезисе о верховенстве императора-бога над Аттилой-человеком, то Максимиан и Приск постарались сгладить недовольство гуннов и смягчить их гнев подарками. «За обедом во время возлияний, — рассказывает Приск, — варвары превозносили Аттилу, а мы — своего

¹¹³ *Priscus*, fr. 8.

¹¹⁴ *Ibid.*, fr. 18.

¹¹⁵ *Ibid.*, fr. 28.

¹¹⁶ *Ibid.*, fr. 17; о культе Исиды в Египте VI в. см.: *Procop.*, В. Р. I, 33.

¹¹⁷ *Priscus*, fr. 25. По словам Приска, «... магов, искони обитавших в империи, ромеи хотели отвлечь от отеческих обычаев и законов и от их богопочитания, они преследуют их и не позволяют, чтобы у них горел, по закону их, так называемый неугасимый огонь».

¹¹⁸ *Agath.*, *Hist.*, II, 24—25.

государя. Вигила заметил, что неприлично сравнивать божество с человеком; что Аттила — человек, а Феодосий — божество. Гунны слышали эти слова и понемногу разгорячились и пришли в раздражение. Мы обратили речь к другим предметам и успокоили их гнев ласковым обхождением, а после обеда Максимин задобрил Эдикона и Ореста подарками — шелковыми одеждами и драгоценными камнями»¹¹⁹.

Приск вряд ли сам искренне верит в божественность императорской власти: для него обожествление василевса ромеев скорее внешний атрибут величия империи, чем философско-религиозная концепция. Историк признает только бога, а не императора источником правосудия. Кроме того, он утверждает, что в империи законы издаются равным образом для всех: «сам царь повинуется им». Вместе с тем Приск, как истый ромей, не может признать правомерность притязаний гуннского короля поставить себя выше римского императора или наравне с ним.

Лишь иронию вызывают у Приска льстивые сравнения Аттилы с божеством. Знаменателен в этом плане рассказ Приска о хитрости, пущенной в ход одним из правителей племени акациров — Курдияхом. Когда Курдиях, потерпев поражение от гуннов, был затем приглашен к Аттиле праздновать победу, он отказался прибыть ко двору гуннского короля: «. . . Курдиях, подозревая козни, отвечал Аттиле, что трудно человеку взирать на бога; а если человек не в силах смотреть и на солнечный круг, то можно ли без вреда для себя взглянуть на величайшего из богов»¹²⁰. Нашему историку отнюдь не импонируют честолюбивые попытки Аттилы доказать свое превосходство над императором Феодосием. После раскрытия заговора на его жизнь гуннский король через своих послов в Константинополе обличал императора Феодосия и стремился его унижить. Посол Аттилы Исла сказал: «. . . Феодосий рожден от благородного отца. . . и сам Аттила знатного происхождения и, наследовав своему отцу Мундиуху, сохранил благородство во всей чистоте, а Феодосий, напротив того, потерял благородство и подчинился Аттиле, ибо обязался платить ему дань. Итак, он (Феодосий. — З. У.) дурно поступает, тайными кознями, подобно низкому рабу, посягая на того, кто лучше его и кого судьба сделала его господином»¹²¹. Приск порицает хвастливые речи Аттилы, который горделиво заявлял, что полководцы римского императора — его рабы, а его военачальники равны тем, кто царствует над римлянами¹²².

В отличие от некоторых других ранневизантийских писателей, в частности от Аммиана Марцеллина, Прокопия и особенно Феофилакта Симокатты, Приск не проявляет особой склонности к суевериям. Правда, и он отдает дань легендарным рассказам, влетая их в свое изложение. Особенно стали знамениты два таких рассказа Приска, связанные с передачей бытовавших в его время легенд. Первый рассказ касается находки Аттилой священного меча бога войны Марса. Эта находка предвещала укрепление могущества гуннского короля. Аттила решил, «что это знамение послал ему бог, явивший меч Марса, который у скифских царей почитается священным. Этот меч чтится ими как посвященный богу войны, и в древние времена он исчез, а теперь был случайно открыт быком»¹²³.

Текст Приска, содержащий вторую легенду, к сожалению, не сохранился, но он подробно воспроизведен Иорданом. По словам готского историка, Приск, искренне веря в правдивость легенды, рассказал о чуде, предвещавшем гибель Аттилы. В ночь смерти гуннского короля императору Маркиану явилось во сне божество и показало сломанный лук Аттилы. «Историк Приск говорит, что может подтвердить это (явление бо-

¹¹⁹ *Priscus*, fr. 8.

¹²⁰ *Ibidem*.

¹²¹ *Ibid.*, fr. 9.

¹²² *Ibid.*, fr. 8.

¹²³ *Ibidem*; *ep. Jordan. Getica*, § 483.

жества) истинным свидетельством. Настолько страшен был Аттила для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара царствующим»¹²⁴.

Приск приводил в своем сочинении также полулегендарный рассказ о переходе гуннов через Меотиду, повторенный затем Иорданом и Прокопием. В утерянной части сочинения Приска содержалось известие о суевеерном ужасе, который внушал гуннам город Рим. Иордан, со ссылкой на Приска, говорит, что приближенные Аттилы убедили его отказаться от осады Рима не из-за добрых чувств к городу, врагами которого они были, а из-за опасения за жизнь своего короля, ибо памятна была судьба вестготского правителя Алариха, который умер вскоре после разорения Рима¹²⁵.

Мы можем только гадать, почему Приск, столь ярко описавший обычаи гуннов и других варваров, подвластных Атилле, умолчал об их религии и религиозных обрядах. Было ли это свидетельством слабой приверженности гуннов к религиозным обрядам или просто волей составителей эксцерптов Константина Багрянородного, которые сокращали труд Приска, — видимо, навсегда останется загадкой.

Еще труднее составить представление об этических и моральных воззрениях Приска.

Приск как писатель и человек обладал, видимо, достаточно твердыми нравственными устоями. Так, ему глубоко претят коварство и вероломство, проявляемые в дипломатических делах; он искренне негодует по поводу намерения евнуха Хрисафия (а тем самым и императора) убить Аттилу и использования посольства в этих недостойных целях¹²⁶. Ему несимпатичен грек-перебежчик, хулящий свою родину и ее порядки. Верность своему государю он считает достоинством, а измену порицает. Он добродушно говорит об отказе гуннского вельможи Онигисия продать свою страну и своего короля за византийское золото¹²⁷. Приску импонирует мужество и достойное поведение послов империи, в частности посла к гуннам Аполлония, который прославил себя поступком, достойным твердого человека. Он не испугался Аттилы, хотя тот угрожал ему смертью, и не выдал королю подарков императора без того, чтобы Аттила принял его для переговоров¹²⁸. Сам Приск во время переговоров с Аттилой держит себя с достоинством и проявляет даже большее мужество, чем Максимин¹²⁹.

Приск, в отличие от многих других авторов, особенно Аммиана Марцеллина, Зосима и Прокопия, достаточно благожелателен к окружающим. Даже в самых дурных людях он способен разглядеть какие-то привлекательные черты. Так, Вигила, подготовлявший тайное убийство Аттилы, человек, в изображении Приска, коварный, лживый и скрытный, способный на любое преступление ради корысти, в трудную минуту жизни проявил незаурядные свойства — отеческую любовь и самопожертвование. Захватив и разоблачив Вигилу в участии в заговоре, Аттила хотел убить его сына, если не будет уплачен выкуп в 50 либр золота. «При виде сына, обреченного на смерть, Вигила, проливая слезы и рыдая, умолял Аттилу обратить на него меч и пощадить ни в чем не повинного юношу. Он тотчас признался в том, что было замыслено им, Эдикомом, евнухом и царем, и между тем не переставал просить Аттилу убить его самого и от-

¹²⁴ *Jordan. Getica*, § 255; о гуннском золотом луке см.: *J. Harmatta. The Golden Bow of the Huns*. — «*Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*», 1, 1951, p. 107—151.

¹²⁵ *Jordan. Getica*, § 222.

¹²⁶ *Priscus*, fr. 8.

¹²⁷ *Ibidem*.

¹²⁸ *Ibid.*, fr. 14.

¹²⁹ *Ibid.*, fr. 8.

пустить сына». Аттила внял мольбам Вигилы и отослал его сына в империю за выкупом ¹³⁰.

Приск отнюдь не превозносит также «подвиги» византийских полководцев, которые связаны с коварным обманом и жестокостью. Так, он без сочувствия рассказывает о том, как в 467 г. полководцы императора Льва I победили готов, обманув и разбив их по частям. Наместник полководца гота Аспара — Хелхал, родом гунн, посеял вражду между готами и гуннами, говоря, что «даст готам земли, но не для них самих, а в пользу гуннов; что гунны, не занимаясь земледелием, будут, как волки, приходиться к готам и похищать у них пищу; что готы, находясь в состоянии рабов, будут работать для содержания гуннов, хотя готское племя искони было в непримиримой вражде с гуннами». Лживые речи Хелхала разожгли кровавую битву между готами и гуннами, которой воспользовались византийцы для полного разгрома готов ¹³¹.

Приску не чужд и патриотизм; так, он оправдывает жителей Асимунта в Илирике в том, что они ради спасения своего народа дали гуннам ложные клятвы ¹³².

С познавательной точки зрения труд Приска интересен не только сведениями о различных народах, с которыми Византия имела мирные отношения или вела войны. Согласно Приску, Восточная империя в V в. вела дипломатические переговоры с гуннами (с Аттилой и его предшественниками и преемниками), арабскими племенами (сарацинами), нумидийскими кочевыми народами (влеммиями и нувадами), с вандалами, лазами, персами, готами. Внимание привлекают ценные сообщения Приска по истории римско-византийской и варварской дипломатии V в.: писатель четко обрисовал права и обязанности византийских послов, организацию посольств, широкое применение подкупа варваров ценными дарами, дал подробное описание этих драгоценных подарков, этикета приема и отправления послов, некоторых норм международного права. Изучение сочинения Приска помогает проследить складывание и организацию византийской дипломатической системы, достигшей столь высокого совершенства в последующее время. Ярко показан взаимный шпионаж византийских агентов и агентов варваров. В частности, делается очевидным, что Аттила имел тайных шпионов при константинопольском дворе, так как ему стало известным содержание секретных поручений, данных византийским императором своим послам ¹³³.

Одной из важных черт дипломатической системы Византии была строгая градация рангов и титулов послов в зависимости от могущества того государства, куда отправляется посольство. Приск сообщает о постоянных требованиях Аттилы посылать к нему послов высокого ранга, знатных, имеющих консульское звание. В ответ на притязания Аттилы византийское правительство порою шлет отказ, ссылаясь на установившийся обычай ¹³⁴. В тяжелых условиях нажима со стороны гуннов оно иногда принуждено нарушать обычай и отправлять к Аттиле в качестве послов знатных вельмож ¹³⁵.

¹³⁰ *Priscus*, fr. 8.

¹³¹ *Ibid.*, fr. 33.

¹³² *Ibid.*, fr. 5.

¹³³ *Ibid.*, fr. 8.

¹³⁴ Так, например, Приск сообщает, что Максимино поручено было передать Аттиле, «что он не мог требовать, чтобы к нему отправлялись послы высшего достоинства, ибо этого не бывало ни при его предках, ни при других правителях скифской земли; что миссию посла всегда выполнял какой-нибудь воин или вестник» (*ibidem*).

¹³⁵ *Ibid.*, fr. 4, 8, 11. Так, например, Аттила потребовал от посольства Максимиана, чтобы к нему были присланы в качестве послов обязательно консуляры — либо Ном, либо Анатолий, либо Сенатор. На замечание Максимиана о том, что «не следует назначать в посольство этих мужей и через то делать их царю подозрительными», Аттила ответил угрозой начать войну, если его требование не будет выполнено (*ibid.*, fr. 8).

Одновременно Приск рисует картину довольно сложной организации посольского дела и дипломатии у самих варваров. При дворе Аттилы уже были разработаны ритуал приема посольств, правила поведения послов; на пирах Аттилы царили придворный этикет и местничество. Посол каждой страны на приеме имел свое место, ближе или дальше от короля, в зависимости от ранга пославшей его страны. Деятельность послов строго регламентировалась: послы должны следовать за кортежем короля, а не обгонять его; их сопровождают проводники-варвары и охраняют варварские отряды; послам запрещается разбивать шатры на месте более возвышенном, чем место, где расположен шатер Аттилы; в стране гуннов им выдается определенное содержание, по дороге же, на территории империи, их кормят местные жители¹³⁶. Делать остановки в пути, разбивать лагерь и селиться на более длительное время послы могут только в тех местах, где им укажут люди Аттилы. Византийские послы в свою очередь заботились о том, чтобы не было унижено их достоинство как послов императора. Они, например, согласились вести переговоры с гуннами, сидя верхом на лошадях, следуя варварскому обычаю, для того чтобы не быть в положении, унижающем их достоинство¹³⁷. Для византийских послов всегда было строго обязательно передавать письма и устные поручения императора лично королю, но варвары иногда, по приказу Аттилы, пытались нарушить этот обычай и выведать у послов цель их посольства. Византийцы резко протестовали против нарушения этих правил¹³⁸.

При дворе Аттилы, видимо, была особая канцелярия для ведения дипломатической переписки: Аттила имел в своем распоряжении высокообразованных писцов, главным образом из числа латинян, присланных ему Аэцием. Среди писцов были и эллины. Переписка велась на латинском, греческом и других языках. В ходу у варваров, подчиненных Аттиле, были различные языки. Об этом свидетельствует знаменитое место из труда Приска: «Скифы, будучи сборищем разных народов, сверх собственного своего варварского языка, охотно употребляют язык гуннов, или готов, или же Авсоноев язык (латинский. — З. У.) в сношениях с римлянами; но нелегко найти между ними человека, знающего эллинский язык, исключая людей, уведенных в плен из Фракии или из приморской Иллирии»¹³⁹. В дипломатических переговорах как гунны, так и византийцы широко пользовались услугами переводчиков из греков, латинян и варваров. Писцы, отлично образованные, и переводчики, хотя по рангу были, естественно, ниже посланников, но все же пользовались почетом и влиянием, особенно при дворе Аттилы¹⁴⁰.

При первой же встрече с правителем страны, куда они были посланы, послы обязаны были лично ему передать грамоты императора. Так, например, поступил Максимин при первой встрече с Аттилой в его шатре, еще по пути в ставку гуннского короля.

Личность посла и всех участников посольства считалась неприкосновенной. Аттила даже в страшном гневе на Вигилу в тот момент, когда он был официальным лицом, не решился посадить его на кол и отдать на съедение птицам, как угрожал, опасаясь нарушить права посольства.

Византийское правительство впоследствии было вынуждено выполнить ультиматум Аттилы (*ibid.*, fr. 10).

¹³⁶ Жители Сардики доставили посольству Максимина баранов и быков. Переpravляли их через Истр варвары-перевозчики на лодках-однодеревках, приготовленных Аттилой для войны с Византией (*ibid.*, fr. 8).

¹³⁷ *Ibid.*, fr. 1.

¹³⁸ «Мы заметили, — пишет Приск, — что не так ведется в посольствах, чтобы посланники, не переговорив с тем, к кому они посланы, и даже не повидавших, сообщали им о цели своего посольства при посредничестве других лиц; что это небезызвестно и самим скифам, которые часто отправляют посольства к царю. . .» (*ibid.*, fr. 8).

¹³⁹ *Ibidem.*

¹⁴⁰ *Ibidem.*

Постоянным предметом переговоров между империей и Аттилой были споры из-за выдачи перебежчиков из страны гуннов в Византию и из-за уплаты дани. Переговоры сопровождались обменом подарками и взаимными угощениями. Почти всегда переговоры были связаны с вымогательствами Аттилой золота у византийцев.

Заметную роль в дипломатии как Восточной и Западной империй, так и варваров играл обмен подарками. Со стороны империи, как известно, это была форма подкупа опасных врагов государства. Приск дает представление о том, какие дары везли для гуннского правителя и его окружения византийские послы. Дары подносились в строгом соответствии с рангом и полом одариваемых; выбирались вещи, редкие у варваров и поэтому особенно ими ценимые. Византийские послы, по рассказу Приска, поднесли шесть тысяч либр золота самому Аттиле, шелковые одежды и драгоценные камни его послам, серебряные чаши, красные кожи, индийский перец, плоды фиников вдове Бледы за ее гостеприимство. Видимо, аналогичные подарки (с добавлением драгоценных ювелирных изделий) были переданы жене Аттилы — Креке, золото и богатые дары — приближенным Аттилы — Онигисию, Скотте и другим¹⁴¹. Послы дарили подарки от себя и от императора. Так, Приск поднес любимцу Аттилы — Онигисию подарки от посла Максимиана и золото от императора. Послы византийского императора сами должны быть богаты и щедры и покупать ценными подарками благоволение того варварского правителя, к кому они посылаются. Так, например, в посольство к Аттиле в 449 г. был включен магистр и патрикий Ном не только по причине высокого звания и преданности временщику Хрисафию, но и благодаря своей щедрости. «Притом надеялись, — пишет Приск, — что он одолеет Аттилу своей щедростью: он обыкновенно не жалел денег, когда хотел достигнуть успеха в своих стремлениях»¹⁴². Аттила открыто требовал дани со знатных и богатых византийцев, прибывающих в его страну. Так, он отказался принять в 452 г. посла императора Маркиана — Аполлония «за то, что он не привез к нему дани, которая, как уверял он, была ему назначена от самых влиятельных лиц и достойных царского сана»¹⁴³.

В свою очередь, Аттила одаривал византийских послов конями и звериными мехами, которыми украшали себя царские скифы¹⁴⁴. Послов одаривал не только сам Аттила; по его приказу, в знак уважения к Максимиану все знатные гунны должны были послать главе византийской миссии по коню. Максимиан, желая показать, «умеренность своих желаний», принял лишь немногих коней, остальных отослал варварам обратно.

Иногда, в случаях конфликта с послами, гунны более обычного ограничивали их свободу. Так, Аттила запретил византийцам из посольства Максимиана освобождать римского военнопленного, покупать раба-варвара, или лошадь, или другое что-либо, кроме съестных припасов, пока не будут улажены существующие между скифами и ромеями недоразумения¹⁴⁵.

Обычно посольства отправлялись от одного государя к другому в их столицы или в военный лагерь Аттилы. В особых случаях Аттила соглашался выезжать навстречу послам императора и вести с ними переговоры в условленном месте. Так, например, Аттила предлагал Феодосию II приехать для встречи с его послами в город Сардику, но византийское правительство, опасаясь появления опасного врага в глубине своей территории

¹⁴¹ *Priscus*, fr. 8.

¹⁴² *Ibid.*, fr. 10.

¹⁴³ *Ibid.*, fr. 14.

¹⁴⁴ *Ibid.*, fr. 11.

¹⁴⁵ *Ibid.*, fr. 8. Цель этого ограничения в данном случае состояла в том, чтобы изобличить Вигилу в хранении золота, привезенного для подкупа Эдикона и его сообщников.

(Сардика находилась на расстоянии 13 дней пути от Дуная), отказалось от предложения Аттилы ¹⁴⁶.

Посол как лицо, облеченное высоким званием, часто не мог сам вести переговоры с приближенными Аттилы, а должен был это делать через своих помощников, в частности, Максимин делал это через Приска ¹⁴⁷.

В знак особой милости Аттила в 449 г. выехал навстречу византийским послам Анатолию и Ному и после возобновления договора о мире не только щедро одарил послов, но в знак уважения к ним отпустил на свободу без выкупа многих византийцев-военнопленных ¹⁴⁸.

Сказанное убеждает нас в том, что сочинение Приска в том виде, как оно дошло до нас, представляет немалую ценность как источник по истории дипломатии ранней Византии и варварского мира ¹⁴⁹.

Стиль изложения и язык Приска отличаются простотой и жизненной непосредственностью. Приску в значительно меньшей степени, чем другим византийским авторам, присущи риторика и копирование античных образцов. Античные реминисценции, буквально переполняющие труды Прокопия, Агафия, Феофилакта Симокатты и других писателей, встречаются у Приска сравнительно редко. Можно отметить лишь отдельные случаи обращения писателя к античной литературе. Так, рассказывая о приеме во дворце Аттилы, Приск рисует живую сценку выступлений перед Аттилой и гостями певцов, поэтов, шутов, и в том числе шута поневоле горбуна маврусия Зеркона, который, стремясь добиться прощения разгневанного на него Аттилы, хотел развеселить его своими шутками. «Пользуясь весельем пиршества, Зеркон предстал (перед Аттилой) и своим видом, одеждой, голосом, смешением слов — ибо он смешивал язык латинский с гуннским и готским — развеселил присутствующих и во всех их, кроме Аттилы, возбудил *неугасимый смех*» ¹⁵⁰. Последнее выражение взято Приском из «Илиады» Гомера, из знаменитой сцены пира богов. Сходна с рассказом Геродота переданная Приском легенда о мече Марса ¹⁵¹.

Влияние античной риторики особенно сказалось в речи Приска, произнесенной им в споре с греком-перебежчиком, речи, и по форме и по содержанию основанной на античных образцах ¹⁵².

Как и многие другие ранневизантийские писатели, Приск в известной степени тоже испытал на себе влияние великих историков античности, и прежде всего Геродота и Фукидида. Но симптоматично, что их воздействие ощущается только в тех частях сочинения Приска, где автор говорит о событиях более древних и ему мало известных, очевидцем которых он не был. Это относится, например, к рассказу Приска о древней истории царских скифов, под которыми автор понимает гуннов ¹⁵³, о походе гуннов еще задолго до правления Аттилы в Персию ¹⁵⁴. Примечательно и то, что влияние на Приска античных авторов, в частности Геродота, сказалось не только и не столько в языке и стиле его сочинения, сколько в привлечении Приском некоторых исторических аналогий, порою необходимых ему для объяснения современных событий. Так, описание Приском движения восточных народов с Востока на Запад напоминает рассказ Геродота о вытеснении в древности одного народа другим ¹⁵⁵.

¹⁴⁶ Ibidem.

¹⁴⁷ Ibidem.

¹⁴⁸ Ibid., fr. 11.

¹⁴⁹ E. Doblhofer. Byzantinische Diplomaten und östliche Barbaren. Graz, 1955; J. Kuranz. Akcja dyplomatyczna Bizancjum i jego sąsiadów w latach 433—468.

¹⁵⁰ Priscus, fr. 8.

¹⁵¹ Ibidem; Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 482.

¹⁵² Priscus, fr. 8.

¹⁵³ Ibid., fr. 1.

¹⁵⁴ Ibid., fr. 8.

¹⁵⁵ Ibid., fr. 24; cp. Herodoti Historiae, IV, 13.

Приск не свободен и от некоторых архаизирующих тенденций, столь свойственных ранневизантийской литературе. Это проявилось в употреблении им архаичных, заимствованных из античных авторов наименований племен и народов. Так, гуннов и подвластных им варваров Приск называет, по античной традиции, собирательным названием «скифы», иногда выделяя для господствующего племени название «царские скифы». Латинский язык Приск, по традиции, называет Авсонским — от древнего наименования Италии. Галлию он именует Западной Галатией, а Паннонию — Пеонией¹⁵⁶; подобные примеры можно было бы умножить.

Однако эти архаизирующие тенденции у Приска не затемняют главного в его труде — они как бы патина, покрывающая легким налетом мерцающую бронзу. Главное в сочинении Приска, говоря нашим языком, это то, что оно очень современно. Просто, без риторических прикрас переданы чувства и настроения автора, мысли и представления людей его времени.

Приск бесспорно талантлив: он в полной мере обладает редким даром той простоты, в высоком смысле этого слова, которая является зачастую лучшей мерой подлинно художественного произведения. Все увиденное и пережитое он рассказал правдиво и искренне. Только там, где он не опирается на личный опыт, его рассказ делается более сухим и трафаретным.

Славу Приска как историка составил удивительно живой и образный рассказ о посольстве византийцев к Атилe. Подкупающей правдивостью и простотой картина двора Атилe может сравниться с лучшими страницами античной историографии. Беспрецедентная для византийца объективность Приска в отношении варваров, глубокое понимание исторического значения передвижения огромных масс людей, принявшего характер так называемого великого переселения народов, его знание людей, мастерское изображение характеров, умение обобщить материал и выделить главное выдвигают труд Приска на одно из первых мест среди исторических источников V в. Недаром в последующее время сочинение Приска используют многие византийские авторы, а современные ему западные хронисты далеко отстают от него, давая лишь краткие записи тех событий, которые он описал с таким блеском.

¹⁵⁶ *Priscus*, fr. 1, 8.

В. В. КУЧМА

«ТАКТИКА ЛЬВА» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Византийский военный трактат, известный под наименованием «Тактики Льва», издавна привлекал к себе внимание многочисленных издателей и исследователей¹. Однако подлинно научное изучение трактата началось лишь с 90-х годов XIX в. Именно в этот период был очерчен круг основных проблем, связанных с этим источником, среди которых можно назвать следующие: авторство трактата и его датировка; соотношение «Тактики Льва» с другими военными трактатами, прежде всего с так называемым «Стратегиконом» псевдо-Маврикия; проблема ценности «Тактики Льва» как исторического источника и др.

Поскольку первая из них к настоящему времени уже утратила свою дискуссионную остроту, мы ограничимся по ней лишь некоторыми замечаниями. Третья из указанных проблем заслуживает специального рассмотрения, и в последующих работах мы намерены остановиться на ней специально. Основное внимание в настоящей статье будет уделено второй проблеме, остающейся наименее изученной в литературе.

АВТОРСТВО И ДАТИРОВКА «ТАКТИКИ ЛЬВА»

До 90-х годов XIX в. исследователи византийской военной традиции были единодушны в решении вопроса об авторстве «Тактики» — она безоговорочно атрибутировалась византийскому императору Македонской династии Льву VI Мудрому. Попытка кардинального пересмотра вопроса, предпринятая К. Э. Цахариэ фон Лингенталем², встретила резкие возражения. Первые оппоненты К. Э. Цахариэ³ обосновывали авторство Льва VI исключительно ссылками на текст самой «Тактики», не без основания считая их достаточно убедительными и даже не пытаясь искать аргументы в других источниках. Но, поскольку отголоски спора встречались и в позднейших работах⁴, отдельные исследователи сделали попытку выйти за пределы традиционного объекта полемики и поставить вопрос более ши-

¹ Подробный историографический обзор литературы см.: В. В. Кучма. «Тактика Льва» в исторической литературе. — ВВ, 30, 1969, стр. 153—165.

² К. Э. Zachariae von Lingenthal. Zum Militärgesetz des Leo. — BZ, 2, 1893, S. 606—608; *idem*. Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jhs. — BZ, 3, 1894, S. 437—457.

³ Ю. Кулаковский. Лев Мудрый или Лев Исавр был автором «Тактики»? — ВВ, V, 1898; R. Vári. Bölcs Leo császáznak «A hadi taktikáról» szóló munkája. Budapest, 1898; M. Mitard. Études sur le règne de Léon VI. — BZ, 12, 1903.

⁴ G. Buckler. Anna Comnena. Oxford, 1929, p. 525; G. Ostrogorsky. Über die vermeintliche Reformtätigkeit des Isaurier. — BZ, 30, 1929—1930, S. 394—400.

роко. Так, Г. Вернадский⁵ впервые высказал соображение о возможности сближения «Тактики Льва» с Эпаногогой и о влиянии первой на вторую. Позднее М. Я. Сюзюмов отмечал сходство в способе изложения материала в «Тактике Льва» и «Книге эпарха», а также установил связь между идеями и фразеологией сочинений Льва VI и законодательных актов Македонской династии⁶.

Рассмотрение в совокупности всех прямых и косвенных доказательств не оставляет сомнений при решении вопроса об авторстве «Тактики». Поэтому Д. Моравчик имел все основания заявить, что мнение о принадлежности «Тактики» Льву VI является «сегодня твердо установленным»⁷.

Решение вопроса об авторстве трактата предопределяет его датировку. Хронологические рамки создания «Тактики» локализируются в пределах периода царствования Льва VI. Поскольку автор трактата именуется себя императором⁸, 886 год есть очевидный *terminus post quem* возникновения сочинения. Конечная дата вполне естественно определяется 912 г. — годом смерти Льва VI.

В литературе высказаны различные мнения относительно более точной датировки трактата. Наиболее раннюю предложил Ю. Кулаковский. Обратившись к XVIII главе «Тактики», где анализируются военные обычаи соседних с Византией народов, русский исследователь увидел в отрывках XVIII, 42, и XVIII, 44, указания на болгаро-византийскую войну с участием венгров на стороне византийцев. Поскольку это событие Ю. Кулаковский датирует 889 годом и указывает, что в «Тактике» еще нет упоминания о страшном поражении византийцев при Болгарофиге (892), он предлагает датировать трактат 890—891 годами⁹.

Мы полагаем, что описанные в указанных отрывках события относятся к периоду не первой, а второй болгаро-византийской войны, окончившейся подписанием мира в 896 г. Вероятно, именно этот договор имеет в виду Лев, когда пишет, что болгары уже дорого заплатили за свое вероломство и ныне подчиняются империи¹⁰. Поэтому датировка «Тактики Льва», по нашему мнению, должна быть отнесена к более позднему периоду, чем рубеж, намеченный Ю. Кулаковским.

Приблизительная датировка трактата (около 900 г.) предложена Г. Райхенкромом¹¹. Учитывая избранный автором критерий (филологический анализ языка военных команд), трудно ожидать от него более точной датировки.

Венгерские исследователи (все без исключения) относят возникновение трактата к периоду после 904 г.¹² Д. Моравчик полагает, что время возникновения трактата нельзя определить с точностью, но, «насколько кажется определенным», он был написан после нападения сарацин на Фессалонику¹³.

Нам кажется, что совершенно правильное замечание венгерского академика об исключительном внимании Льва к сарацинам не является доста-

⁵ G. Vernadsky. «The Tactics» of Leo the Wise and the Epanagoge. — Byz., 6, fasc. 1, 1931, p. 333—335.

⁶ Византийская книга эпарха. Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962, стр. 99, 106, 113, 225 и др.

⁷ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 404.

⁸ Leonis Imperatoris Tactica, ed. J. P. Migne. — PG, t. 107, 1863 (далее — TL), XIV, 116, col. 885A—B; XV, 41, col. 897A—B; XVIII, 42, col. 956D; XX, 210, col. 1069D—1072A etc.

⁹ Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 400—401.

¹⁰ TL, XVIII, 44 col. 957A. См. об этом: Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 403.

¹¹ G. Reichenkron. Zur römischen Kommandosprache bei byzantinischen Schriftstellern. — BZ, 54, 1961, S. 18—27.

¹² Р. Вари заключал время возникновения трактата между 904 и 908 гг. (R. Vári. Desiderata der byzantinischen Philologie auf dem Gebiete der mittelgriechischen kriegswissenschaftlichen Literatur. — BNgJb, 8, H. 3—4, 1931, S. 226). Однако никакой аргументации этой датировки Р. Вари не приводит.

¹³ Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 404.

точным для обоснования предложенной датировки. Арабские корсары хозяйничали на Эгейском море и давали достаточно поводов обратить на себя внимание задолго до 904 г. К сожалению, более детальная аргументация у Д. Моравчика отсутствует.

В обобщающем исследовании А. Дэна, вышедшем в свет уже после его смерти¹⁴, показано, что трактат Льва написан не в один прием, но создавался, вероятно, в течение продолжительного времени. В рукописях сохранились различные варианты плана этого сочинения, и датировка отдельных глав может быть различной. Но в целом трактат, по мнению А. Дэна, может быть датирован началом X в.

Таким образом, материал трактата не дает возможности датировать его с большей точностью, чем рубеж IX—X вв. с колебаниями в 5—10 лет в обе стороны. Установление указанных границ вполне достаточно для источников подобного рода. В условиях медленного и застойного развития военной науки в период средневековья военный трактат отражал не кратковременный период, но целую эпоху, целый этап в развитии этой науки. Поэтому колебания в одно-два десятилетия в датировке памятника не могут повлечь за собой кардинальные изменения в нашей оценке как самой эпохи, так и трактата, в котором эта эпоха отразилась.

СООТНОШЕНИЕ «ТАКТИКИ ЛЬВА» С ДРУГИМИ ВОЕННЫМИ ТРАКТАТАМИ. ИСТОЧНИКИ «ТАКТИКИ»

Являясь одним из звеньев византийской военной традиции, «Тактика Льва» вобрала в себя опыт предшествующей военно-теоретической мысли и оказала большое влияние на последующую литературу подобного жанра.

В «Тактике Льва» довольно часты ссылки на авторов древних трактатов; некоторых из них (Элиана¹⁵, Арриана¹⁶, Оносандра¹⁷) Лев называет по именам. Кроме того, Р. Вари установил, что при работе над своим сочинением Лев пользовался трудами Полиена, но не в полном виде, а в извлечениях¹⁸. Иногда Лев не называет имен, а просто излагает материал так, как об этом писали «древние тактики», «древние стратиги» или просто «древние»¹⁹.

Более пристального внимания заслуживают ссылки Льва на некоторые источники и лица, которые Лев именуется «новыми» (οἱ νεώτεροι)²⁰. О своем отношении к «древним» и «новым» авторам, а также о взаимоотношениях между ними Лев пишет в VII главе трактата²¹. Он указывает, что «древние» (при этом упомянуты Элиан и Арриан) оставили весьма ценные и полезные указания в области военного дела. Однако их сведения уже значительно устарели, и Лев намерен изложить их весьма кратко. С другой стороны, многое из древних тактик переработано «новыми» авторами, и именно на них в первую очередь он опирается в своем трактате, в частности в VII его главе. Таким образом, Лев прямо указывает, что именно сочине-

¹⁴ А. Dain. Les stratégistes byzantins. Travaux et mémoires, 2. Paris, 1967, p. 317—392.

¹⁵ TL, VI, 30, col. 729D. О способах использования Львом сочинения Элиана см.: А. Dain. Histoire du texte d'Élien le Tacticien. Paris, 1946, p. 134—147.

¹⁶ TL, VII, 86, col. 760D.

¹⁷ TL, XIV, 112, col. 884B.

¹⁸ R. Vari. Die «Praecepta Nicephori». — BZ, 30, 1929/30, S. 52.

¹⁹ TL, VII, 28, col. 8 740D (τῶν ἀρχαίων); XI, 29, col. 800D (οἱ ἀρχαῖοι); XIV, 94, col. 877D (τῶν παλαιωτέρων τακτικῶν); XVII, 2, col. 913B-C (ἀρχαῖός που διδάσκει λόγος ἡμᾶς); XVII, 16, col. 917A (παρὰ τῶν παλαιῶν στρατηγῶν); XVII, 91, col. 937A (οἱ παλαιότεροι τῶν τακτικῶν); XVIII, 1, col. 945A (πάλαι στρατηγοί) и т. д.

²⁰ TL, IV, 55, col. 712 A; VI, 37, col. 733 A-B, VII, 52, col. 749 A; XII, 74, col. 828 C; XIV, 112, col. 884B; XIV, 113, col. 884C; XV, 1, col. 885C; XV, 26, col. 893 C-D.

²¹ TL, VII, 86, col. 760D-761A.

ния «новых» авторов были его основным источником; сведения «древних» приводятся им лишь в качестве дополнительного (и прежде всего сравнительного) материала.

Кто же такие эти «новые» авторы? Первую (и единственную, насколько нам известно) попытку решения вопроса предпринял Р. Вари²². Он предположил, что во всех этих случаях Лев имеет в виду «Стратегикон» псевдо-Маврикия²³, свой основной источник. Откуда же тогда странная терминология Льва? Вари полагает, что автор «Стратегикона» (Р. Вари именуется его Урбикием) составил свой трактат в виде единого сводного труда, куда вошло все то, что имеет отношение к военному делу. Лев VI рассматривал свой источник в качестве сводной работы и не связывал его с определенным автором. Именно этим, подчеркивал Р. Вари, объясняется то странное и казавшееся необъяснимым обстоятельство, что Лев, упоминая свои заведомо второстепенные источники, не называет ни разу главного²⁴.

Это предположение можно проверить сравнением тех отрывков, где упоминаются «новые» авторы, с данными «Стратегикона». Сравнение показывает, что во всех случаях, когда Лев делает ссылку на «новых» авторов, он сообщает сведения либо аналогичные, либо буквально совпадающие со сведениями «Стратегикона».

Кроме названных, Лев пользовался еще некоторыми источниками, идентификация которых чрезвычайно затруднена. Еще в 1937 г. А. Дэн пришел к выводу, что вся глава V трактата Льва построена на основе неизвестного нам письменного источника²⁵; в последней своей работе А. Дэн затрудняется также в определении источников некоторых пассажей глав III и IV²⁶. Здесь же отмечено, что Лев не мог найти письменного источника и при работе над XIX главой трактата, посвященной ведению войны на море²⁷.

Особый интерес представляет V глава «Тактики». Сравнение ее со следующей, VI, главой показывает, что по содержанию в них много общего: за некоторыми частными отклонениями в них перечисляются одни и те же виды вооружения и снаряжения стратегиотов. В свою очередь VI глава «Тактики» имеет прямые аналогии во 2-й главе I книги «Стратегикона»²⁸. Следовательно, материал для создания V главы Лев черпал в том же «Стратегиконе». Тем не менее V глава существенно отличается от всех других глав как «Стратегикона», так и «Тактики».

Во-первых, она (единственная в «Тактике» с начала и до конца) адресована не стратегу-военачальнику, руководителю военной экспедиции, а стратегу как главе фемы, и это специально подчеркнуто Львом²⁹. Во-вторых, в этой главе реализована совершенно независимая от «Стратегикона» идея: дать фемному стратегу развернутый план мобилизационных мероприятий по подготовке к войне.

²² R. Vari. Zur Überlieferung mittelgriechischen Taktiker. — BZ, 15, 1906, S. 47—87.

²³ Трактат, известный в литературе под наименованием «Стратегикона» Псевдо-Маврикия, породил громадную критическую литературу и до сих пор остается объектом ожесточенных научных споров. Сведения об авторстве и датировке трактата были суммированы нами в статье «Византийские военные трактаты VI—X вв. как источники по истории военного искусства Византийской империи». — АДСВ, вып. 4, 1966. В последнее время возрождается тенденция атрибутировать «Стратегикон» императору Маврикию. См.: А. Дэн. Les stratèges byzantins, p. 344—346; H. Mihăescu. Prolegomènes à une édition critique des *Taktikā-stratēgikā* de Maurice-Urbicius. — RESEE, V, 1967, p. 401—417; А. Дэн. Urbicius ou Mauricius? — REB, 26, 1968, p. 123—136; З. В. Удальцова. Еще раз о «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия. — СВ, 32, 1969, стр. 61—76.

²⁴ R. Vari. Zur Überlieferung mittelgriechischen Taktiker, S. 82—83.

²⁵ А. Дэн. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, 1937, p. 42.

²⁶ А. Дэн. Les stratèges byzantins, p. 356.

²⁷ Ibid., p. 356—357.

²⁸ Cp. *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim*, ed. J. Schefferus. Upsaliae, 1664 (далее — *Strategicon*). I, 2, p. 20 sq.; TL, IV, 4, col. 717 C=D; TL, VI, 2, col. 724B=C; VI, 8, col. 724B.

²⁹ TL, V, 2, col. 717B.

Вероятно, наличие этих новых, не связанных со «Стратегиконом» идей позволило А. Дэну выделить V главу трактата и поставить вопрос о ее дополнительных источниках. Интересно отметить, что позиция А. Дэна претерпела изменения: если в 1937 г. он вообще обошел вопрос о возможной самостоятельности Льва при написании V главы, то в последней работе он говорит о том, что в данном случае Лев мог заменить недостающий письменный источник «апелляцией к своим мыслям, вернее к своей начитанности»³⁰.

Последнее предположение представляется нам более вероятным. В этом случае становится понятной особая манера изложения материала в этой главе, когда Лев дважды³¹ ссылается на возможные упущения по забывчивости. Такие скрытые сетования на недостатки человеческой памяти были бы необъяснимы для человека, располагающего письменным источником.

Косвенным доказательством отсутствия у Льва дополнительного письменного источника при работе над V главой является, на наш взгляд, и весьма скромный объем этой главы, одной из самых кратких в трактате. Писательский метод Льва достаточно хорошо известен, и мы можем предполагать, что, если бы он имел под руками письменный источник, факты и идеи которого соответствовали его эпохе, он бы не замедлил изложить этот источник весьма близко к тексту. Но, будучи образцом византийского эрудита, преклоняющегося перед авторитетом написанного слова, Лев был весьма щепетилен в отношении собственного стиля. При изложении своих идей Лев всегда проявлял максимум осторожности и еще больший максимум краткости — даже в ущерб ясности вопроса.

В качестве дополнения — еще один штрих. Именно в V и XIX главах трактата Лев упоминает особый вид оружия, который был в употреблении в его время, но еще не был известен автору «Стратегикона». Мы имеем в виду так называемый «греческий огонь». Знаменательно, что он упоминается именно в этих (и только в этих!), наиболее независимых главах трактата. Очевидно, отступив от текста «Стратегикона» в главном — в идее, Лев позволил себе отступления и в некоторых деталях фактического характера.

Отмеченные главы составляют небольшую часть сочинения Льва. Основой его трактата послужил «Стратегикон», и зависимость Льва от сочинения своего отдаленного предшественника не может вызвать ни малейших сомнений. Основная дискуссия, не прекратившаяся до наших дней, развернулась по другому вопросу: является ли сочинение Льва только копией «Стратегикона» или же его сознательной и целенаправленной переработкой?

Отсутствие специальных исследований по вопросу о соотношении «Тактики» и «Стратегикона» затрудняет преодоление того скептического и настроенного отношения к «Тактике», которое еще господствует в литературе. Реабилитация столь крупного и богатого по содержанию источника, каким является «Тактика», способствовала бы более глубокому и всестороннему пониманию специфики раннефеодального периода византийской истории.

ЗАДАЧИ И СТРУКТУРА «ТАКТИКИ ЛЬВА»

Следуя установившейся в византийской военной литературе традиции, Лев предваряет свой трактат введением, где формулирует свою задачу — на основании предшествующих военно-научных и исторических трудов собрать воедино все то, что в его время применимо и практически необходимо³². Следовательно, Лев имел в виду создать такое военное руководство,

³⁰ A. Dain. Les stratégistes byzantins, p. 356.

³¹ TL, V, 12, col. 720D; V, 14, col. 721A.

³² TL, Προοίμιον, col. 676.

какие, по сообщению Константина Багрянородного, имели византийские императоры в своих походных библиотеках во время военных экспедиций ³³.

Если автор «Стратегикона», излагая весь свой практический боевой опыт, создает произведение лишь узкоприкладного характера, то Лев придает своей «Тактике» более общий тон. Не лишая свои сведения практического характера, он стремится дать им теоретическое обоснование. Не ограничиваясь позитивным изложением основ военной науки, Лев делает сильный акцент на воссоздании идеальной картины практической реализации этих основ в условиях боевой действительности. На протяжении всего повествования Лев не только дает описание конкретного элемента военной науки, но и вскрывает причины именно такого, а не иного его состояния. Вместе с тем, рисуя идеальную картину вооружения воина, отдельный тактический прием, конкретный принцип осады или обороны города и т. д., автор «Тактики» предоставляет полководцу широкую инициативу в выборе методов и способов достижения этого идеала в зависимости от требований места, времени и «природы вещей».

В отличие от автора «Стратегикона», который не придерживался четкого плана при составлении своего труда, Лев излагает свой предмет достаточно последовательно. Подражая лучшим образцам военно-теоретической литературы, Лев начинает трактат с изложения некоторых общих принципов, давая определения и раскрывая содержание понятий тактики, стратегии и т. д. В конце I главы он переходит к характеристике стратига, продолжая ее на всем протяжении II главы. В III главе речь идет о военном совете при полководце. Далее следует ряд глав, раскрывающих структуру, состав, вооружение воинских подразделений, способы их обучения, порядок совершения маршей; отдельно рассматривается об обзоре и лагерьном устройстве (главы IV—XI). Покончив с этим, Лев дает серию глав, посвященных непосредственно военным действиям, — подготовке к войне, ведению ее, использованию ее последствий (главы XII—XVII). Сюда же примыкают глава XVIII, рассказывающая о военных обычаях соседних с Византией народов, а также глава XIX, посвященная войне на море. Глава XX является итоговой, суммирующей основные мысли автора. Трактат заканчивается развернутым эпилогом ³⁴.

Как мы видим, структура трактата отличается четкостью. Логичность и строгая последовательность позволяют автору уклоняться от повторов, неизбежных при ином способе изложения, повторов, которыми так полон «Стратегикон». Такой план трактата Льва не является, очевидно, возникшим случайно, но выработан автором сознательно. Известно, что созданию «Тактики» предшествовала работа Льва над «Проблемами» — самым ранним его сочинением в жанре военной литературы. «Проблемы» представляют собою своеобразный катехизис по военному делу, где ответы на поставленные вопросы текстуально воспроизводят соответствующие разделы «Стратегикона». Первый издатель этого сочинения А. Дэн ³⁵ подчеркнул, что во всей византийской военной традиции не имеется больше памятников подобного рода. Работа над «Проблемами» способствовала тому, что Лев глубоко изучил «Стратегикон», положенный им впоследствии в основу «Тактики». Он великолепно ориентировался как в сочинении своего предшественника, так и в своем собственном труде, громадном по объему; об этом свидетельствуют его многочисленные замечания типа «как уже сказано выше», «как будет сказано ниже» и т. д., а также частые отсылки чи-

³³ *Constantini Porphyrogeniti imperatoris de cerimoniis aulae Byzantinae libri duo*, rec. I. I. Reiske, I. Bonnae, 1829, p. 467.

³⁴ Такова окончательная структура трактата, известная по рукописям Vindobonensis phil. gr. 275 и Parisinus gr. 1385. О наличии более раннего варианта плана, отраженного в рукописи Laurentianus LV-4, см.: А. Дэн. *Les stratégistes byzantins*, p. 355.

³⁵ А. Дэн. *Leontis VI Sapientis Problemata*. Paris, 1935.

тателя к той или иной главе ³⁶. Единственное крупное повторение автору трактата пришлось допустить в главе XIV, где многие описания боя совпадают с описаниями воинских упражнений, о которых рассказывалось в главе VII. Впрочем, на эти повторения Лев идет сознательно: он использует этот факт для того, чтобы лишний раз подчеркнуть чрезвычайную важность воинских упражнений в условиях максимальной приближенности к особенностям войны ³⁷. Кроме того, часть материала главы V повторяется в главе VI.

При переходе от одной главы к другой Лев обычно подводит итог предыдущему материалу и сообщает содержание очередной главы. Такая система «перекидных мостиков» также выгодно отличает трактат Льва от «Стратегикона», автор которого вовсе не затрудняет себя стремлением изложить материал последовательно и компактно. Лев проявляет себя способным к более четкой и последовательной компоновке материала и поэтому счастливо избегает многих недостатков «Стратегикона».

СПОСОБЫ ПЕРЕРАБОТКИ ЛЬВОМ СВЕДЕНИЙ «СТРАТЕГИКОНА»

Уже первого взгляда на сравниваемые источники достаточно для вывода о том, что объем «Тактики» более чем в 2 раза превышает объем «Стратегикона». Возникает вопрос о причинах этого явления.

По замечанию А. Дона ³⁸, текст парафразы всегда больше своего оригинала — это вполне нормальное явление. Было бы трудно, однако, ожидать, что только в этом заключается причина увеличения объема «Тактики». На основании собственных подсчетов мы приходим к выводу, что объем «Тактики» по сравнению с оригиналом возрастает за счет парафразы в незначительной степени — этот прирост составляет в целом по трактату максимум 30% текста.

Другим теоретически возможным способом увеличения трактата может явиться введение в него нового фактического материала, отсутствовавшего в оригинале, иллюстрирующего общие положения военной науки практикой конкретных военных экспедиций. Однако анализ содержания «Тактики» свидетельствует, что Лев не шел этим путем. Крайняя скупость Льва на исторические примеры, факты и параллели давно подмечена исследователями ³⁹. Следовательно, и не в увлечении фактическим материалом заключается главная причина возрастания объема «Тактики» по сравнению со «Стратегиконом».

Эта причина состоит в существенном отличии «Тактики» от «Стратегикона» по содержанию. Взяв за основу своего сочинения сведения «Стратегикона», Лев отнесся к ним весьма осмотрительно, переосмыслил и переработав их в трех основных аспектах. Во-первых, он совершенно изменил план «Стратегикона», порядок изложения его материала, разработав более четкую и стройную структуру своего сочинения. Во-вторых, он критически переосмыслил сведения своего предшественника и либо опустил полностью целый ряд устаревших положений, либо детализировал и уточ-

³⁶ TL, XII, 125, col. 840D; IX, 4, col. 768D; XIV, 93, col. 877C; XVII, 63, col. 929A; XVII, 70, col. 932A и т. д.

³⁷ TL, XIV, 73, col. 872D—873A.

³⁸ A. Dain. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos, p. 44.

³⁹ См., например: Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 402. Кроме Василия I и Никифора Фоки (Старшего), упоминания конкретных исторических лиц и событий у Льва буквально единичны. Так, при описании вооружения пехоты Лев упоминает Александра Македонского, а также македонскую фалангу и длинное копье, которым были вооружены ее воины (TL, VI, 34, 37, 39, col. 732—733). Рассказывая об организации внезапного ночного нападения, Лев упоминает один из эпизодов войны Ираклия с аварами (TL, XVII, 18, col. 917B). Кроме того, ряд исторических фактов изложен в XVIII главе, что объясняется самим ее характером.

нил те из них, которые продолжали иметь силу. В-третьих, — и это самое главное — Лев ввел в свой трактат много нового материала, отсутствовавшего в «Стратегиконе», материала, характеризующего современную Льву действительность. Изменившееся содержание повлекло за собой и изменение объема трактата. Буквальные заимствования из «Стратегикона» составляют меньшую часть «Тактики»; основная масса материала так или иначе перерабатывается.

Очень часто материал «Стратегикона» подвергается *стилистической правке*. Местами Лев стремится избежать некоторых высокопарных или неуклюжих выражений автора «Стратегикона», в других случаях изменяет и уточняет его терминологию. Внимательно сравнивая главу XVIII «Тактики» и аналогичную ей книгу XI «Стратегикона», где речь идет об обычаях соседних с Византией народов, Д. Моравчик⁴⁰ отметил, что эта стилистическая правка является свидетельством стремления Льва приспособить материал «Стратегикона» к потребностям своего времени.

Исключение устаревших сведений Псевдо-Маврикия и его исторических сравнений — другой метод переработки Львом материала «Стратегикона». Наиболее часто опускаются сведения о народах, сообщаемые автором «Стратегикона» в качестве справочного материала. Так, мы не находим у Льва упоминания Псевдо-Маврикия об аvaraх⁴¹, «турках»⁴², персах и римлянах⁴³, скифах⁴⁴ и т. д. Упоминание этих народов было бы явным анахронизмом для рубежа IX—X вв. Столь глубокие исторические аналогии не входили в задачу Льва, ибо они ничего не говорили современному ему читателю. Поэтому Лев, сохраняя основной смысл своего источника, вполне безболезненно опускает ничего не говорящие детали.

Многочисленные *дополнения и уточнения* характеризуют третий путь переработки Львом трактата своего предшественника. Так, отрывки VI, 4—5 (col. 724 A) и VI, 11 (col. 724 C) не имеют прямых аналогий в «Стратегиконе». Рассказывая о снаряжении кавалерии, Лев добавляет описание особых подвесок, прикрывающих животы лошадей⁴⁵. Заботясь о компактном изложении материала, Лев вводит в свою IV главу характеристику мандаторов, лохагов, секундов и эпистатов, урагов, энедров и нотофилаков⁴⁶, сведения о которых отсутствуют в 3-й главе I книги «Стратегикона». Многие краткие и брошенные вскользь замечания своего предшественника Лев снабжает развернутыми характеристиками. Так, он подробно обосновывает необходимость построения молодых воинов вперемежку с ветеранами⁴⁷. Так же более развернуто и детально представлены материалы 1-й главы II книги «Стратегикона» в главе XII «Тактики»; при этом отрывки XII, 14, 20, 24 являются вставками, не имеющими прямых аналогий в «Стратегиконе».

ЭЛЕМЕНТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В «ТАКТИКЕ» И ЕГО ПРИЧИНЫ

Представляет большой интерес выявление самостоятельных, независимых от «Стратегикона» мест трактата Льва. Наличие таких мест в трактате — лучшее опровержение высказанных исследователями обвинений Льва в крайней несамостоятельности и слепой зависимости от текста своего источника.

⁴⁰ Gy. Moravcsik. La Tactique de Léon le Sage comme source historique hongroise. — «Acta historica Academiae Scientiarum Hungaricae», I, 1952, p. 161—184.

⁴¹ Strategicon, I, 2, p. 21; cp. TL, V, 4, col. 717 C-D.

⁴² Strategicon, I, 2, p. 24.

⁴³ Ibid., II, 1, p. 47.

⁴⁴ Ibid., p. 49.

⁴⁵ TL, VI, 8, col. 724 B; cp. Strategicon, I, 2, p. 22.

⁴⁶ TL, IV, 16, 17—19, 27—28, col. 704.

⁴⁷ Strategicon, I, 5, p. 33; TL, IV, 40, col. 708 B-C.

Выше нами уже были отмечены отдельные главы и пассажи «Тактики», не связанные со «Стратегиконном». При характеристике V главы этого трактата мы имели возможность видеть, что новые, оригинальные идеи сохраняют в изложении Льва старую словесную форму. Эта черта является характерной для трактата в целом. Поэтому, говоря о том новом, что отличает «Тактику» от «Стратегикона», мы будем вести речь именно о *новых идеях*; что же касается формы их изложения, их словесной оболочки, то она, как правило, заимствуется Львом у Псевдо-Маврикия.

Прежде всего следует подчеркнуть, что все новые идеи рождены существованием фемного строя⁴⁸, ибо Лев был современником этого особого периода в организации вооруженных сил раннефеодальной Византии. Рассматриваемый нами трактат дает наиболее полное и детальное отражение фемных порядков, сообщая ценные сведения о принципах набора фемной армии, о ее социальном и национальном составе, о численности фемного войска, о структуре аппарата фемной администрации, о правах, обязанностях и привилегиях стратиготов и т. д. Многие из этих сведений являются уникальными, ибо не имеют аналогий в других памятниках византийской военной литературы. Подтверждение их в источниках другого характера не оставляет сомнений в достоверности этих известий.

Сущность фемной военной организации рисуется в «Тактике Льва» в следующих основных чертах.

Трактат свидетельствует о том, что обязанность военной службы была возложена на особую категорию свободного земледельческого населения (стратиотов), проживающего в пределах данной фемы и владеющего земельным участком или имуществом определенной ценности. Стратиотские участки, как и другие земли в империи, не были освобождены от обязательного поземельного обложения и, вероятно, аэрикона⁴⁹. Никаких других денежных налогов стратиоты не выплачивали⁵⁰. При мобилизации стратиота в его хозяйстве должны были оставаться другие лица, способные обрабатывать землю и снабжать воина всем необходимым⁵¹. Стратиоты выступали в поход, окруженные родственниками, домашними и слугами, а в строю старались расположиться родовыми группами. Связь между стратиотами, обусловленная поземельно-родовыми отношениями, продолжалась и на войне. Система воинских участков вносила в военную организацию черты родового и общинного быта, не зафиксированные в «Стратегиконе», и автор «Тактики» рекомендует стратигу использовать это обстоятельство с целью укрепления дисциплины и боеспособности армии⁵².

В «Тактике» находит свое отражение рекомендация, известная нам из других нарративных источников: после похода, распределив среди воинов захваченную добычу, стратиг отпускал воинов по домам до следующей весны⁵³.

Высказанная в «Стратегиконе» в общем виде мысль о том, что не следует собирать большое войско в одном месте, если отсутствует угроза непосредственной опасности со стороны врага⁵⁴, получает в изложении Льва законченное обоснование. Воспользовавшись предложением, Лев объясняет стратигу опасность длительного пребывания войска в собственной земле и предлагает поспешить с вторжением на вражескую территорию. Если такой возможности не имеется, нужно не допустить, чтобы войско было праз-

⁴⁸ То важнейшее обстоятельство, что Лев знает фемный строй, было впервые (но только в общей форме) подчеркнуто Р. Вари (*R. Vari. Zur Überlieferung mittelgriechischen Taktiker*, S. 75).

⁴⁹ TL, XX, 71, col. 1032 C.

⁵⁰ TL, IV, 1, col. 700 A.

⁵¹ Ibidem.

⁵² TL, IV, 39, col. 708 B.

⁵³ TL, XVI, 45, col. 809 C-D.

⁵⁴ Strategicon, I, 9, p. 40.

дным, а для этого следует организовать регулярные воинские учения⁵⁵. Бездеятельность воинов, по мнению Льва, может оказать на них пагубное влияние и явиться причиной неповиновения и даже мятежа⁵⁶.

Вопросу о воинских упражнениях автор «Тактики» уделяет специальную главу (глава VII) и неоднократно возвращается к этой теме на протяжении всего повествования. Круг военных навыков, которым обучали стратиотов, наглядно демонстрирует невоенный характер их основных занятий в мирное время. Нарративные источники того времени рисуют нам картины воинских учений, совпадающие с этими рекомендациями⁵⁷.

Будучи призванным на военную службу, стратиот был обязан экипироваться за свой счет. Если он это не сделал заблаговременно, ему предоставлялась дополнительная возможность обзавестись всем необходимым непосредственно перед походом. Для этого стратиг обязан позаботиться о том, чтобы к месту стоянки войска были доставлены для продажи лошади и военное снаряжение⁵⁸. В войске следует иметь ремесленников различных специальностей, в частности кузнецов и мастеров по обработке металла⁵⁹, способных прямо на месте организовать выделку наиболее простых элементов вооружения, снаряжения и средств транспортировки.

Фемная сухопутная армия Византии делилась на два основных рода войск — пехоту и кавалерию. В «Тактике» упоминается, как правило, войско смешанное, состоящее из конных и пехотных подразделений⁶⁰.

Представляют интерес данные о численности конных подразделений, отличающиеся от сведений «Стратегикона». Лев определяет численность конного войска одной фемы в 4 тысячи человек и такой отряд считает нормальной боевой единицей⁶¹. Однако в некоторых случаях рекомендуется выставить войско в 12 тыс человек, т. е. армию трех фем⁶². Лев признает армию в 5—12 тыс. человек вполне достаточной для борьбы с неприятелем⁶³.

Что касается пехоты, то здесь цифры Льва крайне неопределенны. В одном месте⁶⁴ он указывает на 24 тысячи пехотинцев как на максимум пешего войска.

Чрезвычайно ценными являются сведения Льва о структуре и численности фемной военной администрации.

Высшая военная власть в государстве принадлежала императору⁶⁵. Верховный военачальник фемной армии, именуемый стратигом, обязан следовать распоряжениям императора.

Термин «стратиг» употребляется в трактате в двух основных значениях⁶⁶. С одной стороны, стратиг есть высшее должностное лицо фемы, глава ее военной и гражданской администрации⁶⁷. С другой стороны,

⁵⁵ TL, IX, 1—2, 4, col. 768.

⁵⁶ TL, IX, 3, col. 768 C-D.

⁵⁷ Особенно много таких описаний у Льва Дьякона в его «Истории» (*Leonis diaconi Caloensis historiae libri decem*. . . e rec. C. B. Nasii. Bonnae, 1828, III, 1, p. 36; V, 2, p. 78; VII, 9, p. 127 и др.).

⁵⁸ TL, VI, 23, col. 725 D-727 A.

⁵⁹ TL, V, 7, col. 720 A-B.

⁶⁰ Насколько нам известно, упоминание TL, IX, 58, col. 781 D о вторжении во вражескую страну исключительно пешего войска является единичным; здесь говорится об особых условиях местности, когда применение кавалерии нецелесообразно. В других местах, где упоминается только пешее войско (VII, 78, col. 757 C; XI, 15, col. 796 C-D), речь идет о временном разделении конницы и пехоты в связи с особыми обстоятельствами войнч.

⁶¹ TL, XVIII, 143, col. 981—984.

⁶² TL, XVIII, 150, col. 988 B.

⁶³ TL, XII, 32, col. 816 A.

⁶⁴ TL, IV, 67, col. 713 D.

⁶⁵ TL, I, 9, col. 680 D; IV, 7, 8, col. 701 B-C.

⁶⁶ Э. Гликаци-Арвейлер (*Recherches sur l'administration de l'Empire byzantine aux IX—XI siècles*. Paris, 1960, p. 36) не учитывает двойного смысла этого термина, что приводит исследовательницу к ошибочным выводам о субординации его (стратига) подчиненных.

⁶⁷ TL I, 10, col. 680 D; 14, col. 681 A.

термин «стратиг» прилагается к главнокомандующему вооруженными силами империи на случай войны⁶⁸. Зачастую эти оба звания совмещались в одном лице: глава фемы становился главой войска в определенных условиях военной кампании. Однако могли быть и несовпадения. На высший военный пост мог быть назначен не обязательно генерал-губернатор фемы, а кто-либо из числа императорских приближенных — нарративные источники неоднократно указывают на такие случаи. В свою очередь главнокомандующий не обязательно имел звание стратига⁶⁹.

Требованиям, предъявляемым к стратигу (в данном случае речь идет не о генерал-губернаторе фемы, а о главнокомандующем), Лев отводит специальную большую главу⁷⁰.

В подчинении стратига находились мерархи (турмархи), назначаемые на должность императорским распоряжением⁷¹. Далее следуют друнгарии, комиты и кентархи, образующие разряд средних архонтов. Декархи, пентархи и тетрархи относятся к числу младших архонтов.

При назначении на архонтские должности Лев рекомендует учитывать способности, опыт, личные достоинства, благонадежность и — что является самым важным — благородство и материальное положение⁷².

На фемное конное войско средней численности (4 тысячи человек) полагался следующий штат архонтов: 1 стратиг, 2 турмарха, 4 друнгария, 20 комитов, 40 кентархов, 80 пентеконтархов, 400 декархов, 800 пентархов — итого 1347 архонтов⁷³.

Офицерский состав войска был непостоянным. Назначение на должность производилось только на время данной кампании, и исполнение ее прекращалось с концом войны⁷⁴.

Кроме армейских должностей, ценно упоминание Львом основных должностных лиц фемной канцелярии (комит когорты, доместик фемы, протонотарий, хартуларий), названных автором трактата помощниками стратига по экспедиции. При этом специально подчеркнуты широкие судебные полномочия претора и его право непосредственной апелляции к императору⁷⁵.

Тактические воззрения Льва пахоятся под воздействием оборонительных тенденций, господствовавших в военной доктрине византийцев на рубеже IX—X вв.⁷⁶ Этим они заметно отличаются от воззрений автора «Стратегикона». Серьезная внешнеполитическая обстановка, в которой находилась империя, заставила правительство отказаться от широкой военной экспансии и уделить больше внимания сохранению боеспособности армии. Кроме того, правительство было вынуждено проявлять большую заботу о сохранении своей армии с тех пор, как в ней стал преобладать национальный элемент. Неоправданные людские потери могли нанести ущерб экономике империи, так как в период мирного времени стратиотское сословие было значительной экономической силой⁷⁷. В «Тактике» уже содержится мысль, получившая свое развитие в аграрном законодательстве Македонской династии, о том, что сословия воинов и земледельцев суть наиболее важные группы населения в государстве и именно о них в первую

⁶⁸ TL, I, 9, col. 680 D; IV, 7, col. 701 C.

⁶⁹ См. об этом: R. Guiland. *Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Les termes désignant le commandant en chef des armées byzantines.* — *ΕΕΒΣ*, *ἔτος χθ'*, 1959, σελ. 35—77.

⁷⁰ См.: В. В. Кучма. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва». — *АДСВ*, вып. 3, 1965.

⁷¹ TL, IV, 43, col. 708 D.

⁷² TL, IV, 3, col. 700 B-C.

⁷³ TL, XVIII, 149, col. 988 A-B.

⁷⁴ См.: Ю. Кулаковский. Друг и друнгарий. — *ВВ*, IX, 1902.

⁷⁵ TL, IV, 30—31, col. 705 A-B.

⁷⁶ См. об этом: В. В. Кучма. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва», стр. 103 сл.

⁷⁷ TL, IV, 1, col. 697 D-700A; XX, 71, col. 1032 C.

очередь должно проявлять заботу правительство ⁷⁸. Лев настойчиво подчеркивает общность интересов стратиотов и земледельцев и выражает намерение строго соблюдать эти интересы ⁷⁹.

Строго говоря, византийская армия не являлась «национальной» в том смысле слова, ибо формировалась из представителей различных национальностей, проживающих на территории империи. Многонациональный состав населения был фактом, с которым правительство не могло не считаться. «Тактика Льва» не делает намеков на предпочтение одних национальностей в ущерб интересам других. Она повсюду говорит о стратиотах в целом, хотя и содержит некоторые косвенные указания на то, что в армии имелись представители различных национальностей, в том числе и тех, с которыми могла вестись война ⁸⁰.

Уделяя большое внимание вопросам религиозного воспитания воинов ⁸¹, автор «Тактики» вместе с тем далек от мысли насаждать в армии религиозный фанатизм, ненависть к «инаковерующим». В конечном итоге эта тенденция объясняется теми же особенностями человеческого материала, с которыми имели дело военные теоретики и практики. Следствием многонационального характера государства была известная веротерпимость, особенно заметная в сравнении с религиозной политикой соседей и позднейших противников Византии. Поэтому религиозная пропаганда в византийской армии не составляла основу идеологического воспитания, но являлась лишь его составным элементом.

Таким образом, «Тактика Льва» дает нам достаточно ясное представление о фемной военной организации. Естественно, что мы не можем воссоздать полную и всестороннюю картину этой организации на основании *только одних* сведений «Тактики», поскольку Лев обращался к своему современнику и вовсе не ставил своей задачей ее детальное обоснование. В условиях, когда фемная военная организация была обычным, повседневным фактором, Лев и не мог писать иначе, напротив, сугубая внимательность Льва к проблемам фемного строя была бы необъяснимой и настораживающей. Поэтому известия Льва о фемном строе приобретают значительную ценность лишь при сопоставлении с аналогичными сведениями других источников. В процессе этого сравнения представляется возможным выявить целый ряд уникальных сообщений, содержащихся в трактате.

Важно отметить, что Лев не только констатирует наличие фемных порядков, но и дает важные указания о *степени их развития*. Им зафиксировано начало широкой экономической экспансии фемных архонтов против имущества и личности рядовых стратиотов ⁸², с которой императоры Македонской династии пытались безуспешно бороться в течение последующих десятилетий. «Тактика», говоря о бедных стратиотах, не имеющих средств на экипировку, отмечает экономический упадок значительной части стратиотских хозяйств. Одновременно сказано о праве богатых жителей фемы откупиться от военной службы, снарядив вместо себя на свои средства другого конного стратиота из числа обедневших ⁸³. Отмечены и другие процессы, подрывающие основы фемного строя. Укрепляющая свои позиции военно-служилая знать усиленно выдвигается на руководящие посты в армии, и Лев вполне определенно высказывается в пользу назначения на архонтские должности людей богатых, способных использовать свое материальное положение для укрепления влияния на стратиотов ⁸⁴.

⁷⁸ TL, XI, 11, col. 794 D-796 A.

⁷⁹ TL, IX, 15, col. 772 B.

⁸⁰ TL, XIII, 5, col. 844 D.

⁸¹ TL, XII, 5; XIII, 1; XIV, 1; XVI, 2 и т. д.

⁸² TL, XIII, 26, col. 768 A-B.

⁸³ TL, XX, 205, col. 1069 A-B.

⁸⁴ TL, IV, 3, col. 700 B-C.

Растет роль военного совета при полководце, состоящего из представителей династического сословия⁸⁵.

Следовательно, «Тактика Льва» является документом особого, высшего этапа в развитии фемного строя, когда все его институты получают окончательное завершение и когда уже начинают проявляться симптомы его приближающегося упадка.

Вместе с тем следует со всей определенностью подчеркнуть, что зафиксированная в «Тактике» ступень развития византийской военной организации не дает оснований характеризовать армию IX—X вв. как армию феодального типа. Зарождающиеся в армии феодальные институты пока не наложили существенного отпечатка на ее облик, и по своему характеру эта армия еще соответствует основным принципам фемного строя.

ПРИЧИНЫ ЗАВИСИМОСТИ «ТАКТИКИ ЛЬВА» ОТ «СТРАТЕГИКОНА»

Как объяснить тот факт, что именно «Стратегикон» был использован Львом в качестве основы его сочинения? Конечно, немаловажным является обстоятельство наибольшей близости времени создания «Стратегикона» к периоду жизни Льва. Как известно, в цепи византийской военной традиции имеется длительный перерыв между «Стратегиконом» (рубеж VI—VII вв.) и «Тактикой» (рубеж IX—X вв.). Приступая к созданию своего труда и занявшись поисками письменных источников, Лев вполне естественно обратил свое внимание на самое последнее, «новое» произведение подобного рода. Однако главная причина тесной зависимости «Тактики» от «Стратегикона» заключается в том, что оба эти трактата отражают сущность одного и того же хронологически длительного этапа в развитии византийской военной организации — сущность военной организации периода фемного строя. Разумеется, о сколько-нибудь отчетливом оформлении фемных институтов на рубеже VI—VII вв. говорить не приходится. Фемный строй в это время только начинает складываться. Однако армия, с которой имел дело автор «Стратегикона», уже приобрела специфический облик иррегулярного народного ополчения, т. е. тот облик, который она сохраняла в течение всего периода существования фемного строя.

На протяжении трех столетий, разделяющих трактаты, материальная основа византийских вооруженных сил не претерпела существенных изменений. Автор «Стратегикона» и автор «Тактики» были в известном смысле слова современниками, ибо имели дело почти с одними и теми же исходными данными, какими были материально-техническая база и характер людских ресурсов византийского войска. Именно на этой почве выросло то общее, что объединяет оба трактата.

Однако их авторы были очевидцами полярно противоположных ступеней развития фемного строя. Если автор «Стратегикона» стоял у истоков этой организации, то Лев был свидетелем ее полного и логического завершения. Отсюда те существенные различия, которые имеются в рассматриваемых трактатах.

Длительное господство фемных порядков привело к консервации вооруженных сил Византии. Между «Стратегиконом» и «Тактикой» имеется длительный *хронологический* перерыв. Но между этими трактатами не ощущается сколько-нибудь значительного *логического* перерыва. За этот период существенных изменений в военной организации раннефеодальной Византии не произошло, и пока была неизменной социально-экономическая основа фемной организации, вооруженные силы империи могли строиться на принципах, заложенных «Стратегиконом».

⁸⁵ В трактате Льва совету посвящена специальная глава (глава III), много говорится о нем и в других главах. В «Стратегиконе» упоминания о совете имеют эпизодический характер (Strategicon, VII, 9, p. 142; VIII, 5, p. 185).

М. С А Л Я М О Н

К ВОПРОСУ О ДАТЕ ГЛАВНОГО СРАЖЕНИЯ
РУССКИХ С ГРЕКАМИ В ИЮЛЕ 1043 Г.

В XXIX томе «Византийского временника» опубликована статья Г. Г. Литаврина о хронологии русского похода на Византию в 1043 г.¹, дающая прочное основание для дальнейших изысканий в этой области. Г. Г. Литаврин пришел к выводу, что главное морское сражение русских с греками во время этого похода произошло в одно из воскресений июля 1043 г.: 10, 17 или 24. Представляется соблазнительной задача определить точнее, в какой из этих трех дней состоялась битва, и, кажется, есть некоторые данные, оправдывающие такую попытку.

Слова Пселла о том, что царский флот приблизился к месту сражения βραχὺ τι ἄνωθεν², «немного ранее (наступления дня)», можно понимать в том смысле, что это передвижение произошло в последнюю часть ночи, под покровом сумерек, так как русские не заметили этого и не приготовились к борьбе. Лишь утром, когда император «открыто провозгласил морскую войну», русские начали сосредоточиваться, «поднимаясь, как будто из лагеря» (ἄσπερ ἀπὸ στρατοπέδου καὶ χάρακος)³. В подобном же смысле слово «ἄνωθεν» Пселл употребляет и несколько далее: ἡλλάζζόν τε ἄνωθεν οἱ λογχοφόροι⁴.

Однако в ночь перед сражением небо не было закрыто тучами, они появились только на следующий день, что специально отметил Пселл⁵. Следовательно, причиной мрака, позволившего византийскому флоту скрытно подойти к русским, была не пасмурная ночь, а отсутствие луны. Точно так же, пользуясь безлунной ночью (νύκτα φυλαξάμενος ἀσέληνον)⁶, поступил в 971 г. Святослав, ладьи которого пробрались мимо византийской стражи для пополнения продовольственных запасов.

В 1043 г. в ночь на 24 июля было полнолуние, следовательно, этот день как возможную дату битвы нужно исключить. Напротив, ночи на 10 (новолуние) и 17 июля (первая четверть луны) представляются вполне возможными датами.

Согласно русским и некоторым византийским свидетельствам, главной причиной поражения русских была буря⁷. Ее внезапность в это время

¹ Г. Г. Литаврин. Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г. — ВВ, XXIX, 1969, стр. 105—107.

² Michel Psellos. Chronographie, ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077), texte établi et traduit par E. Renaud, II. Paris, 1928 (далее — Psellos), p. 10; досл.: «немного раньше, ночью притаились в том же заливе. . .»

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 11, ср. (Sathas), p. 107.22, 124.15, 232.1 и др.; βραχὺ τι чаще всего определяет у Пселла место.

⁵ Ibidem.

⁶ Joannis Zonarae Historiarum libri XIII—XVIII. Bonnae, 1897, p. 99; Georgius Cedrenus Joannis Scylitzae ope, II. Bonnae, 1839, p. 402, 554—555.

⁷ См. ПВЛ, I, стр. 103; II, стр. 378—379; ср. Psellos, II, p. 12; Cedr., II, p. 554—555.

года казалась русским столь удивительной, что они приписали ее божественному вмешательству⁸. Хотя штормы и бури случаются на Черном море главным образом зимой⁹, для византийцев июльский шторм был меньшей неожиданностью.

Во время битвы дул восточный ветер. Действительно, в июле на Босфоре дуют этесий — северо-восточные ветры. Античные авторы говорят о силе этесий и их большом значении в навигации. Все они согласно пишут о том, что начало этесий совпадает с ранним восходом Сириуса (Пса) — *σείριος* или *κυνός ἐπιτολή*¹⁰ и атмосферные возмущения, возникающие следом, особенно чувствительны на Босфоре¹¹. Об этом совпадении перемены погоды и космических явлений не забыли греки и в XI в. Анна Комнина пишет, что буря, разбившая корабли Роберта Гвискара близ Диррахия, произошла «в период, именуемый «Восходом Пса», когда солнце, миновав созвездие Рака, приближалось к созвездию Льва»¹². В 1043 г. этот период приходился на 16—17 июля¹³. Начало его, согласно Аэциу, бывает очень бурным: при «Восходе Пса» *γίνεται μεγίστη τοῦ ἀέρος ταραχή, ἐνίοτε καὶ πρό δόο ἡμερῶν*¹⁴. Таким образом, при учете этих обстоятельств, из двух дат (10 и 17 июля) с большой вероятностью можно исключить первую.

Принятие 17 июля в качестве дня битвы позволяет иначе интерпретировать поведение Константина IX Мономаха накануне сражения. Долго медливший император отправился против русских в ночь с 16 на 17 июля. Византийцам было прекрасно известно, что внезапный шквал гораздо опаснее для легких ладей, которые были у неприятеля, чем для тяжелых судов императорского флота. Но и подступив незаметно к русским, император не использовал фактора внезапности, а выжидал до вечера. Можно предполагать, что он решил начать сражение, лишь увидев, наконец, «великую тучу, которую солнце подняло снизу»¹⁵.

Есть и другие известия, дающие некоторые основания для исключения 10 июля в качестве даты битвы. ибн-ал-Атир датирует русский поход месяцем сафаром 435 г. хиджры¹⁶, точнее говоря, он сообщает о походе, изложив события 434 г. х. и забыв поместить цифру следующего года. В 435 г. х. месяц сафар начинался в сентябре, поэтому Г. Вернадский принял эту дату ибн-ал-Атира как время возвращения Владимира на родину. Однако это предположение произвольно, так как источник датирует сафаром весь поход, а не его завершение.

Попытаемся разобраться в происхождении ошибки ибн-ал-Атира: откуда в его хронике появился месяц сафар? Обратимся к другому восточному источнику — Тарихи Алфи. Г. Вернадский ошибочно приписывает происхождение краткого известия о походе в этом источнике знакомству автора хроники с трудом Ефрема¹⁷. Известия Тарихи Алфи и Ефрема не имеют ничего общего. Напротив, гораздо ближе сходство между сообщениями Тарихи Алфи и Ибн-ал-Атира, отчасти совпада-

⁸ G. Vernadsky. The Byzantine-Russian War of 1043. — «Südost-Forschungen», XII, 1953, p. 49.

⁹ RE, Suppl., Bd. IX, Sp. 948.

¹⁰ RE, VI, Sp. 713—715; RE, 2, Rh, V, Sp. 345.

¹¹ Aristoteles. Annales Historici. Lipsiae, 1907, IX, 15, 600a, 3 sq.; Plinius. Naturalis historia. Cambridge, Mass., 1956, IX, 25.

¹² Анна Комнина. Алексиада. Вступительная статья, перевод и комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965, стр. 139.

¹³ V. Grumel. La chronologie. Paris, 1958, p. 315.

¹⁴ RE, 2 Ph., V, Sp. 345.

¹⁵ Psellos, II, p. 10.

¹⁶ G. Vernadsky. Op. cit., p. 51; Б. Дорн. Каспий. — «Записки имп. АН», 26, 1876, Приложение 1, стр. 46. Несмотря на гипотетичность моего толкования хронологических известий восточных источников, я хочу указать на существующие здесь очень интересные соответствия.

¹⁷ G. Vernadsky. Op. cit., p. 51.

ющими даже буквально. Различаются же они прежде всего датировкой. Хотя сообщение Тарихи Алфи помещено в правильной хронологической последовательности (между 434 и 435 гг. х.), оно неожиданно датировано 454 г. х.¹⁸, что Дорн считал простой ошибкой переписчика (454 вместо нужного 434).

Ибн-ал-Атир, помещая поход, как мы говорили, в том же хронологическом ряду, не приводит самой цифры года («того же года», — стоит у него). По всей вероятности, оба восточных автора использовали в этом месте какой-то общий источник, где дата была написана либо ошибочно, либо нечетко. Более осторожный ибн-ал-Атир не решился ее воспроизвести, а компилятор Тарихи Алфи списал, интерпретировал по-своему. Полагаем, что там был не 454 г. х., а какой-либо другой год, в котором сафар приходился на июль. Здесь играют роль 440—443 гг. х. Видимо, автор этого общего источника неверно переписал или сохранил, переведя на восточное счисление, неверно написанную дату какой-либо греческой хроники, где был правильно указан месяц (июль) и день, но содержалась ошибка в написании индикта или года. Вместо 11 индикта 6551 (1043) г. тут было 1—4 индикты 6556—6559 (1048—1051) гг. Графически наиболее вероятно ошибка в написании индикта 1 (α') вместо 11 (α')¹⁹ (они соответствуют 6556 и 6551 гг.), а в написании самого года — 6556 ($\zeta\phi\nu\zeta'$) вместо 6551 ($\zeta\phi\alpha'$). Действительно, в 6556 г., соответствующем 440 г. х., сафар начинался в июле (с 16.VII по 13.VIII). Мы предполагаем, что эта дата — 440 г. х. (т. е. 1048 г.) и стояла в общем источнике ибн-ал-Атира и Тарихи Алфи. Первый опустил ее, оставив название месяца и не задумавшись, что сафар в 1043 г. начинался не в июле, а в сентябре; второй, будучи персом, у которых с XI в. употреблялись оба вида счисления годов хиджры (лунной и солнечной), перевел 440 г. х., считая его солнечным, в 454 г. лунной хиджры, и этот пересчет сделан совершенно верно²⁰. Тарихи Алфи при этом в свою очередь не задумался над тем, что эта дата выпадает из хронологической последовательности его повествования.

Так, мы полагаем, можно объяснить появление 454 г. х. у этого автора. Если наше предположение верно, то и в этом случае (даже при ошибочном отнесении событий к 1048 г.) сафар как дата событий соответствует не первой, а второй половине июля (с 16 числа). Что же касается того, что ибн-ал-Атир ограничивает все события похода лишь месяцем сафаром (от появления русских у Константинополя до наказания тех из них, которые были взяты в плен), то это едва ли можно признать верным. Скорее всего, он датирует сафаром, начавшимся 16 июля, лишь главные события похода (битва, как мы пытаемся доказать, произошла 17 июля).¹

Еще один аргумент. Согласно известию Скилицы, император вернулся в столицу через два дня после битвы: $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\ \tau\eta\nu\ \tau\omega\nu\ \Sigma\kappa\upsilon\delta\acute{\omega}\nu\ \eta\tau\tau\alpha\nu\ \epsilon\phi'\ \acute{\omicron}\lambda\alpha\varsigma\ \delta\acute{\upsilon}\omicron\ \pi\rho\omicron\sigma\mu\epsilon\iota\nu\alpha\varsigma\ \eta\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$ ²¹. Но поражение русских отнюдь не было полным. Они могли еще угрожать безопасности столицы и соседних районов. Недаром всему византийскому флоту было приказано оставаться у Фароса, а сухопутным войскам — охранять побережье. И византийцы действительно вскоре потерпели чувствительное поражение. Чем же можно объяснить преждевременное, как кажется, возвращение Константина IX во дворец? Его ждали, пишет Атталиат²². На третий день после битвы, т. е. на 20 июля, приходился праздник св. Ильи, и император вместе с частью синклитиков,

¹⁸ Б. Дорн. Указ. соч., стр. 44—46.

¹⁹ Ср. ошибку Кедрина (*Cedr.*, II, 515) — $\iota\nu\delta\iota\chi\tau\acute{\iota}\omega\nu\omicron\varsigma\ \epsilon\iota'$ вместо $\epsilon\iota'$.

²⁰ В. В. Цыбульский. Современные календари. М., 1963, стр. 147—148. Интересно, что 454 г. х. соответствует, так же как 440 г. х., первому индикту. Может быть, здесь ошибка того же рода, что и у ибн-ал-Атира.

²¹ *Cedr.*, II, p. 553.

²² *Michaelis Attaliothae historia*. Bonnae, 1853, p. 21.

участвовавших в экспедиции, совершил в этот день торжественный выход в храм ²³. Весьма чтимый византийцами св. Илья считался повелителем погоды ²⁴, резкая перемена которой на этот раз содействовала победе над русскими.

В июле же не было другого достаточно важного праздника, в торжествах по случаю которого император должен был принять личное участие, кроме праздника св. Ильи, а он приходился в 1043 г. как раз на третий день после воскресенья 17 июля ²⁵.

Таковы наши аргументы в пользу датировки главного морского сражения русских с греками в 1043 г. ²⁶

²³ *J. Mateos*. Le Typicon de la Grande Eglise, I. Roma, 1962, p. 346; *R. Janin*. La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin, III: Les églises et les monastères. Paris, 1953, p. 143—144.

²⁴ Lexicon für Theologie und Kirche, III. Freiburg, 1959, Sp. 809.

²⁵ *J. Mateos*. Op. cit., p. 287.

²⁶ Я особенно обязан Г. Г. Литаврину за любезно оказанную мне помощь при подготовке статьи к печати. Конечно, за все высказанные здесь мнения ответствен лично я.

Я. Н. Л Ю Б А Р С К И Й

ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В «ХРОНОГРАФИИ»
МИХАИЛА ПСЕЛЛА

Редкий медиевист, в той или иной связи упоминавший «Хронографию» Пселла, мог удержаться от восхищения умением писателя рисовать своих героев. Восторги ученых тем сильнее, что мастерство Пселла почти не находит параллелей в византийской литературе до XII в. и его характеристики одинаково далеки как от формальных определений хроник, так и от цветистого эпопеического стандарта. Это заставляло искать аналоги искусству византийца в поэзии Ренессанса или даже более позднего времени, а истоки его творчества находить в эллинистической литературе с ее вниманием к человеческой личности¹.

Однако изумление мастерством писателя как правило не влекло за собой изучения «техники» пселловских характеристик. Такое исследование было не в традициях классического византиноведения, сказывалось, видимо, и вполне обоснованное опасение неосторожной рукой разрушить очарование искусства писателя.

Впервые специальный раздел системе образов Пселла посвятил Е. Рено в большом труде о языке и стиле византийского писателя². Но строгая систематизация, отличающая книгу в целом, в этом разделе сменяется эмоционально-импрессионистическим изложением. Е. Рено говорит о «творческой силе» писателя, о его даре «оживлять предметы и лица», о «зоркости взгляда» и «уверенной руке» в изображении персонажей, приводит много цитат, надежно подкрепляющих его оценки, но никак не раскрывающих сущности пселловского искусства. Единственное наблюдение, приводимое в этой связи, — обыкновение Пселла сначала давать своему герою характеристику «в общих чертах», а затем расширять и дополнять ее рядом деталей³.

Появившаяся спустя 20 лет уже упомянутая статья К. Свободы касается больше собственных взглядов писателя на человеческую личность, чем мастерства Пселла-художника, и содержит справедливые и ценные наблюдения, что, согласно воззрениям автора «Хронографии», человек представляет собой существо сложное и изменчивое, в котором сосуществуют дурные и добрые качества.

¹ См., например: *K. Svoboda. Quelques observations sur la méthode historique de Michel Psellos.* — «Сборник в память на проф. Петр Ников». София, 1940, стр. 388: «Где усвоил Пселл это искусство изображения человека, искусство, которое не раз заставляет нас вспоминать новых поэтов: Марло, Шекспира, Достоевского?» Ср. также: *J. Hussey. Michel Psellus, the Byzantine Historian.* — «Speculum», X, 1935, 1, p. 81.

² *E. Renauld. Etude de la langue et du style de Michel Psellos.* Paris, 1920, p. 505 sq.

³ Подробней об этом см. в нашей статье «О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла». — ВВ, 31, 1971, стр. 30 сл. Эту статью, тесно связанную с настоящей работой, мы часто вынуждены цитировать в дальнейшем.

В то время как специалисты-византилисты только ищут подходы к анализу психологического и художественного мастерства писателя⁴, Пселл — художник и психолог стал предметом особого внимания авторов двух обобщающих трудов, посвященных грандиозной проблеме изображения человека в литературе⁵. В книгах П. Кирна и Г. Миша нет скрупулезности специального исследования, зато сохранена перспектива, возможная только при широком привлечении материала. По сути дела П. Кирн, неоднократно упоминающий Пселла и посвятивший ему специальный очерк в конце книги⁶, почти не делает новых наблюдений⁷. Однако художественные принципы византийского автора прямо или косвенно сопоставляются с позицией античных и средневековых писателей и его творчество как бы включается в круг европейской литературы.

Г. Миш (его фундаментальное исследование специально посвящено истории автобиографии, тем не менее ученого интересуют и общие принципы раскрытия характера) ищет источники представлений Пселла об изменчивости человеческой природы у Плутарха и Полибия и еще дальше, в диалектике Гераклита, а их появление объясняет «бесхарактерностью», «непостоянством» и иными моральными дефектами самого писателя. К оценке психологического и художественного искусства Пселла Миш подходит с точки зрения современного исследователя, не только знакомого с новейшими теориями, но и читавшего Толстого, Достоевского, Кафку и т. д. «Пселл, — пишет ученый, — видит связь внешнепротиворечивых черт героя, но далек от того, чтобы за этой внешней связью увидеть «единую силу, заложенную в персонаже» (S. 804). Дальше Миш более определенно называет эту «силу» «духовно-нравственным ядром личности» (S. 819). Как ни талантлив Пселл, он, по Мишу, разделяет ограниченность других средневековых писателей: феноменальная индивидуализация личности сочетается у него со схематическим изображением ее сущности.

Среди наблюдений и замечаний Миша немало верного и интересного, вряд ли, однако, методологически правильно оценивать средневекового писателя с точки зрения того, в чем он «дотянул,» а в чем «не дотянул» до современного уровня.

* * *

Нетрудно заметить, что разговор об образной системе Пселла исследователи начинают с анализа собственных воззрений писателя. Это не удивительно: взгляды склонного к анализу и самоанализу рационалиста Пселла немало дают для понимания его художественного метода. Причем интересней, как правило, оказываются не пространные рассуждения, касающиеся «метафизики души»⁸, а мимоходом брошенные замечания в связи с характеристикой того или иного персонажа.

⁴ Отдельные интересные наблюдения над художественным методом Пселла содержатся в разделе о литературе «Истории Византии» (т. 2. М., 1967, стр. 379—380).

⁵ P. Kirn. Das Bild des Menschen in der Geschichtsschreibung von Polybios bis Ranko. Göttingen, 1955; G. Misch. Geschichte der Autobiographie, Bd. 3, Hälfte 2 Frankfurt, 1962, S. 760—830.

⁶ P. Kirn. Op. cit., S. 164—174.

⁷ Как и другие авторы, Кирн говорит о «проницательности» и «психологической тонкости» Пселла, о его представлении об изменчивости и сложности характера. Справедливым представляется нам наблюдение автора о том, что в «Хронографии», в отличие от риторической эпопеи, события и поступки героев определяются их характером, который в свою очередь меняется под воздействием внешних событий.

⁸ Теории Пселла о душе излагаются и анализируются в кн.: Ch. Zervos. Un philosophe néoplatonicien du XIe siècle Michel Psellos. Paris, 1920, p. 148 sq.; P. Joannou. Christliche Metaphysik in Byzanz, I. Die Illuminationslehre des Michael Psellos' und Johannes Italos. Ettal, 1956, S. 87 ff. Ср. также: L. Benakis. Michael Psellos Kritik an Aristoteles und seine eigene Lehre zur «Physis»-und «Materie-Form» Problematik. — BZ, 56, 2, 1963, S. 213 ff.

В большинстве случаев Пселл опирается на античные теории от Аристотеля до неоплатоников, а также на сочинения отцов церкви. Насколько приводимые мнения

Искусство психологического проникновения, поражавшее новейших ценителей творчества Пселла, было вполне осознано и, более того, составляло предмет гордости самого писателя. «... Я проник в твою душу и понимаю тебя лучше, чем ты самого себя; хочешь, я коротко представлю, каков ты душой,» — пишет он митрополиту Амасии⁹. «Как никто другой, — похваляется Пселл, — способен я распознавать людей и посредством чувств своих, как сквозь двери, проникать в душу и постигать ее, отраженную в бровях и глазах»¹⁰.

Каковы же общие представления Пселла о человеке и его характере?¹¹.

Явно не без воздействия аристотелевской этики Пселл высказывает суждение, согласно которому в человеке врожденные свойства, составляющие его природу (*φύσις*), сочетаются с благоприобретенными в результате воспитания и жизненной практики (последние образуют его *ἦθος* или *τρόπος*). Так, умерший брат некоего Актуария характеризуется Пселлом отдельно «по природе» и «по нраву», причем специально отмечается, что «один от родителей, другой — от воспитания» (*Bibl. gr.*, V, p. 97)¹².

Наряду с делением человеческих свойств на врожденные и благоприобретенные, Пселл различает в душе человека два начала: разумное (*ἡ λογικὴ φύσις τῆς ψυχῆς*) и неразумное (*τὸ ἀλογον*) (*Bibl. gr.*, IV, p. 331—332). Более подробно эта мысль развивается в письме к Яситу: «Так вот природа наша составлена. Мы представляем собой смешение разумного (*τὶ λόγος ἐστὶ*) и неразумного (*ἀλογία*), причем разумного в нас меньше, чем неразумного. В первом из них — мысль (*διάνοια*, имеется в виду практический ум. — *Я. Л.*), по которой мы существуем, во втором — чувственное восприятие, представление, воображение и большинство мнений (*αἰσθησις, φαντασία, τῆς δόξης τὸ πλεόν*). Из этих свойств (*δυνάμειον*), разумных и неразумных, мы состоим, и никто из нас не является только разумным или только неразумным. Разуму, как господину и царю, необходимо владычество над тем, что ниже его и чем он управляет, как конем и колесницей. Поэтому служат ему органы чувств, восприятие, впечатле-

соответствуют собственным представлениям Пселла, часто остается неясным. К задачам настоящей работы пселловская метафизика души почти не имеет отношения уже хотя бы потому, что вне тела, «сама по себе» (*αὐθόπαρτον*), душа, по Пселлу, вообще лишена каких бы то ни было индивидуальных черт, которые она приобретает, только соединившись с телом.

⁹ *Michaeli Pselli Scripta minora*, vol. II, ed. E. Kurtz, Fr. Drexl. Milano, 1941 (далее — *Scr. min.*), p. 162.

¹⁰ *Scr. min.*, vol. I. Milano, 1936, p. 77; См. также: *Scr. min.*, vol. II, p. 12; *K. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi*, V. Milano, 1876 (далее — *Bibl. gr.*), p. 20.

¹¹ Для обозначения понятия «характер» Пселл пользуется несколькими терминами: *ἦθος, τρόπος, γνώμη, διάθεσις*. Это же значение имеет в ряде случаев и *χαρακτήρ*, перешедшее затем в большинство европейских языков. Было бы чрезвычайно интересно проследить эволюцию этих понятий у византийских авторов. Однако и без специального исследования можно отметить различие в их значениях у Пселла и античных писателей; у последних слова эти чаще всего употребляются для обозначения характера «общего типа», «типического», «нормированного» (ср. словарь Liddell-Scott's s. v. *χαρακτήρ* 4. Type or character (regarded as shared with others) of things or person, rarely of an individual nature). См. об этом: *A. Körte. Charakter — «Hermes»*, 64, 1929; *O. Thimme. Φύσις, τρόπος, ἦθος. Diss...* Quakenbrück. Напротив, словоупотребление Пселла приближается к современному бытовому («Характер — совокупность основных наиболее устойчивых свойств человека, которые проявляются в его действиях и поступках». — БСЭ, т. 46, стр. 66).

Оставляя в стороне другие термины, укажем, что слово *χαρακτήρ* в этом значении используется у Пселла, например: *Michel Psellos. Chronographie, ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077). Texte établi et traduit par E. Renauld*, I. Paris, 1926 (далее — *Chron.*), p. 130; II. Paris, 1928, p. 85; *Scr. min.*, I, p. 207.

¹² Ср. в «Монодии эфесскому митрополиту Никифору»: «Твоя природа уже с ранних лет, как чистая табличка, готовая принять письма прекрасного характера (... ἐγγραφήν χαρακτήρος ἀμείνωνος — *Scr. min.*, I, p. 207). Подробней о «врожденных» достоинствах и недостатках, которые, в отличие от «добродетелей нравственных или политических», свойственны человеку с самого начала, см.: *Chron.*, I, p. 139; ср. также *Chron.*, I, p. 60, где *ἡ φύσις* = τὸ ἐμφυτον ἦθος («врожденный нрав»).

ния и постигающее их смысл мнение, желание внешних благ, благородный и воинственный дух, вождение и прочие проявления наших свойств» (Bibl. gr., V, p. 435—436). Из приведенных слов ясно: помимо разума, Пселл признает в человеке не контролируемую рассудком сферу, в которой наряду с первыми ступенями познания (чувственное восприятие, представление, мнение) объединяется то, что, пользуясь современными определениями, можно было бы назвать областью подсознательного и инстинктивного¹³.

Уже говорилось о настойчивом повторении Пселлом тезиса, согласно которому человеческий характер не является статичным и цельным, а, напротив, подвижен, изменчив и противоречив. В наиболее законченном виде эта мысль выражена в «Хронографии» в связи с рассказом о Константине IX Мономахе¹⁴. Главное свойство характера императора, по Пселлу, — это «соседство противоположностей» (*ἡ τῶν ἐναντίων γειτνίασις*). Ни один из императоров не остается неизменным до конца своих дней: одни из них становятся лучше, другие — хуже. Противоречивость и изменчивость природы, однако, не составляют привилегии одних императоров (последним она свойственна лишь в большей степени, чем обычным людям). Сдвиги в характере происходят под воздействием внешних причин («изменчивое существо человек, особенно если серьезные поводы для изменений находятся вне его». — Chron., II, p. 154). Впрочем, имманентные причины упоминаются Пселлом как нечто само собой разумеющееся¹⁵⁻¹⁶. Представление о человеке как существе противоречивом и изменчивом Пселл с готовностью распространяет и на самого себя.

Можно сказать и больше: подчеркивание в объекте противоположных сторон становится для Пселла чем-то вроде привычной нормы и даже своего рода риторического штампа. Очень многие герои энкомиев, монодий и иных ораторских сочинений представляются писателем как смешение самых разных несовместимых добродетелей и свойств¹⁷. В большинстве этих случаев за обилием антитез нет попытки проникнуть в истинную противоречивость персонажа, и сам «диалектизм» низведен до уровня формального приема. Но как раз эта «формализация» и характерна, она показывает, насколько укоренился в сознании Пселла тот подход к изображению человека, который с известной мерой допущения можно назвать диалектическим.

Как уже говорилось, Г. Миш видит истоки подобных воззрений в античной диалектике, пришедшейся по вкусу бесхарактерному и «испорченному» Пселлу. Думается, однако, что дело не только в античных реминисценциях и в моральной неполноценности самого писателя.

¹³ Сам Пселл признает античное происхождение представлений о «разумной и неразумной части души» (Bibl. gr., IV, p. 354). Эти взгляды, видимо, восходят к стоической этике.

¹⁴ Chron., I, p. 129—131.

¹⁵⁻¹⁶ См.: Scr. min., II, p. 62. «Находясь вне тела, душа недоступна изменению и преобразованию, но, пребывая в теле, обладающем пестрым многообразием, она изменяется и преобразуется не только под воздействием свойственных ей страстей (*τοῖς συμφύτοις παθήμασιν*), но и из-за внешних обстоятельств. Ведь душа занимает среднее положение, ей присущи не только пороки или добродетели, но и противоречивые свойства».

¹⁷ Приведем некоторые примеры. Михаил Дука, по Пселлу, — «смешение противоположностей» (*μίξις τῶν ἐναντίων*), он соединил в себе «высоту и глубину, дарское величие и умеренность» и т. д. (Scr. min., II, p. 42). Кесарь Иоанн Дука соединил несовместимые свойства (*ἄμικτα πράγματα*): «острый ум и скромность, несравненный ум и неподражаемый нрав» (Scr. min., II, p. 66). Обладала «смешением противоположного» (*τὰς τῶν ἐναντίων μίξεις*) и мать Пселла (Bibl. gr., V, p. 15). Ср. характеристики Романа Диогена (Bibl. gr., V, p. 228), Михаила Кирулария (Bibl. gr., IV, p. 378), Константина Мономаха (Bibl. gr., IV, p. 430) и др. «Совмещение несовместимого» в большинстве случаев не только отмечается, но оказывается лейтмотивом всей характеристики. Все примеры заимствованы из ораторских сочинений, отличных по методу от «Хронографии», о которой пойдет речь ниже.

Мышление Пселла, образованнейшего человека своего времени, было без сомнения приучено к всевозможным диалектическим ходам, столь свойственным как неоплатонической философии, так и православной теологии, к объединению которых стремился писатель.

Оставляя в стороне другие общеизвестные философские противоречия, которые неоплатоники и христианские теологи пытались решить с помощью диалектических допущений, напомним, что с богословской точки зрения человек и был как раз классическим примером «совмещения несовместимого». Человек «смертен и бессмертен», «велик и ничтожен», он «необычайное смешение противоположностей» (*παράδοξος κρᾶσις τῶν ἐναντιῶν*)», — пишет в «Слове о душе» современник Пселла Никита Стифат¹⁸. Что касается взгляда на человека как на существо непостоянное и изменчивое, то он, возможно, вообще не был особенностью мировоззрения Пселла, а входил в систему этических представлений византийцев той поры. Во всяком случае другой современник Пселла, не отличавшийся, видимо, глубокой образованностью, Кекавмен замечает: «Природа людей изменчива и непостоянна (*βραστή καὶ τρεπτή*), иногда она изменяется от хорошего к дурному, а иногда склоняется от дурного к хорошему»¹⁹.

Для оценки позиции Пселла не столь важно, однако, установить источники воззрений, сколько понять их функции в общих этических концепциях писателя.

Изменчивость и противоречивость, по Пселлу, — норма человеческого характера, в то время как постоянство и монолитная цельность — исключение. «Ты небесный ангел. . . я же таков, как есть, разумная природа, соединенная с телом. . . Я признаю, что я человек, существо изменчивое и непостоянное. . . Ты же один из всех (выделено нами. — Я. Л.) неколебимый и неизменный», — пишет Пселл патриарху Михаилу Кируларию (*Bibl. gr.*, V, p, 506)²⁰. Люди типа Кирулария, суровые и железные (так мы переводим греческое *ἀδαμάντινος*), недоступные простым человеческим слабостям, вызывают неизменное отвращение писателя. Так, после весьма злой характеристики Льва Параспондила — «первого министра» императрицы Феодоры, человека неученого, мрачного, умеющего только «молчать и потуплять взор», Пселл пишет: «Я, конечно, восхищаюсь таким типом характера, считаю его подходящим для веков, а не для времени, для жизни будущей, а не настоящей. Неумолимость и бесстрастность я ставлю превыше всего и сверх всего в мире, но земная жизнь, поскольку она проходит среди людей, более приспособлена к настоящему времени. Телесной жизни больше соответствует чувствующая часть души» (*Chron.*, II, p. 75). Много раз, часто с определенным полемическим оттенком, пишет Пселл о мягкости, податливости своей натуры, подверженной всем внешним влияниям²¹.

В своих теоретических взглядах Пселл отказывается от догматического ригоризма и воспринимает христианскую этику в ее наиболее чело-

¹⁸ *Nicetas Stéthatos. Opuscles et lettres.* Paris, 1961, p. 78, 80. Во введении к трактату Никита ставит вопрос исследования: как человек может быть одновременно и порождением праха и подобием божьим.

¹⁹ *B. Wassilieusky—V. Jernstedt. Cecaumeni strategicon et incerti scriptoris de officiiis regiiis libellus.* — «Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета», ч. XXXVIII. СПб., 1896, стр. 55. 27—29.

²⁰ Подробнее об этом письме Пселла и о выраженных в нем этических взглядах писателя см. наши статьи: «Пселл в отношениях с современниками (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд)». — ПС, вып. 23 (86), 1971, стр. 125—143 и «Михаил Пселл. Личность и мировоззрение (некоторые итоги и проблемы изучения)». — ВВ, 30, 1969, стр. 73—93.

²¹ «Не сравнивай меня с железными и непреклонными» (*Bibl. gr.*, V, p. 472). «Я не камень, рожден не деревом и не скалой, но сделан из мягкого материала и подвержен естественным страстям» (*Scr. min.*, II, p. 230) и т. д. Эпитет *ἀδαμάντινος*, неоднократно употребляемый Пселлом, — штамп житийной литературы (см. «Две византийские хроники X века». М., 1959, стр. 133). Можно думать, что эти рассуждения Пселла имеют определенную антискетическую направленность.

вечном аспекте. Идеалу непреклонно-сурового, монолитно-цельного, непоколебимого христианина Пселл противопоставляет представление о человеке, которому не чуждо ничто человеческое, который доступен всем впечатлениям бытия, в характере которого могут уживаться свойства противоречивые, к тому же не постоянные и раз навсегда данные, а изменяющиеся под влиянием среды и обстоятельств.

В связи со сказанным немалый интерес представляют и отдельные оброненные Пселлом замечания, касающиеся уже не характера человека, а принципов его оценки и изображения. В сочинении «К своему грамматнику» писатель защищает адресата от нападков каких-то анонимных недоброжелателей. «Обвинители, — пишет Пселл, — по праву своему люди политические, но не философы по образу мыслей, поэтому они и судят о вещах по своей жизни, а не мерилом истины (τῷ τῆς ἀληθείας κανόνι). Нельзя судить о характере по внешним признакам, одежде, причесе и т. д., иначе полсвета придется считать сумасшедшими, — продолжает писатель, — ведь одни предпочитают одно, другие — другое. Мы отличны друг от друга, и потому нужен иной критерий и лучший судья» (Scr. min., I, p. 60, 63). В другом случае Пселл полемизирует с риториками, создающими энкомий в честь Константина Лихуда «не по его (Лихуда. — Я. Л.) мере» (οὐ πρὸς τὸ μέτρον ἐκείνου), а в зависимости от «силы слова» (τῇ δυνάμει τοῦ λόγου) (Bibl. gr., IV, p. 390).

В этих замечаниях, сделанных по разному поводу и в разном контексте, по сути дела отразилась одна и та же мысль: не ограниченный жизненный опыт и не риторический шаблон, а сам объект (его «мера») должен быть основным критерием оценки или изображения. Этой позиции писателя свойственны та же широта и гибкость, что и его представления о человеческом характере.

* * *

Рассуждая типологически, метод изображения человека, принятый в «Хронографии» Михаила Пселла, можно назвать дедуктивным; как правило, писатель предваряет рассказ о герое некоей характеристикой, раскрывающейся в процессе дальнейшего изложения²². Этот метод, наиболее отвечающий принципам нормативного художественного мышления средневековья и потому доминирующий в византийской литературе (наиболее яркий пример — энкомий), изначально предполагает обобщение и абстрактизацию, подведение индивидуальных свойств под родовые определения²³. Византийские писатели в большинстве случаев не стремятся постигнуть своеобразие личности, им достаточно, к примеру, назвать своего героя благочестивым (т. е. подвести под родовое понятие), а затем рядом примеров или риторических фигур раскрыть тезис. Схе-

²² «Хронография» Пселла, несмотря на внешнюю хронологическую рамку, по сути своей — сумма характеристик, композиция которых всецело определяется задачей изображения персонажа. Реальные факты для писателя чаще всего — не более как иллюстрация тех или иных «черт» героя, а временная последовательность событий практически заменена «хронологией характера» (см. Я. П. Любарский. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, стр. 31—37). Дедуктивный и противоположный ему индуктивный методы (при последнем читатель сам «выводит» характеристику персонажа, исходя из его поступков, речей и т. п.) — два параллельно существующих и взаимодействующих приема изображения героя. В научной литературе в этом контексте обычно говорится о «прямом» и «косвенном» способе характеристики (I. Bruns. Die Persönlichkeit in der Geschichtsschreibung der Alten. Berlin, 1898, S. V f.). Против такого членения возражал К. Берген (K. Bergen. Charakterbilder bei Tacitus und Plutarch. Köln, 1962, S. 7 f.), полагавший, что принципом классификации должны быть Urteilkategorien, т. е. те качества личности, на которые писатель обращает преимущественное внимание. Учитывая условность и вспомогательный характер всякой подобной классификации, следует признать, что оба критерия имеют право на существование.

²³ См.: А. П. Каждан. Византийская культура (X—XII вв.). М., 1968, стр. 158 сл.

матизм и затемнение частного, индивидуального, свойственные этому методу и сделавшие его столь чуждым новейшим художникам, позволяют применить к образам средневековой литературы приемы заслуженно непопулярного ныне анализа «по чертам».

Сопоставляя основных героев «Хронографии», можно довольно четко выделить те их качества и свойства, которые с большей или меньшей регулярностью отмечаются писателем. Вот их короткий перечень:

1. Род, происхождение.
2. Образ жизни.
3. Ученость, отношение к ученым.
4. Красноречие.
5. Благочестие.
6. Личная храбрость, выносливость.
7. Качества государственного деятеля (отношение к императорским обязанностям, характер управления государством, отношение к подданным, щедрость).
8. Ум.
9. Нравственные качества.

Приведенный перечень по сути дела охватывает все стороны человеческой личности и уже в силу своей универсальности не может дать представление об индивидуальности писателя. Последняя проявляется в разном интересе к тем или иным свойствам личности (ср. *Urteilstategorien* К. Бергена).

Хотя, следуя непреложной традиции биографического жанра, Пселл упоминает род описываемых лиц²⁴, происхождение обычно не играет сколько-нибудь существенной роли в поступках и судьбе героя.

В оценке образа жизни²⁵ императоров Пселл в сущности пользуется одним критерием: «строгость» или «легкомыслие». Избыток того и другого вызывает осуждение философа — приверженца античной *aurea mediocritas*.

Описанию такого частного (во всяком случае для царственной персоны в Византии XI в.) свойства, как ученость и отношение к ученым, Пселл отводит непропорционально много места²⁶ и, как правило, специально оговаривает знание или незнание своим героем светских наук.

Не меньшее значение, чем образованность, имеет для Пселла красноречие²⁷. Оба эти свойства (ученость и красноречие) в «Хронографии» явно потеснили такие традиционные добродетели христианских государей, как благочестие и личная храбрость.

О благочестии Пселл говорит лишь в панегирических характеристиках Константина X и Михаила VII (*Chron.*, II, p. 140, 173 sq.), в жизнеописаниях Зои и Феодоры (*ibid.*, p. 48, 79) (благочестие всегда привилегия женщин) и, наконец, в описании Романа III Аргира, где оно оказывается... лицемерной маской²⁸.

Что касается личной храбрости, то и она в «Хронографии» занимает скромное место. Следует учесть, что среди героев писателя — такие воинственные императоры, как Василий II, Исаак Комнин, Роман Диоген и др.

²⁴ См. *Chron.*, I, p. 69 (Михаил V); I, p. 123 (Константин Мономах); II, p. 85 (Исаак Комнин); II, p. 157 (Роман Диоген) и др.

²⁵ *Chron.*, I, p. 4 (Василий II, Константин VIII); I, p. 140, II, p. 37, 56 (Константин Мономах).

²⁶ *Chron.*, I, p. 18 (Василий II); I, p. 28—29 (Константин VIII); I, p. 32—33 (Роман III Аргир); I, p. 134 (Константин Мономах), I, p. 56 (Михаил IV); II, p. 139 (Константин X).

²⁷ *Chron.*, I, p. 29 (Константин VIII); I, p. 33 (Роман III Аргир); I, p. 134 (Константин Мономах); II, p. 113 (Исаак Комнин); II, p. 141 (Константин X).

²⁸ Знаменательно, что при всем уважении Пселла к этой добродетели ее избыток представляется ему недостатком (см. ниже стр. 111).

Главный критерий оценки писателем своих героев-императоров — их качества государственных деятелей. Одни из них ревностно занимаются делами управления (Василий II, Исаак Комнин), другие ими пренебрегают (Константин VIII, Константин IX Мономах); одни сведущи в науке правосудия (Константин X), другие не знают ни законов, ни канонов и судят по своему разумению (Михаил IV) и т. д. Щедрость — традиционная добродетель византийских императоров — почти непременно отмечается Пселлом, причем ее избыток, расточительность встречается постоянное осуждение (Константин VIII — Chron., I, p. 26; Роман III Аргир — *ibid.*, p. 35; Константин IX Мономах — *ibid.*, p. 132; Константин X — *ibid.*, II, p. 145).

С особой подробностью говорится обычно об отношении императора к подданным. Если одни монархи обращаются с ними милостиво и не позволяют гневу увлечь себя (Константин Мономах), то другие устрашают окружающих своей суровостью и не прощают даже незначительных провинностей (Роман III Аргир, Михаил V, Василий II). «Милостивые» императоры пользуются наибольшим уважением писателя, традиционная императорская *φιλανθρωπία* — одно из наиболее ценимых свойств.

Нередко привлекает внимание Пселла такая черта героя, как стремление к самовластию или, напротив, желание иметь советников (в роли последнего нередко фигурирует сам автор).

Набор эпитетов и характеристик, относящихся к уму и нравственной природе персонажей в «Хронографии», велик и разнообразен.

Чисто оценочные характеристики, рожденные льстивой преданностью или благочестивой ненавистью, столь частые у предшественников Пселла и в его собственных эвкомиях, в «Хронографии» редки (большая часть восторженных описаний приходится на эвкомийские жизнеописания Константина X и Михаила VII). В подавляющем большинстве случаев Пселла стремится указать на какие-то конкретные качества (наглость, лукавство, лицемерие и т. д.). Обращает на себя внимание следующее: среди многообразных определений одна черта почти непременно встречается в характеристиках писателя — герой-император по своему нраву бывает ласковый (*γλυκός*) или суровый (*στερρός*), мягкий (*μαλακός*) или грубый (*τραχύς*), сострадательный (*συρπαθής*) или гневливый (*δύσκολος*), улыбчивый (*εὐκίνητος πρὸς μεδίαια*) или озабоченный (*πεφροντικός*) и т. д.

Если бы нам ничего не было известно о самом Пселле, то уже из акцентов его характеристик императорских особ можно было бы достаточно отчетливо представить себе облик писателя. Человек, ценящий дарование гораздо больше, чем благородное происхождение; скорее ученый и ритор, чем воин; человек, при всем своем христианском благочестии, свободомыслящий, влиятельнейший государственный деятель, привыкший поучать самодержцев, и в то же время придворный льстец без достоинства, судьба которого зависит от улыбки или нахмуренных бровей повелителя, — таким является нам Пселл, автор императорских жизнеописаний, таким знаем мы его по многочисленным письмам и откровенным признаниям в других сочинениях. Такое косвенное «самораскрытие» автора византийской хроники само по себе весьма знаменательно: субъективное мироощущение, а не обязательный набор качеств было исходной позицией, той мерой, с которой писатель приступал к изображению героев.

* * *

Специфика пселловского метода проявляется уже в первоэлементах характеристик — обрисовке отдельных свойств. Начнем с примеров из короткой и компактной биографии Константина VIII. «Сильный телом, он был труслив душой» (Chron., I, p. 25); «Легко поддающийся гневу, он не был чужд и сострадания. . . в отличие от брата Василия гневался

он недолго и быстро отходил» (ibid., p. 26); «Он оказывал благодеяний больше всех других императоров, однако в своих щедротах не соблюдал равной справедливости» (ibid.); «Он был не слишком образован, лишь слегка, по-ученически знаком с эллинской наукой, но тем не менее человек от природы способный и привлекательный, с изящной и приятной речью, он с блеском выражал мысли, рождавшиеся в его душе» (ibid., p. 28—29).

Приведенные цитаты составляют значительную часть скупого (для Пселла) описания Константина VIII. Во всех характеристиках одна особенность: они двучленны по своему построению — тезис сопровождается в них антитезисом, частично или полностью отрицающим, корректирующим, ограничивающим основное утверждение (синтаксически это выражается при помощи предложений с причастными оборотами или сочинительной связи с μέν. . . δέ, либо ἀλλά и т. д.). Аналогичные примеры обильно встречаются и в других жизнеописаниях. «В большинстве случаев он проявлял суровость, но бывало и отказывался от нее» (Василий II — Chron., I, p. 22); «Сам по себе он хорош, но в том, что касалось его братьев, чрезвычайно плох» (Михаил IV — ibid., p. 58); «К эллинской образованности был он непричастен, тем не менее воспитал свой нрав лучше философов, постигших ее» (Михаил IV — ibid., p. 56); «Я поражался ее (императрицы Феодоры. — Я. Л.) благочестию, однако любовь к самодержавной власти побуждала ее преступать законы» (ibid., II, p. 65); «. . . Ни один из прежних императоров не мог бы с ним (Исааком Комнином. — Я. Л.) сравниться, однако необузданность, нежелание подчиняться велениям разума разрушала благородство его духа» (ibid., p. 121—122). Характер Романа Диогена — «иногда прямой, но большей частью лукавый и наглый» (ibid., p. 157). Подобные «двучленные» определения иногда вкраплены в жизнеописания, иногда на них строится вся характеристика²⁹.

Большинство свойств героев Пселла не абсолютны, сфера их проявления ограничена временем, ситуацией или другой чертой характера, и, что самое важное, они существуют не изолированно, а как бы «зацеплены» друг за друга.

* * *

Специфика методов характеристики может быть обнаружена не в отдельных «чертах», а в образе в целом. Для удобства анализа мы позволили себе разделить императоров — героев Пселла на несколько «типов»³⁰.

Деятельный и суровый император.

Василий II. Биография Василия начинается восходящим к античной традиции синкрисисом — сравнением двух царственных братьев — Василия и Константина³¹. Сопоставление, по сути дела, производится по одному признаку: младший из них «распущенный и легкомысленный, старший — Василий — деятельный» (досл. «бодрствующий» ἐγρηγορός), «сосредоточенный» и «озабоченный» (σύννοος, πεφροντιστός). Дальнейшие описания уточняют и дополняют начальную характеристику, не меняя ее основного смысла. Окружающим Василий казался мрачным, он был человеком грубого нрава, гневливым и неотходчивым, умеренным в образе жизни, чуждым всякой изнеженности (Chron., I, p. 4), ко всем относился подозрительно, был мрачен, скрытен, никому не прощал вины (ibid., p. 14). Все эти качества не были свойственны Василию от природы, а появились

²⁹ Например, характеристика могущественного временщика Иоанна Орфанотрофа (см. ниже стр. 112).

³⁰ Из числа образов императоров — героев Пселла мы не рассматриваем Константина X и Михаила VII. Их характеристики (особенно последнего) строятся по принципам энкомия и в этом отношении противостоят основному методу «Хронографии».

³¹ Синкрисис играет в этой биографии роль «предварительной характеристики»; см. Я. Н. Любарский. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, стр. 33, прим. 42.

в результате влияния неблагоприятных обстоятельств (главным образом восстаний Варды Склира и Варды Фоки)³². Император отказался от добродушия, пренебрег украшениями, превратился в «озабоченного и сосредоточенного» (*ibid.*, р. 13—14) (обращаем внимание на вторичное появление тех же эпитетов), стал управлять с помощью страха, а не милости. При своей подозрительности Василий перестал испытывать нужду в советниках и потому прогнал прежде возвышенного им же паракимомена Василия (*ibid.*, р. 12), правил, не соблюдая законов, презрел науку и ученость (*ibid.*, р. 18).

Последний раздел биографии посвящен поведению Василия во время войны и мира³³. Во время войны Василий коварен, во время мира — «царственен» (свойства героя определяются ситуацией!). Солдат и полководец Василий неприхотлив и вынослив, великолепно знает военное дело (*ibid.*, р. 20), нетерпим к промахам своих воинов, однако наказывает их не сразу, а лишь по возвращении из похода (*ibid.*, р. 21—22). Василия можно было лишь с трудом сподвигнуть на какое-нибудь предприятие, но раз принятое решение он уже не менял. Гнев и милость императора были непоколебимы, а волю свою он почитал за «божественный суд» (*ibid.*, р. 22).

Трудно сказать, насколько Василий, нарисованный Пселлом, соответствует реальному прообразу (вряд ли вообще сопоставление персонажа с прототипом может дать много для литературоведческих оценок: попадая в литературное произведение, герой уже подчиняется законам художественного творчества, строго говоря, нам вообще неизвестно, каким был тот или иной деятель XI в., мы можем судить лишь о том, каким он изображен у Пселла, Скилицы, Атталиата и т. д.); очевидно, однако, что отдельные «черты» характеристики Василия в «Хронографии» не представляют самодовлеющих качеств, а дополняя друг друга, вместе составляют образ немилостивого и грубого, энергичного и упрямого, подозрительного и беспощадного императора.

Исаак I Комнин. Второй вариант «деятельного и сурового» императора — Исаак I Комнин. Его (в отличие от Василия) Пселл описывает по личным впечатлениям, и потому этот образ и более детальный, и более полный. Впервые на страницах «Хронографии» Исаак появляется еще не императором, а «тираном», возглавившим мятеж против Михаила Стратиготика. Несколько предварительных штрихов³⁴ создают впечатление о герое. У Исаака властный вид, благородный образ мыслей, душевная твердость, он — «благородный» полководец (*Chron.*, II, р. 85). Повстанец Исаак необычайно деятелен и целеустремлен, он проводит ночи в беспокойных мыслях, дни отдает делам (*ibid.*, р. 87). Действия его отличаются разумностью — Пселл дважды отмечает, что Исаак действует «скорее разумно, чем дерзко». В облике героя подчеркивается сдержанная суровость: Комнин никогда не обнажал меча на провинившегося, но его нахмуренные брови действовали сильнее любого удара (*ibid.*, р. 87). В некоторых эпизодах фигура императора окружена определенным героическим ореолом. Таков он в батальной сцене, когда четыре «скифа», приставив с разных сторон копьа к Исааку, удержали его в седле (*ibid.*, р. 90—91). Такова по-царски величественная картина приема Исааком императорского посольства во главе с Лихудом и Пселлом (*ibid.*, р. 96) и т. д.

³² Я. Н. Любарский. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, стр. 33.

³³ Жизнеописание Василия заканчивается описанием внешности императора. Искусство портрета у Пселла может составить предмет специального исследования.

³⁴ Пселл сам отмечает, что основная характеристика следует дальше (*Chron.*, II, р. 85).

Императору-воину присуща государственная мудрость: он с необычайным вниманием прислушивается к советам (черта, как уже отмечалось, чрезвычайно ценящая Пселлом, тем более что в качестве советчика выступает он сам) и философски относится к собственным успехам, полагая, что чрезмерная удача редко приводит к хорошему исходу (*ibid.*, p. 108—109).

Энкомиастические нотки первых описаний готовят торжественно-панегирический стиль эпизода восшествия на престол и рассказа о первых шагах нового императора. Исаак, «муж во всех отношениях деятельный», «не страшнув с себя пыль битв, не переменяв платья», принялся за государственные дела и приступил к управлению, «едва только успел из открытого моря и бурь спастись в гавань, не стерев соль с губ и не переведя дух» (*ibid.*, p. 110—111).

Традиционной условности стиля соответствует и устойчиво энкомиастический тип изображения героя; император уподобляется восходящему солнцу, лучи которого разгоняют облака (*ibid.*, p. 111). Его образ рисуется с помощью ряда графически четких сцен, запечатленных как бы наблюдателем «извне». Император на троне, занятый государственными заботами, суров и непреклонен, казалось, нрав его не может смягчиться. Но тот же император, находясь в домашней обстановке или раздавая должности, неожиданно превращается в «мягкого и доступного». Одна и та же струна, пишет Пселл, издает то резкие, то гармоничные звуки, император — «двойной» (διπλοῦς), в нем совмещены несовместимые свойства (*ibid.*, p. 111—112).

Другой эпизод рисует «грозного» Исаака (*ibid.*, p. 112). Император поднимается на трон, кругом располагаются синклитики; сначала он не произносит ни слова, но, как бы отдавшись размышлениям, сохраняет на лице точное «ксенократово выражение»³⁵. Собравшихся охватывает страх. Одни застывают на месте как от удара молнии, из их «сжавшихся и ссохшихся» тел как бы отлетает душа, другие бесшумно двигаются, третьи еще крепче охватывают руками грудь и все силой воли стараются заставить себя стоять неподвижно. Сцена замечательна своей статичной монументальностью. Вместе с тем, как это ни парадоксально, в ней присутствует и доля легкой иронии. Император здесь не только на самом деле величествен, но еще и изображает величие. Его действия заранее рассчитаны на определенный внешний эффект: Исаак «как бы» (ὡς) предается размышлениям, «копирует» (μιμησάμενος) «точное» (ἀκριβῶς) «ксенократово выражение» лица.

Еле заметный иронический подтекст сохраняется и в дальнейшем изложении.

Император был немногословен, продолжает Пселл, как Лисий, умел обуздывать свою речь, его молчание было красноречивей слов, а кивок головой и жест могли заменить обильные словоизлияния (*ibid.*, p. 113). Все это, конечно, совершенно серьезно. Но тут же следует описание Исаака в роли судебного арбитра: несведущий в законах император не берет на себя вынесение приговоров, а поручает это судьям. Тем не менее он делает вид, будто заранее знает содержание приговора, более того, выдает себя за его автора. Вместе с тем, не желая демонстрировать неправильное произношение юридических терминов, Исаак сам не зачитывает приговор, но всегда что-то добавляет или убавляет в тексте, когда его оглашает кто-то другой. И здесь усилия Исаака направлены на создание внешнего впечатления, сокрытие собственных недостатков. Общий энкомиастический тон первой части биографии, несмотря на элемент иронии, настораживает: Пселл пишет об Исааке уже после его смерти. И действительно, дальнейший рассказ («детальная характеристика», по

³⁵ Ученик Платона философ Ксенократ отличался чрезвычайно мрачным видом.

нашей классификации) приносит нечто новое. Оказывается, что все положительные свойства императора, декларированные писателем, не дают никаких результатов, их влияние сводится на нет нетерпеливостью и поспешностью Исаака. Последний все стремится делать немедленно (ibid., p. 121), избыток напористости и приводит его к неудачам³⁶. В свою очередь неудачи изменяют характер и образ жизни Исаака, который стал не в меру суров, начал презрительно относиться к окружающим и почти все время проводил на охоте (ibid., p. 128). Заключительные страницы добавляют последний штрих к образу: губительный недуг не согнул императора-воина, он не отказался от своего «благородства», и, когда, уже больной, выходил из дому, его не вели за руку; был он подобен «высокому кипарису, раскачивающемуся под порывами ветра» (ibid., p. 132).

Исаак, в отличие от Василия, — «положительный» вариант образа сурового и деятельного государя. Восхищение императором заставляет Пселла прибегать к редким в «Хронографии» энциклопедическим приемам изображения, однако второй частью биографии писатель сводит на нет или во всяком случае значительно ограничивает высокую оценку героя в первой части. «Двучленность», вообще свойственная пселловским характеристикам, проведена здесь в масштабе целого жизнеописания. Интересно, что даже в панегирическом разделе биографии монументально-торжественный стиль смягчен легким ироническим подтекстом: отношение автора к герою в «Хронографии» лишено догматической однозначности.

Легкомысленный и бездеятельный император

К этому типу героя в «Хронографии» можно отнести двух Константинов: Константина VIII и Константина IX Мономаха. О «диалектическом» характере большинства свойств первого из них говорилось выше. Этот император «нрава чрезвычайно мягкого», с «душой, склонной к любым удовольствиям», с «характером легкомысленным», «почти не занимающийся делами управления», превыше всего ценящий гастрономические радости и любовные утехы, «до безумия влюбленный в зрелища», страстный охотник (Chron., I, p. 25, 29—30).

Биография другого императора — *Константина IX Мономаха* — самая большая по объему и самая интересная по содержанию. При этом императоре началась придворная и ученая карьера Пселла, при нем она достигла своего апогея. С этим императором писателя связывали не только государственные заботы и литературные занятия, но и альковные тайны. Пселл чувствует себя обязанным написать энкомий в честь покровителя, но задачи хронографического жанра требуют объективности (ibid., p. 127). Стремясь найти выход из противоречия, Пселл приводит для оправдания уже цитированные выше рассуждения о человеке как «соседстве противоположностей» и пишет биографию, где черная краска смешана с белой и где, по его собственным словам, «рассказ как бы противоречит самому себе, изменяется и преобразуется вместе с героем. . . уподобляется и как бы соперничает ему» (ibid., II, p. 71). Герой повествования выступает в разных ситуациях, обрисовывается с разных сторон, и, только рассмотрев образ во всех аспектах, можно вывести суждение о методах его изображения.

Государственная деятельность. Свое отношение к Константину Момаху-монарху Пселл высказывает прямо и недвусмысленно: «Этот государь не постиг природы императорской власти, не понял, что она представляет собой служение на благо подданных, что она требует души, постоянно озабоченной тем, как лучше управлять делами. Напротив, он полагал,

³⁶ Подробней об этом см.: Я. Н. Любарский. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, стр. 31—32.

что власть означает избавление от трудов, исполнение желаний, ослабление напряжения» (ibid., I, p. 140).

Мысль эта неоднократно в разных вариантах повторяется Пселлом³⁷. Мероприятия внутренней и внешней политики Мономаха вызывают ироническое или прямо отрицательное отношение писателя: Константин постоянно пытается переложить на чужие плечи бремя государственных забот, придя к власти, принялся за дела без должной силы и не соблюдая осторожности, напротив, он прекраснодушно мечтает о «некоем новом счастье» (εὐδαιμονίαν καινὴν καὶ ἀσυνήθη), воплощая свои фантазии в жизнь, направо и налево раздаст богатства и истощает государственную казну (ibid., II, p. 132). Даже серьезные опасности (например, восстание Маниака) не заставляют Мономаха отрешиться от легкомыслия. В результате — новые бедствия, обрушивающиеся на империю (ibid., p. 8; ср. I, p. 141). У Пселла нет сомнений: причина такого поведения — особенности «нрава» императора. «Он от природы, — утверждает писатель, имел такой нрав и к тому же еще более развил его. . . поскольку власть предоставляла для этого большие возможности» (ibid., I, p. 140—141)³⁸.

Характер Мономаха. Страницы, посвященные описанию характера императора, принадлежат к числу наиболее впечатляющих в этой биографии. О нраве своего героя Пселл заговаривает уже на первых страницах жизнеописания. Мономах никогда не проявлял заносчивости, не бывал насупленным и надменным, напротив, с готовностью улыбался, сохранял на лице веселое выражение и обладал удивительным умением завоевывать сердца подданных (ibid., I, p. 133—134). Все это, естественно, вызывает полное одобрение Пселла, но (мы уже убедились, какое огромное значение в характеристиках писателя имеет это «но») постепенно, едва уловимо для читателя похвальные качества Мономаха переходят в процессе дальнейшего повествования в свою противоположность. Веселость, замечает писатель, не покидала императора не только во время развлечений, но и в серьезных занятиях. Более того, с ним нельзя было заговорить о чем-нибудь серьезном, не предварив разговора какой-нибудь шуткой (ibid., p. 133—134)³⁹. Чем дальше, тем больше. Пселл отмечает, что небрежение государственными делами было результатом «души легкомысленной и беспечной» и в конце концов, полемизируя с какими-то неизвестными нам оппонентами, категорически заявляет, что страсть императора к развлечениям чрезвычайно мешала исполнению государственных обязанностей (ibid., II, p. 56).

Однако значительно интересней собственных оценок Пселла те эпизоды, в которых легкомыслие и беспечность императора проявляются на деле. Такова, например, история стремительной придворной карьеры Романа Воилы. Судя по «Хронографии», развлечения Константина не отличались ни изысканностью, ни утонченностью. Ни музыка, ни танцы, ничто другое не доставляли Мономаху такого удовольствия, как чье-либо неправильное произношение слов. Именно за эти «достоинства» и был возвышен «полупемой мерзавец» Роман, попавший в высшие придворные сферы прямо с «уличного перекрестка». Лестью и расчетливым угодничеством он постепенно подчиняет своему влиянию императора. Причем Константин, прекрасно понимая притворство Воилы, с удовольствием поддается обману (ibid., p. 39). Распоясавшийся фаворит подстраивает «шутки», безвкусию которых шокирует современного читателя не

³⁷ См., например: Chron., II, p. 58: «Овладев ромейским скипетром, самодержец решил дать себе отдых, как бы достигнув царской гавани после плавания в открытом море».

³⁸ Согласно воззрениям Пселла, императорская власть портит человека; ср. Chron., I, p. 130—131.

³⁹ Интересно, что о том же пишет Пселл в одном из писем к Иоанну Мавроподу (Scr. min., II, p. 229). Видимо, это действительно было особенностью императора.

меньше, чем девять веков назад утонченного Пселла. По этому поводу писатель раздражается сетованиями на жалкую участь придворных, вынужденных вслед за императором смеяться тогда, когда на глаза навертывались слезы (*ibid.*, p. 40). Заметим в скобках, что достойна сожаления сама ситуация, при которой умные и интеллектуальные люди типа Пселла не только смеются, вместо того чтобы плакать, но через какое-нибудь десятилетие, уже служа новому владыке, относительно спокойно вспоминают о своем унижении.

История с Романом Воилой кончается трагически-фарсовой сценой, когда плененный любовницей Константина временщик готовит покушение на императора, а последний, вынужденный расследовать дело, больше гневается на доносчика, чем на виновного, при первых полуизвинениях прощает Воилу и даже обещает увенчать его диадемой и одеть в пурпурное платье, если только тот согласится по-прежнему ласково смотреть на своего государя (*ibid.*, p. 44). Невозможно определить, насколько соответствует действительности эта сцена, во всяком случае, она великолепно рисует не только дворцовые нравы, но и характер жуира и раба собственных страстей Мономаха.

Импульсивность Мономаха, полное отсутствие чувства меры⁴⁰, последовательно, каждый раз с добавлением новых деталей раскрываются в ряде дальнейших сцен, самая образная из которых — эпизод строительства храма св. Георгия (*ibid.*, p. 61—64).

Рассказ о сооружении монастырей, приютов, церквей и т. п. принадлежит к числу традиционных в хронографическом жанре. Под пером Пселла он превращается в еще одно средство характеристики героя. Мономах без конца перестраивает храм, велит уничтожить уже сделанное, а на этом месте воздвигает еще более пышные сооружения. «... Император витал в облаках, ко всему уже выполненному, каким бы оно ни было и какой бы ни отличалось красотой, он тотчас начинал относиться с пренебрежением. Лишь новые планы воспламеняли его и распалили в нем любовь к неведомому» (*ibid.*, p. 63—64).

Большое место среди «развлечений» императора занимают любовные истории, которые Пселл описывает с неожиданной для средневекового хрониста подробностью (впрочем, автор «Хронографии» отнюдь не был, по свидетельству его писем, равнодушен к этой сфере человеческой жизни). Уже само возвышение Мономаха произошло за счет его «мужских» достоинств: приобретя богатство и знатность благодаря женитьбе, он вскоре очаровывает своим цветущим видом императрицу Зою и таким образом становится ромейским самодержцем.

Описание отношений Мономаха с первой его возлюбленной, Склириной, содержит все аксессуары, которые, начиная с античного романа, сопутствуют в литературе описаниям любовной страсти⁴¹. Склирина следует за Константином в изгнание, любовники не могут жить друг без друга, их не пугают превратности судьбы, в бедствиях Склирина служит утешением возлюбленному и т. д. Взойдя на престол благодаря браку с Зоей, Константин смотрит на жену только «телесными очами», в то время как образ Склирины стоит перед «глазами его души» (*ibid.*, I, p. 142). Как всегда, Мономах не соблюдает ни предосторожности, ни меры. Уже в первые дни после венчания убеждает он императрицу приблизить

⁴⁰ Пселл неоднократно отмечает «неумеренность» (*ἀμετρία*) своего героя. Мономах ничего не делал умеренно, но во все свои начинания привносил напряжение, резкость. . . Если он кого-нибудь любил, любовь его не знала меры; если он на кого-нибудь гневался, то очень преувеличивал, а то и выдумывал пороки этого человека (*ibid.*, p. 60).

⁴¹ Любовная тема у Пселла — небезынтересный предмет исследования. Вероятно, что связь с мотивами античного (а может быть, и средневекового) романа не ограничивается чертами случайного внешнего сходства.

ко двору Склирину. История возвышения последней и открытой «любви втроем» описываются Пселлом как беспрецедентная и шокирующая. Многочисленные детали (императрица не решается войти в покои мужа, если тот принимает любовницу; придворные, видя пылкость Константина, стараются под разными предлогами покинуть помещение и т. д.) не только вводят в обстановку царского интима, но и характеризуют самого Мономаха — человека, не умеющего и не желающего управлять своими страстями.

Смерть любовницы ненадолго оставляет Мономаха в одиночестве. Рассказу о новой страсти Мономаха Пселл предпосылает характеристику темперамента своего героя: «Императрица Зоя уже вышла из того возраста, чтобы иметь общение с мужем, а императора мучили желания; севаста (Склирина. — *Я. Л.*) скончалась, и Константин, мечтая о любви, парил в фантазиях и странных видениях (*ἐπὶ πολλὰς πεπλάνητο φαντασίας καὶ ἀνατολῶν ἐς ἄβυσσους*). По природе он был весьма склонен к любовным делам и не умел удовлетворять страсть простым общением, но приходил в волнение при (воспоминании о) прежних наслаждениях ложа и потому полюбил девушку. . .» (*ibid.*, II, p. 45). Эти слова могли бы дать пищу для фрейдистского истолкования личности Мономаха, однако и без соотнесения с теорией знаменитого австрийца герой Пселла предстает здесь своего рода эстетом любовного наслаждения, с навязчивыми и причудливыми эротическими эмоциями.

Новая любовь (на этот раз к юной аланке) внезапно и всецело овладевает Мономахом. В новой своей страсти Мономах настолько же безудержен и лишен чувства меры, как и в истории со Склириной.

Мы отнесли Мономаха к категории «легкомысленных», «бездеятельных» монархов. Хотя это свойство действительно — лейтмотив образа, сам герой в изображении Пселла слишком сложен и противоречив для того, чтобы его сущность можно было бы выразить одним или несколькими определениями. Даже основной черте — «легкомыслию» своего персонажа Пселл не дает однозначной оценки. В какой-то степени оно хорошо, поскольку является следствием столь ценимого писателем добродушия, но оно и плохо, так как приводит к небрежению государственными делами и скандальному поведению. Как бы пасуя перед сложностью своего героя, Пселл сознательно отказывается от общих однозначных оценок его самого и его деятельности⁴². Грани этого образа нечетки и размыты. Но эта размытость — не следствие недостатка искусства, а, напротив, высокая его степень, когда сложность и противоречивость объекта автор стремится воспроизвести адекватными художественными средствами.

И м п е р а т о р - л и ц е м е р

Лицемерие от века не без основания считалось классической «византийской» чертой. В творчестве Пселла оно достигает своего апогея и как бы «осознает самое себя». Сам классический лицемер, Пселл неоднократно с отвращением пишет об этом свойстве. В «Хронографии» мы встречаем двух героев, которых с полным основанием можно отнести к типу лицемеров: Михаила V и Романа III Аргира.

Михаил V. Пятидесятичному царствованию Михаила V в «Хронографии» отведено непропорционально большое место, видимо, из-за драматических событий его царствования и той ненависти, которую питает Пселл

⁴² «Одни из его деяний были хорошими, другие плохими» (*ibid.*, I, p. 124); ср. ключительную характеристику: «Если отнять у него чрезвычайную неуравновешенность, то в остальном был он самым человеколюбивым из всех людей» (*ibid.*, II, p. 71). Совершенно иначе (как резко отрицательное) характеризует отношение Пселла к Мономаху Р. Анастаси: *R. Anastasi. Studi sulla «Chronographia» di Michele Psello. Catania, 1969, p. 175.* Ср. наши возражения: BS, XXXII, 2, стр. 328—329.

к этому императору. Некоторые пассажи биографии напоминают традиционные характеристики узурпаторов, свойственные историографии предшествующих веков⁴³. Было бы, однако, несправедливо сводить образ Михаила к типу обычного «злодея на троне».

Уже первые описания (Михаил — тогда еще не император, а лишь предполагаемый преемник Михаила IV) содержат не только перечисление «злодейских свойств», но и указание на то основное качество, которое в дальнейшем станет лейтмотивом образа: «Как никто другой, умел этот человек под золой скрывать пламя (я имею в виду мерзкий характер под маской благомыслия), он лелеял чудовищные замыслы, не испытывал никакой благодарности к своим благодетелям. . . однако его лицемерие (προσποίησης) умело все это скрывать» (ibid., I, p. 70).

Еще не вступив на престол, кесарь Михаил с наслаждением предвкушает момент, когда он расправится со своими доброжелателями (извечная страсть деспотов сводить счеты с друзьями не вызывает ни малейшего удивления писателя), и особенно с евнухом Иоанном, которому обязан более всего. Именно по отношению к нему Михаил ведет себя наиболее лицемерно (δεινότερα μᾶλλον τὴν προσποίησιν κατεσκεύαζεν—ibid., p. 70—71). В отношениях этих людей возникает сложная ситуация. Иоанн — «более проникательный, чем Михаил лицемерный» — знает об истинных намерениях будущего императора, но до времени не обнаруживает своего знания. В результате Михаил и Иоанн втайне злоумышляют друг против друга, но изображают доброе расположение, и, хотя каждый думает, что его намерения неизвестны другому, оба хорошо понимают, чего хочет противник (ibid., p. 71). С восшествием на престол Михаила эта драматическая ситуация получает дальнейшее развитие. В первое время молодой император дружелюбно и даже с некоторым подобострастием относится к Зое и Иоанну (как бы передразнивая своего героя, Пселл вводит в повествование прямую речь: от Михаила можно было постоянно слышать «моя госпожа», «императрица», «я буду ей рабом», «мой господин» и т. д.), однако вскоре обнаруживает свои истинные намерения (ibid., p. 88).

Образ Михаила, казалось бы, совершенно ясен, тем не менее Пселл считает нужным еще раз дать ему — на этот раз прямую — характеристику: «В жизни своей этот человек был существом изменчивым, имел душу изворотливую и непостоянную, речь его была в противоречии с сердцем, одно у него было на уме, другое на языке. . . он мог вечером за одним столом пировать с тем, кого наутро решил подвергнуть жесточайшему наказанию» (ibid., p. 90). Поражает та точность, с которой Пселл схватывает в образе своего героя «родовые» черты лицемерного деспота, с удивительной закономерностью проявляющиеся вне зависимости от места и времени. «Родство и, более того, кровная близость были для него детскими забавами. Михаила ничуть не тронуло бы, если бы всю его родню смыло одной волной. Он ревновал их не только к власти — это было бы еще понятно, — но к огню, к воздуху и вообще ко всему. . . Встречаясь с трудностями, он в речах и поступках проявлял себя человеком низменным, с душой раба, но если удача, хотя бы ненадолго, улыбалась ему, он отбрасывал притворство, исполнялся гнева и начинал творить свои страшные дела. . .» (ibid., p. 90—91).

Вся история кратковременного царствования Михаила изображается Пселлом как раскрытие свойств «классического деспота». Своевольное управление, введение неоправданных, с точки зрения писателя, новшеств, преследование чиновных и знатных, заискивание перед толпой и, како-

⁴³ Михаил — «страшный муж» (ὁ δεινὸς ἀνὴρ — I, p. 95), «жалкий отырыск» (ὁ ἀθλιώτατος παῖς — I, p. 98) и даже «зверь» (ὁ θῆρ — I, p. 97). Последний эпитет традиционен для изображения узурпаторов, государей-иконоборцев и т. д.

нец, изгнание императрицы Зои, согласно писателю, — следствие дурного нрава деспота и в то же время причина его гибели.

Заклочительная сцена ослепления императора завершает его образ: император не находит в себе сил мужественно встретить испытания. Он рыдает, молит о пощаде, проявляя неблагородство и изменность своей натуры.

Образ Михаила — один из наиболее цельных и законченных в «Хронографии».

Роман III Аргир. В отличие от жизнеописания Михаила V, биография другого «лицемера» Романа Аргира начинается с характеристики, близкой к панегирической: «Этот муж был воспитан на эллинских науках, был приобщен к наукам латинским, обладал приятной речью, величественным голосом, ростом героя и царственной внешностью» (ibid., p. 32—33). Но уже следующая фраза (это обычно для «двучленных» характеристик Пселла) значительно ограничивает впечатление от первого утверждения. «В то же время, — продолжает писатель, — он воображал, что обладает знаниями большими, чем на самом деле». Это противоречие между претензиями и действительностью отныне становится ключом к образу императора. Роман хочет подражать великим древним государям Марку Аврелию и Августу в занятиях науками и военном деле, но в последнем был он полным невеждой, а науки знал крайне поверхностно. Император, пишет Пселл, занимался философско-геологическими проблемами, однако было это маской и лицемерием (*προσωπεύειν καὶ προσποιήσεις*), а не выяснением и исследованием истины (ibid., p. 33). Да и вообще деятельность императора могла бы принести немалую пользу, если бы не представляла собой воображение и лицемерие (*οἴσεις καὶ προσποιήσεις* — ibid., p. 34). Итак, «лицемерие» (слово *προσποιήσεις* постоянно встречается в тексте биографии) — определяющая черта Романа. Однако между лицемерием Романа и лицемерием Михаила большая дистанция. Для Михаила V — это сознательно надетая маска, имеющая целью обман и мистификацию окружающих. Роман III притворяется перед самим собой. Его претензии находятся в постоянном противоречии с его возможностями, а жертвой этого противоречия прежде всего становится он сам: «Воображение и напряжение сверх меры души (*τὸ οἶσθαι καὶ τὸ πλεῖον τοῦ τῆς ψυχῆς μέτρον συντείνειν ἐαυτόν*) обманули его в важнейших делах» (ibid., p. 33).

Основная часть биографии Романа — история постепенного превращения щедрого и даже расточительного государя в прижимистого «сборщика налогов»⁴⁴, однако основная черта героя постоянно проявляется если не в прямых оценках, то в многочисленных образных деталях — косвенные характеристики персонажа. Вот некоторые примеры. Описывая вступление императора в Антиохию, Пселл замечает, что его въезд «скорее имел характер театрального зрелища, нежели боевого шествия, и потому не мог поразить воображение противника» (ibid., p. 36). Театральность императорской процессии, естественно, соотносится в сознании читателя со свойственным герою стремлением к чисто внешней эффективности. Во время того же похода враги предлагают Роману мир, но он, «готовый только к тому, чтобы строить и готовить к бою отряды. . . и делать все то, что, как мы слышали, совершали знаменитый Траян и Адриан, а раньше кесарь Август, а еще до него Александр, сын Филиппа» (подчеркнуто нами. — Я. Л.), ни с чем отсылает послов обратно (ibid., p. 37). «Великие предки» фигурируют, конечно, здесь не случайно: авторская речь воспроизводит ход мысли героя, подражающего древним императорам. Вообще стремление «делать себя» под легендарных государей — постоянное свойство Романа. Как и в биографии Константина Мономаха, традицион-

⁴⁴ См. Я. Н. Любарский. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, стр. 33.

ный эпизод строительства храма превращается здесь в средство характеристики: Роман строит церковь, «соревнуясь со знаменитым царем Соломоном и подражая самодержцу Юстиниану» (ibid, p. 41). Не благочестие, а стремление походить на властителей прошлого движут византийским императором ⁴⁵.

Нетрудно видеть, что Михаила V и Романа III объединяет лишь общность основного «родового» качества — лицемерия. В остальном это образы совершенно различные. У каждого из героев «свой», характерный именно для него тип лицемерия. Внимание писателя направлено не на общее, «родовое», а на частное, индивидуальное.

И м п е р а т о р - « а л а д з о н »

Роман Диоген — герой с четко выраженной доминантой характера. Уже в первых строках биографии говорится: «Нрав его иногда прямой, большей же частью лукавый и наглый (εἰρωνικός καὶ ἀλαζών). Два последних определения вызывают ассоциации с классическими типами «аладзона» и «эйрона», хорошо известными со времен древнеаттической комедии и вошедшими в знаменитый реестр характеров Феофраста. «Ирония», однако, в ходе дальнейшего изложения больше не фигурирует, в то время как «наглость» (ἀλαζονεία) становится ведущим свойством героя. Именно все возрастающая «наглость» заставляет Романа совершить три последовательных похода против сельджуков, приведшие императора к катастрофе ⁴⁶. Поскольку описание этих походов составляет сюжетную канву жизнеописания, вся биография превращается в раскрытие ведущего качества персонажа. Весьма характерно для Пселла: «наглость» Романа раскрывается не только в прямых характеристиках, но и в постоянном противопоставлении претензий, кажущегося, видимого в императоре с реальными возможностями и результатами его усилий. Внешне серьезный (иногда даже торжественный, с гомеровскими цитатами) тон в ряде эпизодов служит контрастом ничтожности императорских успехов, порождая определенный комический эффект. Пселл так, например, рассказывает о приготовлениях Романа к своему первому походу: «Император облачился в боевые доспехи из дворца, взял в левую руку щит, в правую — копьё, «сбитое крепко гвоздями, двадцать два локтя длиною». Щитом император рассчитывал преградить путь врагу, а копьем поразить его в бок. При виде этого остальные подняли боевой крик и рукоплескали, я же, догадываясь о том, что должно произойти, оставался мрачным» (Chron., II, p. 158). Окончание этого же эпизода Пселл описывает следующим образом: «Император вернулся с видом победителя, но не привез с собой ни мидийской, ни персидской добычи, гордясь разве только тем, что воевал с врагом» (ibid., p. 159). Тем не менее этот поход становится для него «предлогом для наглости» (πρόφασις τῆς ἀλαζονείας). Аналогичным образом описываются и результаты второго похода: «Хотя тысячи наших воинов пали, все-таки мы взяли в плен двух или трех врагов и не были побеждены, и много было у нас разговоров по поводу победы над врагами» (ibid., p. 160).

Образ Романа Диогена лишен сложности и противоречивости, присущей большинству пселловских образов. Автор относится к своему герою со слишком большой неприязнью, чтобы копаться в психологических тонкостях. Вместе с тем Роман Диоген у Пселла — четко очерченный

⁴⁵ Ср. слова Пселла: «Предметом заботы этого императора было иметь вид благочестивого человека, и он действительно заботился о божественном, но притворства было больше, чем истинной веры, а видимость преобладала над действительностью» (ibid., p. 40).

⁴⁶ См. Я. Н. Любарский. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, стр. 33—34.

персонаж, никоим образом не напоминающий «злодея» допселловской хронографии. Особенности его изображения — наличие ярко выраженной «ведущей черты» характера и использование «непрямых» методов (определенный иронический подтекст) характеристики.

Ж е н щ и н ы - и м п е р а т р и ц ы

Императрица Зоя. Зоя, супруга трех государей, сама единодержавная правительница, фигурирует в нескольких книгах «Хронографии». Выйдя замуж в пятидесятилетнем возрасте, она тщетно пытается зачать ребенка, теряет расположение супруга и начинает его ненавидеть, уязвленная в царской гордости и разочарованная в эротических надеждах, которые, совсем не по возрасту, поддерживала в ней изнеженная дворцовая жизнь (Chron., I, p. 34). Завидуя сестре Феодоре, она убеждает супруга постричь ее в монахини (ibid., p. 107).

Вновь «по страсти, а не по рассудку» выйдя замуж за Михаила IV (ibid., p. 53), Зоя вторично терпит разочарование, поскольку ее новый царственный супруг не только не выказывал никакого расположения к ней, но, напротив, всяческим образом уязвлял свою благодетельницу (ibid., p. 62). На этот раз, однако, Зоя кротко переносит дурное обращение и готова простить своего гонителя (ibid., p. 84). Внешняя кротость и «непротивление» отныне становятся характерной чертой стареющей императрицы. Получивший власть Михаил V относится к ней не лучше прежних государей, полностью разделяя ту удивительную ненависть, которую питали к Зое возведенные ею на престол императоры. Вскоре пожилая государыня была вынуждена постричься в монастырь. Возвращенная в результате народного возмущения во дворец, она уже не рада счастью повороту судьбы, не пользуется случаем отомстить Михаилу V и даже не находит слов для его осуждения (ibid., p. 106). После падения Михаила Зоя вместе с Феодорой берут власть в свои руки. Короткое царствование сестер дает Пселлу возможность произвести — совсем в античных традициях — сравнение, «синкрисис», между сестрами, о котором речь ниже.

Поддав под воздействие чар Константина Мономаха, Зоя вскоре отдает ему руку и самодержавную власть. Мономах, как и его предшественники, третирует жену, однако Зою уже ничто не трогает, и даже скандальная связь Константина со Склириной оставляет ее совершенно равнодушной: «Она не питала ревности, изнуренная многими бедами и войдя в тот возраст, которому не свойственны подобные страсти» (ibid., p. 143).

Все сказанное выше о Зое — по сути дела, переложение нескольких пассажей из «Хронографии», в которых нет попытки дать законченную характеристику императрицы. Тем не менее ее образ проступает достаточно отчетливо. Чувственная, завистливая, постоянно уязвляемая в своем женском и царском достоинстве, при всем окружающем ее блеске одинокая женщина, с возрастом перестает остро реагировать на постигающие ее удары судьбы и, хотя ее еще может увлечь юная красота Мономаха, она уже безразлична ко всему, кроме своего последнего старческого увлечения — приготовления ароматических смесей.

Образ Зои — пример характеристики «мимоходом», образец искусства Пселлы обрисовать персонаж не с помощью прямого описания, а рядом удачно подобранных деталей.

Вместе с тем писатель считает нужным охарактеризовать свою героиню и специально. Первый раз он делает это в уже упомянутом «синкрисисе», второй — в «заключительной» характеристике, объединенной по образцу античного *elogium*'а с сообщением о смерти героини (ibid., II, p. 48).

Зоя была вовсе не приспособлена к делам, пишет Пселл, и совершенно испорчена «императорским безвкусием» (ὀπὸ βασιλικῆς ἀπειροκαλίας — трудно придумать более смелое и «современное» определение, которым автор выражает всю меру своего презрения к царственной старухе). «Если у нее и были какие-то душевные достоинства, ее характер не сохранил их в чистоте, — продолжает писатель, — а проявляя чаще, чем нужно, сделал их не благородными, а безвкусными. Не буду говорить о ее благочестии, не хочу обвинять ее за его избыток: в этой добродетели она была ни с кем не сравнима. . . . Что же касается остальной ее жизни, то была она то простой и ослабленной, то тугой и натянутой (Пселл пользуется здесь скрытым сравнением с лирой. — Я. Л.). Оба эти состояния без всякой причины мгновенно сменяли друг друга. . . .» (ibid., p. 48). И наконец, последняя деталь, придающая образу фанатичной богомолки жутковатый оттенок: молодая Зоя выражала недовольство по поводу того, что ее отец Константин VIII редко применял наказание — вырывание глаз. Только вмешательство самодержца спасло многие ее жертвы (ibid., p. 49).

Заключительная характеристика с ее обостренным «диалектизмом» писательского восприятия завершает тот образ, который уже и без того успел сформироваться в воображении читателя. По внутренней глубине и силе проникновения Зою «Хронографии» можно сравнить с фигурой ее последнего супруга — Константина Мономаха.

Императрица Феодора. В сравнении двух царственных сестер Пселл отмечает индивидуальные особенности каждой из них (ibid., I, p. 118—119). Старшая (Зоя) питала в душе новые замыслы, но была неразговорчива. Младшая (Феодора), напротив, была медлительна в своих планах, но весьма многоречива. Старшая была решительна в действиях, даже когда речь шла о жизни и смерти, у младшей — характер ровный и как бы «притупленный». Старшая была беспредельно щедра, младшая, наоборот, — чрезвычайно расчетлива. В «сравнении» обращает на себя внимание стремление писателя не сопоставлять отдельные «черты», а выявить тенденции характеров сестер: импульсивной, склонной к крайностям Зои и спокойной, «себе на уме» Феодоры.

Более подробное описание Феодоры дается в связи с ее вторым царствованием. Императрица «по-мужски», «открыто» берется за государственные дела (Пселл отмечает твердость голоса, которым Феодора выносит свои решения, — ibid., II, p. 72, непоколебимость ее желаний — ibid., p. 78 и т. д.). Вместе с тем ее деятельность вызывает явное недовольствие писателя: Феодора приближала к себе недостойных людей и, несмотря на благочестие, часто преступала законы из-за любви к самодержавной власти (ibid., p. 79). Уже с нескрываемым раздражением пишет Пселл о фанатичных монахах («назиреях»), под сильное влияние которых подпала императрица, совершившая в результате ряд промахов (ibid., p. 80—81). Традиционная женская добродетель — благочестие — здесь, как и в образе Зои, превращается в свою противоположность.

В скупо очерченном образе Феодоры мы встречаемся с той же тенденцией к индивидуализации и «диалектизму», которая характерна для большинства персонажей «Хронографии»⁴⁷.

Второстепенные персонажи

Помимо императоров, на страницах «Хронографии» выступает целый ряд героев всех званий и положений, от простых воинов до «первых министров». Одни из них только упоминаются, чаще всего в сопровожде-

⁴⁷ Третья женщина-императрица «Хронографии» Евдокия — характерный пример эволюционирующего персонажа. Пселл говорит о скромности (σωφροσύνη) героини, постепенно уменьшающейся под влиянием опасений за сына (ibid., II, p. 152—175).

нии краткой характеристики, другие описываются подробней или даже обрисовываются с той тщательностью и психологическим проникновением, которые обычно отличают пселловское искусство.

В характеристиках первого типа Пселл — традиционалист. Его задача — не индивидуализация персонажа, а выражение общего отношения к нему, «классификация» героя, чаще всего в рамках этических и эстетических категорий, издавна применявшихся в античной и византийской историографии. Даже языковые способы выражения в большинстве своем здесь традиционны: Пселл определяет своего героя при помощи эпитета, снабженного *accusativus limitationis*, или конструкцией с инфинитивом типа *δεινός λέγειν*, причем набор ограничивающих существительных и глаголов относительно невелик и стандартен⁴⁸. В целом они напоминают современные «служебные» характеристики, в которых своеобразие личности скрывается за набором обязательных штампов.

Впрочем, даже в пределах кратких характеристик Пселлу нередко удается схватить индивидуальность персонажа. Пример этому — описание членов императорской семьи Дук в самом конце «Хронографии» (*ibid.*, II, p. 178—182)⁴⁹ или портрет покровителя и друга писателя — Константина Лихуда (*ibid.*, 58—59, 93, 123—124)⁵⁰.

Некоторые персонажи по тонкости и мастерству изображения ничем не уступают основным героям «Хронографии». Это в первую очередь относится к описанию всесильного временщика, брата Михаила IV, Иоанна Орфанотрофа. Уже начиная характеристику, Пселл отмечает, что ему известны за Михаилом дела как «похвальные», так и «не слишком достойные» (*ibid.*, I, p. 59). Дальнейшее изложение автор стремится построить по принципу перечисления «хороших» и «дурных» свойств. Однако таланту Пселла органически противопоставлено расчленение белого и черного, и это еще раз подтверждается примером образа Иоанна.

«Умный, энергичный, трудолюбивый» (*ibid.*, p. 54, 59), Орфанотроф не желал причинять зла окружающим, но не терпел с их стороны пренебрежения; он никому не досаждал, но на лице сохранял суровое выражение, чтобы удержать людей от дурных поступков. На празднествах и пирушках не забывал он о делах и в самое неподходящее время мог появиться в любой части города. В результате все в страхе перед ретивым чиновником «сжались, замкнулись в себе, жили каждый сам по себе и прекратили общение». Изменчивый душой, он приспособлялся к характеру собеседника. За глаза людей поносил, но встречал приветливо. Если собеседник высказывал какую-нибудь полезную мысль, Михаил делал вид, будто давно знает о ней, и даже порицал человека за медли-

⁴⁸ Вот некоторые примеры: ... *βουλευσασθαι, ικανός και καταπράξασθαι περιδέξιος* (Варда Склиз — *ibid.*, I, p. 4); ... *ποικίλος τήν γνώμην και καταπανουργέσασθαι τοὺς ἀμφόλους δεινότητος* (Долиан — *ibid.*, p. 76); ... *τὸ ἦθος ἥδὸς και τήν γνώμην λαμπρός και τήν τύχην ἐπίσημος* (Алусиан — *ibid.*, p. 79); ... *τήν μὲν τύχην οὐ πάνυ διάσημος, τὸ δὲ εἶδος ἀξιωματικός και λαμπρός* (Константин Артоклин — *ibid.*, p. 123); ... *το μὲν εἶδος οὐ φαῦλος, τὸ δὲ ἦθος ὑποκαθήμενος* (Лев Торник — *ibid.*, II, p. 14) и т. д.

⁴⁹ Вслед за последней биографией Михаила VII в «Хронографии» помещены композиционно никак не объединенные характеристики родственников императора, а также письмо Михаила VII к будущему императору Никифору Вогианату. По вопросу о том, каким образом последнее попало в текст «Хронографии», исследователями высказывались различные догадки (см.: *J. Sikutris. Zum Geschichtswerk des Psellos. — BZ, 30, 1929/30, S. 61—71*). Можно высказать осторожное предположение, что как характеристики, так и письмо являлись тем «рабочим материалом», который был подготовлен, но по каким-то причинам не использован Пселлом, а затем добавлен к его рукописи. Если гипотеза верна, знаменательно, что, делая заметки для своего сочинения, Пселл в первую очередь составлял характеристики персонажей.

⁵⁰ Характеристика Константина Лихуда выдержана в энциклопедических тонах и в этом отношении стилистически, как и биографии Константина X и Михаила VII, выпадает из «Хронографии». Не можем, однако, не отметить великолепно найденную деталь образа министра, отмеченную печатью пселловского «диалектизма»: Лихуду была свойственна «улыбчатая серьезность».

тельность. Тот уходил пристыженный, а Орфанотроф тут же претворял мысль в дело. Иоанн стремился жить с блеском и управлять по-царски, но врожденный нрав не позволял ему этого, а природа его не могла отказать от свойственного ей чревоугодия. Напиваясь, он творил всякие бесчинства. Однако и пьяный, он не забывал государственных забот и сохранял серьезное выражение лица. Во время пирушек Иоанн внимательно следил за поведением собутыльников и потом привлекал их к суду за неосторожные речи и пошутки. Поэтому пьяного его боялись больше, чем трезвого. «Был этот человек средоточием различных качеств; уже давно приняв схиму, он и во сне не помышлял о соблюдении благочестия, тем не менее выполнял все положенное для монахов и сурово порицал нечестивцев. В то же время он враждебно относился ко всякому, кто вел благочестивую жизнь, жил в добродетели или украшал душу светскими науками, — предмет их рвения он презирал. Так нелепо относился он ко всем, но по отношению к брату-императору вел себя спокойно, не менял своего расположения и сохранял ровность характера» (ibid., p. 61).

Неоднократно отмечавшийся нами «диалектизм» пселловского метода в изображении Орфанотрофа достигает своего апогея. За каждым утверждением следует отрицание или ограничение, за каждой тезой — антитеза. Обычная двучленность характеристики превращается здесь уже в «многочленность» (ср. последнюю приведенную цитату: Иоанн — монах, но не благочестив, в то же время порицает нечестивцев, но враждебен к благочестивым людям). Мысль автора, как бы следуя и «сопереживая» персонажу (пользуемся выражением самого Пселла, см. выше стр. 103), противоречит самой себе и вместе с тем самой своей противоречивостью создает сложный образ героя.

Иоанн Орфанотроф в «Хронографии» — пожалуй, лучшее в среднегреческой литературе выражение духа «византинизма» (в трафаретном значении слова), который надолго пережил саму Византию. Умный, энергичный, со сладкой улыбкой на устах и злобой в сердце, растленный, но изображающий достоинство и благочиние, третирующий всех, чьи интересы лежат в сколько-нибудь возвышенной сфере, — такой персонаж мог бы занять место среди «вечных» литературных образов, не затерялся он на страницах пселловских мемуаров.

* * *

Приступая к рассмотрению системы образов «Хронографии», мы, исходя из композиции жизнеописаний, определили метод Пселла как дедуктивный — соответствующий средневековому нормативному мышлению. Однако конкретный анализ привел нас к противоположным выводам. Основная тенденция Пселла состоит не в подведении индивидуального и конкретного под общее и абстрактное, а, напротив, в максимально возможной для того этапа литературного развития индивидуализации; не в демонстрации отдельных изолированных «черт», а в создании цельных образов; не в статическом изображении характера, а в показе эволюционирующих, взаимообусловленных и противоречивых его свойств.

«Канонический» стиль, конечно, дает себя знать, и мысль писателя нередко следует привычным шаблонам, однако в целом метод Пселла противостоит доминирующей в средние века системе подачи образов. Именно это, видимо, и заставляет ныне воспринимать Пселла как удивительно «современного» писателя.

Истоки столь неожиданного для писателя XI в. таланта нельзя усмотреть во влиянии античного наследия (хотя без него и не было бы Пселла),

нельзя ограничиться ссылкой и на одаренность художника. Немалую роль сыграла, видимо, особая духовная атмосфера, царившая в кружке элиты византийской интеллигенции, куда входил Пселл⁵¹ и где образованность сочеталась с определенным, в рамках допустимого, вольномыслием, культом интеллекта и тем духовным превосходством над окружающими, без которого невозможно понимание людей и особенно изображение сложности и противоречивости их характеров. Это, однако, уже выходит за рамки настоящей статьи, целью которой было не столько объяснить, сколько показать.

⁵¹ См.: *Я. Н. Любарский. Пселл в отношениях с современниками* (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд), стр. 135 сл.

В. А. А Р У Т Ю Н О В А

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВИЗАНТИИ С ПЕЧЕНЕГАМИ И ПОЛОВЦАМИ ВО ВРЕМЯ НОРМАННСКОЙ КАМПАНИИ

В начале XI в. Византия успешно завершила многолетнюю войну с болгарами и оккупировала их земли. Но победа принесла империи, помимо новых земель, и необходимость оборонять их. Рухнуло Болгарское царство — барьер между границами Византии и кочевыми ордами. В течение всего XI в. балканские владения империи становятся объектом набегов кочевых племен: печенегов, узов и половцев. Мы остановимся ниже на одном из эпизодов борьбы Византии с кочевниками в начале 80-х годов XI в., в первые годы правления Алексея I Комнина.

В 1080 г., после ряда опустошительных набегов, с печенегами и куманами (половцами) был заключен мирный договор¹. «Мы не знаем, каковы были условия этого договора, — писал В. Н. Златарски, — но можем с уверенностью заявить, что константинопольское правительство этим мирным договором преследовало две цели; первая — защитить Болгарию от постоянных набегов печенегов, которые действовали заодно с куманами, и вторая — отнять у болгар возможность поднимать восстания с помощью этих варваров»².

Обеспечение мира на Балканах имело для империи в этот период особенно важное значение, так как балканские владения Византии стали самым значительным ее достоянием. Малоазийские провинции почти целиком перешли в руки турок-сельджуков. От Киликии до Дарданелл простирался могущественный Румский султанат с центром в Никее (позже — в Иконию).

Итак, печенеги и половцы заключили мирный договор с империей. Но соблюдали ли они его? Обычно полагают, что до 1084—1086 гг., когда кочевники поддержали восстание Травла³, они не предпринимали крупных выступлений против империи, иначе говоря, в течение самого тяжелого периода норманнской кампании 1081—1083 гг. они выполняли условия договора 1080 г.

Однако история взаимоотношений Византии с кочевниками показывает, что святость договоров мало заботила последних, особенно когда империя сражалась с другими врагами, подавляла бунты вельмож или выступления поработенных народов. Могли ли кочевники, несмотря на договор с Византией, не воспользоваться моментом и на этот раз, когда все силы империи были брошены на войну с норманнами?

¹ *Georgius Cedrenus. Joannis Scylitzae opere*, II. Воннае, 1838, р. 743.

² В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. III. София, 1963, стр. 165.

³ Анна Комнина. Алексиада. Вступительная статья, перевод и комментарий Я. Н. Лябарского. М., 1965, стр. 201.

Существует свидетельство, не привлекавшее до сих пор внимания исследователей и позволяющее ответить на этот вопрос. Оно содержится в уставе, написанном в 1084 г. великим доместиком Запада Григорием Пакурианом для основанного им во Фракии монастыря богородицы Петрицонской⁴.

Перечисляя дары, пожалованные монастырю, Григорий упоминает царские одежды, дарованные ему «могучим и святым нашим царем киром Алексеем». Он отмечает, что эти одежды были подарены, когда «вследствие великой помощи и силы его божественной десницы, из-за удачи и счастья святого нашего царя я разбил и разгромил очень страшных и очень храбрых его врагов, противников не только Романии, но и всего рода христиан. Я говорю именно о печенегах, разгром и полное уничтожение которых трудно описать». Далее Григорий добавляет: «Я убежден, что и после моей смерти, по истечении многих лет, совершившееся тогда чудо всемогущего бога никоим образом не забудется»⁵.

Можно утверждать, что сражение с печенегами было значительным: Григорий говорит о разгроме и полном уничтожении печенегов и выражает надежду, что память об этом не исчезнет. Из контекста ясно, что Алексей Комнин (*κραταῖος καὶ ἅγιος ἡμῶν βασιλεὺς*) был в то время уже императором. Следовательно, *terminus post quem* этого события — 4 апреля 1081 г., воцарение Алексея I, *terminus ante quem* — 1084 г., время написания типика.

Итак, крупное сражение с печенегами, в котором победу одержали ромейские войска под командованием Григория Пакуриана, произошло в промежутке между 1081 и 1084 гг.

Совершенно ясно, что император не принимал участия в этой кампании. Григорий говорит о победе как о плоде своих личных усилий. «Я разбил и разгромил врагов», — пишет он. Заявление полководца о милости неба к царю в этой битве следует расценивать как общепринятый в те времена оборот речи, воздающий хвалу одновременно как небесному, так и земному владыке. Впрочем, в упоминании о содействии победе «царской десницы» можно усмотреть намек на какую-то конкретную помощь, выразившуюся, вероятно, в присылке денег или подкреплений.

В типике, кроме того, есть упоминание также и о набеге куманов, столкновение с которыми закончилось для Григория не столь счастливо. Он попал к ним в плен, о чем в одном месте он говорит достаточно определенно (*τῆς ἀλώσεως τῶν Κομάνων*)⁶, а в другом — довольно бегло («жестокый плен в руках» *ἐθῶν*)⁷. Видимо, в обоих случаях речь идет об одном и том же событии.

Далее типик содержит сведения о каких-то казенных суммах (*βασιλικῶν λογαρίων*), израсходованных «на отзыв команов» (*εἰς τὴν μετάκλησιν τῶν Κομάνων*)⁸. Вероятно, Константинополь, будучи не в силах противопоставить кочевникам достаточную воинскую силу (поскольку основная их часть была брошена на войну с норманнами), обратился к излюбленному приему византийской дипломатии — подкупу.

Григорий говорит о дарах, полученных им по возвращении из куманского плена от императора и его брата, «счастливейшего севастократора»⁹. Как известно, титул «севастократор» был создан Алексеем для своего старшего брата Исаака после вступления на престол 4 апреля

⁴ *Typicon Gregorii Pacuriani*. — В кн. «Georgica», t. V. Тбилиси, 1963, стр. 252. 24—25.

⁵ *Ibid.*, стр. 130. 7—18.

⁶ *Ibid.*, стр. 130. 20.

⁷ *Ibid.*, стр. 118. 12—14.

⁸ *Ibid.*, стр. 250. 5—7.

⁹ *Ibid.*, стр. 130. 21—22.

1081 г.¹⁰ Набег куманов, следовательно, произошел в тот же период, что и битва с печенегами: не ранее 4 апреля 1081 г. и не позже 1084 г.

Попытаемся, однако, определить точное время этих столкновений. В 1081—1082 гг. Григорий Пакуриан неизменно находится на театре военных действий с норманнами. В конце 1081 г. он принимал участие в сражении под Диррахием, возглавляя левую фалангу императорских войск¹¹. Потерпев поражение, он формировал новые силы¹². Участвовал Григорий и в неудачных сражениях при Янине и Арте в 1082 г.¹³ После отъезда императора в Константинополь он вел самостоятельные военные действия против отдельных отрядов Боэмунда¹⁴. Осенью 1083 г. произошло несколько серьезных столкновений с норманнами у Лариссы. Алексею не удалось одержать решительную победу, но все же Боэмунд понес значительный урон, потерял запасы и снаряжение и отошел к Трикалам, откуда отправился в Касторию¹⁵. Вскоре после сражения у Лариссы произошла битва при захваченной норманнами Кастории (октябрь—ноябрь 1083 г.)¹⁶, осаду которой предпринял Алексей I. Гарнизон не выдержал приступа и сдал город императору¹⁷. В декабре 1083 г. Алексей возвратился в Константинополь. По дороге он остановился в Мосинополе и учинил жестокую расправу над павликианами Фракии¹⁸.

Интересно отметить следующий знаменательный факт. Григорий Пакуриан, который неотлучно находился на театре военных действий со времени сражения под Диррахием, участвуя во всех предприятиях Алексея Комнина, не присутствовал в таком важном сражении, как битва под Лариссой; его не было ни у Кастории, ни в Мосинополе. Вряд ли это случайно. Очевидно, в это время, т. е. в промежуток с осени по декабрь 1083 г., Григорий был занят делом, по меньшей мере, столь же серьезным, как и война с норманнами. Мы полагаем, что этим делом и было отражение набегов кочевников. В подтверждение этого обратимся к «Алексиаде» Анны Компины.

Война с норманнами в 1081—1084 гг. поглощала все силы империи. Единственный историограф этого периода — Анна пишет об этой войне как о самой опасной угрозе для империи в данный отрезок времени. Видимо, поэтому кочевникам она уделяла внимание лишь в дальнейшем, говоря о времени, когда они стали главной опасностью. Подробно рассматривает Анна участие печенегов в восстании павликианина Травла в 1084—1086 гг. Большое внимание она уделяет печенежскому нашествию на Византию в 1087—1092 гг., едва не погубившему империю. Но относительно более ранних набегов кочевников, засвидетельствованных другими источниками, и в частности типиком Пакуриана, в «Алексиаде» сказано очень бегло, и эти высказывания не привлекли к себе внимания исследователей. Упоминание о «скифах» содержится в передаваемой Анной речи Алексея, произнесенной им во Влахернском дворце в начале 1084 г.

1 декабря 1083 г. Алексей Комнин вернулся в Константинополь после победы над норманнами под Касторией и расправы с павликианами Филиппополя. Здесь его ждало недовольство части духовенства, возмущенного реквизицией драгоценной церковной утвари для расходов на военные нужды. Алексей созвал во Влахернском дворце синклит, чтобы оправдать перед ним свои действия. В своей речи он указал на великие опасности,

¹⁰ Анна Комнина. Алексиада, стр. 122; см. также стр. 651, прим. 309.

¹¹ Там же, стр. 150.

¹² Там же, стр. 160.

¹³ Там же, стр. 160—164.

¹⁴ Там же, стр. 165.

¹⁵ Там же, стр. 168—170, 651.

¹⁶ Там же, стр. 651.

¹⁷ Там же, стр. 176—177.

¹⁸ Там же, стр. 177—178.

которые угрожали государству в начале его царствования и которые побуждали его наложить руку на церковные сокровища. «Вам известно о вторжениях персов и набегах скифов, — говорил он, — и вы не забыли о копьях, которые точили против нас в Лонгивардии»¹⁹.

Алексей I совершенно точно перечислил здесь тех врагов, с которыми он имел дело с начала своего царствования. Действительно, сразу по вступлении на престол он вел войну с турками («персами») и сильно потеснил их от побережья в глубь Малой Азии; при известии о выступлении Роберта Гвискара («копья из Лонгивардии») он спешно заключил мир с султаном, чтобы не воевать одновременно с двумя противниками²⁰. Относительно же нападения «скифов» на империю в промежуток между вступлением Алексея на престол и началом 1081 г. (произнесение речи во дворце) Анна Комнина не дает никаких пояснений. Между тем набег, о котором счел необходимым упомянуть Алексей, вряд ли мог быть значительным пограничным столкновением — он говорит о нем наряду с войной против сельджуков и норманнской кампанией. В «Алексиаде» имеется и другое указание на этот «скифский» набег. «Алексей неоднократно терпел на войне поражения, — пишет Анна, — бесчисленное число раз вновь нападал на кельтов и наконец с божьего соизволения вернулся увенчанный победой. Вскоре император, однако, узнал, что на него надвигается туча других врагов (я имею в виду скифов). И вот по тем же причинам начался новый сбор денег»²¹. Эта фраза следует непосредственно за рассказом о реквизиции церковной утвари на нужды войны (весна 1082 г.)²². До декабря 1083 г., кроме победы при Кастории (октябрь—ноябрь 1083 г.), Алексей добился частичного успеха у Лариссы (начало осени 1083 г.)²³. Поскольку, вернувшись после победы у Кастории, император говорит о набегах «скифов» как о чем-то бывшем раньше, то очевидно, что в вышеуказанном отрывке имеется в виду его возвращение в Константинополь не после победы под Касторией, а после сражения у Лариссы. Следовательно, вернувшись в Константинополь после этого сражения в начале осени 1083 г., Алексей оказался перед угрозой со стороны «скифов» — угрозой настолько серьезной, что он был вынужден снова начать сбор денег. Эта угроза, однако, была, видимо, ликвидирована до возвращения Алексея после битвы при Кастории, как об этом свидетельствует речь во Влахернском дворце. Оба свидетельства «Алексиады» имеют в виду, следовательно, крупный набег «скифов» в период между ранней осенью и 1 декабря 1083 г.

Я. Н. Любарский считает, что фраза на стр. 107 о победном возвращении Алексея относится к победе при Кастории, а под упоминанием о «скифах» следует понимать помощь печенегов Травлу в 1086 г.²⁴ Нам представляется, что, если бы это предположение соответствовало истине, вряд ли Анна употребила бы слово «вскоре» по отношению к промежутку времени в три года (1083—1086 гг.). Я. Н. Любарский приводит в пользу своей гипотезы следующий аргумент. Анна указывает, что, когда начался новый сбор денег, епископ Лев Халкидонский, лидер духовенства, недовольного конфискацией церковной утвари, выступил вновь против императора и был низложен²⁵. Сохранился указ о его низложении, датированный 1086 г.²⁶ Я. Н. Любарский полагает, что эта дата вполне соответствует

¹⁹ Анна Комнина. Алексиада, стр. 179.

²⁰ Там же, стр. 138.

²¹ Там же, стр. 159.

²² Там же, стр. 158.

²³ Там же, § 7, стр. 170.

²⁴ Там же, стр. 500, прим. 487, 488.

²⁵ Там же, стр. 159.

²⁶ F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, II. Berlin—München, 1925, № 1130.

сведениям Анны, которая лишь забегаает вперед и повествует о событиях кануна печенежского нашествия 1086 г.²⁷

Однако в «Алексиаде» идет речь о нападках Льва Халкидонского на Алексея I, а в указе в качестве оснований низложения Льва приводятся обвинения, выдвинутые им против патриарха Евстратия. Я. Н. Любарский пытается примирить это разногласие тем, что патриарх Евстратий находился под покровительством самодержца и, следовательно, нападки на Евстратия были равносильны нападкам на Алексея. Разумеется, это было бы так, если бы в «Алексиаде», в отрывке, относящемся к судьбе Льва Халкидонского, шла речь только о 1086 г., к которому относится и указ императора о Льве. Но все дело в том, что пассаж «Алексиады» о Льве Халкидонском явно не ограничен одним годом. Анна дает, по нашему мнению, развернутую картину многолетней борьбы непокорного епископа с императором и официальной линией церкви. Лев Халкидонский сначала выступил против нового сбора денег, вызванного угрозой нападения «скифов». Это произошло «вскоре» после победного возвращения императора в столицу, т. е. в 1083 г. Затем усиленному обсуждению подвергся вопрос о святынях. Несмотря на обещания Алексея передать в возмещение убытков церкви еще более ценную утварь, Лев «начал клеветать на императора». К этому времени, пишет Анна, Алексея уже освободили от вины наиболее достойные члены синода. Это оправдание императора произошло в начале 1084 г. Но Лев все не унимался, и «поэтому он был осужден и лишен должности», а затем, спустя несколько лет, приговорен к изгнанию²⁸. Нам представляется, таким образом, что не следует рассчитывать на точное совпадение данных «Алексиады», рисующих *долгую* борьбу Халкидонского епископа с самодержцем, и свидетельств указа, который, очевидно, дает обоснование низложения Льва Халкидонского в 1086 г.

Нет оснований, следовательно, относить указание «Алексиады» о набеге «скифов» к 1086 г., поскольку это указание совпадает не с концом борьбы Льва Халкидонского против Алексея I, а, скорее, с ее центральным периодом.

Итак, «Алексиада» содержит сведения (правда, весьма скудные) о каком-то крупном набеге «скифов», который произошел между началом осени и 1 декабря 1083 г. Есть основания полагать, что это и был тот набег кочевников, о котором говорится в типике Григория Пакуриана и который отвлек внимание великого доместика от норманнской кампании.

Свидетельства типика Бачковского монастыря и «Алексиады» позволяют установить факт нападения крупных сил печенегов и половцев на империю осенью—зимой 1083 г. Судя по данным типика, печенеги и половцы вели наступление разобщенно. Великому доместику Запада Григорию Пакуриану в кровопролитной битве удалось разгромить печенегов, но, когда византийские войска вступили в сражение с половцами, победа осталась за последними. Великий доместик попал в плен вместе со своей свитой. Византийскому императору пришлось израсходовать, очевидно, довольно крупные суммы из государственной казны, чтобы добиться ухода половцев. Империя стремилась в это время любыми путями — оружием или золотом — ликвидировать угрозу затяжной войны с кочевниками, чтобы избежать необходимости ведения войны одновременно на два фронта.

²⁷ Анна Комнина. Алексиада, стр. 501, прим. 491.

²⁸ Там же, стр. 159—160.

Р. А. ГУСЕЙНОВ
СИРИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ XI—XII ВВ.*

Жизнь Византийской империи, тесно переплетенная с судьбами многих стран и народов Востока и Запада, постоянно привлекала внимание средневековых историографов, благодаря которым ныне специалисты достаточно хорошо осведомлены о внутри- и внешнеполитических событиях, имевших место в Передней Азии и Юго-Восточной Европе в XI—XII вв.

Среди различных групп источников имеется одна, которая, как нам представляется, еще в недостаточной степени используется для изучения истории Византии периода развитого средневековья. Это сирийские памятники письменности, свидетельства которых также помогают понять, почему империя в XI—XII вв. понесла весьма существенный экономический и военно-политический урон, способствовавший падению ее престижа и влияния, потере территорий и могущества.

В течение V—XIV вв., времени активного существования сирийской христианской историографической литературы¹, на сирийском языке, бывшем средством общения значительной части переднеазиатского населения, проживавшего преимущественно в пределах Византийской империи, появилось немалое количество сочинений. Они содержат весьма интересные, нередко оригинальные, свидетельства о многогранной жизни средневекового Востока и отчасти Запада, начиная с первых веков н. э. до периода монгольского завоевания и господства включительно. Сочинения сирийцев ввиду важности содержащегося в них материала составляют определенный этап в эволюции средневековой восточной историографии.

Начиная с прошлого столетия ряд исследователей обратил внимание на данные сирийской группы источников, которые привлекают как относительной объективностью и толерантностью, так и добросовестностью и осведомленностью; эти нарративные памятники позволяют осветить социально-экономические, политические и этногенетические, конфессиональные и идеологические вопросы, народные движения и военное искусство, феодальные мятежи и взаимоотношения государств. Пальма первенства в использовании сведений сирийцев принадлежит русским ученым. Интерес к сирийским источникам все время нарастает, что нашло конкрет-

* Статья носит характер краткого обзора, основное назначение которого — привлечь внимание византистов к сирийским источникам по истории Византии XI—XII вв.

¹ По истории сирийской христианской литературы средневековья см. следующие основные публикации: *W. Wright. A Short History of Syriac Literature. London, 1894; B. Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы. СПб., 1902; A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur mit Ausschluß der christlich-palästinischen Texte. Bonn, 1922; R. Duval. La littérature syriaque. Paris, 1907; C. Brockelmann. Die syrische und die christlich-arabische Literatur. Leipzig, 1907; J. B. Chabot. Littérature Syriaque. Paris, 1935; G. Graf. Geschichte der christlichen-arabischen Literatur, Bd. I—V. Città del Vaticano, 1944—1953; I. Ortiz de Urbina. Patrologia Syriaca. Romae, 1958.*

ное проявление в специальных работах, историографических исследованиях, библиографиях и переводах.

В Советском Союзе большая заслуга в области становления и развития сириологии принадлежит Н. В. Пигулевской, которая впервые широко привлекла свидетельства сирийцев, причем гораздо раньше, чем их оценили по достоинству за рубежом. Благодаря многочисленным трудам Н. В. Пигулевской приоритет в изучении средневековой истории народов СССР, а равно Передней Азии, в том числе Византийской империи периода раннего средневековья, на материале сирийских источников принадлежит советской школе сириологов.

Данные сирийских источников важны уже потому, что они отражают точку зрения не официальных кругов, т. е. не государственную точку зрения, а своеобразную «сирийскую». Свидетельства сирийских писателей привлекают внимание также потому, что в силу своеобразного положения на стыке «чисто» восточной и «чисто» западной, в том числе византийской, историографии они занимали промежуточные с многих точек зрения позиции, что не могло не отразиться на характере изложения и интерпретации событий. В частности, кроме сирийских материалов, они имели доступ не только к греческим источникам, но также к арабским, персидским, армянским, тюркским, что позволяло сопоставлять мнения и толкования различных групп нарративных памятников. Вместе с тем сирийские авторы, о которых пойдет речь дальше, были действительно историками, понимавшими то, о чем писали, и знавшими важность описанного. Сирийские источники не только дополняют сведения других групп письменных памятников, но являются также самостоятельными авторитетами. Принимая активное участие в экономической, политической и культурной жизни средневековья, сирийцы в тот период жили на обширной территории от Египта до Китая и от Закавказья до Малой Азии. Умение осваиваться в конкретной обстановке, мобильность и восприимчивость сделали их наблюдательными и осведомленными, очевидцами или участниками многих событий. Вот почему сведения сирийцев — это, как правило, данные из первых рук.

Сообщения сирийских источников по истории Византии XI—XII вв. можно разделить на два разряда: те, что касаются жизни в самой империи, и те, что относятся к внешнеполитической деятельности василевсов. Для XI в., когда сирийцы находились еще в тесном контакте с империей, их свидетельства важны для изучения почти всех аспектов жизни Византии; они касались вопросов византийского управления на Востоке, описали столкновения ее официальных представителей с сирийской церковью (яковитской и несторианской), политику в отношении местного населения, поборы и гонения, притеснения и взаимоотношения с соседними государствами. Для XII в., когда сирийцы уже непосредственно не соприкасались с империей, они все меньше и меньше сообщают о внутренней жизни Византии, уделяя больше внимания внешнеполитической деятельности василевсов. Вместе с тем следует отметить, что сирийские писатели начиная уже со второй половины XI в. в своих рассказах смотрят на империю почти как на чужака, больше с позиций ординарных регистраторов и толкователей событий.

Среди сочинений сирийцев достойное место принадлежит «Хронике» Михаила Сирийца, «Анонимной хронике 1234 года», «Всеобщей истории» Бар Эбрея как первоклассным источникам по истории империи XI—XII вв., составленным в период, когда еще продолжались оживленные сношения сирийцев с Востоком и Западом.

«Хроника» Михаила Сирийца ² (1126—1199) является сочинением од-

² Основное издание: *Chronique de Michel le Syrien*, éd. et trad. par J. B. Chabot, t. I—IV. Paris, 1899—1924.

ного из крупнейших представителей сирийской историографии. Уроженец Мелитены, он посвятил себя, согласно фамильной традиции, духовной деятельности и достиг сана яковитского патриарха Востока. Многие годы его жизни связаны с судьбами Византийской империи и Кониийского (Румского) султаната; он принимал активное участие не только в конфессиональной, но и в политической жизни второй половины XII в. Известно, что император Мануил I Комнин дважды призывал патриарха в Константинополь; римский папа Александр III приглашал его принять участие в III Латеранском (вселенском) соборе; иерусалимский король Балдуин IV радушно приветствовал его в своей столице; киликийские и мусульманские венценосцы также старались склонить на свою сторону пастыря многочисленных яковитов.

Михаил Сириец оставил яркий след как в истории восточнохристианской церкви, так и в историографии, ибо был хорошо подготовлен не только к клерикальной, но и к писательской деятельности. Он знал, помимо родного сирийского, арабский и армянский языки, возможно, умел объясняться на тюркском. Среди его сочинений нас привлекает обширная «Хроника», известная в дефектной сирийской рукописи XVI в., а также в многочисленных арабских и армянских списках нескольких редакций. По словам Михаила Сирийца, в его труд вошло то, что он сам видел или узнал от лиц, заслуживающих доверия, а также то, что он счел возможным позаимствовать из сочинений своих предшественников и старших современников. По истории Византии XI—XII вв. он нашел много интересного и важного у сирийских авторов этого периода — Игнатия Мелитенского, Василия Эдесского, Дионисия Бар Салиби, Иоанна Кипшумского, а также у ряда арабских и армянских писателей, имена которых, к сожалению, не названы.

«Хроника» состоит из введения, 21 книги и 6 приложений. Книги XI—XXI охватывают период истории Византии, более всего связанный с судьбами сельджуков и крестоносцев. Сочинение относится к разряду работ типа «всеобщей истории» и начинается от «сотворения мира»; его универсализм вытекает также из метода автора, синхронно изложившего в трех параллельных столбцах события светской и церковной истории, а также хронику различных происшествий и необычных явлений.

«Анонимная хроника 1234 года»³ — сочинение безвестного сирийского монаха-яковита, составленное, по-видимому, в середине XIII в. Можно предполагать, что он был уроженцем Месопотамии, города Эдессы. Не исключено, что какое-то время он провел в знаменитой яковитской обители — монастыре мар Бар Саумы, где начинали свой путь клириков Михаил Сириец, а впоследствии Бар Эбрей. Возможно, что здесь и была составлена хроника, ибо монастырь мог предоставить не только кров и пищу, но также богатейшее собрание сирийских и иных рукописей, пополненное в XII в. стараниями Михаила Сирийца, бывшего несколько лет его настоятелем. Безвестный монах много путешествовал; известно, например, что он находился в Иерусалиме, когда город был захвачен в 1187 г. Салах ад-Дином.

Сочинение сохранилось в единственной дефектной сирийской рукописи XIV в. Оно распадается на две части: светская история начинается от «сотворения мира», а церковная содержит преимущественно изложение судеб западносирийской церкви, часто в связи с политикой империи. К сожалению, мы недостаточно осведомлены об источниках, из которых

³ Русский перевод параграфов по истории раннесредневековой Византии из «Анонимной хроники 1234 года» см. в книге: *Н. В. Пугачевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков.* М.—Л., 1946; основное издание: *Anonymi auctoris Chronicon ad A. C. 1234 pertinens*, ed. J. B. Chabot. — «Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium», scriptores Syri, ser. III, t. XV, textus. Parisiis-Lovanii, 1916 (1917), t. XIV, versio, 1937; *A. S. Tritton, H. A. R. Gibb. First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle.* — «Journal of the Royal Asiatic Society», 69, 1933.

Аноним черпал сведения по истории Византии XI—XII вв. Можно лишь предполагать с большой долей вероятности, помня о его связях с обителем мар Бар Саумы, что яковитский монах воспользовался «Хроникой» Михаила Сирийца и другими сочинениями, хранившимися в монастырской библиотеке. Аноним составлен по принципу «всеобщей истории», но основное внимание уделено Передней Азии.

«Всеобщая история» Бар Эбрея ⁴ (1226—1286) принадлежит перу выдающегося представителя не только сирийской, но вообще переднеазиатской средневековой культуры. Бар Эбрей Абу-л-Фарадж Иоанн Григорий — уроженец Мелитены; он получил хорошее воспитание, знал несколько языков, в том числе арабский, персидский, один из тюркских, мог объясняться на монгольском. Бар Эбрей был ученым-энциклопедистом и оставил яркий след во многих отраслях науки и культуры. Не случайно, что как восточные христиане, так и мусульмане почитали его за многогранный талант и ученость. Бар Эбрей своими трудами полно представил сирийскую науку и культуру и являлся для сирийского мира тем, кем были Винсент де Бовэ или Альберт Великий для мира латинского ⁵.

Бар Эбрей посвятил себя духовной деятельности, достиг сана мафриана (примаса) яковитов. Будучи по положению «заместителем» патриарха, а в ряду случаев — местоблюстителем патриаршего престола, мафриан являлся главной фигурой в вопросах церкви на территориях восточнее Тигра. Он много разъезжал по Передней Азии, нередко встречался с владетельными феодалами и венценосцами. Наиболее плодотворный период деятельности Бар Эбрея как писателя связан с Азербайджаном ⁶, где он составил на сирийском языке ряд работ, в том числе «Всеобщую историю» в двух частях, известную в нескольких рукописях. Здесь, в библиотеке города Мараги, ученый сириец имел благоприятную возможность, как он сам сообщает, ознакомиться с богатым собранием сочинений на трех языках (сирийском, арабском, персидском). В частности, известно, что Бар Эбрей использовал «Хронику» Михаила Сирийца, а также историографический труд своего современника, персидского автора Ала ад-Дина Ата-Малика Джувайни.

Важнейшая часть сочинения — «Светская история» была переведена с сирийского на арабский язык ⁷ (в переработанном виде) самим Бар Эбреем; она содержит вступление и одиннадцать разделов (частей) и посвящена изложению событий начиная от «сотворения мира». Вторая часть — «Церковная история» посвящена судьбам восточного христианства, в том числе взаимоотношениям византийской церкви с сирийской и другими.

Таким образом, все три названных памятника являются сочинениями типа «всемирной истории», что свидетельствует о зрелости сирийской историографии и подтверждает мнение, что Михаил Сириец, Аноним и Бар Эбрей по праву входят в плеяду лучших представителей сирийской, более того — переднеазиатской средневековой культуры. Вместе с тем, хотя они являются авторами сочинений одного и того же культурного и историографического круга, их источники информации о Византии XI—XII вв. в определенной степени разнятся между собой, о чем можно судить как

⁴ Основное издание: *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890; см. также: *Barhebraei Gregorii Chronicon ecclesiasticum*, ed. J. B. Abbeloos et T. J. Lami. Parisiis-Lovanii, sectio prima, t. I, 1872, t. II, 1874, sectio secunda, t. III, 1877; *The Chronography of Gregory Abu'l Faraj, Commonly Known as Bar Hebraeus, Being the First Part of His Political History of the World*, ed. and transl. by E. A. W. Budge, t. I—II. London, 1932.

⁵ *G. Sarton. Introduction to the History of Sciences*, t. II/2. Baltimore, 1931, p. 975.

⁶ См.: *Р. А. Гусейнов. Бар Эбрей и Азербайджан. Из истории сирийско-кавказских связей.* — «Доклады АН Азербайджанской ССР», т. XIX, № 3, 1963.

⁷ Основное издание: *Abu-l-Faraj Ibn al-Ibri. Kitab muhtasar ad-duwal*, ed. A. Sa-lihani. Beyrouth, 1890.

по содержанию и степени подробности рассказов о событиях, так и по методу изложения и стилю.

Среди сюжетов, занимающих этих авторов, нас привлекают в данном случае те, что посвящены жизни Византийской империи и ее взаимоотношениям с балканскими народами, куманами, печенегами, арабами, сельджуками, крестоносцами, с народами Закавказья и другими участниками событий XI—XII вв. В частности, Михаил Сириец, Аноним и Бар Эбрей с понятным чувством описывают судьбу ряда сирийских городов, население которых пострадало от византийцев (ромеев, как они называют их), тюрков и франков (как именовали европейцев на Востоке). Действительно, Эдесса, Антиохия, Мелитена и другие города неоднократно становились объектом завоевания и не менее разорительного «освобождения». Видя бессилие империи, местное население переходило к самообороне; так было в области Мелитены в середине XI в.⁸ Вместе с тем мы узнаем о преследовании сирийцев-христиан константинопольскими патриархами, стремившимися принудить яковитов и несториан к признанию вероучения ромеев; так, описываются распоряжения о сожжении священных книг и церковной утвари яковитов (первая половина XI в.), а также о предании огню яковитской церкви в византийской столице (начало XII в.)⁹.

Для средневековой Юго-Восточной Европы и Передней Азии большое значение имел характер взаимоотношений Византии с балканскими странами; так, деятельность Василия II Болгаробойцы привела к временному пресечению политической самостоятельности Болгарии, но болгарский вопрос так и не был никогда решен империей в выгодном для нее аспекте. Во второй половине XI в. в Придунайской Болгарии отмечено восстание против византийского ига; еще в XII в. Мануил I Комнин вел борьбу с болгарами, осложненную, как и в предыдущем столетии, необходимостью отражать нападения сельджуков и крестоносцев¹⁰, присутствие и активность которых объективно способствовали успехам народно-освободительного и антифеодального движения на Балканах.

В XI—XII вв. Византию продолжали беспокоить с севера печенеги, которые порой вступали в контакты с другими врагами империи и совместными усилиями пытались нанести ей урон. Так, известны их рейды и вторжения с Дуная и из причерноморских степей, военный союз с знакомым и византийским писателям тюркским эмиром Чахой, который вознамерился использовать печенегов, неоднократно подступавших к византийской столице, для осады Константинополя с суши и моря. Правда, при Иоанне II Комнине опасность со стороны печенегов (которых сирийские источники именуют куманами) была ликвидирована, а сами они подчинены империи¹¹.

Подробны и важны сведения о периоде, когда жизнь Византии была тесно связана с судьбами не только Передней Азии и Балкан, но и Западной Европы: волею обстоятельств империя оказалась принужденной вступить в многоплановые и долгие взаимоотношения с пришельцами с Востока и Запада, что затронуло многие народы и страны. Непосредственные контакты Византии с сельджуками относятся к первой половине XI в. и продолжаются вплоть до падения Константинополя в 1204 г. в период существования Латинской и Трапезундской империй. Взаимоотношения имели в конечном итоге негативный характер, что проявилось преимущественно в военно-политическом плане.

После этапного для сельджуков и Передней Азии сражения при Данданакане (Средняя Азия) в 1040 г. они почти беспрепятственно проникали

⁸ Chronique de Michel le Syrien, p. 573—575.

⁹ Ibid., p. 576, 585—586.

¹⁰ Ibid., p. 507; *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, p. 136—137, 144, 167, 212, 332.

¹¹ Chronique de Michel le Syrien, p. 600—601.

на запад, доходя до Санджара, Халеба, Мосула, Амида¹². Империя отваживалась лишь на паллиативы: так, Михаил VI Стратиготик не нашел более действенного средства против опустошений на Черноморском побережье, как эвакуация населения. Поэтому Михаил Сириец, например, критикует нерешительность Византии, в результате которой сельджуки относительно легко проходили и хозяйничали в Армении, Сирии, Киликии, Малой Азии¹³, бывших сферой господства или влияния империи. Правда, василевсы пытались предпринимать более действенные меры, но уже первое столкновение с сельджуками на поле брани около армянского города Беркри в 1037 г. закончилось поражением византийского войска.

Причины нерешительности и порою отступления Византии перед повой внешней опасностью — сельджуками, а позднее и перед крестоносцами нужно искать в первую очередь во внутреннем положении страны. Экономическое, социальное и внутривластное развитие привело к тому, что самое могущественное государство Передней Азии в течение XI—XII вв. переживало важнейшие перемены в своих взаимоотношениях с окружающими народами и странами. В этом плане чрезвычайно знаменательно одно из решающих сражений — при Манцикерте 19 августа 1071 г.¹⁴ Роман IV Диоген, создавший боеспособную армию и добившийся ряда тактических побед над сельджуками, выступил против великого султана Алп-Арслана. Но византийское войско, двинувшееся в поход, было остановлено и разбито. Михаил Сириец считает необходимым подчеркнуть, что сражение было проиграно империей ввиду религиозных разногласий между составными частями византийской армии и благодаря «хорошему единению тюрок». Автор видит одну из причин поражения ромеев также в том, что ими предводительствовал «жестокий и свирепый в своих действиях» император, не имевший широкой поддержки среди своих подданных, а ему противостоял «справедливый и делающий добро султан». Он добавляет, что «побежденные тюрками ромеи никогда более не могли противостоять им», ибо император, сменивший на престоле неудачливого Романа IV Диогена, — Михаил VII Дука внимал «трусливым и изнеженным советникам, пребывав во внутренних покоях своего императорского дворца и не выступав против тюрок»¹⁵. Если даже абстрагироваться от явно односторонней характеристики, данной Михаилом Сирийцем, тем не менее следует отметить, что потеря после 1071 г. значительной части Малой Азии, несомненно, была следствием истинного состояния империи и явилась для нее невосполнимой утратой как в экономическом, так и в военно-политическом аспекте. В итоге Византия почти лишилась возможности продолжать экспансию на востоке, а сельджуки, не встречая, как правило, организованного сопротивления, наоборот, сумели усилить продвижение на запад. Не случайно, что именно после Манцикерта на политической карте появился Кониийский султанат, который принял на себя дальнейшую борьбу как с империей, так и вскоре с крестоносцами¹⁶.

Власть василевсов в Передней Азии и на Балканах была в значительной степени утрачена, и уже в этом возможно усмотреть связь между успехами сельджуков и процессом высвобождения стран Юго-Восточной Европы из-под византийского господства. Правда, на другом конце Перед-

¹² Ibid., p. 577.

¹³ Ibid., p. 572—573, 577—578, 774; Anonymi auctoris Chronicon, p. 46; *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, p. 218, 231, 242.

¹⁴ *Chronique de Michel le Syrien*, p. 577—579; Anonymi auctoris Chronicon, p. 46—47. *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, p. 246—249.

¹⁵ *Chronique de Michel le Syrien*, p. 578—579.

¹⁶ Ibid., p. 579, 586—589, 592, 596, 597, 601 sqq.; Anonymi auctoris Chronicon, p. 51, 54, 56—58, 60, 64, 66—67, sqq.; *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, p. 262, 265, sqq.

ней Азии — в Закавказье — итоги Манцикерта привели к иному результату: здесь взамен византийского владычества и влияния устанавливается сельджукское, которое удалось ликвидировать лишь в первой четверти XII в. благодаря усилиям местных государств, в первую очередь Грузинского царства Багратидов и государства атабеков Азербайджана — Илдегизидов.

Результат сражения 1071 г. на ряд десятилетий предопределил ход как западной, так и восточной истории, в том числе византийской. Последнему моменту не всегда придают должное значение, но исследование как сирийских, так и других восточных источников приводит к этому заключению. Дело в том, что в 1071 г. был решен вопрос о доминирующей силе в Передней Азии, и этой силой оказались сельджуки, что отразилось на судьбах многих стран, и притом не только восточных. Поэтому, если взглянуть на итоги Манцикерта несколько шире, нежели с позиций чисто византийской или тюркской истории, то напрашивается вывод о том, что сражение 1071 г. явилось одним из важнейших этапов всемирной средневековой истории.

Непосредственные контакты Византии с крестоносцами начались на рубеже XI—XII вв. и продолжались вплоть до взятия западноевропейскими рыцарями Константинополя. С появлением в Передней Азии крестоносцев события, связанные с ними, описаны Михаилом Сирийцем, Анонимом и Бар Эбреем с достаточной полнотой: сами походы, захваты в Сирии и Палестине, Малой Азии и Египте, временные союзы и почти перманентные столкновения с империей и сельджуками, политика Византии в отношении «освободителей гроба господня». Крестовым походам посвящены специальные главы, где рассказано о военно-политической деятельности рыцарей, одним из результатов которой было создание государств крестоносцев.

Пришельцы с Запада первоначально добились ощутимых результатов; не без помощи и советов ромеев они сумели сдержать и временно нейтрализовать сельджукскую экспансию, направленную против Византии, но впоследствии их активность больше нанесла империи ущерба, нежели принесла облегчение, ослабив ее перед лицом вновь нараставшей тюркской опасности. Благодаря крестовым походам в переднеазиатские и балканские события были втянуты европейские страны, и теперь история Передней Азии и Балкан, в первую очередь Византии, государств сельджуков и крестоносцев, теснейшим образом переплелась с событиями, происходившими на территории от Египта до Закавказья и от Средней Азии до Европы. Вместе с тем сирийские источники акцентируют внимание на том, что западноевропейское рыцарство очень скоро забыло об идее, приведшей их на Восток, и более всего помышляло о материальной выгоде своих акций¹⁷. В целом свидетельства сирийцев и других авторов уже давно привели к заключению, что в течение XII в. в Передней Азии друг другу противостояли две основные военно-политические силы — сельджуки и крестоносцы, чьи взаимоотношения были весьма важны для истории как Византии, так и тех государств Востока и Запада, которые оказались вовлеченными в круговорот событий.

Таким образом, Византия оказалась в гуще происходивших событий, но должна была в новых условиях рассчитывать не только на военную силу, но и на меньшей мере на дипломатическую игру, на свое умение лавировать в сложной ситуации, попеременно вступая во временные союзы со своими врагами и извлекая определенные выгоды. Особенно успешной представляется деятельность Алексея I, Иоанна II и Мануила I Комнинов, которые сумели добиться ряда важных побед над сельджуками и потеснить их в Малой Азии; они успешно действовали также на Балканах, в Италии,

¹⁷ Chronique de Michel le Syrien, p. 604; *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, p. 275—276.

Сирии и Киликии. Возможно, что результаты были бы большими, не будь в империи, особенно в столице, политических и социальных неурядиц¹⁸. Тем не менее внешнеполитические акции этих василевсов свидетельствуют о том, что императорская армия была еще достаточно сильной и боеспособной.

Постепенное восстановление Византией своих позиций в Передней Азии, в частности ее успехи в царствование первых трех Комнинов, привело к тому, что Кониийский султанат должен был предпринять срочные меры для пресечения активности императоров. Так Византия, пытавшаяся противостоять происходившим событиям, закономерно была подведена к следующему важному рубежу своей истории: вторичная попытка империи решительным образом покончить с тюркской опасностью завершилась трагедией 17 сентября 1176 г. при Мириокефале. Кониийский султан Килидж-Арслан II разбил Мануила I Комнина. Описавший сражение сирийский автор специально отмечает, что против армии василевса были применены характерные для тюрков приемы: стремление бить противника на марше, по частям, не давать ему покоя ни днем, ни ночью; создание зоны пустыни на пути передвижения, для чего уничтожали крепости, деревни, съестные припасы, источники воды; в конце изнурительного пути византийских воинов ожидала ловушка в дефиле, где они во главе с императором провели ужасную ночь на виду у сельджуков, заяввших господствующие высоты и имевших возможность уничтожить тех, кто находился внизу. Михаил Сириец считает, что сражения фактически не было; наутро Мануил I Комнин, не зная, что султан Килидж-Арслан II провел не менее тревожную ночь, опасаясь пойманных в ловушку, но вместе с тем достаточно сильных ромеев, заключил тяжелый мир¹⁹.

Исход встречи при Мириокефале позволил сельджукам надолго обеспечить себе безраздельное господство как в Малой Азии (до прихода сюда монголов в середине XIII в.), так и в некоторых других областях; Византия же навсегда должна была распрощаться со своими восточными владениями.

В целом Манцикерт и Мириокефале в значительной степени способствовали заключительному акту трагедии, разыгранному крестоносцами у стен византийской столицы в 1204 г., когда 12—13 апреля был взят штурмом Константинополь и империя временно исчезла с политической карты. Это событие также стало одним из важнейших во всемирной средневековой истории и нашло, как и сражение при Манцикерте, отзвук в жизни Востока и Запада. Учитывая совокупность событий XI—XII вв. и их последствия, можно говорить о том, что взаимоотношения Византии, сельджуков и крестоносцев способствовали в целом интенсификации развития средневекового Востока и Запада. Вместе с тем удастся констатировать, что в условиях, когда взаимоотношения часто приводили к столкновению интересов различных групп господствующего класса феодалов, в конечном итоге страдало податное сословие, которое терпело не только от войн и походов, не только от увеличения феодальной эксплуатации и установления двойного гнета, но также от неурожая и эпидемий, роста цен и стихийных бедствий. В связи с этим следует отметить сведения сирийских источников о налоговом обложении и состоянии податного сословия, о конфессиональной политике империи, сельджуков и крестоносцев, о дороговизне. Например, сирийские авторы с ужасом описывают грандиозный голод, который охватил в 1037 г. «всю ойкумену», а также четырехлетний голод 1171—1174 гг., свирепствовавший в Сирии, Месопотамии, Палестине, Закавказье и Иране. Они неоднократно сообщают о многочисленных фактах продажи местных

¹⁸ Chronique de Michel le Syrien, p. 612, 614, 621.

¹⁹ Ibid., p. 715—716.

жителей и пленных в рабство, приводят цены на продукты первой необходимости, на лечебные снадобья; они пытаются показать, как в зависимости от состояния войны или мира колебался жизненный уровень ²⁰.

В целом важность сведений социально-экономического, военно-политического и конфессионального характера, содержащихся в сочинениях Михаила Сирийца, Анонима и Бар Эбрея, приводит к заключению, что настало время для более тесных контактов между византиноведами и сириологами: сириология может внести определенный вклад в дальнейшую разработку византиноведческой проблематики, предоставляя материал сирийской историографии, который позволит еще глубже и ярче представить историю Византии XI—XII вв.

²⁰ Chronique de Michel le Syrien, p. 583, 588, 600, sqq.; *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, p. 233, 234, 343—344.

И. П. МЕДВЕДЕВ

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ВИЗАНТИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ ИМПЕРИИ

Задача изучения византийской дипломатии была поставлена в исторической науке уже давно. Наиболее отчетливо она была сформулирована Ш. Дилем, который в кратком очерке попытался суммарно изложить ее наиболее характерные принципы¹. Но и до и после него различные авторы посвящали решению этой задачи ряд исследований, из которых нужно особо отметить до сих пор единственную по этому вопросу монографическую работу Н. Каломенопулоса и обстоятельный доклад Д. Оболенского на XII Международном конгрессе византистов в Охриде, сопровождаемый имеющими принципиальное значение содокладами двух крупных специалистов в области византийской дипломатии и внешней политики — Д. Моравчика и Д. Закифиноса². Правда, все эти работы ограничиваются ранним периодом истории Византии. Например, Д. Оболенский, исходя из положения, что для создания обобщающего труда необходимы исследования, посвященные внешней политике империи в отдельных районах³, рассмотрел основные черты византийской дипломатии на материалах лишь одного из таких районов — северных рубежей империи (от Карпат до Кавказа), ограничив свою работу также и хронологически: как правило, она не выходит за пределы X в.

В данной статье сделана попытка ответить на некоторые вопросы, касающиеся основ византийской дипломатии последнего периода истории империи. Дело в том, что XIV и XV столетия, которые до сих пор все еще оставались темным периодом в истории Юго-Восточной Европы, начинают привлекать к себе пристальное внимание исследователей. Появилось несколько работ, посвященных международным отношениям Византии и сопредельных с нею стран в указанное время. Эти же вопросы были вынесены на обсуждение ряда международных конгрессов историков, и в частности византистов. Обобщая данные частных исследований, с одной стороны, и анализируя дипломатическую практику византийского правительства в целом — с другой, представляется возможным устано-

¹ Ch. Diehl. Les grands problèmes de l'histoire byzantine. Paris, 1943, p. 120—139.

² N. Kalomenopoulos. Ἡ διπλωματία τῆς Ἑλληνικῆς αὐτοκρατορίας τοῦ Βυζαντίου. Ἀθήναι, 1936; D. Obolensky. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy. — «Actes du XII-e Congrès International d'études byzantines. Ochride, 10—16 septembre 1961», t. I. Beograd, 1963, p. 45—61; Gy. Moravcsik, D. A. Zakynthinos (Rapports complémentaires). — Ibid., p. 301—319; см.: M. de Taube. L'apport de Byzance au développement du Droit international. — «Académie de Droit international. Recueil des Cours», 67, 1939, p. 233—339 (в частности, специальные главы о византийской дипломатии, о посольском и договорном праве в Византии и т. д.); G. Kolias. Βυζαντινὴ Διπλωματία. — «Πολιτικὴ Ἐπιθεώρησις», III, 1946, σελ. 59—68; L. Bréhier. Les institutions de l'empire byzantin. Paris, 1949, p. 281—323; P. Schmid. Die diplomatischen Beziehungen zwischen Konstantinopel und Kairo zu Beginn des 14. Jahrhunderts. Diss. München, 1956; см. также литературу, указанную в последующих списках.

³ D. Obolensky. Op. cit., p. 45.

вить если не всю совокупность средств, при помощи которых византийское правительство решало сложные внешнеполитические задачи, то по крайней мере те общие принципы, которые лежали в основе его дипломатической деятельности.

Из всего комплекса проблем, стоявших перед Византией в последние века ее существования, наиболее острым был, разумеется, вопрос об ее отношении к Османской Порте, поскольку стремительный территориальный рост молодого турецкого государства сопровождался катастрофическим сокращением собственно византийской территории⁴. На Балканском полуострове империи принадлежали в XV в. лишь область от Босфора до Селимврии и Деркоса, Месемврия и Анхиал на Черном море, область св. Горы и города Фессалоники, несколько островов Эгейского моря и Морея⁵. Константинополь по существу оказался анклавом в центре Османской империи, отделив, таким образом, азиатские владения турок от европейских. Упразднить это, по выражению Г. А. Острогорского, чужеродное тело и дать становящейся Османской империи надежный государственный центр в Константинополе было главной целью султанов⁶. Территориальный вопрос был тесно связан с проблемой политической независимости. Уже знаменитая битва при Марице (26 сентября 1371 г.) положила конец независимости Византии и низвела ее до ранга вассального государства и данника Османской империи⁷. По соглашению 1379 г. Мануил Палеолог (очевидно, будучи еще соправителем Иоанна V) должен был ежегодно являться в Порту с условленной данью в 30 тыс. золотых монет и вспомогательным войском в количестве 12 тыс. человек⁸. Правда, после восхождения на турецкий трон Мурада II (1422) размер дани уменьшился до 300 тыс. аспров, что составляет, по исчислениям Илиеску, 62,5% от первоначальной суммы⁹. Все эти уступки императора султану, а также размещение турецких гарнизонов на византийской территории, допуск кади, срытие городских укреплений¹⁰ означали серьезное ограничение территориального верховенства византийского государства. Разумеется, единственным средством оградить империю от окончательного захвата в данных условиях была византийская дипломатия со всем ее прославленным искусством и многовековой традицией.

Дипломатическая практика Византии в рассматриваемый период (от царствования Мануила II, 1391—1425, до падения империи) была чрезвычайно богатой, связанной со всеми крупными международными центрами того времени от Португалии до Сирии, от Лондона и Москвы до Каира. В документах архивов Рима, Венеции, Неаполя, Парижа, Флоренции, Дубровника, Модены, в византийских и западноевропейских

⁴ Помимо классических трудов Иречка, Кречмайера, Ципкайзена, Йорги, этапы турецкой экспансии прослежены в таких новейших работах, как: *P. Wittek. The Rise of the Ottoman Empire.* London, 1938; *F. Babinger. Mehmed der Eroberer und seine Zeit. Weltenstürmer einer Zeitenwende.* München, 1953; *E. Werner. Die Geburt einer Großmacht — die Osmanen.* Berlin, 1966. См. также: *F. Constantiniu. Aspecte ale expansiunii imperiului otoman în veacurile XIV—XVI în lumina unor lucrări noi.* — «Studii», 3, 1960, p. 197—208; *H. Inalcik. Mehmed the Conqueror (1432—1481) and His Time.* — «Speculum», XXXV (3), 1960, p. 408—427.

⁵ О более точных границах империи и их частых изменениях см.: *A. Bakalopoulos. Les limites de l'empire byzantin depuis la fin du XIVe siècle jusqu'à sa chute (1453).* — BZ, 55, 1962, p. 56—65.

⁶ *G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates.* München, 1965, S. 497.

⁷ *G. Ostrogorski. Byzance, Etat tributaire de l'Empire turc.* — ЗРВИ, кн. 5, 1958, p. 49—51.

⁸ *Ibid.*, p. 51—52.

⁹ *O. Iliescu. Le montant du tribut payé par Byzance à l'empire Ottoman en 1379 et 1424.* — RESEE, IX, 1971, N 3, p. 427—432; *F. Dolger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, 5. Teil.* München und Berlin, 1965, n. 3414.

¹⁰ *F. Dolger. Op. cit.*, n. 3264; *M. Silberschmidt. Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches nach venezianischen Quellen.* Leipzig und Berlin, 1923, S. 68.

хрониках и русских летописях сохранились имена византийских дипломатов Мануила и Георгия Филантропинов, Феодора и Мануила Кантакузинов, Алексея Враны, Константина Ралли, Алексея, Мануила, Георгия и Иоанна Дисипатов, Иоанна Мосхопула, Мануила и Иоанна Хрисолоров, Николая и Андроника Евдемоноиоаннов, Павла Софиана, Дмитрия Ласкаря Леондариса, Иоанна Владинтера, Георгия Сфрандзи, Андроника Вриенния Леондариса, Мануила, Андроника и Марка Ягарисов, Николая Франгопула, Макария Куруна, Дмитрия Ангела Клида, Дмитрия Палеолога Метохита и др. В источниках упоминаются целые династии дипломатов (как, например, Дисипатов, Филантропинов, Хрисолоров, Ягарисов и т. д.), в которых сыновья рано начали приобщаться к искусству ведения переговоров, принимая участие в посольских миссиях вместе с отцами¹¹. Интересно отметить свидетельство Никифора Григоры, который, описывая в письме к Андронику Зариду византийское посольство к сербскому кралю Стефану в 1325—1326 г., подчеркивает, что члены его являются «людьми, уже давно облеченными этими полномочиями и пожилыми»¹². По мнению Рейбо, в данном случае речь идет уже о посла-профессионалах¹³. Основной функцией всех вышеперечисленных дипломатов, принадлежавших, как правило, к крупной феодальной знати и занимавших высшие должности чиновной иерархии (прото-вестиарии, великие стратопедархи, императорские грамматики, великие протосинкеллы и т. д.)¹⁴, было представительство византийского правительства за границей, т. е. отправление посольских функций. Но были ли они профессионалами в нашем понимании, остается вопросом. Киррис считает, что в обычае византийцев было посылать в качестве послов образованных людей, а не профессиональных дипломатов (διπλωμάτας τῆς χαρριέρας)¹⁵. К этому следует добавить, что в византийской государственной системе отсутствовал единый центральный орган, который бы по своим функциям соответствовал современному министерству иностранных дел. Отправка послов за границу и прием иностранных послов находились в ведении различных служб. В частности, отправкой послов за границу ведал логофет дрома, которого в XIV в. сменил великий логофет¹⁶.

По-видимому, Византия так и не узнала постоянного представительства за границей, и все эти послы (ἀποκρισιάρχοι, πρέσβεις, ambassiatores) отправлялись для исполнения определенных миссий и на строго определенный срок¹⁷. Тем не менее при снаряжении такого посольства (как

¹¹ См., например, состав посольства на Констанцкий собор в 1416 г.: *F. Dölger*. *Op. cit.*, n. 3355.

¹² *R. Guiland*. *Correspondance de Nicéphore Grégoras*. Paris, 1927, p. 33. Интересно, что в перечне качеств, которыми, согласно официальному руководству, должен был обладать посол (честность, благочестивость, неподкупность, готовность пожертвовать собой ради интересов родины), возраст не указывается; см. *L. Dindorf*. *Historici Graeci Minores*, I. Lipsiae, 1870, p. 7; ср. *L. Bréhier*. *Op. cit.*, p. 306—307.

¹³ *L.-P. Raybaud*. *Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire Byzantin sous les premiers Paléologues (1258—1354)*. Paris, 1968, p. 222.

¹⁴ *F. Dölger*. *Op. cit.*, n. 3428, 3431, 3432, 3436, 3437, 3470 и др.

¹⁵ *K. P. Kyrris*. *Αἱ γλώσσαι τῆς βυζαντινῆς διπλωματίας ἀπὸ τῶν ἀρχῶν μέχρι τῆς Ἀΐσταυροφορίας*. — «Στασίνας», I, 1963, σελ. 107 со ссылкой на *G. T. Kolias*. *Léon Choerosphactès*. Athènes, 1939, p. 28, n. 3; ср. *L. Bréhier*. *Op. cit.*, p. 304—305.

¹⁶ *L. Bréhier*. *Op. cit.*, p. 300—303. О должности логофета в Византии см.: *E. Stein*. *Untersuchungen zur späthbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte*. — «Mitteilungen zur osmanischen Geschichte», II, 1924, S. 34—37, 39—41; *F. Dölger*. *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung* («Byzantinisches Archiv», 9). München, 1927, S. 23; *Ch. Diehl*. *Un haut fonctionnaire byzantin, le logothète τῶν σεχρέτων*. — «Mélanges à N. Jorga», 1933, p. 217—227; *D. A. Miller*. *The Logothete of the Drome in Middle Byzantine Period*. — *Byz.*, 36, 1966, p. 438—470; *R. Guiland*. *Les logothètes*. — *REB*, 29, 1971, p. 37—38.

¹⁷ Так, Иоанн VIII наказал своих послов за то, что они задержались при исполнении миссии и прибыли в столицу с опозданием (*F. Dölger*. *Regesten*, n. 3470), а Мануил II Палеолог, отправив к королю Фердинанду I Арагонскому посла, просит короля выслушать его и побыстрее отправить обратно (*ibid.*, n. 3357). Следует заметить,

правило, состоявшего из трех человек)¹⁸ можно видеть уже все компоненты современного аккредитования: посол получает верительные грамоты (*Litterae credulitatis*), содержащие указание цели миссии, имя и официальное звание посылаемого лица, и полномочия (*plenum procuratorium seu mandatum*)¹⁹, причем наделение подобными полномочиями одного посла автоматически влекло за собой отмену полномочий, ранее данных другому послу²⁰. Помимо этих официальных документов, послам давались подробные инструкции (*ἔγγραφοὶ ὁρίσμοι, προσταγματα, commissariae litterae, instrucciones*, как называют их источники²¹) с указанием, как нужно поступить в том или ином случае. По-видимому, посол не имел права переступать за рамки предписаний, но только должен был «лучше разъяснить написанное», как было сказано в одном императорском документе Иоанна VIII²².

Круг вопросов, которые приходилось решать византийской дипломатии в этот период, был, несмотря на обилие дипломатических связей с зарубежными странами, довольно ограниченным. Из 245 внешнеполитических актов византийского правительства (от Мануила II Палеолога до Константина XI), описанных в источниках и зафиксированных в «Регестах» Ф. Дэльгера (сообщаемые историками и хронистами сведения о различных посольствах, а также подлинные документы официального характера: послания — *Litterae, Litterae patentes, βασιλικαὶ γραφαί, Ἀνεφεγγμένα γραφαί, scripta, Litterae et bullae plumbeae*; жалованные грамоты — *Χρυσόβουλλοὶ λόγοι, Γράμματα*; периодически возобновлявшиеся торговые договоры с Венецией — *Τρέβαι, συνθήκαι, συμφωνία, συμβόλαιον, στοίχημα*; и др.)²³ по крайней мере 80 имели своей непосредственной целью добиться от различных государств в той или иной форме помощи против турецкой угрозы. Если к этому присовокупить около 50 внешнеполитических актов, относящихся к созыву униатского собора и заключению унии,

что это время уже знает такое понятие, как резидент-посол. Например, Квеллер показал, что именно таким постоянным послом был венецианский *baiulus*: *D. E. Queller. Early Venetian Legislation on Ambassadors. Genève, 1966* («Travaux d'Humanisme et Renaissance», LXXXVIII), p. 31, note 100. Об эволюции должности посла в эпоху средневековья см.: *D. E. Queller. The Office of Ambassador in the Middle Ages. Princeton, New Jersey, 1967*.

¹⁸ Рейбо различает монокефальные, бикефальные и плюральные типы посольств в соответствии с числом послов, причем он подчеркивает, что именно бикефальные (т. е. состоящие из двух человек) посольства были наиболее частыми, превратившись в своего рода «принцип, из которого делались многочисленные исключения»; см.: *L.-P. Raybaud. Op. cit.*, p. 215, 222, 225. Нам кажется, что если бы в его книге был использован V том «Регест» Дэльгера, то он вряд ли пришел бы к таким выводам. Интересно также отметить, что в источниках этого времени не упоминается участие переводчиков в составе посольств, хотя при подписании венецианско-византийских договоров в Константинополе часто присутствует *μέγας διερμηνευτής*: *F. Dolger. Regesten*, n. 2891 (с ошибочной нумерацией 2791), 3373, 3408, 3433, 3516. Известно, что в ранней Византии, когда знание нескольких языков было еще само собой разумеющейся вещью, слова «дипломат» и «переводчик» были синонимами (Киррис отмечает *τὴν σύμπλωσιν διπλωμάτου καὶ διερμηνέως*). Позднее образовалась особая специальность переводчика. См.: *K. P. Kyrris. Op. cit.*, σελ. 112. По-видимому, в поздневизантийское время услуги специального переводчика снова оказались излишними.

¹⁹ *F. Dolger. Regesten*, n. 3396, 3355 и др. О документах этого типа и их составе см.: *F. Dolger — J. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: Die Kaiserurkunden. München, 1968, S. 105—107*.

²⁰ Так, назначение Мануила Хрисолора полномочным представителем императора на Западе привело к отмене полномочий, ранее данных Константину Ралли и Алексею Дисипату (*F. Dolger. Regesten*, n. 3317, 3319).

²¹ *F. Dolger. Regesten*, n. 3437, 3450, 3465.

²² *Ibid.*, n. 3406. О византийских послах см. также: *C. Marinescu. Notes sur quelques ambassadeurs byzantins en Occident à la veille de la chute de Constantinople sous les Turcs. — «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», 10, 1950, p. 419—428*.

²³ О документах внешней политики, исходящих из императорской канцелярии, их составе и дипломатических особенностях см.: *F. Dolger. — J. Karayannopoulos. Op. cit.*, S. 89—108.

конечной целью которых с точки зрения греков было также получение от латинского Запада помощи против турок, и 35 упоминаний о посольствах к турецкому султану для урегулирования отношений, то можно еще раз убедиться в том, что турецкий вопрос определял всю дипломатическую деятельность византийского государства. Формы и размеры помощи, запрашиваемой византийцами, зависели от того, к какому государству они обращались. Наибольшие надежды возлагались, как об этом говорится в одном патриаршем документе, адресованном митрополиту Киевскому и великому князю всея Руси и другим князьям, на естественного союзника Византии — христианскую Европу: ἐλπίζομεν μὲν καὶ ἀπὸ τῶν μερῶν ἐκείνων (sc. ἀπὸ τῶν μερῶν τῆς Φραγγίας) πολλὰ καὶ μεγάλα²⁴. От русских ждут только ἐλεημοσύνην²⁵, милостыню, причем под словом «милостыня» всякий раз понималась денежная поддержка — единственная помощь, которую Византия получала из далекой Москвы²⁶. Разумеется, с подобными просьбами о финансовой помощи или о помощи продовольствием для Константинополя Палеологи постоянно обращались и к западноевропейским державам²⁷. Нередко византийские императоры заключали локальные коалиции против турок: тайный союз (Συμβάσεις, ὄρκοι φρικτοί, по терминологии хрониста) против Баязида I, заключенный Мануилом II и деспотом Феодором I Палеологами с Константином Драгашем и позднее сербским деспотом Стефаном Лазаревичем и скрепленный женитьбой Мануила II на дочери Константина Драгаша²⁸; планы тайной антитурецкой лиги, в которую византийские дипломаты упорно стремились вовлечь Венецию²⁹; попытка создать довольно широкую коалицию, состоящую «не только из христианских князей и народов, но и Карамана, правителя Восточной Анатолии, а также сыновей Karanluk», о чем говорится в послании Иоанна VIII королю польскому и венгерскому от 30 июля 1444 г.³⁰, и т. д. Но главная цель византийской дипломатии состояла в том, чтобы поднять весь католический Запад на «священную войну», на крестовый поход против мусульманского Востока³¹. Чтобы преодолеть

²⁴ F. Miklosich — J. Muller. Acta et diplomata graeca medii aevi, II. Vindobonae, 1862, p. 360.

²⁵ Ibidem.

²⁶ М. Н. Тихомиров. Россия и Византия в XIV—XV столетиях. — ЗРВИ, кн. 7, 1961, стр. 34; Д. Ангелов. История на Византия, III. София, 1967, стр. 112. Отсутствие прочных связей Византии с Русью по государственной линии Фэри фон Лилиенфельд объясняет тем, что русские князья вообще никогда тесно не были связаны с «семьей королей» (die Familie der Konige, см. об этом ниже), которые толпились вокруг византийского императора как главы христианской orbis terrarum. Тем более это характерно для XIV и XV вв., полагает исследовательница, когда «перемещение центра тяжести русской экономической жизни на север и сохранение политических интересов России в отношении соперничающих между собой столиц феодальных удельных княжеств Центральной России проложило зону торговой, экономическо-политической и военной незначительности (Bedeutungslosigkeit) между географическими пространствами, в которых пульсировала политическая, экономическая, общественная и культурная жизнь обоих государств». См.: Fairy von Lilienfeld. Russland und Byzanz im 14. und 15. Jahrhundert. — Thirteenth International Congress of Byzantine Studies. Supplementary Papers, Summaries. Oxford, 1966, p. 25.

²⁷ F. Dolger. Regesten, n. 3248, 3291, 3297, 3302, 3335, 3347, 3551.

²⁸ Georgios Sphrantzes. Memorii 1401—1477, ed. V. Grecu. București, 1966, p. 198; F. Dolger. Regesten, n. 3237. Следует отметить, что матримониальная политика уже давно стала одним из основных приемов византийской дипломатии. Мезальянсы императоров с чужеземными принцессами, которые решительно осуждал Константин Багрянородный, но которые утвердились при Комнинах, стали обычными в последний период византийской истории. См., например: I. A. Papadrianos. The Marriage-Arrangement between Constantine XI Paleologus and the Serbian Mara. — «Balkan Studies», 6, 1965, p. 132—138.

²⁹ F. Dolger. Regesten, n. 3256, 3367; F. Thiriet. Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie, I. Paris, 1958, n. 892; II. Paris, 1959, n. 1635.

³⁰ F. Dolger. Regesten, n. 3507 (с указанием источников и литературы вопроса).

³¹ В исторической литературе широко распространено мнение о плане так называемой «православной крузады», который якобы вынашивало византийское правительство в середине XIV в. и основой которого должен был стать международный

эгоцентричность Запада, занятого, по выражению И. Мадурека, своими «домашними делами», раздираемого «внутренними распрями, религиозными разногласиями, беспредельным религиозным утилитаризмом и эгоизмом»³², предпринимаются такие чрезвычайные дипломатические акции, означавшие серьезный разрыв с римскими традициями, как личные посещения западных дворов византийскими императорами (в 1366 и 1369 гг. — Иоанном V³³, в 1391 г. — Иоанном VII³⁴, в 1399—1403 гг. — Мануилом II³⁵, в 1423 и 1437 гг. — Иоанном VIII³⁶). Западноевропейским правителям настойчиво внушается мысль об «опасности для всего христианского мира в случае захвата Константинополя»³⁷, этого «оплота и бастиона христианства на Востоке» (in Oriente Christianorum arcis et munimenti)³⁸. Императоры предлагают свое посредничество в разногласиях между Венецией и Генуей, между Венецией и венгерским королем Сигизмундом, чтобы побудить их «как добрых христиан сообща прийти на помощь императору против турок»³⁹. Щедро раздавая королям и папской курии те подарки, на которые еще была способна Византия (многочисленные святые мощи, богато украшенные рукописи⁴⁰), они всеми силами старались пробудить на Западе интерес к событиям на Босфоре.

* * *

Изучая византийские документы внешнеполитического характера, и в частности договорные документы, Дэльгер и Караяннопулос пришли к очень интересным выводам. Они установили, что если раньше, до Ним-

исхазм. См., например: *L. Bréhier. Vie et mort de Byzance.* Paris, 1947, p. 456; *D. A. Zakynthinos. 1) Démétrius Cydonès et l'entente balkanique au XIVe siècle.* — «La Grèce et les Balkans». Athènes, 1947, p. 44—56; 2) *Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle.* Athènes, 1948, p. 127—128; *E. Stănescu. Autour d'une lettre de Démétrios Kydonès expédiée en Valachie.* — «Revue des études sud-est européennes», VII, 1969, N 1, p. 224—230. Факты, собранные этими исследователями, заслуживают самого пристального внимания, хотя уже сейчас, как нам кажется, можно сказать, что о «крестоносном» характере этого движения говорить было бы ошибочно. Речь шла, по-видимому, о создании обширной оборонительной лиги, но никак не о «крузаде».

³² *И. Мадурек.* Турецкая опасность и Средняя Европа накануне и во время падения Константинополя. — BS, XIV, 1953, стр. 135.

³³ *O. Halecki.* Un empereur de Byzance à Rome. Vingt ans de travail pour l'union des églises et pour la défense de l'empire d'Orient 1355—1375. — «Travaux historiques de la Société des sciences et des lettres de Varsovie», VIII. Varsovie, 1930; *A. A. Vasiliev.* Il viaggio dell'imperatore bizantino Giovanni V Paleologo in Italia (1369—1371) e l'unione di Roma del 1369. — «Studi bizantini e neoellenici», III, 1931, p. 153—193; *R.-J. Loenertz.* Jean V Paléologue à Venise. — REB, 16, 1958.

³⁴ *J. W. Barker.* John VII in Genoa: A Problem in Late Byzantine Source Confusion. — Or Chr Per, 28, 1962, p. 213—238.

³⁵ *M. M. Jugie.* Le voyage de l'empereur Manuel Paléologue en Occident. — «Echos d'Orient», 15 (1912), p. 322—332; *A. A. Васильев.* Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе. — ЖМНП, 1912, ноябрь—декабрь, стр. 41—78; 260—304; *A. Monferratos.* Διπλωματικά ἐνέργειαι Μανουήλ Β' τοῦ Παλαιολόγου ἐν Ἑβρώπη καὶ Ἀσίᾳ. Ἐν Ἀθήναις, 1913; *G. Schlumberger.* Un empereur de Byzance à Paris et à Londres. Paris, 1916.

³⁶ *Дь. Моравчик.* Византийские императоры и их послы в г. Буда. — «Acta historica Academiae scientiarum hungaricae», 8, 1961, стр. 239—256; *J. Gill.* The Council of Florence. Cambridge, 1959, p. 85—130; *G. Ostrogorsky.* Geschichte des Byzantinischen Staates, S. 492.

³⁷ *F. Dölger.* Regesten, n. 3269.

³⁸ *Ibid.*, n. 3495; *C. Baronius, O. Raynaldus et J. Laderchius.* Annales ecclesiastici denuo excusi et ad nostra usque tempora perducti ab A. Theiner, XXVIII. Barri—Ducis, anno 1443, p. 402.

³⁹ *F. Dölger.* Regesten, n. 3315.

⁴⁰ *Ibid.*, n. 3281, 3282, 3284, 3285, 3290, 3317, 3319. См. также: *G. T. Dennis.* Two Unknown Documents of Manuel II Palaeologus. — «Travaux et mémoires», III, 1968, p. 396—404, pl. I—II (речь идет о двух Litterae patentes Мануила II с дарениями священных реликвий Маргарите, королеве Дании, Швеции и Норвегии, и папе Бонифацию IX).

фейского договора в 1261 г., договорные документы облекались в форму жалованной грамоты — Хрисовула Логоса, выражая политическую доктрину византийцев, согласно которой договор был привилегией, актом милости, оказываемой императором иноземному правителю⁴¹, то начиная с XIII в. договорные документы полностью утрачивают черты жалованной грамоты. По мнению авторов, эта перемена показывает, что Византия была вынуждена перед лицом суровой действительности ограничить свои притязания в сфере международной жизни. «Это уже не гордый византийский император, снисходящий до пожалования привилегий своим «слугам», а правитель государства, который ведет переговоры с другими, равными по рангу властителями»⁴². Представление о том, что Византия в последние десятилетия своего существования отказалась от идеи универсальной империи, широко распространено в новейшей литературе⁴³, однако есть исследователи, которые сомневаются в этом⁴⁴. Нас в данном случае интересуют судьбы той политической доктрины, согласно которой византийский император был главой, «отцом» так называемой «семьи королей и народов» и идеологическая пропаганда которой была в свое время одним из основных инструментов византийской дипломатии⁴⁵.

Как известно, по припятому в то время титулатурному обычаю место каждого государя в иерархической градации всех князей мира по отношению к византийскому императору определялось терминами φίλος, ἀδελφός, τέκνον (или υἱός, что в поздний период византийской истории встречается гораздо чаще). Причем, как это показал Дольгер, в обращении византийского императора к чужеземному государю эти термины были не простой метафорой, но определенным титулом, который давался на основе императорского пожалования⁴⁶. Поэтому употребление подобной терминологии византийскими императорами в рассматриваемый нами период может многое объяснить, и в частности — отношение, которое существовало между византийским императором и турецким султаном, хотя вышеназванные термины употреблялись и в обращениях к западноевропейским государям⁴⁷. М. Зильбершмидт утверждает, что отношение турецкого султана к византийскому императору было отношением могу-

⁴¹ F. Dolger—J. Karayannopoulos. Op. cit., S. 95.

⁴² Ibid., S. 99—100.

⁴³ См. например: D. A. Zakythinos. Le despotat grec de Morée, vol. II. Athènes, 1953, p. 350; K. Lechner. Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner. München, 1955, S. 66 f.; H. Ditten. Βαρβαροι, Ἑλληνας und Ῥωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern. — «XIIe Congrès International des Études Byzantines. Ochride, 1961. Résumés des communications». Belgrade—Ochride, 1961, p. 28—29; A. E. Vacalopoulos. Origins of the Greek Nation, 1204—1461. New Brunswick, New Jersey, 1970, p. 27 sq.

⁴⁴ H.-G. Beck. Reichsidee und nationale Politik im spätbyzantinische Staat. — BZ, 53, 1960, S. 86—95.

⁴⁵ О византийском государственном праве см. также: Г. Острогорски. Автократор и самодержац. — «Глас САН», II разред, 84, 1935, стр. 99; G. Ostrogorsky. Die byzantinische Staatenhierarchie. — «Seminarium Kondakovianum», VIII, 1936, S. 41—64; A. Grabar. L'empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936, p. 16 sq.; G. Ostrogorsky. Bemerkungen zum byzantinischen Staatsrecht der Komnenzeit. — «Südost-Forschungen», 8, 1943, S. 267; основная монография: O. Treitinger. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischer Zeremoniell. Jena, 1938 (Neudruck: Darmstadt, 1956); H. Hunger. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964; idem. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz—Wien—Köln, 1965, S. 61—108; И. П. Медведев. Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных с нею стран). — В кн.: «Проблемы истории международных отношений» (сборник статей памяти академика Е. В. Тарле). Л., 1972, стр. 412—424.

⁴⁶ F. Dolger. Die «Familie der Könige» im Mittelalter. — In: «Byzanz und die europäische Staatenwelt». Darmstadt, 1964, S. 39, Anm. 8.

⁴⁷ Так, например, титул императорского «брата» (frater) по-прежнему получают в дипломатических актах короли Франции (F. Dolger. Regesten, n. 3269).

ществленного майордома (Hausmeier) к законному властителю⁴⁸. Действительно, с точки зрения византийского государственного права, земли, занятые турками и фактически ставшие территориальной основой Османской империи, были вечным и неотчуждаемым владением Византийской империи, а сами турки — варварами, подобно печенегам, аланам или аварам, которые могли сдерживаться средствами дипломатии и боевая сила которых могла использоваться в интересах империи⁴⁹. Соответственно этому регулировались и отношения между византийским императором и турецким султаном. Уже Иоанн Кантакузин (1347—1354), использовавший турок как противовес против генуэзцев и для усиления своей позиции внутри государства и возведший союз с турками в основной принцип своей политики⁵⁰, писал, что турецкий эмир из друга превратился в его слугу (... οὐκ ἐστὶ φίλος εἶναι βασιλέως ἀλλὰ δοῦλος)⁵¹. Это признавали и противники Кантакузина. По словам Никифора Григоры, эмир был связан глубочайшей дружбой с Кантакузином и добровольно (ἀσθαίρετον) обещал ему, что «в течение всей своей жизни ему и его детям-наследникам будет служить и сохранять с ними дружбу»⁵². При встрече с императором эмир сошел с лошади и пал ниц, а затем пеший приблизился к нему (... τοῦ ἵππου ἀποβάς ὁ Ἄμουρ, προσεκύνει τε τὸν βασιλέα καὶ ἐβάδιζε πρὸς αὐτὸν πεζός)⁵³.

В лице турецкого султана Баязида I (1389—1402) византийские императоры впервые столкнулись с «майордомом», который не удовлетворялся фактическим господством, но, по выражению М. Зильбершмидта, протянул руку к византийской императорской короне⁵⁴. Однако глубокая метаморфоза, происшедшая в восточном Средиземноморье в результате Ангорской битвы (28 июля 1402 г.), снова дала византийским императорам возможность осуществления своих прав в отношении турецких властителей. По словам Дуки, турецкий султан Сулейман (у Дуки — Μουσοῦραν) после Ангорской битвы прибыл в Константинополь, бросился в ноги императору и стал умолять его: «Я буду тебе сыном, будь же и ты моим отцом (Ἐγὼ ἔσομαι σοι εἰς υἱόν, σὺ δὲ πατὴρ ἐμὸς ἔσῃ). Отныне да не растет между нами сорная трава, и да не будет интриг, провозгласи лишь меня правителем Фракии»⁵⁵. По договору 1403 г. императоры были возвращены города на побережье Черного и Мраморного морей, Фессалоника с соседним районом. Уплата византийской дани турецкому султану прекратилась⁵⁶.

После того как между сыновьями Баязида разгорелась междоусобная война и Сулейман пал в этой борьбе (1411), византийский император, видя непримиримую враждебность (ἄσπονδον ἔχθραν) к себе одного из этих сыновей Баязида (Мусы), отправил к его брату Мухаммеду в Бруссу посольство с уведомлением, что, в случае если тот проиграет войну против Мусы, император примет его в своей столице; если же он выиграет войну, то «мы желаем, — говорит император, — чтобы ты стал правителем

⁴⁸ M. Silberschmidt. Op. cit., S. 68.

⁴⁹ E. Werner. Op. cit., S. 117.

⁵⁰ Ibid., S. 119—120.

⁵¹ Ioannis Cantacuzeni imperatoris historiarum libri IV, II. Bonnae, 1831, p. 398; Cp. E. Werner. Op. cit., S. 120.

⁵² Nicephori Gregorae Byzantina Historia, II. Bonnae, 1830, p. 597; cp. E. Werner. Op. cit., S. 120.

⁵³ Ioannis Cantacuzeni . . . historiarum libri IV, II, p. 393; cp. E. Werner. Op. cit., S. 120.

⁵⁴ M. Silberschmidt. Op. cit., S. 68.

⁵⁵ Ducas. Istoria turco-bizantină (1341—1462), ed. V. Grecu. București, 1958, XVIII, 2.

⁵⁶ Ibidem; cp. G. Ostrogorski. Byzance, Etat tributaire de l'Empire turc, p. 53. О византийско-турецком договоре 1403 г. см. подробнее: G. T. Dennis. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403. — OrChrPer, 33, 1967, p. 72—88.

и моим сыном (τῆς ἡγεμονίας ἐγκρατῆς γενήσῃ, καὶ ὡς ἐμὸς υἱὸς ἔσῃ)»⁵⁷. Соответственно Мухаммед I, уже став султаном, также обращается к императору Мануилу со словами: πᾶτερ ἄγιε⁵⁸. Узнав о воцарении Мухаммеда, император Мануил отправил к нему (после 5 июля 1413 г.) посольство (ἀποκρισιαρίουσ ἐγγενεστέροус τῶν ἀρχόντων) с папоминанием о том, чтобы султан сделал обещанные во время своего пребывания в Константинополе уступки⁵⁹. «С радостью» приняв послов, Мухаммед I заключил клятвенный союз (συνθήκασ ἐνόρκουσ) и отдал императору все города на фракийском побережье Черного моря, а также деревни и города, расположенные в Фессалии, и города в Пропонтиде⁶⁰. Чрезвычайно характерны слова, которыми султан проводил послов императора: «Отныне я есть и буду подданный его (императора) как сын по отношению к отцу (Ἀπὸ τοῦ υἱὸν δὲ εἶμι καὶ ἔσομαι ὑπήκοοσ ἀπὸ τῶν ὡσ υἱὸσ πρὸσ πατέρα)»⁶¹. Итак, ὑπήκοοσ — синоним υἱὸσ πρὸσ πατέρα!

Разумеется, византийские императоры были далеки от идеализации своих отношений с турецкими султанами. Их дипломаты зорко следили за тем, что делалось в Османской Порте, регулярно посещали двор султана, завязывали полезные связи, постоянно сеяли вражду между многочисленными претендентами на турецкий престол. Послы Мануила II, отправленные в конце 1409 г. в Венецию, указывали на «представившийся случай поссорить обоих султанов (Сулеймана и Мухаммеда) и спасти тем самым империю», для чего они просили о поставке 8 галер, которые должны были соединиться с 2 греческими судами и преградить проезд между Европой и Азией⁶². В послании императора Иоанна VIII в Венецию от февраля — марта 1430 г. также указывается на то, что «лучшее средство для защиты от османов — это поссорить их между собой»⁶³. Любопытно отметить также, что еще раньше, перед отъездом Мануила II в западные страны, было отправлено посольство к Тимур-Ленку, чтобы подстрекать его против Баязида I⁶⁴. С этой же целью императоры охотно принимали неудачных претендентов, изгнанных турецких князей, чтобы в нужный момент выставить своего кандидата на освободившийся турецкий престол или выдвинуть опасного соперника. Осенью 1416 г. к султану Мухаммеду I было отправлено послание, в котором император отказывался выдать брата султана, Мустафу, и его свиту, которые бежали в Фессалонику⁶⁵. «Я, как ты хорошо знаешь, — говорит император, — обещал, что буду отцом тебе, ты же — сыном мне. И если мы оба сохраним обещания — тут тебе и страх божий, и соблюдение заповедей. Если же уклонимся от них — вот уже и отец окажется предателем сына и сын будет называться убийцей отца. Я-то сохраню клятвы, а вот ты не желаешь сохранить их. Пусть карающий несправедливого бог будет справедливым судьей. Относительно же беглецов нельзя ни говорить, ни ушами слышать о передаче их в твои руки, ибо не царское это дело, но тираническое»⁶⁶. Широко применялась система воспитания сыновей султанов при константинопольском дворе. Разумеется, со стороны византийцев прилагались все силы к тому, чтобы воспитать их в духе преданности империи

⁵⁷ *Ducas*, XIX, 10; *F. Dolger*. Regesten, n. 3331.

⁵⁸ *Ducas*, XIX, 12.

⁵⁹ *Ibid.*, XX, 1; *F. Dolger*. Regesten, n. 3334.

⁶⁰ *Ducas*, XX, 1.

⁶¹ *Ibidem*.

⁶² *F. Dolger*. Regesten, n. 3327; *F. Thiriet*. Op. cit., II, n. 1362. Ответ сенъории от 10 января 1410 г. был типичным для венецианской дипломатии: идея хороша, но венецианцы ничего не смогут сделать одни. Пусть император обратится к князьям Запада. Если они вмешаются, Венеция выполнит свой долг (*F. Thiriet*, loc. cit.).

⁶³ *F. Dolger*. Regesten, n. 3426; *F. Thiriet*. Op. cit., II, n. 22092.

⁶⁴ *F. Dolger*. Regesten, n. 3278.

⁶⁵ *Ibid.*, n. 3361.

⁶⁶ *Ducas*, XXII, 5.

и одновременно использовать в качестве заложников. Первая же попытка нового султана Мурада II (1421—1451) упразднить этот институт вызвала резкий дипломатический конфликт. Примерно в июне 1421 г. к Мураду II в Бруссу было отправлено посольство в составе Палеолога Лахана и Теолога Коракса, с тем чтобы утешить султана в связи со смертью его отца, поздравить его с вступлением на престол и потребовать, чтобы султан отдал младших детей Мухаммеда императору, которого Мухаммед в своем завещании назначил опекуном⁶⁷. «Если же он не отдаст и не пожелает следовать древнему закону, установленному предками (τοις πατρικοῖς θεσμοῖς), то император имеет соперника (ἐφεδρον), которого он поставит правителем Македонии, Херсонеса и всей Фракии, а затем — Азии и всего остального Востока»⁶⁸. Любопытен ответ султана, переданный послам через визиря Баязида: «Нехорошо и противоречит предписаниям пророка то, что дети мусульман воспитываются и обучаются у гяуров (παρὰ καβουρίδων). . . Но если император хочет, пусть имеет напу любовь и пусть остается в соответствии с прежними договорами (κατὰ τὰς πρώτας συνθήκας) другом и отцом (φίλος καὶ πατήρ) этих сирот, за исключением того, что касается опекуинства. . . Но в отношении требования иметь и воспитывать детей невозможно согласиться; отдать же их еще более невозможно»⁶⁹.

С воцарением Мурада II в отношениях между византийским императором и турецким султаном наступила глубокая перемена. Восстановив Османскую империю, новый султан вернулся к агрессивной политике Баязида. Осадой и штурмом Константинополя в 1422 г. начался последний период агонии Византийской империи⁷⁰. Характерно, что от сношений Византии с султанатом почти не сохранилось документов официального характера. Сведения об этих отношениях мы черпаем у историков и хронистов. Думается, что это не случайно. При том правоотношении, которое существовало между византийским императором и турецким султаном (законный государь и его «майордом», πατήρ καὶ υἱός), связи между ними не могли регламентироваться при помощи таких строго оформленных договорных актов, как, скажем, знаменитые договоры Византии с Венецианской республикой. Отношения между ними, по-видимому, регулировались скорее обычным, чем договорным, правом. Тем не менее даже по сообщениям хронистов и историков можно судить о качественном изменении в отношениях между императором и султаном с воцарением Мурада II. Речь при этом идет о заключенном 22 февраля 1424 г. византийскими послами Лукой Нотарой, Мануилом Мелохриносом и Георгием Сфрандзи мирном договоре (ἑρωτητικὸν ἀγάπηξ, ἕρκαι, συνθήκαι, εἰρήνη, σπονδαί, рах et concordium) с султаном, поставившем Византию снова в зависимое от турок положение и возложившем на греков, помимо территориальных уступок, уже упомянутую выше ежегодную дань в 300 тыс. аспров⁷¹. Со стороны византийского правительства этот договор по существу означал признание турецкого султана в качестве суверена. Само правоотношение πατήρ—υἱός претерпело любопытную эволюцию. Приводим текст сравнительно недавно обнаруженного письма императора Иоанна VIII

⁶⁷ *Ducas*, XXIII, 4; *F. Dolger*. Regesten, n. 3388.

⁶⁸ *Ducas*, loc. cit.

⁶⁹ *Ibidem*.

⁷⁰ *G. Ostrogorsky*. Geschichte des byzantinischen Staates, S. 482; *A. A. Vasiliev*. History of the Byzantine Empire. Madison, 1952, p. 640.

⁷¹ *Georgios Sphrantzes*, p. 16, XII, 4; p. 256, I, 31; *Ducas*, XXIX, 1; *Laonici Chalcocondylae* Historiarum Demonstrationes, ed. E. Darkò, II. Bucureşti, 1923, V, 17, 15; *Historia politica et partiarchica Constantinopoleos. Epirotica*. Rec. J. Bekkerus. Bonnae, 1849, 6, 1; *N. Jorga*. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. — «Revue de l'Orient Latin», 5 (1897), p. 160—162; *F. Dolger*. Regesten, n. 3412, 3413, 3414.

Палеолога от 1432 или 1447 г., адресованного визирю Мурада II Саруджа-бею: «Императорское (послание) храбрейшему, мудрейшему, возлюбленному и лучшему другу моей царственности Саруджа-бею. Храбрейший, мудрейший, возлюбленный и лучший друг моей царственности Саруджа-бей! Прошло немало времени с тех пор, как мы ничего не слышали о моем брате, прославленном великом эмире, как с божьей помощью обстоит дело с его здоровьем. Поэтому мы послали господина Мануила Стахитциса, чтобы он об этом узнал, а также чтобы приветствовал Вас. Мы поручили ему также некоторые дела, которые он должен с Вами обсудить, как Вы от него узнаете подробнее, и мы просим Вас, чтобы они были улажены. — В апреле, 10 индикта»⁷². Таким образом, Иоанн VIII называет уже турецкого визиря своим другом (*φίλε τῆς βασιλείας μου*), а самого султана — своим братом (*τὸν ἀδελφόν μου*). О все усиливавшемся крушении духовной супрематии византийского императора свидетельствует и тот факт, что для узаконения воцарения нового византийского императора Константина XI (1449—1453) потребовалась санкция султана: 6 декабря 1448 г. к Мураду II отправился Георгий Сфрандзи с просьбой о признании (*να ἐπίσταται τοῦτο κάκεινος δὴ ὁ ἀμνηστὸς*) Константина в качестве императора⁷³. И тем не менее идея империи, идея вселенского императора до самого последнего часа жила в сознании византийцев. Она звучит в бесконечных призывах Константина XI к Западу⁷⁴, в попытках организовать оборону собственными силами. Лебединой песней этой идеи является преисполненный трагизма ответ Константина Палеолога Мухамеду II на его ультиматум в мае 1453 г.: император готов жить с султаном в мире и оставить ему захваченные города и земли. Город уплатит любую требуемую султаном дань, насколько это будет в его силах; только сам город не может передать император: лучше умереть⁷⁵.

⁷² Это небольшое письмо Иоанна VIII, обнаруженное в архиве Toprany Серай, было издано трижды. Из соображений труднодоступности для византистов первого турецкого издания (Tahsin Öz. *Bizans Imparatoru'nun bir namesi*. — *Belleten*, XV, N 58. Ankara, 1951, 219—222) оно было почти одновременно и независимо опубликовано с одной стороны Ф. Бабингером и Ф. Дэльгером (*F. Babinger — F. Dolger*. Ein Auslandsbrief des Kaisers Johannes VIII. vom Jahre 1447. — *BZ*, 45, 1952, Hf. 1, S. 20—28 = *F. Dolger*. *Byzantinische Diplomatie*. Ettal, 1956, S. 292—301), с другой — П. Виттеком (*P. Wittek*. Ein Brief des Kaisers Johannes VIII. an den osmanischen Wesir Sarigâ Pasha vom Jahre 1432. — *Byz.*, XXI, 1951, S. 323—331), причем, как мы видим, с разными датировками (на основании водяного знака бумаги «три горы», указанного у *C. M. Briquet*. *Les Filigranes*, III. Paris, 1907 — под номерами 11652 — для времени 1434—1439 гг. в Генуе, Флоренции и Палермо, и 11662 — для 1432 г. во Флоренции). Обратив внимание на дрожание, стертые движения подписи императора, Бабингер и Дэльгер считают, что так мог подписаться только тяжелобольной человек. Сравнивая это с сообщением Дуки, который в 1448 г. писал о болезни и упадке духа императора, и принимая во внимание, что 10 индикт в правление Иоанна VIII приходится на 1432 и 1447 гг., Бабингер и Дэльгер предпочитают дату 1447 г. Издавая письмо, они еще не знали о датировке Виттека, но и в «Регестах» Ф. Дэльгер повторил свою датировку (*Regesten*, n. 3513). Однако П. Виттек также настаивает на своей датировке. «Pour la date, je reste adamant», — писал он в редакцию «*Byzantion*» (XXI, 1951, Fasc. 2, p. 332) по поводу совпадения двух изданий этого письма. Наконец, Икономидис также высказался за 1432 г.: *N. A. Oikonomides*. On the Date of John VIII's Letter to Saridja beg (April 1432). — *Byz.*, XXXIV, 1964, p. 104—109.

⁷³ *Georgios Sphrantzes*, p. 72, XXIX, 3; p. 348, III, 1; ср. *F. Dolger*. *Regesten*, n. 3519.

⁷⁴ О воззваниях Константина Палеолога к Генуе, Венгрии, Альфонсу V Арагонскому и Фридриху III см.: *R. Guillard*. Αί προς την Δύσιν ἐκπλήσσει Κωνσταντίνου ΙΑ' τοῦ Δραγάτος προς σωτηρίαν τῆς Κωνσταντινουπόλεως. — *ΕΕΒΣ*, XXII, 1952, σ. 60—74; к папе и Венеции: *R. Guillard*. Les appels de Constantin XI Paléologue à Rome et à Venise pour sauver Constantinople (1452—1453). — *BS*, XIV, 1953, p. 226—245.

⁷⁵ *Ducas*, XXIX, 1; *Critobul din Imbros*. Din domnia lui Mahomed al II-lea (1451—1467), ed. V. Grecu. București, 1963, I, 26, 2; *F. Dolger*. *Regesten*, n. 3554; ср. *F. Babinger*. *Op. cit.*, S. 97.

А. И. ИВАНОВ

МАКСИМ ГРЕК И ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

К постановке вопроса

Вопрос об отношении Максима Грека к итальянскому Возрождению имеет важное значение для восстановления идейного облика этого выдающегося русского писателя первой половины XVI в. и его места в общественно-политической и культурной жизни Древней Руси.

В исследованиях о Максиме Греке высказано два диаметрально противоположных взгляда по данному вопросу.

Одни ученые считают, что Максим Грек во время довольно продолжительного (13 лет) пребывания в Италии, где он под мирским именем Михаила Триволиса учился и работал под руководством виднейших представителей итальянского Ренессанса, впитал в себя передовые гуманистические идеи тогдашней европейской образованности и выступил в России усердным и отважным проводником этих идей в области культуры и общественно-политической мысли.

Ряд других исследователей решительно отрицают наличие гуманистических начал в воззрениях Максима Грека, заявляя, что если в первое время пребывания в Италии у Максима и проявлялись гуманистические настроения и взгляды, то они были полностью вытравлены проповедями и религиозным фанатизмом — фанатизмом Савопаролы, а также продолжительной жизнью на Афоне, и в России Максим стал выразителем идеологии реакционных верхов господствующего класса феодалов и церкви и защитником их интересов.

Первого взгляда придерживалось, в той или иной степени, большинство старых русских историков и литературоведов. Так, например, Е. Е. Голубинский писал: «Заключая из того, что мы знаем о Максиме Греке, необходимо думать, что при своих талантах и своем прилежании он образовал из себя такого ученого, который занял бы одно из наипочтеннейших мест среди тогдашних греческих филолого-философов, если бы после учения вступил в ряд последних в качестве учителя»¹. В. Жмакин считал русских пестрягателей первой половины XVI в., среди которых Максим Грек занимал видное место, «русскими гуманистами-реформаторами в самом благородном значении этого слова»². Ф. Калугин называл Максима Грека «великим обличителем XVI века», который раскрывал мыслящим людям глаза на все ненормальности окружающей жизни и будил в них общественное сознание³.

В ряде других работ русских исследователей отмечается, что Максим Грек проявил себя в своих произведениях как ученик эпохи Возрождения,

¹ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, половина 1-я. М., 1900, стр. 671.

² В. Жмакин. Борьба идей в России в первой половине XVI в. — ЖМНП, 1882, ч. ССХХ, № 4, стр. 149—152.

³ Ф. Калугин. Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемиические и церковно-учительские произведения. СПб., 1894, стр. 57—58.

принес на Русь вкус к гуманитарным наукам, интерес к западноевропейскому просвещению и дух борьбы за высокие нравственные идеалы.

В последнее время главным выразителем взгляда на Максима Грека как представителя итальянского гуманизма выступил И. Денисов. В своем труде «Максим Грек и Запад»⁴ И. Денисов на основании новых материалов, добытых им в западных архивах и на Афоне и извлеченных из некоторых малоизвестных изданий, впервые устанавливает гражданское имя Максима Грека — Михаил Триволис и пытается воспроизвести картину духовного формирования и идейной эволюции писателя в течение первой половины его жизни, охватывающей время пребывания в Италии и на Афоне. По мнению ученого, Максим Грек явился в Италию в возрасте 21—22 лет со взглядами и настроениями православного грека-патриота, получившего основательное классическое образование. Во время 13-летнего пребывания в Италии он вращался среди самых видных представителей итальянского Возрождения, таких, как Иоанн Ласкарис, Анджело Полициано, Марсилио Фичино и др. Под их руководством молодой Михаил Триволис постепенно обогащал свой ум литературными, филологическими и философскими знаниями и стал одним из видных гуманистов. И. Денисов отмечает, что молодой Максим Грек одно время не был чужд увлечений идеями классического паганизма, о чем он вспоминает впоследствии⁵.

Но в те же годы, особенно во вторую половину своей жизни в Италии, Михаил-Максим попадает под влияние двух других выдающихся деятелей: знаменитого флорентийского проповедника и реформатора Джироламо Савонаролы и его ученика и почитателя Джованни Франческо Пико делла Мирандола. Под их влиянием в душе Михаила Триволиса около 1501 г. происходит резкий перелом в сторону религиозной настроенности. Из гуманиста он превращается в ревностного защитника христианских идеалов. Религиозные взгляды и настроения Михаила-Максима усиливаются во время его пребывания сначала в стенах католического доминиканского монастыря св. Марка во Флоренции, а затем — православного Ватопедского монастыря на Афоне, в которых он усиленно занимался изучением творений латинских и греческих церковных писателей. К концу афонской жизни в его лице сформировался тип деятеля, в котором осуществился альянс восточного монаха и такого рода гуманистов Запада, как Николай Кузанский, Томас Мор, Лефевр Детабль, Эразм Роттердамский⁶. На пьедестале его фигуры того времени, говорит И. Денисов, можно начертать надпись из трех слов: «грек, латинизированный, гуманист»; еще более кратко его можно охарактеризовать как «христианина-гуманиста»⁷.

Как христианин-гуманист Максим Грек выступал и в Москве. Здесь он «представляется взору историка, — пишет И. Денисов, — как ревностный распространитель цивилизации при ее возникновении в России. Он ведет себя, как деятельный распространитель европейской культуры в духе широкого гуманизма, согласно традиции эпохи», в стране, которая находилась еще в состоянии «умственной спячки»⁸.

Такова в кратких чертах схема духовного формирования Максима Грека как религиозно-общественного деятеля, которую предлагает в своем труде И. Денисов.

Нельзя не признать, что некоторые характеристики молодого Максима Грека, данные в этой работе на основании новых фактов, представляют большой научный интерес. Однако основные положения И. Денисова не

⁴ *É. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris—Louvain, 1943.*

⁵ *É. Denissoff. Op. cit., p. 224—225; Сочинения Максима Грека, т. I. Казань, 1859, стр. 462—464.*

⁶ *É. Denissoff. Op. cit., p. 237.*

⁷ *Ibid., p. 367.*

⁸ *Ibid., p. 19, 386.*

могут не вызывать серьезных возражений ввиду их недостаточной обоснованности и некоторой тенденциозности.

Прежде всего трудно согласиться с утверждением ученого, что Максим Грек явился на Руси как апостол «цивилизации при ее возникновении в России», как гуманист, «стремившийся пробудить русских от умственной спячки»⁹.

Взгляд на состояние культуры и образованности Московской Руси XVI в. как на состояние полного застоя должен быть решительно отвергнут. Этот взгляд, господствовавший среди историков и литературоведов дореволюционного периода, основывался главным образом на отрывочных показаниях новгородского архиепископа Геннадия, Стоглавого Собора и рассказах некоторых иностранцев. Но уже А. И. Соболевский показал, что эти свидетельства следует принимать с большими ограничениями¹⁰. Советская наука располагает новыми материалами, которые свидетельствуют о том, что уже со второй половины XV в., в связи с крутым переломом в общественно-экономической и политической жизни и обострением классовой борьбы, в Московской Руси происходил значительный подъем умственного движения. В работах А. И. Клибанова¹¹, Я. С. Лурье¹², Д. С. Лихачева¹³, М. П. Алексева¹⁴ собрано значительное количество фактов, указывающих, что уже до появления в Москве Максима Грека гуманистические идеи начали проникать в русское общество и что среди русских книжников появилось немало просвещенных деятелей, которые не только обладали начитанностью во «внешних» науках, но и выступали с требованиями преобразований в области церковной и общественной жизни в духе западного гуманизма.

Едва ли можно говорить далее о Максиме Греке как гуманисте в тогдашнем итальянском смысле, и притом как гуманисте первого ранга.

Другой, совершенно противоположный взгляд на отношение Максима Грека к итальянскому Ренессансу наиболее полно изложил в одной из своих ранних работ Н. К. Гудзий¹⁵. Автор, изучив сочинения Максима Грека по казанскому изданию, пришел к выводу, что ни одна из существенных особенностей, характеризующих эпоху итальянского Возрождения, не нашла отражения в литературном творчестве Максима Грека. Правда, Н. К. Гудзий находит совпадения некоторых взглядов Максима Грека с воззрениями Петрарки и Салютати. Но такому совпадению он не

⁹ Подобного взгляда на деятельность Максима Грека на Руси придерживалось большинство старых русских исследователей. В последнее время защитником его, вслед за И. Денисовым, выступил греческий ученый Г. Папамихаил; в своей обширной работе «Μάξιμος ὁ Γραικὸς ὁ πρῶτος φωτιστὴς τῶν Ῥώσων». Ἀθήναι, 1951, в главах «Русская темнота» и «Великое невежество русских» автор рисует на основании старых материалов самую мрачную картину умственного и нравственного состояния современного Максиму Греку русского общества (стр. 63—95, 493—509).

¹⁰ А. И. Соболевский. Образованность Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1894.

¹¹ А. И. Клибанов. Написание о грамоте. — «Вопросы истории религии и атеизма», № 3, 1955; его же. Самобытная ересь. — «Вопросы истории религии и атеизма», № 4, 1956; его же. К истории русской реформационной мысли. — «Вопросы истории религии и атеизма», № 5, 1958; его же. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности. — ТОДРЛ, т. XIII, 1957; его же. У истоков русской гуманистической мысли. — «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 1; 1959, № 1.

¹² Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960.

¹³ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание Древней Руси. М.—Л., 1945; его же. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970; его же. Культура русского народа X—XVII вв. М.—Л., 1961; его же. Культура Руси времени Андрея Рублева и Елифании Премудрого. М.—Л., 1962; D. Lichatschew. Die Kultur Russlands während der osteuropäischen Frührenaissance. Dresden, 1962.

¹⁴ М. П. Алексева. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI—XVII вв.). М., 1958.

¹⁵ Н. К. Гудзий. Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения. — «Университетские известия». Киев, 1914, № 7, ч. II, стр. 1—19.

придает никакого значения. Подлинно гуманистические идеи и настроения, по его мнению, не нашли в душе Максима Грека сочувственного отклика. «Его былой интерес к новым идеям, о котором он сам говорит, в течение слишком длительного пребывания на Афоне, очевидно, совершенно исчез, и к нам на Русь он прибыл, умудренный основательным знакомством с отцами церкви, но чуждый влияния идей Ренессанса»¹⁶.

В литературной деятельности Максима Грека Н. К. Гудзий признает только одну область, которая могла быть обязана своим возникновением влиянию эпохи Возрождения, — это усвоение Максимом Греком основных принципов критики текста. Однако Н. К. Гудзий считает критические приемы нашего писателя слишком элементарными, чтобы была необходимость объяснять их влиянием духа Ренессанса.

Еще категоричнее отвергает влияние идей итальянского Возрождения на взгляды и литературные труды Максима Грека немецкий ученый Р. А. Клостерман. В одной из своих статей он пишет, что мировоззрение Максима Грека — типично средневековое, что он ничего не вынес из Италии, кроме анекдотов сомнительной ценности, годных лишь для поучительных целей, что раскрывавшийся там непосредственно перед его глазами новый мир совершенно его не коснулся и в его деятельности на Руси можно усмотреть лишь крайне слабый отблеск Ренессанса¹⁷. По поводу работы Р. Клостермана можно лишь отметить, что она обнаруживает слабое знакомство с произведениями Максима Грека и литературой о нем.

В советской литературе выразителем данного взгляда выступил А. И. Клибанов¹⁸. По утверждению автора, годы афонского монашества Максима были «временем окончательного крушения его гуманистических увлечений, имевших, по-видимому, не очень глубокие корни». «Период гуманистической деятельности Михаила Триволиса, — говорит А. И. Клибанов, — не выходит за пределы 1492—1500 гг.». Автор приходит к выводу, что Максим Грек в своей деятельности на Руси «связал себя с реакционными верхами господствующего класса и церкви» и пытался обосновать и защищать их интересы с помощью философских и просветительных идей¹⁹.

Свою отрицательную оценку идейных взглядов и деятельности Максима Грека А. И. Клибанов построил главным образом на двух произведениях писателя, которые были обнаружены им в одном из рукописных сборников XVI в. и впервые опубликованы: «Похвала Адаму пръвъзданному» и «О Платоне философе»²⁰. А. И. Клибанов принял эти статьи за оригинальные творения Максима Грека, выражавшие собственные взгляды последнего. Между тем, как нами установлено, оба произведения представляют собой перевод статей из знаменитого лексикона «Суда»²¹. Конечно, выбор материалов для перевода определяется в известной степени взглядами и настроением переводчика. Однако строить категорические выводы о воззрениях и направлении деятельности того или другого писателя на основании нескольких его переводных сочинений едва ли правильно.

Нам кажется, что отрицание в литературной деятельности Максима Грека московского периода всяких гуманистических начал и особенно оценка его как реакционера, защищавшего интересы господствующего

¹⁶ Там же, стр. 48—49.

¹⁷ R.-A. Klostermann. Maxim Greck in der Legende. Ein Beitrag zur russischen Hagiographie. — «Zeitschrift für Kirchengeschichte», Bd. LIII, Folge IV, 1934, S. 181—182.

¹⁸ А. И. Клибанов. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. — ВВ, XIV, 1958, стр. 148—174.

¹⁹ Там же, стр. 158, 163.

²⁰ Там же, стр. 170—172, 172—174.

²¹ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, стр. 73—74. И. Денисов, как и А. И. Клибанов, ошибочно считает, что краткое сказание «О Платоне философе» составлено Максимом Греком (E. Denisoff. Op. cit., p. 158).

класса и церкви, не соответствуют действительности. Если бы это было так, то непонятно, почему правящие верхи, интересы которых будто бы защищал Максим, всю жизнь держали его в заточении и почему все наиболее передовые, оппозиционно настроенные представители тогдашнего русского общества видели в нем не только своего друга и единомышленника, но и учителя.

Ни один из существующих в литературе взглядов по вопросу об отношении Максима Грека к итальянскому Возрождению не может быть принят, по нашему мнению, в качестве научно обоснованного.

Прежде всего следует отметить, что сторонники той и другой точки зрения строили свои суждения и выводы на ограниченном материале. В их распоряжении имелись лишь опубликованные произведения Максима Грека, и притом не всегда во всей их полноте. Что касается хранящегося в рукописях неизданного литературного наследия Максима Грека, то оно осталось для них почти неизвестным.

В настоящее время столь важный для изучения идейного наследия Максима Грека источниковедческий пробел нами восполнен с максимальной полнотой: выявлено до 170 произведений писателя, до сих пор не изданных и в большинстве своем неизвестных, в том числе около 60 переводных²².

Нельзя сказать, что выявленный материал дает основания для коренной переоценки идейного облика Максима Грека. Но он значительно расширяет представление о различных сторонах литературной деятельности нашего писателя и позволяет сделать вполне определенные и достаточно обоснованные выводы.

Первая особенность творчества Максима Грека, которая обнаруживается при его изучении, это его поразительная многосторонность, какой мы не встречаем ни у одного из русских писателей древнего периода. В своих многочисленных произведениях Максим Грек касается самых разнообразных вопросов культурной, бытовой, церковной и общественно-политической жизни современного ему русского общества. Поэтому при характеристике Максима Грека нельзя ограничиваться рассмотрением одной какой-либо стороны его литературного творчества, а необходимо принимать во внимание всю совокупность его произведений.

Вторая существенная черта литературного наследия Максима Грека — это двойственность и противоречивость его идейного содержания. Изучая произведения писателя, мы напрасно пытались бы найти в них какую-либо определенную систему взглядов. Такой системы как выражения цельного мировоззрения у Максима Грека нет. В своих суждениях по разным вопросам культуры, общественно-политической мысли и особенно религиозно-философского характера он в одних случаях исходит из церковно-аскетических начал, в других рассуждает как образованный византиец, в третьих высказывает взгляды в духе новых реформационно-гуманистических идей эпохи Ренессанса.

Противоречивость взглядов Максима Грека, нашедшая отражение в его литературном наследии, подмечена некоторыми из прежних исследователей. Но ни один из них не пытался выяснить корни этой противоречивости, рассмотреть вопрос диалектически, увязав его с той обстановкой и с теми культурными влияниями, под воздействием которых складывалось мировоззрение нашего писателя и развивалась его литературная деятельность.

Вполне понятно, что при правильной постановке вопроса требуется в первую очередь основательно ознакомиться с биографией Максима

²² А. И. Иванов. Указ. соч. В подстрочных примечаниях этой работы указаны важнейшие рукописные источники по каждому из сочинений Максима Грека, изданных и неизданных. В настоящей статье мы ограничиваемся ссылками на рукописные источники только в отношении неизданных его произведений.

Грека и с той средой, в которой протекал его жизненный путь. Придерживаясь хронологической последовательности, мы должны остановиться прежде всего на итальянском периоде жизни Максима Грека.

І. ЖИЗНЬ МАКСИМА ГРЕКА ДО ПРИЕЗДА В РОССИЮ

Пребывание Максима Грека среди деятелей итальянского Возрождения

Свою молодость Максим Грек провел в Италии. Время его пребывания здесь падает на годы с 1492 до 1505²³. Если признать датой его рождения приблизительно 1470 г., — а это два ли подлежит сомнению²⁴, — то становится очевидным, что итальянский период жизни Максима Грека охватывает годы его юности²⁵, когда он под мирским именем Михаила Триволиса завершал в Италии свое образование и начинал научно-литературную деятельность. Выяснить, какие люди окружали молодого Михаила-Максима в Италии и в какой среде проходила там его жизнь, представляется чрезвычайно важным для понимания и оценки всей дальнейшей его деятельности и взглядов, нашедших отражение в его многочисленных литературных трудах.

В одном из своих сочинений московского периода Максим указывает, что в Италии он прожил «лета довольна у мужей, премудростию мною украшенных»²⁶. Кто были эти мужи?

Первым итальянским городом, в котором остановился Михаил Триволис, была Флоренция. Михаил Триволис встретил здесь своего соотечественника знаменитого гуманиста Иоанна Ласкариса, который преподавал тогда во флорентийской Академии греческий язык и литературу. Помимо преподавания, Ласкарис занимался подготовкой к изданию греческих текстов и составлением инвентаря знаменитой библиотеки Лоренцо Медичи, приобретенной впоследствии Савонаролой для монастыря св. Марка.

Ласкарис был покровителем молодых студентов-греков и оказывал на них огромное влияние. Михаил Триволис стал его ревностным учеником и сотрудником. Возможно, что уже в первые годы общения с Ласкарисом Михаил переписал для него византийскую сельскохозяйственную энциклопедию X в. «Геопоники»²⁷.

Кроме Ласкариса, наставниками Михаила Триволиса во Флоренции были выдающиеся представители итальянского гуманизма XV в. Анджело Полициано, Димитрий Халкокондил и Марсилио Фичино.

Первый преподавал греческую грамматику, славился переводами и критикой текстов, писал поэмы, эпиграммы, стансы, народные стихотворения. Анджело Полициано был одним из главных деятелей в литературном кружке Лоренцо Медичи²⁸, Димитрий Халкокондил обучал слушателей греческому языку и литературе.

Если под руководством указанных учителей ум молодого Михаила Триволиса обогащался знаниями классической литературы и тонкостей

²³ *E. Denissoff. Op. cit., p. 84—86, 412—413.*

²⁴ *Ibid., p. 138.*

²⁵ Об этом есть прямое свидетельство самого Максима, имеющееся в его «Сказании о священном образе Спаса Христа, его же называют уныние», где он пишет: «Сице аз такову повесть приях от достоверных мужей италиянех, у них же живий время довольно, юн еще сый, мирского жития держася» (Сочинения преподобного Максима Грека, ч. I—III. Казань, 1859—1862; часть III, стр. 123).

²⁶ Сочинения Максима Грека, III, стр. 178.

²⁷ *E. Denissoff. Op. cit., p. 87—88.*

²⁸ И. Денисов предполагает, что Михаил Триволис был свидетелем литературного состязания между Полициано и Ласкарисом на лучший перевод с латинского на греческий язык поэмы Пулчи «Гермафродит» (*E. Denissoff. Op. cit., p. 152.*)

греческого языка, то его философские взгляды складывались под влиянием Марсилио Фичино и его школы, в которой господствовал дух платонизма.

По справедливому замечанию И. Денисова, пребывание во Флоренции наложило неизгладимый отпечаток на интеллектуальный облик молодого грека как философа, эллиниста и поэта ²⁹.

Михаил Триволис оставался во Флоренции непрерывно с 1492 по 1496 г. Затем он посещает другие университетские города Италии, где продолжает свои эллинистические занятия.

Сначала он выезжает в Болонью. Там он работает у известного эллиниста Урчео Кодро. Михаил переписывал для него копии с греческих манускриптов и переводил греческих авторов. Как и Ласкарис, Кодро был учителем и покровителем Михаила ³⁰.

После Болоньи Михаил Триволис в 1496—1500 гг. побывал в Падуе, Ферраре, Милане, Верчелли и Венеции, везде выступая в качестве ученика и сотрудника лучших эллинистов.

В Падуе он слушал лекции Агостино Нифо ³¹, в Ферраре был близко знаком с профессором Никколо Лелио Козмико, страстным поклонником классической древности ³².

В Милане Михаил приобрел астрологические познания главным образом от Амвросия Варезе да Росате, который имел репутацию выдающегося ученого и великого астролога, медика и философа во всех университетах и школах Ломбардии. Во время пребывания Михаила в Милане здесь подготовлялось Димитрием Халкокондилом издание знаменитого Словаря Свида, который был выпущен в 1499 г. и который служил для Максима Грека в Москве настольной книгой ³³.

В Верчелли Михаил Триволис сотрудничал с каноником Николаем из Тарса ³⁴.

Наконец, он дважды посетил Венецию (в 1496 и 1497—1498 гг.), где был тесно связан с Альдом Мануцием и его сотрудниками и, возможно, принимал участие в подготовке альдовских изданий.

Свои образовательные путешествия и эллинистические занятия Михаил Триволис закончил с поступлением на службу к князю Джованни Франческо Пико делла Мирандола, одному из образованнейших людей того времени и вместе с тем ревностному почитателю Савонаролы, написавшему первую биографию флорентийского проповедника. Здесь молодой грек подбирал материал для богословских и философских трудов Пико делла Мирандола и делал для него переводы ³⁵.

Таким образом, первые 9—10 лет пребывания в Италии были наполнены в жизни Михаила Триволиса напряженной учебной и научно-литературными занятиями под руководством и в сотрудничестве с наиболее видными деятелями итальянского Возрождения конца XV—начала XVI в., что не могло не оказать влияния на его мировоззрение в смысле восприятия господствовавших тогда в Италии гуманистических идей и настроений.

О своих занятиях в итальянских университетах и о царившей в некоторых из них атмосфере Максим неоднократно вспоминал впоследствии в своих московских посланиях. При этом он отмечал, что в молодости

²⁹ *É. Denissoff. Op. cit.*, p. 156—157, 160.

³⁰ *Ibid.*, p. 92—94, 172—174.

³¹ *Ibid.*, p. 177; *В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Изд. 2-е. Киев, 1915, стр. 111—112.*

³² *É. Denissoff. Op. cit.*, p. 179; *В. С. Иконников. Указ. соч.*, стр. 113—114.

³³ *E. Legrand. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiées en grec par des Grecs au XVe et XVIe siècles, I. Paris, 1885, p. 63—66; É. Denissoff. Op. cit.*, p. 200.

³⁴ *E. Denissoff. Op. cit.*, p. 200.

³⁵ *Ibid.*, p. 169, 203, 205; 402—404.

не был чужд даже того крайнего увлечения языческой древностью, которое приводило к неопаганizmu и аморальности³⁶.

Вопрос о том, в каких направлениях и в какой мере отразилось влияние итальянского гуманизма на мировоззрении Максима Грека и его деятельности московского периода, нами подробно будет рассмотрен ниже. Однако мы считаем необходимым уже здесь сделать несколько предварительных замечаний.

Гуманизм эпохи Возрождения не был какой-то целостной системой миросозерцания, а представлял собою весьма сложное и противоречивое направление в ранней западноевропейской буржуазной культуре.

Первое, что отличает гуманизм того времени, — это смешение старых средневековых воззрений с новыми гуманистическими идеями. Борьба старого с новым нашла свое отражение во всей культуре итальянского Ренессанса. Мы едва ли найдем у кого-либо из представителей итальянского Ренессанса цельную систему гуманистических идей. У всех у них наблюдается свойственная переломной эпохе двойственность и противоречивость взглядов и настроений.

Вторая особенность итальянского гуманизма заключается в том, что в нем нашли свое выражение идеологические течения различного классового характера. Наряду с главным буржуазным направлением существовало народное направление, с одной стороны, и дворянское — с другой. Культурное содержание этих направлений имело самостоятельный характер, особенно в части социальных проблем, и определялось потребностями данных классов, хотя основные идеи и характерные черты были обусловлены реальными интересами класса буржуазии.

Наконец, третьей характерной чертой гуманистического движения в Италии XIV—XV вв. следует признать идейное противоборство двух сил — язычества и христианства. Вместе с пробуждением любви к изучению классической древности пробудилась любовь к классическому язычеству, так что большинство итальянских гуманистов «подняло знамя исключительного паганизма и желало жить по-античному». Другая часть «стремилась согласовать вновь притекающие образовательные элементы с идейным содержанием христианства»³⁷. На это противоборство в свое время справедливо указывал А. Н. Веселовский, когда писал: «Противоречия практики и теории, язычества и христианства, христианской и языческой нравственности, этики и эстетики — такова особенность итальянского Ренессанса»³⁸.

Все указанные выше особенности итальянского Ренессанса необходимо учитывать при рассмотрении вопроса о его влиянии на Максима Грека.

Был еще один момент в итальянской жизни молодого Максима Грека, который сыграл немалую роль в формировании его идейного облика и направлении литературной деятельности, — довольно близкое и продолжительное общение со знаменитым флорентийским проповедником и реформатором Джироламо Савонаролой.

Влияние Савонаролы на Максима Грека

Во время пребывания во Флоренции Михаил Триволис одновременно с занятиями в платоновской Академии слушал проповеди и был свидетелем реформаторской деятельности Джироламо Савонаролы.

³⁶ Сочинения Максима Грека, I, стр. 247—248, 374—375, 377, 426—427, 461—464 и др.

³⁷ Н. Janitschek. Die Gesellschaft der Renaissance in Italien und die Kunst. Vier Vorträge. Stuttgart, 1879, S. 4, 8—9, 14—15.

³⁸ А. Н. Веселовский. Противоречия итальянского Возрождения. — ЖМНП, 1887, декабрь, стр. 220; его же. Избранные статьи. Л., 1938, стр. 256.

В литературе о Максиме Греке твердо установилось мнение, что флорентийский монах оказал на него большое влияние. Но ни один исследователь надлежащим образом не проследил, в чем и как конкретно проявилось это влияние во взглядах и литературной деятельности Максима.

Мы не считаем нужным давать здесь подробную характеристику Савонаролы. Остановимся кратко лишь на тех сторонах его жизни и деятельности, влияние которых сказалось на мировоззрении Максима Грека и его литературном творчестве московского периода.

Несомненно, первое и наиболее сильное воздействие на молодого Михаила Триволиса должна была произвести та глубокая религиозная настроенность, та «ревность по бозе», которой был одержим Савонарола и которая заражала всех его окружающих. Н. К. Гудзий полагал, что Савонарола своими проповедями и религиозным фанатизмом вытравил у Максима Грека гуманистические идеи и настроения и пробудил в нем глубокую неприязнь к классической древности³⁹.

Нельзя отрицать, что религиозный элемент занимал доминирующее положение в деятельности Савонаролы. Однако нельзя забывать и того, что религиозный энтузиазм флорентийского проповедника не был каким-то мистическим, оторванным от жизни иступленным фанатизмом монаха-отшельника, а являлся источником той необычайной ревности, с которой он выступил на борьбу с злодеяниями и пороками высшего католического духовенства, с произволом и беззаконием светских князей, с лихоимством и хищениями богатых, на защиту бедных и угнетенных, за построение жизни на началах свободы и равенства. «Его стараниями, — говорит Маркс, — во Флоренции была введена полная демократия, все решения должны были приниматься в собрании горожан». Намечаемая им программа преобразований преследовала следующие основные задачи: «реформу христианской церкви снизу доверху, восстановление первоначального равенства между людьми, патриархальный строй»⁴⁰.

Такого же характера религиозная ревность лежала в основе всех обличительных выступлений Максима Грека на Руси. Когда после Афона Максим прибыл в Москву и столкнулся здесь со многими «нестроениями» в русской жизни, он не мог молчать и, «жегомый ревностью», по примеру своего флорентийского учителя выступил с резкими обличениями. Об этом он сам говорит, и притом в выражениях, весьма сходных с высказываниями Савонаролы.

Так, в «Слове отвещательном о исправлении книг русских» Максим заявляет, что он пишет и вещает не по лицемерию, не ради лести и не в поисках славы, «но убо божественною ревностию жегом»⁴¹. В «Поучении ко иноком о исправлении иноческого жития и ка я есть сила великия схимы» мы читаем: «Никтоже убо да зазрит мне, аще и сам. . . дерзостнее пишу и по ревности божией возстаю на обличение неких братиих моих безчинствующих»⁴².

В свете изложенного следует рассматривать и вопрос о влиянии Савонаролы на Максима Грека. При сравнении и оценке того и другого деятеля для нас приобретают значение не те произведения, которые относятся к области догматики и аскетики, а те, которые вводят в глубь интересов общества, вскрывают явления, мешающие прогрессу жизни, и помогают более правильно оценить смысл и характер стремлений обоих писателей.

1. Религиозная ревность Савонаролы была направлена в первую очередь на обличение пороков римской церкви, особенно ее высших прелатов, на обновление всей церковной жизни. Маркс по этому поводу пи-

³⁹ Н. К. Гудзий. Указ. соч., стр. 19.

⁴⁰ Архив Маркса и Энгельса, т. VII. М., 1940, стр. 79.

⁴¹ Сочинения Максима Грека, III, стр. 61.

⁴² Там же, II, стр. 220.

сал: «Савонарола подготовлял реформу христианской церкви снизу доверху. . . В вопросах церкви он не нападал на догмы, а требовал только реформы дисциплины, иерархии и внешнего порядка»⁴³. Главное требование, которое выдвигал Савонарола, — лишить церковь всех ее богатств, возвратить ее к состоянию бедности и простоты первых веков христианства. «Для церкви было бы лучше, — говорит он, — отречься от всяких богатств, ибо тогда единение с богом было бы полнее»⁴⁴. Проповеди Савонаролы с обличениями злодеяний и пороков Рима, с требованием дешевой церкви быстро распространились не только в Италии, но и по всей Европе.

Обличительные проповеди Савонаролы оставили глубокий след в душе молодого Максима Грека. Впоследствии в своем сказании о Савонароле он приводит из них обширные выдержки⁴⁵. Во многих его произведениях московского периода мы находим следы влияния выступлений Савонаролы против пороков церкви и клира⁴⁶.

2. Дело обновления церкви Савонарола начал с преобразования доминиканских монастырей возглавляемой им Тосканской конгрегации, и прежде всего — монастыря св. Марка в Флоренции, приором которого он был избран иноками монастыря в июле 1491 г.

Первым его мероприятием по реформе монастыря было восстановление во всей строгости обета нищеты. Савонарола распродал все имения и ценности монастыря, а вырученные деньги роздал бедным. По его взглядам, даже внешность монастыря должна была гармонизировать с внутренней душевной простотой. Поэтому он старался придать монастырю самый скромный вид. В монастыре был введен устав, по которому монахам воспрещалось приобретать какое-либо личное имущество; все они должны были добывать себе средства к жизни собственным трудом.

Сам Савонарола был первым и лучшим исполнителем введенных им порядков. Одежда его была самая грубая, постель самая жесткая, келья самая бедная. Чтобы показать братии пример в труде и смирении, Савонарола оставил за собой обязанности очищать помойные ямы⁴⁷. Нестыжательский энтузиазм Савонаролы вызвал большой прилив в монастырь св. Марка новых иноков из различных слоев общества. Вместе с тем этот энтузиазм заразил и другие монастыри Тосканы, которые стали подражать монастырю св. Марка, вводя у себя те же порядки добровольной нищеты и полного нестяжательства.

Едва ли можно сомневаться, что нестыжательские взгляды Максима Грека сложились уже в Италии под влиянием нестыжательской деятельности Савонаролы и наблюдения над жизнью некоторых католических монастырей. Ясное подтверждение этому мы находим в его сочинении «Послание о католических монашеских орденах, францисканском и доминиканском», где он излагает основные принципы нестыжательского устройства некоторых западных монастырей и ставит их в пример русским монастырям⁴⁸.

3. В тесной связи с борьбой за церковно-религиозную реформу протекала борьба Савонаролы за реформу нравов, за построение жизни на началах евангельской простоты, любви и милосердия. В своем произведении «О презрении к миру» Савонарола сравнивает нравы своего времени с нравами Содомы и Гоморры. Обращаясь к своей душе, он восклицает: «Беги из земли Содомы и Гоморры. . . Беги из этой страны, где

⁴³ Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 79.

⁴⁴ П. Виллари. Джироламо Савонарола и его время, II. СПб., 1913, стр. 6.

⁴⁵ Сочинения Максима Грека, III, стр. 198—199.

⁴⁶ Там же, I, стр. 139—140; II, стр. 32, 39—40, 128, 143—144, 174—175, 260—274.

⁴⁷ F. T. Perrens. Jérôme Savonarole. D'après les documents originaux et avec des pièces justificatives en grande partie inédites. Paris, 1856, p. 73—80.

⁴⁸ В. Ф. Ржиги. Неизданные сочинения Максима Грека. — BS, VI, 1935—1936, стр. 99—101.

порок восхваляется и добродетель подвергается осмеянию. . . Беги из этой земли, где тот называется благоразумным, кто грабит бедного, вдову и сироту; тот считается мудрым, кто думает только о накоплении богатств. В этом мире порок есть добродетель и добродетель есть порок»⁴⁹. В качестве первого требования нравственного преобразования общества он выдвигает патриархальную простоту, бедность и нестяжательность. Особенно резки его обличения духовных и светских властителей за их бесчеловечное угнетение бедных путем обложения непосильными налогами.

Лихоимство и ростовщичество были главными предметом обличений Савонаролы. Это отмечает и Максим Грек в своем сказании о флорентийском проповеднике, когда пишет, что последний с особой ревностью стремился своим учением «истребить в конец» во Флоренции «богомерзкий грех безбожного лихоимания и безчеловечного резоимания»⁵⁰.

4. Савонарола резко выступал против внешней обрядности; он постоянно подчеркивал, что «христианская жизнь состоит не в обрядах, но в том, чтобы быть добрым, то есть жалостливым и милосердным». «Идите, идите, — говорил он в одной проповеди, обращаясь к лицемерам, — идите в колокола, украшайте алтари церкви. . . Бог смеется над делами вашими и не внимает вашим церемониям»⁵¹.

Борьба Савонаролы с показным благочестием и обрядностью, являясь частью его широкой реформаторской деятельности, была вызвана гуманистическими побуждениями освободить человеческую личность от пут средневековой внешней религиозности и направить ее усилия на нравственное усовершенствование.

5. От реформы церкви и нравов Савонарола перешел к реформе политической, которая составила главную цель последних лет его жизни и которая привела его к мученической кончине.

В начале 1494 г. в одной из своих проповедей Савонарола обрушился на тиранов. «Тираны, — говорил он, — неисправимы, так как горды, любят лицемерные похвалы и не хотят возратить обратно захваченное несправедливо. Они. . . требуют, чтобы бедные и крестьяне работали на них даром, продают право на сборы пошлин, чтобы еще более отяготить народ»⁵².

После бегства в ноябре 1494 г. из Флоренции Медичи и их приверженцев Савонарола взывал к гражданам Флоренции: «Первый закон, какой вы должны издать, пусть будет следующий: никто не может никогда в будущем стать единоличным главою народа, в противном случае все будет строиться на песке»⁵³.

В течение 1495 г. под руководством Савонаролы реформа политического управления в основном была закончена: на первый план выдвигались интересы народа — освобождение от тирании, отмена налогов на неимущий класс, установление справедливого судебного законодательства, устранение гражданского и даже отчасти имущественного неравенства.

6. Последний вопрос, на котором следует остановиться для выяснения характера и степени влияния Савонаролы на Максима Грека, — вопрос об отношении Савонаролы к языческой древности и культуре Ренессанса.

В основе взглядов и настроений флорентийского монаха лежал религиозно-нравственный принцип. Он подходил к оценке почти всех явлений, в том числе и крайнего увлечения античным миром, которое наблюдалось в XV в. в Италии, с точки зрения религии и морали. Савона-

⁴⁹ П. Виллари. Указ. соч., I, стр. 15; II, стр. 295—296.

⁵⁰ Сочинения Максима Грека, III, стр. 195.

⁵¹ П. Виллари. Указ. соч., I, стр. 313.

⁵² Там же, II, стр. 101.

⁵³ Там же, I, стр. 202.

рола не мог равнодушно взирать на такое увлечение языческой культурой, которое приводило к устранению христианства и поруганию принципов морали. Отсюда его неприязнь к античным писателям и философам.

Однако в своих выступлениях Савонарола ополчался по существу не против античной культуры вообще и изучения ее гуманистами, а против языческих и аморальных тенденций Ренессанса.

Остановимся кратко на философских воззрениях Савонаролы и его взглядах на науку и искусство.

При рассмотрении философских работ Савонаролы и его высказываний с кафедры невольно напрашивается вывод, что перед нами две философии, противоречащие друг другу. С одной стороны, Савонарола — последователь двух столпов средневековой схоластики — Аристотеля в истолковании средневековых схоластов и Фомы Аквината, изучением которых он усердно занимался в молодые годы. С другой, он выступает как смелый, независимый мыслитель, отвергающий общепринятые авторитеты и опирающийся на свой собственный разум.

Так, в трактате «Триумф креста» он стремится изложить все христианское учение на основании естественного разума. Во вступлении к трактату он пишет: «Так как в этой книге мы рассуждаем только на основании собственного ума, мы не будем ссылаться ни на какой авторитет и будем держаться метода, как будто никому на свете, как бы мудр он ни был, верить нельзя, а должно верить одному лишь естественному разуму»⁵⁴.

В трактате «Мораль» Савонарола настойчиво подчеркивает свободу человеческой воли. «Если что отличает человека от животных, — говорит он, — так это — свободное самоопределение, которое не есть только известная черта или характер действий, но самая сущность воли»⁵⁵.

Обращаясь к рассмотрению взглядов Савонаролы на науку и искусство, мы и здесь наблюдаем ту же двойственность. Нет нужды приводить высказывания флорентийского проповедника, где он пренебрежительно отзывается о культуре древних. Ограничимся ссылками на несколько примеров из его высказываний и деятельности, которые характеризуют его не как монаха-фанатика, а как выразителя новых веяний.

Взгляды Савонаролы на науку и искусство изложены в его небольшом произведении «О разделении, порядке и пользе всех наук». В этом произведении Савонарола советует каждую науку рассматривать с точки зрения собственного опыта, собственного рассудка. Его истинная самобытность заключается в признании авторитета за разумом, за опытом и свидетельством совести в вопросах теоретических и практических.

Нельзя не упомянуть одного факта, который показывает, что Савонарола не был врагом древних писателей и варварским истребителем памятников древней культуры. Когда после смерти Лоренцо Медичи перед Флорентийской республикой встал вопрос о продаже всего его имущества, в том числе знаменитой библиотеки, для покрытия долгов, то Савонарола на приобретение этой библиотеки издержал все средства монастыря св. Марка и даже заключил новый тяжелый заем, чтобы только спасти от распыления по частным рукам великолепное собрание древних латинских и греческих рукописей.

Глубоки и возвышенны суждения Савонаролы о поэзии, которой он посвящает в трактате «О разделении и пользе всех наук» специальный раздел «Апология творчества». Здесь вступление начинается словами: «Я никогда не думал осуждать поэзию, как в этом многие обвиняли меня и устно, и письменно, а лишь злоупотребление ею, как замечается у многих».

⁵⁴ А. Rudelbach. Hieronymus Savonarola und seine Zeit. Hamburg, 1865, S. 375—401.

⁵⁵ П. Виллари. Указ. соч., I, стр. 79—81.

Далее, переходя к рассуждению о современных ему поэтах, он резко осуждает тех из них, которые слепо подражают древним не только в форме, но, ссылаясь на авторитет языческих богов, воспевают в стихах плотские страсти и нравственный разврат. Свои рассуждения он заканчивает утверждением, что единственно высокой и истинной поэзией является лишь та, которая служит прославлению религии и нравственности.

Итак, анализируя творчество и деятельность Савонаролы, мы видим, как прошедшее и будущее сталкиваются между собой в жестокой борьбе. Прошедшее глубоко еще держалось своими корнями. Оно не допускало признания автономии науки и искусства. Однако эти корни заметно начинают подгнивать. Будущее, напротив, растет и крепнет. Это особенно наглядно проявилось в моральных и политических произведениях Савонаролы и в его реформаторской деятельности, когда он с необычайной самоотверженностью выступал в защиту свободы народа, свободы собственного убеждения и совести.

Савонарола не был гуманистом в широком смысле этого слова. Но в его учении, и особенно в его реформаторской деятельности, было много созвучного передовым идеям Ренессанса. Неудивительно поэтому, что его почитателями становились лучшие представители науки и культуры того времени.

С этой точки зрения следует подходить и к вопросу о влиянии его на молодого Максима Грека. Влияние это было не односторонним, как полагают некоторые исследователи, а двусторонним или двойственным. На это указывает и сам Максим Грек, когда говорит о Савонароле, что он «преполон всякия премудрости и разума богодохновенных писаний и внешнего наказания сиречь философии» и что он, Максим Грек, познал от Савонаролы «премудрость и разум и искусство богодохновенных писаний и внешних»⁵⁶.

Максим Грек в доминиканском монастыре св. Марка

После смерти Савонаролы в 1498 г. Михаил Триволис сначала поступает на службу к князю Джованни-Франческо Пико делла Мирандола, у которого остается до середины 1502 г. Затем, 14 июня 1502 г., он принимает пострижение в католическом доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции с сохранением мирского имени Михаила⁵⁷. В апреле 1504 г. в письме Сципиону Картеромаху Михаил Триволис сообщает, что он «отказался от монашеской жизни»⁵⁸. В следующем, 1505 г. Михаил переезжает на Афон.

За период от кончины Савонаролы до перехода на Афон в мировоззрении Максима Грека не произошло каких-либо существенных сдвигов.

Во время пребывания на службе у Пико делла Мирандола, в доме которого усердно поддерживался культ Савонаролы, Михаил Триволис значительно пополнил свои знания в области патристической литературы, подготавливая для патрона материалы по изданию греческих церковных писателей.

Не отразилась на идеологическом облике Михаила и непродолжительная жизнь его в доминиканском монастыре св. Марка. И. Денисов пытается рассматривать вступление Михаила в доминиканский монастырь как кульминационный пункт латинизации молодого грека, т. е. перехода его на позиции католической церкви, которая, по словам И. Денисова,

⁵⁶ Сочинения Максима Грека, III, стр. 194—195, 202.

⁵⁷ *E. Denissoff. Op. cit.*, p. 95, 247.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 406—409.

всегда предлагала ему свое «материнское лоно» и неизменно заботилась о нем во время его странствований по Италии ⁵⁹.

Однако факт латинизации молодого Максима не подтверждается никакими документальными данными и стоит в полном противоречии со всей его дальнейшей деятельностью, которая насыщена полемической борьбой против латинства.

Монашество у доминиканцев не было связано для Максима с отречением от православия, а только с отречением от неопаганизма. При вступлении в монастырь св. Марка никто не потребовал от него перемены догматических взглядов. В самом чине пострижения нет формул, касающихся догматов, есть лишь обеты религиозно-правственного порядка.

По нашему мнению, вступление Михаила Триволиса в монастырь св. Марка, приором которого состоял некоторое время Савонарола, было вызвано двумя причинами:

1) преклонением перед памятью Савонаролы и желанием продолжить высокий подвиг, обличая пороки и несправедливости, за что мученически пострадал флорентийский проповедник;

2) стремлением воспользоваться для пополнения своих знаний книжными богатствами монастыря св. Марка, в библиотеке которого к концу жизни Савонаролы объединены были ценнейшие книжные собрания: подаренная монастырю библиотека Козимо Медичи, переданная в монастырь библиотека Никколо Никколи и приобретенная Савонаролой библиотека Лоренцо Медичи ⁶⁰.

Возможно, что под влиянием мученической кончины Савонаролы Михаил Триволис намеревался тогда же вступить в монастырь св. Марка, чтобы в качестве проповедника продолжить дело своего учителя. Но этому помешала наступившая реакция, сопровождавшаяся свирепыми репрессиями против последователей и почитателей флорентийского реформатора. «Невозможно выразить, — говорит Перран, — каким насмешкам и оскорблениям подвергались ученики и сторонники несчастного монаха». Множество монахов было отправлено в ссылку ⁶¹.

При таких обстоятельствах Михаил Триволис признал за лучшее удалиться в Мирандолу.

Трудно установить в точности причину, которая заставила Михаила покинуть доминиканский монастырь. Сам он в своем письме от 21 апреля 1504 г. к Сципиону Картеромаху ссылается на «многие болезни, одолевające его», но это едва ли верно, так как в том же письме он, противореча себе, заявляет: «Благодарение богу, я здоров» ⁶².

Надо полагать, что удаление из монастыря было вызвано главным образом той крайней враждебной к памяти Савонаролы атмосферой, которая господствовала здесь со времени его казни. 10 марта 1503 г. генерал ордена доминиканцев направил в монастырь распоряжение, запрещающее говорить о Савонароле и даже произносить его имя ⁶³.

В первое время по выходе из монастыря Михаил пытался восстановить свою карьеру эллиниста. С этой целью его взоры обращаются к Венеции, к Альду Мануцию, другу и покровителю ученых-эллинистов, в окружении которого находились в то время близкие друзья Михаила Триволиса — Сципион Картеромах, Иоанн Григоровул, Николай Власт и др. Михаил отправляет два письма наиболее доверенному из друзей — Сципиону Картеромаху, в которых рассказывает о своем тяжелом положении и про-

⁵⁹ Ibid., p. 365.

⁶⁰ J. Schnitzer. Savonarola. Ein Kulturbild aus der Zeit der Renaissance, I. München, 1924, S. 372.

⁶¹ F. T. Perrens. Op. cit., p. 293—300.

⁶² E. Denissoff. Op. cit., p. 404—407.

⁶³ Ibid., p. 265.

сит заняться его делами, «отрекомендовать честному Альду» и «вытащить» его к ним в Венецию⁶⁴.

По неизвестным причинам Михаилу Триволису не удалось стать сотрудником Альда Мануция. Но эта попытка свидетельствует о том, что пребывание в доминиканском монастыре не вытравило в нем интереса к научно-литературным занятиям.

В 1505 г. Михаил Триволис удаляется на Афон и там вскоре принимает монашество в Ватопедском монастыре с именем Максима.

Таким образом, ученик Ренессанса, носивший некоторое время клобук доминиканского монаха, теперь надевает на себя одежду православного монаха-агиорита, в которой остается до конца жизни.

Максим Грек на Афоне

С переходом Максима Грека на Афон начинается новый период в его жизни, связанный с новой обстановкой и новыми влияниями.

К сожалению, этот важный период в жизни Максима Грека совершенно не освещен в литературе. Даже греческие историки до сих пор не уделили ему надлежащего внимания. В обширном труде о Максиме Греке Г. Папамихаила отведено всего несколько страниц афонской жизни писателя⁶⁵.

Сам Максим ограничивается лишь несколькими краткими упоминаниями о своем пребывании на Афоне. В послании к великому князю Василию Ивановичу, написанном в качестве предисловия к переводу Толковой псалтири (1519 г.), он говорит о «многочисленных трудах и потах», положенных им в Ватопедском монастыре⁶⁶. В послании, написанном через много лет к Ивану Грозному (в 40-х годах), Максим повторяет, что он трудился на Афоне «телесне и духовше»⁶⁷.

Под «телесными» трудами он подразумевал, несомненно, обязательную трудовую повинность, которую выполняли все иноки афонских монастырей в соответствии с обетом нестяжания, о чем он подробно писал в своих сочинениях об устройстве и жизни святогорских обителей.

Что касается «духовных» трудов, то здесь, по-видимому, Максим имел в виду в первую очередь свою апостолическую деятельность. Звание «проповедника», которое почиталось у доминиканцев, под влиянием Савонаролы стало идеалом и для Максима Грека⁶⁸.

Стремление к проповеднической деятельности нашло некоторое приложение во время пребывания Максима на Афоне. В послании к митрополиту Макарию он пишет, что по поручению Ватопедского монастыря он ходил за милостынею, причем добавляет, что «идеже ни послан бых. . . , везде благодатию святаго Параклита просвещаем, православную веру светло проповедах, и с честию подобно паки отпущен бых во Святую гору, и нигдеже во узы впадах, ниже в темницах затворен бых, ниже мразы и дымы и глады уморен бых, елика случишася zde мне»⁶⁹. Полагают, что Максим Грек ходил за милостыней на острова греческих морей, находившиеся под властью венецианцев, где вступал в прения с латинскими миссионерами⁷⁰. Но не исключена возможность посещения Максимом

⁶⁴ *E. Denissofi. Op. cit., p. 404—407.*

⁶⁵ *Г. Папамихаил. Op. cit., σελ. 35—37, 412—416.*

⁶⁶ Сочинения Максима Грека, II, стр. 317.

⁶⁷ Там же, стр. 356.

⁶⁸ *E. Denissoff. Op. cit., p. 293.*

⁶⁹ Сочинения Максима Грека, II, стр. 365.

⁷⁰ *Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 675.*

Греком некоторых славянских земель⁷¹. И. Денисов допускает даже, что Максим побывал в Египте⁷².

Однако главной стороной «духовных трудов и потов» Максима на Афоне была не миссионерская деятельность, а его углубленные книжные занятия.

Среди афонских монастырей самым богатым по собранию рукописей был Ватопедский монастырь, которому достались библиотеки двух византийских императоров—Андроника Пеллеолога и Иоанна Кантакузина⁷³. В этом монастыре Михаил Триволис и принял монашеское пострижение.

В грамотах с Афона указывается, что Максим среди обитателей Святой горы слыл за ученого монаха, весьма сведущего как в светских «глаголемых еллинских» книгах, так и в церковных. Вместе с тем подчеркивается его приверженность православию⁷⁴.

На каких трудах создавалась образованность Максима Грека? Об этом мы можем отчасти судить на основании сохранившихся переводных сочинений писателя.

На первом месте здесь стояли творения выдающихся церковных писателей IV в. Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Эти три писателя, жившие на грани двух эпох — языческой и христианской, являлись в известной степени воспитанниками классических традиций и совмещали в своей деятельности то и другое культурное течение. Особенно следует сказать это о Григории Богослове, который был «не только одним из первых столпов христианской литературы, но и одним из последних по времени представителей античной художественной мысли и формы»⁷⁵.

Достоинно внимания, что Максим Грек выбирал для перевода не случайные статьи из творений указанных писателей, а такие, которые имели связь с его обличительными выступлениями морально-социального характера. Таковы «Василия Великого беседа на лихоимцев»⁷⁶, Григория Богослова «От слова еже о нищелюбии»⁷⁷, Иоанна Златоуста «О епископех нерадивых»⁷⁸, его же «Слово на резоимци»⁷⁹ и др.

Особенно любимым писателем для Максима Грека был Григорий Богослов, труды которого он всегда имел при себе.

Помимо творений древних христианских писателей, внимание Максима привлекали произведения византийской учености IX—XII вв. Судя по переводным трудам Максима Грека и встречающимся в его сочинениях упоминаниям и ссылкам, можно считать несомненным, что он хорошо ознакомился на Афоне с важнейшими памятниками византийской богословской и светской литературы IX—XII вв. В частности, в его распоряжении были сочинения патриарха Фотия (в том числе «Библиотека», «Номоканон», а возможно, и «Лексикон»), «Всемирная хроника» Георгия Амартола, «Жития святых» Симеона Метафраста, сочинения Константина Багрянородного, Словарь «Суда» и др. Некоторые из ви-

⁷¹ В одном из древних списков послания к митр. Макарию [ГИМ, Синод. № 491 (191), XVI в.] после слова «глаголемых» (Сочинения Максима Грека, II, стр. 364) стоит слово «лях», что, по мнению А. Горского, может служить указанием на сношения Максима с поляками (Прибавления к творениям св. отцов, ч. 18. М., 1859, стр. 170).

⁷² *E. Denissoff*. Op. cit., p. 328—329.

⁷³ В. С. Иконников. Указ. соч., стр. 141.

⁷⁴ «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией», т. I. СПб., 1841, № 122; «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 5. М., 1850, смесь, стр. 32—33.

⁷⁵ М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности М., 1904, стр. 411—412.

⁷⁶ Не издана: ГБЛ, ф. 113, № 488 (1572 г.), лл. 202—251.

⁷⁷ Не издано: ГБЛ, ф. 292, № 8290 (XVII в.), лл. 539—542.

⁷⁸ Не издано: ГБЛ, ф. 256, № 264 (XVI в.), л. 31 об.

⁷⁹ Не издано: там же, лл. 31 об.—32.

зантийских литературных памятников Максим Грек привез с собой в Москву⁸⁰.

Используя византийские источники, Максим извлекал из них опять-таки не случайные материалы. Так, в ряде переводных статей приводятся примеры высокой христианской нравственности, что должно было служить подкреплением его правоучительных выступлений; в других давались образцы справедливых правителей, которые являлись как бы иллюстрациями к высказываниям Максима о характере государственной власти. Таковы, например, «Повесть о Креме, государе болгарском»⁸¹, «Сказание Менандра философа»⁸², «Сказание о Велизарии стратеге»⁸³ и др.; третьи содержали интересные сведения исторического или философского характера, как, например, «Философское слово о Маккавеях»⁸⁴, «О Платоне философе»⁸⁵, «Сказание о разделении Персидской державы и о звездочетии»⁸⁶. Наконец, множество переводных сочинений Максима Грека посвящено вопросам богословско-догматического характера.

Указанные выше книжные материалы, над изучением которых усердно трудился Максим Грек на Афоне, были не такого характера, чтобы полностью заглушить в нем всякие гуманистические мысли и чувства, навеянные итальянским Ренессансом, и, в частности, живой интерес к классическому прошлому его родины. Изучаемая им патриотическая и научная византийская литература была связана тесными нитями с творениями античных авторов, причем в некоторых произведениях поздневизантийского периода содержались элементы гуманизма.

От афонского периода сохранились пять небольших поэтических произведений Максима Грека, опубликованных И. Денисовым, — одна эпиграмма и четыре эпитафии. Судя по стилю и отдельным выражениям, приходится признать, что автором этих произведений был гуманист, находившийся под влиянием классических творений древности и стремившийся применить гомеровские эпитеты к христианским образам. Так, в первой эпитафии патриарха Иоакима I евангелист Иоанн называется «сыном грома», а патриарх — «воеводой клира». Во второй эпитафии, посвященной патриарху Нифонту, сказано, что валахский воевода после смерти будет введен через покойного патриарха «в божественные дворцы Олимпа»⁸⁷. Такой неопанизм кажется несколько странным в устах монаха-агиорита. Как остроумно замечает И. Денисов, ученый-филолог, греческий монах не напрасно вдыхал опьяняющие испарения Ренессанса.

Гуманистические мысли Максима сказались и в его неоплатонических взглядах, которые он вынес из флорентийской школы Марсилио Фичино и которые оказались созвучными с изучаемыми им творениями некоторых церковных писателей — Псевдо-Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника. Знаменательным является сам выбор монашеского имени в честь Максима Исповедника, представителя неоплатонических традиций Псевдо-Дионисия. Эта дионисиевская традиция, проявляющаяся во многих религиозных сочинениях Максима Грека московского периода, дала ему в Московии титул «преподобный Максим — Новый Исповедник».

Однако следует отметить, что гуманистическая направленность поздневизантийской литературы в смысле увлечения классической древ-

⁸⁰ Сочинения Максима Грека, II, стр. 419.

⁸¹ Не издана: ГБЛ, ф. 247, № 342, л. 535; ГПБ, Ф. I, 425, л. 141. Статья переведена из «Суды» (*Suidae Lexicon*, ed. G. Bernhardt, t. II, pars 4. Halis et Brunsvigae, 1853, p. 966—968).

⁸² Сочинения Максима Грека, II, стр. 184.

⁸³ Там же, III, стр. 238—239.

⁸⁴ Не издано: ГИМ, собр. Синод., № 491 (XVI—XVII в.), лл. 603—619; ГБЛ, ф. 304, № 201 лл. 112 об.—120 и др.

⁸⁵ Опубликована А. И. Клибановым (ВВ, XIV, 1958, стр. 172—174).

⁸⁶ Не издано: ГПБ, Q. 1. 225 (XVII в.), лл. 483—490.

⁸⁷ *E. Denisoff. Op. cit.*, p. 412—415.

ностью имела ограниченный характер. Главным здесь была не борьба за свободу мысли, а формальное восстановление античной образованности. Поэтому изучение византийских авторов, хотя и не заглушило в Максиме Греке интереса к писателям и философам классической Греции, еще более укрепило в нем ту осторожность взглядов на классический мир, которая создалась уже в Италии под влиянием отрицательных явлений крайнего преклонения перед языческой древностью.

Подводя итоги афонской жизни Максима Грека, мы можем сделать следующие выводы:

1. Во время продолжительного пребывания на Афоне Максим Грек приобрел обширные познания в церковной литературе и некоторый опыт полемической проповеднической деятельности. Все это нашло отражение в его богословско-полемических сочинениях, написанных в России.

2. Глубокое изучение важнейших памятников византийской учености, особенно таких, как исторические энциклопедии и законодательные сборники, способствовало патриотической настроенности Максима Грека и оказало влияние на его взгляды на межцерковные отношения и характер высшей государственной власти.

3. В то же время ортодоксальность и аскетизм, царившие на Афоне, укрепили в нем ту религиозно-аскетическую настроенность, которую внушил ему Савонарола.

Таким образом, в первую половину своей жизни Максим Грек оказался под воздействием разных культурных влияний: итальянского Ренессанса, византийской образованности периода ее подъема и средневековых религиозно-аскетических традиций.

С этим сложным и противоречивым идеологическим грузом он и прибыл на Русь.

Продолжение следует

Г. Н. ЧУБИНАШВИЛИ

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНЫХ ФОРМАХ
ХРИСТИАНСКОГО ХРАМА

Большое исследование профессора Страсбургского университета Ж. Ляссюса, посвященное вопросам «генезиса, формы и литургического использования христианских культовых зданий в Сирии с III в. и до мусульманского завоевания», под заглавием «Sanctuaires chrétiens de Syrie» (Paris, 1947), как трехтомное исследование директора «École des Hautes études» профессора А. Грабара о «культе реликвий (мощей) и о древнем христианском искусстве» под наименованием «Martyrium» (Paris, 1946), как, наконец, книга С. Гуйэра «об эволюции от античного храма к крестообразной базилике западноевропейского средневековья» под названием «Grundlagen mittelalterlicher abendländischer Baukunst» (Zürich—Köln, 1950), с разных сторон, но в основном на одном и том же сравнительном материале, ставят и обосновывают кардинального значения положения о развитии начальных форм христианского храма. Если первые два исследователя в первую очередь заняты определением различия богослужебной практики в базиликах от таковой в мартириумах и иных мемориальных центрально-купольных зданиях, то Гуйэр, не забывая функциональной стороны в христианских храмах, основную задачу своего исследования видит в выяснении архитектурной эволюции, а именно: «почему горизонтально и целостно воспринимаемые храмы и колоннады античности были внезапно сменены совершенно иначе образованными, сложными групповыми зданиями с главенствующими и подчиненными частями и с высоко вздымающимися башнями» (стр. 11); он трактует тот же вопрос слияния центрально-купольной крестообразной композиции с базиличной под особым аспектом.

Устанавливая принципиальные отличия церквей, в которых совершалось богослужение, от зданий мартириев, возводимых ранее V в. только extra muros над местом погребения мучеников, в которых происходили в поминальный день ночные бдения, чтение священных книг, пение псалмов и проповедь с воспоминаниями о мученике, Ляссюс подчеркивает, что архитектурные формы мартириев были взяты из дохристианской римской погребальной архитектуры.

Того же утверждения придерживается и Грабар, который еще более углубляет вопрос зависимости обоих типов. Он утверждает, что «христианская архитектура на римской почве была связана (так же, как одно-временное изобразительное искусство ранних христиан) на долгое время теснейшим образом с римским монументальным искусством, которое ее окружало». Он считает, что «христианское культовое здание примыкает в развиваемых им формах к двум большим типам римской архитектуры. Создается, с одной стороны, церковь в собственном значении слова, т. е. здание, которое было предназначено для регулярного посе-

щения (прежде всего для празднования евхаристии), с другой стороны — здание для ритуала крещения или поминальных культов (мавзолей, мартирии, *memoriae*)»¹. Если базилики и однефные церкви эволюционно связываются им с формами современной римской светской архитектуры, то для меморий и баптистериев, что касается их центрального плана (квадрат, круг, многогранник, крест) и их перекрытия (свод, каменный или деревянный купол), он находит связь с другой группой дохристианских памятников, которые следуют своей собственной традиции. «Эту группу христианских построек следует сводить к схожей по форме категории языческих зданий, функции которых стоят ближе всего к функциям христианских мавзолеев, баптистериев и мартириев; именно погребальные и мемориальные здания, мавзолеи, герооны и т. д., для которых применяли с незапамятных времен центральный план и особенное перекрытие — своды или купола; эта форма оставалась веками неизменной, так как ей приписывали символическое значение: памятное сооружение было по существу подражанием космосу, вселенной, пещере мира»².

Таковыми образцами христианских мемориальных сооружений IV в., которые непосредственно связываются и сопоставляются с круглыми античными мавзолеями Августа, Адриана, Цецилии Метеллы на *Via Arria* или с октогоном Диоклетиана в Спалато (последний, впрочем, уже с иными установками для интерьера), являются ротонда Гроба господня, октогоны при Вифлеемской базилике рождества и при церкви Вознесения в Иерусалиме; затем (по описаниям) ротонда церкви апостолов в Константинополе с 12 кенотафами апостолов, на рассмотрении которых подробнее останавливаются Лясюс и Грабар. Впрочем, оба отмечают, что «число античных мартириев, которые бы сохранили форму перекрытия или хотя бы достаточные элементы для реконструкции в общих чертах их сводов», очень мало³. К только что названным мемориальным постройкам Константина привлекаются затем другие, большей частью посвященные тем или иным святым центрально-купольные сооружения, как, например, церковь Георгия в Езра — впрочем, все уже VI в. (за редким исключением октогонов V в. над погребением богородицы и на горе Гаризим⁴).

Теоретическое утверждение, что для мемориальных сооружений на всей территории Римской империи христиане отталкивались от архитектурных образцов таких же мемориальных языческих построек, получает известное ограничение в высказываниях и примерах, приводимых самими авторами.

Прежде всего нельзя не отметить, что среди наиболее известных мемориальных сооружений встречаются небольшие однефные здания с погребенными в них святыми. Таковы изначальные, прямоугольные в плане капеллы, как вскрытая раскопками под алтарем древней базилики и нынешнего храма капелла св. Петра в Ватикане⁵, капеллы св. Мартина в Туре, св. Кассия и иже с ним в Бонне (возведенная между 260 и 330 гг., размером около 14×8 м), св. Виктора в Ксантэне (конец IV в.)⁶, или открытые на все четыре стороны квадраты с четырьмя угловыми устоями, сохранившиеся только по плану, как в Кауссиэ близ Антиохии (вторая половина IV в.), или мартирий апостола Иоанна в Эфесе, или известный

¹ Из резюме его доклада 5.IV 1951 г. в «Kunstchronik», 1951, 5, p. 98, 99 под названием «La basilique chrétienne et les thèmes de l'architecture sacrale dans l'antiquité».

² Ibid., p. 100.

³ A. Grabar. *Martyrium*, I, p. 203.

⁴ I. Lassus. *Op. cit.*, pl. 46, 47.

⁵ A. Grabar. *Martyrium*, I, p. 294.

⁶ Ibid., p. 50—54.

по рисунку Аркульфа VII в. маврикий над источником Иакова в Сихэме⁷. При этом А. Грабар полагает, что квадрат в Антиохии, как и в Эфесе, имел четыре арки, а покрытие — в виде деревянной пирамиды. Эти сооружения названные авторы рассматривают под наименованием «примитивных маврикийев». Однако они, естественно, ничего не говорят о связи их архитектурных форм с мавзолеем Цецилии Метеллы или Диоклегиана, так как таковой обнаружить нельзя, впрочем, как нельзя связать их формы и с квадратными в плане башеннообразными (двухэтажными) гробницами (как, например, так называемая гробница Авессалома под Иерусалимом, многочисленные гробницы в Киликии, Сирии, а также в Западной Европе)⁸.

Кроме того, Грабар рассматривает еще и римские базилики с трансептом, считая последний за обособленный маврикий, как, например, трансепт в базилике Петра⁹.

С другой стороны, оба исследователя подчеркивают, что большой октогопальный двухъярусный храм, построенный Константином Великим в Антиохии на острове и бесследно смытый, не являлся маврикийем, а был приходской или кафедральной церковью¹⁰, т. е. здесь разрыв с теорией — в двух направлениях: двухъярусный октогон с внутренними опорами не является маврикийем, мемориальным сооружением, с одной стороны, а с другой — церковь для ежедневного богослужения не является базиликой.

Эти положения о отдельных по функциям архитектурных формах хронологически распространяются на период «гонений» и первые десятилетия после «торжества» церкви. Раздельное существование этих двух разных по функциям архитектурных типов уже вскоре стало уступать место слиянию их, чему содействовал отказ от господствовавшего на всей территории Римской империи установления хоронить вне городских стен. Как только мощи мучеников после «торжества церкви» стали полагать *intra muros* в церквях города, церкви стали посвящать именам мучеников, службы обоих родов стали совершать в одном и том же здании, происходит слияние архитектурных форм церквей в типе трехнефных базилик с формами центрально-купольных мемориальных сооружений. Устанавливается, что перенос тела мучеников в город начался на Востоке ранее, чем на Западе: первые случаи зарегистрированы в Константинополе в 356—357 г. (перенос тела трех апостолов)¹¹, а в Милане — к 386 г.¹² Грабар полагает, что со времен «гонения» «почитание реликвий (мощей) тесно слилось с совершением обедни, а в IV в. мощи помещаются в приходских церквях». Он считает, что этот порядок — совершать евхаристию «на крови мучеников» — сделал обязательным наличие частицы мощей святого в самом престоле или под ним¹³; такое деление мощей постепенно установилось как обязательное. «Церкви быстро усваивают центральный план и купол в ту эпоху, когда писания Псевдо-Дионисия Ареопагита, затем произведения Максима Исповедника (VI—VII вв.) представляют церковное сооружение как мистический храм, как символ вселенной»¹⁴.

⁷ А. Grabar. *Martyrium*, I, p. 77—78, 66 и табл. XXV, 3, рис. 26, 133, 80 и 79 (Эфес); S. Guyer. *Op. cit.*, S. 75.

⁸ S. Guyer. *Op. cit.*, Tab. I и II.

⁹ А. Grabar. *Martyrium*, I, p. 292 (Нептагегон), 293 (св. Петр в Ватикане).

¹⁰ *Ibid.*, p. 214—215, 217, 222, 227; I. Lassus. *Op. cit.*, p. 109.

¹¹ А. Grabar. *Martyrium*, I, p. 318.

¹² А. М. Шнейдер в докладе: «Kunstchronik», 1951, S. 110; А. Grabar. *Martyrium*, I, p. 316 (S. Lorenzo in Damaso, Рим); не говорим уже о храме апостолов, построенном Константином Великим (законченном и освященном его сыном Констанцием), где были размещены 12 кенотафий апостолов (I. Lassus. *Op. cit.*, p. 109; А. Grabar. *Martyrium*, I, p. 228).

¹³ А. Grabar. *Martyrium*, I, p. 37—39.

¹⁴ *Ibid.*, p. 377.

Таким образом, А. Грабар признает решающее, доминирующее значение центрального плана, сводчатых перекрытий и венчающей купольной части, которые приобретает христианская архитектура во всех провинциях Востока с эпохи Юстиниана. Он настаивает на том, что «типы мартриев, которыми вдохновлялись строители церквей, в разных странах не одни и те же. Вероятно, всюду руководствовались мартириями, завещанными прошлым каждой из провинций, и некоторые из них особенно привлекли внимание местных архитекторов». Автор заключает, что каждая страна избрала ограниченное число типов культовых зданий, характеризующих впрямь районные школы восточнохристианского искусства¹⁵.

Точно так же и Ляссюс резюмирует процесс развития христианского храма словами: «тем более достопримечательно, что христианская базилика была отодвинута на второй план, чтобы не сказать покинута, духовенством и архитекторами византийской империи с конца V в., и особенно при Юстиниане. Церковь на Востоке тяготеет к организации уже не по продольной оси базилики, а вокруг центрального купола». Правда, еще в X в. в Антиохии, т. е. в Северной Сирии, строят базилики, которые, однако, имеют «удивительно архаизирующий» вид, даже несмотря на применение в них сводов¹⁶.

Ляссюс специально подчеркивает особенности храмов, отличия как конструктивного порядка, так и композиционных форм, даже в отдельных частях Сирии — Северной и Южной, не говоря уже о Месопотамии, Малой Азии, Армении. Дальнейшее во времени расхождение в формах подчеркивает, как сказано, и Грабар.

И действительно, Грузия представляет особый район в архитектурном отношении не только по сравнению с Малой Азией, Сирией Северной или Южной, Месопотамией, но даже и с соседней Арменией.

Древнейшие храмы в Грузии не дают фактического материала для различения по архитектурным формам мемориальных построек, мартриев и приходских церквей с регулярным богослужением, литургией. В этом отношении материал Грузии отрицает положение, выдвинутое на основании примеров из Западной Европы, Сирии, Каппадокии, о применении для мемориальных церквей разработанных римско-эллинистической архитектурой для усыпальниц типов центрального, башенного характера, с круглым, полигональным, с крестообразным планом, а для церквей, в которых совершалось богослужение общины верующих, — трехнефных базилик и зальных церквей.

Нужно отметить, что на территории Грузии не зарегистрировано зданий ни в характере светских или домовых римских дохристианских базилик, ни типа героонов, погребальных круглых или октогональных зданий с внутренними, небольшими большей частью усыпальницами разных, вплоть до крестообразной формы, планов, как усыпальницы Адриана, Диоклетиана или Цецилии Метеллы. По-видимому, аналогичное положение существовало и в Армении. Примыкание к античным формам наблюдается в погребальном мавзолее, открытом в Мцхете, в остатках здания в вышгороде Нокалакеви, в зале с кессонным «сводом» в Уплис-цихе, в различных небольших фрагментах, как и в Армении — римский храм в Гарни, сооружениях кардинально отличных не только от рядовых народных зданий, но и от привлекаемых Грабаром мемориев.

В Грузии базилики явились — нужно полагать — в результате требования духовенства к архитекторам следовать имевшимся образцам из «Святой земли». Формы базилик IV в., таких, как малая в Некресском монастыре или в Дзвели Шуамта и др.¹⁷, ясно говорят о том, что они

¹⁵ Ibid., p. 385—386.

¹⁶ I. Lassus. Op. cit., p. 100 (159—160).

¹⁷ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959, гл. II.

не вызваны определенными требованиями разработанного культа, а являются ответом на какие-то сообщенные архитектору данные (как мне представляется, самого общего характера) о такого типа зданиях. Эти базилики кажутся даже не воспроизведением модели, данной архитектору духовенством (как это считает Ляссюс относительно базиличных построек Северной Сирии, отмечая, что они не соответствуют литургически обоснованной программе, так как отличаются значительным числом особенностей, которые не имеют литургических следствий¹⁸). Базиличная форма храма была, другими словами, в Грузии (как и в Сирии) искусственно пересаженной архитектурной формой, навязанной, можно сказать, насильственно привитой, требованиями духовенства, старавшегося канонизировать такое решение, как будто к тому же имевшее — или постепенно приобретенное — функционально обусловленное назначение и обоснование. Последнее следует из дальнейших (конца V—VI в.) форм базилики и даже из созданной именно в Грузии разновидности, условно названной мною трехцерковной базиликой VI—VII вв.¹⁹

Строительные же приемы в грузинских, равно как и в армянских и малоазийских, базиликах кардинально отличны от базилик Северной Сирии и всего Запада — первые всегда и исключительно перекрыты сводами, все устои сложены из камня (никогда не применяются колонны) и соединены арками.

Вполне вероятно, что в формах ранних храмов известное значение сыграли неотработанность литургии в первые века «торжества церкви», на что особое внимание обращает Ляссюс, указывая на различия в организации алтаря, встречающиеся в церквях Южной Сирии IV—VI вв., не имеющих пастофорий, которые находятся в базиликах Северной Сирии, обладающей в силу этого большим единообразием организации алтаря²⁰. Это положение об отсутствии четко фиксированной литургии в первые века после «торжества церкви» у Ляссюса логически связывается с рассмотрением данных об *église-maison*, т. е. о приспособленных в первые века н. э. для религиозных сборищ домах с их большим различием по разным городам и даже в одном только Риме²¹. Поэтому и литургия не могла быть единообразной, не имела еще форм «неукоснительно фиксированных»²². Формы ранних храмов Грузии тоже говорят о каких-то отличиях от установившегося, как отмечает Ляссюс, с VI в. общего для православного Востока («византийского») порядка церковной службы.

Но стать канонической формой церкви, несмотря на настояния духовенства, базилика в Грузии не смогла, как это имело место в Сирии, особенно — в Северной. Самостоятельность всего предшествовавшего развития грузинской архитектуры, а также отсутствие в стране римских круглых и т. п. погребальных сооружений обеспечили независимость от этих чуждых форм дальнейшему развитию своих народных установок в подходе к создаваемому внутреннему пространству. Согласно упоминанию Руфина, просветительница Грузии («пленица», т. е. св. Нина) предложила построить церковь, формы которой она описала: тогдашняя программа ограничивалась ведь только требованием алтаря, ориентированного на восход солнца, и относительно большого помещения для верующих; никаких архитектурно определенных форм она в себе не заключала. Древнейшие уцелевшие церкви, как, например, маленькая Самтаврская в Мцхете, Зеганская (св. Марине), Черемский квадрат, даже малая церковь Мцхетского Джвари (второй половины VI в.), составляют набор разных решений центрально-купольного направления. И это нужно

¹⁸ I. Lassus. Op. cit., p. 99, ср. p. 158.

¹⁹ Г. Н. Чубинашвили. Указ. соч., гл. III.

²⁰ I. Lassus. Op. cit., p. 62, 65, 79.

²¹ Ibid., p. 4, 21, 184—216.

²² Ibid., p. 22.

признать закономерным явлением и решающим развитием привычных подходов и форм жилой древнейшей, т. е. на много веков предшествовавшей распространению в стране христианства, ячейки, дожившей до самого недавнего прошлого и зафиксированного в XX в. научно и художественно в типе крестьянского дома с усвоенным для его центрального квадратного пространства наименованием «дарбази». Это пространство, выделенное двумя, тремя, а то и четырьмя деревянными столбами с подбалками, поверх которых постепенно подымалось куполообразное сужение к центру перекрытия венцом («гвиргвини»), с центральным отверстием для света и дыма ²³. Древность этой архитектурной формы подтверждается и описанием у Витрувия колхидского дома ²⁴.

Как в этих крестьянских «дарбази» последнего времени устанавливается многообразие конкретного решения и в отношении плана, и в отношении перекрытия (гвиргвини), так и в выросшей на этой народной основе монументальной каменной архитектуре купольных храмов уцелело значительное число очень различных по конкретному решению центрального плана зданий древнего времени.

Настоящим утверждением иной основы происхождения центрально-купольных композиций ранних, начальных христианских храмов Грузии я не отрицаю известного, возможно, вначале различия мемориальных сооружений и церквей по их функциональному использованию. Но это различие не отвечает различию архитектурных форм. Так, св. Нина устанавливает на открытом воздухе три креста — в Мцхете, на левом берегу Арагви на горе, на горе Тхоти западнее Мцхеты и в Уджарме (восточнее). Все три позднее обстраиваются: первый получает рядом известную нам сегодня малую церковь Джвари Мцхетского, с крестовым планом и центральным крестовым сводом при наружном прямоугольнике под двускатной кровлей, а примерно через полстолетия возводится большая купольная церковь над взятым как центр для нее самим крестом — в конце VI в. ²⁵; церковь, именуемая Ниноцминда, недавно была выявлена и изучена на горе Тхоти, — она представляет собой по плану крестовую церковь ²⁶; третий крест в Уджарме явился источником большого поклонения («Джвари патисони») с возведением сперва небольшой зальной церкви, постепенно обраставшей дополнительными помещениями и ныне состоящей из двух раздельных этажей с 2—3 комнатами в каждом, вокруг первоначальной церкви внизу в центре ²⁷. Другая национальная святыня — чудесно установленный центральный деревянный столб Свети Цховели в Мцхете — не сохранился; древнейшие уцелевшие фрагменты резьбы об архитектурной форме ничего не говорят; можно только, учитывая наличие в кафедрале специальной капеллы, полагать, что этот столб («свети») животворящий («цховели») был центром особого культового поклонения.

Наиболее ранние национальные святые — св. Нина и мученица Шушаника. Первая была погребена в Бодбе, а выстроенная над погребением церковка (небольшая зальная постройка с полукруглой снаружи

²³ «Грузинские дарбази» по обмеру и рисункам Н. П. Северова и И. А. Шарлеманя под редакцией Г. Н. Чубинашвили, вып. I—IV. Тбилиси, 1926—1927; *Г. С. Чутая*. Крестьянское жилище в Кваблианском районе (дарбазовидный тип). — В кн.: «Мимомхилвели» («Обозреватель»), т. I. Тбилиси, 1926, стр. 137—156 (на груз. яз.); *Л. В. Сумбадзе*. Дарбази Ксанского ущелья. — В кн.: «Архитектура республик Закавказья». Сборник статей. М., 1951, стр. 250—285; *Л. З. Сумбадзе*. Грузинские дарбази. Тбилиси, 1960. Ср. также материал из Армении: *С. Д. Лисициан*. К изучению армянских жилищ (Карабахский карадам). — «Известия КИАИ», т. III, 1925, стр. 97—108; *С. Д. Лисициан*. Крестьянские жилища Высокой Армении. — «Известия КИАИ», т. IV, 1926, стр. 55—70.

²⁴ *Л. З. Сумбадзе*. Колхидское жилище по Витрувию. Тбилиси, 1960.

²⁵ *Г. Н. Чубинашвили*. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948.

²⁶ *Р. Шмерлинг, Т. В. Барнавели*. Храм Ниноцминда на горе Тхоти. — «Вестник Отделения общественных наук АН Груз. ССР», № 6, стр. 155—167.

²⁷ *Г. Н. Чубинашвили*. Архитектура Кахетии, стр. 199, 477, прим., 489, прим.

абсидой) века через два-три была включена как составная часть в трехнефную базилику²⁸. Тело Шушаники перенесено в VI в. и находится в южном приделе Метехской церкви в Тбилиси, выделяясь ракой. По плану можно полагать, что, как и св. Нина, Шушаника первоначально была погребена в такой же малой капелле.

Если подвести итог анализу ранних местных святынь в отношении примененных архитектурных форм, мы увидим их большое разнообразие. Рядом с раскрытыми арками на все четыре стороны квадратом с купольным сводом без барабана в Череме²⁹, являющим параллель к древнейшим Антиохийскому и Эфесскому квадратам и к иранским храмам³⁰, стоят небольшие однефные едва удлиненные камеры, как погребения апостола Петра, св. Кассия и др., с полукругом выступающей абсидой в Бодбе и в Метехи над погребениями св. Нины и мученицы Шушаники, а также с прямоугольным восточным концом, но конхой над ним в Зедазени³¹. Далее можно выделить миниатюрные церковки по плану *croix libre* (по терминологии Г. Милле), т. е. простого креста с возвышающимся слегка в центре куполом в Зегани и в Самтавро во Мцхете³² и оригинально использующие и оформляющие эту же плановую композицию — малая церковь в монастыре Икалто и малая церковь Джвари Мцхетского³³, своеобразно развивающиеся как в интерьере, так и в экстерьере тетраконхи, как позднее переделанный храм в Манглиси³⁴, храм в Кисисхеви и две однотипные церкви — посвященная Свети Цховели (можно полагать, Мцхетскому) в сел. Вачнадзiani и церковь 40 мучеников Давитиани³⁵, а кроме того — различные постройки, как древнейшие в Некреси, Дзвели Шуамта, так и падающие уже на VI в.³⁶

Решающим является здесь, следовательно, не функциональная сторона, а, как сказал бы Ляссус, «эстетическая», т. е. художественное развитие форм зданий безотносительно к церковной службе. И действительно, на уцелевших памятниках грузинской архитектуры с VI в. прослеживается развитие законченно-отработанных произведений купольной архитектуры разных композиционных решений. Это иногда строго центральный план с куполом в центре (Дзвели Гавази, кафедрал в Нинодцинда, Бана)³⁷, или же со слегка удлиненной в направлении «восток—запад» осью при сохранении купола в центре (Мцхетский Джвари, Цроми)³⁸, или, наконец, со значительным удлинением западной и соответственно восточной от купола частью церковного здания. Крестообразный план в очень различных вариациях продолжает свое развитие и в зрелое, и даже в позднее средневековье. Считаю нужным подчеркнуть, что для всей ку-

²⁸ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 83—86.

²⁹ Там же, стр. 207—208.

³⁰ Об иранских храмах огня ср. E. Herzfeld. Reisebericht. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 5, N. 3, 1926, S. 255—256 (269, 271), 275—276; *idem*. Iran in the ancient East. Oxford, 1941, p. 301 sqq.

³¹ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 97—109.

³² Там же, стр. 261—264; Г. Н. Чубинашвили. Древнейшее здание церкви во Мцхета. — В кн.: «Юбилейный сборник, посвященный акад. АН Груз. ССР проф. К. С. Кекелидзе к 80-летию со дня рождения». Тбилиси, 1959, стр. 371—377.

³³ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 258—261; *его же*. Памятники типа Джвари, Введение.

³⁴ Г. Н. Чубинашвили. Заметки о Манглиском храме. — «Bulletin du Muséum de Géorgie», т. 1, 1922, стр. 33—62; М. Двали. Манглиский храм. Художественно-исторический анализ. — «Вестник Отделения общественных наук АН Груз. ССР», 1961, № 1, стр. 255—287, 11 табл. (на груз. яз. с русск. резюме).

³⁵ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 255—258, 265—266.

³⁶ Там же, гл. II.

³⁷ Там же, стр. 216 сл., 232 сл.; «Материалы по археологии Кавказа», вып. 12. М., 1909, стр. 83—117; по вопросу датировки см. Г. Н. Чубинашвили. История грузинского искусства, I. Тбилиси, 1936 (на груз. яз.).

³⁸ Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари; G. Tschubinaschwili und J. Smirnov. Die Kirche in Zromi und ihr Mosaik. Tbilissi, 1934 («Georgische Baukunst», 2. Bd.).

польной архитектуры удлинение оси в направлении «восток—запад» вовсе не означает соединения базилики с купольной башней, а есть органическое развитие крестово-купольной архитектуры. Поэтому термин «купольная базилика» я считаю неверным, вводящим в заблуждение ³⁹, вызванным непременным стремлением видеть отражение античного искусства в средневековом; может быть, явственнее всего порочность этого термина выявляется в предложенном О. Вульфом понятии «полубазиликальный тип», к которому он относит и св. Софию в Солуне, и Каср-ибн-Вардан в Сибири, и Календер-Джами, Кахриэ-Джами, Ходжа-Мустафа-Паша-Джами в Константинополе и другие, где от базиличной структуры осталась только удлиненность всей композиции ⁴⁰. Между тем необходимо подчеркнуть, что доминирующим во всей христианской архитектуре и Грузии, и Армении, и Малой Азии является композиционное построение с выделением помимо барабана с куполом в центре крестообразной формы свободного (вспомним мавзолей Галлы Пладиции в Равенне) или вписанного в прямоугольник креста по наружному облику масс и по созданному внутреннему пространству ⁴¹.

Итак, в грузинской — и, насколько я вижу, в армянской — архитектуре основным, самостоятельным, национальным творчеством являются купольные композиции храмов, тогда как базиличная тема является не органическим развитием своих установок, а пересаженным извне и навязанным духовенством.

Исходным моментом в этом создании купольных форм христианского храма в Грузии и Армении можно считать коренную форму жилой ячейки, именуемую в Грузии «дарбази», с ее куполообразным перекрытием квадратного пространства; к нему не имеют никакого отношения античные ротонды или октогоны, не бытовавшие у нас, от которых отталкивались христианские мартирии и мемории в Италии или Сирии.

³⁹ Также и применение Гуйэром термина «Basilikale Kreuzkirchen» или «Kreuzbasiliken» (*S. Guyer. Op. cit., S. 12*).

⁴⁰ *O. Wulff. Altchristliche und byzantinische Kunst. Berlin—Neubabelsberg, 1918.*

⁴¹ Совершенно ошибочно все три автора трактуют памятники Кауссия при Антиохии, Симеона Старшего Калат-Симан, св. Иоанна Эфесского и рисунок церкви над родником Якова в Сихеме как *croix libre*, тогда как это — явно дополнительное строительство при более древнем взятом в центр квадрате (*т.е. октогоне*).

А. Л. ЯКОБСОН

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ БАЛКАН, ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, ЗАКАВКАЗЬЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Выяснение закономерностей исторического, в том числе и историко-художественного, процесса — это, в сущности, цель любого исследования в области истории искусства. Выявить закономерности — значит познать самую суть явления, его истоки и направление развития.

В настоящей работе, очень кратко излагающей суть дела, ставится конкретная задача — проследить черты общности в архитектуре Древней (домонгольской) Руси, югославянских стран, Византии, Закавказья, и Средней Азии. Общие черты, присущие средневековой архитектуре всех этих стран, появляются на определенном этапе их архитектурно-художественного развития и возникают, складываются в каждой из них совершенно независимо друг от друга. Они, эти черты, выступают большей частью в весьма различных формах, что исключает взаимовлияние в качестве основного фактора, объясняющего общность. Вместе с тем следует подчеркнуть, что такого рода близость наблюдается в разных странах приблизительно в одно и то же время: процесс этот был более или менее синхронным. Общность, о которой идет речь, порождена определенной закономерностью историко-художественного развития, свойственного всем названным странам (и, конечно, не только им).

Начну с Болгарии — с маленькой Месемврии, удивительно сохранившей средневековый облик. Городок знаменит архитектурными памятниками XIII—XIV вв. В центре внимания их творцов был наружный декоративно развитый фасад, сильно расчлененный множеством филенок и ниш вне связи с внутренней структурой здания. Не менее характерна яркая расцветка фасадов, в которой ясно и остро ощущается влияние народной вышивки, словно накинута на архитектурную плоскость. Отчетливо выражено стремление к асимметричности; она сказывается в распределении архитектурных членений и проемов, как и в различном, притом почти не повторяющемся, декоративном заполнении однозначных элементов фасада (симметричного повторения тех или иных мотивов декора нарочито избегают). Наконец, сокращен до миниатюрности масштаб, в котором переданы все элементы фасада. Благодаря миниатюрности всей композиции фасада архитектура физически сближается с человеком и становится как бы интимной. Это архитектура маленького городского квартала, родной храм прихожан, посвященный их патрону — покровителю и заступнику.

Пожалуй, самая сокровенная черта средневековой архитектуры Месемврии в XIII—XIV вв. — это включение цвета, его активная роль, благодаря чему он становится одним из основных выразительных средств в архитектуре. Цвет придает ей новое звучание. Именно цвет больше всего оправдывает обозначение нового архитектурного стиля как стиля живописного.

Особенно полно и выразительно переданы черты нового архитектурного стиля в храме Ивана Алитурггита (рис. 1) ¹. Это — сравнительно небольшой четырехколонный и трехапсидный крестовокупольный храм, воспроизводящий характерный для столичной византийской архитектуры «сложный вариант» с удвоенной по длине восточной ветвью креста, вследствие чего подкупольное пространство сдвинуто в западную сторону. В художественном облике церкви Ивана ясно выступают несколько основных особенностей. Первая из них — это тенденция создать декоративными средствами иллюзию большой и сложной композиции, хотя здание невелико. Характерен в этом отношении очень небольшой масштаб аркатуры, особенно узких промежуточных ниш (их высота всего 2 м, считая от цоколя). Еще сильнее ощущение этой иллюзорности — на восточном фасаде с его двойными и даже тройными окнами, форме которых совсем не соответствуют их миниатюрные размеры (высота их — всего 1,30 м). Изобразительные и растительные рельефы, введенные в декор восточного фасада, украшающие консоли арочек-машикулей, совсем миниатюрны, но их легко рассмотреть, так как расположены они невысоко.

Вторая особенность — это рельефность декора; она нарушает монументальность и монолитность фасадов и вносит в них игру светотени, пластичность. Третья особенность — это нарушение симметрии, что в той или иной мере сказывается во всей архитектурной композиции здания, вернее сказать — тяготение к асимметричным построениям. Асимметричны северная и южная стороны церкви со сдвинутым куполом на барабане; асимметрична разбивка фасада аркатурой по отношению к куполу; асимметрично расположены проемы на северном и южном фасадах. Ощущение асимметричности усиливает неповторяющийся рисунок кирпичной выкладки в тимпанах арок северного фасада и над апсидами.

Четвертая неотъемлемая особенность церкви Ивана — это красочность всего декора, основанная на сочетании ярко-красной кирпичной орнаментальной выкладки и белого фона раствора, на сочетании кирпичных поясов и чередующихся с ними рядов желтовато-белого камня. Красочные контрасты дополняются инкрустацией зеленых чашек и красных розеток.

В целом все эти черты, неразрывно связанные и сплетенные друг с другом, создают определенный архитектурный стиль — стиль живописный. Он объединяет и все другие одновременные церкви Месемврии — церковь Пантократора, особенно близкую к церкви Ивана, церкви Параскевы и Михаила-Гавриила ². Все они отнюдь не отличаются однообразием, но в стилистическом отношении они едины. Поэтому нам нет надобности их анализировать так же, как церковь Ивана.

Стиль этот сложился, конечно, постепенно. Процесс его формирования еще не прослежен, но отдельные звенья его показывают такие памятники, как церковь Богородицы Асеновой крепости близ Станимака, XII в. ³, в верхнем ярусе которой видим и глубокое расчленение фасада аркатурой, также не соответствующей внутренней структуре здания (и призванной создать лишь иллюзию многочастной внутренней композиции), и аналогичное кирпичное узорчье в виде орнаментальных выкладок в пазухах арок (сетки) и в тимпанах их (зигзагах), и в виде чередования кирпичей и камня в самих арках, и в виде декоративных треугольных машикулей на апсиде. Но декор здесь еще скромнее и сдержаннее.

¹ См., например: А. Рашенов. Месемврийски църкви. София, 1932, стр. 36 сл., табл. XI сл.; К. Миятев. Архитектурата в средновековна България. София, 1965, стр. 159—165; К. Миятев. Архитектура Болгарии. — В кн.: «Всеобщая история архитектуры», т. 3. Л.—М., 1966, стр. 401—402.

² А. Рашенов. Указ. соч., стр. 26 сл.; К. Миятев. Архитектурата в средновековна България, стр. 159.

³ К. Миятев. Архитектурата в средновековна България, стр. 171—173.

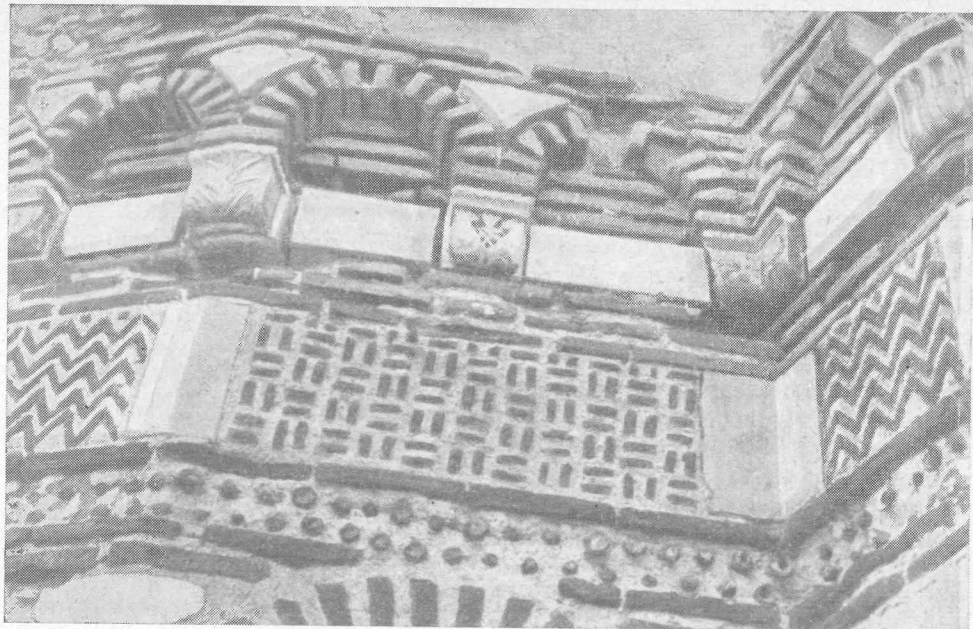

Рис. 1. Храм Алитургита в Месемврии. XIII—XIV вв. Восточный фасад. Пояс арочек-машикулей с рельефами на консолях.

Те же черты носит и удлиненная церковь Димитрия в Тырнове 1185 г.⁴ с той же расчлененностью и тем же полихромным декором и инкрустацией зелеными чашечками.

Основные черты того же архитектурного стиля присущи, как известно, не только Болгарии. Этот стиль ясно выступает и в поздневизантийской архитектуре Константинополя эпохи Палеологов, как это убедительно показал Н. И. Брунов своим анализом Текфур-Серая, который он датирует XIV в.⁵ Для здания характерно асимметричное построение глубоко расчлененных фасадов с их «свободным равновесием частей» и с ярким декором в виде узорчатых кирпичных выкладок, короче говоря — пластичность и живописность⁶.

Но Текфур-Серай — и это также хорошо показал Н. И. Брунов⁷ — лишь наиболее зрелое и законченное произведение живописного архитектурного стиля на почве византийской столицы. Его предшественники — южная церковь Фенари-Исса (монастырь Липса, около 1282 г.), Кахриеджами (монастырь Хора, конец XIII — начало XIV в.), южная церковь Фетие-джами (церковь Марии Паммакаристы, около 1315 г.), экзонартекс Молла-Гюрани (Килиссе-джами) (церковь Феодора, 1320 г.) — все они содержат несомненные признаки новой архитектуры: ясно выражена асимметричность композиции, усиливается пластическая разработка фасадов нишами, появляется кирпичная узорчатость (чередование кирпича и камня в кладке стен и в арках проемов приобретает декоративный характер), но еще не столь развитая, как в Текфур-Серая. Эти памятники рисуют картину формирования живописного архитектурного стиля в Царьграде, процесса нарастания его выразительности.

⁴ Там же, стр. 198—199; Н. Мавродинов. Старобългарското изкуство XI—XIII в. София, 1966, стр. 88—89.

⁵ Н. И. Брунов. К вопросу об архитектурном стиле эпохи Палеологов в Константинополе. — «Известия на Българския Археол. Институт», V, 1929, стр. 208 сл.

⁶ Цитированные слова принадлежат Н. И. Брунову (Указ. соч., стр. 212 и 215).

⁷ Там же, стр. 210—212, 215—216.

В нашу задачу не входит выяснение того, где раньше сложился этот стиль — в Царьграде или в Болгарии — и каково происхождение полихромного декора в виде кирпичного узорочья как характернейшей черты нового стиля. Так или иначе, но в архитектуре югославянских стран и Греции кирпичное узорочье появляется, и притом в довольно развитом виде, уже в XI в.⁸ Но для нас важнее тот факт, что этот стиль к XIV в. охватил архитектуру не только Болгарии и византийской столицы, но и всех других стран Балканского полуострова — Македонии, Сербии и Греции — и получил там всеобщее распространение.

В Македонии и Сербии достаточно назвать такие памятники, как церковь Апостолов в Солуни 1312 г.⁹, церковь в Охриде 1295 г.¹⁰, нартекс церкви Софии там же, XIV в., церковь Люботин близ Ускюба, 1337 г., монастыри Леснов 1340/41 г. и Марков 1345 г., церковь Крушевац конца XIV — начала XV в.¹¹

В Греции — не менее выразительные примеры: церковь Николая и Кирпотиссе в Вериа (в районе Солуни), церковь в Арте (Феодора, Василия и Ката-Панагия), церкви Мербака в Арголиде¹².

Живописный архитектурный стиль зарождался и в Древней Руси домонгольского периода — в XII—XIII вв., причем, что замечательно, в различных ее областях — и в Киевской земле, и в Полоцко-Смоленской, и во Владимиро-Суздальской, и в Новгороде, и в Пскове. Исследования последнего времени ясно показали, что в предмонгольское время во всех этих землях начала складываться общерусская архитектура¹³.

Черты нового архитектурного стиля очень рельефно выражены в церкви Пятницы, конца XII — начала XIII в., построенной на Торгу в Чернигове¹⁴. Законченная в выработанная по рисунку стройная пирамидальная композиция храма с ее нарастающим ритмом ступенчатоповышенных закомар и увенчанная куполом на высоком световом барабане; устремленность вывес этих объемов здания, подчеркнутая развитыми пучковыми тягами, — уже одно это создает новый облик храма, в котором наружные формы приобретают основное значение.

Динамичность всей этой композиции, что неоднократно отмечалось исследователями, является, пожалуй, главной ее чертой, чертой новой, незнакомой всей предшествующей древнерусской архитектуре, в основе которой оставался статичный четырехстолбный объем.

Вторая, не менее существенная особенность церкви Пятницы — это стремление наполнить фасады светотенью. Ее порождают сильно выступающие пучки вертикальных тяг, как и ряды ниш на фасадах, воспринимаемые как украшающие храм декоративные пятна, притом пятна красочные, ибо ниши были покрыты росписью.

⁸ G. Millet. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916, p. 252.

⁹ Ibid., p. 261, pl. III.

¹⁰ См., например, Н. П. Кондаков. Македония. СПб., 1909, стр. 121.

¹¹ G. Millet. Op. cit., p. (в той же последовательности, в какой упомянуты памятники) 127, 231, 188, 187 (и 166), 237.

¹² Ibid., p. (в той же последовательности) 263, 265, 164, 261, (pl. II), 259.

¹³ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, II. М., 1962, стр. 104; *его же*. Владимиро-Суздальская архитектура. — В кн.: «Всеобщая история архитектуры», т. 3. М., 1966, стр. 628—639; *его же*. «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII вв. — В кн.: «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950, стр. 339; *его же*. К истории смоленского зодчества XII—XIII вв. — В сб.: «Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи». Смоленск, 1967, стр. 118—119; П. А. Раппопорт. Некоторые вопросы истории русской архитектуры конца XII — первой половины XIII в. — «Старина», XX, 1969, стр. 339—345; Ю. С. Асеев. Архитектура Южной и Западной Руси в XII—XIII вв. — В кн.: «Всеобщая история архитектуры», т. 3. М., 1966, стр. 584; *его же*. Архитектура Київської Русі. Київ, 1969, стр. 148 сл.

¹⁴ П. Д. Барановский. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. — В сб.: «Памятники искусства, разрушенные немцами захватчиками в СССР». М.—Л., 1948, стр. 13—34.

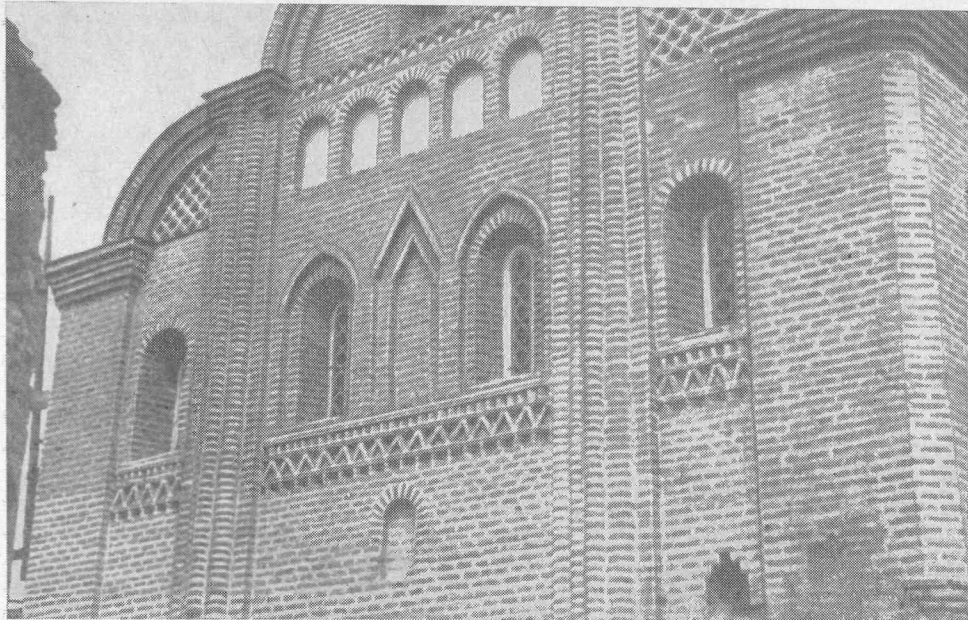

Рис. 2. Храм Пятницы в Чернигове, конец XII—начало XIII в. Деталь западного фасада (фото П. А. Раппопорта)

Стремление к декоративной насыщенности архитектуры еще больше сказалось в многообразном декоре, которым весьма богаты фасады: бровки окон — с плетенкой, притом несколько асимметричной; фриз, опоясывающий храм с узорчатой выкладкой из кирпичей — в виде треугольников, поребриков или напоминающие меандр (рис. 2); кресты из керамических поливных плиток; панно узорчатой кирпичной выкладки в виде сетки на восточном фасаде¹⁵ (вспомним Месемврию). Кирпичная кладка с широкими швами, контрастирующая с ней белые наличники окон, роспись ниш, узорчатая выкладка из кирпичей, поливные плитки — все это придавало красочность архитектурному фасаду Черниговской Пятницы, в декоре которой цвет играл, видимо, значительную роль.

Полихромия вообще стала характерной особенностью русского зодчества того времени. Появились полуколонки из желтого кирпича на фоне красного кирпича стен (открытые в Благовещенской церкви конца XII в. в Чернигове)¹⁶; белокаменные детали, сочетавшиеся с кирпичной кладкой (в Старой Рязани); кирпичную кладку в Гродно (в так называемой нижней церкви первой половины XII в. и Коложской церкви конца XII в.) украшали вставкой желтых, зеленых и коричневых майоликовых ромбов и крестов, а низ стен — вставкой нарочито бесформенных кусков цветного гранита¹⁷, как и в нижней части церкви Василия в Овруче¹⁸; в Галиче применяли известняк различных оттенков, раскрашивали рельефы. Цвет стал одним из существенных элементов слагавшегося на Руси нового архитектурного стиля.

Наконец, в Пятницкой церкви Чернигова наблюдается еще одна черта,

¹⁵ П. Д. Барановский. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове, стр. 22 и рис. на стр. 23.

¹⁶ Б. О. Рибакон. Благовещенська церква у Чернігові 1186 року за даними розкопок. — В сб.: «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, стр. 61.

¹⁷ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. М., 1954 (=МИА, № 41), стр. 90—91, рис. 44, 48, 49; стр. 110, рис. 58, 59.

¹⁸ Там же, стр. 147.

характерная для новой архитектуры, — появляется декоративная архитектурная форма, лишь обозначающая конструктивный элемент, в действительности не существующий, а именно верхний ряд закомар, не соответствующий внутренней композиции и лишь призванный усилить архитектурную выразительность храма декоративными средствами.

Композиция Пятницкой церкви, как теперь известно, представлена в различных областях Древней Руси широким кругом памятников. Среди них выделяется собор Ефросиниева монастыря в Полоцке около 1161 г. и церковь Михаила Архангела в Свирской слободе в Смоленске 1191—1194 гг. с теми же вытянутыми объемами и, вероятно, с трехлопастным завершением, могучими вертикальными членениями и многочисленными нишами; ряды кирпичной кладки, разделенные широкими белыми полосами раствора, скрывающего утопленные кирпичи, также создавали несомненный красочно-декоративный эффект¹⁹.

Храмы такой башнеобразной композиции с пирамидально-трехлопастным верхом строились в Пскове (первоначальный Троицкий собор конца XII в.), в Новгороде (церковь Параскевы Пятницы 1207 г.)²⁰, во Владимиро-Суздальской земле, где живописный архитектурный стиль получил особенно блестящее претворение.

Характерные черты этого стиля, как показал Н. Н. Воронин²¹, вырабатывались на протяжении XII в., они постепенно нарастали и усиливались, пока не отделились в непревзойденные по богатству формы знаменитого храма Георгия 1230—1234 гг. в Юрьеве-Польском. Здание воплотило все передовое в художественной культуре Древней Руси своего времени. Это совсем небольшой четырехстолбный одноглавый храм с притворами с трех сторон, придающими зданию крестообразный план. Такого рода дополнительные объемы, появившиеся в древнерусской архитектуре еще на рубеже XI и XII вв., усложнили планировку храма и как бы умножили грани здания, породив тем самым определенную живописность в его композиции.

Другая характерная черта храма в его первоначальном виде — повышенные пропорции, башнеобразность, свойственная всей древнеруской монументальной архитектуре второй половины XII и XIII вв., которую, по ряду признаков, можно предполагать и в церкви Георгия²².

Но значительнейшей еще одна черта храма, особенно типичная для нового архитектурного стиля, — это резкое усиление декоративности фасада, основные членения которого уже не соответствуют внутренней композиции и конструкции и, таким образом, утратили связь с ней. Колончатый пояс, обозначающий двухъярусность здания (с хорами), призван здесь лишь трактовать фасад декоративными средствами, ибо ни двух ярусов, ни хор храм не имел; утоньшения стены над поясом также нет. Появляется и асимметрия, выразившаяся в пристройке в северо-восточном углу крошечного Троицкого придела-усыпальницы, поистине архитектурной миниатюры, интимной по форме и социальному смыслу. Эта миниатюрность сблизила архитектуру придела с человеком, как сблизили и скромные по масштабу порталы, и ковровая резьба, начинающаяся с самого низа стен.

¹⁹ О других памятниках нового стиля в Киевской Руси — в Киеве, Белгороде, Овруче, Новгород-Северске, Путивле см.: Ю. С. Асеев. Архитектура южной и западной Руси, стр. 576—584; *его же*. Архитектура Київської Русі, стр. 159—176. О Свирской церкви в Смоленске см.: М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, стр. 83—89, рис. 36 (реконструкция П. Д. Барановского). Именно этот тип храма стал, по-видимому, общерусской моделью; см.: Г. М. Штендер. Архитектура Новгорода в свете последних исследований. Домонгольский период (XI—XII—начало XIII в.). — В сб.: «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964, стр. 213—214.

²⁰ Г. М. Штендер. Указ. соч., стр. 204 (реконструкция).

²¹ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, II, стр. 102—104.

²² Там же, стр. 110—111. Автор допускает возможность применения в церкви ступенчато-повышенных подпружных арок (стр. 111).

Однако полнее всего новое понимание архитектуры сказалось в резком усилении белокаменной резьбы, орнаментальной и изобразительной, сплошь покрывавшей, словно ковер или драгоценная узорчатая ткань, фасады храма. Такого рода резьба также появляется во Владимиро-Суздальской архитектуре еще в XII в., но в Юрьеве-Польском она охватила все архитектурные плоскости без остатка, застилая и лопатки с полуколонками и капители²³. Орнаментальная резьба, правда, плоскостна, но она контрастирует с развитыми вертикальными членениями и с высокорельефным колончатým поясом, заключающим в себе горельефные фигуры, и с горельефными большими композициями в закомарах. Плоскостность орнаментальной резьбы, таким образом, нисколько не ослабляла игру светотени на фасадах.

Все существенные черты нового живописного архитектурного стиля в Георгиевском соборе Юрьева-Польского уже, как видим, имеются. Правда, черты эти здесь выражены еще сдержанно, спокойно (хотя и сильнее, чем в других областях домонгольской Руси), но они уже заявили о себе: они усиливались от памятника к памятнику, предвещая расцвет новой архитектуры. И только монгольское нашествие прервало это развитие.

До сих пор речь шла о славянской архитектуре, отчасти греческой. Создавалось даже впечатление, что живописный стиль архитектуры присущ преимущественно славянскому искусству с его «повышенной выразительностью форм»²⁴. Мы, однако, постараемся показать, что те же, в принципе, явления наблюдаются и в других странах, соседних с Восточной Европой. Имеем в виду Закавказье — Армению и Грузию.

XII—XIII столетия в этих странах также отмечены рождением нового живописного стиля архитектуры, сформировавшегося здесь, однако, раньше, чем в Восточной Европе. Как и там, он связан был преимущественно с городом: в Армении — главным образом с Ани, в Грузии — с такими городами, как Тбилиси, Дманиси.

В Армении, как и в Грузии, мы в полной мере наблюдаем уже знакомые нам явления. Прежде всего и здесь основное внимание водчих XII и особенно XIII вв. было сосредоточено на внешней архитектуре здания — на его фасадах. И здесь проблема декоративного убранства становится важнейшей. Проблема эта возникла в Армении еще в предшествующий период, в X—XI вв., но теперь к ее решению было привлечено новое средство, явившееся новым художественным принципом, а именно полихромность фасада, знаменовавшая собой появление здесь живописного стиля архитектуры.

Он сказывался всюду — и во дворцах, и в церквях, и в гостиницах-караван-сараях, и даже в крепостном строительстве Ани²⁵. Очень красноречив главный фасад анийского дворца парона с двухъярусным порталом: вверху — шахматная выкладка из розовых и черных каменных плиток; внизу — проем входа на фоне сплошной каменной мозаики из розовых резных плиток в виде восьмиконечных звезд с черными резными крестами в промежутках. Таков же мозаичный портал из каменных плиток, заполненных резьбой, у другого дворца в Ани — так называемого дворца Саргиса (в реконструкции Т. Торамоняна). Эта сплошная резьба, заполняющая наподобие ковра большие плоскости порталов, являлась как бы перенесенной наружу многоцветной узорчатой тканью, покрывавшей внутри стены богатых домов. На фасады здания

²³ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, II, стр. 100, 113, 122.

²⁴ Н. И. Брунов. Указ. соч., стр. 222. Еще определеннее об этом пишет М. А. Ильин. О единстве домонгольского русского зодчества. — СА, 1968, № 4, стр. 93.

²⁵ К сожалению, имеющиеся работы по истории армянской средневековой архитектуры, как правило, лишены стилистического анализа. Вынужден поэтому сослаться на свою работу: А. Л. Якобсон. Очерки истории зодчества Армении V—XVII вв. М.—Л., 1950, гл. III.

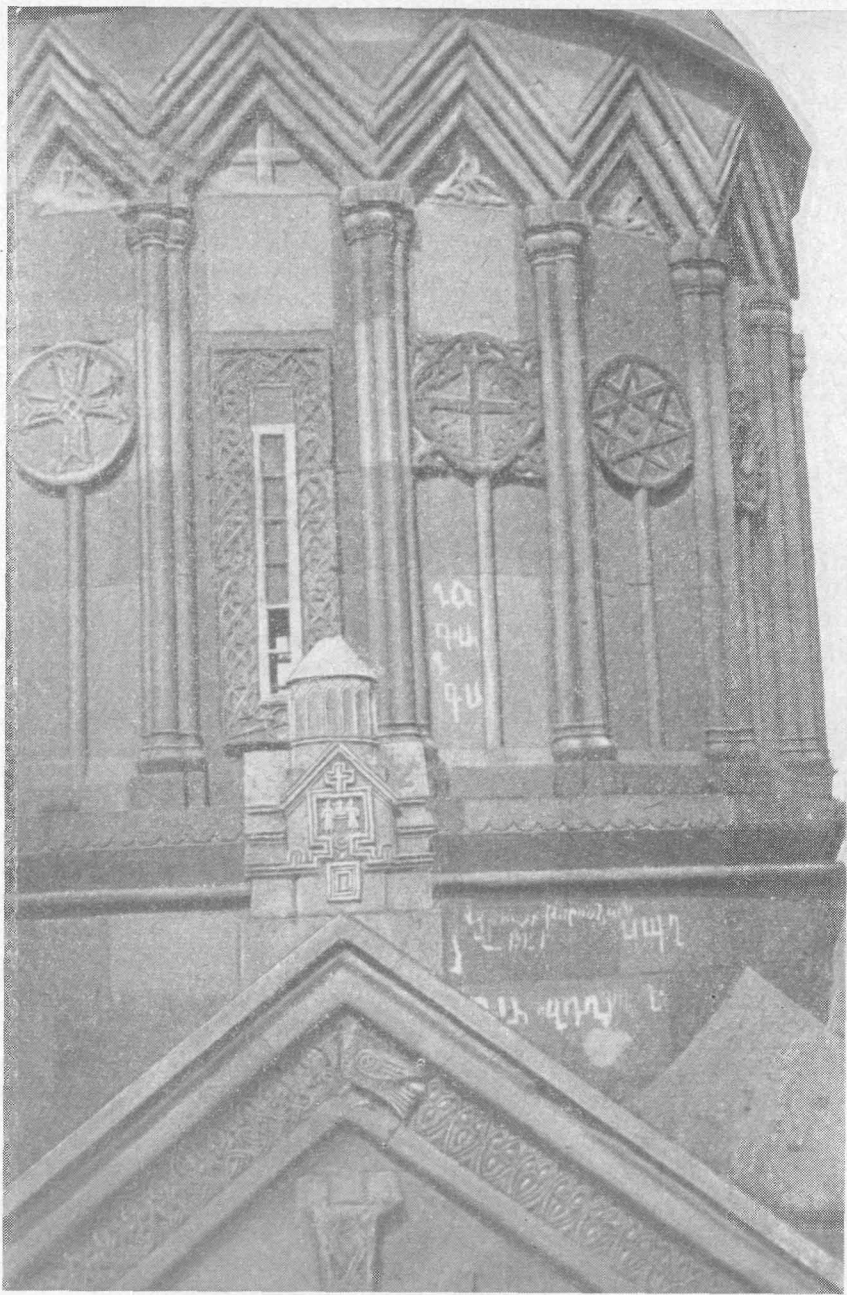

Рис. 3. Храм в Ариче (Армения), 1201 г. Барабан с имитацией поливных блюд

были вынесены даже такие элементы внутреннего убранства, как поливные блюда, развешанные внутри домов по стенам. Их имитировали большие вогнутые круги на барабанах церкви в Ариче 1201 г. (рис. 3). Кстати сказать, это не беспримерно: украшение фасадов храма поливными блюдами приблизительно в то же время известно и в Греции²⁶ (XII в.), а поливными чашами — в Болгарии (в конце XII и в XIV в.).

²⁶ A. N. S. Megaw. *Glazed Pottery in Byzantine Churches*. — «Δελτίον τῆς χριστιανικῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας», περίοδος Δ', τ. Δ'. Ἀθήναι, p. 1964, 145—162.

Еще богаче украшен двухэтажный портал караван-сарая в Ани: проемы обеих этажей заключены в широкие рамы, заполненные сложной плетенкой; в тимпанах стрельчатой арки — мозаика из цветных фигурных каменных плиток²⁷. Вообще мозаичные выкладки из цветных каменных плиток были весьма популярны в Армении XIII в.

Цвет нередко вводят и в кладку, в которой чередовались различные по окраске плиты туфа. Прием этот был распространен даже на крепостные стены Ани: в облицовку из темно-желтого туфа включали черный и красный камень, которым выкладывали кресты, шахматный узор и т. д.; использовали и глиняные шары, покрытые голубой поливой, как позднее на шатре Василия Блаженного в Москве. Многоцветность и живописность дворцового фасада охватила, таким образом, важнейшие области строительства.

Надо сказать, что в дальнейшем, но в том же XIII в., мозаичная выкладка претерпела в Армении существенные изменения: мозаика из цветных плиток сменилась имитацией ее путем воспроизведения в различной плоскости: эффект многоцветности передавался, благодаря этому, игрой светотени²⁸. Игра светотени, как прием монументального декора, была, следовательно, дальнейшим развитием того же живописного начала в армянском архитектурном стиле XIII в.

Не менее ясное выражение получил в армянском зодчестве еще один аспект живописного стиля — асимметричность. Она сказывается и в разнообразии декоративных мотивов, украшающих одинаковые (однозначные) архитектурные элементы (например, орнаментальная выкладка зеркальных сводов различной формы звездами, зигзагами, розетками и пр., притом выполненная из разноцветного камня), и в различном оформлении столбов гавитов (притворов) и т. д. В этом сказалось стремление к максимальному разнообразию элементов архитектурной композиции, быстрой смене ее слагаемых путем различной декоративной обработки их. Декоративное убранство благодаря этому в известной мере нарушает симметричность архитектурных элементов здания. Вместе с тем и вся внутренняя композиция здания приобретает динамичность, создающую новые источники светотеневых контрастов.

Еще больше асимметричность сказывается в общей композиции масс здания (сдвинутый купол, несимметрично перекинутые арки и пр.) и в соответствующем рисунке фасада (например, фасад колокольни монастыря Санаин) и, наконец, в компоновке всего монастырского комплекса, слагавшегося из целого ряда одновременных элементов (храмы, притворы, колокольня, трапезная, кельи и т. д.). Но зодчие умели придавать всей этой сложной асимметричной группе зданий равновесие, акцентируя наиболее важные элементы ансамбля и группируя относительно них остальные его элементы. Таковы большие монастырские комплексы Армении — Санаин и Ахпат, окончательно сложившиеся в XIII в., а в Грузии — Гелатский монастырь²⁹.

Асимметричность приобрела значение определенного художественного приема, сказывавшегося и в общей композиции ансамбля, и в композиции его отдельных частей-зданий, и в декоративном убранстве их. Вот почему эту асимметричность вернее всего трактовать как одно из проявлений живописного стиля в архитектуре с присущей этому стилю динамичностью. В этом и заключается тайна асимметрии — неотъемлемого свойства армянского зодчества XIII в., как позднее — зодчества Болгарии и Византии.

Далее, для живописного стиля монументальной архитектуры Армении XIII в. очень характерно использование декоративного убранства

²⁷ А. Л. Якобсон. Указ. соч., рис. 80.

²⁸ И. Орбели. Мус ульманские изразцы. Пг., 1923, стр. 20.

²⁹ Р. Мепишвили. Архитектурный ансамбль Гелати. Тбилиси, 1966, стр. 166—169.

как средства трактовки архитектурного фасада. В этом отношении многое может сказать совсем небольшая церковь 1237 г. в монастыре Нор-Гетик. Членение фасадов ее декоративной аркатурой, притом ломающейся на углах, совершенно не отвечающей простой внутренней структуре церкви, было призвано, как и в Месемврии, придать зданию черты большой постройки, создать иллюзию ее. Западному фасаду, опять-таки вне связи с композицией церкви, чисто декоративными средствами придали двухэтажность — вероятно, в подражание анийским монументальным порталам (дворца парона и др.). На восточном фасаде помещено миниатюрное двойное окно, обрамленное целым пучком полуколоннок (рис. 4), так же дезориентирующих относительно подлинных масштабов церкви, как и ложная аркатура и «двухъярусный» западный фасад³⁰. Живописность как архитектурный принцип поглотила прежнюю монолитность и монументальность. Такова эта миниатюрная, но ювелирно отделанная церковь в Нор-Гетике, замечательная, кроме того, своей тончайшей резьбой портала (рис. 5).

То же стремление создать иллюзию большого трехъярусного здания бросается в глаза и в другой замечательной архитектурной миниатюре — так называемой Пастушьей церкви в Ани, которую мы склонны датировать не XI, а именно XII—XIII вв.³¹ Эта миниатюрность и здесь порождает ощущение интимности здания, придает ему как бы домашний характер. И эту особенность мы уже встречали.

Такова армянская средневековая архитектура эпохи ее расцвета (XII—XIII вв.) в аспекте нового архитектурного стиля.

Те же черты носит и архитектура того времени в соседней Грузии, находящейся тогда в политическом союзе и тесной культурной связи с Арменией. Правда, вся монументальная архитектура Грузии XII—XIII вв. была сильнее связана с предшествующим зодчеством, в ней большее значение имела сила традиции; может быть поэтому, живописный стиль там выражен несколько слабее, не так рельефно, но основная тенденция архитектурно-художественного развития и в Грузии прослеживается достаточно отчетливо.

Для грузинской монументальной архитектуры XII—XIII вв. также характерно усиление роли декоративной резьбы, которая заполняет фасады в виде широких резных наличников окон, вплотную примыкающих друг к другу, и резных крестов, занимающих всю верхнюю часть фасада, и разделяющих их тяг. Остающаяся гладь стены еще больше выделяет узорочье. Глубина резьбы выпуклых наличников создает игру светотени. В кладке шире, чем раньше, используются плиты разноцветного камня, либо разбросанные по стене, либо уложенные в шахматном порядке. Таким образом, и в грузинском зодчестве XIII в., как и в Армении, глубокая резьба по камню с ее светотеневыми контрастами сочетается с многоцветностью. Таковы, например, церкви в Питарети, начала XIII в., и в Кватахеви, конца XII—начала XIII вв.³²

Внутри этих храмов восточная пара столбов приближена к апсиде, а в некоторых из них эти столбы сливаются с междуапсидальными стенками (например, церковь Георгия в Гелатском монастыре, XIII в.); вследствие этого подкупольное пространство сдвинуто к востоку, что создает определенную асимметрию, которая отражена и на фасадах.

³⁰ А. Л. Якобсон. Из истории зодчества средневековой Армении. — «Ежегодник Института истории искусств АН СССР», 1952, стр. 351—356.

³¹ А. Л. Якобсон. Очерки истории зодчества Армении, стр. 123—124; ср.: Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв. Ереван, 1961, стр. 209—210 (аргументы в пользу датировки памятника XI в. мы не можем признать убедительными, ибо они учитывают лишь некоторые детали здания).

³² В. Беридзе. Архитектура Грузии. М., 1948, стр. 64—74; *его же*. Грузинская архитектура с древнейших времен до XX в. Тбилиси, 1967, стр. 56, табл. 119—122. Ниже приводимые памятники грузинской архитектуры см. там же.

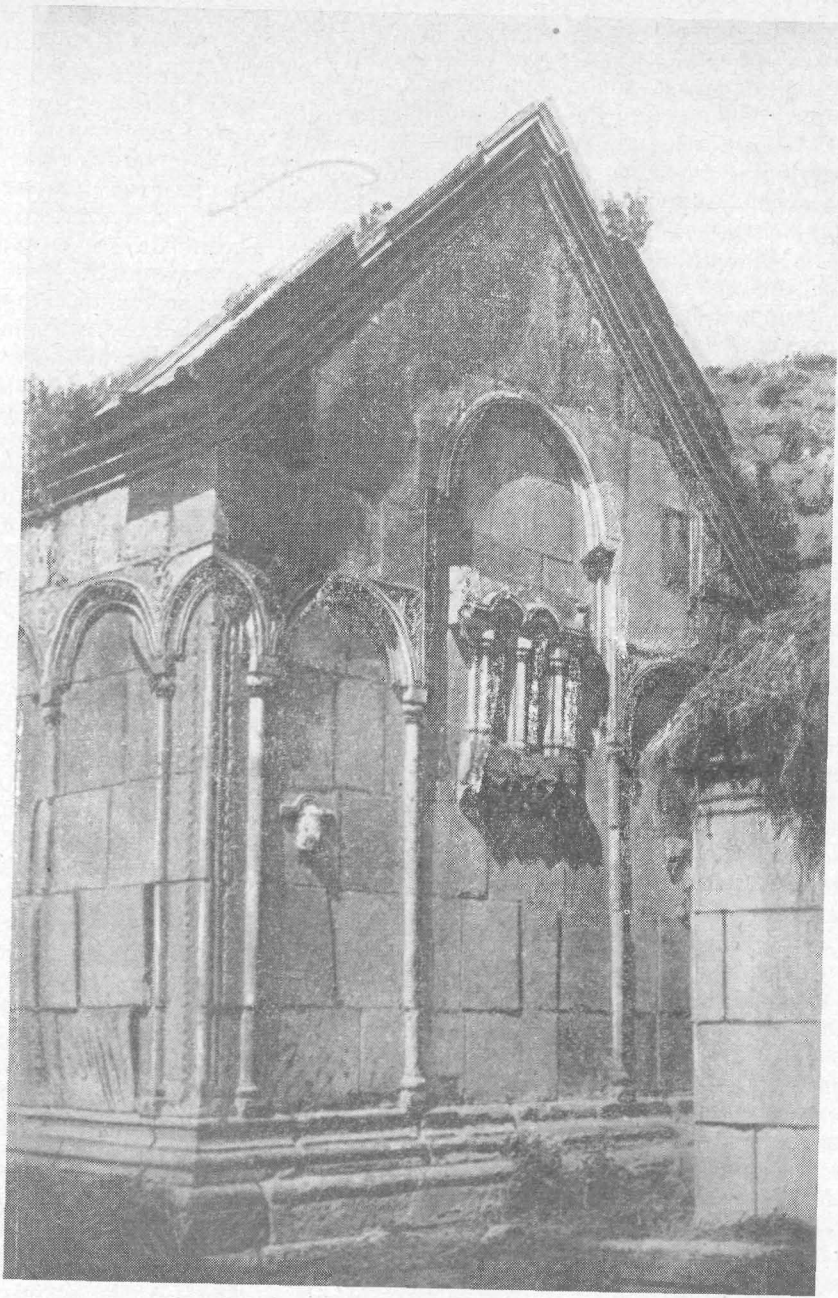

Рис. 4. Храм в монастыре Нор-Гегтик (Армения), 1237. Восточный фасад

Таковы церкви в Бетания и в Кватахеви. Асимметрию усиливают пристройки, сдвинутые в ту или иную сторону относительно оси здания, как в той же церкви в Бетания или в соборе в Гелати начала XII в.³³

Использовался грузинскими зодчими и прием трактовки архитектурного фасада декоративной аркатурой. Но этот старый традиционный прием в XIII в. постепенно утрачивает здесь даже видимость архитек-

³³ Р. Мелисашвили. Указ. соч., стр. 4, табл. 2, 10 11, 14, 15.

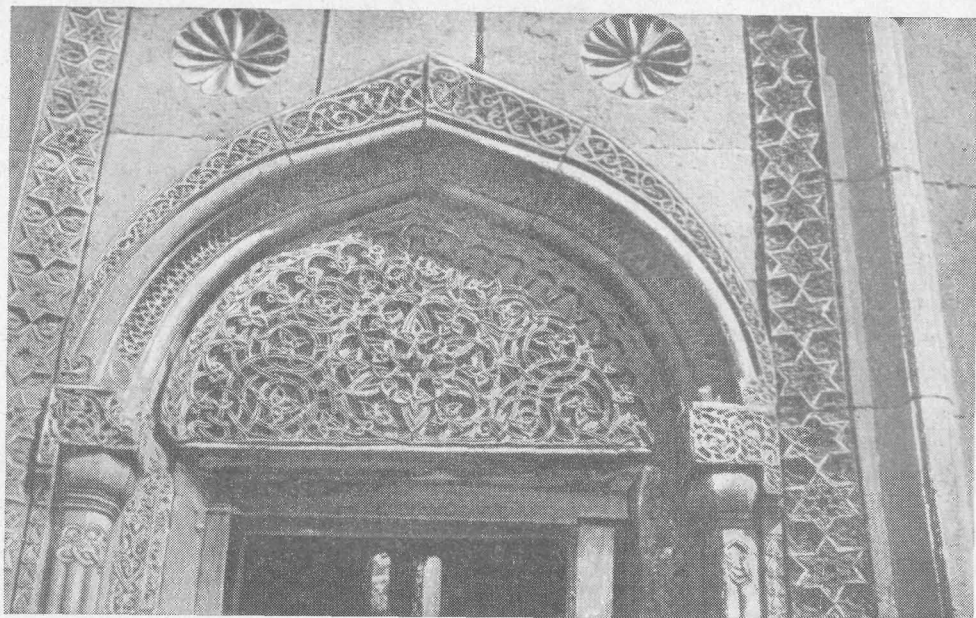

Рис. 5. Храм в монастыре Нор-Гетик (Армения), 1237 г. Резьба на западном портале

турного мотива и превращается в простое украшение (как это мы видели в церкви Нор-Гетика) или вовсе исчезает³⁴.

Как и в других странах, о которых шла речь в этой статье, грузинские храмы также уменьшаются в размере, в чем сказались новые социальные условия феодального строительства (церковь рассчитана теперь на ограниченный круг молящихся). Благодаря скромным размерам храмы приобретали те черты интимности, о которых мы говорили применительно к архитектуре Армении, Болгарии и Византии.

Очень интересен в этом отношении притвор начала XIII в., пристроенный к базилике в Дманиси³⁵, с широким перспективным входом в виде открытой арки (рис. 6). Внутри притвор перекрывает сферическим сводом, опирающимся на два выступа стен и пару колонн. Снаружи, вопреки всей внутренней структуре, притвору придана крестообразная композиция (но без купола) с имитацией ветвей креста под острыми шпильками и даже с боковыми нишами, богато украшенными, но совершенно декоративными. Вся эта затейливая постройка — такая же архитектурная миниатюра, как армянская церковь в Нор-Гетике или Пастушья церковь в Ани, своего рода модель большого здания, но где все декоративно и иллюзорно. И так же, как в Месември, ее украсили миниатюрными рельефами (изображающими встречно идущих барсов и птиц, терзающих зверя), помещенными на капителях парных полуколонн по сторонам ниш на южном фасаде (рис. 7а, б). Рельефы эти еще меньше, чем в Месември, и рассчитаны на рассматривание совсем вблизи (они находятся на уровне человеческих глаз). Трудно отрешиться от ощущения интимности, которое вызывает эта постройка.

Притвор базилики в Дманиси с его миниатюрными архитектурными формами — одно из порождений нового архитектурного стиля, который в значительной мере подчинил себе и феодальную архитектуру Грузии.

³⁴ В. Беридзе. Архитектура Грузии, стр. 68.

³⁵ Л. Мухелишвили. Раскопки в Дманиси. — СА, VI, 1940, стр. 266—267.

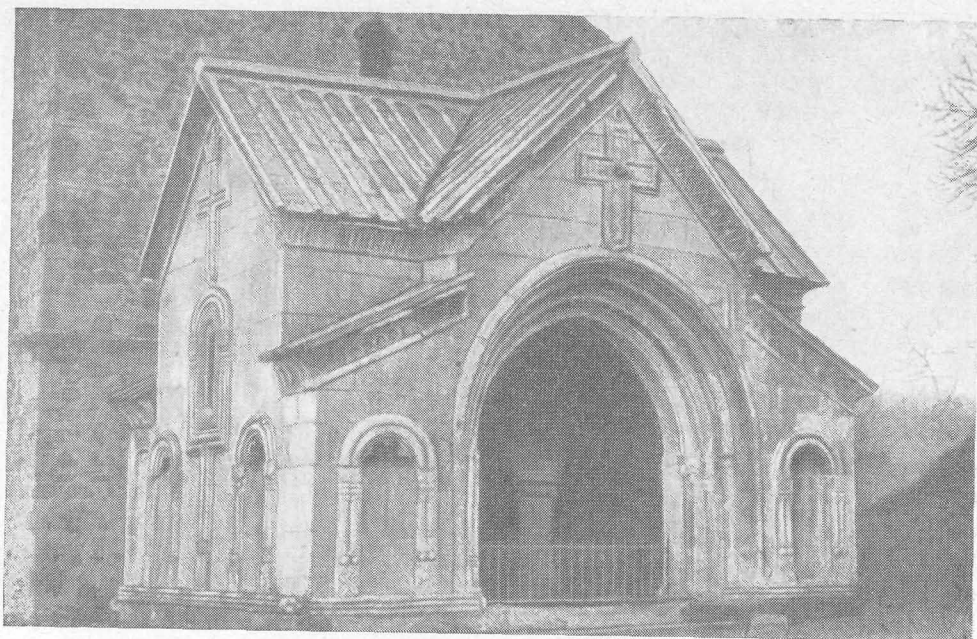

Рис. 6. Дманиси (Грузия). Притвор начала XIII в., пристроенный к базилике. Общий вид с западной стороны

Общие архитектурно-художественные концепции, лежащие, как мы видели, в основе архитектур весьма обширного района (от Балкан до Закавказья), были свойственны, конечно, не только христианским странам, но в такой же мере и мусульманским: вероисповедная принадлежность не могла определить направление историко-художественного процесса. Что это так, убеждает зодчество не только соседней мусульманской страны Закавказья — Азербайджана, но и зодчество всего Ближнего Востока и Средней Азии.

Исследователи уже указывали на отчетливо выступавшие и с течением времени усилившиеся тенденции зодчества Азербайджана на протяжении XII—XV вв. — они выражаются в непрерывном усилении парадности монументальной архитектуры путем повышения роли декоративного убранства³⁶; даже в надписях — цитатах из Корана на фасадах культовых зданий декоративное начало стало доминировать над религиозно-пропагандистским³⁷.

Насколько интенсивно шел этот процесс, показывают вполне выработанные по своей архитектуре стройные башенные мавзолеи в Нахичевани — знаменитые произведения азербайджанских зодчих XII в.: восьмигранные мавзолеи Юсуфа 1162 г., Момине-хатун 1186 г., Се-Гунбад 1184 г. на оз. Урмия, Гунбад-е Кабуд 1196 г. в Мараге³⁸. Стороны восьмигранных мавзолеев глубоко расчленены; ребра их выделены полуколонками или пилястрами, подчеркивающими вертикаль композиции. Все плоскости граней сплошь покрыты рельефным (фигурным) кирпичным орнаментом,

³⁶ Литература, посвященная средневековому зодчеству Азербайджана, весьма обширна. Мы ограничимся ссылкой на новейшую работу, наиболее полную по материалу: Л. С. Бретаницкий. Зодчество Азербайджана в XII—XV вв. М., 1966 (об усилении декоративного начала см. стр. 137—138, 247, 269, 275, 281, 310, 324, 327, 334 и мн. др.). Там же приведена и литература предмета.

³⁷ Там же, стр. 138.

³⁸ Там же, стр. 101—116.

Рис. 7. Дманиси (Грузия). Притвор начала XIII в., пристроенный к базилике: а, б — рельефы на капителях полуколоннок на южном фасаде

еще геометрическим, выступающим на углубленном фоне (на некоторых памятниках и он сплошь орнаментирован). Расчлененность фасадов и двуплановость декора порождают игру светотени. А это один из наиболее показательных признаков нового архитектурного стиля, который мы прослеживали выше. В названных мавзолеях Азербайджана он уже вполне развит, а это указывает на то, что процесс его формирования совершался еще в предшествующем столетии.

Нарастание роли декора сказывается и в усложнении его, особенно в выделении и подчеркивании порталных композиций с их глубокими сталактитовыми нишами, в обогащении декоративной резьбы, в усилении ее пластичности. Развитый портал мы видим уже в конце XII в. (мавзолей на оз. Урмия). В дальнейшем его роль повышается — он становится центральным звеном архитектурной композиции. Это показывают памятники начала XIV в. (мавзолей в Карабагляре и в Барда, 1322 г.) и XV в. (например, усыпальница ширваншахов 1435 г. в Баку).

Вскоре получает развитие другой специфический прием усиления парадности фасада, повышения его звучания: в архитектуру начинают вводить цвет. Впервые применение кирпичей с бирюзовой поливой наблюдается в мавзолее в Мараге, 1148 г.; шире использованы бирюзовые кирпичи в нахичеванском мавзолее Момине-хатун 1186 г. (в верхнем поясе с надписью и венчающем сталактитовом фризе), но еще скромно: монохромный фасад в XII в. еще господствовал. Зато в последующее время полихромия получает в архитектуре Азербайджана блестящее развитие: фасады выкладывают разноцветным камнем, появляются и многоцветные сплошные керамические облицовки поливными кирпичами или цветной наборной мозаикой. Особенно популярной полихромная керамика на фасадах становится в XIV и XV вв. Достаточно сослаться на такой памятник, как названный мавзолеем в Карабагляре (первая половина XIV в.), чтобы оценить направление и тенденцию развития. В этом выдающемся произведении сказывается еще одна черта нового архитектурного стиля — его динамичность, которую создают мощные гофры (полуцилиндры), образующие массив мавзолея, сплошь покрытые яркой кривой сеткой крупного геометрического или шрифтового орнамента на темно-синем фоне. Начали применять и цветное стекло в окнах ³⁹.

Новый архитектурный стиль проявлялся и в повышенных пропорциях монументальной архитектуры, в стремлении усилить вертикаль здания. И чем дальше, тем эта тенденция сказывалась все сильнее. Достаточно напомнить мавзолей XIV в. с их подчеркнутой вертикалью членений и порталы дворца ширваншахов в Баку XV в.

Определенное значение в формировании нового архитектурного стиля Азербайджана XIV—XV вв. получает и асимметрия, усиливающая динамичность композиции здания и всего архитектурного ансамбля. Эту черту можно отметить и в мечети 1435 г. того же дворцового комплекса в Баку, и в мечети 1482 г. в с. Мардакяны, и в усыпальнице Дири-баба 1402 г. в с. Маразы ⁴⁰.

Все эти черты — динамичность монументальных композиций, их повышенные пропорции, а с другой стороны — усиление декоративного начала и полихромность фасада, характеризующие новый живописный стиль в архитектуре, уже знакомы нам в зодчестве Балкан, Византии, Древней Руси и Закавказья. Правда, архитектурно-художественные формы везде различны, но природа явления — та же.

Нетрудно показать, что одновременно тот же процесс, притом нередко в формах, близких архитектуре всего мусульманского мира или даже тождественных, происходил и в смежных с Азербайджаном различных странах Средней Азии — и в Хорасане, и в Хорезме, и в Мавераннахре, и в Фергане. Процесс этот, интенсивный и полнокровный, рисует нам многочисленные и замечательные памятники начиная с XI в.

Конечно, здесь не место сколько-нибудь подробно излагать этот обширный материал. Ему посвящено огромное количество публикаций и исследований. Особенно важны появившиеся в последнее время обоб-

³⁹ Л. С. Бретаницкий. Указ. соч., стр. 327—328.

⁴⁰ Там же, стр. 238, 252, 254.

щающие работы, содержащие характеристику всего процесса развития архитектуры Средней Азии в интересующую нас эпоху — X—XV вв.⁴¹ Нам поэтому достаточно указать лишь на основные тенденции архитектурно-художественного развития, также уже выявленные в указанных работах, но рассмотреть их в аспекте нашей темы. Я, разумеется, вынужден быть предельно кратким.

В X в., по всеобщему признанию исследователей, в Средней Азии, преимущественно в Хорасане и Мавераннахре, зарождалось новое архитектурно-художественное направление, новый архитектурный стиль; он формировался поразительно быстрыми темпами и уже в XII в. достиг полной зрелости. Новый этап в развитии архитектуры был подготовлен в раннем средневековье. Его зарождению и сложению предшествовала разработка комплекса многокупольных зал с декоративной кирпичной облицовкой (таково большое и сложное общественное здание, может быть странноприимный дом — Кырк-кыз близ древнего Термеза, IX в.), а в X в. или даже на рубеже IX и X столетий была создана купольная композиция в невиданном до того богатом декоративном облачении, представленная знаменитым мавзолеем Саманидов в Бухаре. Памятник этот открывает, можно сказать, новую главу в истории архитектуры Средней Азии.

Это небольшой куб, перекрытый широким куполом. Все его четыре фасада однородны. Они еще плоскостны, четыре одинаковых портала отмечены лишь неглубокой нишей и обведены узкой рамкой (не доходящей до низа). Зато каждый из фасадов снизу доверху облачен в декоративный наряд в виде сплошной и разнообразной фигурной узорчатой выкладки из кирпича на ганчевом растворе, придающей, благодаря рельефности, пластичность плоскости стены. Пластику фасадов усиливают крупные угловые полуколонны и венчающая здание декоративная ажурная аркатура. Не менее богат и кирпичный декор внутри мавзолея. Декоративно разработанный фасад стал в центре внимания зодчего. Это было принципиально новым отношением к архитектурной плоскости. В XI и XII столетиях оно получило богатейшее развитие.

Но новые устремления проявились не только в этом. Уже во второй половине X в. была создана портално-купольная композиция. В развитии виде она представлена замечательным мавзолеем Араб-ата в с. Тим 978 г.⁴² К основному кубу мавзолея примыкает монументальный портал; он приподнят над основным кубом здания, благодаря чему выделен и подчеркнут главный фасад, насыщенный декором. Причем репертуар его здесь несколько расширен — помимо точеного кирпича использована и резьба по ганчу (в сочетании с кирпичом или сплошь покрывавшая плоскость). Но сама орнаментация продолжает оставаться почти исключительно геометрической.

В обоих мавзолеях впервые проступает еще одна тенденция нового архитектурного стиля — стремление наделить маленькую постройку чертами большого здания, создать своего рода иллюзию его: имею в виду аркатуру сверху (ажурную — в мавзолее Саманидов, глухую — в Араб-ата), имитирующую галереи раннесредневековых замков⁴³. Эту черту мы уже наблюдали и в Болгарии, и в Константинополе, и в Закавказье.

⁴¹ Б. П. Денике. Искусство Средней Азии. М., 1927; *его же*. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1940 (гл. II и III); Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948; Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961; Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. История искусства Узбекистана. М., 1965; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958 (Труды ЮТАКЭ, т. VI), гл. IV; *ее же*. Искусство Туркменистана. М., 1967, стр. 83—163.

⁴² Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. Ташкент, 1963.

⁴³ Ср. постсасанидское серебряное блюдо VI—VII вв. с изображением осады крепости-замка иранцами: И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, табл. 20.

На протяжении XI и XII вв. новый архитектурный стиль стремительно развивался. Об этом можно судить по многим памятникам Хорасана (на территории нынешней Туркмении: например, мавзолеею Астана-баба, XI в., мечеть Талхатан-баба в районе Мерва, конца XI в., мавзолеею Мухаммеда ибн Зейда в Старом Мерве, 1113 г., знаменитый мавзолеею султана Санджара первой половины XII в.)⁴⁴, Мавераннахра (замечательный портал мечети Магок-и Аттари в Бухаре XII в.)⁴⁵, Ферганы (три смежных мавзолеею в Узгене — северный 1152 г., средний — начала XI в., южный 1187 г.)⁴⁶, дающие в целом наглядное представление об архитектурно-художественном прогрессе в Средней Азии с начала XI по конец XII в.).

Сопоставляя все эти памятники, можно видеть, как фасады зданий с течением времени расчленяются все сильнее и глубже, портал все более выступает вперед, оставляя место для глубокой ниши перед входом (очень показательны в этом отношении северный и южный мавзолеею в Узгене в сравнении со средним). Широкие ниши чередуются с более глубокими и узкими нишами (мавзолеею Мухаммеда ибн Зейда 1113 г. в Старом Мерве) или аркады верхней галереи чередуются с панно узорчатой рельефной вымостки (мавзолеею Санджара XII в.).

Глубокое расчленение фасадов было свойственно всей монументальной архитектуре Средней Азии XI—XII вв. С течением времени оно усиливалось, порождая светотеневые контрасты, в той или иной мере глубокие и резкие. А это — одно из наиболее ярких, сокровенных проявлений нового архитектурного стиля, уже наблюдавшееся нами и на Балканах, и на Руси, и в Закавказье.

Другое его качество — это характер самого декора в виде узорчатой фигурной выкладки из кирпичей, рельефной и двуплановой, выделяющей и акцентирующей те или иные части фасада. Этот рельефный декор также создавал игру светотени на фасаде, придавая ему пластичность, — прием, ставший очень популярным в XII в., как и в Азербайджане (напомним мавзолеею Нахичевани), особенно в Хорасане. С течением времени обогащался и самый декор, в котором все большее значение приобретала резьба по ганчу (правда, в местах, менее доступных действию влаги, — в интерьере, в нишах портала), покрывавшая большие плоскости, и растительная орнаментика, сочетавшаяся с геометрической. Выдающиеся образцы той и другой дает дворец XII в. в Термезе, где в орнаментике были включены и изображения фантастических зверей⁴⁷.

Разработка архитектурной плоскости путем глубокого ее расчленения и рельефный пластичный декор служили, в сущности, одной цели: усилить выразительность и богатство архитектурного фасада и вместе с тем — парадность здания. К этому стремились творцы нового архитектурного стиля в Средней Азии.

Общей художественной задаче соответствовало еще одно замечательное средство — цвет, который стали вводить в архитектурный декор. Правда, это происходило очень медленно: фасады X и XI вв. оставались, как и в Азербайджане, еще монохромными. Характерно, что первоначально цвет использовали, притом изредка и робко, лишь в интерьере дворцов⁴⁸,

⁴⁴ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана, стр. 248 сл., 268 сл., 303 сл., 315 сл.; Архитектурные памятники Туркмении, вып. I, сост. Н. М. Бачинский. М. — Ашхабад, 1939, стр. 17—31.

⁴⁵ Портал украшен узорчатой фигурной выкладкой по сторонам самого портала и панно в виде рельефной узорчатой выкладки геометрического рисунка на фоне резьбы по ганчу; см., например: Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Указ. соч., стр. 119 слл.

⁴⁶ А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии. М.—Л., 1950, гл. IV.

⁴⁷ Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 44—70 (ср. резьбу по штукатурке на своде мавзолеею Хакима ат-Термези в Термезе: Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Указ. соч., стр. 197—198, рис. 206).

⁴⁸ Двухцветная — из красных и желтых кирпичиков — вымостка двора здания

а позднее и жилых домов ⁴⁹, затем мечетей ⁵⁰. В начале XII в. элементы полихромии появляются и на фасаде в виде скромного двухцветного узора, выложенного кирпичиками желтого и красного тонов (в загородной мечети Намазгах в Бухаре, 1119/20 гг.). Однако цвет играл еще весьма пассивную роль: полихромия в архитектуре Средней Азии еще только зарождалась, но направление развития уже ясно обозначилось. Сначала пластический эффект был дополнен введением двухцветного узора, немного позднее «цветная полива. . . стала покрывать резную терракоту по гребню рельефа, а затем и сплошь. Пластический эффект стал узорно-живописным» ⁵¹. Таким образом, основы нового, живописного архитектурного стиля в Средней Азии в XII в. уже ясно определились.

Конечно, конкретная картина истории архитектуры в Средней Азии в XI—XII вв. была отнюдь не однородна. Создавались и такие здания, в которых декор был очень ограничен и поглощен строгими формами самой архитектуры. Таков караван-сарай Рабат-и-Малик, XI в., на дороге Самарканд—Бухара ⁵². Но и в этом большом караван-сарае монументальные гофры и монументальный портал, не связанные функционально со зданием, сами по себе декоративны. Они как бы тракуют фасад в духе древнего укрепленного замка с его парадным въездом. Все же новый архитектурный стиль стремился проявить себя не столько в аскетически строгих формах, сколько в декоративно разработанном фасаде. О природе этого явления речь будет ниже.

Новый архитектурный стиль в Средней Азии сказался и в стремлении повысить пропорции зданий. Прежде всего это относится к центрическим композициям (особенно мавзолеям), вертикальная ось которых с течением времени усиливается, повышаются и пропорции порталов, всячески подчеркиваются вертикальные членения здания. Уже в XI—XII вв. появляются двойные оболочки куполов, повышающие здание (примером может служить мавзолей Санджара, около середины XII в.) и предвещающие декоративные купола на высоких барабанах в XIV—XV вв. ⁵³ Новые архитектурно-художественные идеалы среднеазиатских зодчих XI—XII вв. прекрасно выражает замечательный минарет в Джазкургане 1108/9 г. ⁵⁴; ствол его состоит из 16 полуцилиндров-гофр ⁵⁵, подчеркивающих высоту сооружения и звучащих как аккорд вертикальных тяг.

Все рассмотренные явления — и новое понимание архитектурной плоскости, а в связи с этим — прогрессирующая роль декора, и полихромия фасада, пока только зарождавшаяся, и усиление вертикали архитектурной композиции, стремление возвысить ее — все это мы уже наблюдали в зодчестве и югославянских стран, и Византии, и Древней Руси, и Закавказья, притом в тот же примерно период времени, хотя везде эти родственные явления выражались в формах, большей частью совершенно различных.

В последующие XIV и XV вв., особенно в эпоху Тимура и Тимуридов, когда вновь набрало силу строительство, прерванное нашествием монголов, живописный стиль в архитектуре Средней Азии достиг апогея.

X в. в Варахше (см.: В. А. Шишкин. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша. — «Труды Института истории и археологии АН УзССР», в. VIII, 1956, стр. 37).

⁴⁹ Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Указ. соч., стр. 189.

⁵⁰ Поливные плитки над михрабом загородной мечети Намазгах в Бухаре 1119/20 г.

⁵¹ Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Указ. соч., стр. 232 и 233.

⁵² Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. — В сб.: «Вопросы реставрации», II. М., 1928, стр. 212 сл.

⁵³ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана, стр. 324.

⁵⁴ Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, стр. 64—65.

⁵⁵ Минарет в Джазкургане предвосхищает формы упоминавшегося азербайджанского мавзолея Карабагляр начала XIV в.

Проблема декоративной разработки фасада продолжала оставаться в центре внимания зодчих, но теперь господствующим, можно сказать универсальным, принципом декора стала полихромия. Монохромные кирпичные облицовки в виде рельефного узорочья, как и резьба по ганчу, отходили в прошлое, их полностью вытеснил яркий поливной изразец. Были выработаны самые различные виды и формы многоцветного декора, творцами которых были либо местные мастера, либо мастера из завоеванных Тимуром стран. В основе одних форм лежали унаследованные от XI—XII вв. приемы декора, как бы переведенные в цвет, — такова резная и тисненая терракота, нередко с орнаментацией на углубленном фоне; другие формы были созданы заново — таковы многоцветная майолика, плоская или рельефная, однотонная или многоцветная (перегородчатая), с подглазурной или надглазурной росписью (часто золотом), и наборная мозаика в виде панно с виртуозной по рисунку растительной орнаментикой на темно-синем фоне⁵⁶, впервые появившаяся в Средней Азии в 70-х годах XIV в. Растительный орнамент стал вообще очень популярен, особенно в декоре небольших зданий, которые смотрелись вблизи (таких, как мавзолей Шах-и-Зинды)⁵⁷. Эти формы совершенствовались, сочетались, бесконечно варьировались, но суть заключалась в стремлении создать различными средствами яркий, сверкающий красками фасад. Однако полихромия не нарушала его архитектонику и не противоречила ей. Наоборот, она выделяла объемы здания, его линии и пятна, а резная фигурная терракота, кроме того, порождала и эффект светотени. Полихромия слилась с архитектурой и вошла в нее как органическая часть.

Нам нет надобности останавливаться на памятниках с полихромными фасадами: они многочисленны и хорошо известны. Можно сослаться почти на любой мавзолей конца XIV или начала XV в. в ансамбле Шах-и-Зинды в Самарканде. Назовем хотя бы мавзолей Шади-Мулък 1372 г., или безымянный мавзолей 1360/61 г. в северном конце ансамбля, или стоящий напротив него мавзолей Туман-ака 1405 г. Все они отмечены беспредельным разнообразием орнаментики, утонченностью ее рисунка, богатством колорита и отточенным мастерством⁵⁸. И еще одним качеством — интимностью, столь характерной для всей придворно-аристократической архитектуры того времени, и не только для небольших мавзолеев — построек «камерных», но и для дворцов знати с их многочисленными роскошно отделанными покоем⁵⁹. Говоря о мавзолее Ишрат-хана (около 1464 г.) в Самарканде, Г. А. Пугаченкова хорошо отметила, что «мерцание золота, богатая полихромия орнаментов, лившийся из окон расцвеченный свет (благодаря цветным стеклам. — А. Я.) рождали ощущение роскоши и изысканности, интимности и отрешенности от обыденности

⁵⁶ О различных видах архитектурной орнаментики в Средней Азии см.: Л. И. Ремпель. Указ. соч., стр. 256 сл. Мы здесь отвлекаемся от некоторых локальных особенностей в декоре Хорезма и Мавераннахра — эти отличия в аспекте нашей темы несущественны.

⁵⁷ В больших зданиях с обширными фасадами (таких, как Биби-ханым или Гур-Эмир в Самарканде) крупный геометрический и шрифтовой орнамент, выложенный поливными кирпичами, продолжал доминировать. Шире использована растительная орнаментика во дворце Тимура (Ак-Сарае) 1380—1404 гг. в Шахрисябзе.

⁵⁸ Памятники Шах-и-Зинды издавались многократно (перечислять публикации здесь нет нужды), но цветные воспроизведения издавались очень редко. См.: М. Нрбас—Е. Кноблосх. *The Art of Central Asia*. (Прага), 1965, pl. 56—74; Г. Н. Томаев. Резная майоликовая мозаика в архитектуре Средней Азии XIV—XV вв. М., 1951, табл. к стр. 16, 40, 56, 96; Л. И. Ремпель. Указ. соч., табл. к стр. 304 и 320; Г. А. Пугаченкова. Самарканд. Бухара. М., 1968, рис. 22, 29.

⁵⁹ Об отделке их рассказывают современники, в частности о наиболее богатом дворце — дворце Тимура (Ак-Сарае) в Шахрисябзе — Клавихо (см.: Рюи Гонзалес де-Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Пер. И. И. Срезневского. СПб., 1881, стр. 234—237; ср. стр. 257—259).

окружающего мира»⁶⁰. Среднеазиатские мастера XIV и XV вв. завершили развитие нового архитектурного стиля; он стал поистине живописным.

Но проявлялся он не только в яркой полихромии, но и в самих принципах архитектурной композиции — в создании форм, намеченных еще в XI—XII вв. и призванных повысить торжественность и величавость архитектуры, усилить ее эмоциональное воздействие. Это выразилось в стремлении еще больше умножить вертикальные членения и повысить пропорции здания (повышенный портал, фланкирующие его еще более высокие минареты); наоборот, горизонтальные членения не выделяются и почти не воспринимаются. Двойной и даже тройной купол на высоком барабане усиливал вертикальную градацию масс. Это сказывалось всюду — и в небольших мавзолеях ансамбля Шах-и-Зинды и в больших и гигантских для своего времени постройках Самарканда эпохи Тимура и Тимуридов — мечети Биби-ханым (1399—1404 гг.), Гур-Эмир (1403—1404 гг.), Ишрат-хана (около 1464 г)⁶¹. Это то, что мы уже наблюдали и в Азербайджане и в других одновременных архитектурах.

Ощущению устремленности ввысь здания способствует и прогрессировавшая расчлененность фасадов. Особенно выразителен в этом отношении мавзолей Тюрябек-ханым в Куня-Ургенче (60—70-е годы XIV в.)⁶², очень стройный по пропорциям, 12-гранный снаружи и 6-гранный внутри, с сильно выступающим порталом; мавзолей перекрыт двойным сводом и увенчан острым шатром. Снаружи грани прорезают поочередно многогранные и прямоугольные ниши (через последние ведут входы вовнутрь, где они также выделены нишами). Эти высокие и относительно узкие ниши усиливают вертикаль здания и придают всему мавзолею облик ажурной и легкой ротонды. Кстати сказать, мавзолей насыщен многоцветным декором в виде мозаичных панно и плиток майолики — снаружи, мозаичных панно и сплошного мозаичного покрытия купола — внутри.

Максимальная расчлененность фасада, сближавшая и как бы объединявшая наружные объемы и интерьер, — это также общая черта нового архитектурного стиля, которую в разных формах мы наблюдали во всех архитектурах того времени, нами прослеженных.

Сплошная расчлененность монументальных зданий — мечетей, медресе, мавзолеев — с их глубокими порталными нишами и глубокими лоджиями (на фасадах медресе) создают еще одно качество архитектуры — своего рода динамику форм: на месте монолитной плоскости возникает множество граней, впадин, которые порождают сложный ритм светотени.

Динамичности архитектурных форм способствует и декор в виде кося (диагональной) сетки очень крупного геометрического или шрифтового орнамента, которым выкладывают большие плоскости стен, широких арок, минаретов и пр. (Биби-ханым, Гур-Эмир, Ак-Сарай и др.). Диагональные линии узора контрастируют с вертикалью архитектурных форм, нарушают спокойную гладь стен и тем самым создают ощущение движения. То же самое мы уже видели в Азербайджане.

Новому архитектурному стилю свойственна, наконец, и еще одна черта, знакомая нам в других архитектурах, — асимметрия архитектурной композиции, не стихийно возникшая, а нарочитая. В Средней Азии, как и в Азербайджане, эта особенность была менее развита, хотя и здесь можно привести некоторые выразительные примеры. Первый из них —

⁶⁰ Г. А. Пузаченкова и Л. И. Ремпель. Указ. соч., стр. 278.

⁶¹ О вертикали как «важнейшем элементе архитектурного строя» в водчестве Средней Азии XIV—XV вв. см.: Г. А. Пузаченкова и Л. И. Ремпель. Указ. соч., стр. 267—268, 275—277.

⁶² Архитектурные памятники Туркмении, вып. I, сост. Н. М. Бачинский, стр. 51—63; Б. Н. Засылкин. Архитектура Средней Азии, стр. 76—77.

ансамбль Шах-и-Зинда. Он создавался постепенно, но, расширяя и застраивая его, зодчие явно избегали симметричных построений, наоборот, они словно стремились к максимальному разнообразию ансамбля (не столько в архитектуре отдельных зданий, сколько в их постановке).

Но асимметрия наблюдается и в отдельных постройках Шах-и-Зинды. Так, в мавзолее Туман-ака (1405 г.) вход сдвинут к краю (под панно с надписью). Очень интересен в этом отношении мавзолей Уста-Али (XIV в.), в котором геометрическая выкладка изразцов несколько искривлена, неправильна, что несомненно оживляет фасад. Можно было бы принять эту неправильность рисунка изразцовой выкладки за случайность или результат небрежности, если бы не разительные примеры в Закавказье (в Армении), где эти нарушения рисунка выражены еще резче⁶³.

Асимметрия нередко наблюдается и в композиции многоцветного декора: однородные (симметричные) части здания украшались различными по рисунку узорами, либо различно было сочетание одних и тех же декоративных элементов (например, на гранях минаретов портала главного здания мечети Биби-ханым), что также создавало определенную асимметрию. И эту черту мы не раз отмечали в других одновременных архитектурах.

Новый архитектурный стиль, таким образом, присущ Средней Азии не в меньшей мере, чем Азербайджану и другим странам Закавказья, а вместе с ними и Византии, и Древней Руси, и югославянским странам. Речь, повторяю, идет не о совпадении форм (наоборот, они различны) и не о взаимовлиянии, а о глубоко таящейся общности архитектурно-художественных принципов, независимо от конфессиональной принадлежности архитектуры⁶⁴. Речь идет об общей тенденции развития зодчества во всех названных странах. Вот почему мы вправе говорить об определенной закономерности, направлявшей широко протекавший процесс. Средняя Азия, как видим, не выпадала из общей линии развития зодчества феодальной эпохи на огромном пространстве от Балкан до Тянь-Шаня.

Сказанное о Средней Азии полностью относится и к Ирану, средневековое зодчество которого всегда было тесно связано с искусством Средней Азии и Азербайджана. В интересующее нас время — в XI—XIV вв. — в эпоху сельджукского господства, во времена монгольского завоевания и при Тимуре — Иран и политически был объединен со Средней Азией и Азербайджаном. Процесс архитектурно-художественного развития там и здесь был, в сущности, единым. Архитектурные произведения, которыми славятся Самарканд, Бухара, Мерв, Ургенч и другие, — в Средней Азии; Исфаган, Верамин, Нетез, Хамадан, Султание и мн. др. — в Иране отличаются преимущественно индивидуальными особенностями, которыми их наделил талант зодчего, и насыщенностью и разнообразием декора. Анализировать отдельные памятники Ирана для целей нашей статьи нет поэтому надобности, тем более что архитектура Ирана XI—XIV вв. достаточно полно опубликована⁶⁵. Мы ограничимся лишь этим общим замечанием.

В нашу задачу отнюдь не входило изучение отдельных архитектурных форм в позднесредневековом зодчестве Восточной Европы, Византии, За-

⁶³ Изображение креста на восточном фасаде церкви Богородицы (30-е годы XIV в.) в монастыре Богородицы в Даралагазе: МАК, XIII, 1916, стр. 123, табл. XXXI, 67.

⁶⁴ Нам непонятно, почему в обширной литературе, посвященной средневековому зодчеству Средней Азии, оно рассматривается как-то изолированно, в лучшем случае в связи лишь с архитектурой мусульманских стран — Азербайджана и Ирана. Хорошим исключением является цитированная книга Л. С. Бретаницкого.

⁶⁵ A Survey of Persian Art, ed A. Poop, IV. 1938, pl. 280—372, 386—418, 422—456; A. Godard. L'art de l'Iran. Paris, 1962, p. 309—400, pl. 123—147; В. Л. Воронина. Архитектура средневекового Ирана. — В кн.: «Всеобщая история архитектуры», т. 8. М., 1969, стр. 151—169.

кавказья и мусульманского Востока с целью выявить совпадение или близость этих форм. Сходство их и даже полное совпадение тоже, конечно, имело место, ибо существовали связи — торговые и культурные, благодаря которым формы переносили, их усваивали и перерабатывали местные зодчие, и таким образом возникало определенное воздействие, не раз служившее предметом исследования ⁶⁶.

Еще большее значение имели переезды самих зодчих, насаждавших формы родной архитектуры в соседних (и не только соседних) странах (например, работа армянских зодчих в сельджукской Малой Азии, азербайджанских зодчих в Средней Азии и Иране и т. д.)⁶⁷, а в эпоху Тимура — насильственный вывоз мастеров-строителей из завоеванных им стран в Самарканд, Шихрисябз и другие города ⁶⁸. Но это влияние не могло определить суть и направление архитектурно-художественного развития. К тому же, как мы видели, принципиально общие черты появляются в странах, территориально разобщенных, и притом хронологически эти общие черты совпадают не всегда точно: в каждой из названных стран архитектура приобрела свой специфически национальный облик, подчинявшийся, однако, общим закономерностям развития средневекового зодчества. Именно этим и объясняется одинаковое понимание задач архитектурной выразительности, задач разработки фасада, декора, масштаба, короче — понимание архитектурного стиля. И именно этим определялось родство монументальных архитектур Восточной Европы, Закавказья, да и всего Ближнего Востока (не только христианского, но и мусульманского) и Средней Азии, проявляющееся на близких по своему содержанию этапах исторического развития. Выявление этой закономерности и служило целью наших заметок.

Но дело заключается, конечно, не только в констатации общих принципов нового архитектурного стиля в различных странах. Естествен и другой вопрос: как возникло это архитектурно-художественное родство, какие близкие по своей природе движущие силы действовали в различных странах, порождая, в конечном счете, близкую по существу художественную культуру, в частности — архитектуру? Мы вряд ли сумеем дать удовлетворительный ответ на этот вопрос: время для этого еще не наступило. Однако некоторые общие явления, которые могли породить адекватные тенденции в художественном развитии различных стран, можно и следует указать, ибо это поможет направить поиск исследователя.

На первом месте по значению следует поставить город, являвшийся основным фактором в развитии культуры зрелого средневековья.

XIII и XIV столетия — время существования так называемого второго Болгарского царства, освободившегося от византийской зависимости, ставшего самостоятельным и занимавшего, по крайней мере до середины XIV в., господствующее положение на Балканах. Это время экономического подъема государства. Столица Болгарии — Тырново (которую современники называли Царьградом) и Месемврия приобрели большое экономическое значение. С этими городами было связано и развитие болгарской культуры. Подъем охватил и Сербию: при Стефане Душане (1331—1355) она переживала расцвет.

Хотя Византия после латинского владычества и была разорена, все же Царьград довольно скоро вернул себе значение важнейшего экономического центра Средиземноморья. В конце XIII и в XIV вв. в столице

⁶⁶ Например: *D. Talbot Rice. Iranian Elements in Byzantine Art.* — В сб.: «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады». Л., 1939, 203—208.

⁶⁷ *Л. С. Бретаницкий.* Указ. соч., табл. к стр. 432.

⁶⁸ *А. Ю. Якубовский.* Иранские мастера в Средней Азии при Тимуре. — В сб.: «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады». Л., 1939, стр. 279—280.

велось обширное строительство: Палеологи восстанавливали разрушенные участки крепостных стен и возводили новые, строили дворцы и храмы. По словам Никифора Григоры, Михаил Палеолог (1258—1282) «вернул ему (Царьграду) по возможности прежнюю красоту». Памятники этого строительства хорошо известны. Достаточно назвать Влахернский дворец (часть его составлял Текфур-Серай) и монастырь Хора (Кахриэ-джами). Город оставался большим культурным центром Европы. В Царьграде, хотя и ненадолго, возникла благоприятная обстановка и для интенсивного архитектурного творчества. Но его искусство нельзя отрывать от художественного процесса в соседних единоверных странах, и прежде всего в Болгарии, зодчество которой в ту эпоху было столь близко художественным идеалам византийских строителей.

В Древней Руси XII—XIII столетия ознаменовались, как известно, стремительным ростом городов, ставших ремесленными центрами. Исследователи древнерусского зодчества отмечают не только возросшее значение светского, гражданского начала в искусстве Владимиро-Суздальской Руси, что особенно сказалось в монументальной пластике (церковь Георгия в Юрьеве-Польском), но и «связь общерусского (архитектурного) стиля с развитием города и городской культуры»⁶⁹.

XII—XIII столетия в Закавказье — это эпоха расцвета и исключительно быстрого развития городов, ускорявшегося в новых условиях славившихся международными связями. Город в большей степени, чем раньше, стал экономическим средоточием Армении и Грузии и приобрел определяющее значение в их культурном строительстве⁷⁰.

В Средней Азии уже X век ознаменовался ростом городов. Процесс этот особенно стал интенсивным в XI—XII вв. с развитием производительных сил и торговых сношений в эпоху Сельджуков. Шпирились и вместе с тем меняли свой облик Самарканд, Бухара, Термез, Узгенд. Их жизненный центр перемещался из аристократических шахристанов, обнесенных крепостными стенами, в открытые торгово-ремесленные рабады. Город и в Средней Азии стал средоточием культурной жизни.

Монгольское нашествие начала XIII в. прервало, как и всюду, процесс роста городов. Но уже во второй половине XIII в. строительство начало возрождаться, а в XIV в. наступает период бурного подъема городов, роста населения, ремесленного производства и всей городской жизни, породившей и новое искусство Средней Азии.

Именно в городе сложился архитектурный стиль, общие художественные принципы которого оказались близкими в странах Восточной Европы, Закавказья и Средней Азии.

С ростом города росло и имущественное и социальное неравенство. В городе возникали контрасты между застройкой бедноты и кварталами знати и купечества; социальные верхи общества, естественно, стремились выделить свои дома, подчеркнуть их богатство. Наиболее доступным и эффектным средством такого «обогащения» были, конечно, средства декоративные. Но декор в виде всякого рода узорочья был больше всего связан с внутренним убранством, он формировался внутри дома, а затем был перенесен наружу, на фасады домов и, наконец, на фасады храмов. Таково, в частности, происхождение красочных кирпичных выкладок на фасадах церквей Месемврии и Текфур-Серая, столь напоминающих многим исследователям яркие народные вышивки, развешанные по стенам внутри дома. Таково происхождение и полихромии на фасадах — и в Месемврии и Царьграде, в Армении и Грузии, в Азербайд-

⁶⁹ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, II, стр. 97, 102, 104; ср. стр. 109, 111; *его же*. Владимиро-Суздальская архитектура, стр. 628, 629, 636, 637.

⁷⁰ И. А. Орбели. Проблемы сельджукского искусства. — В сб.: «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады». Л., 1939, стр. 151.

жане и Средней Азии, везде решенной по-своему, в зависимости от национальных традиций и наличного строительного материала ⁷¹.

Таково происхождение и изразцового декора, ведущего начало от изразцовой выкладки печи внутри дома, также перенесенной наружу. Очень показателен прием украшения фасада храма поливными блюдами или их имитацией, о чем уже шла речь (мы их видели в Греции и Армении), — они тоже были перенесены наружу, очевидно, из интерьера. Такое перемещение декора имело свою предысторию: еще в начале X в. Мануэл, зодчий армянского царя Гагика Арцруни, перенес убранство пиршественного зала с развешанными там охотничьими трофеями на фасад придворного храма на острове Ахтамар ⁷². Но в X в. это было исключением, в XII—XIII вв. — стало нормой.

Таким образом, архитектурный живописный стиль в средневековой архитектуре по природе своей генетически связан со светской культурой города. Он порожден городской жизнью с ее социальными контрастами и развивался вместе с ней. В культовом зодчестве этот стиль — явление вторичное, хотя именно в этой сфере он получил особенно богатое развитие ⁷³.

Таковы наши некоторые соображения относительно генезиса живописного стиля в средневековой архитектуре. Но это только самые первые соображения. Всестороннее исследование проблемы на возможно более широком материале должно быть продолжено.

⁷¹ Существуют и другие объяснения тенденции усилить декоративную разработку фасадов (в том числе и полихромии) в средневековой архитектуре. М. А. Ильин в отношении древнерусской архитектуры возводит эту тенденцию к древним славянам; их культовой архитектуре, по его мнению, искони присуще преобладание внешней формы, которая «играла первенствующую роль, будучи усилена декоративными элементами» (М. А. Ильин. Указ. соч., стр. 93). Г. А. Пугаченкова расцвет архитектурной полихромии в Средней Азии (этот расцвет она называет «величайшей революцией в архитектуре»: Г. А. Пугаченкова и Л. А. Ремпель. Указ. соч., стр. 307) объясняет особенностями народов Востока, в крови которых лежит «любовь к интенсивному цвету, к звучному колориту и радостным краскам». Но и то и другое объяснение не может нас удовлетворить, ибо вряд ли можно назвать народы, которым не было бы свойственно тяготение к декоративности, к красочности и яркости.

⁷² И. А. Орбели. Памятники армянского зодчества на острове Ахтамар. — В кн.: И. А. Орбели. Избранные труды, т. 1. М., 1968, стр. 192—203.

⁷³ Глубоко прав Н. Н. Воронин, отмечавший значение светского «теремного» зодчества в формировании монументальной культовой архитектуры домонгольской Руси (Н. Н. Воронин. «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII вв., стр. 338.)

М. В. АЛПАТОВ

ИСКУССТВО ФЕОФАНА ГРЕКА И УЧЕНИЕ ИСИХАСТОВ

Отношение Феофана Грека к исихазму уже привлекало к себе внимание историков искусства. В монографии о Феофане В. Н. Лазарев подробно останавливается на судьбе исихазма в XIV в. Что касается Феофана, он допускает, что тот «не мог остаться незатронутым крупнейшим идейным движением его времени». Но тут же высказывает предположение о «глубокой неудовлетворенности мастера этим учением»¹.

В своих двух статьях Н. К. Голейзовский поставил себе задачу более внимательно рассмотреть отношение художника к исихазму². Для этого он обратился к изучению литературных произведений представителей этого направления. Его поразило сходство, почти совпадение между тем, что говорили исихасты, и тем, что было создано художником. На основании этого он решил, что тексты в состоянии дать ключ к пониманию искусства великого мастера.

Положительное значение статей Н. К. Голейзовского в том, что ими преодолевается предвзятое, огульно отрицательное отношение к исихазму. Ценно и то, что автор, не удовлетворенный неисторическим подходом к исихазму как раз и навсегда сложившейся системе³, усматривает в нем различные, проявившиеся в разное время тенденции. Положительно и то, что все свои выводы автор стремился подкрепить соответствующими текстами.

Однако в поисках внутренних связей между исихастами и Феофаном Н. К. Голейзовский приходит к отождествлению религиозного учения с художественным творчеством. Все усилия его направлены на то, чтобы доказать, что мировоззрение исихастов полностью совпадает с творчеством Феофана. Во всяком случае он не видит различия между богословием и искусством. Образное восхваление Епифанием мудрости художника («философ зело хитрый») понимается им буквально, как признание Феофана представителем религиозной мысли⁴. Расхождения между Феофаном Греком и Андреем Рублевым носят, по его мнению, не творческий, а философский характер⁵. Художников, у которых можно обнаружить близость к исихазму, он прямо называет паламитами.

Вместе с тем для Н. К. Голейзовского богословие — это нечто первичное, а искусство — производное. Богословы — дающая сторона, а художники — берущая. Художники всего лишь «подыскивают зрительное

¹ В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 29.

² Н. К. Голейзовский. Заметки о Феофане Греке. — ВВ, XXIV, 1964; его же. Исихазм и русская живопись XIV—XV вв. — ВВ, XXIX, 1968.

³ В. Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 17.

⁴ Н. К. Голейзовский. Заметки о Феофане Греке, стр. 147: для русской культуры Феофан «в первую очередь мыслитель»; ср. В. Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 29.

⁵ Н. К. Голейзовский. Исихазм и русская живопись XIV—XV вв., стр. 203.

выражение для философских отвлеченных понятий». Высказывания исихастов, по его выражению, давали «богатый материал» живописцам «для их стилистических поисков»⁶.

Здесь автор впадает в ошибку представителей иконографической школы прошлого века, которые, опираясь на постановление Никейского собора, считали истинными творцами византийского искусства богословов и видели в художниках всего лишь покорных исполнителей их воли, старательных ремесленников. Автору и в голову не приходит, что даже в том случае, когда те или иные тексты близки к искусству, сами эти тексты не в меньшей степени, чем искусство, нуждаются в истолковании. Нельзя одно неизвестное, т. е. искусство, объяснять при помощи другого неизвестного, каким для нашего современника являются старинные тексты, особенно цитаты, извлеченные из контекста.

Главный упрек, который приходится обратиться к Н. К. Голейзовскому, заключается в том, что в его истолковании от нашего внимания ускользает само искусство Феофана. Тем более, что, касаясь его, он ограничивается общеизвестными суждениями и определениями, как будто ими можно исчерпать смысл творчества замечательного мастера.

В рамках этой статьи нет возможности всесторонне рассмотреть отношение Феофана к исихазму. В ее задачи входит обратить прежде всего внимание на многогранность, сложность его искусства, которая решительно противоречит однозначному определению и его отношения к исихазму: как его отрицанию у В. Н. Лазарева, так и его безоговорочному признанию у Н. К. Голейзовского. Чтобы избежать упрощения и вульгаризации в понимании искусства, необходимо, чтобы историки искусства не приноравливали своих суждений о нем к элементарным определениям и понятиям, заимствованным из учебников истории. В понимании творчества такого великого художника, как Феофан, пора избавиться от неизбежно его обедняющих и упрощающих фраз, которыми до сих пор нам часто приходилось ограничиваться в кратких обзорных работах по древнерусскому искусству.

Интерес историков искусства к исихазму возник в связи с изучением византийского искусства XIV в., так называемой эпохи Палеологов. Значение этого периода еще недооценивал Н. Кондаков. Его впервые оценило следующее поколение византинистов в лице Г. Милле, Д. Айналова и Ш. Дилья. Г. Милле на основании изучения иконографических типов стремился проследить судьбу двух школ византийской живописи: македонской и критской. Что касается первой, то последние открытия подтвердили его выводы⁷. Критская школа XIV в. оказалась мифом. Д. Айналов внимательно рассмотрел стилиевые особенности живописи Палеологов. Но его вывод, согласно которому главным стимулом ее развития служило влияние готики и итальянского треченто, был отвергнут последующими исследованиями⁸. Ш. Дилья оказался ближе к истине, считая источником палеологовского стиля традиции византийской столичной школы. В. Лазарев принял эту концепцию Ш. Дилья, тем более что она соответствовала его уверенности в том, что столичное искусство чуть ли ни со времени Юстиниана было ведущим и что все наиболее значительное в искусстве периферии создавалось под влиянием столицы.

Во второй половине XIV в. искусство Палеологов заметно скудеет, даже константинопольской школы. Как объяснить этот упадок? Здесь пришел на помощь исихазм. В середине XIV в., после церковных соборов, разбиравших споры между сторонниками Григория Паламы и Варлаама, исихазм побеждает по всему фронту. Мрачное монашеское мировоззрение

⁶ Там же, стр. 197, 205.

⁷ А. *Xyngopoulos*. *Thessalonique et la peinture macédonienne*. Athènes, 1955.

⁸ В. Н. *Лазарев*. Указ. соч., стр. 109.

вытесняет здоровые основы палеологовского неозеллинизма начала века. Исихазм подорвал развитие многовековой традиции столичной школы и в сущности нанес ей смертельный удар⁹.

Это историко-культурное объяснение судьбы всей византийской живописи получило признание и распространение¹⁰. Ясность этой теории оказалась очень соблазнительной. Но она куплена была ценою упрощения картины и неизбежных натяжек. В действительности отчетливого перелома в византийской живописи середины XIV в. вовсе не происходило. С другой стороны, в недавно восстановленных фресках Кахриэ-Джами первой четверти XIV в. уже замечаются признаки «академической сухости», в которой будто бы был повинен исихазм. Вместе с тем в известной миниатюре «Преображение» из парижской рукописи Кантакузина (после 1345 г.) царит еще «живописный стиль», который будто бы сошел со сцены после победы исихазма. Наконец, в некоторых фресках Мистры, особенно Периблепты и Пантанассы второй половины XIV и начала XV в., не заметны следы «академической сухости» как признаки упадка и окостенения. И самое главное — на это время падает творчество такого замечательного мастера, как Феофан Грек.

Казалось бы, Феофан больше всего дает повод усомниться в справедливости «жесткой схемы» подъема византийской живописи в первой половине XIV в. и упадка ее во второй половине под влиянием восторжествовавшего исихазма. Но, как это нередко случается в науке, однажды найденная формула приобрела такую устойчивость, что вслед за ней возникла готовность к любым натяжкам, лишь бы ее сохранить, лишь бы она не рассыпалась как карточный домик.

Применительно к Феофану выход заключался в том, что его пришлось признать незатронутым влиянием исихазма или по крайней мере им глубоко неудовлетворенным. Пришлось изъять его из византийского искусства второй половины XIV в. и рассматривать как хранителя поправных заветов первой половины XIV в. Его приезд в Россию пришлось толковать как бегство из охваченной мрачной реакцией Византии. Даже Н. К. Голейзовский, который приложил немало труда, чтобы разрушить искусственно возведенную между исихазмом и Феофаном стену, при оценке его искусства повторяет формулу: Феофан — продолжатель традиций первой половины XIV в.¹¹

Сорок лет назад, вскоре после открытия новгородских фресок Феофана, фрески Кахриэ-Джами, в особенности полуфигура длиннородого старца, по тазу своему близкая к отшельникам Троицкого придела, дали повод высказать предположение о константинопольских истоках его искусства¹². После недавнего восстановления всего цикла фресок Кахриэ-Джами они стали доступны изучению, и теперь безоговорочное отнесение Феофана к столичной школе явно неубедительно¹³. При всех своих живописных

⁹ В. Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 25. «Можно без преувеличения утверждать, что почти все византийское искусство второй половины XIV века изменило свой характер в связи с победой монашеских идеалов». Это положение, высказанное еще в «Истории византийской живописи» (М., 1947, т. I, стр. 225), было поддержано и А. В. Банк («Некоторые спорные вопросы в истории византийского искусства». — ВВ, VII, 1953, стр. 267). Воздействие исихазма на живопись XIV—XV вв. отмечает Ш. Дельвуа (*Ch. Delvoye. L'art byzantin. Paris, 1967, p. 355*), но лишь в иконографии росписей монастыря Дечани.

¹⁰ А. Grabar. Byzanz. Baden-Baden, 1964, p. 201.

¹¹ Н. К. Голейзовский. Замечки о Феофане Греке, стр. 149; Н. К. Голейзовский и С. Ямщиков. Феофан Грек и его школа. М., 1970, стр. 2 (без номера).

¹² Этот старец был назван в моей статье о фресках Кахриэ-Джами Анфимием (М. Alpatoff. Die Fresken der Kachri e-Djami in Konstantinopel. — «Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst», 1929, S. 345, Abb. 19). После реставрации фресок его называют Давидом Солунским.

¹³ По вопросу о художественных истоках искусства Феофана высказывались самые различные мнения. А. Грабар: «...на родине Феофана, видимо, не знали репертуара

Рис. 1. Феофан Грек. Столпник. Новгород, Спасо-Преображенский собор. 1378 г.

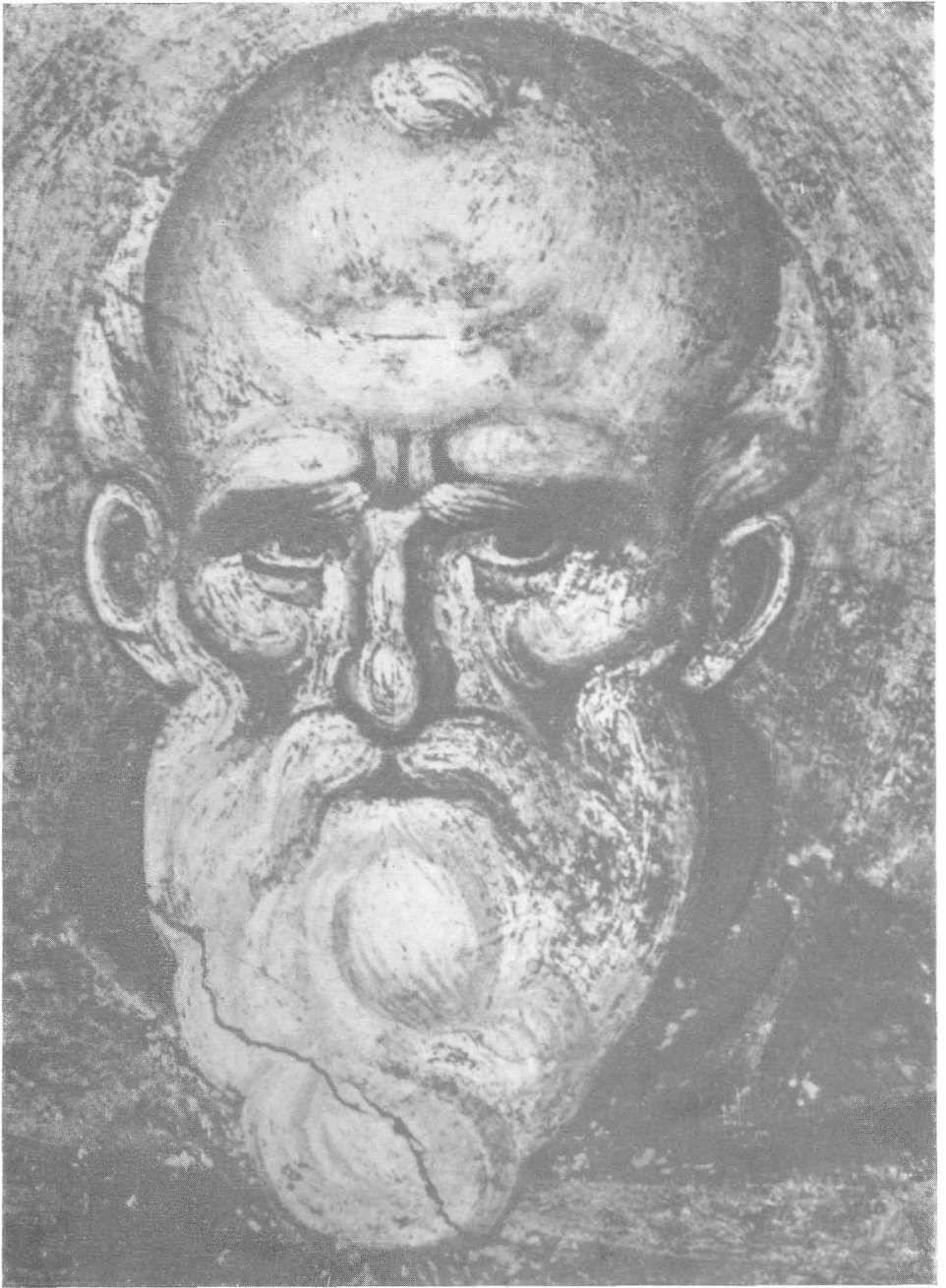

Рис. 2. Мануил Папселин (?). Максим Исповедник. Протат. Афон

достоинствах, особенно в колорите, фрески Кахриэ-Джами едва ли не в меньшей степени, чем работы Феофана, могут быть отнесены к «живописному стилю»¹⁴. Это также подрывает концепцию о будто бы происшедшем в середине XIV в. переломе. Появление признаков окостенения произошло, как видно, задолго до победы исихазма.

Здесь нужно отметить один широко распространенный недостаток в подходе к византийскому искусству, который мешает пониманию его своеобразия, — обыкновение прикладывать к нему мерку западного искусства. Д. Айналов искал в живописи эпохи Палеологов, как признаков ее пробуждения, готических и раннеитальянских влияний. Пятьдесят лет назад такое объяснение было естественно, западное искусство служило универсальной эстетической меркой. Позднее многие авторы справедливо против этого возражали. Однако в наши дни, когда горизонты современной истории искусства значительно расширились, недопустимо продолжать оценивать то, что происходило в Византии XIV в., мерой итальянского треченто и одобрять все, что под нее подходит, и осуждать все, что от нее отстывает, высказывать сожаление по поводу того, что византийская мистика не похожа на западную, что византийское искусство решительно не порвало с традициями прошлого, как итальянское после Джотто, что Григорий Палама не соглашался с Варлаамом, что Феофан, хотя и должен был убедиться в Галате в преимуществах Италии перед Византией, не ушел на Запад и т. д. и т. д.

Конечно, сравнение культуры Византии с культурой ранней Италии закономерно и плодотворно, но только в том случае, если оно служит выявлению своеобразия каждого из обоих путей, а не предвзятому утверждению преимуществ западного пути перед византийским. К тому же ради подкрепления этого положения приходится доказывать, что будто лишь Византия знала трагические разлады, а на Западе развитие протекало гладко. На самом деле и на Западе были не только взлеты (Джотто), но и срывы (искусство треченто во Флоренции). Даже в мировоззрении столпа гуманизма Петрарки были кризисные моменты. Свидетельство этому — его знаменитая книга о презрении к миру, готовность последовать монашескому уходу из мира¹⁵.

Если «жесткая схема» в понимании искусства Палеологов должна быть отвергнута, то гораздо ближе к истине то, что говорил о византийской культуре Л. Брейе, а о живописи — О. Демус. Л. Брейе отмечал в палеологовской Византии различные идейные и художественные направления, которые соответствовали различным слоям византийского общества. О. Демус справедливо отвергает схему «живописный стиль» — «графический стиль», видя в этой «дихотомии» всего лишь попытку навязать византийской живописи известные искусствоведческие категории Г. Вельфлина. Он напоминает о том, что в Византии XIV в. существовали в искусстве

форм, эстетических основ искусства, примененных во фресках Преображенского собора» (А. Grabar. *L'art du moyen âge en Europe orientale*. Paris, 1968, p. 167). К. М. Свобода выводит стиль Феофана из «позднекомниновского экспрессионизма», видит его прототипы в фресках пещерного храма в Иваново (Болгария). Объяснение это не убедительно (К. М. Swoboda. In den Jahren 1950 bis 1961 erschienene Werke zur byzantinischen und weiteren ostchristlichen Kunst. — «Kunstgeschichtliche Anzeigen», N. F., V, 1961/2, S. 162, 172). В византийской живописи XIV в. редки прототипы Феофана. Ср., например, миниатюры евангелия и псалтири № 407 Исторического музея в Москве, особенно фигуру пророка Исаяи, близкую в Мельхиседеку Феофана (М. Alpatov. — «Art Bulletin», 1930, p. 207—212).

¹⁴ V. Lazarev. *Storia della pittura bizantina*. Torino, 1967, p. 363, особенно рис. 465 — «Воскрешение дочери Иаира». Фрески церкви св. Климента 1295 г. в Охриде также линейны, в большей степени, чем мозаики церкви св. Апостолов в Салониках 1312—1315 гг.

¹⁵ Петрарка. Автобиография, исповедь, сонеты. М., 1915, стр. 73.

еще иные течения, которые он условно называет «классицизмом», «маньеризмом», «экспрессионизмом»¹⁶.

Действительно, пытаться представить развитие византийской живописи «однолинейно» — значит насиловать факты. Подъемы и падения происходили в Византии и на протяжении XIII в. и в начале, середине и конце XIV в., может быть и позднее. Творчество Феофана характеризует один из самых замечательных взлетов на протяжении всей истории византийского искусства.

Размышляя об отношении Феофана к исихазму, историк искусства неизбежно чувствует себя менее уверенно, чем историк культуры. И это вполне естественно. Ему трудно охватить все первоисточники да и всю безмерно разросшуюся современную специальную литературу по этому вопросу. Он вынужден ограничиваться лишь главными фактами, извлекая из них то, что содействует пониманию и истолкованию искусства. Если бы историк искусства стал пытаться сравниваться в информации с историками культуры, он легко потерял бы под ногами свою почву, искусство, или, что еще хуже, мог бы оказаться между двух стульев. Вместе с тем историк искусства в своих изысканиях должен чутко прислушиваться ко всем поправкам, которые могут внести в его заключения историки культуры. Только тогда может возникнуть плодотворное сотрудничество смежных дисциплин.

Прежде всего необходимо напомнить элементарный факт, который почему-то забывается многими историками византийского искусства. Исихазм, который они считают повинным в упадке искусства, возник вовсе не в XIV в.¹⁷ Учение исихастов в лице Григория Паламы одержало победу над своими противниками в середине этого века. Но исихия, молчаливость — это древнее, исконное явление религиозной жизни христианского Востока. На протяжении многих столетий оно составляло неотъемлемую часть византийской культуры.

Можно согласиться с тем, что после победы, одержанной исихазмом в середине XIV в., в нем возобладали реакционные элементы. Самый факт, что возникли догматические споры, что противники прибегали к разного рода хитросплетениям для доказательства своей правоты и ошибок противников, самый факт выработки исихастами особой «психотехники», которую не без оснований высмеивали варлаамиты, наконец, вмешательство в споры властей, типично византийские придворные интриги и заговоры — все это свидетельство наступления идейного кризиса¹⁸. Недаром «истинные исихасты», вроде Григория Синаита, отказывались принимать участие в догматических спорах.

С другой стороны, Григорий Палама, оказавшийся главой исихастов, выступал против чрезмерной последовательности в соблюдении заветов древних пустынножителей¹⁹. Он пытался примирить отшельничество с общежительным уставом (эклетика стала проникать и в византийское искусство этого времени — тоже признак кризиса). Недаром и облик Григория Паламы в иконе Музея образительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве не имеет ничего общего с древними отшельниками: это византийский иерарх с бесстрастным лицом в роскошных облачениях, типичный представитель высших слоев византийского духовенства²⁰.

¹⁶ O. Demus. Die Entstehung des Paläologenstils in der Malerei. München, 1958, S. 11—12.

¹⁷ В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа, стр. 18: «Исихазм был органическим порождением всей византийской культуры Палеологовской эпохи».

¹⁸ О догме, как выражении кризиса первоначального христианства, говорил еще А. Гарпак. См.: А. Benz. Geist und Leben der Ostkirche. 1957, S. 38.

¹⁹ J. Meyendorff. St. Grégoire Palamas et la mystique orthodoxe. Paris, 1959, p. 82. Многочисленные воспроизведения работ Феофана Грека хорошо использованы в этой книге в качестве иллюстраций к текстам из сочинений византийских исихастов.

²⁰ А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.—М., 1966, табл. 302.

Исихия ее первоначального, можно сказать, героического, периода была чем-то совсем иным, чем исихазм XIV в. Чтобы приблизить ее к нашему пониманию, нужно помнить, что в основе ее лежал протест, пусть пассивный, но все же протест (такой же протест, как и в западной мистике, о которой писал Ф. Энгельс²¹). Восточные отшельники «спасались» в пустыне, терпели лишения, мучились от недостатка воды, подвергались опасности стать добычей зверей. Все это для того, чтобы ускользнуть из-под власти погрязшей в заботах о благополучии официальной церкви, чтобы не подчиняться императорской власти и чиновничеству. Хотя современный человек привык к протесту в более действенной форме, протест византийских отшельников невольно вызывает к себе симпатию, тем более что в нем косвенно отражались настроения народных масс.

Византийские гуманисты, вольнодумцы и эстеты, вроде Феодора Метохита, по своим вкусам и интеллектуальному развитию ближе современному человеку, чем одичавшие в пустыне отшельники. Но современный человек вряд ли может встать на сторону первых, так как в них было немало аристократического презрения к простым людям.

Сказанное касается только политической, общественной стороны вопроса. Между тем необходимо еще вникнуть в то, за что ратовали исихасты, против чего восставали их противники. Здесь современному историку приходится особенно трудно, так как в его распоряжении нет многих понятий и слов, которыми пользовались спорящие стороны. Нужно не забывать, что за исключением таких вольнодумцев, как Гемист Плифон, ставивших язычество выше христианства, едва ли не все византийцы обоих лагерей придерживались православного вероучения. Однако между тем, что исповедовала официальная церковь, и жизнью и поведением ее представителей существовали непримиримые противоречия. Христианская вера и мораль постоянно нарушались. Религия стала средством сохранения неравенства и привилегий верхов. Вера подменялась буквой закона. Творчество — следованием канонам.

Правда, и в византийском монашестве было много такого, что делало его тормозом культуры, порою настоящим общественным бедствием. Недаром Евстафий Солунский бичует монашество едва ли не более гневно, чем Боккаччо высмеивал монашество в Италии²². Гемист Плифон жалуется на то, что монахи не приносят обществу никакой пользы. В монашестве были значительны силы сопротивления заветам сторонников древней исихии. Даже такой преданный ученик Григория Синаита, как патриарх Каллист, в житии своего наставника придает ему традиционный «иконический облик»: Григорий предпочитал псалмопению молитву, а он называет его псалмопевцем²³.

Древние исихасты всем своим существом отдавались тому, что они исповедовали, за что ратовали. Своим примером они внушали пастве уверенность в возможности найти в молитве и созерцании нравственную опору для борьбы с «мирским злом». В своей готовности отречься от земных благ они обретали «свет». Усилием воли, порывом сердца, подавлением плоти они достигали как бы слияния с божеством. Такие мгновения наполняли их восторгом, едва не погружали их в экстаз, хотя они всегда стремились сохранить ясность сознания («умная молитва»).

Нет ничего удивительного в том, что многие византийцы, даже не способные следовать примеру молчальников, испытывали к ним чувство глубокого уважения. Видимо, к их числу принадлежал и Феофан.

Впрочем, восточный исихазм даже в лице таких людей, как Макарий Египетский и Григорий Синаит, не избежал глубоких трагических проти-

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 361.

²² Н. Hunger. Byzantinische Geisteswelt. Baden-Baden, 1958, S. 131.

²³ Житие Григория Синаита, написанное патриархом Каллистом. М., 1904.

воречий. Исихасты были уверены, что отречением и подвижничеством они спасают человечество от скверны. Но, жестоко истязая плоть, они убивали в себе «образ человека», искажали, обедняли его. Они ценили младенческое чистосердечие; Макарий призывал твердить одну молитву: «господи, спаси», так как ее достаточно для спасения человека. Но они приходили к отрицанию образованности, выводили человечество за пределы культуры²⁴. Они склонны были считать изображение человека чем-то греховным, ставили этим под сомнение художественное творчество. Иоанн Лествичник утверждал, что «многословие в молитве наполняет душу образами и развлекает ее, тогда как часто одно слово способно ее собрать»²⁵.

Нельзя считать, что Феофан был последовательным исихастом. Но нельзя также утверждать, что исихазм не породил в искусстве чего-либо значительного. Он вдохновил гениального художника на создание замечательных шедевров. Правда, Феофан далеко не всегда и не во всем вдохновлялся идеями исихастов. Его величавые гордые прототипы в куполе Спасо-Преображенского собора имеют мало общего с духом исихии. Торжественные персонажи деисусного чина Благовещенского собора — еще в меньшей степени. Но его роспись в Троицком приделе новгородского храма — это памятник, воздвигнутый им в похвалу отцам-пустынникам. Это нечто подобное веренице русских князей, современников Игоря Северского, воспетых в знаменитом «Слове» о походе русских на половцев.

Трудно сказать, кто был инициатором создания этой галереи. Во всяком случае, она не входила в традиционные программы храмовых росписей. К тому же Спасо-Преображенский собор не был монастырским храмом, как волотовский, в котором наличие монашеских образов Пахомия, Иоанна Лествичника и др. вполне понятно. Феофан выполнил эту задачу так равнодушно и так вдохновенно, что на основании этого одного можно говорить о его преданности памяти древней исихии (подчеркиваю, исихии, вовсе не исихазма XIV в. с Григорием Паламой во главе, заслужившим вскоре после кончины канонизацию, но не представленном Феофаном). Больше того, можно предполагать, что своими образами древних исихастов Феофан хотел напомнить об их коренных отличиях от их преемников XIV в.

Трудно решить, в какой степени Феофан разделял воззрения увековеченных им героев отшельничества. Нам ничего не известно о том, принимал ли Феофан участие в спорах исихастов с варлаамитами²⁶. Во всяком случае, как художник он полнее всего способен был выразить себя в творчестве. И потому уяснить себе этот вопрос можно скорее всего рассмотрением его произведений. Вряд ли он был горячим приверженцем исихастской догмы, как она была сформулирована Паламой и его приверженцами. Более вероятно, что его больше увлекали среди исихастов такие люди, которые говорили о своих прозрениях и видениях, как о чем-то выстраданном и испытанном, и пользовались языком вдохновенной поэзии.

Вот отрывок из повествования Симеона Нового Богослова о его переживаниях при вступлении на путь исихии.

«Однажды, когда я спешил по пути к ежедневному омовению, Ты встретился мне, Ты, который некогда извлек меня из нечистот. Тогда мои слабые очи впервые озарил чистый свет Твоего божественного лица. . . С того дня Ты стал часто являться мне. Когда я находился перед источником, Ты брал мою голову и погружал ее в волну, и я лицезрел блеск Твоего

²⁴ А. J. Festugière *Les moines d'Orient*, I. Paris, 1960.

²⁵ J. Meyendorff. *Op. cit.*, p. 37.

²⁶ Н. К. Голейзовский («Исихазм и русская живопись XIV—XV вв.», стр. 139 сл.) толкует ответ Феофана Епифанию о невозможности изобразить весь храм св. Софии в духе апофатического богословия. Но в богословии идет речь о познании бога, в случае же с Феофаном — всего лишь об изображении храма.

света. Но тут же Ты исчезал, становился незримым, не давая мне угадать, кем же Ты был. . .

Наконец-то Ты соизволил открыть мне великую тайну. Однажды, когда, как мне казалось, Ты погружал меня неустанно в кристальные воды, я заметил, что окружен сверкающими вспышками. Я увидел, как лучи от Твоего лица смешиваются с водой, и, чувствуя себя омытым этими блистающими волнами, я впал в иступление и вышел из себя. . .»

Спустя много-много лет Пушкин в своем переводе поэмы Беньяна напишет нечто подобное этому сердечному признанию.

Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.
«Иди ж, — он продолжал, — держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг.
Ступай!» И я бежать пустился в тот же миг.

Надо полагать, именно исихасты-поэты вроде Симеона больше всего пленяли Феофана, во всяком случае, в большей степени, чем холодные рассуждения догматиков XIV в., выдававших себя за их преемников. И это увлечение художника вылилось в его галерею портретов Троицкого придела.

В византийской и древнерусской живописи с большой тонкостью и глубиной передавались в иконописных ликах душевные переживания. Лишь нашей бедностью мысли и воображения объясняется то, что на все эти откровения творчества мы отвечаем одним ничего не значащим словом: *психологизм!* Между тем достаточно всмотреться в эти лики, и мы заметим в них целую гамму душевных переживаний: дух смирения, кротости и любви, мудрость и простодушие, напряжение воли и покорность, светлую радость и страх, суровость и укоризну, отрешенность или, чаще, сознание своей братской близости к другим людям.

Феофановские пустынники Троицкого придела составляют галерею воображаемых портретов. Трое из них узнаются по надписям: Макарий Египетский, Иоанн Лествичник и молодой Акакий. Возможно, что и остальные обозначали определенных подвижников (доискаться этого — задача будущего). Одни взволнованны, почти иступленны, другие более сдержанны, третьи величавы. Их всех объединяет то, что взору их предстает нечто незримое (не обязательно именно та самая Троица, которая написана на одной из стен придела), но переполняющее их душу, подчиняющее себе их волю, нечто, перед чем земная плоть — это прах.

Микеланджело вложил в руку св. Варфоломея в Страшном суде как его атрибут кожу, содранную с живого мученика. На ней виден отпечаток лица художника. Великий мастер хотел этим выразить глубокую мысль: сам он не достоин предстать перед судьей, но лишь его оболочка, в муках отделенная от его брэнной плоти. Нечто подобное этому и у Феофана. Это живые фигуры, но и не вполне живые, призраки, тени, души, наполовину освобожденные от земного существования, с отпечатком добровольно взятых на себя мук, отречения от земных радостей ради вечного небесного блаженства.

Нечто подобное хотел передать на своем холсте «Погребение графа Оргаса» и Греко — в людях, подобных колеблемому ветром пламени свечей. Но только у Греко, плененного земными соблазнами Запада, эти призраки окружены роскошью, окутаны дорогими красивыми тканями. У Феофана отшельники скорее подобны тем душам, которых Данте встретил и с которыми вел беседы на склонах чистилища.

Характерная особенность молчальников Феофана — высокое духовное возбуждение, которым все они проникнуты. В этом они в сущности далеки от того блаженного покоя, к которому стремились и которое обещали

своим последователям пустынноики. Вопреки этому желанному и недостижимому, Феофан не скрывает того, что соблюдение отшельнических заветов — трудный, порою непосильный искус. Он как бы напоминает своими фигурами, что пустыня — царство мертвых, безводный край скал и песков, край лишений и искушений дьявола. Все это накладывает на создания художника отпечаток мрачного, неизбежного трагизма. Вместе с тем созерцание созданий Феофана должно произвести в душе зрителя то глубокое нравственное потрясение, которое в античности считали целительным для духовного здоровья человека.

Это вовсе не значит, что искусство Феофана превращается в сухую дидактику, что своими созданиями он стремится вызвать в зрителе покаянное настроение. В созданиях Феофана с исключительной силой проявила себя яркая личность художника. Рассказ о темпераменте Феофана — «глазами мечуще семо и овамо» — соответствует впечатлению от его работ, порожденных высоким накалом творческого порыва. Правда, композиция Троицы строго следует иконографическому канону так называемого гостеприимства Авраама, но в изображении пустынноиков на первый план выступает сам художник. Его картины — это его собственные свидетельства, это порождения его фантазии, воображения. Недаром современники заметили, что он никогда не заглядывал в подлинники, как большинство других мастеров, а творил, почти импровизировал, больше всего полагаясь на собственный дар видеть внутренним оком то, что им задумано. В этом отношении Феофан решительно отличается от большинства византийских живописцев. В его образах так много личного, что если бы все в них не было облечено в бессловесную зрительную форму, а было высказано в словах, в понятиях, приверженцы канонических образов, догматики, в которых не было недостатка в Византии, могли бы упрекнуть его в ереси.

Существенной особенностью живописной поэтики Феофана является «эллиптический способ выражения», недосказанность, умолчание. В этом — отдаленное схоство с «non finito», но там передается процесс освобождения образа от материи, а у Феофана — духовное очищение, освобождение духа от человеческой плоти. «Да молчит всякая плоть» — как бы призывает художник.

И вместе с тем «эллиптический способ выражения» Феофана — средство повышения эстетического воздействия. В мастерстве Феофана сказывается потребность самыми экономными средствами сказать как можно больше, расчет на способность зрителя по беглым намекам догадаться о том, что остается недосказанным. В этом проявляется и уверенность во всемогуществе художника, который вовсе не обязан воспроизводить всего, но по самой малой части, как признавался Феофан, может дать понятие о целом. Галерея столпников Феофана — это вохваление их душевного подвига и вместе с тем способности искусства касаться самых тонких и глубоких предметов, доискиваться сущности вещей. Именно в этом отношении Феофан был «философом zelo хитрым».

Среди живописных средств Феофана необходимо отметить метафоричность его образов, его особое понимание света и цвета. Образы Феофана поражают своей жизненностью, точностью передачи форм, к ним хочется применить термин «реализм». И вместе с тем, положенные кистью художника штрихи и мазки не только воспроизводят тот или другой предмет, но еще имеют отношение к чему-то совсем иному: к узору, к геометрическим мотивам, к жесту художника. Таким образом, каждое изображение сопряжено не только с тем, что изображено, но и с предметом, с которым его сближает художник. Это и есть принцип «переноса», метафоричность, которая придает созданиям Феофана высшую степень одухотворенности. В новгородских фресках Феофана мы угадываем не только лица старцев, их спутанные космы, складки одежды, но постоянно догадываемся о том, как они созданы быстрыми движениями руки художника, меткими уда-

рами его кисти. Живопись Феофана, как и рисунки тушью художников Дальнего Востока, — это не только живописные картины, но и образцы живописной каллиграфии²⁷. В них присутствует элемент артистизма и виртуозности. Правда, он никогда не охлаждает горения художника. Неудивительно, что вокруг погруженного в работу Феофана любили собираться его почитатели и любоваться тем, как он своей волшебной кистью наносил штрихи и мазки и как они быстро превращались в легко узнаваемые предметы.

Было давно замечено огромное значение света в живописи Феофана. Паламиты и варлаамиты спорили о природе божественного света на горе Фавор. Но отождествлять искусство Феофана со спорами богословов, считать, что он изображал тот самый свет, который апостолы увидели в момент Преображения, конечно, нет никаких оснований²⁸. Можно только признать, что свет у Феофана — это не только оптическое явление мира, он в известной степени символизирует то духовное озарение, о котором взволнованно вещали исихасты.

Характерная особенность света у Феофана — он похож на мгновенные вспышки молнии, при которых предметы словно рождаются из мрака, из ничего, приобретают почти сверхъестественную осязательность и, как неразрешимая тайна, вновь погружаются во мрак, исчезают в нем. В этом можно видеть отдаленное подобие тому, о чем говорил Григорий Богослов как о явлении божества: «Оно улетает прежде, чем его представит себе мысль, и оно ускользает в то мгновение, когда мысль начинает его постигать. Это молния. Она внезапно озаряет наш духовный взор и тотчас исчезает, оставляя после себя еще более глубокую тьму»²⁹.

Преобладающее значение света должно было сказаться и в колорите Феофана. Нельзя назвать его монохромным, как в итальянских гризайлях. Художник никогда не стремился создать впечатление скульптуры, созданной средствами живописи. И вместе с тем палитра Феофана в его фресках предельно сужена. В отличие от икон в его стенописи почти исчезают локальные краски, исчезают и условные, символические краски. Феофан ограничивается холодным серовато-голубым фоном и терракотовым цветом инкарната. Поверх них ложатся бескрасочные, белесые блики, пробела, их оттеняют темные контуры. Земная плоть становится еще более иллюзорной, одухотворенной.

Речь шла до сих пор об общих чертах искусства Феофана в его новгородских фресках. Для того чтобы глубже проникнуть в понимание его творчества, необходимо рассмотреть хоть одну из его фресок и сравнить ее с аналогичной работой другого византийского мастера.

Одним из крупных мастеров раннепалеологовского искусства был Мануил Панселин. Приписываемые ему фрески Протата на Афоне относятся к началу XIV в.³⁰ По своему характеру эти произведения близки к македонской школе. Написанный искусной и уверенной рукой старец Максим Исповедник производит особенно сильное впечатление. И вместе с тем это нечто решительно иное, чем фрески Феофана. Сравнение их помогает оценить неповторимое своеобразие каждого из обоих мастеров.

²⁷ К. Онаш объясняет элементы графики у Феофана воздействием на него итальянского Возрождения, но это по существу глубоко различные явления (*K. Onasch. Theophanes der Grieche. Renaissance und Humanismus in Mittel- und Osteuropa*, Bd. I Berlin, 1962, S. 381).

²⁸ Н. К. Голейзовский. Исихазм и русская живопись XIV—XV вв., стр. 143.

²⁹ И. Попов. Идея обожания в древней церкви М., 1909.

³⁰ Принадлежность этих фресок мастеру Мануилу Панселину не доказана. Это всего лишь предположение А. Ксингопулоса: ВЗ, 1959, стр. 61—64. Новейшая литература о Панселине указана в работе: К. М. Свобода. *Op. cit.*, S. 146. Репродукции фресок Протата: А. Прокопи. *La question macédonienne dans la peinture byzantine. Athènes, 1962*, pl. 61—64 а. Ближайшие аналогии — головы святых в фресках Сопочани: В. Дурич. Сопочани. Београд, 1963, табл. XL, LIII и др.

Максим Исповедник Панселина, как и другие его старцы, — совсем не вдохновенный, одухотворенный, страстный подвижник, как старцы Феофана. Это приземленный образ сильного, волевого, сурового, почти жестокого старца-наставника с напряженной мимикой лица, нахмуренными бровями и пронизательным, недобрим взглядом. Характеру образа соответствует и характер живописного выполнения. В фреске Панселина передано не молиеносное видение. Наоборот, лицо старца неторопливо, внимательно рассмотрено и изучено глазами художника. Как у раннеитальянских мастеров, оно прочно построено и приобретает ясно осязаемый характер. Письмо Панселина плотное, пастозное, движения кисти плавные, замедленные. Она как бы гладит форму, лепит ее.

Совсем иное у Феофана. Побеждает обжигающее вдохновенное творчество, способное воссоздать образ исступленных и вдохновленных подвижников. Не материальная оболочка, не человеческая плоть, а лишь ее бледная тень, в которой трепещет страстная душа. Изображение не претендует на полную достоверность, это всего лишь неверный отблеск жизни человеческого духа.

Самое творчество художника, печать его личности, манера выполнения, его почерк приобретают у Феофана решающее значение. Мы становимся свидетелями его творческого акта. Феофан широко пользуется правом художника на преувеличения. Голова его старца вытягивается, брови вздернуты, стремительно падают вниз усы и особенно длинная белоснежная борода. Как молнии, ломаются зигзаги складок одежды. Редчайший случай в истории искусства — трагическая карикатура. Но не ради того, чтобы насмешить зрителя, но чтобы состраданием потрясти его душу.

У Панселина графическая форма имеет служебное значение. У Феофана она выходит из подчинения натуре. Даже если не обращать внимание на то что изображено, мазки, линии, контуры своей собственной силой вызывают сильное впечатление. Изображение — это взрыв каких-то сил, то низвергающихся, как водопад (борода), то, как стрелы, устремленных во все стороны (складки плаща). В огненных чертежах Феофана всегда присутствует элемент времени.

Удивительное явление! Голова во фреске Панселина — живая и телесная, но это застывшая маска, иконописный лик. Голова во фреске Феофана бесплотна, почти призрачна, но, пронизанная движением, она клокочет жизнью.

Феофан в своих старцах Троицкого придела воспекает «истинную исихию», в известной степени его искусство родственно тем душевным состояниям, к которым призывали молчальники. Но ни искусство Феофана, ни его личность нельзя отождествлять с исихазмом. Не следует забывать того, что он был художником переходного времени, современником гуманизма, целью его жизни никогда не было взобраться по лестнице на каменный столб и забыть о земном. Но, как и Петрарка, он увидел духовную красоту подвижников и воспел ее в своем создании.

В отличие от Феофана, Панселин в своем творчестве стоит ближе к тому монашеству, которое победило во второй половине XIV в., оплотом которого был Афон, где трудился мастер.

У нас сохранилось мало достоверных сведений о том, как было встречено на Руси отношение Феофана к древней исихии. Самый факт, что ему удалось прославить их представителей в Спасо-Преображенском соборе, остается необъяснимым. Нет оснований предполагать, что боярин Семен Андреевич был приверженцем исихазма. Судя по сказанию о земном рае, новгородцы в середине XIV в. бесхитростно облекли в форму мифа вопросы, затронутые спорами исихастов и варлаамитов³¹. В Новгороде и

³¹ А. *Sedel'nikov*. *Vasily Kalika, l'histoire de la legende*. — *RÉS*, VII, 1927, p. 23; А. Д. *Седельников*. Мотив о рае в русском средневековом прении. — *BS*, VII, 1938,

Москве Феофан имел многих последователей. Нельзя сказать, что они ценили только формальные приемы Феофана. Но ни один из них не создал равных по силе монашеских образов даже в монастырских храмах. Епифаний не отметил близости Феофана к молчаливости. Ему импонировала больше всего пронизательность ума и страстный темперамент художника.

Н. К. Голейзовский справедливо обратил внимание на сообщение летописи о том, что в бытность свою в Новгороде митрополит Киприан прежде Софийского собора посетил Спасо-Преображенский собор³². Упоминание в летописи этого факта говорит о том, что его считали знаменательным. Мы больше всего знаем о страстной борьбе Киприана за митрополию. Между тем летопись сообщает также о том, что он удалялся в места близ Сетуни, под Москвой, «любя уединенье»³³. Недаром и его предсмертное послание близко к настроению, которым проникнуты отшельники Феофана: «Что тружусь и смущаюсь всеу, ведая конец жития, видя его действие, как все мы равным образом шествуем от тьмы на свет, от света же в тьму, от чрева матерного с плачем в мир, от мира печального с плачем во гроб. Начало и конец плачь! Что же в середине? Сон, тень, мечтание, красота житийная. Увы, увы, страсти! Во многом сплетений жития все как цвет, как прах, как тень проходит». Этот плач о бренности всего земного в духе древнего Екклезиаста показался москвичам чем-то необычным, «страннолепным». Можно полагать, что Киприану пришлось по душе трагические образы старцев Феофана.

Мы не знаем, вел ли Феофан философские споры с Андреем Рублевым. Во всяком случае, в своем творчестве они вели немую беседу, и достаточно вдуматься в их создания, чтобы догадаться, что значило их собеседование. На каждое создание старшего мастера Рублев отвечал своим созданием. На «Троицу» Феофана в Троицком приделе он ответил своей «Троицей» в Троицком монастыре, на его «Успение» — своим «Успением», к которому, видимо, восходит икона из Кирилловского монастыря, на его «Преображение» из Переславля — своим «Преображением» в Благовещенском соборе, наконец, на его деисусный чин в Кремле — своим деисусным чином во Владимире.

В этой связи можно сказать, что на мрачные трагические образы старцев «ангельского чина» у Феофана Рублев ответил своими просветленными образами женственных юношей-ангелов. По справедливости нужно признать, что рублевские отшельники в фресках Успенского собора по силе характера значительно уступают феофановским. Рублев дает свое гармоническое понимание подвижничества. Отрешенности молчаливиков Феофана он противопоставляет идеал дружеской беседы, поэтическое подобие «киновии», общежития, которого чуждались исихасты. Суровому аскетизму он противопоставляет ласковый взгляд на мир. Величие обоих мастеров заключается в том, что каждый из них стал выразителем самых заветных идеалов своего народа. И вместе с тем на почве искусства они высятся, как родные братья.

Применительно к таким замечательным явлениям искусства, как Феофан, необходимо отказаться от жесткой классификации по стилям и периодам гражданской истории, так как она противоречит подлинному историзму. Феофан был современником предсмертной агонии Византии, надвигающегося упадка искусства. И тем не менее его творчество — это

стр. 164—173; А. И. Клубанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, стр. 136 сл.

³² Н. К. Голейзовский. Исихазм и русская живопись XIV—XV вв., стр. 146.

³³ Митроп. Макарий. История русской церкви, т. V. 1866, стр. 183.

величайший взлет, его произведения должны стоять рядом с шедеврами мирового искусства ³⁴.

Историк искусства не может слепо приравнивать свои оценки к тому, что утверждает историк на основании исторических источников. Историк искусства не должен забывать, что его главный предмет—искусство; только тогда оно перестанет быть простой иллюстрацией и приобретет значение такого же первоисточника, как хроники и документы. Необходимо совершенствовать методы истолкования древнего искусства. На этом пути нас ожидает больше всего открытий.

³⁴ Значение личности художника в византийской живописи эпохи Палеологов подчеркивает О. Демус (*O. Demus. Op. cit., S. 62*); Ш. Дельвуа (*Ch. Delvoye. Op. cit., p. 353*) признает: «нигде в византийском мире художник не проявил так смело своей личности» (как Феофан. — *М. А.*).

И. П. МОКРЕЦОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МИНИАТЮРАХ ЕВАНГЕЛИЯ ГРЕЧ. 101
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ ИМ. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
В ЛЕНИНГРАДЕ

В 1968 г. во Всесоюзную центральную научно-исследовательскую лабораторию по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР) поступила на реставрацию одна из наиболее известных рукописей собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) — евангелие греч. 101 (первый том).

Причиной, вызвавшей необходимость реставрации, явилась общая почти для всех греческих рукописей беда — значительные и непрекращающиеся осыпи красочного слоя. Так как в данном случае причиной плохой сохранности миниатюр была также деформация их основания — пергамена, рукопись была расплетена. Пергаменные листы с живописью (19 листов) — миниатюрами, заставками и орнаментальными рамками — поступили во ВЦНИЛКР; листы с текстом оставались в Ленинграде, где они должны были быть распрямлены в отделе реставрации ГПБ. Вследствие этого появилась редкая возможность для изучения и сопоставления миниатюр рукописи, находящихся в расплетенном состоянии.

Реставрации миниатюр предшествовало их всестороннее, по мере возможности, исследование, позволившее сделать ряд важных наблюдений, касающихся как атрибуции рукописи, так и методов работы византийских художников-миниатюристов.

Атрибуции миниатюр этой рукописи посвящена статья В. Н. Лазарева¹. В ней автор убедительно доказывает принадлежность этих миниатюр константинопольской школе конца XIII в., оспаривая точку зрения палеографов, относящих рукопись к XII в. Так как выводы В. Н. Лазарева кажутся бесспорными, то единодушное мнение палеографов настораживает, тем более, что в последнем каталоге греческих рукописей ГПБ его составитель Е. Э. Гранстрем по-прежнему относит это евангелие к XII в.²

Художественные достоинства миниатюр рукописи также оцениваются исследователями по-разному. Если для В. Н. Лазарева эта живопись представляет известный интерес именно с художественной точки зрения, то по Н. П. Кондакову это — нечто «режущее глаза дисгармониею бликов и теней»³.

Нашей задачей не является определение художественной значимости этой рукописи, равно как и ее точная атрибуция. Мы хотим представить результаты исследований, которые, быть может, позволят специалистам сделать определенные выводы.

¹ В. Н. Лазарев. Новый памятник константинопольской миниатюры XIII в. — ВВ, V, 1952, стр. 178—190.

² Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, IV. Рукописи XII в. — ВВ, XXIII, 1963, стр. 185—186.

³ Н. П. Кондаков. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876, стр. 155.

Для реставрации и исследований мы имели 19 листов из первого тома рукописи (18 листов сдвоенных и один одинарный): четыре листа — с миниатюрами, изображающими сидящих евангелистов, остальные листы — с таблицами канонов в орнаментальных рамках и сравнительно большими заставками, из которых три — чисто орнаментальные, а последняя, предшествующая евангелию от Иоанна, заключает в себе погрудное изображение благословляющего Христа и маленькую фигурку Иоанна.

Сведения о характере и содержании живописи обоих томов рукописи мы приводим из уже упомянутой статьи В. Н. Лазарева ⁴.

1. Четвероевангелие.

- лл. 5—9 — каноны обычного типа, довольно посредственной работы.
- л. 10 об. — сидящий евангелист Матфей (рис. 1); на его коленях лежит раскрытое евангелие; справа стоит стол с письменными принадлежностями, слева возвышается простое здание, перекрытое двухскатной крышей; над евангелистом изображен в голубом овале восседающий Христос; вокруг Христа — четыре символа евангелистов (ангел, орел, лев и бык). . . Палитра яркая и пестрая. Преобладают лиловые, красные, синие и коричневые цвета.
- л. 11 — заставка.
- л. 50 об. — сидящий евангелист Марк, позади которого стоит апостол Петр (рис. 2) ⁵; Марк придерживает правой рукой свиток, лежащий на наложнице; слева и справа два повернутых под углом здания, соединенных сплошной стеной. . . Колорит строится на сочетании бледно-зеленых, синих, красных и розовато-коричневых цветов.
- л. 51 — заставка.
- л. 76 об. — сидящий евангелист Лука, перед которым стоит благословляющий апостол Павел (рис. 3) ⁶. Лука пишет евангелие, лежащее на его коленях; слева возвышается здание, от которого вправо тянется стена. . .
- л. 77 — заставка.
- л. 116 об. — сидящий евангелист Иоанн Богослов (рис. 4); на его коленях лежит евангелие; подле евангелиста сидит на низкой скамеечке Прохор, поддерживающий полуоткрытое евангелие, в которое он вписывает первые слова ⁷. . . На втором плане виднеется стена и две колонны, между которыми перекинут *velum*. Колористическая гамма пестрая и яркая, построена на сочетании лиловых, голубых, красных и розовато-коричневых тонов.
- л. 117 — заставка с полуфигурой Пантократора в медальоне и фигурой Иоанна в инициале.

⁴ В. Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 179—181. Примечания, относящиеся к цитируемому тексту, заимствованы из той же статьи. Нумерация иллюстраций в статье соответствует нашей нумерации.

⁵ Ср. иконографический тип в евангелии XIV в. Афинской национальной библиотеки № 151, л. 38 об.; см. *P. Buberl. Die Miniaturhandschriften der Nationalbibliothek in Athen.* — «Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-historische Klasse», 60/2, 1917, S. 23—25, Taf. XXXI—89.

⁶ Ср. иконографический тип в евангелии XII в. Иерусалимской Патриаршей библиотеки Тафос 56, л. 105 об. и в евангелии XIV в. Афинской Национальной библиотеки № 151, л. 143 об.; см. *W. H. P. Hatch. Greek and Syrian Miniatures in Jerusalem.* Cambridge, Mass., 1934, p. 87, pl. XXX; *P. Buberl. Op. cit.*, S. 24—25.

⁷ Обычно диктующий Иоанн изображается стоящим, но иногда его фигура дается и сидящей: см. л. 158 евангелия XIV в. Афинской Национальной библиотеки № 74; ср. *P. Buberl. Op. cit.*, S. 23, Taf. XXIV—81.

2. Апостол.

- л. 1 об. — сидящий евангелист Лука, пишущий Деяния апостольские (рис. 5); справа стоит столик с наложником, с которого свешивается свиток, исписанный неразборчивым текстом; на втором плане возвышается здание с тянущейся от него вправо стеной. . . Среди красок преобладают бледно-зеленые, голубые, красные и розовато-коричневые цвета.
- л. 2 — заставка.
- л. 34 — стоящий апостол Иаков, фигура которого обрамлена аркой, входящей в состав заставки (рис. 6); правой рукой Иаков благословляет, в левой держит свиток со словами своего Послания. . . Сочетание розовато-красных и синих цветов.
- л. 38 — стоящий апостол Петр, фигура которого обрамлена аркой, входящей в состав заставки (рис. 7); правой рукой Петр благословляет, а левой держит свиток со словами своего Послания. . .⁸ Сочетание блекло-зеленых и голубых цветов.
- л. 44 — стоящий евангелист Иоанн Богослов, фигура которого обрамлена аркой, входящей в состав заставки (рис. 8); правой рукой Иоанн благословляет, а левой держит свиток. . . Сочетание розовато-красных и серовато-зеленых цветов.
- л. 49 — стоящий апостол Иуда, фигура которого обрамлена аркой, входящей в состав заставки (рис. 9); правая рука приподнята, левая держит свиток с начальными словами Послания Иуды. . . Сочетание фиолетовых и голубых цветов.
- л. 51 — стоящий апостол Павел, фигура которого обрамлена аркой, входящей в состав заставки (рис. 10); правая поднятая рука приложена к груди, левая держит свиток с осыпавшимися почти целиком начальными словами Послания Павла к римлянам. . . Сочетание голубых и лиловых цветов.

Сразу же надо отметить, что иконография портретов евангелистов из первого тома является довольно редкой. Те немногие, буквально единичные примеры, на которые ссылается В. Н. Лазарев, относятся к провинциальным школам, и их исполнение находится на более низком техническом уровне, чем живопись нашей рукописи.

Самый беглый осмотр рукописи выявляет безусловное различие в исполнении миниатюр и орнамента. Это становится особенно ясным при сопоставлении расплетенных листов с живописью. В этих условиях обычное визуальное исследование позволяет убедиться не только в том, что миниатюры и заставки написаны разными художниками, обладающими различной степенью мастерства, но и в том, что они являются работами различных стилей, а следовательно, и различных способов их выражения. Исполнение заставок, орнамента, а также одной миниатюры из второго тома (Иоанн Богослов) находится вместе с тем на более низком техническом уровне, чем портретные миниатюры, и это нельзя отнести только за счет того, что они, предположим, были выполнены разными художниками.

Миниатюры с четырьмя евангелистами из первого тома и изображение Луки из второго тома (для удобства будем впредь называть их «большими» миниатюрами) являются, видимо, типичной продукцией константинопольской школы XIII в., выполненной на «высоком среднем» уровне. Эти миниатюры являют собой пример блестящей, типично византийской живописной техники, которая характерна для лучших образцов всех видов живописи

⁸ Для типа Петра ср. евангелие раннего XIV в. Венской Национальной библиотеки theol. gr. 300, л. 182 об.; см. *P. Buberl und H. Gerstinger. Die byzantinischen Handschriften, 2. Die Handschriften der X—XVIII. Jahrhunderts. Leipzig, 1938, S. 67, Taf. XXXI—4.*

того времени — и фресковой, и станковой, и книжной. Лица, руки, складки одежды, отдельные детали выполнены с виртуозным мастерством. Следует отметить удивительную объемность этой живописи, отсутствие жестких контуров, особенно свойственных некоторым провинциальным греческим школам XI—XII вв. Эти миниатюры (вернее, отдельные детали их) выдерживают почти любое увеличение, что особенно наглядно при исследовании их под лупой (рис. 11, 12).

Совсем иное впечатление производит живопись орнамента. Если не принимать во внимание «содержание» орнаментальных мотивов рукописи (декоративные рамки в таблицах канонов, орнамент в заставках, арки, обрамляющие стоящих апостолов из второго тома), являющихся традиционными и нетипичными для какой-нибудь определенной эпохи (во всяком случае, для интересующего нас периода XII—XIII вв.), то для сопоставления с «большими» миниатюрами остается другой материал. Это — изображение Пантократора в заставке (л. 117) и там же маленькая фигурка Иоанна Богослова на полях (рис. 13), а также стоящий Иоанн из второго тома рукописи (рис. 8). Даже при учете более низкого художественного уровня исполнения этой живописи бросаются в глаза технические приемы художника или художников, резко отличные от живописи «больших» миниатюр: лицам и фигурам уже не свойственна объемная моделировка, отсутствуют тоновые нюансы в пределах одного цвета, почти нет пробелов. Все детали рисунка очерчены жесткой черной линией, с одной стороны, придающей миниатюре, быть может, более декоративный характер, с другой стороны, исключающей возможность объемной трактовки изображений. Сам по себе рисунок лишен виртуозной уверенности и точности, свойственной «большим» миниатюрам. В этом отношении особенно наглядным примером является Иоанн из второго тома, для которого характерны приземистые пропорции и грубоватый рисунок.

Что же касается орнамента, то, не принимая во внимание художественно-стилистические особенности, необходимо отметить его грубоватое и неряшливое исполнение по сравнению с живописью «больших» миниатюр (рис. 14). Учитывая даже распространенное среди художников средневековья разделение труда (т. е. в данном случае выполнение орнамента «специальными» художниками), ясно, что такое несоответствие художественного уровня исполнения вряд ли было допустимо для художников константинопольской школы.

Несколько архаичны для конца XIII в. изображения стоящих апостолов, помещенных в полуциркульные арки (второй том)⁹. Арки украшены орнаментом, стилистически и по цвету схожим с декором заставок и рамок.

Таким образом, уже на основании предварительного осмотра миниатюр и орнамента появляются сомнения относительно одновременности их исполнения.

Следующим этапом явилось более обстоятельное визуальное исследование каждой миниатюры с точки зрения ее сохранности и технологии.

I миниатюра — Евангелист Матфей (л. 10 об.). Несколько уграт на золотом фоне миниатюры выявили наличие другого золотого фона — нижележащего, а в верхней части слева можно увидеть узкую полуциркульную полосу голубоватого, почти белого цвета. На отдельных осыпавшихся участках можно различить следы рисунка, не совпадающие своими очертаниями с сохранившейся живописью (например, правая рука евангелиста или поги Христа). Но, учитывая особенности технических приемов византийских миниатюристов (частичное несоблюдение ими

⁹ Традиция иконографии стоящих пророков и апостолов со свитками прослеживается в работе: A. M. Friend. The Portraits of the Evangelists in Greek and Latin Manuscripts. — «Art Studies», V, 1927, p. 115—146. После XII в. изображения стоящих и сидящих фигур в арках встречаются очень редко.

первоначального рисунка), никаких определенных выводов из последнего наблюдения мы пока сделать не можем. На тыльной стороне листа различаются контуры очертаний полуциркульной арки, сделанные острием. Вышеупомянутая узкая полуциркульная полоса светло-голубого цвета совпадает своим направлением и очертаниями с этой аркой¹⁰.

II миниатюра — Марк и Петр (л. 50 об.). Под утратами золотого фона и красочного слоя можно увидеть другой золотой фон, а в нижней части миниатюры — в утратах — виден рисунок, сделанный черными чернилами, не совпадающий с живописью, и остатки розового подмалева или краски, впитавшейся глубоко в пергамен. С левой стороны, по краю, из-под осыпавшегося красочного слоя выявился до половины высоты рисунок колонны, сделанный розовато-красными чернилами, включающий базу и капитель. На оборотной стороне листа можно различить контуры полуциркульной арки.

III миниатюра — Лука и Павел (л. 76 об.). Золотой фон в этой миниатюре сохранился лучше, чем в остальных. Нижележащий золотой фон просматривается лишь слева. Слева же, по краю миниатюры, видны контуры колонны (снизу вверх по капители), сделанные красными чернилами, местами покрытыми золотом. В правом нижнем углу — ниже рамки, ограничивающей миниатюру, — виднеется база колонны, находящаяся на более низком уровне, чем симметричная ей база колонны слева, частично скрытая красочным слоем (рамкой). Кое-где, в утратах, на чистом пергамене виден рисунок, сделанный черными чернилами (складки гиматия Павла). С сохранившимся изображением они не совпадают. На оборотной стороне листа так же, как и на предыдущих миниатюрах, заметны контуры полуциркульной арки.

IV миниатюра — Иоанн и Прохор (л. 116 об.). Из-под золотого фона кое-где, в утратах, просматривается другой золотой фон. Осыпи красочного слоя (на архитектурном фоне) обнаружили остатки рисунка, сделанного черными чернилами, и светло-голубой подмалевок (либо голубую краску, впитавшуюся глубоко в пергамен). Следы рисунка видны еще в нескольких утратах красочного слоя и золота. Очертания колонн, сделанные красными чернилами, просматриваются в нескольких утратах по краю миниатюры с левой и правой стороны. Хорошо видна часть капители справа и частично слева. Следы рисунка красными чернилами видны и в утрате в средней части миниатюры (на колонне, поддерживающей веллум). Самая интересная особенность этой миниатюры заключается в том, что на оборотной стороне листа, вместо одной полуциркульной арки, можно различить очертания двух арок, вернее, одной двойной арки. При этом красные чернила, которыми были обведены продавленные острием контуры арок, впитались в пергамен настолько глубоко, что их местами можно различить на оборотной стороне листа.

V миниатюра — Евангелист Лука (второй том). В этой миниатюре при относительно хорошей сохранности золотого фона наблюдаются значительные осыпи красочного слоя (в левой части миниатюры и по рамке). Эти осыпи выявили рисунок фигуры евангелиста, не совпадающий по контурам с сохранившейся живописью: в «старом» рисунке фигура Луки сдвинута немного левее (рис. 5). На утратах по рамке также просматриваются элементы рисунка колонн.

Об остальных миниатюрах второго тома (стоящие в арках апостолы) пока можно сказать следующее: живопись изображений апостолов и золотые фоны (за исключением Иоанна) идентична по живописи и технике исполнения пяти «большим» миниатюрам, в то время как арки, обрамляю-

¹⁰ Все «большие» миниатюры написаны на листах пергамена, обратная сторона которых не заполнена текстом, что позволяет сравнительно легко увидеть очертания арок.

щие эти изображения, золотой фон и орнамент их, а также целиком вся миниатюра с изображением Иоанна Богослова по технике исполнения и колориту вполне соответствует орнаменту и заставке с Пантократором и Иоанном из первого тома.

Таким образом, в первую очередь бросается в глаза существенное отличие золотого фона «больших» миниатюр от золота заставок и орнаментальных рамок канонов. Золото «больших» миниатюр наложено на толстый грунт темно-розового цвета (что просматривается в некоторых утратах и на потертых участках). Золото же заставок, орнаментальных рамок и арок совсем иное по фактуре; оно наложено на пергамен непосредственно, без специального грунта, видимо, просто на какой-нибудь клеевой состав. Отсутствие толстого слоя грунта не дало возможности хорошо отполировать золотой лист, и поэтому его фактура производит впечатление твореного золота. Именно такое золото и просматривается в местах утрат золотого фона в «больших» миниатюрах.

Примерно то же можно сказать и о красочном слое: если в орнаменте и заставках краски лежат так же, как и золото, непосредственно на пергамене, то в «больших» миниатюрах они наложены на тот же толстый грунт, что и золото. Поначалу создается впечатление, что «большие» миниатюры написаны очень пастозно, и лишь внимательное изучение их позволило увидеть (в особенности в местах утрат и потертостей), что тонкий живописный слой (в свою очередь также состоящий из нескольких слоев красок) лежит на толстом темно-розовом грунте.

При сопоставлении миниатюр и орнаментальной живописи становится очевидным использование художниками разных красок. В «больших» миниатюрах первое впечатление богатого и изысканного колорита достигается в основном за счет пробелов и тонкой нюансировки одних и тех же (в общем немногочисленных) цветов. Но при длительном изучении миниатюр колорит их начинает утомлять глаз своим однообразием и даже некоторым безвкусием — особенно назойливым сочетанием розовых и коричневых тонов (видимо, это и вызвало раздражение Н. П. Кондакова).

Напротив, орнамент и заставки, несмотря на неуклюжий и грубоватый, с точки зрения техники, рисунок, отличаются удивительно свежим и красивым колоритом. Особенно хороши синие, зеленые и розовато-красные краски чистых и звонких тонов¹¹.

На первый взгляд кажется, что палитра всех «больших» миниатюр одна и та же, но более пристальное изучение их позволяет сделать иные выводы. Например, можно выделить миниатюру с изображением Марка и Петра, где гиматий Петра написан тускловатой синей краской, больше нигде не встречающейся в нашей рукописи. Учитывая то обстоятельство, что средневековый художник обычно пользовался одной палитрой — во всяком случае, в пределах одной рукописи, — может возникнуть предположение, что эта миниатюра выполнена другим мастером. Мало этого: несмотря на кажущуюся идентичность техники исполнения лиц, рук, складок одежды, не исключена возможность принадлежности этих миниатюр разным художникам одной школы или монастырской мастерской, где индивидуальность художника, если он не был выдающимся

¹¹ Химический анализ пробы синего пигмента, взятой с орнаментальной рамки таблицы канонов, определил его как ляпис-лазурь, или ультрамарин. Это тем более интересно, что английский химик и историк технологии живописи А. Лоури в своих работах (например: *A. P. Laurie. Ancient Pigments and their Identification in Works of Art.* — «*Archaeologia*», LXIV, 1913, p. 315—335), исходя из многолетних наблюдений, неоднократно указывал, что ультрамарин чистых тонов был типичен для западноевропейской живописи средневековья, но не для византийской миниатюры, где ультрамарин всегда сохранял тусклый сероватый оттенок, так как греческие художники не владели секретами его очистки. Ультрамарин же в таблицах канонов нашего евангелия отличается как раз той чистотой тона этого пигмента, которая свойственна западноевропейским (особенно французским) средневековым миниатюрам.

Рис. 1. Матфей

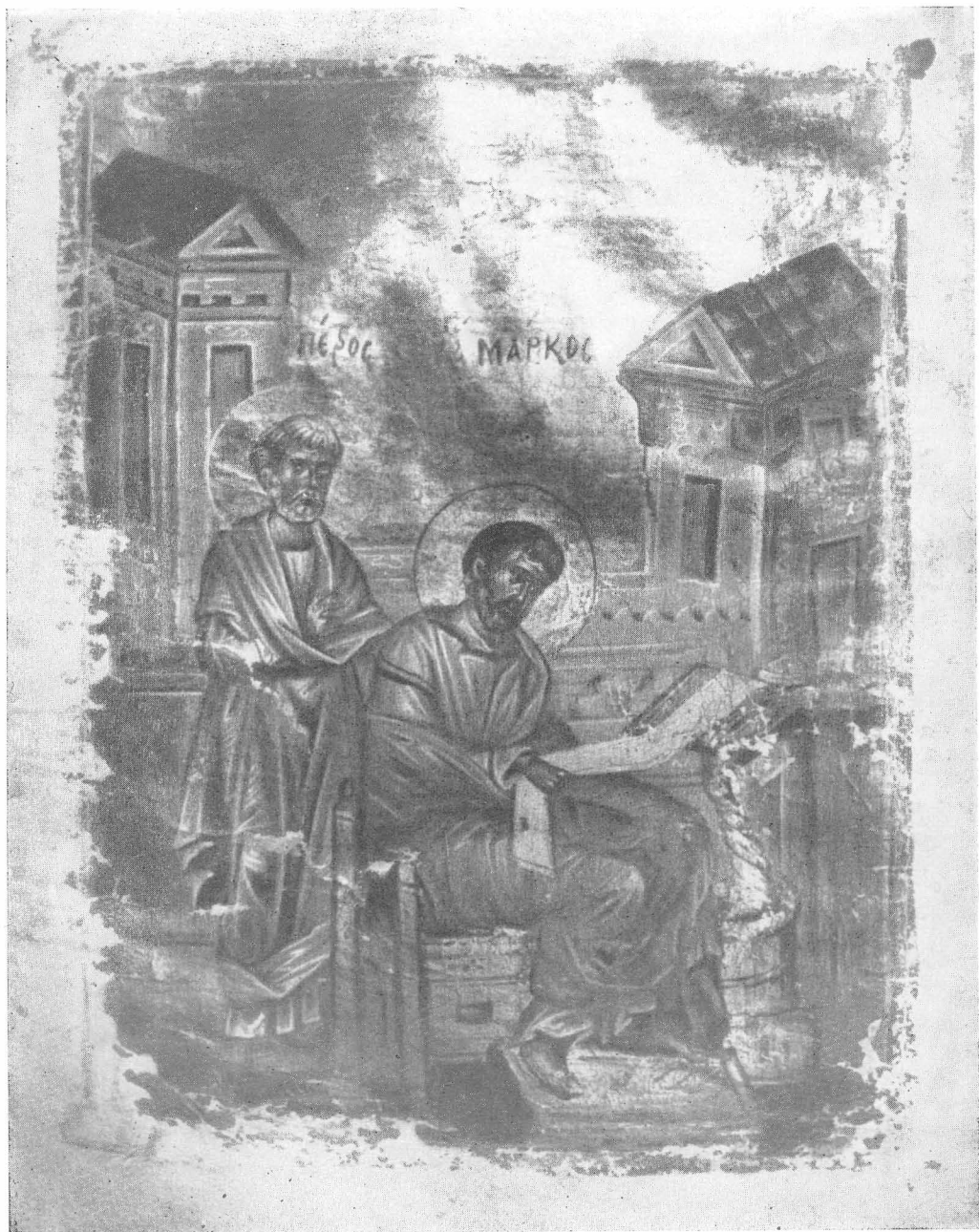

Рис. 2. Марк и Петр

Рис. 3. Лука и Павел

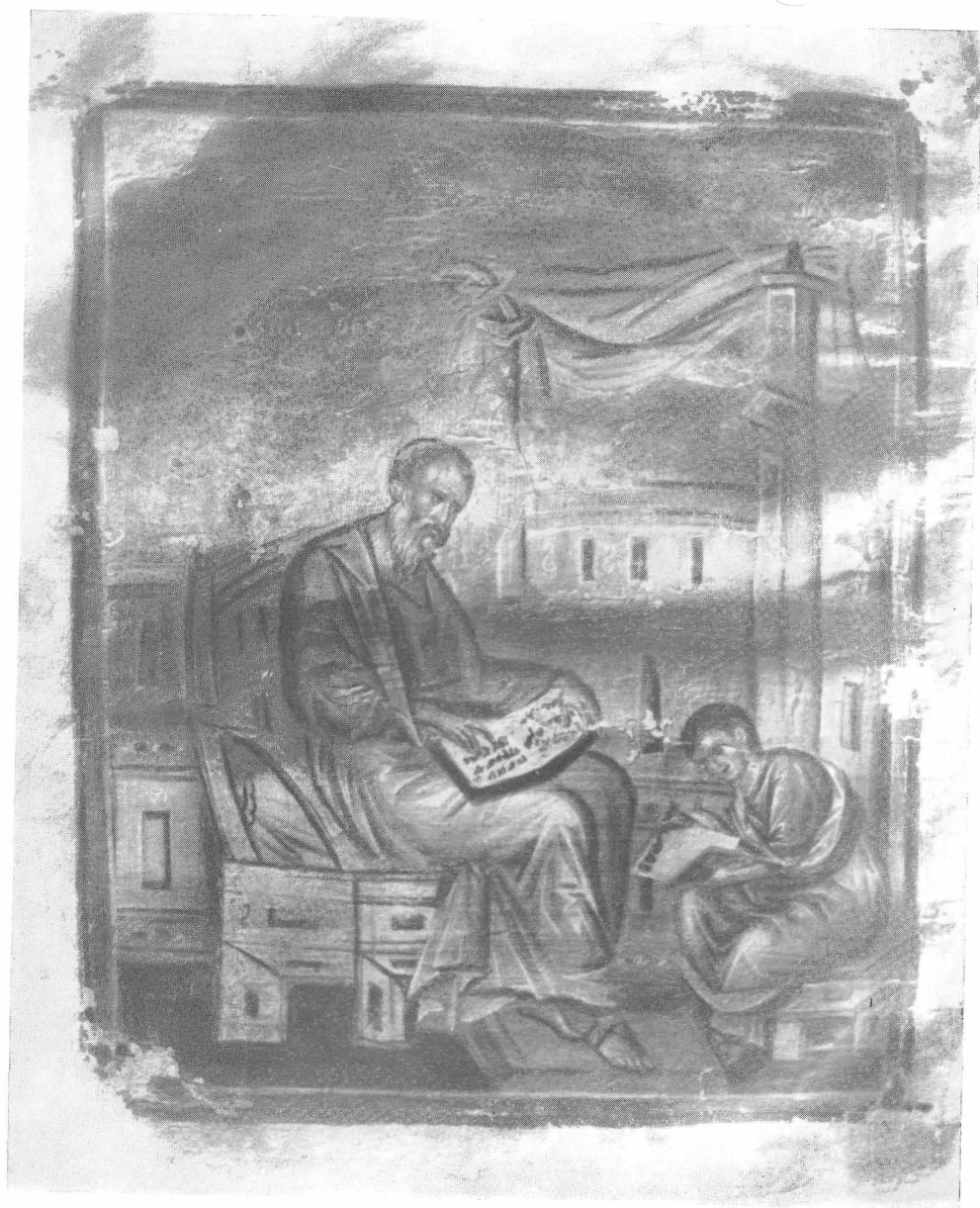

Рис. 4. Иоани и Прохор

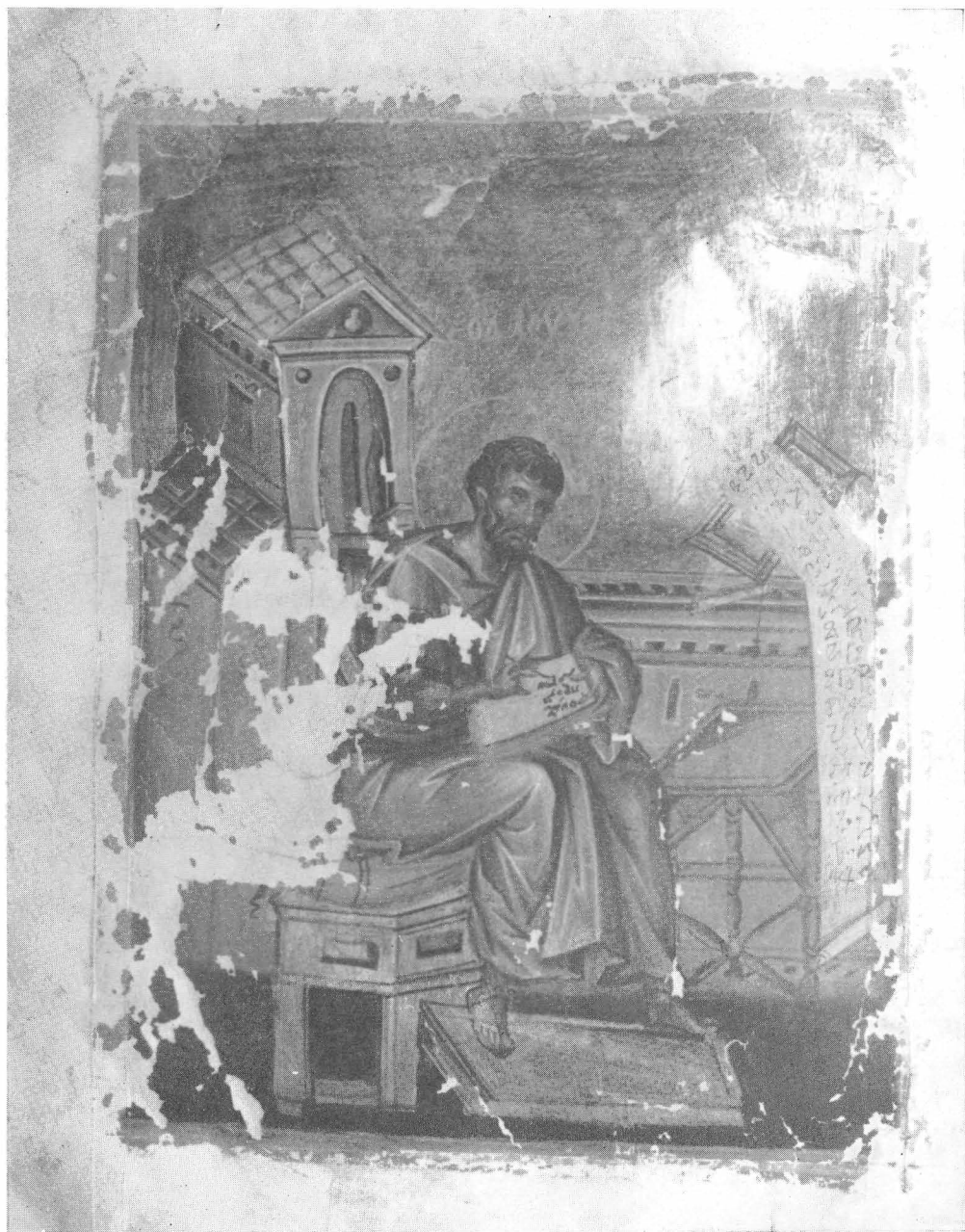

Рис. 5. Лука

Рис. 6. Иаков

Περὶ θεολογίας καὶ ἐν δόξῃ πρὸς καὶ περὶ νίκης κατὰ τοῦ
 πατρὸς Λαοικαίου ἰωάννου ἁγίου
 Περὶ ἀπὸ τῆς φωνῆς τοῦ ἁγίου ἰωάννου ἁγίου
 καὶ περὶ τοῦ μὴ αἵματός μιν· ἐν ἧν περὶ ἀποχρᾶς δαιμονίου σε βασιλέως

ΕΠΙ ΤΩ
 ἰωάννου ἁγίου ἰωάννου ἁγίου
 ἰωάννου ἁγίου ἰωάννου ἁγίου
 ἰωάννου ἁγίου ἰωάννου ἁγίου

ἰωάννου ἁγίου ἰωάννου ἁγίου
 ἰωάννου ἁγίου ἰωάννου ἁγίου

Рис. 8. Иоанн

Рис. 9. Иуда

Рис. 10. Павел

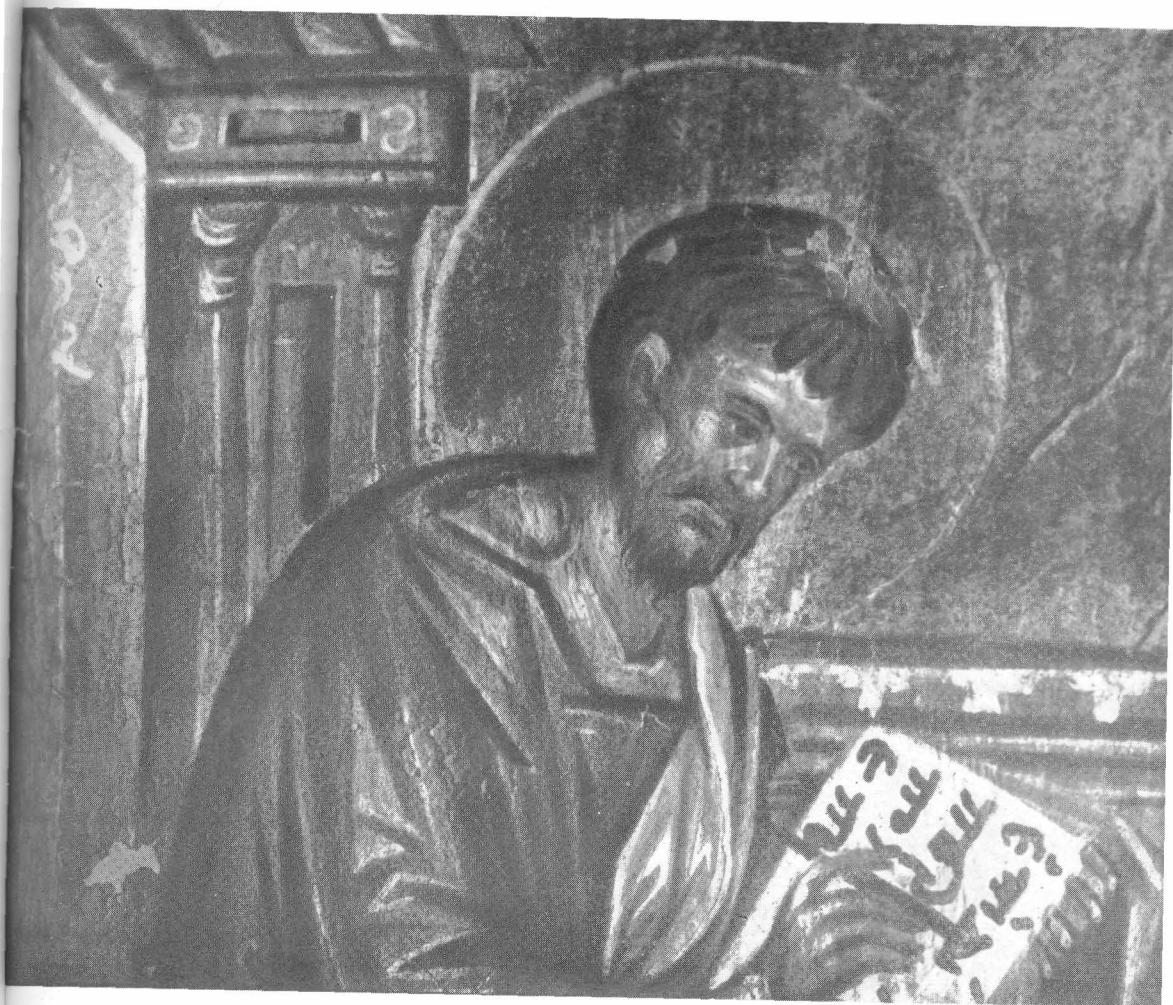

Рис. 11. Голова Луки (л. 76 об.)

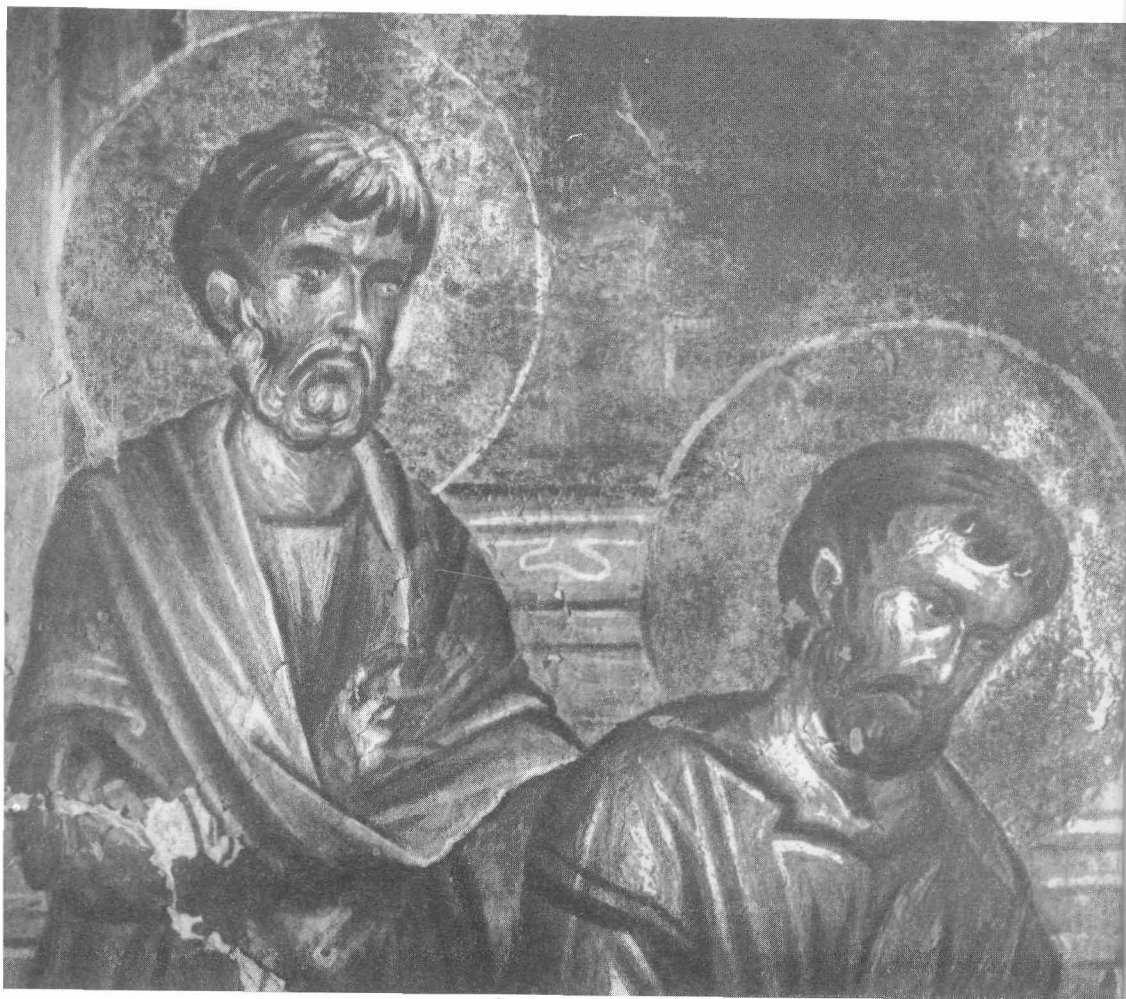

Рис. 12. Марк и Петр (л. 50 об.)

$\sqrt{\zeta \eta \theta \iota \rho \kappa \lambda \mu \nu \xi \omicron \pi \rho \sigma \tau \upsilon \phi \chi \psi \omega}$

Α	Β	Γ	Δ	Ε	Ζ	Η	Θ
Ε	π	ΙΒ	κΓ	λ	Ϸ	Β	Ϸκ
ΙΘ	ΙΘ	ΙΔ	κε	λ	ϷΒ	Δ	Ϸκ
ΙΘ	λΒ	ΙΕ	κζ	ϷΒ	ϷΓ	Σ	Ϸκ
ΙΘ	λΔ	κκ	κζ	ϷΒ	ϷΔ	ΙΓ	Ϸκ
ΡΚ	πΒ	κλ	κκ	ϷΒ	ϷΕ	κΔ	Ϸκ
ΡΠΕ	ϷΕ	κμ	τΔ	ϷΒ	ϷϷ	κΖ	Ϸκ
ϷΖ	ρα	κν	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	κΘ	Ϸκ
		κξ	τΔ	ϷΒ	ϷϷ	κΓ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	λΔ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	λΖ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	λΘ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΒ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΓ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΔ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΕ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΖ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΘ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΚ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΛ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΜ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΝ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΞ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΟ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΠ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΡ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΣ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΤ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΥ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΦ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΧ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΨ	Ϸκ
		κϷ	τΒ	ϷΒ	ϷϷ	μΩ	Ϸκ

Рис. 14. Орнамент с таблицы канонов (л. 9)

Рис. 15. Марк и Петр (рентгенограмма)

Рис. 16. Иоанн и Прохор (рентгенограмма)

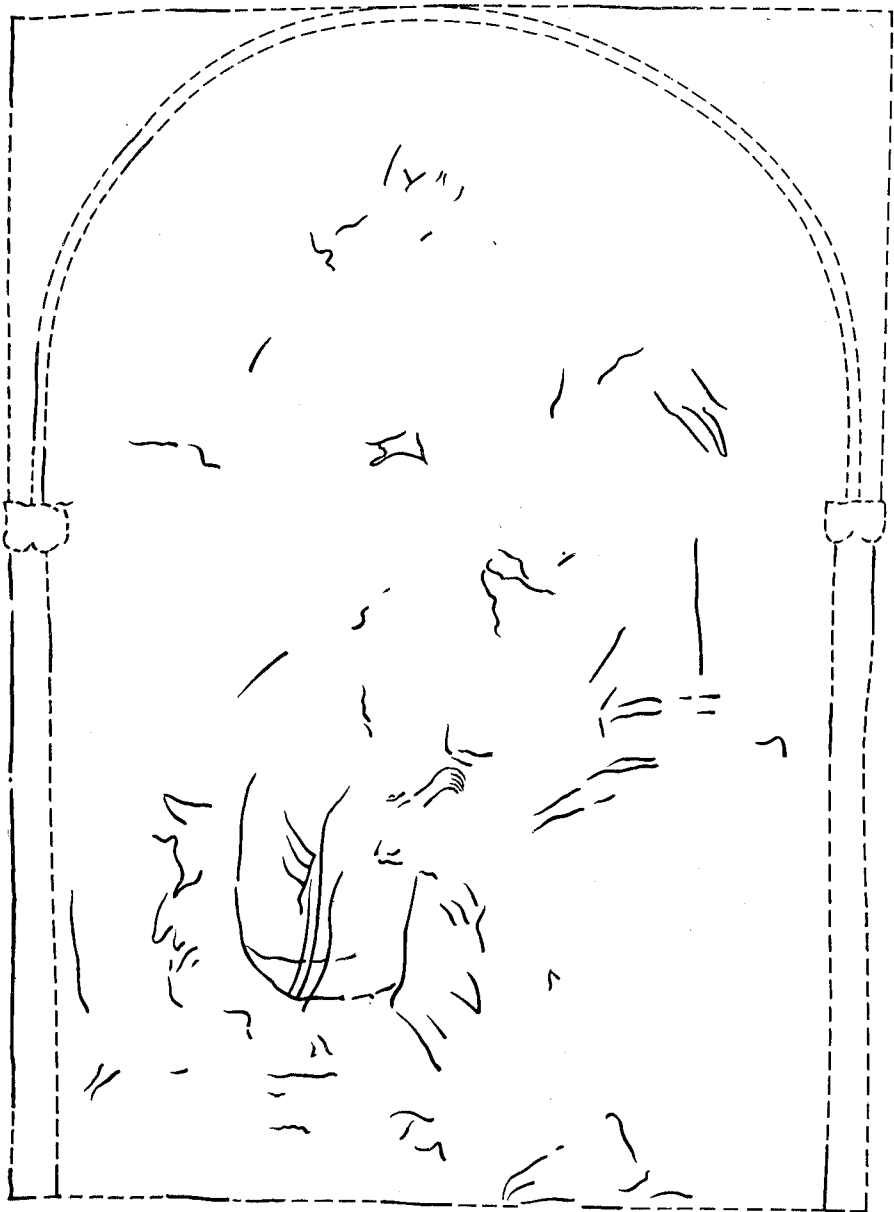

Рис. 17. Матфей (схема)

Рис. 18. Марк и Петр (схема)

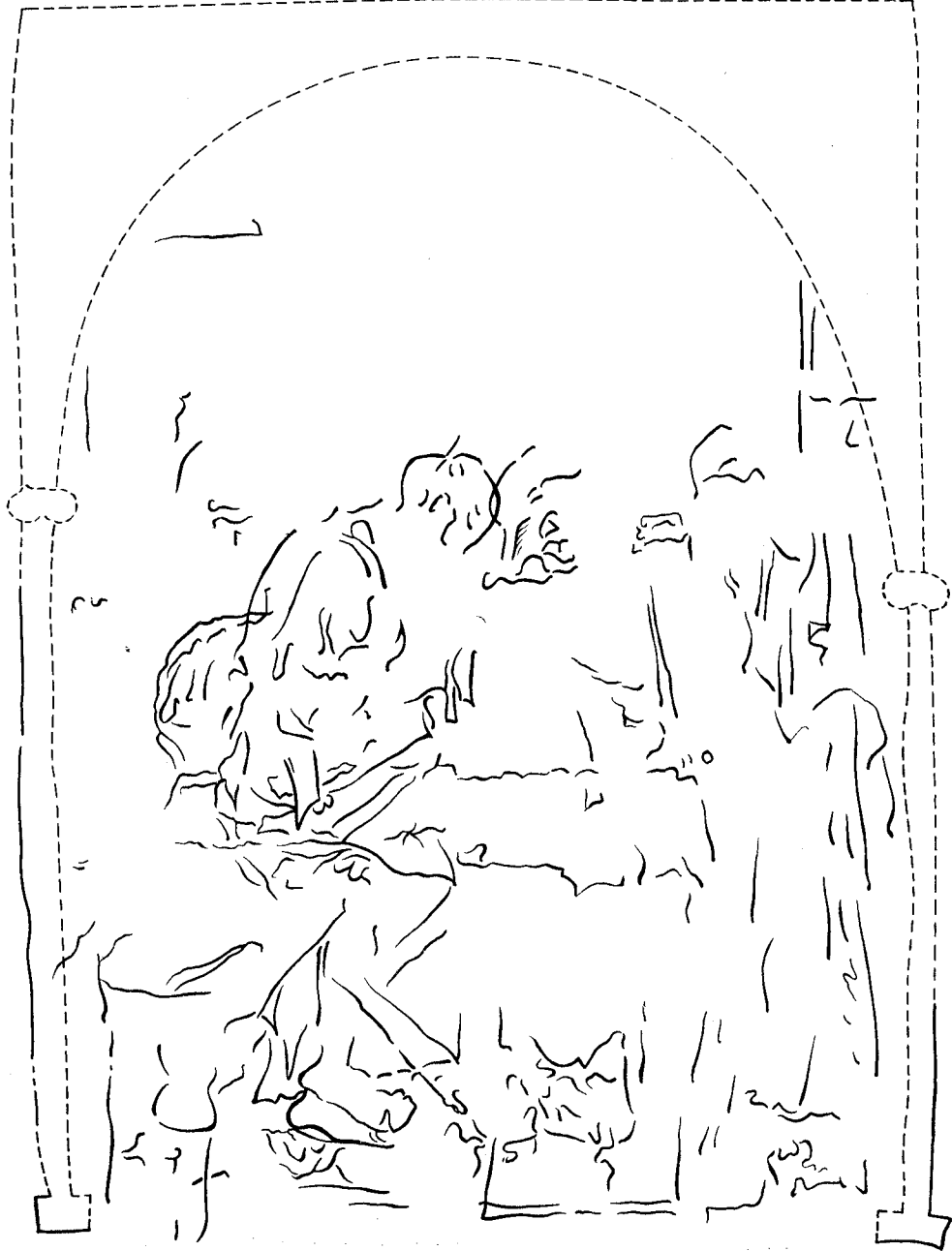

Рис. 19. Лука и Павел (схема)

мастером, терялась, подчиняясь определенным художественно-техническим принципам. Предположение об участии в работе над миниатюрами различных художников может также возникнуть при сопоставлении «портретов» Луки из первого и второго томов. Иконографически Лука из второго тома гораздо ближе Марку из первого тома, чем Луке. Вряд ли один художник такого класса, как автор миниатюр нашей рукописи (если он был один), стал бы пользоваться одним иконографическим типом для изображения разных персонажей в пределах одной и той же рукописи. Эти соображения были в дальнейшем в значительной мере подтверждены исследованиями в рентгеновских лучах.

Для подтверждения наших предположений, вытекающих из визуального изучения рукописи, мы прибегли затем к физическим методам исследования. Миниатюры были просмотрены в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах, при свете натриевой лампы, в рентгеновских лучах и в «проходящем свете». Целью этих исследований была возможность выявления нижележащего красочного слоя или рисунка, если таковые имелись.

Просмотр миниатюр в инфракрасных лучах не дал никаких результатов. Возможно, причиной этому явился толстый слой краснокоричневого грунта, на который наложены золото и красочный слой.

Натриевая лампа лишь более четко выявила рисунок сохранившихся миниатюр, но никаких данных о нижележащем слое дать не смогла.

Ультрафиолетовые лучи оказались более результативными: они, хотя и не смогли проникнуть сквозь толщу красочного слоя и грунта, четко выявили участки, с которых осыпался красочный слой, например декоративные листочки по углам рамок (на чистом пергамене).

Еще большие результаты показала съемка миниатюр в рентгеновских лучах. Рентген выявил отдельные сохранившиеся участки красочного слоя записанных миниатюр (кстати, частично видимых в утратах). Сами по себе рентгенограммы, конечно, не могут дать полного представления о записанных миниатюрах, но в сочетании с остальными данными они явились дополнительными доказательствами существования записей и смогли помочь в значительной степени получить представление о записанных миниатюрах. Наиболее результативными в этом отношении явились миниатюры с изображением Петра и Марка (рис. 15) и особенно Иоанна и Прохора (рис. 16). Кроме того, рентген подтвердил наши предположения о принадлежности «больших» миниатюр разным авторам. На снимках отчетливо виден «почерк» каждого художника, особенно ярко и наглядно проявившийся в различной трактовке пробелов на одеждах персонажей.

И совсем неожиданно — данные, подтверждающие нашу гипотезу о существовании записи, доставило исследование и съемка миниатюр в «проходящем свете» или «на просвет». Этот вид исследования заключался в том, что пергаменный лист с миниатюрой был помещен между двумя стеклами; на некотором расстоянии от этой установки с тыльной стороны листа помещался источник света. Таким образом были сделаны фотографии; дальнейшее исследование проводилось по полученным снимкам.

На всех четырех фотографиях, в первую очередь, оказался прекрасно выявленным неоднократно упомянутый выше слой толстого грунта, на который наложено золото и краски «больших» миниатюр. Он просматривается особенно ясно потому, что был наложен неравномерными мазками, видимо, широкой кистью в самых различных направлениях (это явление можно наблюдать, даже просто установив лист с миниатюрой против дневного света, не прибегая к дополнительным источникам света). Именно характер и направление этих мазков, абсолютно не совпадающих с живописным слоем миниатюр, особенно наглядно указали на обманчивость впечатления пастозности красочного слоя. То, что казалось на первый взгляд пастозным слоем, на деле оказалось сочетанием толстого грунта

и тонкого красочного слоя, наложенного в несколько приемов согласно принятой у византийских художников техники.

Как ни странно, контуры «верхнего» рисунка, т. е. авторского рисунка «больших» миниатюр, просматриваются далеко не так четко, как этого следовало ожидать. Хорошо видны только отдельные детали, обведенные черным контуром.

Арки, рельефные очертания которых заметны на оборотной стороне каждого листа с миниатюрой, совсем не просматриваются на полученных фотографиях. Объяснить это можно тем, что, вероятно, при проходящем свете более или менее хорошо виден рисунок, сделанный черными или коричневыми чернилами, а арки, включая колонны, на которые они опираются, написаны довольно жидкими красными чернилами.

На всех четырех фотографиях можно увидеть также мелкие темные точки — на одних больше, на других меньше. Наши соображения о них мы выскажем ниже.

Фотография первой миниатюры (рис. 17, Матфей) в «проходящем свете», к сожалению, является наименее показательной. На снимке хорошо видны многочисленные утраты красочного слоя и золота с грунтом, не так заметные на обычных фотографиях и на оригинале из-за нижележащего слоя золота. Зато по всей поверхности видны многочисленные точки. Особенно большое скопление их вверху, на фигуре Христа в мандорле. Лишь в нижней части миниатюры различимы «какие-то» линии, не совпадающие с сохранившимся рисунком. Причиной таких неясных изображений на этой фотографии, вероятно, явилось то, что миниатюра написана на более плотном, по сравнению с остальными, листе пергамента, где, в свою очередь, нижележащая живопись была покрыта, видимо, более густым слоем грунта.

Фотография второй миниатюры (рис. 18, Марк и Петр) в «проходящем свете» дала более интересные результаты. Помимо хорошо заметных «мазков», получившихся при наложении грунта, выявился и ранний рисунок: можно различить фигуру, стоящую справа от сидящего евангелиста. Судя по всему, фигура Марка на этом раннем рисунке была сдвинута левее — ближе к рамке, а стоящий Петр, помещенный на поздней миниатюре за креслом Марка, находился справа — перед евангелистом. На этой же фотографии имеются упомянутые выше точки, но все они расположены в пределах фигуры Марка и частично Петра.

В третьей миниатюре (рис. 19, Лука и Павел) хорошо видны продольные «мазки» грунта и контуры рисунка «верхней» миниатюры. Но в нижней части выявился также рисунок старой композиции, из которого следует, что сидящая фигура Луки была помещена чуть ниже. Голова Павла и, следовательно, его фигура были также расположены ниже, чем в сохранившейся миниатюре (т. е. в позднем варианте); ее очертания хорошо видны на фотографии. Точки на этом снимке встречаются значительно реже, чем на остальных фотографиях.

Исследование фотографии четвертой миниатюры (рис. 20, Иоанн и Прохор) дало наиболее интересные результаты. Видимо, от того, что гиматий Иоанна написан розовой краской (возможно, органического происхождения), через которую легко прошли лучи электрической лампы, четко выявился старый рисунок. По старой композиции фигура сидящего Прохора была помещена слева — на месте Иоанна поздней миниатюры, а Иоанн, очертания фигуры которого хорошо видны, стоял справа.

Может вызвать недоумение отсутствие подготовительного рисунка для «верхних» миниатюр, который должен был быть нанесен на грунт и хоть где-то просматриваться. В данном случае самым вероятным предположением является следующее: непонятные точки являются не чем иным, как остатками припороха, нанесенного на темно-красный грунт. Это предположение становится особенно убедительным при внимательном изу-

чении фотографии в «проходящем свете» миниатюры с изображениями Марка и Петра: в ней точки находятся строго в пределах фигуры Марка и даже точно следуют очертаниям правой ноги евангелиста. Беспорядочное расположение этих точек в остальных миниатюрах можно отчасти объяснить тем, что сухой пигмент, которым был нанесен припорох, просто «рассыпался» по поверхности грунта.

В результате всех вышеизложенных наблюдений становится очевидным, что под миниатюрами XIII в. находятся остатки других миниатюр, более ранних по времени.

Этот случай не уникален: записи в византийских миниатюрах, по всей вероятности, были явлением достаточно распространенным. Возможно, что это было обусловлено в какой-то степени плохой сохранностью греческих миниатюр, краски которых начинали осыпаться вскоре после их написания из-за плохого сцепления с обработанным особым образом лошеным пергаменом.

Время от времени встречаются миниатюры, «подреставрированные», вероятно, несколько сот лет тому назад. «Реставрация» эта заключалась в тонировке, как правило весьма приблизительной, участков, с которых осыпался красочный слой¹². Причины подобной реставрации вполне ясны. Несколько иначе обстоит дело с записями. Вероятно, чаще всего это вызывалось невозможностью или нежеланием восстановить первоначальную живопись. В таких случаях по желанию владельца книги старая миниатюра (или ее остатки) записывалась иногда совершенно новой по тематике композицией¹³, либо какими-то обновленными вариантами прежних миниатюр (портреты евангелистов в евангелиях, безусловно, исключают возможность помещения иных по содержанию миниатюр).

Что же касается нашей рукописи, то соображения по поводу причины ее записи могут быть самыми различными. Сомнительно, чтобы в данном случае играла роль только сохранность миниатюр; ведь между временем исполнения старой и новой живописи прошло вряд ли более ста — ста пятидесяти лет, срок, который византийская миниатюра вполне выдерживала. К тому же орнаментальная часть оформления рукописи и изображение стоящего Иоанна, видимо современные записанным миниатюрам, находятся в совсем неплохой сохранности. Самой вероятной причиной записи в данном случае явились, вероятно, изменившиеся художественные вкусы владельцев рукописи конца XIII в. — современников находившегося на подъеме раннепалеологовского искусства. Их уже не устраивала несколько примитивная, линейно-плоскостная манера письма художников XII в.¹⁴; поэтому миниатюры были переписаны.

С точки зрения технологии, исполнение каждой миниатюры и ее последующая запись происходили, вероятно, следующим образом¹⁵: вна-

¹² Например, в евангелии ГПБ греч. 118 в группе миниатюр, изображающих евангелистов, на отдельных участках встречаются подобные тонировки.

¹³ В знаменитых Словах Григория Назианзина из Парижской Национальной библиотеки (гр. 510, между 880 и 886 гг.) имеется любопытный пример подобной записи (см.: *H. Omont. Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1929, pl. XVII*), где композиция, изображавшая императора Василия Македонянина, увенчиваемого короной архангелом Гавриилом, была перекрыта изображением символического креста.

¹⁴ Не исключено, что рукопись была написана и оформлена в каком-нибудь провинциальном монастыре. Это подтверждают художественно-стилистические особенности и техника сохранившейся старой живописи.

¹⁵ Надо отметить хорошую традицию искусствоведов и историков конца прошлого и начала нынешнего века, уделявших несравненно больше внимания технике византийской миниатюры, чем современные исследователи. Объяснить это можно их особым интересом к археологии и «археологической технологии», а также тем, что, вероятно, из-за недостаточного развития фотографии в те времена, ученые изучали, в основном, оригиналы рукописей, что и заставляло их делать соответствующие наблюдения и выводы о сохранности и технике миниатюры, многие из которых подтвер-

чале на пергамен красными чернилами были нанесены очертания арок, предварительно намеченные острием. Судя по аналогиям (арки из второго тома и орнамент из первого), рисунок внутри арок был частично проработан также красными чернилами (рисунок достаточно подробный, если судить по тому, что выявилось при фотографировании в «проходящем свете»). Далее следовал обычный как для византийской, так и для западноевропейской живописи процесс золочения. Хотя самым распространенным способом золочения являлось накладывание золотого листа на специально подготовленный грунт, в данном случае золото было нанесено непосредственно на пергамен с помощью какого-то клея¹⁶. Золото накладывалось не только на необходимые участки в пределах миниатюры или заставки, но также и на текст, где это требовалось. Этот текст так же, как и элементы орнамента (включая рисунок арок и заставок), был написан красными чернилами (возможно, киноварь на каком-нибудь жидком связующем) — обычный прием греческих миниатюристов и каллиграфов при письме золотом¹⁷. После этого, согласно принятым у греческих художников техническим приемам, в несколько слоев накладывались краски. Отдельные детали были прописаны белыми, что в данном случае никак не усиливало впечатления объемности, так как пробела в этих миниатюрах (судя по сохранившейся заставке с Пантократором) носили графический декоративный характер. Заключительным этапом работы над миниатюрами явилась обводка почти всех контуров рисунка черными чернилами, что еще больше придавало этой живописи плоскостной характер¹⁸. С точки зрения техники известный интерес представляет также маленькая фигурка Иоанна (л. 117, первый том): его одежда написана творным золотом.

Процесс записи, видимо, происходил следующим образом: старая живопись была по возможности удалена¹⁹. Сохранился только старый золотой фон, просматривающийся сейчас на многих разрушившихся участках верхнего красочного слоя или золота²⁰, а также краски, слишком

ждаются современными исследованиями. Подобные сведения, являющиеся главным образом результатом изучения именно осыпавшихся участков красочного слоя, встречаются у Бордье (*H. Bordier. Description des peintures et autres ornements contenus dans les manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1883, p. 25—26*), Дэлтона (*A. M. Dalton. East Christian Art. Oxford, 1925, p. 298—299*), Дилья (*Ch. Diehl. Manuel de l'art byzantin, t. 2. Paris, 1926, p. 600—601*), Н. В. Покровского («Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских». СПб., 1892, стр. XX). Покровский и Диль пользуются, в основном, соображениями Бордье по этому вопросу. Что же касается Дэлтона, то его сведения основаны на работах видного английского специалиста по технике живописи А. Лоури, который высказывал правильные соображения относительно плохой сохранности миниатюр византийских и хорошей — западноевропейских, что, по его мнению, было связано с особенностями обработки пергамена. В дальнейшем эти же соображения были приведены в кн.: *E. C. Colwell and H. R. Willoughby. The Four Gospels of Karahissar, II. Chicago, 1936, p. 91*. Позже почему-то ни специалистами по технике живописи, ни историками искусства, ни реставраторами эти высказывания не принимались во внимание.

¹⁶ При исследовании этих участков со старой позолотой с помощью бинокулярной лупы сразу бросается в глаза большое количество связующего.

¹⁷ Дэлтон (*A. M. Dalton. Op. cit., p. 29*) сообщает, что в качестве подготовки под золото византийские миниатюристы применяли также фуксиновые красители.

¹⁸ Больше намеков на объем можно увидеть в миниатюре на л. 202 (второй том, Иоанн) — прежде всего в лице апостола и отчасти в его одежде.

¹⁹ Удалить красочный слой с пергамена в византийских рукописях не представлял особого труда. Скорей всего это делалось при помощи какого-нибудь лезвия. Вряд ли для этой цели использовалась пемза: при самом осторожном ее применении пемза не только удалит краски или чернила, но и разрыхлит поверхность пергамена, чего греческие художники и каллиграфы, при их пристрастии к гладкой и лощеной поверхности этого материала, никак не могли бы допустить. Пемза вообще применялась лишь на определенных — начальных — этапах изготовления пергамена.

²⁰ Возможно, что старое золото было сохранено отчасти из-за психологических, отчасти из-за экономических соображений: это был слишком дорогой материал, чтобы его уничтожать; к тому же старый золотой фон в общем совпадал с новым.

глубоко впитавшиеся в пергамен (например розовая — явно какой-нибудь органический краситель, просматривающаяся в утратах на л. 50 об.), и рисунок, сделанный черными чернилами и красными, также достаточно глубоко впитавшимися в пергамен. Далее вся площадь старой миниатюры была покрыта толстым слоем темного красно-коричневого грунта²¹. Как указывалось выше, грунт был нанесен неравномерными размашистыми мазками в самых различных направлениях. Рисунок новой композиции был исполнен, вероятно, посредством припороха. Далее на соответствующие участки было наложено и отполировано листовое золото²². Затем уже началась работа красками — несравненно более сложная и трудоемкая, чем в ранней живописи. При этом следует отметить предпочтение художниками составных тонов. Например, то, что на первый взгляд представляется светлой охрой (архитектурные декорации на л. 116 об.), на деле оказывается сложным составом, куда, между прочим, входит также и малахит, зеленые частички которого хорошо видны в бинокулярную лупу.

Что же касается миниатюр второго тома, изображающих стоящих апостолов, то с ними поступили несколько иначе. Они являются по существу заставками, и композиционно все пять миниатюр этого цикла построены одинаково: стоящий апостол с развернутым свитком в левой руке изображен на абстрактном золотом фоне, обрамленном аркой, опирающейся на двойные колонки. Арка украшена растительным орнаментом, несколько различным в каждом случае, но сохраняющим один характер и колорит — использовались только синие, красные и белые цвета. Колонки и их базы на всех пяти миниатюрах — тускловатого зеленовато-серого цвета, а капители — красно-розовые. Все это проработано схематичным штриховым рисунком белилами. Из всех пяти миниатюр наиболее цельное впечатление производит третья, изображающая Иоанна Богослова. Выполненная в той же технике и в том же стиле, что и орнамент из первого тома, она явно относится к тому же времени, что и записанные миниатюры. Это подтверждают не только ее стилистические особенности, но и технические приемы, в которых она выполнена, — прежде всего золотой фон, представляющий собой тонкий плохо отполированный золотой лист, наложенный непосредственно на пергамен²³. Так же, как и ранняя живопись из первого тома, миниатюра с Иоанном написана удивительно красивыми и свежими красками, несмотря на неуклюжий и примитивный рисунок. Почему решили сохранить в неприкосновенности эту миниатюру, неясно, так как остальные миниатюры этого цикла подверглись весьма своеобразной обработке: последняя миниатюра этого цикла (Павел, рис. 10) была записана при помощи тех

²¹ Состав его, вероятно, аналогичен обычному грунту под золото, применявшемуся средневековыми художниками. В него входили армянский бознос или какой-нибудь красный пигмент, мел или свинцовые белила и связующее (видимо, крепкие клеи большой концентрации — рыбий или пергаменный, гораздо реже — камедь или белок).

²² Как уже говорилось, технология миниатюрной живописи предусматривала золочение пергамена после нанесения рисунка и перед работой красками. Иногда при этом из-за механического подхода миниатюристов к своей работе получались разного рода просчеты. Например, в миниатюре на л. 76 об. (Лука и Павел) в нижней ее части был наложен золотой лист соответствующей формы (на нем должны были изображаться кресло евангелиста и стол). Из-за какого-то технического или экономического просчета лист своими размерами не совпал с авторским рисунком — оказался меньше по площади, чем это требовалось. Поэтому ножки столика, написанного на этом листе, оказались значительно выше уровня ног Павла, стоящего за ним. И хотя позже художник пытался исправить этот дефект, дорисовав ножки стола чернилами уже на фоне позема, эта несуразность так и сохранилась, заставляя зрителя предполагать, что художник просто механически скопировал какой-то образец, примитивно восприняв его перспективу (что отчасти также имело место).

²³ На этом раннем золотом фоне сохранились хорошо видимые отпечатки защитной ткани.

же приемов, что и миниатюры первого тома, т. е. вся целиком покрыта толстым слоем грунта и заново переписана. Но в данном случае была сохранена не только старая композиция, но и характер и колорит орнамента в арке. Остальные три миниатюры (Иаков, Иуда, Петр) были записаны лишь частично: были сохранены старые арки, середина же покрыта все тем же грунтом, на котором были вновь написаны фигуры апостолов. Это легко увидеть, установив лист с миниатюрой с тыльной стороны против света: сразу хорошо становится видна граница между старой живописью на тонком золотом листе и пастозный слой позднего грунта. Кроме того, в осыпях можно увидеть сохранившийся рисунок старых композиций, никак не совпадающий с новыми.

В заключение следует остановиться на «археологическом» моменте, т. е. на попытке восстановить в какой-то мере хотя бы схему записанных миниатюр. Это удалось сделать, сняв кальки с фотографий, полученных в «проходящем свете», и дополнив их элементами рисунка записанных миниатюр, хорошо видимыми в утратах оригиналов и, следовательно, на обычных фотографиях²⁴, а также учитывая данные, полученные при других исследованиях.

I миниатюра (Матфей, рис. 24).

Композиция этой миниатюры не претерпела принципиальных изменений, если не считать того, что раньше вся композиция была заключена в полуциркульную арку. Фигура евангелиста была представлена почти в том же ракурсе, что и в позднем варианте, но помещалась несколько ниже. Фигура восседающего Христа, судя по различным фрагментам в утратах старого рисунка (ноги), была представлена в более крупных пропорциях и также помещалась ниже, чем в записи. Видимо, отсутствие арки в новой композиции позволило художнику поднять мацдорлу с Христом и окружающие ее символы евангелистов выше. Пока остается неясным, существовали ли в первоначальной композиции миниатюры эти символы. Кроме того, рентген выявил какой-то непонятный прямоугольный предмет, помещавшийся, вероятно, на столике с письменными принадлежностями.

II миниатюра (Марк и Петр, рис. 22).

Как уже указывалось, композиция этой миниатюры была иной. Петр стоял не за креслом евангелиста, а перед ним — справа. Сидящий в кресле Марк был сдвинут значительно левее. Под живописью рентген обнаружил на нескольких участках остатки нижележащего красочного слоя, своим расположением соответствующие старому рисунку, выявленному при фотографировании в «проходящих лучах». Вся композиция была заключена в полуциркульную арку.

III миниатюра (Лука и Павел, рис. 23).

Старая композиция этой миниатюры соответствовала поздней записи с той лишь разницей, что фигуры были более приземисты и помещены ниже. Миниатюра была обрамлена полуциркульной аркой.

IV миниатюра (Иоанн и Прохор, рис. 24).

Фотография в «проходящем свете» выявила совсем иную первоначальную композицию. Фигура стоящего Прохора более крупных пропорций была помещена слева, Иоанн представлен был стоящим справа с головой, обращенной к небесам, с благословляющим жестом правой руки (весьма распространенная композиция в византийской живописи). В отличие от трех предыдущих миниатюр, эта была заключена в двойную полуциркульную арку.

Вероятно, во всех четырех миниатюрах либо отсутствовал, либо был сведен до минимума архитектурный фон, который наблюдается в поздних

²⁴ На фотографиях, сделанных в «проходящем свете», эти элементы старого рисунка пропадают.

композициях. Во всяком случае, никаких определенных намеков на его наличие при проведении физических исследований усмотреть не удалось. Скорее всего, фигуры святых со сравнительно небольшим количеством аксессуаров (кресла, подножия, столики с письменными принадлежностями) были изображены просто на нейтральном золотом фоне, оживленном полуциркульной аркой, опирающейся на тонкие колонки с капителями. Представление об этих арках могут дать арки, обрамляющие стоящих апостолов из второго тома. Конечно, имелись и отличия между ними: арки из второго тома опирались на двойные колонны, арки записанных «больших» миниатюр — на одинарные. Судя по всему, арки этих миниатюр украшены были более скромно, иначе бы в утраках просматривались остатки красок на золотом фоне. Арки были нарисованы от руки без помощи циркуля или линейки. Художника, видимо, мало беспокоило то, что капители колонн каждой арки или базы находятся на разных уровнях — настолько разных, что художникам XIII в., записывавших эти миниатюры, подчас удается скрыть декоративной рамкой только одну базу, оставляя вторую выступать ниже этой рамки (см. рис. 3). Вообще же старые миниатюры по формату были несколько меньше поздних записей — в основном за счет рамки с орнаментальными уголками, заменившей в этом позднем варианте полуциркульную арку.

О колорите записанных миниатюр можно сказать следующее: судя по остаткам красочного слоя, различимым в бинокулярную лупу, колонки всех полуциркульных арок были тускловатого сине-зеленого цвета, капители — розово-красного (эти краешки мы видим в таблицах канонов). Позем в миниатюрах был сине-зеленого цвета, близкого по тону поздней живописи. Об одежде персонажей пока ничего определенного сказать нельзя, кроме того, что одежда Иоанна была, вероятно, синего цвета, Прохора — розового.

Таким образом, можно сделать окончательный вывод: под сохранившейся живописью, датированной В. Н. Лазаревым последней третью XIII в., сохранились остатки более ранних миниатюр. Еще раз подчеркиваем, что нашей задачей не являлась точная атрибуция записанных миниатюр, но все же мы считаем наиболее вероятным, что эти миниатюры были написаны одновременно с текстом рукописи и выполнены, в отличие от новых изображений, не в столичных мастерских, а, вероятно, мастерами какой-нибудь провинциальной школы²⁵.

²⁵ В исследованиях и реставрации миниатюр рукописи принимали участие сотрудники ВЦНИЛКР Г. З. Быкова, М. П. Виктурина, Л. И. Гладкова, Ю. И. Гренберг, А. Л. Дуб, З. М. Желнинская, А. В. Иванова, Е. А. Степанов.

Б. Л. ФОНКИЧ

МОСКОВСКАЯ РУКОПИСЬ
ИЗ БИБЛИОТЕКИ ИОАННА ХОРТАСМЕНА

К перечисленным Г. Хунгером рукописям, принадлежавшим Иоанну Хортасмену¹, нужно добавить одну рукопись начала XIV в., хранящуюся в Гос. историческом музее (ГИМ) в Москве: Синод. греч. 116 (221/t. II, № 11 fol.).

На первом листе рукописи находятся две владельческие пометы Хортасмена (верхнее поле: *καὶ τοῦτο κτῆμα τυχάνει Χортаσμένου*; нижнее поле: *Ἰωάννης Χортаσμένος*), которые не были отмечены в каталогах Х. Ф. Маттеи и архим. Владимира.

Рукопись состоит из 261 листа размером 310×225 мм и написана тремя писцами (1 — лл. 1—90; 2 — лл. 90 об.—217 об.; 3 — лл. 218—261 об.) на бумаге с филигранями типа Mošin—Traljič 3537 (1311 г.), 3532 (1317 г.), 3534 (1317 г.).

В кодексе находятся сочинения Афанасия Александрийского.

1 (лл. 1—46 об.) Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας κατὰ ἐλλήνων (=PG, 25, 4A—96C).

2 (лл. 47—88 об.) Τοῦ αὐτοῦ λόγος δεύτερος περὶ τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ θεοῦ λόγου καὶ τῆς διὰ σώματος πρὸς ἡμᾶς ἐπιφανείας αὐτοῦ (=PG, 25, 96D—197A).

3 (лл. 89—104 об.) Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τοὺς ἐπισκόπους Αἰγύπτου καὶ Λιβύης ἐπιστολὴ ἐγκύκλιος κατὰ ἀρειανῶν (=PG, 25, 537A—593).

4 (лл. 104 об.—139 об.) Τοῦ αὐτοῦ κατὰ ἀρειανῶν λόγος πρῶτος (=PG, 26, 12A—145C).

5 (лл. 139 об.—179 об.) Τοῦ αὐτοῦ κατὰ ἀρειανῶν λόγος δεύτερος (=PG, 26, 145D—321A).

6 (лл. 179 об.—209) Τοῦ αὐτοῦ κατὰ ἀρειανῶν λόγος τρίτος (PG, 26, 321B—468A).

7 (лл. 209—217 об.) Τοῦ αὐτοῦ περὶ τῆς ἐνσάρκου ἐπιφανείας τοῦ θεοῦ λόγου καὶ κατὰ ἀρειανῶν λόγος δ' (=PG, 26, 984A—1028).

8 (лл. 218—261 об.) Τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας πρὸς Ἀντίοχον ἀρχонта περὶ πλείστων καὶ ἀναγκαίων ζητημάτων τῶν ἐν ταῖς θείαις γραφαῖς παρὰ πολλοῖς ἀπορομένων καὶ παρὰ πᾶσι χριστιανοῖς γινώσκεσθαι ὀφειλομένων (=PG, 28, 597C—700C).

На л. 85 об. красными чернилами одной рукой начала XVI в. сделаны три записи о кончине 13 сентября 7022 г. иеромонаха Макария, 13 октября того же года — Каллиста, архиеерея, и 26 декабря 7026 г. — Афанасии, монахини монастыря τῆς ἁγίας μήτρας.

¹ H. Hunger. Johannes Chortasmenos (ca. 1370 — ca. 1436/37). Briefe, Gedichte und kleine Schriften. («Wiener Byzantinische Studien», Bd. VII). Wien, 1969, S. 20—28, 51—53. См. ниже аннотацию А. П. Каждана на эту книгу.

Рукопись привезена в Москву Арсением Сухановым (на л. 1 помета: **АРСЕНІИ**). Пометы афонского монастыря, где была приобретена книга, в настоящее время нет: быть может, она находилась в верхнем правом углу л. 1, но этот угол оборвался и позже был подклеен бумагой. Однако поставленный в XVII в. номер $\overline{M0}$ (=49), расположенный рядом с пометой «**АРСЕНІИ**», говорит о том, что рукопись была вывезена из Иверского монастыря: номер 49 могли иметь только рукописи Лавры св. Афанасия и Ивера, но раз рукопись ГИМ 308, имеющая номер 49, имеет и помету Лавры, то, следовательно, рукопись ГИМ 116 с таким же номером, но без монастырской пометы, может происходить только из Иверского монастыря.

Д. Л. ТАЛИС

СЮРЕНЬСКАЯ КРЕПОСТЬ

Сюреньское укрепление находится в Куйбышевском районе Крымской области, неподалеку от шоссе, ведущего из Бахчисарая в Ялту. Крепость расположена на оконечности мыса столовой горы, господствующей над всей северной частью Бельбекской долины. Этот мыс с трех сторон обрывается вниз вертикальными склонами, практически недоступными, с четвертой, обращенной к массиву плато, — огражден стеной. Стена эта состоит из двух куртин, сходящихся под тупым углом к стоящей почти по середине круглой башне. Стена сложена вперевязь с башней из массивных, тщательно отесанных с лицевой стороны блоков известняка, размером порядка $35 \times 60 \times 40$ см. Блоки скреплены известковым раствором. Два ряда кладки, составляющие панцири стен, разделяются забутовкой, в которую глубоко входят камни облицовки. Двухэтажная башня сложена из блоков, в основном такого же размера, что и стены, и в той же технике квадратной кладки. Общее протяжение обеих куртин — 94 м, максимальная сохранившаяся высота стен, соответствующая, вероятно, первоначальной высоте — 4,8 м, толщина стен — 2,5 м, высота башни — 10 м¹.

Существуют две точки зрения по поводу хронологии сооружения Сюреньского укрепления. Одна принадлежит Н. И. Репникову. Он относит время строительства оборонительной стены к VI—VII вв. Эта датировка дана исследователем в предположительной форме и без сколько-нибудь развернутой аргументации. Он просто указывает, что «вероятным моментом стеностроительства здешних стен, стоящих также на постелях, является послеюстиниановская пора VI—VII вв.»² При этом Н. И. Репников отмечает, что панцири сюреньской стены позднее эски-керменской³.

В соответствии со второй точкой зрения, предложенной М. А. Тихановой и А. Л. Якобсоном, оборонительные стены обоих памятников одновременны. Эти исследователи вводят рассматриваемый памятник в круг памятников юго-западной Таврики, объединяемых наличием однотипных, по их мнению, оборонительных сооружений. Кроме Эски-Кермена, они причисляют сюда Мангуц, Чуфут-Кале, которые датируются ими по аналогии с некоторыми участками оборонительной линии Херсонеса VI ве-

¹ Описание Сюреньского укрепления см. *Е. В. Веймарн и Н. И. Репников*. Сюреньское укрепление. — ИГАИМК, вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931—1933 гг. М.—Л., 1935, стр. 115—126 (здесь же указана предшествующая литература); *А. Л. Якобсон*. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М.—Л., 1959 (МИА, № 63), стр. 120—122.

² *Н. И. Репников*. Остатки укреплений Эски-Кермена. — ИГАИМК, XII, вып. 1—8, 1932, стр. 205.

³ Там же.

ком⁴. К V—VII вв. относит Сюреньское укрепление Е. В. Веймарн в ра- боте, специально посвященной так называемым «пещерным городам»⁵.

Таким образом, хотя в определении времени возникновения оборони- тельной системы Сюрени между исследователями и существуют некоторые различия, все относят ее к начальному периоду раннего средневековья — к V—VII вв.

Важно отметить, что в тех случаях, когда приводится аргументация этой датировки, она сводится только к одному признаку — технике кладки. Квадровая кладка сюреньских стен и башни отождествляется с квадратной кладкой обороны городищ горного Крыма — Эски-Кермена и Мангупа либо с некоторыми куртинами сложенных в аналогичной технике оборо- нительных стен Херсона. Но так как боевые сооружения названных горо- дищ сами в основном датируются по аналогии с соответствующими участ- ками оборонительных стен Херсона⁶, то хронология боевых стен Сюрени сводилась в конечном счете к вопросу о дате привлекаемых в качестве ана- логий участков обороны Херсонеса, как, например, третье кольцо башни Зенона, 5-я стена 20-й куртины, 1-я куртина и т. д.

На основании работ К. К. Косцюшко-Валюжинича, А. Л. Бертье- Деларгарда, К. Э. Гриневича и особенно А. Л. Якобсона хронология этих участков могла быть отнесена к VI в.⁷ Однако работы Гос. Херсонес- ского музея на протяжении последних лет показывают, что такая датировка встречает целый ряд затруднений и порождает серьезные противоречия. Материалы исследований Херсонесского музея пока полностью не опубли- кованы⁸, однако уже ясно, что в настоящее время нельзя опираться при датировке описываемых оборонительных сооружений на херсонесские аналогии, во всяком случае, пока не станет ясной хронология этих по- следних.

Но и установлением точной даты херсонесских аналогий вопрос о хро- нологии оборонительных сооружений Горной Таврики, в частности Сю- рени, отнюдь не исчерпывается. Это связано с тем, что жилые и боевые сооружения одного городища, вполне аналогичные по технике кладки и строительным приемам соответствующим сооружениям другого, могут хронологически отстоять от последних на сотни лет. Применительно к средневековым городищам Таврики это обстоятельство хорошо иллюстри- руется на примере Баклинского городища, строительные остатки кото- рого достаточно точно датируются.

Так, если говорить о жилых помещениях, то одним из характерных приемов кладки жилых комплексов является так называемая кладка в елочку, относимая обычно к VIII—IX вв. и часто встречавшаяся на посе- лениях и западной, и восточной Таврики⁹. Такая же кладка на Баклин- ском городище датируется XIII в. Кладка боевых стен из монументальных

⁴ А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 122; М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. — В кн.: «Материалы и исследования по археологии юго- западного Крыма (Херсонес, Мангуп)». М.—Л., 1953 (МИА, № 34), стр. 324.

⁵ Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма в свете археологических иссле- дований 1954—1955 гг. — СА, 1958, № 1, стр. 76.

⁶ См., например: Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 204; А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 116, 117.

⁷ А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 67—124 (там же приведена литература вопроса).

⁸ Имеются лишь тезисы докладов, прочитанных И. А. Антоновой и С. Ф. Стрже- лецким на сессии Института археологии и на VII Всесоюзной конференции византи- нистов в 1965 г. Очень сжато изложены результаты работ Херсонесского музея в 1959— 1960 гг. в статье И. А. Антоновой «Западный фланг обороны Херсонеса». — СХМ, 3, 1963, стр. 60—67. И. А. Антонова и С. Ф. Стржелецкий привели ряд существенных аргументов в пользу необходимости изменения датировки в своих разъяснениях ав- тору непосредственно на херсонесском городище. Приношу им свою большую бла- годарность.

⁹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. М.—Л., 1952 (МИА, № 25), стр. 49, рис. 54, стр. 127.

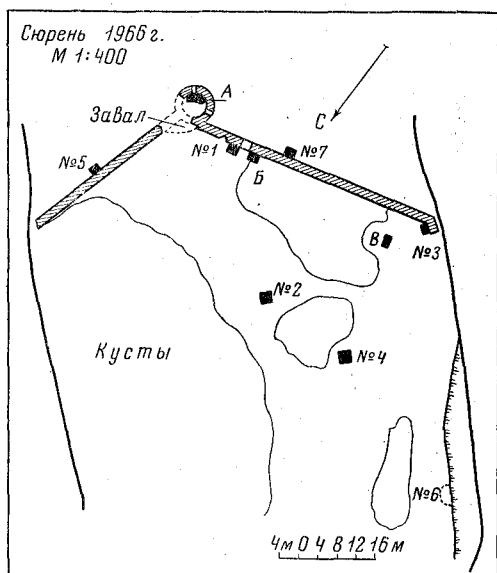

Рис. 1. План расположения разведочных шурфов

известняковых блоков, положенных правильными рядами, скрепленных хорошим известковым раствором, размером порядка $100 \times 80 \times 60$ см, наиболее близка к кладке облицовки 20-й куртины, башни XX юго-восточного участка обороны Херсонеса и аналогична кладкам всех тех участков боевой стены Херсонеса, которые выстроены в технике квадратной кладки: южная часть 1-й куртины, 13-й, 19-й куртин и т. д. Если и согласиться с существующей датировкой всех названных участков обороны VI в.¹⁰ или даже с еще более ранней датировкой аналогичных стен, сложенных в технике квадратной кладки и обнаруженных в других областях империи¹¹, то время происхождения стены этого участка Баклинского городища приведенными аналогиями не определялось бы ни в какой мере. В указанной технике кладки построена стена, являющаяся более поздним утолщением первоначальной линии обороны Баклинского городища. По совершенно бесспорным данным (стратиграфия и сопровождающий материал), это утолщение не может датироваться временем ранее IX в. Таким образом, датировка стены по аналогии в технике кладки привела бы к грубой ошибке в 300—400 лет.

Сказанного достаточно для утверждения, что если бы даже крымские аналогии оборонительным сооружениям городищ Горной Таврики сами были точно датированы, то этого было бы все равно недостаточно для определения хронологии названных городищ.

Таким образом, определение хронологии Суреньского укрепления должно исходить прежде всего из материалов, обнаруженных на самом Суреньском городище. Однако здесь никогда не производилось ни раскопок, ни даже разведок, в музеях полностью отсутствовал какой-либо подъемный материал. Все высказывания по поводу Сурени основывались только на внешнем осмотре, т. е. на технике кладки боевых стен.

При таких условиях для определения хронологии Суреньского укрепления необходимо было произвести сначала хотя бы разведочные раскопки путем закладки шурфов с целью выявления стратиграфии памятника и получения археологического материала, связанного со слоями. Такая работа и была проведена летом 1966 г. экспедицией Гос. исторического му-

¹⁰ А. Л. Яковсон. Указ. соч., стр. 92—101, рис. 20, 21, 29, 32, 33.

¹¹ G. T. Rivoira. Roman architecture. Oxford, 1925, p. 14 sq.; H. C. Butler. Architecture and other arts (part II of the publications of an American archaeological expedition to Syria in 1899—1900). New York, 1903, p. 120, 124, 258, 297, 371 sq.

зая ¹². Шурфы (2×2 м) закладывались сообразно с конфигурацией выступающих наружу оборонительных сооружений и особенностями микро-рельефа памятника. Всего было исследовано 7 шурфов; кроме того, 3 шурфа уже существовали к началу работ. Последние являлись ямами, оставленными, очевидно, кладоискателями, которые были на городище незадолго до начала нашей работы. Эти ямы, превращенные нами в шурфы, имеют на плане буквенные обозначения, в отличие от номеров, которыми обозначены шурфы, заложенные экспедицией. Шурфы 1, 3, 5, 7 предназначались для исследования стратиграфии культурных напластований непосредственно боевых стен; шурфы 2, 4 должны были выявить особенности культурного слоя в месте его предполагаемой максимальной мощности, и, наконец, шурф 6 был заложен на западном откосе городища, там, где имеется единственный на городище грот («пещера», по общепринятому в горах Крыма наименованию). Все шурфы расположены в юго-восточной части укрепления, так как к северо-западу городище резко сужается мысом, густо поросшим кустарником и деревьями (рис. 1).

Рассмотрение стратиграфии, выявленной во всех шурфах, позволяет прийти к следующим выводам. Толщина культурного слоя на участках городища, где он не переотлагался, не превышает 60 см. Это участки, расположенные примерно вдоль северо-западной (т. е. продольной) оси плато и на расстоянии порядка 20 м в каждую сторону от оси. Такая же толщина культурного слоя была и непосредственно возле боевой стены, снаружи (шурфы 5, 7) и внутри (шурф 1). Расчетка кладоискательской ямы «Б» выявила такую же толщину слоя, но внутри боевой башни (кладоискательская яма «А») слой несколько мощнее — до 80 см. К северо-востоку и юго-западу от осевого сравнительно горизонтального участка поверхность плато понижалась. Причем к северо-востоку понижение было небольшим, а потому, как это хорошо видно с тыльной стороны восточной куртины, переотложение культурного слоя хотя и имело место, но было в общем незначительным. Эта часть городища обильно поросла кустарником, препятствующим как закладке шурфов, так и наружному осмотру. Для полевой работы здесь необходимы обширные вырубку.

К юго-западу склон городища гораздо круче и культурный слой мощнее, до 130 см и более. Однако большая толщина культурного слоя обусловлена наличием в его верхней части переотложенного пласта, смытого и сползшего сверху. Особенно мощный культурный слой, как показывает шурф 3 и кладоискательская яма «В», возник в нижней части тыльной стороны южной куртины за счет обрушения облицовочных камней и забутовки кладки боевой стены.

Структура культурного слоя на тех участках, где он не переотлагался (шурфы 1, 2, 4, 5, 7, яма «Б»), одинакова. Слой однороден. Он состоит из сравнительно мягкой коричневато-серой земли, насыщенной большим или меньшим количеством необработанного мелкого камня (в центре городища шурфы 2—4), и содержит (в шурфах, примыкающих к стене) обрушившиеся квадраты облицовки. Важным обстоятельством для относительной хронологии культурного слоя является наличие в шурфах, примыкающих к стене (1, 5, 7, яма «Б»), большого количества включений известкового раствора, в более или менее сохранившемся виде или полностью разложившегося. Поскольку эти включения насыщают весь слой до материковой скалы, то очевидно, что культурный слой примыкающих к стене шурфов соответствует времени сооружения стены.

Несколько отлична от описанной структура культурного слоя в шурфе 3 и кладоискательской яме «В». Верхний, переотложенный пласт в них темно-серого, почти черного цвета, толщиной от 80 до 120 см. В этом слое много мелкого буттового камня. Ниже залегает слой, аналогичный встре-

¹² В составе Д. Л. Талиса (руководитель экспедиции) и С. П. Маркеловой.

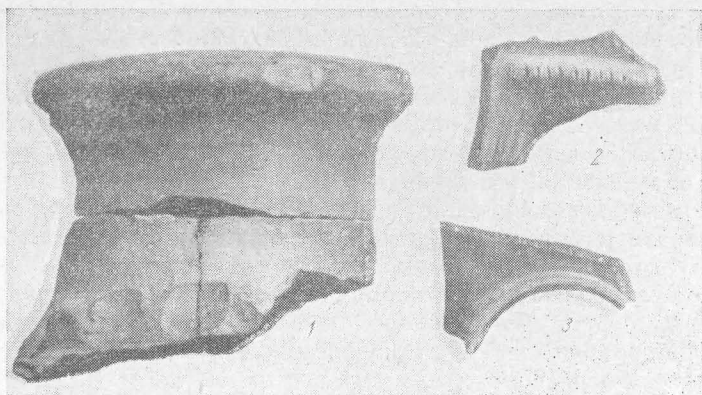

Рис. 2

- 1 — Обломок горла пифоса
- 2 — Обломок венчика сосуда
- 3 — Обломок венчика кувшина, украшенного полосами ангоба

ченному в шурфе 1, яме «Б», толщиной 90 см, насыщенный известковым раствором. Однако в шурфе 3 и яме «В», кроме этого слоя, прослеживается еще желтоватая глиняная прослойка толщиной около 15 см, которой в других местах не было.

Существенным аргументом для датировки укрепления является материал из разведочных шурфов. Весь этот материал состоит, за исключением небольшого количества железных гвоздей, из обломков керамики. Насыщенность керамикой всех шурфов, примыкающих к тыльной стороне, примерно одинакова; шурфов 5 и 7, расположенных снаружи, — меньше, что вполне естественно. Керамика делится на две большие группы: простую и поливную. Начну с простой.

Преобладающая часть изделий найдена в обломках столь незначительного размера, что невозможно судить ни об их назначении, ни о форме. Наряду с ними встречено и значительное количество фрагментов, позволяющих определить назначение, орнаментацию, а также, хотя и реже, форму сосудов, которым они принадлежали. В этом случае можно иногда установить аналогии и тем самым с известной точностью датировать фрагмент.

Обломки дают представление о бытовании пифосов, изготовленных из хорошо обожженной красной глины, со сравнительно тонкими стенками (ок. 1,5 см), с незначительно отогнутым валикообразным венчиком. Ниже венчика вокруг горла шел наклепной поясик с круглыми пальцевыми вдавлениями (медальонами). Такая декорировка стенок, равно как и форма венчика, находит ближайšie аналогии в пифосах из Херсонеса, датированных временем не ранее XII в.¹³ (рис. 2, 1).

Следующую, хорошо датруемую категорию находок составляют обломки тонкостенных красноглиняных кувшинов с прямым венчиком и плоскими ручками, от 2,5 до 7 см шириной. Стенки и ручки этих кувшинов украшены полосами, отрезками, пятнами в виде запятых, выполненных белым ангобом (рис. 2, 3; 3, 1, 2). Кувшины такой же формы и тождественной орнаментации наиболее отчетливо представлены в материалах раскопок Мангупа, в позднем слое, датруемом, скорее всего, XIV—XV вв.¹⁴

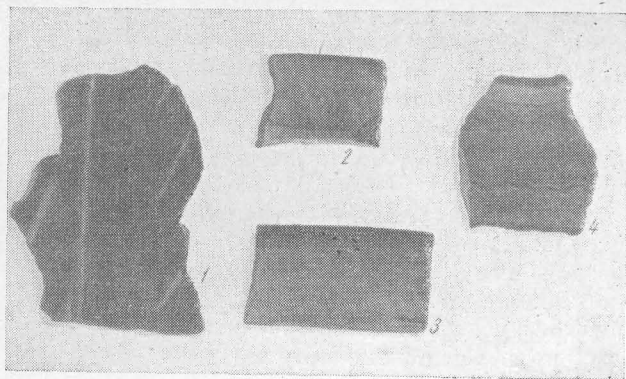
Менее определенно датируются обломки горшков довольно плохого обжига, небрежно приготовленного теста, украшенных по плечу одинарной врезной волнистой линией (рис. 3, 3). Такая орнаментация широко распространена на горшках, найденных при раскопках Баклинского городища, в позднем слое, не ранее XIII в., встречена на Мангупском и

¹³ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). М.—Л., 1950 (МИА, № 17), стр. 108, рис. 64, 65.

¹⁴ А. Л. Якобсон. Дворец. — В кн.: МИА, № 34, стр. 397, рис. 9.

Рис. 3

- 1 — Обломок стенки кувшина, украшенного полосами ангоба
- 2, 4 — Обломки ручек кувшинов, украшенных полосами ангоба
- 3 — Обломок лепного горшка, украшенного одинарной волнистой линией

Эскикерменском городищах, также в сопровождении позднего материала. Однако такого же рода орнаментация встречена и на сосудах VIII—IX вв. из Баклы, Кыз-Кермена, Херсонеса. Поэтому в данном случае эти фрагменты можно лишь датировать суммарно — временем VIII—XIII вв., но предпочтительной датой будет все-таки поздняя, на основании сопровождающего материала, прежде всего поливной керамики (о которой ниже).

Среди керамических находок наиболее интересны еще следующие: верхняя часть кувшина с прямым венчиком и вертикальным, треугольным в сечении налепом, украшенном насечками (рис. 2, 2); обломки прямых венчиков, орнаментированных снаружи врезными поясками, фрагмент плоской черепицы с коричневым черепком из тщательно изготовленного, почти без примесей теста. Судя по баклинской аналогии, эту черепицу нужно датировать временем после IX в.¹⁵

Но наибольший интерес среди неполивной керамики Сюреньского городища представляет кувшин, найденный в обломках в шурфе 4 и целиком восстановленный (рис. 4, а, б). Тем самым впервые получена возможность выявить форму этой категории сюреньской керамики, а следовательно, с большей уверенностью судить о культурной принадлежности и хронологии городища. Кувшин, изготовленный из хорошо отмученной глины, давшей при обжиге светло-коричневый черепок, сформован на ножном гончарном круге. Венчик прямой, высокий, украшенный тремя врезными линиями; в месте соединения с округлыми боками — налепной поясok, украшенный насечками. К этому же пояску примыкает изогнутая ручка. Ниже налепного пояска — две зоны мелкого рифления, между которыми — широкая волнистая линия. По своим очертаниям и орнаментике кувшин ближе всего к кувшинам, встреченным в Херсонесе. Это утверждение, правда, нуждается в оговорке.

Позднесредневековая керамика Херсонеса издавалась мало; особенно плохо изданы образцы неполивных изделий, если они не сохранились в целом виде. Между тем эти фрагменты дают зачастую представление о таких формах сосудов и орнаментальных мотивов, которые целыми сосудами не отражены. В фондах Гос. Херсонесского музея и отчасти Гос. исторического музея имеются гораздо более близкие аналогии сюреньским кувшинам, чем те, которые можно указать в публикациях. Имея в виду, однако, сделать наше изложение возможно более доказательным, мы будем в основном ссылаться на опубликованные материалы, которые можно привлечь в качестве аналогии, и в меньшей степени — на хранящиеся в фондах.

¹⁵ О баклинских черепицах см. подробнее: Д. Л. Галис. Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища. — СА, 1968, № 2, стр. 184—195.

Среди херсонесских кувшинов выделяется группа сосудов, имеющих сравнительно широкое тулово с округлыми боками и высокое стройное горло. По своим пропорциям они близки к ойнохоям предшествующего времени и генетически восходят, несомненно, к ним. Зачастую это кувшины, украшенные по верхней части тулова, ниже горла, зонами мелкого рифления, между которыми находятся одинарные или многорядные волнистые линии¹⁶. Таким образом, орнамент и его расположение на сосудах совпадают на указанной группе херсонесских кувшинов и сюреньском сосуде. Что касается налечного пояса с насечками, то этот прием также встречается в херсонесской керамике начиная с XI—XII вв., хотя в публикациях он почти не отражен¹⁷. Относительно много фрагментов с различного рода насечками, пунктирными линиями, гребенчатым волнистым узором было найдено при раскопках 1947 г. Среди сосудов, украшенных названным узором, встречаются не только отмеченные ранее кувшины с высоким горлом, но и узкогорлые кувшинчики, сосуды типа чайников, горшки и т. д. Но наиболее близка к сюреньскому именно первая группа. Правда, горло описываемого кувшина относительно невысокое, но высота горла и херсонесских сосудов сильно варьировалась. Однако сюреньский кувшин отличается от последних способом прикрепления ручки — к месту стыка горла и тулова, в то время как у херсонесских сосудов ручки крепились прямо к венчику. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что ручка сюреньского кувшина имеет перегиб выше уровня прикрепления ее к горлу, а это является характерной особенностью позднесредневековой херсонесской керамики: все ручки кувшинов и горшков, прикреплявшиеся к венчику, имели перегиб выше уровня прикрепления¹⁸. Вместе с тем ручки красноглиняных поливных кувшинов, в частности обычных для Херсонеса форм, прикреплялись к горлу зачастую именно таким способом¹⁹.

Таким образом, можно полагать, что изготовитель сюреньского кувшина использовал форму и орнаменту херсонесской поливной и неполливной керамики, но был ли изготовлен описываемый кувшин в самом Херсонесе или где-то в Горной Таврике, лишь под влиянием херсонесской керамики, — сказать с определенностью пока нельзя. Однако дело здесь не столько в технической трудности определения производственного центра, сколько в принципиальной стороне. А она заключается в том, что большая часть орнаментальных мотивов позднесредневековой херсонесской неполливной керамики генетически восходит к орнаментации VIII—X вв., которая стала распространяться в Херсонесе в связи с приходом нового населения из херсонесской периферии, включая, конечно, и Горную Таврику. Эта орнаментация ближайшим образом была связана с мотивами украшений керамики, известной нам из Восточного Крыма, Приазовья, Подонья, прежде всего Саркела²⁰. Поэтому не исключена возможность, что орнаментация сюреньского кувшина связана не столько с херсонесской керамикой непосредственно, сколько с одним из типов керамики, вообще распространенным в Юго-Западном Крыму или на еще

¹⁶ А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес, стр. 110, рис. 67, 6, 7, 8, 9; Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Яковсон. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.). — В кн.: МИА, № 34, стр. 217, рис. 66, б.

¹⁷ Могу указать лишь: Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Яковсон. Указ. соч., стр. 224, рис. 76. Налечные валики, катыши, украшенные всякого рода вдавленными, зацепами, насечками, известны на крупных сосудах-пифосах, амфорах, амфорах-кувшинах.

¹⁸ А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес, стр. 110, рис. 67, 1—9; стр. 111, рис. 68, 2, 4, 5, 6; рис. 70, 1.

¹⁹ Там же, стр. 113, рис. 76, 77.

²⁰ См. подробнее: Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. — ВВ, XVIII, 1962, стр. 67.

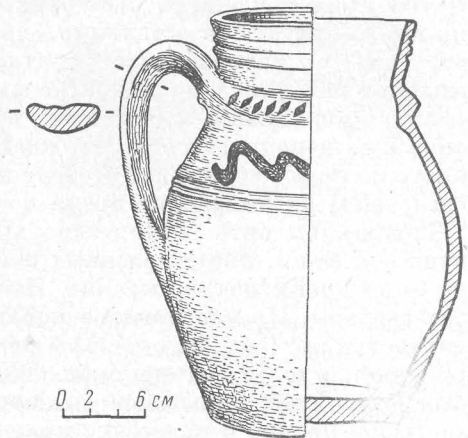
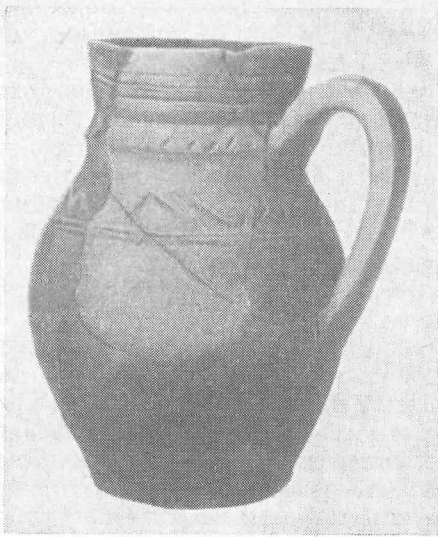

Рис. 4. Кувшин
Фотография (а) и чертеж (б)

более обширных территориях в рассматриваемое время. Категорически настаивать на этом предположении, пока мало материала, так же трудно, как и на первом, но следует указать, что налепной поясик с насечками у основания прямого венчика известен на Мангупском городище²¹, из раскопок Баклы. Здесь же встречены и различного рода волнистые узоры. Нужно, впрочем, подчеркнуть, что среди целых сосудов из Баклинского городища, а их уже много, аналогий сюреньским нет. Встречались ли при раскопках Мангупа и Эски-Кермена кувшины, имевшие сходную орнаментацию и аналогичные нашему формы, сказать пока трудно: слишком мало имеется целых или восстановленных сосудов.

Что касается хронологии, то уже сам круг имеющихся и привлеченных аналогий формы и орнаментики дает вполне определенную (по крайней мере, что касается *terminus ante quem non*) дату — не ранее X в. На городищах, откуда мы привлекали аналогии (в Мангупе, Эски-Кермене, Бакле, Херсонесе), они встречались в слое вместе с материалом XIII—XIV вв. Поэтому, оставляя пока в стороне вопрос о наиболее поздней дате бытования сюреньского кувшина, мы можем быть уверены, что кувшин был произведен не ранее X в. и мог бытовать вплоть до XIV в. Для определения наиболее поздней даты сосуда, а вместе с тем и всего городища, наибольшее значение имеют найденные вместе с ним, т. е. в шурфе 4, обломки поливной керамики. Поскольку, однако, обнаруженные фрагменты совершенно однотипны с найденными в других шурфах, то вся поливная керамика из разведок будет описана вместе.

Подведем прежде итоги рассмотрения неполивной керамики. Судя по обломкам, среди сосудов преобладали выполненные на гончарном круге, в меньшем числе встречались лепные или изготовленные, возможно, с помощью ручного гончарного круга. Украшались сосуды довольно скупо, орнаментальные приемы однообразны: врезные волнистые и линейные узоры, налепные поясники с насечками, полосы ангоба, контрастирующего по цвету с черепком. Керамический инвентарь представлен кувшинами, горшками, пифосами, амфорами, черепицами. По форме, орнаментике,

²¹ А. Л. Якобсон. Дворец, стр. 402, рис. 15, г, д, е.

технике изготовления ни один из датирующихся обломков не может быть отнесен ко времени ранее X в. Наиболее поздняя дата бытования найденного материала — XIV—XV вв.

Перехожу к описанию поливной керамики. Среди 30 обломков поливных сосудов, найденных в шурфах, только один принадлежал белоглиняному сосуду. Все остальные — красноглиняные. Это обстоятельство сразу же дает возможность ориентироваться в хронологической принадлежности найденной поливной керамики. Известно, что красноглиняная поливная керамика и в Византии, и в Херсонесе, да и на Востоке ранее конца X в. не появляется²². Что касается единственного обломка белоглиняного поливного блюда, то особенности поливы (жидкий раствор, фиштак-овый цвет) указывают на время после XI в.²³

Труднее выявить более узкие хронологические рамки бытования поливных изделий, представленных найденными обломками, так как последние — по преимуществу мелкие. Но все же некоторые наблюдения могут быть сделаны. Красноглиняные поливные черепки разделяются на неорнаментированные (большая часть) и орнаментированные. Для орнаментации применяется только один прием: техника граффито. Два обломка принадлежат, вероятно, привозным византийским сосудам: их отличает густая блестящая полива и нанесение поливы на простой геометрический узор, выполненный путем удаления ангоба широкой лопаточкой. Об этом же свидетельствует и предполагаемая форма сосудов — блюдо с высокими вертикальными бортиками²⁴ (рис. 5, 1, 3). Такой тип поливных сосудов бытует, по меньшей мере, до XIV—XV вв. Интересны также обломки блюда с прочерченными по краю волнистыми линиями. Этот узор хорошо известен из раскопок Тмутаракани, Феодосии, Чуфут-Кале²⁵. Орнаментация, цвет и качество поливы указывают на местное, крымское происхождение сосудов, изготовленных едва ли ранее XII в. Местного же происхождения и обломок поливного сосуда, украшенный снаружи рельефным пояском и покрытый светло-зеленой поливой (рис. 5, 2, 4, 5).

О неорнаментированных обломках поливных сосудов, кроме даты — не ранее XI в., — сказать что-либо трудно. Скорее всего, они принадлежали керамике местного производства, судя по составу и цвету поливы. Среди этих обломков особенно интересен фрагмент небольшой чашки, покрытой с внешней стороны густой коричневой поливой.

Итак, наиболее ранняя дата обнаруженной поливной керамики — X, скорее — XI в., наиболее поздняя — XIV—XV вв. Таким образом, среди датируемых фрагментов неполивной и поливной керамики, найденной в семи разведочных шурфах на различных участках городища, нет ни одного, который можно было бы отнести ко времени ранее X в. В свете этого нового факта ныне существующая датировка возникновения Сюреньской крепости — VI в. — становится весьма сомнительной.

Конечно, вывод, полученный только на основе разведок, не может считаться окончательным, как, впрочем, никогда не могла считаться окончательной прежняя датировка Сюреньского городища, базирующаяся только на особенностях техники кладки. Исчерпывающим образом этот вопрос могут решить достаточно широкие раскопки. Нужно напомнить,

²² R. Stevenson. The pottery. — In: «The Great Palace of the Byzantine Emperors». London, 1947, p. 57—60; А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес, стр. 167—171.

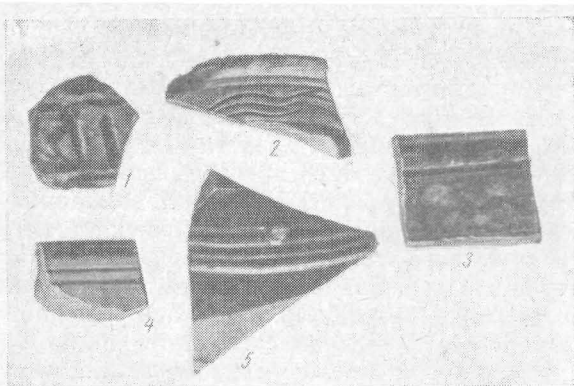
²³ Цвет и структура глины этого обломка аналогичны некоторым белоглиняным поливным сосудам с росписью, найденным в Херсонесе; см. А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес, табл. XXXIV, 4, 5.

²⁴ D. Talbot Rice. Byzantine Glazed Pottery. Oxford, 1930, p. 55, fig. 2, 2; А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес, рис. 75, 1, 3, табл. III, 17.

²⁵ Т. И. Макарова. Поливная керамика Таманского городища. — В сб.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 89, рис. 7.

Рис. 5

- 1, 3 — Обломки привозной (византийской) красноглиняной керамики.
2, 4, 5 — Обломки полевой красноглиняной керамики крымского производства

что хронология, основанная на археологическом материале, надежней хронологии, базирующейся на анализе техники кладки.

Однако не только сам по себе археологический материал, но и стратиграфия городища не согласуются с раннесредневековой датой Сюреньского городища. В самом деле, если оборонительные сооружения были построены в VI в., а археологический материал, представленный массовыми находками, относится ко времени вплоть до XIV—XV вв., значит, городище существовало около тысячи лет. Между тем культурные слои известных в Горном Крыму городищ, существовавших около тысячи лет — Эски-Кермен, Бакла, Каламита, — имеют мощность, исчисляемую несколькими метрами; средняя мощность порядка 1,5 м и на участках, примыкающих к оборонительным стенам, во всяком случае, не менее 1 м. На Сюреньском городище положение совсем иное: с внутренней стороны оборонительных стен, у входа, слой не превышает 50 см, в центре городища — то же самое, и вообще, насколько позволяют судить наблюдения в семи шурфах и трех кладоискательских ямах, везде, где культурный слой залегал изначально и не переотлагался, его толщина не превышает 60 см; большая мощность слоя — только на склонах. Таким образом, допуская непрерывное существование городища с VI по XIV—XV вв., приходится предполагать, что за десять столетий накопился слой толщиной в 50 см. Имея в виду стратиграфическую ситуацию на других городищах Горной Таврики, столь незначительную мощность напластования за тысячу лет следует считать маловероятной, даже если допустить периодические сбросы слоя с плато вниз, в обрыв.

В равной степени трудно предположить, что в существовании городища были перерывы, которыми была обусловлена небольшая мощность слоя. В этом случае образовались бы стерильные разделяющие прослойки, которые хоть где-нибудь можно было бы проследить²⁶. Между тем слой во всех шурфах однородный.

Все это вместе взятое заставляет думать, что оборонительные сооружения Сюреньской крепости были воздвигнуты не в VI в., а после X в. Для дальнейших уточнений датировки материала недостаточно. Пока могут учитываться, но с достаточной осторожностью, некоторые наводящие факты. Как известно²⁷, второй этаж сюреньской башни был оштукатурен и расписан фресковой росписью. В настоящее время от этой росписи почти ничего не осталось, но в 20—30-х годах нашего столетия значительная часть росписи была еще цела. Анализ этой росписи привел Н. И. Реп-

²⁶ Такого рода стерильная прослойка явственно прослеживается в Эски-Кермене; см. Н. И. Репников. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг., стр. 130.

²⁷ Е. В. Веймар и Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 120—122.

никова к заключению, что роспись аналогична эскикерменской и датируется XII—XIII вв.²⁸ По сообщению Н. И. Репникова, в отношении Эски-Кермена той же даты придерживались и И. Э. Грабарь, Г. О. Чириков, Н. П. Сычев²⁹. С некоторым колебанием фрески Сюрени относит к XIII в. новейший их издатель О. И. Домбровский³⁰. Таким образом, поздняя (не ранее XII в.) дата фресковой росписи сюреньских башен у всех исследователей не вызывает сомнений. Поскольку, однако, сооружение самой башни относили к VI в., наличие фресковой росписи на штукатурке второго этажа приходилось объяснять либо тем, что в позднейшую эпоху жизни укрепления в верхнем этаже башни была устроена церковь³¹, либо тем, что второй этаж являлся капеллой (т. е. небольшой молельней)³². Но если предполагать, опираясь на новый археологический материал, что сооружение Сюреньской крепости относится к позднесредневековому времени, то дата фресковой росписи синхронна времени строительства обороты и, следовательно, хронология возникновения сюреньской обороны естественным образом сужается ко времени XII—XIII вв.; так как в свежих осыпях штукатурки видно, что фресковой росписи предшествовал пожар, обваливший стены (которые были вначале тоже оштукатурены)³³, то XII в. будет более вероятной датой.

Вторым фактом, который, возможно, обозначает *terminus post quem* боевой кладки городища, является то обстоятельство, что кладки боевых, а иногда и жилых сооружений Крыма после XII в., в частности кладки генуэзских и турецких построек, отличаются некоторыми существенными особенностями. Основная из них заключается в структурной однородности стены, камни облицовки и забутовки отличаются лишь размерами. В этой технике выстроены крепостные стены генуэзского и турецкого времени в Инкермане, Балаклаве, Феодосии, Алуште³⁴. Между тем камни облицовки и забутовки сюреньской стены отличаются принципиально: первые — обработанные квадраты, вторые — необработанные; кроме того, толщина забутовки по сравнению с общей толщиной стены незначительна. Имея все это в виду, нужно, тем не менее, повторить, что особенности техники кладки сами по себе не могут иметь определяющего значения для датировки. Но в связи с рассмотрением археологического материала и учетом хронологии, на которую указывает фресковая роспись, эти особенности в технике кладки также можно использовать для датировки — возникновение оборонительных стен нужно отнести ко времени не позднее XII—XIII вв. или, более вероятно, не позднее XII в.

В связи с этим сразу же возникает вопрос, с какими событиями можно связать строительство Сюреньской крепости. Имея в виду наличие в архитектуре крепости черт, сближающих ее с византийскими памятниками, можно предвидеть в сооружении Сюреньской крепости указание на повышение византийской активности в Северном Причерноморье, особенно в Таврике, в XII в. Это указание археологического источника теперь уже не является изолированным. Сравнительно недавно был найден письменный источник, говорящий о том же. Речь идет о сообщении Мануила Стравомана, современника императора Алексея I Комнина (1081—1118). В этом сообщении говорится о бедственном положении империи до воца-

²⁸ Е. В. Веймарн и Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 120—122.

²⁹ Н. И. Репников. Эски-Кермен в свете археологических разведок, стр. 149, прим. 1.

³⁰ О. И. Домбровский. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966, стр. 56—57.

³¹ Е. В. Веймарн и Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 121; А. Л. Яковсон. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.—Л., 1964, стр. 25, 26.

³² О. И. Домбровский. Указ. соч., стр. 56—57.

³³ Там же, стр. 57; А. Л. Яковсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 116.

³⁴ А. Л. Яковсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 116.

рения Алексея Комнина и о том, насколько она окрепла и расширилась при этом императоре ³⁵. В частности, речь идет о значительных территориальных приобретениях империи в районе Боспора Киммерийского. Анализируя источник, Г. Г. Литаврин приходит к выводу, что описанные в сочинении Страворомана события относятся к концу царствования Алексея I Комнина. По его мнению, русские владения на Черном море, входившие в пределы Тмутараканского княжества, были потеряны Русью при этом императоре, точнее, во время княжения в Тмутаракани князя Олега Святославича или тотчас после его смерти (1115 г.). Известно, что в 60-х годах XII в., согласно византийским источникам, Боспор уже находился в руках Византии. В русских памятниках этого периода уже нет ни одного упоминания о Тмутараканском княжестве ³⁶. Надо полагать, что усиление активности Византии на Боспоре сопровождалось и активизацией ее военно-политической деятельности на побережье Крыма и в районах, издавна тяготевших к византийским центрам, прежде всего в юго-западной Таврике.

Одним из показателей этой возросшей активности и является сооружение Сюреньского укрепления.

³⁵ Г. Г. Литаврин. Неизвестное свидетельство о Боспоре Киммерийском во время Алексея I Комнина. — «Тезисы докладов на VII Всесоюзной конференции византинистов в Тбилиси 13—18 октября 1965 г.». Тбилиси, 1965, стр. 21, 22.

³⁶ Там же, стр. 22.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

З. В. УДАЛЬЦОВА. СОВЕТСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ ЗА 50 ЛЕТ.

М., «Наука», 1969, 362 стр.

В колоссальной обзорной юбилейной литературе, посвященной 50-летию Советской власти, выделяется труд З. В. Удальцовой. Это не только обзор работ по истории Византии за 50 лет — это монография по истории становления советской византистики. Автор проводит мысль о диалектическом отрицании дореволюционной русской византистики: с одной стороны, отвергаются ряд положений и методология буржуазной науки, с другой — развиваются истинные достижения в трудах русских византистов досоветского периода. В таком аспекте З. В. Удальцова понимает, например, деятельность Ф. И. Успенского, монархическо-позитивистские стороны работ которого она отвергает, отмечая в то же время большое значение его трудов для развития советской византистики. Первый период рисуется автором как агония старого византиноведения, которое не сумело перейти на позиции марксизма-ленинизма.

Второй период, с конца 30-х годов, характеризуется как становление советского византиноведения. Отмечается как крупное событие издание М. В. Левченко первого марксистского курса истории Византии. В византиноведении начинают появляться новые кадры. Восстанавливается изучение русско-византийских отношений, византино-славянских связей, отношений Византии с Западом и Востоком, истории византийского искусства и литературы. Поскольку первоначально фактический материал брался из старых исследований, иногда раздавались обвинения в идеализации старого византиноведения, в которых, по мнению З. В. Удальцовой, содержалось зерно истины.

Рисую яркую картину дальнейшего развития советского византиноведения, З. В. Удальцова приступает к изложению дискуссий по основным проблемам истории Византии; наиболее важной из них являлась проблема перехода от рабовладельческой формации к феодальной. В книге отводится место дискуссиям о роли византийской общины, об иконоборчестве, выступлениям по проблеме развития города (контroversа «континуитет—цезура»), по истории и результатам народных движений в форме цирковых партий, религиозных ересей (в особенности павликиан), крестьянских войн, по проблеме гибели Византии.

Третий период (середина 50-х—1967 гг.) характеризуется З. В. Удальцовой как время полного развития советского византиноведения. На первый план выдвигается кардинальный вопрос о генезисе феодализма в Византии, своеобразии византийского феодализма. Отмечается наличие острых дискуссий по вопросам, затронутым ранее; появляется ряд солидных монографий, выступают на сцену новые кадры талантливых византистов.

Труд З. В. Удальцовой заканчивается ценными предложениями относительно дальнейшего развития византиноведения в СССР.

Несколько слов о моих разногласиях с автором. В первую очередь, я не согласен с тем, что генетический анализ необходимо заменить структурным (стр. 345). Считаю, что следует придерживаться принципа историзма, т. е. для понимания явления нужно смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, «как известное явление возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹. Это основное в истории. Структурный анализ необходим только как выявление специфики отдельных этапов развития.

К недостаткам можно отнести отсутствие раздела об изучении военного дела в Византии (особенно работы В. В. Кучмы). Не могу не отметить некоторую субъективность в оценках отдельных концепций. Например, слишком высока оценка работ А. Д. Дмитриева. Его тезис о союзе народных масс Римской империи с варварами опровергнут на огромном фактическом материале В. Т. Сиротенко и А. П. Дьяконовым (pro domo mea), а его основное положение — *δημο-кварталы, τὰ μέρη-факции* — совсем не мо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 449.

жет быть подтверждено источниками: аттические δῆμοι-кварталы специфичны для Афин, возникших на началах синоикизма, а вовсе не для Византии. Также pro domo mea считаю, что моя концепция исторической основы иконоборчества как борьбы за определенный путь перехода к феодализму передана односторонне — как лишь борьба за церковные сокровища.

Но необходимо отметить, что даже при некоторой субъективности в оценках З. В. Удальцова всегда говорит о спорности вопроса и необходимости дальнейших исследований для окончательного разрешения проблемы.

Труд З. В. Удальцовой является ценным вкладом в советское византиноведение; он на долгое время останется важнейшей настольной книгой для каждого византиниста.

М. Я. Сюзюмов

НОВЫЕ СПРАВОЧНИКИ О РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ СОЧИНЕНИЙ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

1) Repertorium Pseudochrysostomicum, collegit I. A. de Aldama. Paris, 1965 (Documents, études et répertoires publiés par l'Institut de recherche et d'histoire des textes, X).

2) Codices Chrysostomici graeci. I. Codices Britanniae et Hiberniae, descripsit M. Aubineau. Paris, 1968 (Documents, études et répertoires publiés par l'Institut de recherche et d'histoire des textes, XIII).

3) Codices Chrysostomici graeci. II. Codices Germaniae, descripsit R. E. Carter. Paris, 1968 (Documents, études et répertoires publiés par l'Institut de recherche et d'histoire des textes, XIV).

Описания рукописных собраний представляют собой первоначальный этап ознакомления с памятниками средневековой письменности. На этом этапе отдельные тексты не могут быть изучаемы всесторонне, поскольку перед составителем каталога стоит задача описать все собрание, в которое входят самые разнообразные произведения. Современная текстология придает большое значение «необходимости исчерпывающего привлечения сохранившихся списков произведения», так как «изучение текста произведения начинается с отыскания его списков»¹. Однако легко понять, что изучение рукописной традиции сочинений одного автора или изучение текстов по какой-либо определенной теме может быть начато лишь после того, как будет произведен общий учет памятников средневековой письменности. Такой учет византийских памятников можно считать в основном законченным², во всяком случае настолько, что составление тематических каталогов рукописей является своевременным.

Специализированные каталоги, содержащие описания рукописей по какой-либо одной отрасли знания или учитывающие списки произведений разных авторов, печатались и раньше. Существуют каталоги рукописей алхимических³, астрологических⁴, медицинских (по именам авторов)⁵, датированных⁶, агиографических⁷ и т. д.

¹ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII веков. М.—Л., 1962, стр. 94.

² См.: M. Richard. 1) Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. 2-е éd. Paris, 1958; 2) Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. Supplément I (1958—1963). Paris, 1964.

³ Catalogues des manuscrits alchimiques grecs, publiés sous la direction de J. Bidez, F. Cumont, J. L. Heiberg et O. Lagercrantz, t. I—V. Bruxelles, 1924—1932.

⁴ Catalogus codicum astrologorum graecorum, I—XII. Bruxellis, 1898—1952.

⁵ H. Diels. Die Handschriften der antiken Aerzte. I. Teil. Hippokrates und Galenos. II. Teil. Die übrigen griechischen Aerzte ausser Hippokrates und Galenos. — «Abhandlungen der Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse», Jahre 1905, Abh. III, S. 1—158; Jahre 1906, Abh. I, S. I—XXIII, 1—115 (отдельно — Berlin, 1906).

⁶ K. Lake and S. Lake. Monumenta palaeographica vetera. First series. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the year 1200, I—X, Indices. Boston, 1934—1945; Архим. Амфилохий. Палеографическое описание греческих рукописей определенных лет с IX по XVII в., I—IV. М., 1879—1880; В. Н. Бенешевич. Памятники Синая, II: 46 снимков из греческих синайских рукописей. СПб., 1912; Г. Ф. Церетели и С. И. Соболевский. Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum, I—II. Mosquae, 1911—1913. Эти три русских издания не отмечены среди каталогов датированных рукописей в указанном выше справочнике М. Рипара.

⁷ A. Ehrhard. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche von den Anfängen bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. Erster Teil. Die Überlieferung, I, II, III, III₂—1/2. Lieferung. Leipzig, 1936—1952 (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, Bd. 50—52); C. Van de Vorst et H. Delehay. Catalogus codicum hagiographicorum graecorum Germa-

Перечни рукописей, содержащих сочинения отдельных авторов, обычно помещаются в археографических введениях к изданиям этих сочинений, но существуют и специальные каталоги такого рода⁸.

Codices Chrysostomici Graeci — серийное издание, в котором должны быть описаны все списки произведений Иоанна Златоуста по месту их хранения. Каждый том посвящен хранилищам какой-либо одной страны. В первом томе заключаются сведения о коллекциях Великобритании и Ирландии, во втором — о германских коллекциях; внутри каждого тома рукописи расположены по хранилищам.

В предисловии к первому выпуску (автор его — известный французский эллинист Марсель Рипар⁹) говорится о задачах и принципах отбора и описания материала. Учитываются рукописи, содержащие одно или несколько сочинений Иоанна Златоуста или анонимные произведения, которые обычно встречаются под его именем; также учитываются фрагменты, существующие самостоятельно, — отрывки рукописей, защитные листы. Не принимаются во внимание фрагменты в составе катен, флорилегиев и т. п. сборников; равным образом исключены папирусы, рукописи XVIII—XIX вв.¹⁰, литургии и молитвы в евхологиях, приписываемые Златоусту.

В описаниях, в соответствии с задачами рецензируемого справочника, особенно тщательно раскрывается содержание кодексов; что касается палеографического описания, то оно сведено к минимуму. Не раскрывается также полностью состав сборников, содержащих отдельные беседы Златоуста. Против этого правила можно было бы возразить, так как тогда ускользают сведения о «конвое», сопровождающем ту или иную беседу¹¹. Однако выяснить состав сборника и его палеографические особенности не представляется затруднительным, поскольку для каждой описываемой в издании рукописи дается подробная библиография.

При определении текстов используются основные издания сочинений Златоуста, а именно: 1) Sancti *Johannis Chrysostomi opera*, ed. J.-P. Migne. Paris, 1858—1862 (PG, t. 47—64) и *Johannis Chrysostomi opera omnia*, ed. H. Savile, t. I—VIII. Eton, 1612.

В конце каждого тома помещены указатели бесед Златоуста и начальных слов его сочинений (initia), значительно облегчающие розыски отдельных текстов.

* * *

Составленный Альдама указатель подложных сочинений Иоанна Златоуста отличается от предыдущего серийного издания своими задачами и использованным материалом.

Задачей Repertorium Pseudochrysostomicum, как показывает само название, является перечень всех сочинений, надписанных именем Иоанна Златоуста, но ему не принадлежащих. Справочник этот составлен на основе печатных изданий, рукописи привлечены лишь в незначительной мере. Сочинения, приписываемые отцам церкви или каким-либо иным выдающимся писателям, широко распространены в средневековой письменности. Чаще всего причиной появления таких подложных сочинений было желание автора или переписчика придать больший вес, большую значимость данному тексту и, следовательно, заключающимся в этом тексте положениям¹².

Однако в ряде случаев неверное надписание беседы, поучения и т. п. именем какого-либо автора могло возникнуть и вследствие ошибки — средневековые писцы избегали повторения одного и того же имени в заголовках, заменяя имя словами «его же», «того же» (греч. «*сὸς αὐτοῦ*»). В рукописях встречаются сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита, Псевдо-Ефрема Сирина, Псевдо-Менандра и других авторов, но наиболее распространены подложные тексты, имеющие в заголовке имя Иоанна Златоуста.

Едва ли будет преувеличением сказать, что творения Иоанна Златоуста встречаются в византийской письменности чаще, чем произведения любого другого писателя. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о важности указателя псевдозлатоустовских текстов, с помощью которого при занятиях византийской письменностью стало возможным их точное определение, в отличие от текстов, действительно принадлежавших Златоусту. Однако значение книги Альдама не ограничивается этим.

niae, Belgii, Angliae. Bruxellis, 1913 (Subsidia hagiographica, XIII); Bibliotheca hagiographica graeca. 3-me éd., par F. Halkin, I—III. Bruxelles, 1957 (Subsidia hagiographica, N 8a); F. Halkin. Auctarium Bibliothecae hagiographicae graecae. Bruxelles, 1969 (Subsidia hagiographica, N 47).

⁸ См., например, следующие издания: *Philonis Alexandrini opera quae supersunt*, ed. L. Cohn, I. Berolini, 1896, pp. I—LXXXIX; W. A. Oldfather. Contributions towards a bibliography of Epictetus. Urbana, University of Illinois Press, 1952.

⁹ Мне приятно поблагодарить моего уважаемого коллегу за присылку этих важных справочников.

¹⁰ Рукописи XVIII и XIX вв. учитываются в тех случаях, когда они являются списками с утерянных или погибших средневековых кодексов, как, например, копии, сделанные Монфоконом с рукописей Туринской библиотеки, которая сгорела в 1904 г.

¹¹ Д. С. Лихачев. Указ. соч., глава VI.

¹² Там же, гл. VII.

Интерес к творениям выдающегося христианского писателя и замечательного проповедника был велик повсюду, не только в Византии, но и в других странах; по этому уже в раннем средневековье появились переводы Иоанна Златоуста на другие языки — латинский, сирийский, грузинский и т. д. Я остановлюсь здесь подробнее только на славяно-русских переводах.

«Начало славянских переводов из творений Иоанна Златоуста относится к самой древней поре славянской письменности», — пишет в одной из своих книг выдающийся знаток древнерусской письменности А. С. Архангельский¹³. Произведения интересующего нас автора особенно широко были распространены в разнообразных сборниках (*Ἀνδριάντης* — в славяно-русской письменности «Андриянтис», «Адриантис» и т. п.; *Μαργαρίται* — Маргариты, Златоструи, Измаратды, сборники без названия и пр.), где эти произведения помещались как целиком, так и в извлечениях. Во всех этих сборниках очень рано, наряду с переводами бесед Златоуста, появлялись сочинения славяно-русских авторов. Поэтому для установления полного репертуара древней славяно-русской литературы крайне важно выявить псевдо-златоустовские сочинения славяно-русских авторов в отличие от псевдозлатоустовских сочинений, возникших на византийской почве и переведенных славянскими переводчиками. Исследования в этом направлении были начаты русскими археографами уже давно, еще в первой половине XIX в. Ценнейшие сведения о переводах сочинений раннехристианских и византийских писателей в славяно-русской письменности также собраны А. В. Горским и К. И. Невоструевым¹⁴, составителями описания рукописей Соловецкой библиотеки¹⁵, А. С. Архангельским¹⁶, Е. Е. Голубинским¹⁷, В. И. Срезневским¹⁸ и многими другими учеными; библиография трудов русских ученых по вопросам переводной литературы должна быть предметом специальной работы. В настоящее время этой темой больше всего занимается Н. А. Мещерский, исследующий язык переводов.

Однако множество материала, множество сведений все еще остаются невыявленными в рукописных собраниях Советского Союза и других стран.

Здесь уместно отметить, что справочник Альдама подтверждает наблюдения русских археографов о русском происхождении некоторых бесед, приписанных в древних рукописях Златоусту. Так, среди греческих сочинений Псевдо-Златоуста мне не удалось найти беседу в среду второй недели великого поста под названием «Слово св. Иоанна Златоуста о посте и како подобает поститься в среду и в пяток»; по мнению А. В. Горского и К. И. Невоструева, это слово относится «к первым временам христианства на Руси»¹⁹. Не удалось мне найти у Альдама и несколько других бесед²⁰.

Итак, можно сказать, что все три рассматриваемых справочника, посвященных творениям Златоуста, имеют первостепенное значение для исследований рукописной традиции этого автора как на греческой почве, так и в переводах на другие языки.

Остается пожелать, чтобы следующие тома серии *Codices Chrysostomici graeci* выходили в свет регулярно (в том числе и том, посвященный советским собраниям, подготовку которого я намерена начать в скором времени). Что же касается псевдо-златоустовских текстов в славяно-русской письменности, то в этом отношении предстоит большая работа при описании рукописных собраний и, конечно, — интересные находки. Будем надеяться, что со временем появится справочник, посвященный псевдо-златоустовским сочинениям славяно-русского происхождения.

Е. Э. Гранстрем

¹³ А. С. Архангельский. К изучению древнерусской литературы. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888, стр. 56.

¹⁴ Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, I—VI. М., 1855—1917; см., например, замечания о приписанных Иоанну Златоусту беседах древнерусского происхождения: т. II, 3, стр. 85—87, 99.

¹⁵ [И. Я. Порфирьев, А. В. Вадковский и Н. Ф. Красносельцев]. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 1—3. Казань, 1881—1896.

¹⁶ См. прим. 13.

¹⁷ Е. Е. Голубинский. История русской церкви. Т. I, 1-я половина. Изд. 2-е. М., 1901, стр. 728—741, 880—924.

¹⁸ См., например, его работу: «Описание рукописей и книг, собранных для Академии наук в Олонецком крае». СПб., 1913.

¹⁹ Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, т. II, 3, стр. 85—86; см. также: Описание рукописей Соловецкого монастыря, ч. 1, стр. 604; В. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 69.

²⁰ Например, В. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 228, поучение Иоанна Златоуста в понедельник св. недели Пасхи.

А Н Н О Т А Ц И И

REALLEXICON DER BYZANTINISTIK

Mit Unterstützung zahlreicher Fachgenossen herausgegeben von P. Wirth.
Reihe A, Bd. I, N. 1—3. Amsterdam, 1968—1969

Начал выходить Большой лексикон по византиноведению, издаваемый учеником Ф. Дэльгера Петером Виртом в голландском издательстве А. Хаккерта. Авторы рассчитывают на 50 томов, примерно по 10 выпусков в каждом, отлично понимая, что завершение издания потребует труда нескольких поколений. Сейчас, разумеется, не время оценивать работу Вирта и его коллег с точки зрения идеологической или фактографической, но, может быть, именно сейчас, когда предприятие только начинается, стоит обменяться мнениями о принципах подобного издания — ведь вряд ли можно ожидать повторения такой попытки в пределах нашего столетия.

Сто страниц (не колонок!) занимает список сокращений названий журналов, источников и важнейших монографий (стр. 12—112). Подобные списки стали в настоящее время необходимым элементом почти каждой византиноведческой работы, и это обстоятельство заставляет ставить особый вопрос — об унификации сокращений. В самом деле, разве не целесообразно выработать единый и общепринятый список сокращений и предложить руководствоваться им византинистам всех стран? Это не только уменьшило бы расход бумаги и ускорило выпуск книг, но и облегчило бы чтение их, ибо сокращения были бы одинаковыми во всех публикациях и потому легче удерживались бы в памяти.

За списком сокращений следует несколько первых статей — от А (фактически от Abaktistos) до Abendland. Literatur und Sprache, которая обрывается на середине фразы (стб. 1—256). Естественно, всего этого мало, чтобы судить об удаче или неудаче издания, и, повторяю, не такова цель рецензии. Остановлюсь только на двух вопросах: состав статей и принцип их построения.

В кратком предисловии Вирт перечисляет те отрасли византиноведения, которые должны быть представлены в Лексиконе (стр. 1—2); здесь учтено, кажется, почти все, что может быть учтено (история, литературоведение, языкознание, палеография, право и т. д.); особо отмечу, что Вирт — в отличие от Античного лексикона Паули-Виссова — предполагает ввести историографию в качестве особых статей («Lebensschicksale und Oeuvre der um die Erforschung von Byzanz verdienten gelehrten Koryphäen», как он с некоторой торжественностью выражается). Социально-экономические отношения, по-видимому, подразумеваются под словами innere Geschichte, хотя в настоящее время, пожалуй, интерес к этой проблематике настолько возрос, что она заслуживала бы специального выделения — хотя бы на тех же правах, что литургия или метрика. Интересно было бы знать, предусмотрены ли такие статьи, как «Крестьянство», «Феодализм», «Ремесло», «Торговля»? Чего вовсе нет в списке Вирта, — это византийской археологии, что не случайно, ибо в западном византиноведении она и по сей день выступает придатком истории искусства. Остается поэтому неясным, предполагаются ли в Лексиконе статьи типа «Керамика», «Плуг» или «Жилище».

Сам Вирт отмечает, что из тематики Лексикона исключены проблемы византийского искусства, и это справедливо, поскольку уже с 1963 г. в Штутгарте издается Reallexicon der byzantinischen Kunst. Издатель исключает также (или, вернее, оставляет для дополнительных томов) проблемы просопографии, генеалогии и сигиллографии — на том основании, что эта область знаний еще недостаточно разработана. Думается, что просопография — не единственный раздел византиноведения, нуждающийся в дальнейшей разработке: то же можно было бы сказать даже о византийском литературоведении, которое делает самые первые шаги. Без просопографического материала Лексикон, конечно, потерят бы в своем значении. Но, к счастью, принцип этот соблюден далеко не последовательно — Лексикон открывается просопографической статьей Я. Л. ван Дитена о Феофилакте Авактисте¹, отце Романа I Лакапина.

¹ Непонятно, почему ван Дитен пишет Abaktistos вместо традиционного Ἀβακτιστός; см.: А. А. Васильев. Византия и арабы, II. СПб., 1902, стр. 30; H. Grégoire. Notules. — Byz., 8, 1933, p. 573; The Cambridge Medieval History, vol. IV, pt. 1, 1966, p. 137, n. 1.

Уже сказанное выше, как мне кажется, заставляет ставить вопрос о словнике Лексикона. В самом деле, учитывая важность и уникальность этого издания, в котором заинтересованы все византиноведы, не следовало ли провести обсуждение его словника? Несмотря на небольшое количество включенных в первые выпуски статей, кажется, уже можно говорить о кое-каких пропусках. Нет статьи «Аарон» — а в символике византийского красноречия образ этого библейского патриарха играл огромную роль. Нет и статьи «Ааронии», хотя этому знатному роду болгарского происхождения в XI—XII вв. принадлежало важное место в византийской общественной жизни. Нет константинопольского квартала τὸ Ἰερόν, может быть связанного с Аарониями, равно как и квартала τὰ Ἀββαίονα.

По своему характеру статьи очень разнородны. Так, статьи А. Коллауца по исторической географии («Авария», «Авасгия», «Авасгия»²) написаны как специальные исследования с прямыми ссылками на литературу (отмечу, что в этих статьях широко привлекаются труды советских ученых), с citations из источников. Напротив, интересная статья В. Онзоре «Запад и Византия. Императорская власть» — изложение мыслей автора, аргументированных в его специальных статьях и книгах, тогда как справочного материала в ней по сути дела нет³. В связи с этой статьей, кстати сказать, возникает еще один вопрос: в какой мере она будет перекрываться статьями «Императорская власть» или «Германия и Византия»? В ее настоящем виде она включает и характеристику византийской монархии, и существенные элементы истории политических взаимоотношений Византии с империей Оттонов и Штауфенов. Не было ли более целесообразным дать сравнительно небольшую статью «Запад и Византия» и ограничиться в ней постановкой проблемы в целом и ее историографией, а конкретный материал — об императорской власти, церковной музыке, литературе и пр. — изложить в соответствующих статьях?

Разумеется, к изданию такого типа можно предъявлять различные претензии — в зависимости от вкусов. Одно только ясно — оно потребует огромного, самоотверженного труда, а после его завершения работа византинистов во всех областях значительно облегчится. Думаю только, что широкое обсуждение (на этой стадии) словника и принципов издания могло бы принести пользу Вирту и его сотрудникам.

А. К.

MAURICIUS. ARTA MILITARĂ. EDIȚIE CRITICĂ,
TRADUCERE ȘI INTRODUCERE DE H. MIHĂESCU.
București, 1970, p. 421.

«Стратегикон», приписываемый рядом рукописей византийскому императору Маврикию, был издан в первый и последний раз в 1664 г.¹ Прошло более трехсот лет, прежде чем появилось издание румынского филолога Х. Михэеску, которое сопровождается переводом на румынский язык, введением и подробными индексами.

Издатель опирается на пять рукописей. Древнейшая из них, Laur. LV, 4, датируется X в. Несколько к более позднему времени относится Ambros. 139 (B 119 sup.). Единую группу образуют три рукописи примерно XI в.: Neapol. 284, Vatic. 1164 и Paris. 2442, продолжением которой является Barberg. 276 (II, 97). В примечаниях к текстам даны разночтения манускриптов, в примечаниях к переводу — краткий реальный комментарий.

Во введении издатель кратко описывает греческие руководства по военному делу, предшествовавшие «Стратегикону», в том числе и так называемый фрагмент Мюллера, который Михэеску относит к первой половине VI в. (стр. 6) и который, можно было бы добавить, опирался на общий со «Стратегиконом» источник. Он рассматривает спорный вопрос об авторстве «Стратегикона» и приходит к выводу — вопреки титулу древнейшей рукописи, Laur. LV, 4, называемому автором Урвикия, — что поздняя традиция, приписывающая составление трактата Маврикию, должна быть признана основательной (стр. 10). Он кратко характеризует содержание «Стратегикона», основываясь на сведениях этого памятника о славянах (стр. 12), а также описывает использованные рукописи.

Издание Михэеску облегчит использование этого важного источника по истории Византии и соседних народов. Появление румынской книги снова ставит вопрос о необходимости нового русского перевода «Стратегикона».

А. К.

² Возникает, между прочим, вопрос о правомерности дублирования темы в статьях «Авасгия» и «Авасгия», «Авария» и «Авары».

³ Большая библиография к статье (без учета русской литературы!) построена по алфавитному, а не предметному принципу, что крайне неудобно при пользовании.

¹ В 1967 г. это издание было фототипически перепечатано: *Arriani Tactica et Mauricii Ars militaris*. Osnabrück, 1967.

V. VON FALKENHAUSEN.
UNTERSUCHUNGEN ÜBER DIE BYZANTINISCHE
HERRSCHAFT IN SÜDTALIEN VON 9. BIS INS 11. JAHRHUNDERT.
Wiesbaden, 1967, S. XI+210

Локальные исследования в последние годы занимают заметное место в византиноведческой тематике, и это вполне естественно: несмотря на централизаторские тенденции, местные особенности никогда не были начисто стерты в византийских провинциях. Они сохранялись, по всей видимости, особенно устойчиво в окраинных провинциях — на востоке, где армянское население было весьма значительным, в болгарских областях и, конечно, в византийской Италии. Правомочность выделения византийской Италии в качестве особого объекта исследования оправдывается еще и тем обстоятельством, что для этого района существует сравнительно многочисленный документальный материал, с которым сопоставим, пожалуй, лишь архив афонских монастырей.

В. фон Фалькенхаузен рассматривает различные моменты истории византийской Италии. Политическая история, хотя и не является предметом детального анализа, все же излагается, ибо без нее, разумеется, трудно понять те изменения, которые переживала византийская административная система в Южной Италии. Не входя в специальное рассмотрение этих разделов, я хотел бы только отметить, что работа А. А. Васильева «Византия и арабы» (ч. 1 и 2. СПб., 1900—1902) не использована и даже не упомянута, хотя она содержит тщательный анализ внешней политики Византии в Сицилии и Южной Италии.

Проблемы социально-экономической истории Южной Италии почти совсем остались вне поля зрения исследовательницы, и соответственно работы М. Л. Абрамсон на эту тему ей, по-видимому, неизвестны¹. Лишь в небольшой главе останавливается Фалькенхаузен на структуре южноитальянского города (стр. 132—146). И как раз в этой главе она поднимает ряд важных для византиниста вопросов, хотя их решение не всегда бесспорно.

Фалькенхаузен начинает с терминологии города, показывает, что в Италии X—XI вв. официальным наименованием города стало *кастрон*, и предполагает, что и в остальных частях Византии только Константинополь и большие города именовались полисами, тогда как основная масса городов определялась в деловых документах только как *кастроны* (стр. 132 и сл.). Это интересное наблюдение нуждается в уточнении, так как термин «кастрон» отнюдь не имел столь строгого значения, как это представляется немецкой исследовательнице: Солунь, которую называли полисом², в других случаях считали *кастроном*³. Напротив, термин «кастрон» мог прилагаться и к сельскому поселению: село Петрич названо «кастрон, или деревня»⁴; в селе Стенимах имелось два *кастроны*⁵; по-видимому, не был городом и *кастрон* Аэнос, пожалованный вместе с деревней Чехова монастырю Спасительницы мира⁶. И документы из Италии норманского времени, как отметила сама Фалькенхаузен (стр. 134), употребляли термины «кастрон» и «полис» в качестве синонимов.

Исследовательница останавливается на методах основания городов. Здесь особенно интересен материал, подчеркнутый из хроники Трес Табегнае, где говорится об основании Канцаро: оказывается, стратиг должен был предложить императору на выбор три места для построения нового города, а окончательное решение принимала далекая от Италии столичная канцелярия (стр. 135 и сл.). В параграфе о внешнем облике города обращают на себя внимание два наблюдения: редкие упоминания бань (за исключением Неаполя) и отсутствие ипподромов (стр. 139 и сл.).

Особенно существен, на мой взгляд, параграф о социальной структуре южноитальянского города (стр. 140—143): По мысли Фалькенхаузен, греческие источники

¹ См., например; М. Л. Абрамсон. О состоянии производительных сил в сельском хозяйстве Южной Италии (X—XIII вв.). Земледелие. — СВ, 28, 1965, стр. 18—37; *ее же*. Вотчина в Южной Италии IX—XI вв. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 137—173; *ее же*. О роли арендных отношений в социально-экономическом развитии Южной Италии (IX—XI вв.). — «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959, стр. 3—46; *ее же*. Крестьянство в византийских областях Южной Италии. — ВВ, VII, 1953, стр. 161—193.

² G. Rouillard, P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937, № 1. 4 (897 г.).

³ А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеке православного Востока, т. I. Киев, 1895, стр. 698.29.

⁴ S. Kauchtschischvili. Typicon Gregorii Pacuriani. Thbilisi, 1963, p. 24.10.

⁵ Ibid., p. 24.20—22.

⁶ L. Petit. Typicon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos. — ИРАИК, 13, 1908, стр. 52. 29—30. О классификации поселений в Византии см. также А. Carile. Partitio terrarum Imperie Romaniae. — «Studi Veneziani», 7, 1965, p. 227. О дискуссии относительно терминологии болгарского города XII—XIV вв. см. теперь: Л. В. Горина. Некоторые вопросы терминологии средневекового болгарского города. — «Советское славяноведение». Минск, 1969, стр. 580—585, где даны ссылки на более ранние работы С. Лишева и П. Коледарова.

разделяли южноитальянское население на архонтов, священников и народ, тогда как латинские документы сохраняли лангобардский принцип социальной стратификации: *maiores, mediani, minores*. Если это наблюдение верно, оно ставит перед исследователями большую проблему. Дело в том, что византийские авторы лишь крайне редко применяли типичную для Запада трехчленную формулу: знать — духовенство — народ⁷, тогда как разделение на «больших» и «малых» (с включением иногда «средних») было здесь типичным. По-видимому, совпадение последнего принципа с лангобардским либо случайно, либо объясняется римским влиянием на лангобардское право; выделение же в составе южноитальянского населения знати, духовенства и народа в какой-то мере является уступкой западным социальным принципам.

Фалькенхаузен отмечает также наличие незначительной прослойки рабов в Южной Италии. Для характеристики их положения она использует известное завещание XI в. из Стило, которое было предметом моей заметки⁸, но эта работа, как и другие написанные по-русски исследования, осталась ей неизвестной.

Основная часть рецензируемой книги посвящена административному устройству византийской Италии. Сюда, помимо очерка истории административного деления (стр. 3—73), характеристики провинциального управления (стр. 103—131) и церковной администрации (стр. 147—157), относятся список наместников южноитальянских провинций (стр. 74—102) и регесты оставленных ими актов (стр. 161—191).

Развитие административной системы Южной Италии представляется в следующем виде. В середине VIII—IX в. существовала фема Сицилия, к которой примыкали дукаты Калабрия и Идрунт (Отранто). Существование последнего засвидетельствовано лишь печатью Иоанна, дуки Идрунта⁹, которую Фалькенхаузен относит не к концу IX в., как издатель печати В. Лоран, а к середине VIII в. (стр. 7 и сл.). Что же касается дуката Неаполя и княжества Беневент, то они были самостоятельными, хотя и вассальными от империи государствами. Византийское наступление в Южной Италии приводит к образованию новой фемы — Лангобардия (Лонгивардия) около 891/2 г. (стр. 23)¹⁰. Фалькенхаузен принимает гипотезу Н. Икономидиса о том, что Лангобардия была первоначально турмой фемы Кефалония, а затем выделилась из состава этой фемы¹¹.

После потери византийцами Сицилии образовалась (между 938 и 956 г.) фема Калабрия — на месте прежнего дуката (стр. 28). Около 969 г. возник катепанат Италии; он был задуман в связи с грандиозными завоевательными планами Никифора II, но практически ограничился территорией фемы Лангобардия. Что же касается Калабрии, то она сохранила самостоятельность (стр. 48—50; ср. стр. 63, 104). Любопытное сочетание катепаната Италии с независимой от него фемой Калабрия может в какой-то мере пролить свет на спорный вопрос об административном устройстве болгарских областей в XI в., где мы также встречаем административные единицы разных категорий (катепанаты, фемы и т. д.).

Весьма плодотворной кажется мне трактовка вопроса о возникновении дуката Италии около 1051 г. (стр. 58—61). Фалькенхаузен пересматривает традиционные оценки деятельности Маниака и Константина IX и показывает, что пребывание Маниака в Италии не только не принесло успехов, но и вызвало недовольство местного населения, тогда как Константин IX осуществлял реалистическую политику и добился поддержки барийской знати в лице Аргира, сына Мелита.

Привлечение нового источника — жалованной грамоты Евстафия Скепида от 1042 г. — позволило исследовательнице поставить вопрос о существовании фемы Лукания, возникновение которой Фалькенхаузен относит примерно к 1035 г. (стр. 65—68). А. Гийу, статью которого Фалькенхаузен уже не успела использовать, датировал возникновение фемы Лукания примерно 975 г.¹²

При характеристике провинциального управления исследовательница также делает ряд важных наблюдений, например о краткосрочности пребывания наместников на их посту (стр. 104) или о том, что наместники (стр. 108) и финансовые чиновники (стр. 131) — в отличие от судей — назначались обычно не из местного населения. Она

⁷ См. А. П. Каждан. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 62.

⁸ А. П. Каждан. Об одной южноитальянской грамоте XI в. — СВ, XVII, 1960, стр. 319 и сл.

⁹ V. Laurent. Les sceaux byzantins du médaillier Vatican. Città del Vaticano, 1962, № 108.

¹⁰ В связи с успехами Василия I в Южной Италии Фалькенхаузен упоминает недавно изданную Ф. Бабудри надпись из Бари, которую она связывает со строительной деятельностью императора Василия (стр. 24, прим. 173). Атрибуция этой надписи Василию I была поставлена под сомнение Э. Фольери в аннотации на издание Бабудри (BS, 24, 1963, p. 364). См. о ней теперь А. Guillou. Studies on Byzantine Italy. London, 1970, N VIII, p. 1—22.

¹¹ N. Oikonomides. Constantin VII Porphyrogénète et les thèmes de Céphalonie et de Longobardie. — REB, 23, 1965, p. 122 sq.

¹² См. А. Guillou. La Lucanie byzantine. — Byz., 35, 1965, p. 133.

убедительно полемизирует с Э. Арвейлер, утверждая, что в X в. *κρίσις θεματικῆς* отнюдь не сосредоточил в своих руках гражданского управления (стр. 115) и наместники выполняли гражданские функции (стр. 105). Зато мне представляется сомнительным утверждение Фалькенхаузен, будто один *κρίσις* соединил в своих руках несколько фем (стр. 114); приводимые ею примеры (Фракия и Македония, Эллада и Пелопоннес) относятся к единым административным комплексам, хотя и носившим двойное название.

Для нашего читателя очень интересно замечание о славянских общинах у Монте Гаргано, управлявшихся собственными жупанами (стр. 129).

Просопографический материал списка наместников Италии несомненно полезен, хотя и допускает кое-где дополнения и поправки. Например, Георгий Карамал был не епархом (стр. 97), а эфором; Василий Кладон (стр. 98), по-видимому, идентичен одноименному стратегу Стримона¹³.

А. К.

НОВЫЕ КНИГИ О КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Еще совсем недавно вышло второе издание книги Р. Жанэна о Константинополе¹, а византийская столица продолжает привлекать внимание исследователей. Наряду с общими — более или менее популярными — трудами² появилось во второй половине 60-х годов и несколько специальных исследований. Отмечу прежде всего любопытную книгу Э. Фенстера³. Предмет исследования автора — восприятие Константинополя в византийской риторике, начиная с Фемистия и кончая плачами о падении города в 1453 г. Конечно, эпитеты, которыми византийские ораторы награждали свою столицу, становились клише, стереотипами («царственный град», «богохранимый град», «око и сердце земли» и пр.), однако история этих стереотипов в какой-то мере отражает историю имперской идеологии. Когда в IV в. Фемистий вводил понятие «царицы-города» и «второго Рима» (наряду с «очагом муз» и «городом красоты»), это было риторическим обоснованием привилегий новой столицы и в том же направлении развивалась мысль церковных деятелей, когда на 2-м Вселенском соборе 381 г. Константинополь был объявлен «новым Римом» (тем же кругом идей руководствовался и Григорий Богослов). В VII в. (у Георгия Писиды) появляется эпитет «богохранимый град», что Фенстер связывает с конкретным событием — спасением Константинополя от аварской осады в 626 г. (стр. 100—104) — и что, на мой взгляд, отражает более общие перемены: проникновение библейской фразеологии в официальную лексику. Песелл вводит новый эпитет «небесный град», и Фенстер понимает его как выражение представления о Константинополе как единственно возможном месте обитания (стр. 136 и сл.). Не менее интересна и критическая позиция по отношению к Константинополю, которая, по мнению Фенстера, присуща Димитрию Кидонису (стр. 228—232).

Совершенно другой характер носит работа Р. Гийана⁴. Это сборник его статей, опубликованных ранее в разных журналах и посвященных различным моментам константинопольской топографии, главным образом X в. Книга разделена на три части: первая посвящена Большому дворцу, вторая — Ипподрому, а третья — отдельным улицам, площадям и строениям. Статьи рассматривают частные моменты топографии Константинополя, и сборник, хотя он и снабжен довольно смелым планом Большого дворца и Ипподрома, отнюдь не претендует на создание целостного представления.

Топография Большого дворца — старая тема, которая в последние годы вновь привлекает ученых⁵. Дело, видимо, в том, что археологические раскопки⁶ позволили

¹³ См. P. Lemerle. *Philippe et la Macédoine orientale*. Paris, 1945, p. 141.

¹ R. Janin. *Constantinople byzantine*. Paris, 1964.

² См., например: D. Talbot Rice. *Constantinople. Goldene Stadt am Bosphoros*. Frankfurt a. M., 1966; M. Maclagan. *The City of Constantinople*. London, 1968; D. A. Miller. *Imperial City*. Chichester, 1969. Сюда можно прибавить и вышедшую несколько раньше книгу: Ph. Sherrard. *Constantinople. Bild einer heiligen Stadt*. Olten, 1963 (английский перевод: Constantinople. *Iconography of a Sacred City*. London, 1965).

³ E. Fenster. *Laudes Constantinopolitanae* («Miscellanea Byzantina Monacensia», H. 9). München, 1968.

⁴ R. Guillard. *Études de topographie de Constantinople byzantine, I—II*. Berlin, Amsterdam, 1969.

⁵ См., в частности, S. Miranda. *Les palais des empereurs byzantin*. Mexico, 1964; *idem*. *Autour du Grand palais des empereurs byzantins*. Mexico, 1968. С. Миранде принадлежит и план, приложенный к книге Гийана и в некоторых частностях расходящийся с текстом книги. Об отдельных частях Большого дворца см.: C. Mango. *The Brazen House. A Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople*. København, 1959; A. Hermann. *Porphyra und Pyramide*. — «Jahrbuch für Antike und Christentum», 7, 1964, а также ряд статей Гийана, не вошедших в сборник (их список см. t. I, p. VIII).

⁶ О раскопках в Стамбуле см. D. Talbot Rice. *The Great Palace of the Byzantine Emperors*. Edinburgh, 1958.

определить с большей или меньшей вероятностью некоторые опорные пункты этого сложного сооружения или, вернее, системы зданий. Однако в настоящее время идентификация археологических материалов (в частности мозаичных полов) с конкретными залами Большого дворца остается весьма дискуссионной (как и датировка найденных остатков)⁷, и реконструкция, предложенная Талботом Райсом, значительно отличается от реконструкции Миранды — не расхождением в деталях, а самим принципом локализации, т. е. признанием объема поддающихся определению зданий: если Миранда локализует все или почти все, то Талбот Райс решается определить местоположение лишь немногих сооружений.

Ипподром в последнее время редко был предметом специального анализа, и, кроме работ Гийана (часть из них не вошла в сборник), этой теме почти ничего не посвящено⁸.

Статьи Гийана, включенные в сборник, помимо сугубо топографических проблем, затрагивают также некоторые моменты истории Византии: убийство Никифора Фоки во дворце Вуколеонт, деятельность партий Ипподрома, организацию зрелищ на Ипподроме⁹.

А. К.

M. F. H E N D Y. COINAGE AND MONEY
IN THE BYZANTINE EMPIRE, 1081—1261
(«Dumbarton Oaks Studies», XII).

Washington, 1969, p. XVIII+453, pl. 51, 2 maps.

Книга кембриджского нумизмата М. Хенди выделяется среди работ, посвященных византийским монетам. Она содержит прежде всего чисто нумизматический материал: описание монет, чеканенных от вступления на престол Алексея I до отвоевания Константинополя Михаилом VIII у латинян (выбор такого — несколько неожиданного — хронологического отрезка определяется, как мы увидим ниже, концепцией автора). К этому описанию примыкают опять-таки чисто нумизматические комментарии и приложения. Сюда относится обширный список кладов XII—XIII вв. (стр. 325—408), отличающийся, правда, известной субъективностью: это клады из Болгарии, а также из некоторых других мест, лично обследованные автором (часть из них публикуется впервые). Сюда относятся также разделы, посвященные атрибуции монет: например, Хенди относит шесть монетных серий, которые обычно рассматривались как продукция провинциальных монетных дворов XI—XII вв., к константинопольской и солунской чеканке Латинской империи (стр. 199—209), считая их латинской имитацией византийских типов; он атрибуирует Иоанну III Ватаку монеты, которые В. Рос определил как чеканенные Иоанном II Комнином¹, а Алексею I — милиарсий, который прежде атрибуировался Алексею III (стр. 41 и сл.). Сюда относятся попытки локализации чеканки некоторых монетных серий: так, Хенди причисляет к столичным золотые монеты Алексея I, которые Меткалф определял как никейские (стр. 91) и коринфские (стр. 92 и сл.), и считает солунской продукцией перперы Алексея I, изготовление которых Меткалф связывал с Трапезундом (стр. 93 и сл.). По мнению Хенди, монеты Феодора I Ласкаря чеканились не только в Никее, но и в Магнезии на Меандре (стр. 231—234).

Особенно существенны опыты классификации монеты конца XI—XII вв. В чеканке Алексея I довольно четко отделяются традиционные, близкие к выпущенным при Никифоре III трахеи, тетартероны, милиарсии и фоллы от выпусков нового типа, включающих золотой перпер, вогнутые монеты (скифаты) из электра и биллона и медные тетартероны (стр. 39). Более тонких наблюдений потребовала классификация чеканки Иоанна II, Мануила I, Андроника I, Исаака II и Алексея III. Здесь Хенди опирается на иконографические различия в изображении императорской одежды: так, на основе болгарских кладов он выделяет два типа биллоновой чеканки (белые трахеи) Иоанна II и четыре типа — Мануила I (стр. 158)²; внутри этих типов ему удается

⁷ См., например: *D. Talbot Rice. On the Date of the Mosaic Floors of the Great Palace at Constantinople.* — «Χαριστήριον εις 'Α. Κ. 'Ορλάνδου», t. 1. Athenai, 1965.

⁸ См. еще: *R. Naumann, H. Belting. Die Euphemiakirche am Hippodrom zu Istanbul und ihre Fresken.* Berlin, 1966.

⁹ Помимо опубликованных в сборнике или указанных в предисловии статей, см.: *R. Guillard. Études sur l'Hippodrome de Byzance. IX. Les [Factions au Xe siècle: leur organisation.* — BS, 30, 1969.

¹ В этом вопросе Хенди опирается на работу Д. Меткалфа: *D. M. Metcalf. John Vatatzes and John Comnenus: Questions of Style and Detail in Byzantine Numismatics.* — «Greek, Roman and Byzantine Studies», 3, 1960, p. 203—214.

² В другом месте (стр. 108 и сл.). Хенди говорит о трех типах биллоновых трахей Иоанна II: два он считает столичными, а один — солунским.

установить подтипы, отличающиеся рядом деталей — например числом драгоценных камней на императорском лоресе или на хламиде (стр. 162—167).

Но Хенди не ограничивается чисто нумизматическими (я бы сказал, формально-типологическими) наблюдениями. В последние годы в византийской нумизматике довольно четко определились два направления: одно из них представлено такими большими знатоками, как Ф. Грирсон и А. Беллинджер, — исследователями, которые сознательно ограничивают себя собственно нумизматическими задачами и скептически относятся к возможности использования нумизматики для решения экономических и политических проблем³. Второе направление связано прежде всего с именем Меткалфа, который как раз и ищет «выхода» от анализа монет в собственно историческую проблематику. Хенди, несмотря на его полемику с Меткалфом по ряду частных вопросов, определенным образом примыкает к этому направлению.

Вернемся снова к проделанной им классификации монет Иоанна II и Мануила I. Если типы чеканки, по Хенди, отражают изменение монеты во времени, то подтипы — это продукция разных *officinae*, монетных дворов (стр. 168 и сл.). Тем самым Хенди приходит к заключению, что при Мануиле I число официн увеличилось с двух до четырех, что отражает увеличение объема чеканки (стр. 170). Напротив, при Андронике I количество монетных дворов уменьшилось — до двух, и это связано, по-видимому, с усилением государственного контроля за чеканкой (стр. 172). Однако в царствование Исаака II имело место возвращение к Мануиловой организации монетного дела — к системе четырех официн (стр. 174).

Сколь ни гипотетичны эти конструкции Хенди, они отражают естественную и необходимую тенденцию современного византиноведения к расширению круга источников для социально-экономической истории империи. Не случайно основная часть книги завершается главой, которая озаглавлена «Чеканка и экономика» (стр. 315—321). Здесь Хенди подводит итог своим наблюдениям и излагает стройную концепцию развития монетной системы в XI—XII вв.

Давно отмечено, что в XI в. Византия переживает монетный кризис, выразившийся в падении ценности и соответственно в ухудшении качества византийской золотой монеты, номисмы (истаминон). Хенди вносит в это представление ряд уточнений. Ухудшение качества монеты не было, по Хенди, длительным и постепенным процессом, но проходило в два этапа: при Михаиле IV и Константине IX ценность номисмы от теоретических 24 каратов дошла до 18 каратов, а после поражения при Манцикерте в 1071 г. резко снизилась до 8 каратов (стр. 6, 317). Далее, падение ценности золотой монеты оказалось, согласно Хенди, временным: составленная им таблица (стр. 10—12) свидетельствует, что на протяжении XII в. византийская золотая монета содержала около 20 каратов. Это восстановление ценности номисмы (теперь именованной обычно перпером) Хенди связывает с реформой Алексея I, которую он датирует 1092 г. (стр. 39—49). Что касается биллоновой монеты, то около 1136 г. белая трахея составляла $\frac{1}{48}$ перпера, а в 1190 г. оценивалась в $\frac{1}{120}$ перпера; это изменение Хенди относит на счет реформы Мануила I (стр. 160). К 1199 г. трахея была доведена до $\frac{1}{184}$ перпера, и опять-таки Хенди видит причину этого в правительственной реформе (стр. 171). И хотя современники негативно оценивали такие реформы (см. стр. 314), на самом деле они вовсе не вели за собой «ухудшения» монеты. Комниновская монета, полагает он, послужила образцом для латинских имитаций и для никейской чеканки XIII в.; и только после 1261 г. начинается неудержимое падение ценности перпера (стр. 320 и сл.). При этом Хенди, ссылаясь на работы Э. Арвейлер, расценивает укрепление монетной системы при Комнинах как одно из звеньев общего экономического подъема империи в конце XI—XII в. (стр. 318 и сл.)⁴.

В монетной системе XII в. наблюдается одно любопытное явление, которому Хенди, на мой взгляд, не уделил должного внимания. Старая византийская система исходила из принципа строгого соответствия золотой, серебряной и медной монеты и ее частей; в XI—XII вв. это соотношение было потеряно, в обращении оказалось большое количество разнообразных монетных типов, официальное соотношение которых между собой не отвечало их реальному соотношению. Результатом этого явилось возникновение понятия «предпочтительной» монеты, т. е. такой, которая ценилась на рынке выше ее официальной оценки. В соответствии с этим в XII в. обычно платежи не только определялись количественно, но при этом обуславливался и тип монеты, в котором они должны совершаться.

³ Возможности использования византийской монеты для политической и экономической истории были скептически оценены Грирсоном в докладе на Оксфордском византиноведческом конгрессе: *Ph. Grierson. Byzantine Coinage as Source Material. — «The Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies»*. London, 1967, p. 317—326.

⁴ См. об этом также: А. П. Каждан. Загадка Комнинов (Опыт историографии). — ВВ, XXV, 1964, стр. 98; ср. также А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 271 и сл. Эту мысль Хенди развивает в специальной статье: М. F. Hendy. Byzantium, 1081—1204: an Economic Reappraisal. — «Transactions of the R. Historical Society», 5th Series, vol. 20, 1970, p. 31—52. Иначе: *Ju. Herrin*.

Подобное явление, которое условно можно было назвать «феодализацией» византийской монеты, наряду с некоторыми особенностями местной чеканки (в Солуни, а возможно, и в Филиппополе при Алексее I чеканили даже золотую монету), в какой-то степени противоречит той картине строгих соотношений разных монетных наименований, которую рисует Хенди (см. особенно стр. 25): не случайно XII столетие оставило нам столь большое количество терминов для разных видов монет (стр. 26—38).

Книга Хенди содержит много интересных частных наблюдений; например, автор выдвигает гипотезу о том, что в обращении монеты нередко поступали в так называемых апокомбиях, т. е. в кошелях, запечатанных специальными чиновниками и содержащих ту или иную сумму денег (стр. 301—314).

А. К.

L.-P. R A Y B A U D. LE GOUVERNEMENT ET L'ADMINISTRATION
CENTRALE DE L'EMPIRE BYZANTIN SOUS LES PREMIERS
PALÉOLOGUES (1258—1354).

Paris, 1968, p. 293.

Административное устройство Византийской империи до последнего времени оставалось одним из белых пятен, которыми вообще богато византиноведение: кроме известной работы Дж. Бури¹, можно было указать лишь на несколько монографий и статей, посвященных отдельным сторонам византийской администрации. В последние годы работы Э. Арвейлер, Р. Гийана, А. Хольвега в какой-то мере заполняют создающуюся лагуну; к ним должна быть присоединена и книга преподавателя юридического факультета в Дакаре Л.-П. Рейбо.

Тема книги — центральный государственный аппарат в Византии на протяжении почти столетнего периода: от воцарения Михаила VIII Палеолога до отречения Иоанна VI Кантакузина. Рейбо начинает со сравнительно хорошо изученной темы — сущности византийской императорской власти, затем рассматривает роль синклита и народных масс в государственном управлении и, наконец, переходит к византийскому чиновничеству; он устанавливает порядок должностей (титулов), характеризует четыре семьи высшей служилой аристократии и исследует государственный аппарат в его деятельности.

Выходя, собственно говоря, за пределы избранной темы, Рейбо в особом разделе ставит вопрос о существовании феодализма в Византии.

Книга основана на большом материале разнообразных источников, которые довольно подробно характеризуются автором; он привлекает некоторые рукописи, в том числе и Псевдо-Кодина, поскольку ему еще не могло быть доступным критическое издание, подготовленное Ж. Верпо (см. аннотацию: ВВ, 30, 1969, стр. 281).

Нет необходимости подчеркивать трудности темы: источники скудны и часто скрывают реальную действительность под традиционной терминологией, предварительные исследования частных вопросов во многих случаях отсутствуют, сопоставление избранной эпохи с предшествующими столетиями практически невозможно из-за отсутствия соответствующих характеристик этих столетий. Вот почему при всей ценности отдельных наблюдений Рейбо его обобщения подчас оказываются спорными и, более того, произвольными.

Начнем с вопроса о византийском феодализме. Этой большой проблеме уделено меньше десятка страниц (стр. 146—154), и вся она сводится к вопросу о пронии. Коль скоро прония не всегда предполагала отбывание военной службы или могла быть в любой момент отнята государем (что само по себе справедливо), коль скоро доход прониара не сопоставим с феодальной рентой (стр. 148, прим. 11) — а это весьма спорно и, во всяком случае, не аргументированно, — Рейбо отвергает тезис о феодализме в Византии. Не говоря о том, что прония — не единственный институт в Византии, близкий к западным институтам (несмотря на всю его специфичность), не говоря о том, что в Византии несомненно существовали те или иные формы частной власти крупных собственников над их «людьми», самое изложение проблемы пронии оставляет желать лучшего: работы советских ученых по этому вопросу не привлекаются, а источники трактуются произвольно. Вот один пример. На стр. 148 Рейбо утверждает, что в византийском словоупотреблении «прония» — это то, что дано на сохранение, и ссылается на фразу Акрополита (имеющего в виду события 1261 г.), что «прония Константина справедливо вернулась в руки императора ромеев». Но у Акрополита ничего подобного нет: ἡ Κωνσταντίνου προνία θεοῦ καὶ αὐτοῦ ἀπὸ χειρὸς τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων ἐγένετο (Acrop., I,

The Collapse of the Byzantine Empire in the XIIth Century: a Study of Medieval Economy. — «University of Birmingham Historical Journal», 12, 1970, p. 188—203.

¹ J. B. Bury. The Imperial Administrative System in the IXth Century. London, 1911. Странным образом этой книги нет в библиографическом списке рецензируемой монографии.

р. 183) — означает, что город Константина по промыслу божьему вновь стал подвластным царю ромеев.

Основная идея первой части книги — усиление конституционной роли патриарха и церкви (стр. 167): Рейбо прослеживает, как патриарх играет все большую роль в коронации государя, как патриарх принимает активное участие в регентском совете, как синклит сростается не только с придворной, но и с духовной иерархией (стр. 127). В этих рассуждениях много верного: действительно, монастырская собственность составляла важный элемент экономики Византии XIII—XIV вв., хотя, вероятно, и не «единственный настоящий», как пишет Рейбо (стр. 109); любопытно наблюдение Рейбо над тем, что патриарх Афанасий II ставит клириков во главе общественной иерархии (стр. 15). Это наблюдение, кстати сказать, стало бы еще более выразительным, если его сопоставить с замечаниями Г.-Г. Бека, подчеркнувшего относительную незначительность социальной роли клира в XI в.² И все-таки некоторые ограничения в концепции Рейбо следует ввести.

Во-первых, весь материал второй части книги противоречит этой концепции. Из нее никак не следует, что духовенство играло сколько-нибудь существенную роль в государственном аппарате. Так, из интересной таблицы на стр. 221 отчетливо видно, сколь незначительной была роль клира в византийской дипломатии: из 18 посольств за рубеж только в трех участвовали духовные лица.

Во-вторых, истолкование фактов в пользу концепции Рейбо подчас имеет несколько натянутый характер. Так, он придает большое значение тому обстоятельству, что античный обычай провозглашать императором, поднимая на щит, имел в XIII—XIV вв. ограниченное значение (стр. 49—51): Рейбо считает, что в этом проявилось усиление религиозного аспекта коронации. Но как раз изучение этой процедуры должно было бы привести к противоположному выводу: поднятие на щит появляется в Византии сравнительно поздно, только к XIII в.³, что свидетельствует скорее о нарастании светских моментов, чем об их ослаблении.

Мне кажется, что Рейбо вообще напрасно старается определить «конституционные» черты византийского самодержавия: при всей своей внешней формализованности, оно было принципиально неконституционным. Императором можно было стать через поднятие на щит, обувание пурпурных сапожек, коронацию, помазание — но ни один из этих обрядов не был обязательным.

Во второй части книги, посвященной чиновничеству, привлекает внимание интерес Рейбо к социальной природе византийской знати. Он, в частности, использует с этой целью просографические материалы, устанавливая своего рода «фамильные биографии» Асеней, Тарханиотов, Хумнов и Торников⁴; показательны в этой связи сопоставление административной карьеры «нового человека» Апокавка с представителями родовитой знати.

Но особенно существенной кажется мне та черта византийской администрации, которую Рейбо отмечает от случая к случаю, хотя и несколько робко: отсутствие четкого разделения функций в государственном аппарате, зависимость этих функций не от должностного, а от личного фактора. Это отмечалось применительно к статусу месадоны, руководителя центральной администрации, которым могли быть чиновники, занимавшие самые разные посты⁵, — Рейбо прослеживает подобную нестабильность в организации различных административных ведомств. Эта административная нестабильность, кстати сказать, хорошо коррелирует с неконституционностью в конструкции византийской монархии.

A. R.

H. H U N G E R. JOHANNES CHORTASMENOS
(CA. 1370—CA. 1436/37). BRIEFE, GEDICHTE
UND KLEINE SCHRIFTEN
(«Wiener byzantinische Studien», Bd. VII).
Wien, 1969, S. 256+8 Taf.

Иоанн Хортасмен, в монастыре Игнатий, — поздневизантийский ученый, преподаватель, писатель и книголюб — еще сравнительно недавно оставался совершенно неизвестным. К. Крумбахер, посвятивший ему всего три строчки, не знал даже вре-

² H. G. Beck. Kirche und Klerus im staatlichen Leben von Byzanz. — *RÉB*, 24, 1966, S. 1.

³ См. G. Ostrogorsky. Zur Kaisersalbung und Schilderhebung im späthbyzantinischen Krönungszeremoniell. — «*Historia*», 4, 1955, H. 2/3, S. 254 f. К приведенным Г. А. Острогорским фактам можно было бы прибавить еще два-три случая поднятия на щит узурпаторов, но не ранее XI в.

⁴ О Торниках см.: G. Schmalzbauer. Die Tornikioi in der Palaiologenzeit. — *JÖB*, 18, 1969.

⁵ О месадоны, помимо указанных Рейбо статей Бека и Верпо, см. еще: R.-J. Loenertz. Le chancelier impérial à Byzance au XIIIe et au XIVe siècle. — *Or. Chr. Per.*, 26, 1960 (теперь включено в сб.: R.-J. Loenertz. Byzantina et Franco-Graeca. Roma, 1970, p. 441—465).

мени жизни Хортасмена¹. Лишь с конца 20-х годов фигура Иоанна Хортасмена стала постепенно вырисовываться благодаря наблюдениям Л. Пети, Дж. Меркати и Р. И. Лэ-нерца, а исследование его автографа, Vindob. Suppl. gr. 75, дало возможность составить более или менее ясное представление о его жизни и деятельности².

В рецензируемой книге Г. Хунгер издает текст автографа Хортасмена (стр. 138—242), включающий речи, письма, стихотворения и заметки. Изданию предпосланы биография Хортасмена, характеристика его сочинений и взглядов, описание связанных с ним рукописей (прежде всего Vindob. Suppl. gr. 75), а также краткое изложение содержания публикуемых сочинений с просопографическим комментарием.

Иоанн Хортасмен не принадлежал к числу выдающихся деятелей поздневизантийской культуры, и, кстати сказать, издатель не стремится ни в какой степени приукрасить своего героя. Он — «типичный представитель многочисленных византийских интеллигентов, внесших свой честный вклад в сохранение культурного наследия античности» (стр. 7). Отмечу попутно тот интерес к «среднему человеку», к «типичному представителю», который все больше распространяется в современном византиноведении, и Хунгер, как я уже имел возможность отметить (ВВ, XXVIII, 1968, стр. 298—300), давно уже проявляет пристальное внимание к общераспространенным клише и формулам, типичным словосочетаниям, выражавшим массовые идеи, так сказать, византийскую общественную психологию.

И все-таки Иоанн Хортасмен не просто «средний интеллигент». Учитель таких крупных и таких разных византийских идеологов, как Виссарийон, Марк Евгений и Георгий Схоларий, он уже в силу этого заслужил право на специальное внимание. К тому же Хортасмен — один из поздневизантийских книголюбов: сохранились переписанные им рукописи, манускрипты с его пометами [очень любопытны его маргинальные заметки на сборнике исторических сочинений Vatic. gr. 163: lamentации в связи с блокадой Константинополя турками в 1394—1402 гг. (стр. 16), впечатления от некоторых абзацев Никиты Хониата (стр. 20)], рукописи, входившие в его библиотеку. Состав библиотеки Хортасмена, где были представлены античные и византийские ораторы, историки, эпистографы, философы, математики, астрономы, а также богословские сочинения и переписанные Хортасменом мины (стр. 27; ср. стр. 51—53), сам по себе существен для характеристики культурных интересов византийской интеллигенции на рубеже XIV и XV вв.

Жизненный путь Хортасмена Хунгер восстанавливает по разнообразным случайным заметкам на его рукописях, в титулах его сочинений и у современных ему писателей. Иоанн Хортасмен родился около 1370 г., примерно с 1390 г. был нотарием патриаршей канцелярии. В 1397—1400 гг. он изучал геометрию под руководством Михаила Вальсамона, а затем сам был учителем и переписчиком книг. Между 1415 и 1430 гг. стал митрополитом Селимври. Он умер около 1436/7 г. (стр. 14—19).

Ни взгляды, ни художественные приемы Хортасмена не отличались оригинальностью. Его переписка, в частности, в полной мере соответствует традициям византийской эпистографии с ее деонкретизацией предмета и культурно абстрактной дружбы (стр. 35). Реальное содержание сочинений Хортасмена довольно скудно. Хунгер — и это тоже весьма показательно для тенденций современного византиноведения — посвящает специальную главу социальной характеристике общества по данным Хортасмена (стр. 44—48), но характеристика эта остается схематичной: Хунгер выделяет магнатов (типа Кантакузинов и Аселей), высшее чиновничество (архонтов), средний класс и бедняков, куда зачисляет интеллигенцию, крестьян и ремесленников, подчеркивая, впрочем, пренебрежительное отношение интеллигента Хортасмена к необразованным труженикам. Насколько эти грани условны, позволяет судить один пример: Вриенний Леондарь, *κεφαλή* Константинополя, которого Хунгер причисляет к разряду архонтов (стр. 45), принадлежал к одной из знатнейших фамилий империи, давшей ряд полководцев, дипломатов и наместников первой половины XV в. (см. стр. 127—129).

Кое-какой материал из сочинений Хортасмена можно почерпнуть для характеристики культурной жизни империи: еще при Мануиле II сохранялся старый обычай устраивать публичное чтение художественных писем, обсуждая их достоинства и недостатки (стр. 36 и сл.).

Письма, речи и стихотворения Хортасмена содержат, наконец, некоторые данные по поздневизантийской просопографии: в них упоминаются как хорошо известные персонажи византийской политической и культурной истории (Иосиф Вриенний, Михаил Вальсамон, Дмитрий Хрисолор и др.), так и лица, остававшиеся до сих пор в тени (Феодор Антиохит — воспитатель Иоанна VIII, примикирий Дмитрий Аянрь и многие другие). Тщательно составленный просопографический комментарий позволяет

¹ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 452.

² H. Hunger. Johannes Chortasmenos, ein byzantinischer Intellektueller des späten Palaiologenzeit. — «Wiener Studien», 70, 1957, S. 153—163; *idem*. Zeitgeschichte in der Rhetorik des sterbenden Byzanz. — «Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas», 3, 1959, S. 152—161; *idem*. Allzumenschliches aus dem Privatleben eines Byzantiners — Tagebuchnotizen des Hypochonders Johannes Chortasmenos. — «Polychronion. Festschrift F. Dölger». Heidelberg, 1966, S. 244—252.

уточнить наши представления о жизни и родственных связях ряда поздневизантийских вельмож. Особенно отмечу в этой связи экскурс Хунгера о Феодорах и Георгии Кантакузинах (стр. 104—108), где расширены и исправлены данные, содержащиеся в монографии Д. Найкола³. В некоторых случаях Хунгер выходит за пределы поздневизантийской просопографии и сообщает данные об истории тех или иных фамилий в более ранние столетия: к сожалению, эти данные обычно неполны и даже неточны. Так, он считает автором «Стратегикона» полководца Катакалона Кекамена (стр. 73), что крайне сомнительно; сведения об Антиохитах (стр. 67 и сл.) и Пепагоменах (стр. 114) могли бы быть более подробными.

А. К.

SUSSIDI BIBLIOGRAFICI PER I MANOSCRITTI GRECI DELLA
BIBLIOTECA VATICANA, A CURA DI PAUL CANART
E VITTORIO PERI.

Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana,
1970 («Studi e Testi», 261), XV+709 p.

Библиография рукописи является важной составной частью научного каталога рукописей; она не только позволяет судить о степени изученности отдельных единиц хранения и целых рукописных фондов, но прежде всего значительно облегчает работу исследователя, избавляя его от нелегких поисков нужных сведений в бесконечном количестве специальных справочников и изданий. Если до недавнего времени библиография греческих рукописей содержалась только в некоторых — исследовательских, предполагающих не простое описание внешних признаков, но всестороннее изучение рукописи, — каталогах, да иногда в альбомах факсимильных воспроизведений манускриптов или исследованиях по истории текста отдельных авторов, то хранители греческих рукописей Ватиканской библиотеки Поль Канар и Витторио Пери создали справочник нового типа, объединив библиографические сведения о греческих рукописях всех фондов этого крупнейшего мирового собрания в одном томе.

Такие книги не создаются за несколько лет. Нужны десятилетия непрерывной работы по систематическому учету книг, статей, рецензий, где в той или иной мере используются рукописи данного хранилища.

Собирание библиографических сведений о греческих рукописях Ватиканской библиотеки было начато выдающимся исследователем греческой рукописной книги Д. Меркати и продолжено Р. Девреессом, Ч. Джаннелли, П. Канаром. Изданием рецензируемого справочника П. Канар и В. Пери сделали доступными всем специалистам богатства библиографической картотеки, задуманной когда-то просто как вспомогательный аппарат для работы ватиканских хранителей манускриптов.

Вслед за кратким «Представлением» префекта библиотеки А. Раса (A. Raes) идет «Введение», посвященное изложению цели, принципов и трудностей работы составителей; оно завершается очень важным перечнем печатных и рукописных каталогов и инвентарей греческих рукописей Ватиканской библиотеки, позволяющим судить о степени каталогизации греческих фондов этого хранилища.

Книга состоит из двух основных частей. В первой части (р. 1—104) в сокращенной и развернутой форме приведены названия 1) книг, 2) журналов и 3) коллективных и анонимных трудов, ссылки на которые (в сокращенном виде) даются во второй части (р. 103—708), заключающей в себе библиографию греческих рукописей следующих фондов Ватиканской библиотеки:

1. Codici greci dell'Archivio di s. Pietro
(приведена библиография 10 рукописей);	6. Codici Palatini greci (426);
2. Codici Barberiniani greci (483);	7. Codici greci di Pio II (51);
3. Codici Borgiani greci (23);	8. Codici Reginensi greci (189);
4. Codici Chigiani greci (52);	9. Codici Rossiani greci (34);
5. Codici Ottoboniani greci (422);	10. Codici Urbinati greci (159);
	11. Codici Vaticani greci (2341).

В разделе, посвященном каждому фонду, указаны печатные (а для фондов 2 и 11 — и рукописные) описания его манускриптов; для фондов 2, 3, 4 и 9 публикуются таблицы конкорданций прежних и действующих в настоящее время номеров рукописей.

Очень интересны приведенные нами в скобках цифры охваченных библиографией рукописей; при сопоставлении их с общим количеством греческих манускриптов каждого фонда (ниже — правый столбец) становится очевидной необыкновенно высокая степень изученности рукописей Ватиканской библиотеки:

1. 10—14	5. 422—473	9. 34—47
2. 483—598	6. 426—432	10. 159—165
3. 23—27	7. 51—55	11. 2341—2632
4. 52—54	8. 189—190	

Греческая кодикология обогатилась еще одним важнейшим «инструментом» для исследования рукописей.

Б. Ф.

³ D. M. Nicol. The Byzantine Family of Kantakuzenos (Cantacuzenus). Ca. 1100—1460. Washington, 1968, p. 165—167.

В. А. ГАВРИЛЕНКО. ВИЗАНТИЙСКАЯ СФРАГИСТИКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(Библиографический указатель)

В предлагаемом указателе отражены работы отечественных исследователей византийских печатей, опубликованные с конца XVIII в. по 1965 г. в русских и иностранных изданиях. В указателе также собраны работы о византийских геммах, которые довольно часто выполняли функции печатей. При подборе литературы по византийской глиптике предпочтение отдавалось работам, имеющим непосредственное отношение к сфрагистике. Кроме того, выборочно учитывались материалы историографического характера. В виде исключения в указателе помещены работы зарубежных авторов о коллекциях византийских моливдовулов, хранящихся в Советском Союзе.

При составлении указателя учитывались книги, каталоги, сборники, отчеты научных учреждений, главы в книгах, статьи и рецензии, напечатанные в повременных изданиях. Сообщения о находках византийских сфрагистических памятников, описания и снимки отдельных печатей в списке не отражены. Эти материалы, имеющие важное значение для составления библиографии византийских печатей, требуют самостоятельного изучения.

Составление библиографического указателя по византийской сфрагистике в нашей историографии предпринято впервые, поэтому он не гарантирован от пропусков и других погрешностей.

Библиография содержит два раздела: 1) литература об исследователях памятников византийской сфрагистики; 2) работы по византийской сфрагистике. Внутри разделов материал расположен в алфавитном порядке авторов с учетом хронологического принципа. Большинство работ снабжено аннотациями. Звездочкой отмечены работы, которые составителю не удалось просмотреть.

І. Литература об исследователях памятников византийской сфрагистики

Борис Васильевич Кене (1817—1886)

1. Кене Борис Васильевич (некролог). — ИВ, 1886, 24, № 4, стр. 261.
2. Орешников А. В. Б. В. Кене (некролог). — «Древности. Труды Московского археологического общества», 1887, 11, вып. 3, отд. 3, стр. 97—98.

Николай Петрович Лихачев (1862—1936)

3. Библиографическая заметка и список трудов Н. П. Лихачева. — «Антиквар», 1902, № 6, стр. 177—180.
4. В[ишневецкий] Б. [Н.] Юбилей Н. П. Лихачева. Список трудов. — «Казанский музейный вестник», 1922, № 2, стр. 216—223.
5. Соболевский А., Карский Е., Перетц В., Платонов С. Записка об ученых трудах Н. П. Лихачева. Список ученых трудов Н. П. Лихачева. — ИАН, 6 серия, 1925, 19, № 18, стр. 844—849—859.
6. Янин В. Л. К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева. — СА, 1962, № 2, стр. 10—16, с портр.

Хрисанф Мефодиевич Лопарев (1862—1918)

7. 25-летие научной деятельности Х. М. Лопарева. — ИВ, 1910, № 12, стр. 1209—1210.

8. *Срезневский В. И. Х. М. Лопарев*. Припоминания о его жизни и трудах. — РИЖ, 1918, № 5, стр. 327—342.

Борис Амфианович Панченко (1872—1920)

9. *Успенский Ф.* Ученая деятельность Б. А. Панченко. — ВВ, XXIV, 1926, стр. 95—102.
10. *Сюсюмов М. Я.* Научное наследие Б. А. Панченко. — ВВ, XXV, 1964, стр. 32—52.

Михаил Иванович Ростовцев (1870—1952)

11. *Никитин П. В. и Латышев В. В.* Записка об ученых трудах М. И. Ростовцева. — ИАН, 6-я серия, 1909, № 2, стр. 115—117.
12. *Бороздин И.* Ученые заслуги М. И. Ростовцева. — В кн.: «Отчет о 3-м присуждении медалей им. гр. А. С. Уварова». М., 1915, стр. 34—49.

Петр Юстинович Сабатье (1792—1870)

13. *Кене Б.* Петр Юстин Сабатье (некролог). — ЗООИД, 1872, 8, стр. 354—356.

Иларион Семенович Свенцицкий (1876—1956)

14. *Гумецька Л. Л.* Проф. І. С. Свенціцький (до 80-річчя з дня народження). — «Українська мова в школі», 1956, № 3, стор. 40—43, с портр.
15. *Кізілік О. Д. і Луцик Р. Я.* І. С. Свенціцький. Короткий бібліографічний покажчик. Основні дати життя. Київ, 1956, 16 стор. с портр.

Иван Иванович Толстой (1858—1916)

16. *Жебелев С.* Иван Иванович Толстой (некролог). — ЖМНЦ, 1916, ч. 65, сентябрь, отд. 4, стр. 27—44.
17. *Жебелев С.* Граф Иван Иванович Толстой (некролог). — РИЖ, 1917, кн. 1—2, стр. 185—187.
18. *Вауер Н.* Graf Ivan Tolstoj (necrolog). — «Zeitschrift für Numismatik», 36, 1916, S. 158—160.

Густав Шломберже (1844—1929)

19. *Успенский Ф., Бузескул В., Платонов С.* Записка об ученых трудах Густава Шломберже. — ИРАН, 6-я серия, 1924, 18, ч. 2, стр. 548—550.

Владислав Норбертович Юргевич (1818—1898)

20. *Яковлев В. А.* Пятидесятилетие ученой деятельности В. Н. Юргевича, вице-президента имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1892, 24 стр.
21. [*Рудаков В. Е.*] Ю. Н. Юргевич (некролог). — ЖМНЦ, 1899, ч. 321, февраль, отд. 4, стр. 81—83. Подпись: В. Р.
22. Памяти вице-президента имп. Одесского общества истории и древностей Владислава Норбертовича Юргевича (некролог). — ЗООИД, 1900, 22, стр. 1—22, с портр.

II. Работы по византийской сфрагистике

23. *Банк А. В.* Моливдовул с изображением полета Александра Македонского на небо. — «Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа», III, 1940, стр. 181—194, илл. Резюме на фр. яз.
Византийская свинцовая печать X в.
24. *Банк А. В.* Вислая свинцовая печать XI—XII вв. — МИА, № 34, 1953, стр. 296—298, 1 л. илл.
Печать севаста Константина Ксира из раскопок 1940 г. в Херсонесе.
25. *Банк А. В.* Выставка византийских материалов в Государственном Эрмитаже. — ВВ, XI, 1956, стр. 340—348.
О византийских моливдовулах в экспозиции Эрмитажа.
26. *Банк А. В.* Несколько византийских камней из собрания Государственного Эрмитажа. — ВВ, XVI, 1959, стр. 206—215.
Византийские геммы.
27. *Банк А. В.* Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа (Альбом). Л., 1960, 132 стр., илл. На русск. и фр. яз. Библиография.
О печатях X—XIII вв. — стр. 8, 92—93, 123.
28. *Барнавели С. В.* Печати и другие материалы по глиптике Грузии. Очерки. Тбилиси, 1965, 162 стр., 19 л. илл. На груз. яз.

29. *Безлери Г. П.* Печать трапезундского императора Давида. — ИРАИК, 8, 1903, вып. 3, стр. 247—248, 1 л. илл.
Печать последнего трапезундского императора Давида (1458—1462).
30. *Безобразов П.* Рец. на кн.: G. Schlumberger. Mélanges d'archéologie byzantine. Paris, 1895. — ВВ, III, 1896, вып. 3—4, стр. 673—676.
31. *Болсуновский К.* Каталог предметов, выставленных в университете св. Владимира во время Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. Витрина А (Привесные печати и пломбы). Киев, 1899, 10 стр.
Коллекция византийских печатей — стр. 3—9.
32. *Васильев А. А.* Отзыв о сочинении Б. А. Панченко «Каталог моливдовулов, принадлежащих Русскому археологическому институту в Константинополе». — В кн.: «Протоколы общих собраний имп. Русского археологического общества за 1899—1908 гг.». Пг., 1915, стр. 242—243.
33. *Вишнякова А. Ф.* Свинцовые печати византийского Херсонеса. — ВДИ, 1939, № 1, стр. 121—133, рис. в тексте.
14 византийских печатей IX—XI вв. в коллекции Херсонесского музея.
34. *Вишнякова А. Ф.* [Письмо в редакцию с сообщением о новом способе чтения монограмм на византийских печатях.] — «Историк-марксист», 1939, кн. 1, стр. 205.
35. *Вишнякова А.* Славянская колония VII в. в Вифинии. — ВДИ, 1940, № 1, стр. 138—141.
Печать Вифинской епархии из коллекции Русского археологического института в Константинополе.
36. Государственный Эрмитаж. Культура и искусство Византии IV—XV вв., Ближнего и Среднего Востока III—XVIII вв. Путеводитель по выставкам. Под общей редакцией проф. М. И. Артамонова. М., 1957, 66 стр., илл.
О византийских печатях в экспозиции Гос. Эрмитажа — стр. 12, 17.
37. *Грушевский М.* Печатка в Ступиці під Самбором. — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», 1899, 31—32, стор. 1—4, рис. в тексте.
Печать с надписью «Константин». Автор относит ее к византийскому императору Константину VIII. Н. П. Лихачев склонен считать находку печатью черниговского князя Мстислава-Константина (1024—1036).
38. *Евгений митрополит* [Болховитинов Е. А.]. Примечания на грамоту великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Мстиславовича, удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю. — «Труды и записки Московского общества истории и древностей российских», 1826, ч. 3, кн. 1, стр. 3—64.
О византийской сфрагистике — стр. 44.
39. *Измайлова Н. В.* Описание византийских печатей из собрания Академии [истории материальной культуры]. — ИРАИМК, 1924, 3, стр. 337—351, 2 л. илл.
Подробное описание 27 моливдовулов.
40. *Каргер М. К.* К истории византийской сфрагистики. — «Византийский сборник». М.—Л., 1945, стр. 260—264, 1 л. илл.
Печать константинопольского патриарха Евстратия Гариды, XI в.
41. *Кене Б. В.* О металлических печатях, называемых обыкновенно «буллами». [Сообщение на заседании Русского археологического общества.] — ЗРАО, 1851, 3, протоколы, стр. 5—6.
42. *Кибальчич Т. В.* Южнорусские геммы. Берлин, 1910, 66 стр.; 19 л. илл.
Геммы Древнего Востока, Греции, Рима и Византии из находок на юге России.
43. *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери, т. 1. СПб., 1914, 387 стр., 7 л. илл.; т. 2. Пг., 1915, 452 стр.; 6 л. илл., рис. в тексте.
Византийские печати с изображениями святых.
44. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. — ИАК, 1906, вып. 20, стр. 17—95, илл.
О находке византийских печатей в Херсонесе — стр. 25, 41.
45. Краткий указатель музея имп. Одесского общества истории и древностей. Изд. 4-е. Одесса, 1913, 147 стр.
Византийские печати и пломбы в экспозиции музея — стр. 75.
46. *Лакиер А.* Русская геральдика. — ЗРАО, 1854, 7, отд. I, 304 стр., 18 л. илл. Отд. отд.
Сопоставление печатей России с византийскими образцами.
47. *Леопардов Н.* О печати царева мужа. — В кн.: «Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках». Киев, 1891, серия II, вып. 1, стр. 19—24.
Автор ошибочно считает дрогичинские пломбы византийскими печатями.
48. *Лихачев Н. П.* Печати патриархов константинопольских. — «Труды Московского нумизматического общества», 1899, 2, вып. 1, стр. 43—66, 1 л. илл., 22 рис. в тексте.
Классификация моливдовулов константинопольских патриархов.
49. *Лихачев Н. П.* Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. — «Нумизматический сборник», 1911, 1, стр. 497—539, илл.
Печати IV—XI вв.

50. *Лихачев Н. П.* Историческое значение итало-греческой иконописи. СПб., 1911, 282 стр., 8 л. илл., рис. в тексте (всего 327 илл. печатей).
Рец.: [Айналов Д.] Д. А. — ВВ, XVIII, 1913, отд. 4, стр. 70—79.
Византийские печати со священными изображениями.
51. *Лихачев Н. П.* О первоначальном типе византийских печатей. — «Нумизматический сборник», 1913, 2, стр. 333.
52. *Лихачев Н. П.* Датированные византийские печати. — ИРАИМК, 1924, 3, стр. 153—224, 4 л. илл.
Хронологическое распределение византийских печатей, классификация.
53. *Лихачев Н.* Моливдовул с изображением Влахернитиссы. — «Сборник отделения русского языка и словесности АН СССР», 101, 1928, № 3, стр. 143—147, рис. в тексте.
Печать XII в.
54. *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928, 175 стр., 81 илл; вып. 2. Л., 1930, 279 стр., 231 илл.
Рец.: *Соколов Г.* — «Україна», 1930, кн. 4, стр. 143—146; *Regling K.* — ВЗ, 31, 1931, S. 116—117.
55. *Лихачев Н. П.* Сфрагистический альбом, 83 л. илл.
Византийские печати воспроизведены на 26 табл. (349 моливдовулов). Комплекты альбома хранятся в Архиве Института археологии АН СССР (Ленинградское отделение). Материалы таблиц описаны в рукописи Н. П. Лихачева «Моливдовулы греческого Востока» (Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 246, оп. 1, ед. хр. 119, 579 л.).
56. *Лопарев Хр.* Византийская печать с именем русской княгини. — ВВ, I, 1894, стр. 159—166.
Печать Феофании Музалон, XI—XII вв.
57. *Лордкипанидзе М. Н.* Памятники глиптики, найденные в Армазисхеви и Багинети. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1958, 22 стр.
О находке византийских гемм в древней грузинской столице Мцхете.
58. *Лордкипанидзе М. Н.* Геммы Государственного музея Грузии. Т. 2. Памятники глиптики, найденные в Армазисхеви и Багинети. Тбилиси, 1958, 127 стр., 9 л. илл.
На груз. яз., резюме на русск. яз. Т. 3. Каталог памятников глиптики, найденных на территории Грузии. Тбилиси, 1961, 89 стр., 11 л. илл. На груз. и русск. яз. Византийские геммы из находок в Грузии.
59. *Мансветов И. Д.* [Критическая заметка о статье Детье «Три древние пломбы несравненной важности для политической, социальной, религиозной и законодательной истории Византии» (помещена в кн.: *Études archéologiques, Constantinople, 1881*)]. — «Древности. Труды Московского археологического общества». 1883, 9, вып. 3, протоколы, стр. 7.
60. О находке печати Георгия Касидика (?) в Херсонесе в 1884 г. — «Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1883 г. по 14 ноября 1885 г.». Одесса, 1885, стр. 20—21, рис. на титульном листе.
Печать херсонесского стратига Георгия Цулы.
61. *Панченко Б. А.* О византийских печатях как историческом источнике. — ИРАИМК, 1901—1902, 7, вып. 2—3, стр. 215—226.
Изучение византийской сфрагистики в России, собирание коллекций моливдовулов.
62. *Панченко Б. А.* Памятник славян в Вифинии VII века. — ИРАИМК, 1903, 8, вып. 1—2, стр. 15—62, 1 л. илл.
Печать славянской колонии в Малой Азии, датируемая автором 650 г.
63. *Панченко Б. А.* Византийские печати и монеты. — ИРАИМК, 1905, 10, стр. 291—300, илл.
4 моливдовула из находок в древней столице Болгарии Абобе, конец X—начало XI в.
64. *Панченко Б. А.* Печать багатура и баина Иоанна Хотина. — ИРАИМК, 1905, 10, стр. 555—557, илл.
Печать X в.
65. *Панченко Б.* Шесть моливдовулов из Парфенита. — ИАК, 1906, вып. 18, стр. 160—164, рис. в тексте.
Печати VI—XII вв., найденные у подножья горы Аю-Даг в Крыму.
66. *Панченко Б. А.* Каталог моливдовулов коллекции Русского археологического института в Константинополе. — ИРАИМК, 1903, 8, вып. 3, стр. 199—246; 1904, 9, вып. 3, стр. 341—396; 1908, 13, стр. 78—151; 17 л. илл. Отд. отд.
Описание, расшифровка легенд и датировка 500 византийских памятников сфрагистики.
67. *Петров П. И.* Указатель Церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии, изд. 2-е. Киев, 1897, 4+292 стр.
Византийские печати в коллекции музея — стр. 272.
68. *Пятышева Н. В.* Печать готского епископа в коллекциях Государственного исторического музея. — АЕ за 1962 г., 1963, стр. 32—36, 2 рис. в тексте.
Печати VIII—XII вв.

69. «Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках». Изд. Н. Леопардова и Н. Чернева. Киев, 1891, серия I, вып. 3—4, стр. 15—16, табл. 9—10.
Византийские печати из коллекции Я. Я. Волошинского.
70. *Сказкин С. Д., Сидорова Н. А., Люблинская А. Д., Неусыхин А. И., Удальцова З. В., Гранстрем Е. Э., Романова В. Л., Самодурова З. Г.* За развитие вспомогательных исторических дисциплин в области изучения западноевропейского и византийского феодализма. — ВИ, 1961, № 4, стр. 69—79.
71. *Скулченко И.* Реставрация б. Софийского собора в Киеве. — «Советский музей», 1936, № 3, стр. 59, илл.
О находке печати патриарха Евстратия Гариды, XI в.
72. *Толстой И. И.* О византийских печатях Херсонской фемы. — ЗРАО, 1887, 2 (Новая серия), стр. 28—43, 1 л. илл.
Исследованы 17 византийских сфрагистических памятников.
73. [Сообщение И. И. Толстого о византийских печатях херсонской фемы.] — «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», 1887, 4, стр. XI—XII.
74. *Толстой И. И.* Случай применения византийской сфрагистики к вопросу по русской нумизматике. — «Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле в 1887 г.» М., 1891, 2, стр. 73—81, 1 л. илл.
Византийские печати с изображениями св. Георгия, X—XIV вв.
75. *Удальцова З. В., Литаврин Г. Г.* Советское византиноведение в 1955—1960 гг. — ВВ, XXII, 1963, стр. 62—63.
76. *Шандровская В. С.* Григорий Каматир и его печать в собрании Государственного Эрмитажа (К истории Византии XII в.). — ВВ, XVI, 1959, стр. 173—182.
Печать XII в.
77. *Шандровская В. С.* Культура и искусство Византии. — В кн.: «Культура и искусство Ближнего и Среднего Востока IV тысячелетия до н. э. — XVIII в. н. э. и Византии IV—XV вв. Путеводитель по залам Гос. Эрмитажа». Л., 1960, стр. 76—104.
Византийские печати в экспозиции Эрмитажа.
78. *Юргевич В.* Две печати, найденные в византийском Херсонесе в 1884 году. — ЗООИД, 1886, 14, стр. 1—21, рис. в тексте.
79. *Юргевич В.* Свинцовые печати, принадлежащие музею общества. — ЗООИД, 1889, 15, стр. 41—46, илл.
Описание 6 византийских печатей.
80. *Юргевич В. Н.* О свинцовых печатях византийских, хранящихся в музее Одесского общества истории и древностей [Доклад на заседании общества]. — ЗООИД, 1898, 21, протоколы, стр. 39—41, рис. в тексте.
7 печатей, подаренных музею А. Л. Бертье-Делагардом.
81. *Яковсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). М.—Л., 1950 (МИА, № 17), 256 стр., илл.
О печати Георгия Чулы — стр. 15—16; о печатях коммерциариев и стратигов XI в. — стр. 19—20.
82. *Янин В. Л.* Печати Феофано Музалон. — В сб.: «Нумизматика и сфрагистика», вып. 2. Киев, 1965, стр. 75—90. Библиография.
Печати XI—XII вв.
- * * *
83. *Βέης Ν. Α.* Zur Sigillographie der byzantinischen Themen Peloponnes und Hellas. — ВВ, XXI, 1914—1915, вып. 1—2, стр. 90—110; вып. 3—4, стр. 192—235.
Византийские печати фем Пелопоннеса и Эллады.
84. *Lébedéva V.* Les trois nouveaux sceaux de plomb byzantins du Musée historique d'état à Moscou. — ВЗ, 31, 1931, S. 58—60, илл.
Три византийские печати из коллекции Гос. исторического музея в Москве.
- *85. *Lebedeva V.* Ein Bleisiegel mit der Abbildung des Heiligen Georg in der Sammlung des Historischen Staatsmuseums zu Moskau. — ВЗ, 34, 1934, S. 71—72; 2 илл.
86. *Лихачев Н. П.* [Две поправки к чтениям византийских свинцовых печатей и одной бронзовой таблички.] — ВЗ, 21, 1912, S. 677.
- *87. *Лихачев Н. П.* Le sceau du patriarche Ignace. — «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales», 1935, 3, p. 303—310, 1 илл.
88. *Лихачев Н. П.* Sceaux de Stefan Nemanja. — Вуз., 11, 1936, p. 460—468.
Печати великого жупана Рашки Стефана Немани (1170—1196).
89. *Лихачев Н. П.* Sceaux de l'empereur Léon III l'Isaurien. — Вуз., 11, 1936, p. 469—482, 8 илл.
90. *Miller E.* Bulles byzantines de la collection de m. le baron V. de Köhne et diverses autres provenances. — «Revue numismatique», 1867, p. 416—434, 2 л. илл.
91. *Панченко Б. А.* ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ ΠΙΣΤΙΚΟΣ. — ИРАИК, 1901—1902, 7, вып. 1, стр. 40—55, 1 л. илл.
Печати VIII—IX вв.

92. *Rostovtsev M., Prou M.* Catalogue des plombs de l'antiquité du moyen-âge et des temps modernes conservés au département des médailles et antiques de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1900, 416 p., 12 л. илл., рис. в тексте.
Описано 115 византийских печатей — p. 280—307, 375—376; pl. VIII—X.
- *93. *Sabatier J.* Iconographie d'une collection choisie de cinq mille médailles romaines, byzantines et celtibériennes, t. 1. S. Pétersbourg—Paris, 1847.
Три таблицы снимков византийских моливдовулов.
- *94. *Sabatier J.* Catalogue de la collection Sabatier. S. Pétersbourg, 1851, 122 p.
95. *Sabatier J.* Plombs, Bulles et Sceaux byzantins. — «Revue archéologique», XV, 1858, 1, p. 82—100, 2 л. илл.
22 византийские пломбы и печати из коллекции автора.
96. *Swiencickij I.* Byzantinische Bleisiegel in den Sammlungen von Lwow. — «Сборник въ память на проф. Петръ Никовъ». София, 1940, стр. 434—441, 14 рис. в тексте.
97. [*Uhlich G.*] Praelectiones diplomaticae, quas in usum auditorum suorum ex Gatterero, Eckhardo et Grubero adornavit Godefridus Uhlich e Scholis Pisis diplomaticae et numismaticae in Universitate Leopolitana professor. Leopoli, 1785, 111 p. De sphragistica — p. 76—83.
Византийские буллы.
98. *Χαζιτάρη Ν. Α.* Βυζαντινὰ σφραγίς. — ВВ, XV, 1909, стр. 197—198, 2 рис. в тексте.
Матрица печати.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Айналов Д. В. 50	Латышев В. В. 11	Свенцицкий И. С. 96; о нем 14, 15
Артамонов М. И. 36	Лебедева В. И. 84, 85	Сидорова Н. А. 70
Банк А. В. 23—27	Леопардов Н. А. 47, 69	Сказкин С. Д. 70
Барнавели С. В. 28	Литаврин Г. Г. 75	Скуленко И. М. 71
Беглери Г. П. 29	Лихачев Н. П. 48—55, 86—89; о нем 3—6	Соболевский А. И. 5
Безобразов П. В. 30	Лопарев Х. М. 56; о нем 7—8	Соколов И. 54
Болсуновский К. В. 31	Лордкипанидзе М. Н. 57, 58	Срезневский В. И. 8
Болховитинов Е. А. 38	Луцык Р. Я. 15	Сюзюмов М. Я. 10
Бороздин И. Н. 12	Люблинская А. Д. 70	Толстой И. И. 72—74; о нем 16—18
Бузескул В. П. 19	Мансветов И. Д. 59	Удальцова З. В. 70, 75
Васильев А. А. 32	Неусыхин А. И. 70	Успенский Ф. И. 9, 19
Вишневский Б. Н. 4	Никитин П. В. 11	Чернев Н. П. 69
Вишнякова А. Ф. 33—35	Орешников А. В. 2	Шандровская В. С. 76, 77
Гранстрем Е. Э. 70	Панченко Б. А. 61—66, 91; о нем 9—10, 32	Юргевич В. Н. 78—80; о нем 20—22
Грушевский М. С. 37	Перетц В. Н. 5	Яковсон А. Л. 81
Гумецкая Л. Л. 14	Петров Н. И. 67	Яковлев В. А. 20
Детье 59	Платонов С. Ф. 5, 19	Янин В. Л. 6, 82
Евгений, митрополит 38	Пятышева Н. В. 68	Bauer N. P. 18
Жебелев С. А. 16, 17	Романова В. Л. 70	Bérys N. A. 83
Измайлова Н. В. 39	Ростовцев М. И. 92; о нем 11—12	Miller E. 90
Каргер М. К. 40	Рудаков В. Е. 24	Prou M. 92
Карский Е. Ф. 5	Сабатье П. Ю. 93—95; о нем 13	Regling K. 54
Кене Б. В. 13, 41; о нем 1, 2	Самодурова З. Г. 70	Schlumberger G. 30; о нем 19
Кибальчич Т. В. 42		Uhlich G. 97
Кизлык О. Д. 15		Χαζιτάρη Ν. Α. 98
Кондаков Н. П. 43		
Косцюшко-Валожиния К. К. 44		
Лакиер А. Б. 46		

ХРОНИКА

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ
НА XIII МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Византиноведение на XIII Международном конгрессе исторических наук, состоявшемся 16—23 августа 1970 г. в Москве, было представлено достаточно широко. В структуру Конгресса была включена специальная Комиссия по византийским исследованиям, представлявшая Международную ассоциацию византинистов. Доклады по византийстике были прочитаны и в секции «Средневековье». В работе Конгресса приняли участие известные византинисты многих стран: Г. Острогорский, В. Мошин (Югославия), Э. Арвейлер, И. Сорлен, Э. Антониадис-Бибику (Франция), И. Шевченко, Ф. Дворник (США), Д. Закитинос, М. Мануссакас (Греция), И. Ирмшер, Э. Вернер, Х. Кэпштейн (ГДР), Г. Хауссиг, Л. Мюллер (ФРГ), А. Барта (Венгрия), Д. Ангелов, И. Дуйчев, Б. Примов, М. Андреев, В. Тышкова-Займова, Г. Цанкова, В. Велков (Болгария), М. Берза, Э. Станеску (Румыния), К. Киррис (Кипр), советские византинисты из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Грузии, Армении и Азербайджана.

На заседаниях Комиссии по византийским исследованиям и в секции «Средневековье» было прочитано девять докладов преимущественно по двум темам — «Типология генезиса феодализма в Византии» и «Русско-византийские отношения».

Проблема «Типология генезиса феодализма в Византии» была поставлена в коллективном докладе советских ученых *З. В. Удальцовой* и *Е. В. Гутновой* «Проблема генезиса феодализма в странах Европы». Этот доклад, открывший заседания секции «Средневековье», привлек исключительно большое внимание ученых и вызвал плодотворную дискуссию.

В докладе были подведены итоги изучения проблемы генезиса феодализма в марксистской медиевистике за последние годы. В результате обобщения большого фактического материала докладчики предложили типологию генезиса феодализма в странах Европы на основе марксистско-ленинского понимания его как социально-экономической формации. В докладе было выделено три типа генезиса феодализма в Европе. Первый тип — так называемого «уравновешенного» синтеза — нашел свое воплощение в Западной Европе, в Северной Галлии, у некоторых славянских народов Юго-Восточной Европы (сербов и хорватов). Для этого типа синтеза характерно относительно равномерное участие позднеримских и варварских элементов. Второй тип генезиса феодализма — со значительным преобладанием античных начал — был присущ странам Южной Европы и достиг завершения в Византии. Третий тип генезиса феодализма — почти или совсем бессинтезный — был характерен для тех регионов Европы, которые не знали римского господства — Северо-Западной Германии, Скандинавии, областей западных и восточных славян (Русь, Польша, Чехия)¹.

В разделе доклада о втором типе генезиса феодализма, подготовленном *З. В. Удальцовой*, была дана характеристика специфических особенностей становления феодальных отношений в Византии.

Синтез элементов феодализма в Византии проходил при значительном преобладании античного наследия. Исходным моментом синтеза была византино-славянская община, которая в силу своей экономической структуры, административной, судебной, податной общности отличалась большей устойчивостью и жизнеспособностью по сравнению с общинами-марками в Западной Европе. Борьба против централизованного натиска государства приводила ее к внутреннему сплочению, замедляла складывание феодальной вотчины и сеньориальной эксплуатации. Лишь с конца IX в. община подвергается постепенному разложению и становится источником формирования феодальной собственности и крестьянской зависимости. В процессе формирования феодальной зависимости крестьянства в Византии более активное участие, нежели

¹ Полный отчет о докладе *З. В. Удальцовой* и *Е. В. Гутновой* и дискуссии по нему дан в сб. «Средние века», вып. 34, 1971, стр. 8—47. Мы останавливаемся лишь на разделе доклада, посвященном истории Византии.

на Западе, принимали рабы, мистры и другие унаследованные от рабовладельческого периода категории зависимых людей.

Генезис феодализма в Византии совершался в условиях сохранения сильного централизованного государства, которое способствовало закреплению массы «свободных» земледельцев, превращая их в государственных крестьян — димосиариев, плативших государству феодальную ренту в виде централизованной ренты — налога. Таким образом, закрепощение крестьянства в Византии стало возможно прежде всего через подчинение общины государством как представителем власти феодалов. Такой способ закрепощения крестьян тормозил складывание феодальной вотчины, и византийские феодалы находились под определенным контролем центральной власти. Государство ограничивало численность париков, живших в поместьях, размеры ренты, сохраняло за собой право конфискации земель вотчинников. Поэтому в Византии феодальные институты — прония, харистики, экскуссия, близкие соответствующим учреждениям Запада, сложились позднее — лишь к XI—XII вв. В Византии возникли своеобразные формы пронии: первоначально это было пожалование феодалу определенной квоты налогов, а затем земельного владения, экскуссия же длительное время сводилась к податному иммунитету. Существование централизованного государства в Византии препятствовало полной кристаллизации иерархической структуры собственности и системы вассалитета, характерных для феодальных порядков в Западной Европе.

Одним из существеннейших отличий генезиса феодализма в Византии было сохранение городов в качестве центров ремесла и торговли. Деурбанизация ощущалась здесь слабее, чем в других регионах Европы. Это наложило свой отпечаток и на состав господствующего класса в Византии, где видное место занимали городские торгово-ремесленные круги и чиновная знать. Борьба этих слоев византийского общества и провинциальной феодальной знати также тормозила складывание крупного феодального землевладения и отодвигала победу феодализма.

В ходе обсуждения доклада З. В. Удальцовой и Е. В. Гутновой типология генезиса феодализма, предложенная советскими учеными, получила поддержку. Дискуссия шла преимущественно по линии уточнения и развития предложенной типологической модели, а также в направлении уточнения факторов феодализации в различных регионах Европы.

Весьма содержательным было выступление академика Г. А. Острогорского (Югославия), который изложил некоторые положения своей концепции исторического развития империи, в частности своего понимания роли общины в процессе становления феодализма в Византии. По мнению Г. А. Острогорского, община в Византии была не столько источником, сколько жертвой процесса феодализации, так как с возрастанием земельного собственности феодалов община слабела и распадалась. Г. А. Острогорский считает, что феодализм в Византии нельзя рассматривать как прямое продолжение рабовладельческого строя. Поэтому следует проявлять большую осторожность при изучении проблемы континуитета античных институтов в Византии, особенно рабовладения.

Г. А. Острогорский не согласился с приведенной в докладе характеристикой пронии, которая, по его мнению, была прежде всего земельным пожалованием, но не пожалованием квоты налогов.

З. В. Удальцова в заключительном слове отметила, что споры в науке по этим вопросам закономерны, они ведутся давно и свидетельствуют о недостаточной еще изученности ряда сложных проблем византистики.

Широко обсуждалась на Конгрессе проблема русско-византийских отношений. Этой теме был посвящен один доклад в секции «Средневековье» (Д. Д. Оболенского) и вся программа заседаний Комиссии по византийским исследованиям.

Как известно, проблема эта дискутируется в литературе уже более столетия, но если раньше она пользовалась преимущественным вниманием русских, а затем советских ученых, то в самые последние годы интерес к ней возрос во многих странах мира. Выражением этого интереса явилось, в частности, то обстоятельство, что на XIII Международном конгрессе византистов в Оксфорде в 1966 г. проблема «Византия и Русь» заняла одно из центральных мест. В Оксфорде с коллективным докладом на эту тему выступили советские ученые З. В. Удальцова, А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. На Московском конгрессе фактически была продолжена дискуссия, начатая в Оксфорде.

Все доклады, прочитанные на Конгрессе в Москве, касались общей темы — место Византии и Руси в средневековом мире и влияние Византии на Русь. Наиболее остро эта проблема стояла при анализе политических взаимоотношений двух государств, при решении вопроса — была ли Русь вассалом Византии или политически независимым государством. В двух докладах на эту тему — Д. Д. Оболенского и Г. А. Острогорского — было дано два различных ее решения.

Профессор Оксфордского университета Д. Д. Оболенский в докладе «Связи между Византией и Русью в XI—XV вв.» из широкого круга вопросов поставленной темы ограничился рассмотрением лишь трех проблем, которые он счел наиболее важными: 1) какие мотивы побуждали правящие классы Византии и русских государств поддерживать и развивать отношения между этими странами? 2) насколько византийская

теория гегемонии империи могла ужиться с политическим суверенитетом русских правителей? 3) как византийское культурное влияние воспринималось различными социальными группами средневековой Руси?

Рассматривая мотивы русско-византийских связей, докладчик на первый план выдвинул факторы идеологического порядка, подчеркнув большую роль духовных и моральных доктрин христианства. Но он не отрицал и роли политических и экономических соображений в развитии отношений империи с Русью. В Константинополе высоко ценились торговля с Русью, русские наемники, военная и финансовая помощь русских. Среди существенных причин, побуждавших Русь поддерживать связи с империей, докладчик отметил стремление к приобщению к византийской цивилизации, соображения престижа, проистекавшего из политического союза с Византией, возможность руководствоваться авторитетом и опытом византийской церкви.

При решении второго вопроса — была ли Русь вассалом империи или политически независимой державой — проф. Д. Д. Оболенский придает большое значение византийской политической доктрине, согласно которой верховная власть византийского императора распространяется на весь цивилизованный мир и соответственно охватывает те земли Восточной Европы, которые в отношении религии и культуры попадают в орбиту империи. По мнению докладчика, предусматриваемое византийской политической философией «международное объединение наций» (его терминология!) можно с полным основанием назвать «византийским сообществом наций». Правители Руси, по мысли Д. Д. Оболенского, признавали византийского василевса верховным главой этого сообщества, а следовательно, признавали определенную долю его верховенства над Русью. В то же время автор доклада полагает, что Русь не знала прямой политической зависимости от империи, поскольку византийский император не обладал ни политическими, ни военными возможностями для установления своего господства над русскими князьями. Это противоречие, по убеждению докладчика, снимается, если учесть те представления о суверенитете, которые имели место в Восточной Европе в период средневековья. Русские, считает Д. Д. Оболенский, отлично могли представлять отношения своей страны с Византией в двух различных планах: в своих собственных землях русский князь был суверенным владыкой, но по отношению к империи занимал подчиненное положение.

Касаясь проблемы культурного влияния Византии на Русь, докладчик предостерегал от преувеличения самобытности местных культурных достижений. По мнению Д. Д. Оболенского, местные варианты в целом могут оказаться менее важными, чем вся система ценностей, которую русские получили от Византии.

Доклад вызвал оживленную дискуссию, в ходе которой было отмечено большое теоретическое значение поставленной проблемы — выяснение средневековой специфики политических взаимоотношений Византии и Руси.

В выступлениях З. В. Удальцовой, Я. Н. Шапова, Э. Станеску (Румыния), Г. Цанковой (Болгария) подчеркивалось, однако, что автор доклада склонен рассматривать русско-византийские отношения статически, в отрыве от экономического, социального и политического развития обоих государств. Д. Д. Оболенский допустил значительное преувеличение роли церковно-политических теорий и религиозных мотивов в развитии русско-византийских отношений и в то же время недооценку реальных политических отношений империи с Русью.

Е. Ч. Скржинская отметила необходимость изучения экономических связей Византии с Киевским государством и предложила новое решение конкретного вопроса — локализации одного из пунктов византийской торговли в Северном Причерноморье — «России» (Маврокастрон) в устье Днестра.

Споры вызвали выводы Д. Д. Оболенского о характере влияния византийской культуры на древнерусскую.

Не получило одобрятельного отклика скептическое отношение докладчика к достижениям местных культур, хотя он признал, что сами по себе они могли быть значительны, — по сравнению с выдающимися ценностями византийской цивилизации. В то же время в прениях подчеркивалась плодотворность прозвучавшей в докладе мысли о необходимости дифференцированного подхода к явлениям древнерусской культуры, поскольку в различных сферах духовной жизни византийские влияния воспринимались с разной степенью интенсивности. В частности, Я. Н. Шапов, полемизируя с утверждением докладчика о прямом заимствовании Русью наряду с религией, литературой и искусством византийского права, показал, что на Руси право возникло как местное, ставшее из обычного светского письменным церковным в результате активных действий со стороны церковной организации и помощи княжеской власти. Влияние византийского церковного права в ранний период, в XI—начале XII в., было малозаметно. В то же время в области литературных связей, как отметил в своем выступлении профессор Г. Хауссиг (ФРГ), византийское влияние на Русь можно ощутить уже в X в.

Дискуссия о характере политических отношений Византийской империи с Русским государством, начатая в секции медиевистики докладом Д. Д. Оболенского, была продолжена в докладе директора византиноведческого Института в Белграде академика Г. А. Острогорского «Русь и византийская иерархия государств». Этим докладом открылись заседания Комиссии по византийским исследованиям.

Г. А. Острогорский отдал должное той политической концепции Византийской империи в ее отношении к внешнему миру, о которой уже шла речь в докладе Д. Д. Оболенского. Докладчик показал, что выражением этой концепции было представление о византийской иерархии государств, в которой каждое государство имело свой иерархический ранг. Однако основной мыслью доклада Г. А. Острогорского явилось обоснование глубочайшего противоречия между политической теорией о главенстве византийского императора над всем христианским миром и реальной исторической действительностью. По мнению докладчика, изучение реалий русско-византийских отношений решительно опровергает представление о вассальной зависимости Руси от империи и позволяет говорить лишь об известной зависимости идейного порядка.

В докладе было показано последовательное возрастание политического престижа Русского государства. Если в X в. представители Руси занимали самое скромное место в византийской иерархии государств, то с принятием христианства и вовлечением Руси в орбиту византийской цивилизации она заняла значительно более высокое место, хотя, отметил докладчик, в идейном плане и должна была признать известный приоритет Византии.

Докладчик сопоставил реальное положение Руси в византийской иерархии государств с положением действительных вассалов империи — Сербии, антиохийского и армянского княжеств, правители которых были обязаны оказывать Византии вассальную военную помощь, а сербский великий жупан в XII в. назначался и смещался византийским императором.

В то же время византино-русские отношения в XII в., в эпоху Комнинов, когда империя была сильна, характеризуются как договорные и союзные. Позднее, в условиях упадка Византии и укрепления Русского государства и соседней Византии на Балканах — сперва Болгарии Симеона, а затем Сербии Стефана Душана, — оказались поколебленными самые основы византийской политической системы, хотя Византия и продолжала отстаивать верховные права своего императора.

Пропась между политическими претензиями империи и реальной действительностью достигла предела в XIV—XV вв., когда вконец обнищавшая, гибнущая под натиском турок Византия посылала на Русь «милости просити», а Москва отказалась признавать какие-либо права византийского императора, хотя и продолжала признавать авторитет греческой церкви.

Основной вывод доклада Г. А. Острогорского об отсутствии какой-либо политической зависимости Русского государства от Византийской империи получил полную поддержку в ходе обсуждения. В выступлениях Е. Э. Липшиц, В. Т. Пашуто, Г. Л. Курбатова, А. П. Каждана, болгарской византистки В. Тыпковой-Займовой была отмечена важная методическая особенность доклада: русско-византийские отношения исследуются здесь в их эволюции, притом на общеевропейском фоне. В этом докладе сделан значительный шаг вперед от изучения церковно-политических отношений Византии и Руси к исследованию их роли в истории международных отношений средневекового мира. Доклад Г. А. Острогорского, подчеркнул Г. Л. Курбатов, выходит далеко за пределы изучения только византино-русских отношений, проливая новый свет вообще на исследование системы взаимоотношений Византии с соседними народами.

Следующие два доклада могут быть объединены общей рубрикой «Русские в Таврике». Первым из них был доклад французской исследовательницы, профессора Сорбонны *Элен Арвейлер* «Отношения византийцев и русских в IX столетии».

Используя византийские и отчасти западные источники, Э. Арвейлер предприняла в своем докладе попытку разрешить спорный вопрос о местонахождении Руси в IX в. За отправной пункт своего исследования докладчица избрала известия византийских памятников о нападении русских на Константинополь в 860 г. То обстоятельство, что экспедиция была хорошо подготовлена, русские суда хорошо оснащены и экипированы, по мнению докладчицы, дает основание полагать, что русские имели морскую базу, которая должна была находиться в местности, сравнительно близкой к Константинополю, и во всяком случае недоступной контролю Херсона. Как известно, Херсон осуществлял надзор за западной частью северного побережья Черного моря и обычно оповещал Константинополь об опасности. Полная неожиданность нападения русских на Константинополь в 860 г. наводит на мысль, что они прибыли не с севера, а с востока, где — предположительно на побережье Амастриды — они имели свою базу. Местом же их расселения докладчица считает северо-восточный район современного Крыма, территорию, которую византийцы называли Тавроскифией, а селившихся здесь русских — тавроскифами.

Русские Тавроскифии были в начале 60-х годов IX в. крещены, после чего, по утверждению докладчицы, оказались в политическом подчинении у Византии и подверглись сильному византийскому влиянию. Их христианизация не имела той глубины и широты, которыми отличалась христианизация русских Киева, предпринятая более чем столетие спустя. В дальнейшем, полагает Э. Арвейлер, значение этой христианизации, равно как и подлинная политическая роль этого русского центра, были забыты в результате последующего возвышения северных русских политических образований в Поднепровье.

Выступившие в прениях по этому докладу В. Т. Пашуто, Г. Л. Курбатов, И. П. Шаскольский отметили, что доклад проигрывает из-за одностороннего использования источников и недостаточного привлечения автором русской и советской литературы вопроса. По мнению выступавших, Э. Арвейлер не удалось привести убедительных доказательств существования русской государственности в Крыму. В. Т. Пашуто обратил внимание докладчицы на то, что в науке доказано существование славянских, русских политических образований (поляне, северяне, вятичи) уже с IX в.

Следующим был прочитан доклад профессора Колумбийского университета в Вашингтоне *И. Шевченко* на тему «Время и автор так называемых фрагментов готского топарха». Объектом внимания *И. Шевченко* явился анонимный памятник, обычно датированный концом X или XI в., который содержит рассказ о событиях в Причерноморье, связываемых одними авторами с действиями князя Владимира в Крыму, другими — с Поднепровьем или Подунавьем. Этот документ в 1819 г. был опубликован известным французским эллинистом Карлом Бенедиктом Газе и получен в научной литературе наименование «Записки готского, или греческого, топарха». Как известно, фрагментарность и неопределенность содержания «Записки» породили много споров и различных вариантов его интерпретации.

И. Шевченко предложил новое решение так называемой проблемы «греческого топарха». Он выступил на Конгрессе с гипотезой, согласно которой этот памятник является фальсификатом, сочиненным самим издателем. Газе якобы стремился удовлетворить запросы своего русского мецената графа Румянцева, который интересовался неопубликованными документами по истории Древней Руси.

Докладчик подкрепил свою гипотезу обширной аргументацией, приведя три группы доказательств. Первая из них основана на изучении архива Газе. *И. Шевченко* вскрыл немало противоречий в бумагах издателя, касающихся будто бы исчезнувшей впоследствии рукописи «Записки». Вторая группа включает выводы из текстологического анализа рукописного списка памятника, сделанного издателем. Докладчик указал на палеографические неоправданные замены одних слов другими, на необычное для византийской литературы X—XI вв. употребление ряда терминов, в частности слова «эллинский» в значении «цивилизированный» — вместо обычного «языческий», или титула «василевс» применительно к повелителям варваров.

Третья группа аргументов *Шевченко* касается личности самого издателя как ученого и человека. По мнению докладчика, тщеславие и любовь Газе к деньгам, своеобразие этических представлений окружавшей его среды, с одной стороны, и превосходные качества ученого, знатока греческого языка — с другой, могли служить мотивами создания фальсификата.

Доклад *И. Шевченко* произвел большое впечатление на аудиторию своей оригинальностью, неоспоримым исследовательским мастерством.

Тем не менее все выступавшие — Г. Л. Курбатов, Г. Г. Литаврин, М. Я. Сюзюмов, Б. Л. Фонкич были солидарны в том, что эта гипотеза не может быть принята в качестве окончательного решения проблемы. Как показали оппоненты *Шевченко*, выдвинутая им аргументация при всем ее остроумии и широте тем не менее уязвима. Значительная часть доказательств по своему характеру субъективна: приведенных в докладе фактов об обстоятельствах обнаружения и издания памятника, о личности самого Газе и его коллегам явно недостаточно для уверенных и строго научных выводов. Текстологический анализ докладчика тоже нуждается в коррективе. Г. Г. Литаврин и Б. Л. Фонкич убедительно показали, что заключения *И. Шевченко* об использовании терминологии, применение лексических и фразеологических параллелей в тексте «Записки» и других византийских памятниках далеко не бесспорны. Все выступавшие признали памятник подлинным, но отметили, что он нуждается в дальнейшем изучении, в ином толковании, возможно, в иной датировке, нежели те, которые до сего времени были сделаны.

В докладе профессора Тюбингенского университета (ФРГ) *Людольфа Мюллера* из обширной темы «Русские в Византии и греки на Руси» была взята только одна частная проблема — о роли греческих митрополитов на Руси до 1240 г. Докладчик ставит вопрос: в чем видели греческие митрополиты смысл своей деятельности на Руси — были они политическими представителями византийского императора и действовали в его интересах или они были духовными пастырями вверенной им церкви. Автор полагает, что в их деятельности не было политической окраски и что они выступали лишь как духовные руководители церкви.

Работа Комиссии по византийским исследованиям завершилась докладом *В. Н. Лазарева* «Связи древней Руси и Византии в области искусства». В этом докладе, сопровождавшемся показом русских и византийских памятников, были вскрыты характер и степень византийского влияния на архитектуру и живопись Древней Руси, прослежены эволюция и стадии этого влияния. В. Н. Лазарев полагает, что наиболее тесными византино-русские связи в искусстве были в XI в., а позднее, вместе с упадком империи, постепенно ослабевало влияние византийской цивилизации, более того, оно в известной мере начинало даже задерживать развитие русского искусства. Докладчик подчеркнул наличие глубоко самобытных черт в русском искусстве, особенно проявляющихся с начала XV в.

Основные положения доклада В. Н. Лазарева были развиты в выступлениях О. С. Поповой, М. А. Ильина, А. И. Комеча, О. И. Подобедовой.

Близким к тематике византийской Комиссии Конгресса оказался в ряде разделов доклад бельгийского ученого *Шарля Верлиндена* «Торговля на Черном море с начала византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1517 г.», прочитанный в секции медиевистики. В докладе содержался раздел, посвященный русской торговле на Черном море, причем докладчик уделил главное внимание торговле русскими рабами, подчеркнув ее значительный размах.

В прениях по докладу А. Л. Хорошкевич отметила, что работорговля была в значительной мере побочным результатом татаро-монгольского ига. Рабы поступали в Тану обычно после татарских нападений на русские земли, население которых уходило в плен. Торговля эта затрудняла хозяйственное развитие России, влияла отрицательно и на развитие экономики Европы, где работорговля способствовала в известной мере сохранению архаичных форм эксплуатации.

По мнению Е. Ч. Скржинской, Б. Цветковой (Болгария), докладчик сузил проблему русской торговли на Черном море, сведя все ее многообразие к одной лишь торговле рабами.

Споры вызвал доклад известного медиевиста и историка церкви *Френсиса Дворника* (США) «Миссии греческой и западной церквей на Востоке в средние века». Доклад был посвящен миссионерской деятельности византийской и католической церквей за тысячелетний период — с IV по XIV в. Интерес вызвала прежде всего попытка докладчика обобщить огромный фактический материал, ибо автор рассматривает проблему на широком фоне исторических событий и на огромном пространстве — от Адриатического моря до Тихого океана. Сопоставление обширного материала, сделанное в докладе, полезно и плодотворно, так как наглядно обнаруживает масштабы активности христианской церкви в средние века.

Однако миссионерская деятельность христианской церкви представляется Ф. Дворнику преимущественно как явление духовно-просветительское, тогда как на самом деле она была результатом политической деятельности Рима, Константинополя и других христианских центров. Миссионерская деятельность христианских церквей в докладе оказалась представленной как единый процесс, плавный поток взаимодействия христианства, с одной стороны, и нехристианского мира, подлежащего христианскому просвещению, — с другой. Цель расколов, борьба течений и сект в истории христианской церкви, результаты которой сказывались на ходе миссионерской деятельности, — эти вопросы оказались вне поля зрения докладчика.

Тенденция к идеализации миссионерской деятельности, ее отрыв от политических целей христианской церкви — таков основной недостаток доклада Ф. Дворника, отмеченный его оппонентами В. Т. Пашуто, А. П. Кажданом, А. П. Новосельцевым, А. И. Роговым.

К. А. Осипова

ДЕВЯТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКАЯ СЕССИЯ В ЕРЕВАНЕ

Состоявшаяся 11—13 мая 1971 г. в Ереване девятая византиноведческая сессия подвела итоги развития советского византиноведения за два года, прошедшие со времени последней, восьмой конференции византинистов в Свердловске в октябре 1969 г. Сессия была организована Отделением истории АН СССР и Отделением общественных наук АН Армянской ССР. В ее работе приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Свердловска, Баку, Тбилиси, Еревана, Волгограда, Казани, Калининграда, специалисты по истории Византии, Древней Руси, Грузии, Армении, археологи, литературоведы, искусствоведы, работники музеев и библиотек. На пленарных и секционных заседаниях было прочитано около 70 докладов. Одновременно работали четыре секции: истории и истории права; истории общественного мнения и литературоведения; источниковедения и вспомогательных дисциплин; археологии, архитектуры и истории искусства.

Конференция была посвящена основным проблемам истории Византии и пограничных с ней государств. Были рассмотрены наиболее спорные и малоизученные вопросы: 1) особенности византийского феодализма и специфика развития феодальных отношений в сопредельных странах; 2) взаимоотношения Византии с Древней Русью и государствами Закавказья; 3) история византийской культуры и ее взаимодействие с культурой народов Кавказа, Древней Руси и славянских стран.

Сессию открыл председатель Оргкомитета академик АН Армянской ССР *С. Т. Еремян* (Ереван). Он отметил большое значение изучения истории и культуры Византийской империи, поскольку она оказала огромное влияние на сопредельные с ней страны. Вместе с тем он подчеркнул невозможность исследования истории Византии независимо от истории соседних с нею народов, сыгравших определенную роль в ее жизни. В отличие от зарубежных ученых, уделявших внимание в основном политической истории Византии и истории византийской культуры, советские византинисты

главный акцент делают на исследовании социально-экономической истории империи, истории классовой борьбы и общественной мысли.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась *З. В. Удальцова* (Москва), заместитель председателя Оргкомитета. Она с благодарностью вспомнила академиков *Е. А. Юсминского*, *В. И. Пичету* и *М. Н. Тихомирова*, которые содействовали возрождению нашей дисциплины и были инициаторами созыва специальных научных сессий. *З. В. Удальцова* указала на традиционность византиноведческих конференций, являющихся фактором сплочения сил советских византинистов. По мере развертывания византиноведческих исследований изменялась тематика этих совещаний, расширялся состав их участников. На сессиях ученые всегда дебатировали основные дискуссионные и малоизученные вопросы византиноведческой науки. Критичность выступлений участников совещаний помогала преодолевать недостатки в работе и идти вперед. Особо *З. В. Удальцова* отметила рост кадров византинистов в союзных республиках: в Армении, Азербайджане, Грузии, которым в настоящее время принадлежит видное место в исследованиях по византиноведению.

Одной из самых сложных и трудных проблем, почти не затронутых ранее в трудах советских византинистов, — типологии генезиса феодализма в Византии — был посвящен доклад *З. В. Удальцовой*. Докладчица попыталась теоретически осмыслить типологические особенности формирования феодализма в Византии. Ею был рассмотрен вопрос о принципах и критериях типологизации и подчеркнута определяющая роль социально-экономических факторов в создании типологии феодализма. Среди наиболее важных социально-экономических факторов типологизации, имеющих стабильное воздействие на формирование феодального строя, *З. В. Удальцова* выделяет: темпы развития производительных сил; структуру и форму собственности; степень воздействия природной среды в различных географических зонах. К менее стабильным факторам она относит: эволюцию и форму общины, структуру и темпы развития городов, взаимоотношения города и деревни, особенности феодальной вотчины, формы ренты, характер эксплуатации и классовой борьбы. Такие важные факторы, как демографический и этнический сдвиги, воздействие государства и эволюция форм государственности, внешние завоевания, а также идеологические явления (религия, идеология, культура, социальная психология), по мнению исследовательницы, бесспорно воздействуют на формирование того или иного варианта феодального общества. Но они еще мало стабильны и порою играют противоречивую роль.

В основу типологизации генезиса феодализма в Византии *З. В. Удальцова* ставит теорию феодального синтеза, впервые выдвинутую классиками марксизма-ленинизма. Типологическими особенностями генезиса феодализма в Византии докладчица считает более длительное, чем на Западе, сохранение рабства и рабовладельческих форм собственности; наличие синтеза протофеодальных элементов варваров, преимущественно славян, с ростками феодализма в Византии, что нашло отражение в создании общины Земледельческого закона; более длительное сохранение в Византии городов и более медленное разложение античного полиса; существование в ранней Византии централизованного государства, государственной собственности на землю и централизованных форм закрепощения крестьян. Эти типологические особенности определили характер феодальных институтов в Византии, где не было полной кристаллизации иерархической структуры собственности, системы вассалитета, феодальных дружин, субинфеодации и других черт вассально-ленной системы, нашедших наиболее яркое выражение в странах Западной Европы.

Сложный и малоисследованный вопрос о характере общества, предшествовавшего в Византии и на Западе феодализму, был рассмотрен в докладе *М. Я. Сюзюмова* (Свердловск). Он по-новому подходит к его решению. *М. Я. Сюзюмов* выдвигает концепцию «исторической ситуации». Ученый полагает, что в государствах Западной Европы и Ближнего Востока, образовавшихся на территории бывшей Римской империи и связанных прямо или опосредованно своим развитием с античной цивилизацией, создается своеобразная «историческая ситуация», возникает особый, переходный, дофеодальный период, который не может быть отнесен ни к рабовладельческому, ни к феодальному строю. Докладчик утверждает, что для этого периода характерно преобладание свободного общинного крестьянства и господство мелкого хозяйства. Центральной фигурой в деревне становится свободный крестьянин, развитие феодализма происходит из общины и через общину. Дофеодальный период в Византии он датирует VII—XI вв.

М. Я. Сюзюмов негативно оценивает варварские вторжения. По его мнению, не могло быть и речи ни о каком союзе между восставшими рабами, колонами, разоренным крестьянством и варварами, которые зачастую выступали как союзники римской знати и использовались ею в качестве карателей против народных масс.

Проблема разложения античной городской собственности в Византии в IV—VII вв. была поставлена в докладе *Г. Л. Курбатова* (Ленинград). Основное внимание он сконцентрировал на выяснении значения внутригородской коллективной собственности в жизни ранневизантийского города, проследил этапы ее упадка и показал влияние этого процесса на изменение характера города.

Г. Л. Курбатовым были обобщены результаты многочисленных исследований и по-новому осмыслен накопленный за последние годы фактический материал по ис-

тории ранневизантийского города. Он нарисовал общую картину развития города в IV—VII вв. Докладчик полагает, что в IV в. городская община продолжала оставаться собственником значительной части внутригородской территории и многих внутригородских построек и имуществ. Это обеспечивало ей руководящую роль в городском хозяйстве. Анализ источников позволил сделать вывод о переходе в IV в. части внутригородских владений общины в собственность государства, что повлекло за собой ослабление античной полисной организации. В V в. отмечается углубление этого процесса. Значительная часть внутригородской собственности общины сосредотачивается в руках государства, отдельных лиц, церкви и корпораций. Городская община все больше теряет свое политическое и хозяйственное значение. По словам докладчика, ранневизантийский город постепенно утрачивал не только доходы, получаемые с подвластной ему сельской округи, но и собственную внутригородскую базу поддержания общественного хозяйства, характерную для античного полиса.

Г. Л. Курбатов утверждает, что окончательное исчезновение античной основы полиса произошло в VI в., и это привело к полному упадку городского хозяйства и превращению города в простую совокупность владений нескольких собственников, а население — в зависимое от них. Чаще всего таким собственником становится церковь. Вместе с тем Г. Л. Курбатов отмечает и возрастание роли государственной собственности в городах VI в. Все это, по его мнению, свидетельствует об умирании античного рабовладельческого полиса в VI—VII вв.

Характеристика состава господствующего класса в Византии XI—XII вв. была дана в докладе А. П. Каждана (Москва). Изучив данные всех источников указанного времени о семьях византийской знати, докладчик выделил в ней три главные группы, отличающиеся своим происхождением, общественными функциями и судьбами: 1) военную аристократию; 2) служилую аристократию — синклитиков; 3) лиц, «вознесенных царской милостью» и не оставивших после себя фамилии, в том числе евнухов и иноземных наемников. Он проследил также формирование социальной группы — царских родичей. А. П. Каждан дал социальный анализ господствующего класса, выяснил место различных группировок в администрации империи, их отношение к земельной собственности, происхождение. Это позволило ему прийти к выводу о том, что в XI—XII вв. происходит консолидация верхушки господствующего класса, которая монополизировала в своих руках военную администрацию государства и имеет тенденцию в XII в. превратиться в замкнутую группу семей, связанных системой браков. По мнению А. П. Каждана, эта группа — знать сравнительно молодая, происходившая из Малой Азии и Фракии, владевшая наиболее крупными поместьями. Она четко отделяет себя от так называемых синклитиков, возглавлявших гражданскую администрацию.

Одна из центральных проблем — проблема становления и развития феодальных отношений в Армении — была поднята в докладе С. Т. Еремян (Ереван). Он проследил основные этапы генезиса феодализма в Армении и охарактеризовал роль Византии в этом процессе. Эволюция феодального способа производства в Армении рассмотрена им в тесной связи с социально-экономическим развитием Византии. Феодальные отношения в Армении зародились в результате разложения рабовладельческой формации, и вызревание их протекало синхронно с кризисом рабовладения и падением Римской империи.

Историю Армении до XIII в. С. Т. Еремян разделил на три периода: дофеодальный (II—III вв.), раннефеодальный (IV—VIII вв.) и период зрелого феодализма (IX—XIII вв.).

По его мнению, во II—III вв. в недрах рабовладельческого общества зарождается и укрепляется феодальная собственность на землю. Крестьяне-общинники и рабы, посаженные на землю, постепенно превращаются в феодально-зависимое крестьянство. Утверждение феодального уклада сопровождалось крайним обострением классово-вой борьбы. Проявлением процесса феодализации Армении С. Т. Еремян считает образование крупных наследственных владений — нахарарств, феодальных по своему характеру. Все это, с его точки зрения, привело к сужению социальной базы династии Аршакидов и к ее падению в 428 г. В 387 г. Армения была разделена между Сасанидским Ираном и Восточной Римской империей. Отметив замедленность развития феодализма в византийской части Армении, С. Т. Еремян указал, что оно шло в общем русле складывания новых социально-экономических отношений в малоазиатских провинциях, подвластных Византии.

Рубежом, который отделяет дофеодальное общество от феодального, по словам докладчика, является падение армянского централизованного рабовладельческого государства. В IV—VIII вв. происходит формирование различных категорий феодальной собственности на землю и основных форм ренты. В докладе освещен вопрос о классовой борьбе в Армении, показано значение движений павликиан и тондракитов и большое внимание уделено борьбе армян и других народов Закавказья против иноземных захватчиков: Сасанидского Ирана, Византии и Арабского халифата.

С. Т. Еремян остановился на характеристике влияния арабского завоевания на процесс феодализации Армении. Он утверждал, что оно, хотя и задержало на целое столетие развитие феодальных отношений, внесло в них качественно новые моменты. В указанную эпоху наряду с наследственным землевладением складывается военно-ленное и укреп-

ляется церковно-монастырское землевладение, на которое распространяется налоговый и судебный иммунитет.

В заключении С. Т. Еремян ограничился констатацией дальнейшего развития феодальной собственности на землю в Армении в IX—XIII вв., в период зрелого феодализма.

Характеристика армянской мозаики IV—XV вв. дана в докладе *Б. П. Аракеляна* (Ереван). Он перечислил известные в настоящее время армянские памятники мозаичной живописи и отметил, что на них оказали влияние два направления мозаичного искусства Византии: сиро-палестинское, отличающееся геометричностью и получившее распространение не только в восточных, но и в западных провинциях империи, и константинопольское, характеризующееся живописностью. Анализ художественных и стилистических особенностей сохранившихся армянских мозаичных памятников показал, что большая часть их принадлежит к сиро-палестинскому направлению.

В докладе *С. Г. Кауччшвили* (Тбилиси) говорилось о необходимости использования грузиноведами и армяноведами византийских источников IV—XV вв., которые содержат весьма ценные сведения по истории Грузии и Армении и подтверждают данные армянских и грузинских памятников. Известия византийских авторов помогают правильно осветить ряд важнейших событий средневековой Грузии (принятие христианства в Западной Грузии в IV в., восстание армян и грузин в 571—572 гг.), дают богатый материал для характеристики грузино-византийских связей X—XI вв., для изучения истории культуры. С. Г. Кауччшвили подчеркнул огромное значение дружбы армян и грузин, боровшихся за свою независимость с Византией и Ираном. Именно совместные действия двух братских народов способствовали свержению персидского ига в 572 г.

Доклады, зачитанные на исторической секции, были посвящены отдельным вопросам социально-экономической и политической жизни Византии и соседних с ней стран.

В докладе *Е. Э. Липшиц* (Ленинград) анализировалась финальная формула, сохранившаяся в пятнадцати конституциях второго Кодекса Юстиниана, изданных в один и тот же день, 30 октября 529 г. Охарактеризовав формулу, докладчица выяснила ее специфику. По мнению Е. Э. Липшиц, особенность формулы состоит в том, что в ней, в отличие от субскрипций прочих конституций Кодекса, приведена не только дата издания законов, но и есть указание на их оглашение. Е. Э. Липшиц считает, что формула содержит важные для истории законодательства VI в. известия. В ней находятся точные данные о местонахождении нового консistorия Юстиниана в Константинополе. Торжественность формулы, по словам исследовательницы, указывает на принадлежность рассматриваемой группы законов к числу *leges generales*, подлежащих, по данным законов V в., оглашению (для их утверждения) в сенате или консistorии. Указанную особенность формулы Е. Э. Липшиц объясняет датой появления анализируемой группы законов: время их издания совпадает со смещением Фомы с поста квестора Священного дворца и заменой его Трибонианом, который и был редактором второго Кодекса Юстиниана. Е. Э. Липшиц полагает, что сохранение сведений об оглашении законов в субскрипции связано именно с этой датой, являющейся поворотным пунктом в карьере Трибониана.

О результатах изучения армянской редакции так называемого Сиро-римского Судебника, дошедшего до нас на сирийском, армянском и арабском языках, доложил *Х. А. Торосян* (Ереван). Исследовав четыре существующих редакции Судебника, докладчик пришел к выводу о том, что все они не зависят друг от друга, а восходят к одному, общему для них греческому оригиналу. Х. А. Торосян считает, что первоисточник Судебника возник на востоке империи, в армянских сатрапиях, население которых было лишь отчасти эллинизировано, но сохранило национальную самобытность, автономию в управлении и имело прерогативу применения своего права. Он отметил, что в Судебнике наряду с римским правом имеются элементы местного, неримского права. Анализ этого права подтвердил точку зрения докладчика.

Эволюция терминов, применявшихся для обозначения рабов в ранневизантийском законодательстве, прослежена *Г. Е. Лебедевой* (Ленинград). Докладчица показала, что использование в Кодексах Феодосия и Юстиниана тех или иных терминов, определяющих рабов, почти всегда зависит от характера рассматриваемых отношений. Она выявила некоторые различия в терминах, обозначающих рабов, в зависимости от их принадлежности к различным группам населения и учреждениям. Вместе с тем Г. Е. Лебедева отметила стирание четкого терминологического разделения рабов в IV—VI вв. По ее мнению, в законодательстве этого периода усиливается унификация терминологии, наиболее употребительными становятся термины, просто указывающие статус рабов (*servus*).

Проблема социально-экономического развития египетского города византийского периода поднята в докладе *И. Ф. Фихмана* (Ленинград). В результате исследования папирологического материала из Оксиринха, «города папирусов», И. Ф. Фихман пришел к выводу, что Оксиринх — «типичный» египетский город, изучение которого помогает выяснению структуры и закономерностей развития большинства египетских городов. Ученый относит Оксиринх к группе средних городов. В нем, хотя он и не был крупным ремесленным или торговым центром, были представлены почти все отрасли производства при господствующей роли сельского хозяйства. По мнению автора, эконо-

мика города носила несомненно товарный характер, замкнутость хозяйства, автархия не были свойственны даже крупным имениям. И. Ф. Фихман убедительно доказал, что основной формой хозяйства, в том числе и в крупных имениях, было мелкое производство, основанное на труде юридически свободного работника; рабский труд, и ранее не игравший особой роли, теперь полностью теряет свое значение в производстве. Докладчик отметил, что корпоративное движение, которому были присущи многие черты, предвещающие будущую средневековую цеховую организацию, хотя и достигло большого развития, но занимало подчиненное положение как по отношению к государственным властям, так и к крупным землевладельцам, наиболее влиятельной социальной силе, определявшей судьбу города.

Анализ социальной стратификации сенаторской знати Константинополя в первой половине VI в. дан в докладе А. А. Чекаловой (Москва). Она отметила большую пестроту и сложность состава столичной аристократии, куда наряду с представителями старой римской аристократии и потомками вельмож, выдвинувшихся в IV—V вв., входило много высочек, которым помог подняться случай или талант. Докладчица охарактеризовала экономическое и политическое положение сенаторов. Она показала, что сенаторы владели имениями, эргастериями и разнообразным движимым имуществом. По ее мнению, сенат в первой половине VI в. не играл существенной политической роли; активное участие в государственной жизни империи принимали лишь отдельные сенаторы.

Характеристика налоговой политики правительства Византии в X—XI вв. по отношению к заброшенным крестьянами и запустевшим землям содержится в докладе Г. Г. Литаврина (Москва). Докладчик рассматривает такие институты, как симпатии и класмы, эпибола и алленгий, которые, по его мнению, существовали одновременно, а не сменяли друг друга. Он считает их появление не какой-то существенной налоговой реформой, подрывавшей основы старой податной системы, а попыткой частичного подновления конструкции традиционного фискального «механизма» Византии. Г. Г. Литаврин полагает, что введение этих перемен определялось волей и интересами центральных и провинциальных чиновников фиска. Феодализация империи в X—XI вв. выразилась, по его словам, не только в росте крупного землевладения и в развитии разных форм крестьянской зависимости, но также в эрозии регулируемой законом иерархической структуры учреждений фиска.

Предварительные итоги изучения «Тактики Льва», памятника конца IX — начала X в., в связи с влиянием войны на византийскую экономику сообщил В. В. Кучма (Волгоград). Докладчик указал на неразработанность данной проблемы в специальной литературе и наметил пути ее дальнейшего изучения.

В докладе В. Д. Королюка (Москва) шла речь о существовании в период раннего средневековья в Центральной и Юго-Восточной Европе так называемой «контактной зоны», находящейся между зоной синтеза (Византия, Далмация) и бессинтезной зоной (Русь, Польша, Чехия, полабо-прибалтийское славянство). Для «контактной зоны» характерны наличие античной этнической подосновы, сохранение континуитета в области материальной культуры, существование элементов синтеза античности и варварства. Спецификой социально-экономического и этнического синтеза в указанном районе, по мнению В. Д. Королюка, является взаимодействие трех культурно-хозяйственных типов: 1) пришлого кочевого, 2) местного пастушеского, 3) местного и пришлого (славянского) земледельческого, что, по его словам, сыграло важную роль в общем развитии названной зоны и обусловило существенные особенности этого культурного ареала.

Вопрос о внутреннем управлении городов Северной и Центральной Далмации в IX—XI вв. рассмотрен в докладе М. М. Фрейденберга (Калинин). На основании документов городских канцелярий докладчик приходит к выводу, что в городах в этот период существовала уже сложившаяся коммунальная организация, магистраты (трибуны, приоры, судьи) вербовались из нобилей, принимавших активное участие в городском управлении. Однако М. М. Фрейденберг не считает, что в коммунах возобладал аристократический, патрицианский характер. По его мнению, основная роль в решении главных вопросов городской жизни принадлежала общей сходке (*parlamentum*).

Во многих докладах была затронута проблема взаимоотношений Византии с соседними странами.

Взаимоотношения Византии и сельджуков в XI—XII вв. были рассмотрены в докладе Р. А. Гусейнова (Баку). По его мнению, именно в этот период решался вопрос о политическом гегемоне, путях и характере дальнейшего развития Передней Азии и Юго-Восточной Европы. Р. А. Гусейнов показал, какое значение для судеб этих областей имели поражения Византии при Манцикерте (1071 г.) и Мирвокефале (1176 г.). В результате победы сельджуков империя окончательно лишилась возможности восстановить свои владения и влияние в Закавказье, Малой Азии и Юго-Восточной Европе.

В ряде докладов были охарактеризованы взаимоотношения Византии с Кавказской Албанией, Азербайджаном, Ираном (Н. Гулиев, Ф. Дж. Мамедова, Р. Б. Геюшев — Баку).

Взаимоотношения Византии и Арабского халифата в середине VII в. были освещены в докладе А. Н. Гер-Гевондяна (Ереван). Докладчик рассказал о завоевании арабами земель, принадлежавших Византии, создании на них опорных пунктов в борьбе

с империей и охарактеризовал начальный этап образования арабо-византийской пограничной области.

Доклад *К. Н. Юзбашяна* (Ленинград) был посвящен топонимике и топографии средневековой столицы Армении Ани в период византийского владычества. На основании сведений, извлеченных из исторических сочинений, колофона анийской рукописи 1298 г., эпиграфических и археологических источников, докладчик выдвинул совершенно новую точку зрения относительно локализации крепости Ани Нерки Берда, которую исследователи отождествляли либо с анийским Вышгородом, либо с районом, находившимся перед Вышгородом, к северу от него. По мнению *К. Н. Юзбашяна*, Нерки Берд — это полуостров на самой южной оконечности Ани, получивший позднее название Девичьей крепости. *К. Н. Юзбашян* полагает, что Нерки Берд — историческое ядро города, с которого началась его застройка.

Характеристика деятельности выдающегося полководца и дипломата конца XI в. Филарета Варажнуни содержится в докладе *В. А. Арутюновой* (Ереван). Она выясняет причины возникновения и гибели государства Филарета, захватившего значительную территорию от Северо-Западной Армении до Средиземного моря (Сирию, Месопотамию, Киликию) и удерживавшего ее под своей властью более 15 лет. Главной причиной успеха Филарета, по мнению докладчицы, были не столько его личные дарования, сколько «междоусобица» в этой области после битвы при Манцикерте, когда турки-сельджуки еще не захватили названные территории, а Византия уже не могла их защитить. Причины гибели государства Филарета *В. А. Арутюнова* усматривает в его провизантийской политике, в постоянном вмешательстве в дела армянской церкви, в его ханкидонитстве.

Многообразной была тематика докладов, посвященных истории византийской литературы.

Проблема использования античного наследия раннехристианскими авторами поставлена в докладе *Т. А. Миллер* (Москва). Она охарактеризовала диалог «Пир» писателя III—IV вв. Мефодия из Ликии, отличающийся от позднеантичных произведений того же жанра особой близостью к платоновскому тексту. До сих пор исследователи художественных особенностей «Пира» Мефодия, сопоставляя его с «Широм» Платона, отмечали «слабость» Мефодия по сравнению с его классическим образцом и рассматривали произведение христианского автора как «трактат», приукрашенный и оживленный реминисценциями из Платона. *Т. А. Миллер*, изучив содержание «Пира» Мефодия, доказала, что он при создании своего произведения использовал собственную (неподражательную) художественную технику.

Анализ художественных особенностей сочинения Евсевия Кесарийского «Житие блаженного царя Константина» сделан *Т. В. Поповой* (Москва). Она показала, как Евсевий Кесарийский, следуя общему культурно-историческому движению того времени — «эллинистскому возрождению», создает похвальное слово первому христианскому императору, ориентируясь на образцы древнегреческих панегириков. По ее мнению, в этом произведении, завершающем творческий путь писателя, Евсевием найдены новые возможности художественного выражения.

Характеристике романа Гелиодора «Эфиопики» посвящен доклад *Н. П. Зембатовой* (Москва). Одной из важнейших особенностей романа она считает совмещение двух различных истолкований событий: «истинного», или явного, и «ложного», или скрытого. В логическом плане «ложное» истолкование отвергается, но в образном плане оно входит в общую картину. Эти два плана докладчица проследила и в изображении главных героев «Эфиопик»: Феагена (природного эллина, потомка Ахилла) и Хариклии («варварки»). Брак их, по ее мнению, знаменует собой начало нового счастливого существования не только для них самих, но и для всей Эфиопии, приводя к отмене варварского обычая человеческих жертвоприношений.

Смысловая роль рефрена в культовых поэмах, так называемых кондаках, византийского поэта VI в. Романа Сладкопевца исследована в докладе *С. С. Аверинцева* (Москва). В полемике с *Х. Гродидье де Матоном*, издателем Романа, и рядом других западноевропейских ученых докладчик показал, что кондаки Романа были не версифицированными пропедами, а настоящими поэтическими произведениями. *С. С. Аверинцев* рассматривает соотношение между основным текстом кондака и его рефреном. По его мнению, рефрен, как правило, выражает художественный смысл не прямой формулировкой, но всем своим художественным соотношением с текстом. *С. С. Аверинцев* полагает, что противоречивость смыслового соотношения между рефреном и основным текстом — не простая несуразность, но содержательное и художественно плодотворное напряжение между двумя смысловыми полюсами, пластически соответствующее антиномиям христианского мировоззрения.

Фольклорные черты в житии Филарета Милостивого охарактеризованы в докладе *С. В. Поляковой* (Ленинград). Она доказала, что образ и жизнеописание Филарета строится по хорошо известному трафарету сказок о дураке-счастливице. По ее мнению, черты комического фольклора проникли в житие помимо сознания составителей, не догадывавшихся, что они повторяют готовые трафареты.

Вопрос об отношении христианских святых к астральным божествам языческого мира, о метафорическом значении света и огня в песнопениях о Георгии-великомученике поставлен в докладе *Л. С. Квирикашвили* (Тбилиси). Анализ данных

древнегрузинской гимнографии позволил ей высказать мысль о замене в христианской Грузии главнейшего языческого божества — Луны — св. Георгием.

Проблема происхождения и времени создания византийского эпоса о Дигенисе Акрите исследуется в докладе *Р. М. Бартияна* (Ереван). Анализ содержания эпоса дает возможность докладчику установить, что в нем идет речь не о переходе арабов на сторону империи, а о возвращении в Византию еретиков-павликиан во главе с эмиром города Эдессы Мусуром, сыном Хрисохира. Это произошло при Льве VI, который начал проводить по отношению к павликианам новую политику, суть которой заключалась в использовании еретиков для борьбы с внешними врагами империи и присоединении мирным путем земель, еще находившихся в их руках. Изучение эпоса о Дигенисе Акрите привело *Р. М. Бартияна* к выводу о том, что в его основу были положены появившиеся в середине IX в. народные песни, воспевающие героев-павликиан Хрисохира, Карбеаса, их союзника арабского эмира Мелитены Омара (Амбрана) и других. *Р. М. Бартиян* считает, что византийский эпос о Дигенисе Акрите окончательно сложился в середине X в. среди грецизированного населения Западной Армении.

Взаимоотношения Михаила Пселла с современниками, и прежде всего с Иоанном Ксифилином, освещены в докладе *Я. Н. Любарского* (Ленинград.) Их отношения в молодости, когда Пселл и Ксифилин принадлежали к кругу молодых интеллектуалов при дворе Константина Мономаха, *Я. Н. Любарский* характеризует как «ученую дружбу» гуманистического типа. Докладчик показал, что с середины 60-х годов XI в. Иоанн Ксифилин отходит от прежних позиций и сближается с церковно-аскетическими кругами. Это, по его словам, предопределило изменение отношений Ксифилина и Пселла, который сначала защищается от нападок первого, а затем сам критикует его с позиций христианского гуманизма. *Я. Н. Любарский* считает, что во всех перипетиях отношений с Ксифилином изменчивый Пселл занимает постоянную позицию, определяемую его мироощущением, в то время как Иоанн Ксифилин претерпевает значительную эволюцию.

Проблемы изучения творчества одного из крупнейших византийских писателей XII—XIII в. Михаила Хониата подняты в докладе *И. С. Чичурова* (Москва). Он указал на недостаточную разработанность этих вопросов и обратил внимание на необходимость исследования творчества Михаила Хониата как литературного процесса, изучения рукописной традиции и публикации его неизданного наследия. Одновременно докладчик отметил ценность сочинений Хониата как источника по аграрной истории Византии.

Доклад *Т. М. Соколовой* (Москва) посвящен жанру Менипповой сатиры в византийской литературе XII в. Изучив диалог Феодора Продрома «Продажа жизней поэтов и политических деятелей» и сравнив его с диалогом Лукиана «Продажи жизней», докладчица приходит к заключению, что византийский автор заимствовал у античного сатирика только внешнюю традиционную форму, наполнив ее новым содержанием. По мнению *Т. М. Соколовой*, византийская сатира как один из жанров средневековой греческой литературы не оставалась косной и неизменной, но развивалась с течением веков.

Литературно-критические сочинения Феодора Метохита были охарактеризованы *Л. А. Фрейберг* (Москва). Сравнив работы Феодора Метохита с критическими произведениями его предшественников, она приходит к выводу, что в сочинениях Метохита содержится принципиально иной подход к творчеству разбираемого автора. Он, по мнению *Л. А. Фрейберг*, ставит своей задачей по возможности полно раскрыть образ мыслей и дать общие оценки исследуемого им писателя.

Политические доктрины времен Андроника II рассмотрены в докладе *В. А. Сметанина* (Свердловск). Анализ данных источников XII—XIII вв. (произведений Феодула Магистра, Никифора Хумна, Феодора Метохита и др.) позволил ему сделать заключение о росте политического самосознания византийцев: наряду с наличием традиционных взглядов (Византия — мировая держава, ромей — великий народ, правление императора — залог всеобщего спасения и т. п.) наблюдается критическое отношение к существующим порядкам. В этот период резкого ухудшения внутренней и внешней обстановки в империи раздаются резкие обвинения равнодушия правящих классов к судьбам государства и народа, выдвигаются требования пересмотра положения о неподчиненности императора закону и подвергается критике система наемничества. Однако, по словам *В. А. Сметанина*, интеллектуальные силы Византии не смогли найти выход из тупика, в котором оказалась империя в указанное время.

Анализ мировоззрения византийского историка XIII в. Георгия Акрополита содержится в докладе *П. И. Жаворонкова* (Москва). Докладчик рассмотрел философские, этические и религиозные взгляды Акрополита и особенно подробно охарактеризовал его социально-политические взгляды. *П. И. Жаворонков* выяснил его отношение к никейским императорам, варварам и простому народу. По мнению автора, Георгий Акрополит был типичным выразителем интересов феодальной знати.

Подробная характеристика взглядов византийских историков XIII—XV вв. на Трапезундскую империю дана в докладе *С. П. Карпова* (Москва). Докладчик детально проследил эволюцию этих взглядов. Он убедительно показал, как в византийской историографии пробивала себе дорогу тенденция признания независимости Трапезунда и права его правителей на императорский титул. Историк XIII в. (Никита

Хониат, Николай Месарит, Георгий Акрополит, Георгий Пахимер) отрицательно относились к факту существования независимого Трапезунда и не считали законными его властителей. Однако постепенно положение изменилось. Писатели XIV—XV вв. (Никифор Григора, Сфрандзи, Дука, Халкокондил и Кривовул) стали смотреть на Трапезунд как на самостоятельное государство, а его государей называть Великими Комнинами—титолом, равнозначным титулу византийского василевса.

Анализ энкомия («похвального слова»), написанного Николаем Кавасилой, одним из видных византийских писателей середины XIV в., и посвященного Матфею, старшему сыну Иоанна Кантакузина, дан в докладе *М. А. Поляковской* (Свердловск). Подчеркнув риторический характер энкомия, она показала ценность его как исторического источника. По ее мнению, в этом произведении содержатся данные, позволяющие судить о политических настроениях и симпатиях Николая Кавасилы. В политической неподсоедовательности его *М. А. Поляковская* усматривает не изворотливость и приспособленчество, а верность идеалу «справедливого правителя», «идеального архонта».

Характеристика мировоззрения византийского историка XV в. Дуки содержится в докладе *С. К. Красавиной* (Казань). Докладчица считает, что в целом оно не выходило за рамки традиционной концепции провиденциализма, но было лишено фанатического догматизма. Вместе с тем она отмечает критическое отношение Дуки к окружающей действительности, интерес к вопросам социально-экономической истории, трезвый подход к политическим проблемам своего времени. Все это, по ее мнению, вносит новую струю в традиционное историческое мышление Византии.

Критический разбор всей новейшей зарубежной литературы об экономических воззрениях Плифона дан в докладе *И. П. Медведева* (Ленинград). Он попытался заново рассмотреть социально-экономические постулаты Плифона, поставить их в связь со всей совокупностью его философских идей, неоплатонических по своей природе и источникам. *И. П. Медведев* убедительно показал, что на основные положения плифоновской «политической экономики» наслонились также сугубо средневековые представления феодала о собственности и сословной принадлежности.

Проблемы греческой, армянской, грузинской и русской палеографии, кодикологии, сфрагистики, нумизматики, текстологии, лексикографии и гимнографии были освещены в докладах, заслушанных на секции источниковедения и вспомогательных дисциплин.

В докладе *З. Г. Самодуровой* (Москва) был дан обзор вышедших в 1945—1971 гг. работ, посвященных изучению хранящихся в собраниях Советского Союза греческих рукописей. Докладчица охарактеризовала задачи и основные направления в исследовании византийского рукописного наследия, отметила успехи, достигнутые советскими византистами в послевоенные годы, и обратила внимание на необходимость дальнейших исследований в этой области.

О собраниях греческих кодексов Варшавы и Кракова рассказал *Я. Н. Щанов* (Москва). Он охарактеризовал коллекции рукописей библиотеки Вроцлавского университета, Национальной библиотеки в Варшаве, Ягеллонской библиотеки и библиотеки им. Чарторыхских, а также перечислил отдельные манускрипты, хранящиеся в библиотеках Варшавского университета, Архиве древних актов и Главном архиве древних актов. Докладчик проследил историю создания названных собраний, выделил наиболее замечательные рукописи и привел их библиографию.

О работе, которую ведут грузинские специалисты под руководством *С. Г. Каухчишвили* по составлению византийско-грузинского документированного словаря, доложила *Л. С. Церетели-Миминошвили* (Тбилиси). Главное отличие этого словаря от двуязычных и толковых словарей заключается в том, что он строго документирован. Основным источником для его составления служат переведенные с греческого на древнегрузинский язык памятники, как опубликованные, так и рукописные, хранящиеся в музеях и архивах Грузии.

О результатах изучения содержащейся в греческой рукописи Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде переводной арабской хроники Евтихия Александрийского, отличающейся от известного перевода Христула, доложила *И. Н. Лебедева* (Ленинград). По ее мнению, перевод был выполнен до 1702 г. и происходит из румынско-константинопольского культурного очага.

Анализу греческих автографов Максима Грека был посвящен доклад *Б. Л. Фонкича* (Москва). Путем сравнения почерков Максима Грека и Михаила Триволиса *Б. Л. Фонкич* подтвердил гипотезу *И. Денисова*, предположившего, что Максим Грек и Михаил Триволис — одно и то же лицо.

Методы и принципы переводов Максима Грека были охарактеризованы *Н. В. Ситницкой* (Москва). Она доказала, что Максим Грек всегда старался найти наиболее точные эквиваленты для терминов и понятий, критически относился к тексту. Все это, по ее мнению, оказало влияние на последующее развитие русской культуры.

Проблема соотношения греческого и грузинского текстов романа о Варлааме и Иоасафе поднята в докладе *Н. Н. Гаприндашвили* (Тбилиси). Изучение греческой версии по хранящемуся в Отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве кодексу XI в., переписанному, по мнению *Н. Н. Гаприндашвили*, Феофаном Грузином, и сравнение ее с текстом, изданным у *Миня*, и грузинскими вариантами привели докладчика к выводу о существовании греческого текста романа разного объема. Он считает, что первоначально роман был более кратким, впоследствии же в Византии

он был расширен христианско-религиозными пассажирами и достиг довольно значительного размера.

Уже давно занимавший ученых вопрос о так называемых «хиопах» рассмотрен в докладе *Г. М. Прохорова* (Ленинград). Хотя докладчик и присоединился к мнению *И. Мейендорфа*, что «хионами» в Византии называли людей, обратившихся из христианства в иудаизм, «жидовствующих», он считает, что «хионе» не могли быть правоверными талмудическими иудеями. По его словам, они могли быть схизматиками в иудаизме, караимами. Сопоставив данные о «хионах» со сведениями о русских «жидовствующих» XV—XVI вв., *Г. М. Прохоров* отметил много общего между теми и другими, что позволило ему согласиться с мыслью *И. Мейендорфа* о византийской основе этой ереси у славян.

Одна из сложных проблем арменоведения — проблема критики текста «Истории Армении» Агафангела, ценнейшего источника ранней армянской истории, — была рассмотрена в докладе *П. М. Мурадяна* (Ереван). Он отметил, что до сих пор не решены вопросы, является ли армянский текст оригиналом или переводом с сирийского или греческого, единое это произведение или свод самостоятельных сочинений, насколько первоначально армянская редакция. Для восстановления древнего армянского текста «Истории Армении» Агафангел докладчик считает необходимым привлечь, наряду с армянским текстом из палимнеста IX—X вв., греческими и арабскими версиями, также и фрагменты унциальных рукописей Матенадарана и древнегрузинский перевод, восходящий к армянскому оригиналу и сохранивший один из первоначальных вариантов. По его мнению, унциальные фрагменты содержат более древний текст, чем тот, которым пользовались до настоящего времени армянские ученые. *П. М. Мурадян* систематизировал их, разработал приемы критики текста «Истории Армении» Агафангела и наметил пути дальнейшего его исследования. По словам автора, необходимо первоначально подготовить армянский критический текст с сохранением особенностей древнейших списков, затем перевести и изучить греческие и грузинские варианты, подвергнув их критике с учетом арабских версий; только после этого будет возможно реконструировать текст армянского оригинала «Истории Армении» Агафангела.

Армяно-византийским музыкальным связям в эпоху раннего средневековья посвящен доклад *И. К. Тагмизяна* (Ереван). Он остановился на характеристике влияния Византии на культуру Армении. Докладчик показал, что армяне не просто заимствовали достижения византийской науки и культуры, но активно перерабатывали заимствованное и внесли ценный вклад в развитие восточнохристианского искусства. В первые века новой эры армяне приняли участие в разработке основ церковного пения. В V в. отцы армянской церкви составили оригинальный по структуре Псалтирь—Часослов—Восьмигласник, разделенный на восемь канонов, тем самым способствовал развитию теории христианской музыкальной культуры. Кроме того, в Армении был разработан мелизматический стиль пения.

Анализ армянских вариантов календарных кругов и таблиц Андря Византийского, ценного памятника по истории раннехристианского календаря, греческий оригинал которого не сохранился, дан в докладе *А. Г. Абрамяна* (Ереван). Он определил время перевода на армянский язык данного календаря, введенного в IV в. в ряде стран, принявших христианство. По мнению *А. Г. Абрамяна*, эти таблицы были переведены не ранее 353 г., но и не позднее 380 г. и являются древнейшими фрагментами переводной древнеармянской литературы, обнаруженными среди рукописей Матенадарана.

Анализ печатей эрмитажной коллекции, принадлежавших представителям армянского рода Теодораканов (X—XII вв.), дан в докладе *В. С. Шандровской* (Ленинград). Ею введены в научный оборот печати, легенда которых содержит неизвестные ранее сведения. Сопоставив данные сфрагистики и свидетельства письменных источников, докладчица выявила ряд новых важных известий по истории взаимоотношений Византии с Арменией и особенно с Киликийским царством.

Важная, по совершенно не исследованная проблема датировки печатей поставлена в докладе *И. В. Соколовой* (Ленинград). Основным критерием датировки, по ее мнению, является стиль изображения на печатях, ибо он ограничен местом и временем. Сравнив изображения на печатях с данными политической истории, *И. В. Соколова* выявила печати стратигот Херсона, что дало новый материал по истории этого региона.

О находках монет в Азербайджане, проливающих свет на взаимоотношения Азербайджана с Византией, сделал доклад *А. Раджабли* (Баку). По его мнению, широкое распространение византийских монет в Азербайджане в VII и XI вв. свидетельствует о далеко идущих политических целях империи. Сокращение числа монет и даже полное их отсутствие в VIII—X вв. докладчик объясняет падением влияния Византии в Азербайджане в связи с усилением Арабского халифата.

Большинство докладов секции археологии, архитектуры и истории искусства было посвящено изучению проблемы взаимоотношений искусства Византии и искусства соседних с ней народов. В центре внимания находились вопросы творческой переработки византийского художественного наследия и создания на этой основе национального стиля.

Особенности византийского художественного серебра XIV в. были охарактеризованы в докладе *А. В. Банк* (Ленинград). Анализ памятников выявил принципиальные отличия в оформлении византийских серебряных изделий палеологовского времени не

только по сравнению с ранним этапом развития среброделия (VI—VII вв.), но и с произведениями X—XII вв. Докладчица указала на появление в рассматриваемый период новых излюбленных приемов оформления. Анализ специфических особенностей филигрны, ее орнаментальных элементов позволил ей сгруппировать целую серию памятников, изготовленных в исследуемую эпоху, скорее всего, в Константинополе, и дал исходный материал для датировки и локализации многих других произведений. А. В. Банк отметила влияние восточного и западного, итальянского, искусства на Византию и воздействие последней на них.

Вопросы датировки и локализации византийских амулетов рассмотрены в докладе *В. Н. Залеской* (Ленинград). Ею изучены три группы памятников: 1) амулеты IV—VI вв.; 2) амулеты-змеевики X—XI вв. и 3) амулеты-змеевики XI—XII вв., имеющие более сложную змеобразную фигуру. Она проследила связь амулетов первой группы с гностическими предательствами и гностической литературой. Исследование изображений и характера заклинательных формул позволило В. Н. Залеской выделить две различные группы змеевиков — одну, связанную с магическим трактатом «*Testamentum Solomonis*», другую — с заклинательными молитвами, имевшими хождение в Византии в XI—XII вв. Анализ всех трех видов амулетов дал возможность докладчице выявить последовательную смену магических предствлений, начиная от заклинаний, идущих от учения гностиков, и кончая развитой средневековой магией.

Архитектурной композиции Софии Константинопольской был посвящен доклад *А. И. Комеча* (Москва). Он уделил особое внимание построению экседра и определению их роли в общей структуре здания. Это позволило ему выяснить основные композиционные идеи строителей, проследить развитие архитектурного замысла как бы изнутри и в некоторой степени реконструировать рабочий метод зодчих: Анфимия из Тралл и Исидора из Милета.

Проблема возникновения и развития монументальной архитектуры средневековой Армении рассмотрена в докладе *А. Л. Яковсона* (Ленинград). Отметив определенное влияние монументальной архитектуры Сирии на Армению в IV—V вв., в эпоху распространения христианства, докладчик доказал, что привнесенные в Армению сирийские художественные формы в значительной степени были переработаны армянскими зодчими в соответствии с новыми задачами создания максимально объединенного внутреннего пространства. Все это, по его мнению, свидетельствовало об образовании в Армении на заре средневековья архитектурной школы со своими архитектурно-художественными принципами.

Описание ктиторского рельефа возведенного в конце V в. Текорского храма, разрушенного в 1912 г. сильным землетрясением, дано в докладе *С. Х. Мнацаканяна* (Ереван). Он считает, что Текорский рельеф является одним из древнейших в ранне-средневековой Армении и в композиционном отношении представляет собой одну из ступеней развития ктиторского рельефа вообще.

Проблема отражения образного восприятия действительности, характерного для местного населения, в армянской раннесредневековой иконографии исследована в докладе *Л. Р. Азаряна* (Ереван). Докладчик отмечает, что воспроизведение библейского сказания о Данииле в иконографических памятниках Армении IV—VII вв., помимо религиозно-догматической, имеет также и тесно связанную с армянской действительностью историческую основу. Тему Даниила на этих памятниках он рассматривает как выражение освободительных устремлений, направленных против внешнего врага, и подъема национального самосознания армянского народа.

Проблема влияния византийского ювелирного искусства на армянские памятники художественного серебра по-новому освещена в докладе *А. Я. Каковкина* (Ленинград). Анализ материала, собранного исследователями в последние годы, позволил докладчику пересмотреть взгляды, господствующие в специальной литературе, по вопросу о сильном влиянии Византии на армянское среброделие. По его мнению, отдельные армянские мастера бесспорно ориентировались на Византию, а порою прямо копировали византийские памятники. Однако большинство произведений ювелирного искусства Армении независимо в стилистическом отношении от греческих образцов. А. Я. Каковкин отметил своеобразие армянских памятников по сравнению с византийскими в иконографической трактовке отдельных персонажей и целых сцен.

Описание четырех вновь обнаруженных защитных листов рукописей Матенадарана с «византинизирующими» миниатюрами XI в. — периода общего подъема искусства Армении — дано в докладе *Т. А. Измайловой* (Ленинград). По ее мнению, анализируемые миниатюры позволяют говорить о параллелизме, но не о полном совпадении моделей в византийском и армянском искусстве. Однако докладчица не отрицает и прямого влияния Византии.

Результаты изучения творчества выдающегося армянского миниатюриста XIII—XIV вв. Авага доложила *Л. Дэ. Закарян* (Ереван). Она пришла к выводу, что на него оказало большое влияние византийское искусство эпохи Палеологов.

Анализ изображения богоматери на оборотной стороне знаменитой кремлевской иконы XII в. «Св. Георгий» дан в докладе *О. С. Поповой* (Москва). Сравнив его с широким кругом византийских изображений богоматери палеологовской эпохи, докладчица приходит к выводу, что исследуемая икона создана в середине XIV в. на Руси,

вероятнее всего в Новгороде, греческим мастером в результате «поволения» им древней русской двусторонней иконы XII в.

Связанные с историей иконоборчества миниатюры Киевской псалтири 1397 г., хранящейся в Гос. публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, были исследованы В. Д. Лихачевой (Ленинград). По ее мнению, появление иконоборческих тем в древнерусской рукописи XIV в. свидетельствует о существовании византийского прототипа, использованного при ее создании.

Вопрос о происхождении неовизантийского орнамента в славянских рукописных книгах XIV — начала XV в. был поставлен в докладе Г. И. Вздорнова (Москва). Изучив сербские, болгарские, румынские и русские манускрипты, выявив точно датированные и локализованные кодексы, докладчик пришел к заключению, что неовизантийская орнаментика зародилась в середине XIV в. в книгописных мастерских завоеванной сербами Македонии и в скрипториях при дворе болгарского царя Иоанна-Александра. Отсюда неовизантийский стиль проник в южные области Сербии, на Афон, в Молдавию и на Русь. По мнению Г. И. Вздорнова, появление нового орнамента в русских книгах непосредственно связано с волной второго южнославянского влияния на русскую культуру в XIV—XV вв.

О работе комиссии по византиноведению на XIII Международном конгрессе исторических наук (август 1970 г.) доложила К. А. Осипова (Москва).

Р. А. Наследова (Москва) рассказала о публикациях в сборнике «Византийский временник» и итогах работы его редколлегии за последние десять лет.

Ереванская конференция, прошедшая на высоком научном уровне, продемонстрировала успехи, достигнутые советскими учеными в исследовании проблем византийского феодализма, истории культуры и искусства Византии и сопредельных с ней стран, а также выявила вопросы, нуждающиеся в дальнейшей углубленной разработке.

З. Г. Самодурова

XIV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ В БУХАРЕСТЕ

6—12 сентября 1971 г., спустя пять лет после происходившего в сентябре 1966 г. Оксфордского конгресса, в Бухаресте был созван очередной, XIV Международный конгресс византистов.

Бухарестский конгресс, приуроченный к столетию со дня рождения выдающегося румынского историка и византиста Н. Йорги, по инициативе которого в 1924 г. в Бухаресте был созван I Международный конгресс византистов, явился заметным событием в политической и культурной жизни Румынии. На церемонии открытия конгресса было зачитано адресованное его участникам послание Председателя Государственного Совета СРР Николае Чаушеску. В один из последних дней работы конгресса для его участников в правительственном дворце приемов был устроен большой прием, данный Николае Чаушеску. Работа конгресса освещалась в румынской прессе, а также по радио и телевидению.

В работе XIV Международного конгресса византистов участвовало около 650 человек из 32 стран: Австралии, Австрии, Албании, Англии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Греции, Дании, Египта, Израиля, Ирландии, Испании, Италии, Канады, Кипра, Нидерландов, Польши, Португалии, Румынии, Сирии, СССР, США, Турции, Франции, ФРГ, Чехословакии, Чили, Швейцарии, Швеции, Югославии.

Конгресс явился свидетельством дальнейшего расширения научных исследований в области византиноведения в различных странах мира. В Бухарест приехали византисты из Албании, Ирландии, Испании, Португалии, Сирии, Чили, Швеции, отсутствовавшие на Оксфордском конгрессе.

Значительно более многочисленными были делегации ученых Греции, Болгарии, США, Италии, Франции, Югославии, ФРГ, Австрии, ГДР, Чехословакии, Румынии; шире были представлены Нидерланды, Бельгия, Турция, Дания, Швеция, Кипр, Венгрия, Канада.

Делегация Советского Союза состояла из 32 человек. Руководителем делегации являлся чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарев, заместителем руководителя — доктор исторических наук З. В. Удальцова. Членами делегации были византисты Москвы (А. П. Каждаи, К. А. Осипова, Р. А. Наследова, З. Г. Самодурова, О. И. Подобедова, Я. Н. Шапов, С. С. Аверинцев, Н. В. Симицына, И. С. Чичуров, А. А. Чекалова, Т. М. Соколова), Ленинграда (Г. Л. Курбатов, А. В. Банк, Т. А. Измайлова, К. Н. Юзбашян, В. С. Шандровская, И. П. Медведев, О. А. Белоброва, И. В. Соколова, Г. М. Прохоров, В. Д. Лихачева, В. Н. Залеская), Тбилиси (М. Д. Лордкипанидзе, Н. А. Аладашвили, Г. В. Алибегашвили, Н.-М. Мургулия), Еревана (Р. М. Бартиян, В. А. Арутюнова), Баку (Р. А. Гусейнов), Свердловска (М. А. Поляковская).

В работе конгресса приняли участие византисты из всех наиболее значительных византиноведческих центров различных стран: из Франции — П. Лемерль, Э. Арвейлер, Н. Зворноос, Ж. Даррузес, А. Гийу и др., из США — И. Шевченко, П. Харанис, И. Мейендорф, К. Манго, П. Александер и др., из Греции — Д. Закитинос, И. Караяннопулос, Л. Врануссис, Э. Вранусси, Л. Политис и др., из Англии —

Ст. Рэнсимен, Д. Оболенский, Р. Браунинг, В. Френд и др., из Болгарии — Д. Ангелов, И. Дуйчев, В. Тышкова-Займова, Св. Лишев, Г. Цанкова-Петкова, Б. Примов, П. Петров, М. Андреев и др., из Югославии — Г. Острогорский, Ф. Баришич, Б. Ферьянчич, Св. Радойчич, В. Джурич, Л. Максимович и др., из Италии — А. Пертузи, Б. Лаваньини, Дж. Скиро и др., из ФРГ — Г.-Г. Бек, Г. Хауссиг, Ф. Лиллиенфельд, Я. Феруда и др., из ГДР — И. Ирмшер, Э. Вернер, Ф. Винкельман и др., из Австрии — Г. Хунгер, О. Демус и др., из Чехословакии — Б. Застерова, Е. Досталова, В. Грохова и др., из Бельгии — Ш. Дельвуа, П. Карлин-Хейгер и др., из Польши — Т. Василевский, О. Юревич и др., из Венгрии — И. Харматта и др.; весьма многочисленной была делегация румынских ученых — хозяев конгресса (М. Константинеску, И. Николеску, М. Берза, Э. Станеску, М. Ваташану, Ш. Штефанеску, Ш. Паспу, Х. Михаеску, К. Джуреску и др.).

Темы научных докладов, зачитанных на пленарных заседаниях конгресса, были сгруппированы по четырем большим проблемам: 1. Византийское общество и его интеллектуальная жизнь в XIV в.; 2. Границы и пограничные области в VII—XII вв. (Азиатские границы); 3. Светское искусство в Византии; 4. Византия и Румыния.

Эти проблемы обсуждались также на заседаниях четырех соответствующих секций. Помимо них, на конгрессе функционировали секции по специальным отраслям византиноведения: 1. Кодицилогия, палеография, дипломатика; 2. Папирология, эпиграфика, историческая география; 3. Нумизматика, сигиллография; 4. Археология и искусство; 5. Музициология; 6. История науки; 7. Разные проблемы.

В первый день работы конгресса состоялось пленарное заседание по первой проблеме — Византийское общество и его интеллектуальная жизнь в XIV в. Президентом на этом заседании был Г. Острогорский (Югославия), вице-президентом — И. Ирмшер (ГДР). Основной доклад — «Общество и интеллектуальная жизнь в XIV в.» — сделал И. Шевченко (США), содоклады: «Общество и культура в XIV в. Социально-экономические вопросы» — Э. Вернер (ГДР), «Общество и культура в XIV в. Религиозные проблемы» — И. Мейендорф (США), «Греческая народная литература в XIV в.» — Г.-Г. Бек (ФРГ), «Тенденции классицизма в византийской литературе XIV в.» — Г. Хунгер (Австрия), М. Хаджидакис (Греция), который должен был прочесть последний из предусмотренных на этом заседании докладов — «Классицизм и народные тенденции в XIV в. Анализ эволюции стиля», — прибыть на конгресс не смог. Доклад о средневековом югославском искусстве был прочитан Св. Радойчичем (Югославия).

И. Шевченко остановился на двух впервые поднятых им в науке аспектах проблемы: 1) социальном статусе византийской интеллигенции XIV в., 2) воздействии этого статуса на ее общественно-политические взгляды. На основании собранного им материала докладчик пришел к выводу, что писатели, ученые и другие представители византийской интеллигенции XIV в. занимали в подавляющем большинстве высокие духовные или светские посты и лишь изредка являлись людьми свободных профессий — врачами, юристами, преподавателями, которые по роду своих занятий также были тесно связаны с верхушкой византийского общества. По мнению И. Шевченко, эта избранная духовная элита византийского общества находилась в непосредственной материальной и идейной зависимости от императорского двора. Авторами произведений как высокой, так и народной литературы были, по-видимому, лица, принадлежавшие к различным слоям одного и того же социального круга. С упадком в Поздней Византии императорской власти роль императора как своего рода мецената литературы и науки ослабевала; с этим связан и окончательный упадок интеллектуальной жизни в Византии во второй половине XIV в.

Э. Вернер предпринял попытку дать общую оценку эпохи поздневизантийского феодализма. Он выступил против обоих существующих в историографии по этому вопросу точек зрения: как против более старого взгляда, будто последние века существования Византийской империи являлись временем глубокого экономического упадка, так и против высказывавшегося позднее рядом ученых утверждения, будто в эпоху Поздней Византии там начали появляться элементы нового, капиталистического строя. Основываясь на обширном круге источников, Э. Вернер счел правильным оценить эту эпоху как эпоху прогрессивного еще развития феодальной формации, соглашаясь вместе с тем, что «определенный приток капитала в сферу производства не вызывает сомнения». По его мнению, феодализм в Поздней Византии не исчерпал своих возможностей, однако этот этап его развития был связан с более значительными, чем это имело место на Западе, трудностями внешнеполитического порядка.

В соответствии с общей оценкой поздневизантийского феодализма Э. Вернер дал и свою трактовку сущности восстания зилотов. Соглашаясь с И. Шевченко, что «Речи» Николая Кавасилы сейчас уже не могут считаться источником по истории восстания зилотов, он отверг, однако, нигилистическую оценку этого движения в целом. По мнению докладчика, если сравнить социальные движения в Фессалонике, Адрианополе и Константинополе с происходившими одновременно с ними крестьянскими восстаниями, то степень зрелости и антифеодальная направленность первых становится особенно очевидной.

И. Мейендорф рассмотрел религиозные проблемы, волновавшие византийское общество XIV столетия, главным образом уже давно изучаемую им проблему испи-

хазма. Он отметил, в частности, что термин «политический психизм», употребляемый в последнее время историками, можно принять в какой-то степени постольку, поскольку религиозные и теологические дебаты в Византии имели значение гораздо большее, чем чисто теоретическое. Докладчик констатировал, что теологические споры, потрясавшие империю в эту эпоху, мало способствовали сохранению целостности Византийского государства, однако целостность эта была тогда вообще невозможна; зато теологические споры вполне отчетливо определили, по его мнению, различные аспекты того, что принято называть «Byzance après Byzance».

Г.-Г. Бек поставил целью своего доклада определить место, которое занимала в XIV в. народная литература по сравнению с предшествующим временем. Он отметил, что XIV столетие отнюдь не является для византийской литературы периодом возникновения народного языка; однако именно в это столетие в Византии появилось необычайно большое число произведений народной литературы. Анализируя причины этого явления, Г.-Г. Бек высказал, в частности, предположение, что некоторые произведения народной литературы предшествующего времени стали известны нам уже в их переложении с народного языка на литературный. Перейдя, далее, к характеристике народной литературы, докладчик определил XIV век как переходное для нее время. По его мнению, новое давало о себе знать еще весьма робко, ни о каком кардинальном переломе ни в языковом, ни в литературном, ни в общественном отношении не может быть речи.

Г. Хунгер остановился на рассмотрении тех культурно-исторических и социально-психологических мотивов, которые вызвали интенсивное развитие тенденций классицизма в византийской литературе XIV в. По его мнению, такой культурно-исторической основой был христианский гуманизм, оформившийся к середине XIII в. в Никейской империи. Социально-психологическим мотивом явились чрезвычайно тяжелые условия жизни в Византии XIV в., возникшие из-за бесконечных войн, междоусобиц, вражеских вторжений и побуждавшие византийцев к бегству в прошлое. Своему развитию в XIV в. классицизм был обязан лицам, принадлежавшим в значительной своей части к низшему социальному слою, к «пенетам». Со стороны вышедшей из этого слоя интеллигенции развитие тенденций классицизма в образовании и литературе являлось утверждением своего рода социального престижа.

Доклады по первой теме, зачитанные на пленарном заседании, вызвали оживленную дискуссию. В их обсуждении приняли участие А. П. Каждап, З. В. Удальцова, В. Н. Лазарев (СССР), Г. Хаусиг (ФРГ), Дж. Скиро (Италия), С. Лишев, С. Маслев (Болгария), Г. Кронц (Румыния), В. Грохова (Чехословакия).

А. П. Каждап, выступая по докладу И. Шевченко, обратил внимание последнего на относительность и выборочность его статистических подсчетов при определении социального состава византийской интеллигенции.

З. В. Удальцова высказала сомнение в правомерности утверждения И. Шевченко о полной зависимости византийской интеллигенции от установок правящей верхушки, что сводит на нет идейные расхождения внутри интеллигенции и наличие в ее среде различных группировок. Остановившись на докладе Э. Вернера, З. В. Удальцова выразила несогласие с его гипотезой о том, будто в эпоху Поздней Византии экономическое развитие шло в рамках развивавшегося феодального общества, и подтвердила свою прежнюю точку зрения, согласно которой в это время уже началось зарождение элементов капиталистического общества. Она присоединилась к высказанному Э. Вернером взгляду о большой роли демократических слоев в движении зилотов и подчеркнула необходимость дальнейшего изучения этого аспекта вопроса.

В. Н. Лазарев отметил, что в области искусства в Поздней Византии можно проследить два периода: в первый период, продолжавшийся до 30-х годов XIV в., в искусстве появляются новые прогрессивные черты, оно идет по восходящей линии; после этого времени наступает период упадка, господства мистических реакционных учений.

На секционных заседаниях по первой теме, проходивших 7, 8, 10 и 11 сентября, было зачитано свыше пятидесяти докладов.

Из советских ученых в секциях по первой теме выступили А. В. Банк, И. П. Медведев, И. С. Чичуров, М. А. Поляковская.

А. В. Банк посвятила свой доклад «Некоторые вопросы византийского прикладного искусства в XIV в.» византийским художественным изделиям из металла. Выявив новые элементы, появившиеся в этом виде искусства в Палеологовское время, она сопоставила ряд памятников, по-видимому, созданных в одном центре. Докладчица высказала предположение, что в византийской художественной обработке металла можно констатировать участие ближневосточных мастеров, а также связи с Западной Европой, которые наиболее отчетливо выступают к концу XIV—XV в.

И. П. Медведев в докладе «К вопросу о так называемых представительных ассамблеях в Византии в XIV в.» выступил против предпринимавшей в новейшей историографии попытки доказать возникновение в Византии XIV в. представительных учреждений. На основании проверки всех упоминаемых в источниках случаев созыва такого рода собраний докладчик пришел к заключению, что эти «ассамблеи» носили эпизодический характер и вели свою традицию еще со времен античности; они не имели конституционного характера и их нельзя квалифицировать в качестве сословно-представительных учреждений.

И. С. Чичуров выступил с докладом «Проблемы изучения творчества Михаила Хониата». Он отметил необходимость дальнейшего исследования рукописной традиции сочинений Хониата и публикации его неизданного рукописного наследия. Дальнейшее изучение этого византийского писателя может оказаться перспективным, по мнению докладчика, в том случае, если пойти по линии исследования его творчества как литературного процесса. *И. С. Чичуров* показал, что в сочинениях Михаила Хониата, наряду с традиционными формами, имеются и элементы нового в художественном восприятии действительности (осмысление процесса творчества и его назначения, отношение к античному наследию, любовь к изображению конкретной действительности, умение показать окружающий человека мира через призму личного, индивидуального восприятия), позволяющие констатировать наличие у него элементов предренессансного письма.

М. А. Поляковская в докладе «Эпикомий Николая Кавасилы автократуру как исторический источник» дала детальный анализ эпикомия, обращенного к старшему сыну императора Иоанна Кантакузина — Матфею. Докладчица, сумев извлечь из этого традиционного риторического произведения данные, позволяющие судить о политических настроениях и симпатиях Николая Кавасилы, показала сомнительность принятого в большинстве исторических исследований взгляда на Кавасилу как на убежденного кантакузианца; она высказала мысль о том, что политическую непоследовательность этого деятеля в острой политической и идеологической борьбе того времени следует объяснять не его приспособленчеством и изворотливостью, а скорее верностью идеалам «справедливого правителя».

Большое внимание в докладах, зачитанных на секционных заседаниях по первой теме конгресса, было уделено проблеме исихазма. Здесь выступили с докладами «Исихастское движение и славянская литература» *С. ЗЕНКОВСКИЙ* (США), «Отражение борьбы между исихастами и их противниками в полемической литературе, переведенной на язык балканских славян» *К. Л. КОНСТАНТИНОВА* (Болгария), «Исихазм и народный язык в церкви» *М. СЕСАН* (Румыния), «Греческие рукописи библиотеки Академии Соц. Республики Румыния, касающиеся исихастских споров» *Т. ТЕОТЕОИ* (Румыния).

Ряд докладов затрагивал так или иначе проблему взаимоотношений Византии с итальянскими республиками.

Фр. Тирье (Франция) выступил с докладом «Византия и византийцы глазами венецианца Андреа Дандоло (дож с 1343 по 1354 г.)». Изучение «Хроники» Андреа Дандоло — государственного деятеля и историка, друга Петрарки — позволило Тирье привести в своем докладе весьма интересные данные, содержащиеся в этом произведении и показывающие толкование венецианским дожем, через призму своего времени и своего положения, ряда существенных вопросов византийской истории.

В. Крекич (Югославия) в докладе «Несколько фрагментов, касающихся венецианцев в Константинополе в XIV в.» остановился на некоторых малоизвестных аспектах пребывания венецианцев в Константинополе (было ли положение венецианского «бали» всегда таким прочным по отношению к Венеции и даже к венецианцам в Константинополе, как это представляется из венецианских политических документов; какова была внутренняя жизнь венецианской колонии в византийской столице; имелись ли личные связи между венецианцами и византийской аристократией; каково было, в глазах венецианцев, экономическое значение Константинополя по сравнению с другими левантскими районами), представляющих определенный интерес для более полного понимания развития столичной экономики и столичного общества в XIV в.

М. Баллар (Франция) прочел доклад «Генуэзцы на западе Черного моря в XIV вв.». На основе рассмотренных им генуэзских источников он пришел к заключению, что в XIV в. основная поставка сельскохозяйственных продуктов для генуэзцев шла не с западного побережья Черного моря, а с Азовского моря или даже с северного берега Малой Азии.

В. Грохова (Чехословакия) выступила с докладом «Византийские города в эпоху Палеологов как экономическое и социальное явление». Отметив, что среди факторов, ускоривших экономический и социальный кризис Византийской империи и приведших к ее падению, в первую очередь необходимо иметь в виду состояние городской экономики, *В. Грохова* остановилась на ее структуре и особенностях. Она рассмотрела понятие «город», а также те функции, которые связываются с этим понятием для Византии и стран Юго-Восточной Европы. По ее мнению, когда речь идет об упадке византийских городов в Палеологовскую эпоху, в большинстве случаев следует говорить об изменении, так сказать, удельного веса той или иной их функции. Докладчица пришла к выводу, что причины упадка византийских городов Палеологовского времени лежали в изменении этих функций, а также в социальной сфере: слабости положения среднего класса византийского общества и той роли, которую играли феодалы в экономической жизни городов.

Кипрский ученый *К. Киррис* прочел доклад «Традиционные и революционные элементы в идеологии Алексея Макремволита и других византийских писателей XIV в.». Он отметил, что, несмотря на тесную связь большинства византийских писателей этого времени (в том числе и Алексея Макремволита) с господствующим классом Византии и «консервативными» учениями и движениями (паламизмом, кантакузиан-

ством), в их трудах можно обнаружить как консервативные, так и революционные идеи, часто противоречащие друг другу. По мнению докладчика, эти противоречия носили чисто идеологический характер, являлись противоречиями между идеологией того или иного писателя и его социальным и политическим положением, они ограничивались сферой чистой теории. Непоследовательность социальных идей византийских писателей XIV в. была отражением противоречивых тенденций самого византийского общества того времени.

Доклады *Г. Х. Карлссона* (Зап. Берлин) и *Г. Денниса* (США) были основаны на изучении эпистографического наследия Палеологовской эпохи. *Г. Х. Карлссон* остановился главным образом на анализе писем Максима Плагуда, Никифора Григоры и Федора Гиргакина; *Г. Деннис* выступил с докладом «Отражение социальной и интеллектуальной жизни в византийских письмах конца XIV в.».

Дальнейшей конкретизацией различного рода аспектов первой темы конгресса явились также зачитанные на пленарных заседаниях доклады немецких ученых *И. Ирмшера* («Греческий патриотизм в XIV в.»), *К.-П. Мачке* («Алексей Апокавк и византийский флот в гражданской войне, начавшейся в 1341 г.»), *Х. В. Шаллера* («Греческие заимствования в русском языке как следствие византийских влияний до конца XIV в.»), *Г. Вайса* («Формы зависимости в Византии»), бельгийского византиста *Верлиндена* («Торговля рабами в византийских землях в XIV в.»), австрийского филолога *Э. Траппа* («Положение врачей в обществе Палеологовского времени»), американского искусствоведа *Л. Поповича* («Светские тенденции в византийской живописи в первой половине XIV в.»), греческого ученого *О. Лампсидиса* («Классицизм и народные тенденции в хронике Ефрема. XIV в.»), английского ученого *М. Джеффриса* («Морейская хроника — греческая устная поэма?»), югославского историка *А. Мариновича* («Общество и интеллектуальная жизнь в Дубровнике в XIV в.»), румынского историка *Фр. Палла* («Еще раз о дипломатическом путешествии Иоанна V Палеолога в 1365—1366 гг.») и др.

Пленарное заседание по второй теме конгресса — «Границы и пограничные области империи в VII—XII вв. (Азиатские границы)» — состоялось 7 сентября. Президентом на этом заседании был Ст. Рэнсимен (Англия), вице-президентом — Д. Ангелов (Болгария). Основной доклад — «Граница и границы Византии на Востоке» — сделала *Э. Арвейлер* (Франция), содоклады: *З. В. Удальцова*, *А. П. Каждан*, *Р. М. Бартиян* (СССР) — «Социальная структура восточных границ Византийской империи в XI—XII вв.», *А. Пертузи* (Италия) — «Акриты на восточных границах Византии», *Н. Икономидис* (Канада) — «Организация восточной границы Византии в X—XI вв.» и «Эскуриальский Тактикон», *Д. Оболенский* (Англия) — «Византийские пограничные области и культурный обмен».

Э. Арвейлер подошла к решению проблемы византийской границы на Востоке империи, исходя из широкого понимания «границы» в средние века. Докладчица отметила, что поскольку в Византийской империи границы нации, границы цивилизации и границы государства далеко не всегда совпадали, их следует рассматривать дифференцированно. Она дала классификацию различных видов границ и рассмотрела отдельно национальные, политические, административные, фискальные, военные и морские границы империи.

Коллективный доклад советских ученых был прочитан *А. П. Кажданом*. На первом плане в докладе стоял вопрос о взаимном влиянии общественных отношений Византии и пограничных государств. Докладчики констатировали существование на восточных границах Византийской империи особой многоэтничной и динамичной социальной структуры (возможно, более близкой к общественным порядкам Западной Европы), оказывавшей постоянное социальное и культурное влияние на Византию.

А. Пертузи в своем докладе, построенном на тщательном изучении источников (в первую очередь поэмы о Дигенесе Акрите) и учете всей новейшей литературы вопроса, обрисовал картину использования империей акритов на ее восточной границе.

Н. Икономидис, основываясь на данных «Эскуриальского Тактикона», изучавшегося им в течение нескольких лет и дающего разнообразные сведения о географии и административном устройстве восточных границ Византийской империи, пришел в докладе к выводу о создании на восточной границе Византии в XI—XII вв. глубокой защитной зоны, в которой была учреждена новая административная система. *Н. Икономидис* показал, что византийское правительство, испытывая недоверие к весьма пестрому по своему этническому составу населению этой пограничной зоны, создало здесь несколько пограничных фем, командный состав которых состоял в основном из низших чинов и получал незначительное жалованье, а войско было представлено главным образом пехотой. Эти населенные чужеродным этническим элементом фемы, расчлененные и не имевшие сильной кавалерии, были безопасны для самой империи и в то же время могли оборонять ее от внешних врагов.

В докладе *Д. Оболенского* была рассмотрена чрезвычайно сложная проблема культурной, религиозной, политической и отчасти социальной диффузии между Византией и пограничными с ней государствами. Основное внимание докладчик уделил северным и северо-восточным пограничным зонам Византии (Балканы, Крым, Южная Русь и Северо-Восточное Причерноморье; Малая Азия и Закавказье были затронуты лишь попутно). *Д. Оболенский* показал роль географического и климатического фак-

тора в культурной диффузии и дал классификацию главных ее типов (военное дело, экономическая и политическая сфера, культура в узком смысле слова). По мнению докладчика, существовало два типа культурного обмена: 1) контакты Византии с государствами одного культурного уровня и общественного развития и 2) контакты Византии с варварами, в том числе с кочевниками, стоявшими на более низкой ступени культурного и социально-экономического развития. В первом случае влияние византийской цивилизации было слабее, во втором — сильнее. Д. Оболенский отметил также, что на соседние страны оказывала воздействие не только идеология господствующей церкви, но и идеология еретиков.

Таким образом, в пяти докладах, прочитанных на пленарном заседании по второй теме, рассмотрены проблемы восточных границ и пограничных областей Византийской империи VII—XII вв. было представлено в различных ее аспектах, что позволило создать многостороннюю и в известной мере полную картину всей проблемы в целом.

В заключение пленарного заседания выступила З. В. Удальцова. Она дала краткий анализ заслушанных докладов, высказала свою точку зрения по выдвинутым в них положениям, а также пожелания по дальнейшему изучению проблемы. З. В. Удальцова отметила, в частности, что Д. Оболенский несколько преувеличил степень византийского влияния на Русь и другие страны, его положения стали бы более убедительными, если бы он смог резче разграничить степень воздействия византийской цивилизации на различные народы. По мнению З. В. Удальцовой, следовало бы показать не только мирную «диффузию» византийской и иных культур, но и борьбу византийской цивилизации и идеологии за свое господство, а также сопротивление со стороны подвергавшихся этому натиску народов.

В развернувшихся после перерыва прениях по докладом пленарного заседания приняли участие Т. Василевский (Польша), К. Джуреску (Румыния), К. Н. Юзбашян (СССР), Я. Ферлуга (ФРГ), Г. Цанкова-Петкова (Болгария), М. Александреску-Дерска-Булгару (Румыния), Н. Гарсоан (США), Н. Тьерри (Франция), Т. Пападопулос (Кипр), Р. Чиокан-Иванеску (Румыния), М. Д. Лордкипанидзе (СССР), В. Кэги (США), А. Стратос (Греция), М. Сесан (Румыния). Выступавшие подчеркнули важность проблемы и ее многогранность, внесли дополнения и уточнения к материалам докладчиков, высказали свои соображения по некоторым их конкретным положениям. В ходе дискуссии был подвергнут сомнению, в частности, тезис Н. Икономидиса о том, что по восточному образцу были предприняты меры обороны на Балканах и в Италии. М. Д. Лордкипанидзе высказала свою точку зрения на вопрос о степени и характере воздействия византийской цивилизации на Грузию, К. Н. Юзбашян коснулся проблемы византийских владений в Армении, Г. Цанкова-Петкова остановилась на вопросе о роли славянского элемента в пограничной зоне Византийской империи и т. д.

На секционных заседаниях по второй теме конгресса, проходивших 7 и 8 сентября, было прочитано свыше 25 докладов.

Из советских ученых в секциях по второй теме выступили Р. А. Гусейнов, М. Д. Лордкипанидзе, Н.-М. Мургулия, К. Н. Юзбашян.

Р. А. Гусейнов в докладе «Взаимоотношения Византии и сельджуков в Малой Азии в XI—XII вв.» подошел к рассмотрению поставленной проблемы, привлекая свидетельства далеко не полностью использовавшихся ранее в данном аспекте сирийских источников. Он остановился на вопросе о значении сельджукских завоеваний для судеб народов Малой Азии и Закавказья, их влиянии на развитие политических взаимоотношений Византии с Балканскими странами, а также их роли в падении Византии в 1204 г. под ударами крестоносцев.

Доклад М. Д. Лордкипанидзе «Из истории грузино-византийских взаимоотношений на рубеже X—XI вв.» был посвящен истории отношений выдающегося государственного деятеля того времени, стоявшего во главе царства Тао, Давида Куропалата, с первым царем объединенного Грузинского царства Багратом III, с одной стороны, и с Византией — с другой. Основная мысль, которую проводила в докладе М. Д. Лордкипанидзе, заключалась в том, что Византия своим вмешательством в дела грузинских владетелей сеяла между ними вражду, препятствуя объединению Грузии и созданию единой грузинской феодальной монархии на первых же этапах ее истории.

Н.-М. Мургулия выступила с докладом «Куманы-кипчаки в грузинской историографии (XI—XIV вв.)». Проанализировав данные грузинских источников о куманах, докладчица высказала соображения о времени их появления на территории Восточной Европы, их этнической принадлежности, религиозных верованиях, политическом и общественном строе, военной организации.

К. Н. Юзбашян в докладе «Византийская администрация в Армении в X—XI вв.» предпринял попытку воссоздать на материале разноязычных источников картину византийской администрации в завоеванных ею армянских областях. Он проследил историю Тарона, Иверии, Васпуракана, Ани — административных округов, созданных в это время. Докладчик пришел к выводу, что феменная организация была лишена здесь каких-либо специфических черт по сравнению с современными им и имевшими сходное происхождение административными округами в других частях империи; однако Византия учитывала роль Армении, принявшей на себя первые удары сельджукского нашествия, вынуждена была считаться с местной спецификой и допускала известные послабления.

Проблеме армянских земель и армянского населения на территории Византийской империи были посвящены также доклады американских ученых *А. О. Саркисян* («Армяне на восточных границах и на Балканах») и *В. Кэги* («Политика фемы Харсиан»). *В. Кэги*, отметив существовавшее еще со времени возникновения иконоборчества известное рода соперничество между фемами Армениак и Анатолик, показал, что это соперничество не прекратилось после создания во второй половине IX в. (в основном из фем Анатолик и Каппадокия) новой фемы Харсиан и продолжалось вплоть до 1057 г. Фема Харсиан с знатыми фамилиями Аргиров, Дук и в особенности Фок и Малейнов стала новым центром оппозиции феме Армениак и областям, заселенным жителями армянского происхождения.

Важному вопросу из истории византийско-аварских отношений был посвящен доклад чешского историка *А. Авенариуса* «Авары и византийское государство в VII в.». Он выступил против широко распространенного среди ученых взгляда о том, что вследствие аваро-византийских войн во второй половине VI в. и особенно после поражения аваров в 626 г. их сила была значительно ослаблена и дальнейшие их нападения на византийские земли прекратились. Привлекая данные источников, докладчик попытался показать, что и на протяжении всего VII в. аварская опасность была весьма реальной. Он отметил также, что после прибытия славян в Мезию их интересы разошлись с интересами аваров, поскольку аварские нападения грозили теперь не только Византии, но и славянским землям в Мезии. Это привело, по мнению Авенариуса, к славяно-византийскому сотрудничеству; именно на это указывает выражение «ἀπὸ τὸν πάκτων ὄψας», которое означало признание славян византийскими федератами.

Вопрос о характере западной границы Византийской империи, в связи с продолжавшимися в течение длительного времени переселениями в ее западные провинции славян, был поднят в докладе французского ученого *А. Гийу* «Переселение славян в Италию и их присутствие там с VI по XI в.». Основываясь на данных топонимики и ономастики, *А. Гийу* констатировал наличие славянских поселений на территории византийской Италии и показал, привлекая данные письменных источников, что аваро-славяне и протобулгары могли проникать сюда не только сухопутными и водными путями с севера Балканского полуострова, но также и морем, пересекая Адриатику; именно этим путем пришли славяне в византийскую Италию в X в.

Византийско-сельджукская граница в западной Малой Азии была предметом рассмотрения *С. Вриониса* (США); доклад *Х. Грэхэма* (США) «Дигенис Акрит» как источник для исторической границы явился своего рода дополнением к прочитанному на пленарном заседании докладу *А. Пертузи* «Акриты на восточных границах Византии».

Дальнейшей конкретизацией и развитием проблемы в целом явились доклады *П. Хараниса* (США) «Лингвистическая граница в Малой Азии к концу IX в.», *Ф. Панадопулоса* (Кипр) «Византийская модель исторической границы при сравнительном рассмотрении», *А. Стратоса* (Греция) «Границы империи в VII в.» и др.

8 сентября состоялось пленарное заседание по третьей теме конгресса — «Светское искусство в Византии». Президентом на этом заседании был Э. Китцингер (США), вице-президентом — Ж. Лассю (Франция).

Основной доклад — «Светское искусство в Византии» — должен был сделать *А. Грабар* (Франция), который, к сожалению, не смог приехать на конгресс. С докладами выступили *Дж. Беквис* (Англия) — «Византийские ткани», *В. Фольбах* (ФРГ) — «Византийские изделия светского характера из серебра и слоновой кости» и *О. И. Подобедова* (СССР) — «Отражение византийских иллюстрированных хроник в Тверском (Троицком) списке Хроники Георгия Амартола».

В тексте доклада *А. Грабара* было дано прежде всего определение самого понятия «светского искусства». Автор включил в «светское искусство» произведения, которые не предназначались для удовлетворения потребностей религии и, в соответствии с этим определением, дал классификацию и анализ такого рода произведений по трем большим категориям: 1. Произведения искусства политического и социального происхождения — императорский дворец и его искусство, военная архитектура и гражданская архитектура, 2. Произведения искусства из научной и литературной сферы — искусство на службе медицины, астрологии, космографии, географии и истории, поэтические произведения, 3. Декоративное искусство — предметы роскоши.

Дж. Беквис рассмотрел стиль и сюжеты сохранившихся византийских тканей, а также остановился на технических приемах их производства.

В. Фольбах проследил историю развития и упадка одной из отраслей византийского прикладного искусства — производства изделий светского характера из серебра и слоновой кости. Он указал на место и организацию их производства, отметил те влияния, которым эта отрасль византийского искусства подвергалась в различные периоды истории Византии и которые нашли отражение в ее изделиях, рассмотрел сюжеты последних, а также их распространение в других странах.

Доклад *О. И. Подобедовой* был посвящен художественному анализу иллюстрированной Хроники Георгия Амартола, созданной в начале XIV в. в Твери и хранящейся в настоящее время в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве. В результате анализа миниатюр рукописи *О. И. Подобедова* пришла к выводу о наличии сформировавшейся в Византии к моменту создания иллюстрированной Хроники Георг-

гия Амартола иконографии для передачи исторических сцен, достаточно устойчиво сохраняющейся и в хронике последующего времени.

В прениях по докладу А. Грабара приняли участие советские искусствоведы В. Н. Лазарев и А. В. Банк.

В. Н. Лазарев выразил свое несогласие с А. Грабаром в оценке Константинополя как единственного центра, из которого шло культурное развитие, что сводит по существу на нет значение местных национальных центров. Он отверг также мнение А. Грабара, будто светские мотивы в скульптурном декоре Дмитровского собора во Владимире появляются под влиянием константинопольского искусства. Развивая точку зрения, выдвинутую им в докладе на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве, В. Н. Лазарев указал на наличие в скульптурном декоре Дмитровского собора во Владимире черт романского искусства.

А. В. Банк отметила, что светское искусство обслуживало нужды не только высших придворных кругов, но также и других слоев византийского общества, о чем убедительно свидетельствуют материалы раскопок в Херсонесе.

При обсуждении докладов по третьей теме выступили также Ст. Михайлов (Болгария), П. Карлин-Хейтер (Бельгия), З. Кадар (Венгрия), Г. Хауссиг (ФРГ), М. П. Петрова, Е. Манова, С. Георгиева (Болгария), Э. Китцингер (США).

Секционные заседания по третьей теме конгресса проходили 8 сентября. Из советских ученых на заседаниях этой секции выступили с докладами В. Д. Лихачева, Н. А. Аладашвили, Г. В. Алибегашвили, С. С. Аверинцев; был зачитан также доклад И. Лордкипанидзе, не приехавшей на конгресс.

В. Д. Лихачева в докладе «Иконоборческие темы в миниатюрах Киевской псалтири» дала анализ древнерусской рукописи XIV в., содержащей миниатюры на темы из истории иконоборчества в Византии. Докладчица показала, что появление этих тем в древнерусской рукописи свидетельствует о существовании соответствующего византийского прототипа.

В докладе Н. А. Аладашвили «Некоторые особенности монументальной живописи Грузии X—XIII вв.» были рассмотрены те ее черты, которые являлись типичными для иконографии и стиля грузинских росписей и отличали последние от классической иконографической системы. Докладчица отметила, что, несмотря на тесную связь грузинской монументальной живописи с византийской, выявляющиеся в ней специфические особенности определяли ее национальное своеобразие; эта самобытность нашла яркое выражение в X—XIII вв. — в период наибольшего могущества Грузии как централизованной феодальной монархии.

Г. В. Алибегашвили в докладе «Художественные тенденции грузинской средневековой живописи» подвергла рассмотрению сохранившиеся в росписях грузинских храмов портретные изображения светских лиц, представляющие весьма показательный материал для определения художественных особенностей грузинской живописи. Докладчица пришла к заключению, что для изображения светских лиц были характерны постоянные композиционные признаки: их местоположение в интерьере храмов и соотношение с религиозными персонажами, а также линейная манера письма портретных изображений. Линейная манера письма, как показала Г. В. Алибегашвили, имеет свои параллели и в других областях грузинского искусства — в миниатюрной живописи, памятниках скульптуры, чеканке каменных рельефов.

Г. В. Алибегашвили зачитала также доклад И. Г. Лордкипанидзе «Искусство Палеологов в грузинской монументальной живописи XIV—XV вв.», содержащий анализ ряда грузинских памятников.

С. С. Аверинцев выступил с докладом «К пониманию поэтики Романа Сладкопевца». Полемизируя с рядом западноевропейских исследователей, С. С. Аверинцев на основании тонко выполненного анализа поэтики Романа Сладкопевца стремился показать, что кондаки Романа являлись отнюдь не «версифицированными пропеями», а подлинно поэтическими произведениями.

На секционных заседаниях по третьей теме прочли доклады: И. Максимович (Югославия) — «Греческие мифологические темы в византийской скульптуре», З. Кадар (Венгрия) — «К вопросу о стиле иллюстраций одной ветеринарной рукописи XIV в.», К. Николеску (Румыния) — «Светская вышивка византийского происхождения в Румынии» и др.

В целом вынесение на конгресс в качестве одной из основных его проблем темы «Светское искусство в Византии» оказалось весьма своевременным и плодотворным; приведенные в докладах и выступлениях материалы до известной степени заполнили те пробелы, которые существовали в византийском искусствоведении в области светского, в том числе народного, искусства Византии и взаимовлияний, имевших место между этим искусством и искусством соседних стран и народов.

Пленарное заседание по четвертой теме конгресса — «Византия и Румыния» — состоялось 10 сентября. Президентом на этом заседании был В. Н. Лазарев (СССР), вице-президентом — Х. Инальчик (Турция).

Основной доклад — «Византия и румынские княжества в IX—XV вв.» — сделал Э. Станеску (Румыния). С содокладами выступили румынские ученые: В. Джорджеску — «Византия и румынские институты до конца XV в.», И. Мирча — «Отношения Византии и румынских княжеств в области литературы», И. Штефанеску — «Румыно-ви-

зантийские отношения в области искусства. *Постановка проблемы*, М. Музическу — «Румыно-византийские отношения в области искусства. IV—XV вв. Состояние изучения проблемы».

Э. Станеску дал обстоятельный общий обзор румыно-византийских отношений преимущественно в их политическом, а также церковном и экономическом аспектах. Докладчик предложил следующую периодизацию истории румыно-византийских отношений: 1-й этап — с X по XIII в., т. е. период, когда граница Византии проходила по Дунаю и империя имела прямые контакты с румынскими землями. По мнению докладчика, временем максимальной интенсивности византийского влияния были XI—XIII столетия — время наивысшего подъема и начала упадка Византийской империи, с одной стороны, и прогрессирующего развития румынских феодальных княжеств — с другой; 2-й этап — XIV—XV вв., т. е. период, когда Византия находилась уже в состоянии упадка и агонии, в то время как румынские феодальные государства вступили в полосу своего наивысшего расцвета и укрепления.

В. Джорджеску охарактеризовал значение византийского влияния в процессе формирования различных институтов румынских феодальных княжеств. Докладчиком были проанализированы с этой точки зрения проблемы структуры княжеской власти, государственных собраний, высшей знати и придворной титулатуры, местной администрации и военной организации. В. Джорджеску остановился также на проблемах сельской общины, юридического статуса крестьян, земельной собственности, истории права и церкви.

И. Мирча обрисовал картину румыно-византийских связей в области литературы, И. Штефанеску и М. Музическу — в области искусства.

Во всех докладах румынских ученых была поставлена одна общая проблема путей восприятия Румынией византийского культурного наследия: осуществлялось ли это восприятие непосредственно или через посредство южных славян. Докладчики, в первую очередь В. Джорджеску и И. Мирча, в соответствии с общей тенденцией, наметившейся в последнее время в румынской историографии, стремились показать наличие уже ранних прямых контактов между Византией и румынскими средневековыми княжествами.

В развернувшихся прениях болгарские историки Д. Ангелов, В. Тыпкова-Заимова, И. Дуйчев, Б. Примов, С. Лишев, Г. Цанкова-Петкова, М. Андреев указали на большую роль средневекового Болгарского государства и его институтов в передаче византийского культурного наследия. Румынские историки отметили существование влияний на румынские земли не только с юга, но и с запада; не отрицая значения славянской культуры как посредника, они возражали, однако, против того, чтобы видеть в ней культуру только славяно-болгарскую.

Следующие заседания по четвертой теме конгресса проходили 10 и 11 сентября

Из советских ученых здесь выступил с докладом «Греческий номоканон в славянских переводах в Молдавии и Валахии» Я. Н. Щапов. Он рассмотрел вопрос о времени и путях проникновения памятников византийского права на территорию Молдавии и Валахии. На основе выполненного им исследования славянских рукописей, содержащих переведенные с греческого языка памятники канонического права, докладчик высказал свои предположения о времени появления в Румынии славянских переводов канонических текстов.

Ряд докладов, зачитанных на секционных заседаниях по четвертой теме конгресса, был посвящен выяснению византийского влияния в различных сферах жизни средневековой Румынии и других стран Юго-Восточной Европы и явился, таким образом, дальнейшим развитием тех основных проблем, которые были поставлены в пленарных докладах по этой теме. Так, Стр. Лишев (Болгария) прочел доклад «О некоторых феодальных институтах в средневековой Румынии и Болгарии», Х. Теодору (Румыния) — «Византийская традиция в валахской архитектуре», Й. Барнеа (Румыния) — «К вопросу о первом появлении византийской культуры на Нижнем Дунае», Г. Кантакузино (Румыния) — «Надгробия богомилов, обнаруженные в Румынии, и их связь с еретическими византийскими и балканскими общинами», Г. Кронц (Румыния) — «Номос Георгикос» в странах Юго-Восточной Европы», А. Р. Льюис (США) — «Дунайский путь и Византия», Ст. Олтеану (Румыния) — «Византийское влияние в ткацком искусстве на Нижнем Дунае», П. Русев (Болгария) — «Болгарский язык и передача византийской культуры на север от Дуная». В. Тыпкова-Заимова выступила с докладом «Варвары и политическая и этическая ситуация на Нижнем Дунае в конце XI в.», Е. Хрисос (Греция) прочел доклад «Византия и готы в период от Константина до Феодосия», Т. Василевский (Польша) — «Катепаникий и княжество Паристрион в XI в.», Л. Вранусис (Греция) привел тексты и документы о Валахии, извлеченные из рукописей и архивов метеорских и других греческих монастырей; Д. Тюдор (Румыния) сообщил о новых археологических находках в византийской крепости Сукидава и т. д.

Большой научный интерес представляли доклады, зачитанные на заседаниях семи указанных выше специальных секций конгресса. В общей сложности здесь было прочитано свыше ста докладов. Не имея возможности остановиться в этой статье даже на тех из них, которые заслуживают наибольшего внимания специалистов, мы ограничимся лишь краткой характеристикой докладов доменных византинистов, а также выборочным перечнем докладов зарубежных ученых.

В секции кодикологии, палеографии и дипломатики из советских ученых выступили с докладами Н. В. Сивиница, О. А. Белоброва, Э. Г. Самодурова.

Н. В. Сивиница в докладе «Русские автографы Максима Грека» сделала сообщение об определенных ею в собрании Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве русских автографах Максима Грека, дающих ценный материал для исследования его литературной деятельности в России и позволяющих подготовить новое критическое издание сочинений Максима Грека.

О. А. Белоброва зачитала доклад «Чудеса в Софии Константинопольской в древнерусской литературной традиции». Отметим, что среди известий древнерусских письменных и литературных источников о Софии Константинопольской значительное место принадлежит сказаниям о якобы совершавшихся там чудесах, докладчица остановилась на анализе малоизученного рассказа о «чуде» Афанасия Василева, побывавшего в Константинополе в качестве турецкого пленника в начале XVII в. На основании всей суммы рассмотренного материала О. А. Белоброва сделала вывод об устойчивости сложившегося на Руси и ставшего традиционным образа Софии Константинопольской как оплота православия.

В докладе *Э. Г. Самодуровой* «Об изучении византийского рукописного наследия в СССР (1945—1971)» был дан обзор работ советских ученых за последние 25 лет по изучению греческих рукописей, хранящихся в собраниях Советского Союза, а также охарактеризованы задачи и основные направления в исследовании византийского рукописного наследия в СССР.

На заседаниях 1-й секции *Л. Политис* (Греция) прочел доклад о греческих исследованиях последнего времени в области кодикологии, *О. Крестен* (Австрия) — о применении статистических методов в кодикологии при датировке греческих рукописей позднего Ренессанса; *П. Канар, А. Жакоб, Ж. Леруа* (Ватикан) сделали доклад об изучении греческих рукописей Южной Италии, *С. Рудберг* (Швеция) сообщил о греческих манускриптах, хранящихся в Швеции; *Э. Вранцуси* (Греция) рассмотрела дорсальные пометы византийских актов, *В. Атсалоу* (Греция) — термины, относящиеся к переплету греческих рукописей; *П. Александер* (США) выступил с докладом об исторических интерполяциях в славянской рукописи попа Драгола, *С. Маслев* (Болгария) сделал критические замечания к пониманию текста некоторых писем архиепископа Феофилакта Охридского; *М.-Л. Конкасти* (Франция) высказала свои соображения по поводу издания Иоанна Златоуста Монфоконом; *Б. Шартау* (Дания) поднял вопрос о новом критическом издании «Истории» Иоанна Киннама и т. д.

В секции папирологии, эпиграфики и исторической географии зачитали доклады «Античная основа средневековых болгарских топонимов» *Г. Цанкова-Петкова* (Болгария), «Новая надпись императора Анастасия I» *К. Манго* (США) и др.

В секции нумизматики и сигиллографии с докладами выступили работники ленинградского Эрмитажа *В. С. Шандровская, И. В. Соколова* и *В. Н. Залеская*.

В. С. Шандровская в докладе «Несколько византийских печатей из коллекции Эрмитажа» доложила о результатах проведенного ею изучения именных печатей, принадлежавших представителям армянского рода Теодороканов (X—XII вв.), введя тем самым в научный оборот новые печати, легенда которых содержит неизвестные ранее данные.

И. В. Соколова в докладе «Печати Херсонской фемы» показала ценность представляемых моливдовулами данных для установления различных явлений в развитии фемной администрации (круга лиц, имевших право ставить печати, времени, когда моливдовулы с названием фем выходят из употребления, и т. д.) и датировала в пределах нескольких десятилетий ряд печатей чиновников фемы Херсон, что особенно важно для выявления изменений, происходивших в административном управлении фемы.

В. Н. Залеская выступила с докладом «Византийские амулеты и их связь с апокрифической литературой». Она рассмотрела вопросы датировки и локализации амулетов, защищавших от демонического существа Гилду; ею было выделено три группы памятников этого рода, анализ которых позволил докладчику проследить последовательную смену магических представлений, начиная от заклинаний, идущих от учений гностиков, и кончая развитой средневековой магией.

В этой секции румынские ученые сделали ряд докладов о византийских монетах, обнаруженных на территории Румынии: *Б. Митреа* — о кладе византийских монет VII в., найденных в Западной Валахии, *О. Илиеску* — о найденных в Румынии византийских разрезанных монетах, *Г. Бордея* — о византийских монетах VI—VII вв. в Добрудже. *М. Карамессини-Икономидис* (Греция) выступила с докладом о монетах эпирского деспота Михаила II, *Ф. Герасимов* (Болгария) посвятил свой доклад византийским золотым монетам с граффити, *С. Моррисон* (Франция) предложила свое объяснение девальвации византийской монеты в XI в.

Весьма насыщенной была программа заседаний секции «Археология и искусство». Из советских ученых здесь выступила с докладом «Защитные листы некоторых рукописей Матенадарана с миниатюрами XI в.» *Т. А. Измайлова*. Изучение обнаруженных сотрудниками Матенадарана (Ереван) в поздних рукописях защитных листов с миниатюрами из древних кодексов позволило докладчику установить существование, помимо уже известных двух памятников так называемого «византизирующего» течения, еще четырех иллюстрированных рукописей того же направления. По мнению Т. А. Измайловой, четыре иллюстрации вновь обнаруженных листов с еще большей уверенностью позво-

ляют говорить о параллелизме (но не всегда полном совпадении) моделей в византийском и армянском искусстве; вместе с тем нельзя отрицать и прямого влияния Византии.

Ряд докладов, зачитанных на этой секции, представлял собой информацию об открытиях или новую интерпретацию тех или иных архитектурных памятников и других произведений искусства. Так, *С. Анамали* (Албания) выступил с докладом «Новые археологические данные об албано-византийских отношениях в начале средних веков», *Н. А. Бродски* (Франция) прочитала доклад «Замечания об одной важной иконографической детали во фресках «Страшного суда» Дмитровского собора во Владимире», *Р. Л. Холфелдер* (США) привел новые археологические данные о вторжениях варваров в Центральную Грецию в конце VI в., *К. Бонис* (Греция) зачитал доклад «Кирилл и Мефодий и базилика св. Димитрия в Фессалонике», *М. Джурич* (Югославия) — «Иконография донаторов в древнем сербском искусстве» и т. д.

В секции «История науки» с докладом «Из истории научных связей русской и румынской византистики» выступил *Г. Л. Курбатов*. Он проследил развитие научных контактов историков-византинистов Румынии и Советского Союза в течение последних 80 лет, отметил в этом плане деятельность Ленинградского университета.

В этой секции прочли доклады «Переписка Максима Маргуны как источник по истории гуманистических штудий в Европе» *П. Энепекидис* (Австрия), «Византийская деревня в трудах Николае Йорги» *В. Костакэ* (Румыния), «Метеорология в Византии» *В. Лакнер* (Австрия), «Проблемы геодезии в Византии» *Н. Зворнос* (Франция) и др.

В секции «Разные проблемы» выступили с докладами советские византисты *В. А. Арутюнова*, *Р. А. Наследова*, *К. А. Осипова*, *Г. М. Прохорова*, *Т. М. Соколова*.

В докладе *В. А. Арутюновой* «Политическая деятельность Филарета Варажнуни» было рассмотрено положение на юго-восточных границах Византии в конце XI в. в связи с деятельностью этого видного полководца и дипломата. Докладчица попыталась выяснить причины возникновения и гибели государства Филарета. Она выдвинула гипотезу, согласно которой временные успехи Филарета, захватившего и удерживавшего в течение более 15 лет значительные территории Сирии, Месопотамии и Киликии, объяснялись своеобразием этнической среды и той сложной политической обстановкой на юго-востоке Византийской империи, которая сложилась в это время в ходе борьбы Византии с турками-сельджуками; причины гибели крылись в провизантийской политике Филарета, его вмешательстве в дела армянской церкви и непопулярности среди армян, составлявших большинство населения на подвластной ему территории.

Р. А. Наследова в докладе «Владельческая запись греческой рукописи № 348 из собрания ГИМ» впервые дала анализ этой весьма редкой по своей обстоятельности записи, сделанной в XV в. на полях Патерика Павла его владельцем, и показала ее культурно-историческую значимость.

В докладе *К. А. Осиповой* «Система земельных изъятий в Византии X—XI вв.» была подвергнута анализу занимавшая видное место в византийской налоговой системе практика изъятия общинных заустевших земель. Докладчица показала губительность этой практики для общинного землевладения в империи и ее роль в процессе формирования феодальной собственности на землю. Она остановилась также на вопросе о времени введения этой системы и пришла к выводу, что класы появились во второй четверти X в.

В докладе *Г. М. Прохорова* «К вопросу об отождествлении «хион» было предложено новое решение давно занимающего ученых вопроса о так называемых «хионах». Докладчик с большой долей убедительности показал, что «хионе» были караимами, и восстановил в общих чертах тот исторический путь, который проделало через века и страны это религиозно-рационалистическое движение (вплоть до Новгорода и Москвы, где оно проявилось в ереси жидовствующих в XV—XVI вв.).

Т. М. Соколова в докладе «Византийская сатира (опыт типологической характеристики)» попыталась показать, что сатира как один из жанров средневековой греческой литературы не имела в Византии подражательного характера и отнюдь не оставалась косной и неизменной.

В секции «Разные проблемы» *Б. Панов* (Югославия) прочел доклад «Богомилское движение в Македонии в письмах Феофилакта Охридского», *С. Антольяк* (Югославия) — «Кем мог быть Иоанн Скилица?», *Ю. Думмер* (ГДР) — «К проблеме языкового барьера между Византийской империей и соседними народами».

Всего на конгрессе в течение пяти рабочих дней было зачитано около 300 докладов. Успешной работе конгресса в значительной мере способствовала его хорошая организация, осуществленная Румынским организационным комитетом во главе с *М. Берзой*. Научное обсуждение докладов было существенно облегчено благодаря заблаговременной рассылке текстов пленарных докладов и обеспечению всех делегатов конгресса в день его открытия резюме докладов, вынесенных на секционные заседания. Правда, до предела уплотненная программа секционных заседаний, затягивавшихся зачастую сверх установленного времени, ограничивала возможность развертывания широких прений. Обсуждения и дискуссии специалистов по прослушанным докладом сплоско и рядом проходили уже в кулуарах, в частных беседах.

На конгрессе, в одном из залов Бухарестского университета, была развернута большая выставка книг по византиноведению, вышедших за последние 5 лет. Она представляла собой по существу настоящий библиографический обзор всей византино-

ведческой литературы, появившейся в странах, где идут исследования в этой отрасли науки. Выставка наглядно показала усиление внимания византинистов к публикации текстов и документов. На советской выставке была представлена научная литература по истории Византии и смежным дисциплинам, вышедшая с 1966 по 1971 г. в Москве, Ленинграде, Свердловске, в Грузии и Армении. Можно лишь сожалеть, что на ней не было, как это имело место на некоторых выставках других стран, проспектов о работах, которые готовятся к печати и должны выйти в свет в ближайшем будущем.

Во время работы конгресса происходили заседания Международной ассоциации византинистов, на которых были рассмотрены как организационные, так и научные вопросы. Вновь был переизбран и пополнен состав руководящих органов Ассоциации. Президент Ассоциации Поль Лемерль в связи с преклонным возрастом отказался от своего поста и был единодушно избран почетным президентом Ассоциации.

Президентом Ассоциации был избран ее бывший генеральный секретарь Денис Закипинос, генеральным секретарем — итальянский ученый Агостино Пертузи. Старейший румынский ученый-византинист Василе Греку был избран почетным президентом, а генеральный секретарь Организационного комитета XIV Международного конгресса Михай Берза — вице-президентом.

Был рассмотрен вопрос о членстве в Ассоциации ГДР и ФРГ и принято единодушное решение о раздельном представительстве каждой страны.

На заседаниях Ассоциации рассматривался вопрос об издании международного Корпуса византийских источников. Был заслушан доклад председателя международной комиссии по изданию этого Корпуса Г. Хунгера. В принятом по этому вопросу решении подчеркивалась необходимость усиления научных контактов международной комиссии по изданию Корпуса византийских источников с национальными комитетами стран — членов Ассоциации. В этих целях национальным комитетам было поручено выделить по одному представителю от каждой страны, который бы осуществлял необходимую координацию работы.

Принято решение об издании под эгидой Ассоциации Корпуса миниатюр византийских рукописей. Это начинание осуществляется по инициативе австрийской Академии наук под руководством О. Демуса и Г. Хунгера. В комиссию по изданию Корпуса был избран В. Н. Лазарев. Было высказано пожелание о включении в этот Корпус миниатюр греческих рукописей всех стран, в том числе СССР.

По инициативе Э. Криараса (Греция) и А. Банди (США) было принято решение об издании византийского греческого лексикона. Создана международная комиссия по его изданию, в состав которой вошли крупнейшие филологи ряда стран.

Французский ученый В. Лоран обратился в Ассоциацию с просьбой оказать ему содействие в получении фотокопий коллекции византийских печатей, хранящихся в ленинградском Эрмитаже и необходимых для завершения издаваемого им Корпуса всех византийских печатей.

На заседаниях Ассоциации был рассмотрен вопрос о месте будущего XV Международного конгресса византинистов. По результатам голосования (было предложено два места — Вена и Кипр) было принято решение, что очередной конгресс состоится в 1976 г. на о. Кипре.

Было решено, что в 1975 г. в Сан-Франциско на XIV Международном конгрессе исторических наук будут проведены заседания секции византистики. Для определения тематики как конгресса на Кипре, так и секции византистики на конгрессе в США в 1973 г. на о. Хиосе намечается провести заседание Международной ассоциации византинистов.

По предложению Национального комитета византинистов СССР, в 1974 г. в Москве будет проведен Международный симпозиум по спорным проблемам социально-экономической истории Византии.

Р. А. Наследова

* * *

В 1968 г. во Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР, Москва) была начата работа по укреплению византийских миниатюр на пергамене. Работа эта проводилась на материале Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) в Ленинграде. При помощи новых синтетических материалов (водной эмульсии сополимера винилацетата с 2-этилгексил-акрилатом и фторопластов на органических растворителях) была укреплена живопись нескольких фрагментов и рукописей, среди которых — евангелие греч. 118 («Евангелие Димитрия Палеолога»), евангелие греч. 21 («Трапезундское евангелие») и евангелие с апостолом греч. 101 (1 т.). Самым сложным случаем явилась реставрация миниатюр и орнамента рукописи греч. 101, где, наряду с укреплением красочного слоя, потребовалось также распрямление значительно деформированного пергамена. Распрямление было произведено способом «отдаленного увлажнения», практикующимся в Отделе реставрации ГПБ, по в данном случае несколько измененным. В процессе реставрации этой рукописи было выявлено наличие записи в миниатюрах, что позволило устранить противоречия в атрибуции письма рукописи и ее миниатюр. Над методом укрепления миниатюр работали реставратор Г. З. Быкова и химик А. В. Иванова. Над выявлением записей работали сотрудники отдела физических исследований ВЦНИЛКР.

И. П. Мокрецова

ПУБЛИКАЦИИ

АЛЕКСЕЙ МАКРЕМВОЛИТ¹РАЗГОВОР БОГАТЫХ И БЕДНЫХ²

Что сказали бы бедные богатым и что богатые ответили бы им.

(Перевод и комментарии М. А. Поляковской).

Бедные. До каких пор мы будем терпеть вашу жадность: (разве) люди — братья и не братья по выбору? До каких пор общий для всех Отец будет терпеть, взирая, как вы присваиваете себе то, что принадлежит всем? Доколе он не проявит своего гнева и не сотрясет землю, глядя на нас, умирающих от мучительной бедности, и на вас, имеющих более, чем нужно человеку, и зарывающих это в землю? Она же, общая для всех мать, совершенно не вынося этого, справедливо сотрясается, стремясь поглотить тех, кто поступает так. Хоть она и не имеет души, но не желает, приняв обратно, держать то, что однажды уже было исторгнуто из ее недр, а хочет, чтобы это попало в другие желудки, в наши.

Вспомните же, что претерпевали в древности те, кто лишал бедняков, подобных нам, ее плодов. Или вы не видите внутренней общности³ тел, когда из-за отдельной части испытывает страдания целое? Или, отсекая (себя) мечом бессердечности от нас, вы, естественно, совсем не ощущаете нашей боли и остаетесь бесчувственными? Ведь даже и сама природа⁴ проявляет алчность⁵ и враждебность всякий раз, когда видит, что отдельные части подвергнуты недугу. Пусть вас убедят (в этом) современники Ноя, уничтоженные водой из-за невоздержанности в страхах⁶; или содомляне, из-за любви к наслаждениям сожженные огнем, спустившимся сверху⁷; или египтяне, из-за властолюбия которых были скрыты тьмой воздух и море⁸; или современники Дафана и Авира, которых земля, разверзнувшись, поглотила из-за честолюбия⁹, ибо можно сказать, что целое¹⁰ испытывает отвращение к частям, пораженным подобными болезнями, и, охваченное гневом, по повелению создателя¹¹ беспощадно уничтожает их, чтобы и самому не быть оскверненным ими.

Даже удивительно, что вы не присваиваете вообще всю природу, а только золотой песок, который вы собираете и прячете в норах, подобно тому как ничтожные мыши¹² — крошки или муравьи — зернышки. Пожалуй, вы и владеете всей природой одни, но она, не желая способствовать несправедливости по отношению к нам, как это было сказано, часто выходила из своих границ¹³, потому что она дана в общее пользование и (даже) неразумные существа не исключаются природой из получения части. Как же вы одни хотите владеть теми вещами, которые дает природа?¹⁴ Или вы не видите несущественности и напрасности их — (вещь) быстро переходит от одних к другим и затем опять легко перемещается в другие (руки)? Господь милостив, ибо если бы вы смогли овладеть и солнцем, вы бы не сочли нас достойными наслаждаться им.

Как же вы наслаждаетесь тем, что принадлежит общему Отцу, а скорее — нам, — и не стыдитесь? Если отличаетесь от нас добродетелями — хорошо, но и это не было бы справедливо, ибо творящие добродетели должны подражать божьей справедливости. Если же этого нет, то как вы не содрогаетесь при мысли¹⁵ о том, какой гнев¹⁶ общего Отца поднимается, когда природа выносит вам обвинение (в грехах) против нее и добавляет к этому то, что от вас зависит жизнь и смерть братьев — и вы беззаботно к ним относитесь? Смерть от голода все называют невыносимой и самой тяжелой из всех смертей: душа, лишенная подходящей ей пищи, поступающей извне, в силу необходимости поедает тело, так же как огонь пожирает сосуд, поставленный на него, когда находит его пустым. Вот поэтому мы томимся от зависти, хоть это и грешно, видя вас, имеющих многое, не сочувствующих нашим невзгодам и не спешащих погасить сжигающее нас горнило бедности¹⁷ каким-нибудь небольшим даянием¹⁸, а нам и случайного было бы достаточно.

Свет не может быть назван светом, если он, появляясь, не рассеивает тьму; также и богатство, которое не уничтожает бедность, нельзя назвать богатством, а крайней бедностью и лишением, ибо не насыщается тот, кто следует жалкому выбору. У того, кто страдает от жажды и не видит воды, ум не испытывает страданий сверх того; тот же, кто видит воду, которую ему запрещено пить вместе с другими¹⁹, испытывает двойные и даже многократные мучения и молит, чтобы ее или совсем не было, или чтобы не видеть

ее (ему) своими глазами. Как никто не назовет цветок розой только по его обманчивому виду, не слыша запаха, как никто не назовет вином то, что не пьянит, хлебом то, что не укрепляет сердца, огнем то, что не горит, водой то, что не дает прохлады и не утоляет жажды, так и богатством нельзя назвать то, что не кормит бедного.

Или вы не стыдитесь, слыша, как относятся язычники²⁰ к бедным единоплеменникам и пленникам из нас — почему никого из них они не считают недостойным надлежащей помощи? Это нелепо, что евреи и магометане человеколюбивы и милосердны, а ученики Христа, по природе человеколюбивого и милосердного, бессердечны и скупы по отношению к единоплеменникам. Ведь благодаря нам вы пользуетесь благами в этом мире и получите их в будущей жизни, если будете милосердными.

Б о г а т ы е. Но нет такого обычая — кормить даром тех, кто не служит²¹.

Б е д н ы е. А какую же вы несете службу господа за то, что вы получили? Разве вы сами не обязаны следовать заветанному? Разве вы ежедневно не оскорбляете (его) всеми вашими делами и словами? Разве существующее положение вещей вы неразумно не считаете нормальным? ²² Разве не вступаете вы в незаконную связь с «дочерьми» — соломоновыми пиявицами? ²³ Разве вы самодовольно не презираете нас из-за (ваших) предполагаемых ²⁴ почестей и не испытываете отвращения (к нам), как к жукам и мышам? А ведь позднее вы оставите (это) в силу необходимости и придете голыми на Суд, не взяв с собой ничего, кроме корзины из колодца²⁵.

Мы же много и тяжело трудимся, но никакой или почти никакой выгоды не получаем. Вы же получаете большую прибыль и при малых затратах труда. В самом деле, мы находимся в большом отчаянии и видим, что многие наши достоинства презираются вами: в торговой сделке никто (из вас) не хочет принять в уплату за продаваемый товар самое прекрасное из всего, что человек взял у Бога, без чего нельзя познать Бога и отличить добро от зла, без чего мы были бы более жалки, чем недоноски, и имели бы спутником рождения смерть. Но разве не благодаря только этому ²⁶ мы ²⁷ и живем хорошо, спасаемся, властвуем над всей природой, хотя мы так слабы, превосходим всех земных четвероногих и сближаемся с ангелами и богом?

Б о г а т ы е. Каким же образом мы оскорбляем вашу честь и достоинство?

Б е д н ы е. Предпочитая духовной пище телесную, духовной и небесной радости — плотскую и земную, из которых первая обращает к душе, вторая же погрязает в нищетах²⁸. Подобно тому, как душа выше тела, так и дарующий слово превосходит предлагающего хлеб.

Б о г а т ы е. Значит, так уж определено, что вы всегда терпите неудачи и ужасно страдаете²⁹; нам же во всех делах сопутствует успех.

Б е д н ы е. Но это спорно, мудрейшие. Если это так, то все богатые — хорошие люди, ибо их богатство от Бога, а все бедные — плохие, так как они отвергнуты Богом. Однако это не так, совсем не так, ибо с нами не случилось такого несчастья — быть брошенными самим Богом. Не будете же вы упорствовать, утверждая такую нелепость, и предполагать, что бедные отвергнуты Богом, который их благословлял и, более того, считал своими братьями. И как же иногда случается, что богатые теряют (все) и бедствуют? Каким образом наслаждающиеся здесь всеми радостями на том свете лишаются их? Средства же приобретения денег ясны для умного человека. Одни становятся богатыми благодаря знанию или торговле, другие — через воздержанность или грабеж, многим помогает разбогатеть власть, отцовское наследство или иные подобные средства. Другие же беднеют, наоборот, вследствие противоположных причин.

Если вы хотите переплыть спокойно море жизни, посмотрите на нас благосклонно и отгрузите часть клади с ваших торговых судов в наши лодки, чтобы ведомые Богом и мы, и вы смогли достичь гавани спасения — тогда и ваш корабль не утонет из-за своей тяжести, и наши лодки не будут раскачиваться из-за своей легкости³⁰.

Б о г а т ы е. Но этим вы ничего не доказываете, о несчастные, ибо целое руководит частью, а не наоборот. Так солнце лишает зрения того, кто бросает на него прямой взгляд.

Б е д н ы е. Но мы, о добрые люди, лишились всего вплоть до самой ничтожной частички, кроме голых тел с их страданиями и нищетой, так что вам уже нечего у нас взять, так же как Аполлону у слепого³¹. Прекратим же эти напрасные жалобы ³²; спуститесь лучше вместе с нами в горнило постоянно сжигающей бедности; оставшись нетронутыми огнем, как три отрока в вавилонской печи³³, вы будете сопричастными, как и те, нашей влаги³⁴, ибо не желает общий для всех Отец называться несправедливым из-за вашей алчности и безмерной несправедливости. Разве вы не видите, что получается, когда часть³⁵, движимая алчностью, захватывает место, принадлежащее остальным? Разве вместе со своим не уничтожает она одновременно и то, что захвачено, и не несет погибель живому?

И разве не достаточно ясное свидетельство того, что вы отворачиваетесь от вашей же природы, когда вы избегаете брака с нами, не хотите посидеть с нами за общим столом и поговорить? Но какой вред был бы нанесен вашей природе, если бы вы посидели и поговорили или вступили в родство через брак с бедным, но честным человеком? Разве вы не знаете, что сын Бога жил среди людей и считал это за честь, а не за бесчестье? Разве бывает оскорблено естество павлина, если ему случается есть вместе с галкой? Вы же считаете, что совершается беззаконие, когда вы общаетесь с бедными. Но там лишь общность материи, здесь же общность облика и природы. Вы же знаете, что

мы состоим не только из материального, но и из духовного — мы все благородного происхождения в равной степени. Не стоит, признавая полностью первое, питать отвращение к бесплотному, к тому, чем человек по возможности более всего уподобляется богу.

Почему мы не используем брак для того, чтобы обеспечить добродетельность и святость, а используем его для торговли и мошенничества? А ведь именно при таком образе действий неумеренные люди очень часто ошибались и приводили к разорению своих детей и дела. Как же должны поступать ничего не имеющие девушки? Разве они не вынуждены развращать души вместе с телом из-за вашей алчности? Хотя было бы более надлежащим, чтобы бедная девушка выходила замуж за богатого жениха и наоборот. Благодаря этому исчезла бы бедность, которая, по-моему, вызывается к жизни не какой-то иной причиной, а именно бракосочетанием с себе подобными. Смешением же противоположностей можно было бы избежать этих крайностей и достичь необычайно целительной середины.

Чтобы не были уничтожены равным образом и мы, и вы — отдайте нам часть ваших излишков, дабы не превратились они в червя, который будет глотать вас в вечности — подобно манне небесной в Израиле, собранной сверх необходимого и оставленной на завтра³⁶. Уважайте и нашу общую природу, и то, что физическое и духовное передают свою долю всему. Как же получается, что они³⁷ сами своим не пользуются, но предоставляют пользоваться и обеспечивают всех? Кормите нас так, как вы кормите своих собак, и одевайте нас так же, как своих коней. Или лучше — делайте это для Христа через нас, так как он берет на себя все, что случается с нами. Испытайте стыд перед тем, кто кормит вас своею плотью, и не украшайте тела коней серебром в то время, как наши члены, являющиеся сокровищами Христа, вы видите обнаженными, истощенными от голода и окостеневшими от холода. Как же вытерпит это тот, кто отказывает себе самому ради нас? Достаточно вам того, что Господь выбрал вас и дал вам лучший жребий. И если действительно дающий превосходит берущего и если вследствие этого дающий человек получает почет и считается справедливым, точно так же и тот, кто охотно получает взаимы и избегает уплаты, считается грешником.

Может ли роскошь быть вашей, а пища для поддержания жизни — нашей, как глаза — нашими, а горло — вашим, виноград — нашим, а урожай — вашим? Вашим является тонкое вино в золотых кубках, а нашим — прокисшее старое вино в глиняных кружках. Вам — прекрасные златотканые одежды, нам — власяницы. Вам — различные изысканные кушанья, нам — грубый хлеб и соленая рыба. Вам — золотые монеты наилучшего качества, накопленные в изобилии в деревянных ларцах, нам — оболы из серебра и меди, да и те рассчитаны на каждодневное пропитание. Все ваше — для удовольствий, наше — для удовлетворения нужд и телесных надобностей. Вам даны неистощимые богатства, нам же удел — бедность.

Будьте довольны — вы можете говорить, что вам вздумается: все прислушиваются к вашим словам, склоняя ухо, что бы вы ни говорили. Вы восседаете всегда на конях в окружении прихлебателей и льстецов; что ни день — вы в'ослепительных одеждах; вы устраиваете празднества и увеселения; у вас постоянно роскошный стол; вы имеете богатые спальни, привлекающие глаз; в них заморские ткани, шитые золотом и серебром, иноземные цветные ковры. Вас окружают толпы друзей, восхваляющих вас, и свита слуг. Вы имеете дорогие купальни; о вашей жизни заботятся лучшие врачи, для вас — лучшие лекарства, благовонные мази и душистые корни из Египта. У вас приятные жилища — вы наслаждаетесь в хорошую погоду нежнейшим ветерком (с крыш) ваших трехэтажных домов³⁸. У вас — первые места в собраниях³⁹, изобилие вещей и связанные с ними наслаждения, всеобщее благоговение и почитание, немедленное исполнение ваших желаний и множество всякого добра со всех концов земли и моря. Мы же, проводящие свою жизнь в постоянной нищете и бедности, не принимаем участия ни в одном из этих (удовольствий). Вапа одежда меняется в соответствии со временем года и погодой, на нас же всегда одни и те же нищенские рубища, которые мы случайно имеем, — грязные и кишачные паразитами. И еще хуже — другие неотвратимые кары ожидают нас, если мы не благодарим за все эти лишения. Вы же надеетесь на царство (божие), если посмотрите на нас с состраданием.

Воздайте⁴⁰ же нам, измученным, на которых время обрушило с яростью тяжелый свой молот — беспорядочное поведение своих собственных детей, так чтобы общий наш Отец, преобразив ваши души, воздал им сияние. Если вы сделаете что-то для наших тел, за это получите вы наслаждение для ваших душ от нашего общего Отца⁴¹. Будьте благосклонны к нам в своем изобилии, как друзья и братья, хотя вам это и неприятно и вы не хотели бы слышать о нас. Ведь никто не будет другом и братом бедняку, если не возникнет необходимости в нашем занятии — да едва ли даже и тогда: тот, на кого была обращена милость, оказывается забытым (вашим) сердцем, словно он умер.

Однако хотя мы и кажемся вам низкого происхождения из-за отсутствия собственности⁴², но как часто мы оказываемся вам полезными. Так как мы отличаемся от вас по состоянию, а не по природе, вы неизменно нуждаетесь в нашей помощи. И действительно — ведь из нашей среды выходят пахари, строители домов и грузовых кораблей, ремесленники, на которых держатся все города. А кто выходит из вашей среды? Придется сказать, хоть это и неприятно вам: азартные игроки и сибариты, люди, приносящие общие бедствия своей алчностью, приводящие к смуте города и увеличивающие

нужду. Правитель государства ⁴³, чтобы не осквернить и себя этой грязью, должен был бы принять решение, угодное Богу, и изгнать из правительственного дворца тех, кто не заботится о своих подданных.

Б о г а т ы е. Много насмешливых слов по отношению к нам дерзко бросили вы, тунеядцы. Большинство из этих насмешек относится к двум крайностям⁴⁴, породившим воровство, пьянство, тупоумие, клеветничество, зависть и убийство. Вы же несправедливо приписываете это середине.

Б е д н ы е. Да, но и мы тоже никогда от этих крайностей не взяли ни обоба и ничего другого из насущного. Когда одни не имеют вследствие зла даже необходимого и разделяют наше несчастье, другие же по своей бессердечности никогда не посмотрят на нас благосклонно, если не придет к ним некий посланец от Харона ⁴⁵ — тогда они с трудом вспоминают о нас. Во все же другие времена мы рассчитываем на ваше сочувствие, к которому мы и обращаем смело слова.

Б о г а т ы е. Но если мы поделим с вами свое богатство, наши дети станут покормить на вас.

Б е д н ы е. Но сохраняет силу, о удивительные, духовное слово, гласящее: «вы не знаете, кому все это (богатство) собираете»⁴⁶. И не поощряет божественная заповедь тех, кто молит Бога о пище на каждый день, а сам захватывает и копит. Даже дети евреев не поступали так, когда возлагали надежду на Господа⁴⁷. Эта заповедь справедливо запрещает думать о будущем тем, кто не знает, что с ними произойдет в течение часа⁴⁸. Не разрешает думать об этом и господня притча о земле богача, давшей хороший урожай ⁴⁹. Как будет Отец духовный ⁵⁰ проявлять заботу о ваших детях, когда они являются причиной бедности других людей? И Он, будучи самой справедливостью, разумеется, ревностно относится к тем детям, о которых знает, что они лишены необходимого попечения, — тем он справедливо оказывает свое покровительство и делает достойными и заметными тех, которые не имели достаточного внимания земных отцов.

Или не учит вас то, что вы видите каждый день, — насколько выше ваших детей, наследующих богатства, те, кто паги и нуждаются, но осеяны заботой Провидения, которую никто из здравомыслящих не променял бы на все богатства Креза. Почему же ради своего духовного спасения вы не предоставляете нам за наши труды часть, полагающуюся нам по закону, а передаете это в конце концов вашим детям, все делая с пристрастием. Разве вы не слышали о тех добродетелях, за которые Даритель предоставляет свое царство? ⁵¹ Если бы (Он делал это) ради сыновей и дочерей, то хорошо, но поскольку (Он это делает) для нас, то напрасна ваша надежда ⁵². Только через сострадание к нам вы обретете бессмертные покои. Вследствие же безмерных воздаяний самим себе ⁵³ вы будете безжалостно подвергнуты карам.

Б о г а т ы е. А если придет старость со всеми ее недугами или если случится какое-нибудь несчастье на путях жизни и золото нам не поможет, разве тогда мы тотчас же не погибнем самой позорной смертью?

Б е д н ы е. Конечно, нет — ведь есть Христос вместо золота. К нему мы всегда обращаем взор, благодаря ему мы существуем и живем. И он благотельно удовлетворяет нужды тех, кто предпочитает верховное земному ⁵⁴. Ибо, по словам его, за верховным неизбежно следует земное, как за телом следует тень. Разве вы не понимаете, что подобное рассуждение ⁵⁵ удаляет из души надежду на Бога и уменьшает веру и щедрость Бога? Ведь опыт научил нас, что крепкая надежда лучше, чем то, что другие держат в руках. Ибо Он властен во всем: и из лишенной влаги скалы заставил течь воду⁵⁶, и малыми хлебами тысячи людей накормил ⁵⁷. Но ваше своенравие, неверие и нетвердость вашего духа сдерживают руку, управляющую всем.

Были бы мы в пустыне, легко было бы ему тотчас и нас накормить, как некогда неблагодарных евреев. Он же, испытывая вашу прощипательность и послушание, из-за вас лишал часто всего необходимого нас, чтобы вы нашли спасение, сострадательно относясь к нам.

Б о г а т ы е. Но многие и из вас, о превосходные, достаточно имея, не перестают жаловаться из жадности: некоторые же выставляют голыми части тела в зимнее время, симулируя крайнюю нищету, и скрежещут зубами, чтобы возбудить сочувствие в тех, кто взирает на это, а из-за них не верят и не имеющим ничего, и они гибнут от голода.

Б е д н ы е. Но они не выдумывали бы таких вещей, вредных для их жизни, если бы вы были более расположены к благотворительности. Кроме того, запрещает заповедь тем, кто, подражая богу, творит милосердие, при этом много рассуждать и проявлять нескромность, и учит любить нас как самих себя⁵⁸.

Б о г а т ы е. Но почему вас не трогают наши несчастья? Или, как видно, вы не знаете гнева правителей по отношению к нам, коварства и вражды равных нам, ползущей зависти против имеющих большой успех? А сколько у нас мыслей о приумножении наших владений, но, с другой стороны, сколько опасений относительно того, чтобы сохранить все это! А вы считаете нас счастливыми именно по этим причинам. Но ведь гораздо труднее сохранить богатство ⁵⁹, чем приобрести его. Знайте, что не в роскоши заключается удовольствие, а в том, чтобы иметь душу свободной от мыслей, беззаботно спать. А нам мешает мысль о богатстве и подозрения наполняющего со всех сторон страха, когда и душа, и тело погружаются в отчаяние.

Что же большинство из вас, несносные лжецы? Разве не из лени предпочли они бедность, которую бы не променяли на нервейшие почести, если кто-нибудь захотел бы их от этого избавиться?

Б е д н ы е. Но не стоит вот из-за таких (людей) презирать тех, кто несчастен по другой причине; напротив, из-за их бедствий нужно более благодетельствовать и истинно милосердному не должно избегать протянутой руки. Вспомните, о трижды счастливые, как в давние времена люди, богатые, как и вы, будучи сострадательными, не могли видеть жалкого зрелища, которое представляли собой люди, изнуренные различными болезнями, старостью, бедностью и горестно блуждавшие по городу. Для них имелись постоянные дворы, дома для престарелых, больницы, сиротские приюты и другие подобные заведения. Они ⁶⁰ благородно думали и о беднейших девушках, и о школах для сирот и детей бедняков, и об устройстве невест, и обо всем другом, в чем нуждались бедные. И воздух в то время не был наполнен стонами никого из них.

Б о г а т ы е. Но вы не принимаете во внимание, добрые люди, благополучия дел, столь значительного в то время, когда процветала наша империя и вера. Тогда мы владели самыми дальними землями, нынче же у нас не осталось провинций⁶¹. Вы забываете, что тогда нам были подчинены все те народы, от которых сейчас мы зависимы во всем. Таким образом, управляющее миром провидение ведет дела то к успеху, то к неудаче ⁶² и передает власть от народа к народу. Более того, тогда не было ни бедного, ни пленного. Теперь же, пожалуй, все — илоты и трижды плененные. И что можем сделать мы, немногочисленные по сравнению с большим множеством народа? ⁶³ И если раньше, когда было найдено какое-нибудь сокровище, правитель не забирал его, а устанавливал пользоваться им тому, кто его нашел ⁶⁴, то теперь из-за нужды забирают даже имущество умершего, ибо доходы их ⁶⁵ уменьшились.

Б е д н ы е. Были же, были и тогда бедные, хотя и не столь много, и всегда будут, как Христос, сама Истина, провозгласил когда-то ⁶⁶, и никогда нищие не исчезнут. Если не пленения, то грабежи, жадность, сиротство, кораблекрушения и другие несчастия в жизни, следующие одно за другим, создают их. Ведь нужда так же неизбежна в мироздании, как необходимы основные части тела ⁶⁷. Она многочисленна, как и они, богатство же скудно, ибо оно разрушающе действует на добро. Если много теперь появилось бедняков и пленных вследствие бесчисленных бед, должна была появиться и у вас большая склонность к состраданию. Нынешнее время требует этого лекарства к спасению. И этого было бы достаточно, чтобы ввести вас в хор всех мучеников, особенно тех, которые отказались от необходимого. А поскольку вы скоро в связи с уходом (в другой мир) оставите (все), дайте нам займы, а лучше — через нас — общему нашему Господу, и за это вам будет вверено обладание большими богатствами.

Кроме того, знайте, что мы принимаем ваши благодеяния не безвозмездно, но сразу же воздаем вам благодарности, благословения, похвалы, чтим вас и превозносим, уступаем вам место и обращаемся к вам, почти как к богам. Мы же этого не просим, а требуем от вас вернуть нам наше. Ведь ради нас Господь вручил вам эти (богатства). Вот поэтому, отклоняя жертву ⁶⁸ по отношению к нему, Он немудимо требует милости по отношению к нам. Он произносит бесчисленные слова об этом и обещает через это полное прощение грехов и участие в его царстве. И над многими ⁶⁹ ставит Он того, кто справедливо управляет вверенным ему.

Дайте же нам наше, или, вернее, дайте общему Отцу. Ведь Он принимает, если мы протягиваем руку. Он не гнушается брать в долг свое собственное как чужое и возвращает назад с лихвой. Если же вы щеовательно даете в долг тому, кто дал (вам), Он передает полностью все другим, более благоразумным и верным управителям, которые не только о своем добре пекутся, но будут добросовестно заботиться и о тех, ради которых они получили. И это естественно, что Он приносит бедность тем, кто плохо управляет делами, болезнь — злоупотребляющему здоровьем, распрю вносит в коварную дружбу, рабство взамен пагубной для души свободы. И Он избытком мудрости делал лучшими путем противоположностей тех, кто пользовался добром не по-хорошему. Так многие из вас страдали, будучи отвергнутыми из-за пороков⁷⁰.

Б о г а т ы е. Знаем, знаем это и мы лучше вас, голые софисты. Но когда наши близкие не слышат звона золота, они никогда не проявляют заботы о нас — ни друг, ни сосед, ни брат, ни кто-нибудь другой. И не думают они, что мы достойны священной церемонии после смерти. Не будут бороться различные церкви за (право) свершения нашего погребения. Нас не примут пышные и достойные могилы, не будет псалмов и песнопений, хвалебных речей ораторов, множества свечей и собрания сановников при выносе тела, ни криков родственников, ни слез их, ни биений в грудь, ни погребальных причитаний оплакивающих (нас) женщин. Нам не окажут чести всем этим, и долго мы будем лежать непогребенными⁷¹, как будто нас проклиjali, и все будут отворачивать от нас глаза. И только потом когда-нибудь те, которым понадобятся наши дома, не будучи в состоянии выносить запаха, смешают наш прах с землей, не воздавая почестей.

И вот, чтобы не быть лишними всего этого, чтобы избежать такой жизни и таких похорон — ведь это известно вам по опыту — поэтому вполне разумно, что мы любим золото и ценим его выше самих душ. Обладание им и его сохранение наиболее желанно везде. И мы решаемся все претерпеть ради него.

Бедные. Но что за честь, наилучшие, в крокодиловых слезах, в похоронах и могилах, принявших ваши имена, по сравнению с вечной обителью, где ваши души будут подвергнуты вечным пыткам и наказаниям. Из могил прах ваш часто выбрасывался врагами, а прах недостойных и нечестивых, бывает, покрывает могилы героев. И что это за слава, имеющая в основе выгоду и наследство? И какой вред от утраты этого имеющему милосердную душу и помещающему богатства и призвание на небесах и не совершившему поступка, достойного слез?

Люди вдохновенные учат нас, что для оставляющих этот мир нет чести выше доброго имени, каков бы ни был ранее их образ жизни и какая бы часть созданного мира не приняла их⁷². Они даже провозглашают, что скромные похороны как бы являлись провозвестником прекрасного воскресения. Устойте же его и вы, подражая милосердному Христу в его благосклонности и любви к людям, его же есть слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь⁷³.

КОММЕНТАРИИ

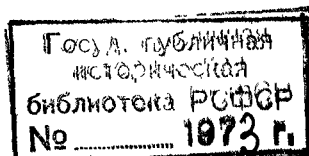
- ¹ О личности византийского писателя XIV в. Алексея Макремволита и его сочинениях см.: *K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 160; А. Пападопуло-Керамевс. Алексей Макремволит. — ЖМНП, ч. CCCXXI, 1899, январь, стр. 19 (аннотация К. Крумбаха на заметку Пападопуло-Керамевса — ВЗ, Bd VIII, 1899, S. 555—556); G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 218; I. Sevcenko. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor». — ЗРВИ, 6, 1960, p. 187—202; С. В. Полякова. Из истории античного романа в Византии (Толкование на «Лукиа или осла» Алексея Макремволита). — В кн.: «IV Всесоюзная конференция по классической филологии. Тезисы докладов». Тбилиси, 1969, стр. 37—38.*
- ² Греческий текст «Разговора между богатыми и бедными» и его английский перевод опубликован И. Шевченко по рукописи Sabbaiticus 417 Иерусалимской патриаршей библиотеки. *I. Sevcenko. Op. cit., p. 203—215; 216—228.* Издатель предполагает, что рукопись является авторским оригиналом. Приводимый выше «Разговор» представляет собой перевод основного текста без *variae lectiones*. В русском переводе сочинение Алексея Макремволита публикуется впервые.
- ³ В тексте — τὴν συμπάθειαν.
- ⁴ Вероятно, Алексей Макремволит видел в τὰ πρῶτα σώματα нечто общее. В нашем переводе это место передается словом «природа».
- ⁵ Под алчностью, видимо, следует понимать насильственность.
- ⁶ Имеется в виду сказание о всемирном потопе: «Бытие», гл. 6 и 7; см. также «Евангелие от Матфея», гл. 24.39.
- ⁷ «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и (все) произрастания земли». — «Бытие», гл. 19.24—25 (библейские тексты здесь и далее приводятся по русскому синодальному изданию — СПб., 1892); см. также «Второзаконие», гл. 29.33; «Книга пророка Иеремии», гл. 50.40. «Книга пророка Иезекииля» гл. 16.49; «Книга пророка Амоса», гл. 4. 11; «Евангелие от Луки», гл. 17.29; «Второе соборное послание св. апостола Петра», гл. 2.6; «Соборное послание св. апостола Иуды», гл. 1.7.
- ⁸ Пример взят из «Второй книги Моисеевой»: «Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле египетской три дня». — «Исход», гл. 10.22; см. также «Псалтирь», пс. 104.28.
- ⁹ Речь идет о Дафане и Авире, упоминаемых в Четвертой книге Моисеевой: когда восстали они против Моисея, «... разверзла земля уста свои и поглотила их и дома их...» — «Числа», гл. 16.32, 26.10; «Второзаконие», гл. 11.6; «Псалтирь», пс. 105.17.
- ¹⁰ Здесь «целое», «общее» названо автором не τὰ σώματα, а τὰ καθόλου.
- ¹¹ «Евангелие от Матфея», гл. 5.29—30: «... лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну»; см. также гл. 18.8; «Евангелие от Марка», гл. 9.43.
- ¹² Возможен перевод — «некие неведомые мыши» (τινες ἀφανεῖς μῦες). В переводе И. Шевченко — «маленькие мыши» (little mice — p. 217).
- ¹³ Алексей Макремволит, вероятно, имел в виду землетрясение 1343 г. Димитрий Кидонис относил землетрясение ко времени, предшествующему движению зилотов (PG, 109, col. 652). См. также прим. 1 и 2 к переводу И. Шевченко (p. 216—217).
- ¹⁴ В тексте: τὰ ἐκ τούτων. Подразумеваются τὰ πρῶτα σώματα, которые мы переводим словом «природа» (см. прим. 4.).
- ¹⁵ Более точно — думая, размышляя, вдумываясь (ἐννοοῦντες).
- ¹⁶ В переводе И. Шевченко — вечный гнев (everlasting wrath — p. 217).
- ¹⁷ Вернее — камни бедности (τὴν φλογίζουσαν ἡμᾶς κἀμινον τῆς πενίας).
- ¹⁸ В тексте — поступление, доход (ἀθήματα).
- ¹⁹ Точнее — но удерживаемый от получения доли.
- ²⁰ В тексте — οἱ ἐξ ἐθνῶν.

- ²¹ Богатые намекают на известное изречение апостола Павла: «Кто не хочет трудиться, тот не ешь». — «Второе послание к фессалоникийцам св. апостола Павла», гл. 3.10.
- ²² Эта фраза отсутствует в переводе И. Шевченко.
- ²³ «Книга притчей Соломоновых», гл. 30.15. Под дочерьми Соломона подразумеваются любовь к наслаждениям, тщеславие и жадность к деньгам. Сравнение людей, охваченных страстью к наживе, с пиявицей ненасытной (τῆς βδέλλης) — общее место византийской публицистики. См., например, энкомий Льва Диакона в честь императора Василия II (§ 12): . . . κόρον κατὰ τὴν ἀπληστον βδέλλαν οὐκ ἔχουσαν. — Перевод энкомия см. в статье М. Я. Сюзюмова — АДСВ, вып. 7. Свердловск, 1971.
- ²⁴ Точнее: вы предполагаете почести (ὀπολαμβάνετε τίματα).
- ²⁵ Возможны два толкования этого места «Разговора»: «не взяв с собой ничего — словно черная корзина воду из колодца», или «не взяв с собой ничего, кроме корзины (с едой) и (воды) из колодца». У И. Шевченко — «корзину, воду из колодца» (р. 218).
- ²⁶ Речь идет о духовных проявлениях человеческой природы.
- ²⁷ То есть — люди вообще.
- ²⁸ «Евангелие от Марка», гл. 7.19.
- ²⁹ Следует понимать: судьбой Разума всегда является нищета; см. *I. Ševčenko. Op. cit.*, р. 219, п. 7.
- ³⁰ Образ моря, корабля и ладьи часто используется в византийской литературе. Ср. *П. В. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 86; А. П. Каждан. Никифор Хрисоверг и Николай Месарит. Опыт сравнительной характеристики. — ВВ, XXX, 1969, стр. 108.*
- ³¹ Образ понятен без оговорки: Апполону, богу света, нечего отнять у слепого.
- ³² Точнее — оправдания — (ἀπολογιῶν).
- ³³ Имеется в виду рассказ пророка Даниила о трех мужах вавилонских — Седрахе, Мисахе и Авденаго, брошенных Навуходоносором в печь за то, что они не поклонялись золотому истукану. — «Книга пророка Даниила», гл. 3.
- ³⁴ Речь идет о том влажном ветре, который был послан Господом, чтобы спасти в пещи огненной Седраха, Мисаха и Авденаго, — «Книга пророка Даниила», гл. 3.50.
- ³⁵ Точнее — элемент, стихия (στοιχεῖον).
- ³⁶ «Исход», гл. 16.19—20: «И сказал им Моисей: никто не оставляй сего до утра. Но не послушали они Моисея, и оставили от сего некоторые до утра, — и завелись черви, и оно восмердело».
- ³⁷ Подразумеваются духовное и физическое начала.
- ³⁸ Как отмечает И. Шевченко, трехэтажные дома были символом богатства (*I. Ševčenko. Op. cit.*, р. 221, п. 10.).
- ³⁹ «Евангелие от Матфея», гл. 23.6—7; «Евангелие от Марка», гл. 12.38—39; «Евангелие от Луки», гл. 11.43, гл. 20.46.
- ⁴⁰ Точнее — восстановите (ἀναπλάσατε).
- ⁴¹ Точнее — не тело и «душа», а «то, что вне нас» (τὸν ἐκτὸς ἡμῶν) и «то, что внутри вас» (τὸν ἐντὸς ὑμῶν). О внешнем и внутреннем человеке см. «Первое соборное послание св. апостола Петра», гл. 3.3—4; «Второе послание к коринфянам св. апостола Павла», гл. 4.16; гл. 4.16; «Послание к эфесянам св. апостола Павла», гл. 3.16.
- ⁴² В тексте — διὰ τὴν αὐλίαν.
- ⁴³ В тексте: ὁ τοῦ κοινοῦ προστάτης.
- ⁴⁴ Имеются в виду крайние полюсы общества — безмерное богатство и нищета.
- ⁴⁵ Посланец от Харона — Гермес Психопомп, провозвестник смерти, препровождавший души к Харону.
- ⁴⁶ «Псалтирь», пс. 38.7; «Книга пророка Иеремии», гл. 17.11; «Евангелие от Луки», гл. 12.20.
- ⁴⁷ «Исход», гл. 16.17; «Второе послание к коринфянам св. апостола Павла», гл. 8.15.
- ⁴⁸ «Откровение св. Иоанна Богослова», гл. 3.3: «. . . Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя». См. также «Евангелие от Матфея», гл. 24.42, 25.13; «Евангелие от Марка», гл. 13.33.
- ⁴⁹ «Евангелие от Луки», гл. 12.16—21. См. также «Псалтирь», пс. 38.7; «Евангелие от Матфея», гл. 6.19—20.
- ⁵⁰ «Числа», гл. 16.22.
- ⁵¹ «Евангелие от Матфея», гл. 5.3; «Евангелие от Луки», гл. 6.20: «Блаженны нищие духом, ибо ваше есть царствие Божие».
- ⁵² Смысл этой фразы: если бы и Господь это делал ради своих сыновей и дочерей (т. е. всех людей), тогда можно было бы оправдать поступки богатых, оставляющих наследство только своим детям. Но царство Божие принадлежит по заповеди лишь нищим (духом).
- ⁵³ Следует понимать: своим детям.
- ⁵⁴ «О горнем помышляйте, а не о земном» — «Послание к колоссянам св. апостола Павла», гл. 3.2; см. также «Евангелие от Матфея», гл. 6.33; «Евангелие от Луки», гл. 12.34; «Первое послание к Тимофею св. апостола Павла», гл. 4.8. В греческом тексте не «духовное» и «земное», а *κατὰ* и *ἀπὸ*.
- ⁵⁵ Т. е. рассуждение о пользе золота.

- ⁵⁶ «... ты ударишь в скалу, и пойдет из нее вода, и будет пить народ». — «Исход», гл. 17.6; см. также «Числа», гл. 20.11; «Псалтирь», пс. 77.16; пс. 104.41; «Книга Премудрости Соломона», гл. 11.4.
- ⁵⁷ «Евангелие от Матфея», гл. 14.16—21; «Евангелие от Марка», гл. 6.37—44; «Евангелие от Луки», гл. 9.13—17; «Евангелие от Иоанна», гл. 6.5—13.
- ⁵⁸ «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, по любви ближнего твоего, как самого себя»: «Левит», гл. 19.18; см. также «Евангелие от Матфея», гл. 5.43, гл. 22.39; «Евангелие от Марка», гл. 12.31; «Послание к римлянам св. апостола Павла», гл. 13.9.
- ⁵⁹ В тексте — ταῦτα.
- ⁶⁰ Имеются в виду богатые (в тексте — οἰτοί).
- ⁶¹ Точнее — территорий провинций (ἐδαφος σατραπείας).
- ⁶² В тексте — ἀνω καὶ κάτω.
- ⁶³ В тексте «народ» — πλῆθος. В соответствии с общим смыслом фразы речь, по-видимому, идет о бедняках, о беднейшей части населения империи.
- ⁶⁴ См. термин *εἰρεσις δημοῦ*: G. Ostrogorskij. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 110, n. 1. В соответствии с законами Юстиниана и Василия сокровище принадлежало тому, кто нашел его на своей земле. При Андронике II этот закон был изменен в интересах фиска; см. I. Sevčenko. Op. cit., p. 225, n. 17.
- ⁶⁵ Имеются в виду правители, власти.
- ⁶⁶ «... ибо нищие всегда будут среди земли (твоей); потому и я повелеваю тебе: отвержай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей». — «Второзаконие», гл. 15.11; см. также «Евангелие от Матфея», гл. 26.11.
- ⁶⁷ Поскольку в тексте — τὰ σόματα, возможно предположение, что автор говорит об основных элементах мира.
- ⁶⁸ «Ибо я милости хочу, а не жертвы...»: «Книга пророка Осии», гл. 6.6; см. также «Евангелие от Матфея», гл. 9.13, гл. 12.7.
- ⁶⁹ «В малом ты был верев, над многим тебя поставлю...»: «Евангелие от Матфея», гл. 25.21.23.
- ⁷⁰ «Из-за пороков», точнее, — «как дурные» (ὡς ἀδίακριτοι).
- ⁷¹ ἄπτοι.
- ⁷² Т. е. каковы бы ни были их могилы.
- ⁷³ Сразу после публикации «Разговора между богатыми и бедными» он привлек внимание исследователей. См. аннотацию А. П. Каждана — ВИ, 1960, № 10, стр. 193—194. В работах, посвященных истории поздневизантийского общества, появились отдельные замечания по поводу материалов источника и ссылки на него; см.: М. Я. Сюзюмов. Противоречия между плебейскими массами и зилотами в 1342—1348 гг. в Фессалониках. — «Седьмая Всесоюзная конференция византистов в Тбилиси. Тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 37; «История Византии», т. 3. М., 1967, стр. 12, 140; М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 26—27; Г. Л. Курбатов, В. И. Рутенбург. Зилоты и чомпи. — ВВ, XXX, 1969, стр. 20; Э. Франчес. Исчезновение корпораций в Византии. — ВВ, XXX, 1969, стр. 44; С. Р. Kyrris. Éléments traditionnels et éléments révolutionnaires dans l'idéologie d'Alexios Makrembolitès et d'autres intellectuels byzantins du XIVe siècle. — «XIVe Congrès international des études byzantines. Résumés — Communications.» Bucarest, 1971, p. 35—37. В названных работах имеются разногласия в оценке категорий «бедных», «богатых» и «средних» по «Разговору» Алексея Макремволита [в связи с этим следует назвать интересный доклад М. Молла «Бедные и средневековое общество», представленный на XIII Международном конгрессе исторических наук. (М., 1970)]. Несомненно, что после публикации «Разговора» характеристика социальных отношений в поздневизантийском городе представляется невозможной без использования материалов этого яркого памятника византийской публицистики XIV в. «Разговор между богатыми и бедными» Алексея Макремволита должен стать предметом тщательного исследования как историков, так и литературоведов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века
 АЕ — Археографический ежегодник
 АН — Академия наук
 БСЭ — Большая советская энциклопедия
 ВВ — Византийский временник
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 ВО — Византийские очерки
 ГБЛ — Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина
 ГИМ — Гос. исторический музей
 ГПБ — Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ГПИ — Гос. педагогический институт
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества
 ЗРВИ — Сборник Радова. Византологический институт
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИАН — Известия АН СССР
 ИВ — Исторический вестник
 ИГАИМК — Известия Гос. академии истории материальной культуры
 ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
 ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
 ИРАН — Известия Российской АН
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 ПС — Палестинский сборник
 РИЖ — Русский исторический журнал
 СА — Советская археология
 САН — Списка Академија наука
 СВ — Средние века
 СХМ — Сообщения Гос. историко-археологического Херсонесского музея
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
 УЗ — Ученые записки
 ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
 BNgJb — Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
 BS — Byzantinoslavica
 Byz. — Byzantion
 BZ — Byzantinische Zeitschrift
 DOP — Dumbarton Oaks Papers
 ΕΕΒΕ — Ἐπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
 FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
 JÖB — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
 JÖBG — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
 JRS — Journal of Roman Studies
 KCSA — Körösi Csoma-Archivum
 MGII — Monumenta Germaniae Historica
 OrChrPer — Orientalia Christiana Periodica
 PG — Patrologiae cursus completus, ed. J.-P. Migne. Series graeca
 REB — Revue des études byzantines
 RES — Revue des études slaves
 RESEE — Revue des études sud-est européennes
 RH — Revue historique

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Статьи

<i>М. Я. Сюзюмов</i> (Свердловск). О понятии «трудящийся» в Византии	3
<i>В. А. Сметанин</i> (Свердловск). О статусе некоторых категорий париков в поздней Византии	7
<i>А. А. Чекалова</i> (Москва). Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в.	12
<i>Г. Г. Литаврин</i> (Москва). Восстание в Константинополе в апреле 1042 г.	33
<i>Э. В. Удальцова</i> (Москва). Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панийского	47
<i>В. В. Кучма</i> (Волгоград). «Тактика Льва» как исторический источник	75
<i>М. Саламон</i> (Катовице). К вопросу о дате главного сражения русских с греками в июле 1043 г.	88
<i>Я. Н. Любарский</i> (Ленинград). Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла	92
<i>В. А. Арутюнова</i> (Ереван). К вопросу о взаимоотношениях Византии с печенегами и половцами во время порманпской кампании	115
<i>Р. А. Гусейнов</i> (Баку). Сирийские источники по истории Византии XI—XII вв.	120
<i>И. П. Медведев</i> (Ленинград). К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи	129
<i>А. И. Иванов</i> (Ленинград). Максим Грек и итальянское Возрождение	140 ✓
<i>Г. Н. Чубинашвили</i> (Тбилиси). К вопросу о начальных формах христианского храма	158
<i>А. Л. Якобсон</i> (Ленинград). Некоторые закономерные особенности средневековой архитектуры Балкан, Восточной Европы, Закавказья и Средней Азии	166
<i>М. В. Алпатов</i> (Москва). Искусство Феофана Грека и учение исихастов	190 ✓
<i>И. П. Мокрецова</i> (Москва). Новые данные о миниатюрах Евангелия греч. 101 Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде	203
<i>Б. Л. Фонкич</i> (Москва). Московская рукопись из библиотеки Иоанна Хортасмена	216
<i>Д. Л. Талис</i> (Москва). Сюреньская крепость	218

Критика и библиография

Рецензии

<i>М. Я. Сюзюмов</i> (Свердловск). Э. В. Удальцова. Советское византиповедение за 50 лет. М., 1969	230
<i>Е. Э. Гранстрем</i> (Ленинград). Новые справочники о рукописной традиции сочинений Иоанна Златоуста	231

Аннотации

<i>А. П. Каждан</i> (Москва). Reallexicon der Byzantinistik. Mit Unterstützung zahlreicher Fachgenossen herausgegeben von B. Wirth. Reihe A, Bd. I, H. 1—3. Amsterdam, 1968—1969	234
<i>А. П. Каждан</i> (Москва). Mauricius. Arta militară, ediție critică, traducere și introducere de H. Mihaescu. București, 1970	235
<i>А. П. Каждан</i> (Москва). V. von Falkenhausen. Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert. Wiesbaden, 1967	236
	287

<i>А. П. Каждан.</i> Новые книги о Константинополе	238
<i>А. П. Каждан.</i> М. Е. Hendy. Coinage and Money in the Byzantine Empire. 1081—1261 («Dumbarton Oaks Studies», XII). Washington, 1969	239
<i>А. П. Каждан.</i> L. R. Raybaud. Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire byzantine sous les premiers Paléologues (1258—1354). Paris, 1968	241
<i>А. П. Каждан.</i> Н. Hunger. Johannes Chortasmenos (ca. 1370—ca. 1436/37). Briefe, Gedichte und kleine Schriften («Wiener Byzantinische Studien», Bd. VII). Wien, 1969.	242
<i>Б. Л. Фонкич</i> (Москва). P. Canart e V. Peri. Sussidi bibliografici per i manoscritti greci della Biblioteca Vaticana. Città del Vaticano, 1970	244
<i>В. А. Гавериленко</i> (Львов). Византийская сфрагистика в отечественной историографии	245

Хроника

<i>К. А. Осипова</i> (Москва). Византиноведение на XIII Международном конгрессе исторических наук	251
<i>З. Г. Самодурова</i> (Москва). IX Всесоюзная византиноведческая сессия в Ереване	256
<i>Р. А. Наследова</i> (Москва). XIV Международный конгресс византинистов в Бухаресте.	266

Публикации

✓ <i>М. А. Поляковская</i> (Свердловск). Алексей Макремволит. Разговор богатых и бедных	278
---	-----

Список сокращений	286
-----------------------------	-----

Византийский временник, том 33

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории АН СССР

Редактор *Б. Л. Фонкич*. Редактор издательства *Ф. Н. Арский*.
Художественный редактор *Н. Н. Власик*. Технический редактор *Н. Н. Плохова*.

Сдано в набор 8/VI 1972 г. Подписано к печати 8/IX 1972 г.
Усл. печ. л. 27,3. Уч.-изд. л. 31,6. Бумага № 1. Тираж 1500 экз.
Формат 70×108 1/16. Т-12350. Тип. зак. 1163. Цена 2 р. 05 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, 9-я линия, 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
21	8 св.	Вигилянции,	Вигилянции
30	2 сл.	ПАЦАЭПОРА	ПАРАЭПОРА
47	21 »	Хроники	Хроники,
108	12 »	аффективности	аффектности
вклейка между стр. 192—193, оборот	подпись	Панселин	Панселин
215	15 св.	записывавших	записывавшим
234	4 »	unterstützung	Unterstützung